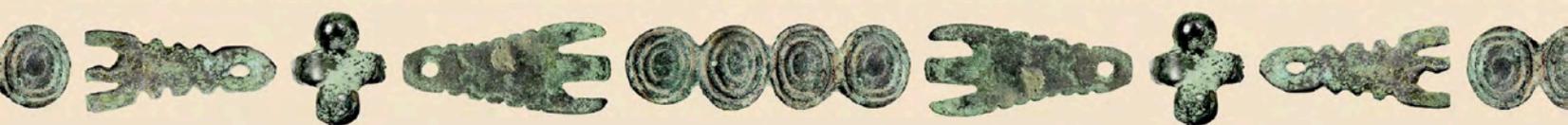

Н. В. Леонтьев
А. В. Поляков

**Памятники
карасукского времени
на территории
Минусинского района
Красноярского края**

По материалам раскопок 1965–2006 годов из фондов Минусинского
регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ЮЖНОСИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ
МИНУСИНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМЕНИ Н. М. МАРТЬЯНОВА

Н. В. Леонтьев

А. В. Поляков

**ПАМЯТНИКИ КАРАСУКСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ТЕРРИТОРИИ МИНУСИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

(по материалам раскопок 1965–2006 годов
из фондов Минусинского регионального краеведческого
музея им. Н. М. Мартьянова)

МОНОГРАФИЯ

Санкт-Петербург – Минусинск
– 2023 –

ББК 63.4(253.5):79.1(253.5)
УДК 902(571.51):379.4(571.51)
Л47

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редактор:

д.и.н. **Д. Г. Савинов**

Рецензенты:

д.и.н. В. В. Бобров, д.и.н. А. А. Тишкин

Л47 **Леонтьев Н. В., Поляков А. В.** Памятники карасукского времени на территории Минусинского района Красноярского края (по материалам раскопок 1965–2006 гг. из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова) / Н. В. Леонтьев, А. В. Поляков, ред. **Д. Г. Савинов**, рецензенты В. В. Бобров, А. А. Тишкин. – СПб., Минусинск: ИИМК РАН, 2023. – 240 с. : ил.

ISBN 978-5-6049788-7-0

Монография представляет собой публикацию материалов исследований археологических памятников периода поздней бронзы (XV–IX вв. до н.э.), раскопанных на территории Минусинского района Красноярского края в 1965–2006 гг., из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. В работе представлены как сами отчётные материалы: описания, чертежи, рисунки артефактов, так и их характеристика с точки зрения современной хронологии этого сложного, но крайне интересного периода в древней истории Среднего Енисея.

Издание предназначено для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей Южной Сибири.

ISBN 978-5-6049788-7-0

DOI: 10.31600/978-5-6049788-7-0

© ИИМК РАН, 2023
© МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова», 2023
© Н. В. Леонтьев, наследники, 2023
© А. В. Поляков, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. В. Поляков).....	4
Глава I. Краткая история изучения памятников карасукского времени на территории Минусинского района (Н. В. Леонтьев, А. В. Поляков).....	7
Глава II. Материалы исследованных памятников (Н. В. Леонтьев).....	10
1. Тагарский Остров IV.....	11
2. Кривая I.....	61
3. Кривая II.....	63
4. Минусинск-карьер.....	65
5. Минусинск II.....	75
6. Кривая VI.....	79
7. Лугавское III.....	91
8. Площадь Победы.....	109
9. Потрошилово I.....	110
10. Потрошилово II.....	121
11. Подсуханиха I.....	124
12. Подсуханиха II.....	143
13. Тесь-IX.....	166
Глава III. Современная хронология и общая характеристика исследованных памятников (А. В. Поляков).....	175
Заключение (А. В. Поляков).....	225
Список иллюстраций	227
Список литературы	233
Список архивных материалов	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

Финал эпохи палеометалла Минусинских котловин, и, как ранее было принято называть памятники этого времени, карасукская культура — тема чрезвычайно важная и актуальная. Это крайне насыщенный событиями период древней истории, который является важной вехой на пути развития народов, населявших всю Центральную Азию. Памятники этого времени многочисленны и весьма разнообразны. В Минусинских котловинах сейчас изучено уже почти 4 тыс. погребений указанного периода. Несмотря на почти сплошное их ограбление, начатое ещё современниками, в могилах сохранился многочисленный сопроводительный инвентарь, который позволяет детально изучать культурные процессы, происходившие на протяжении этого периода. Однако одна из важнейших проблем, стоящих перед исследователями, — недоступность исходного материала, т. е. результатов раскопок. Они редко публиковались, а отчёты сдавались в архив в максимально упрощённом виде, зачастую без рисунков вещей.

Так исторически сложилось, что на сегодняшний день материалы раскопок памятников афанасьевской, окуневской и андроновской археологических культур Среднего Енисея практически полностью введены в научный оборот. Опубликовано 80–90 % полученных в ходе раскопок материалов, и этот процесс продолжается. И только финал эпохи палеометалла заметно выпадает из этой общей тенденции. Результаты раскопок памятников карасукской культуры до последнего времени были опубликованы не более чем на 25–30 %. В последние годы произошёл серьёзный перелом, в первую очередь за счёт издания материалов Красноярской экспедиции. В свет вышли большие монографии, написанные по результатам раскопок могильников Кюргеннер I–II, Сухое Озеро II, поселения Каменный Лог I [Грязнов и др., 2010; Максименков, Вадецкая, 2022; Поляков, Марсадалов, Лурье, 2022]. Однако это только начало большого пути по изданию огромного массива информации, хранящейся в архивах и музеях.

Содержание данной работы представляет собой публикацию и первичный анализ материалов раскопок памятников карасукского времени с территории Минусинского района Красноярского

края, которые проводились на протяжении 1965–2006 гг., из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. В большинстве случаев автором раскопок был Н. В. Леонтьев, многие десятилетия проработавший научным сотрудником и хранителем археологических коллекций музея.

Идея этой совместной монографии сформировалась в 2011 г., когда я собирал в Минусинском музее материалы афанасьевской культуры для Свода [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. Мы были знакомы с Николаем Владимировичем и ранее, однако именно эти два месяца совместной ежедневной работы положили начало гораздо более тесному общению и появлению совместных научных планов. Идея издания принадлежит полностью Николаю Владимировичу. Он уже начал собирать для неё материал, однако его останавливало отсутствие иллюстративной части. Рисунки, выполненные в ходе подготовки отчётов, были отрывочными и недостаточного качества. Кроме того, Н. В. Леонтьев считал необходимым сопроводить публикацию материалов развёрнутым научным комментарием, написать который сам он не был готов.

В итоге нами была достигнута договорённость, что он занимается подготовкой текстов описания памятников и первичным комментарием как автор большинства раскопок. Кроме того, он написал краткую статью, рассказывающую об истории исследований памятников карасукского времени на территории Минусинского района Красноярского края. В мою задачу входило организовать «перебеловку» чертежей с имеющихся фотокопий плохого качества, а также обеспечить работу художников, которые в фондах Минусинского музея под надзором Николая Владимировича произведут зарисовку археологических предметов.

Свою часть работы Н. В. Леонтьев выполнил довольно быстро, и примерно через год у нас было описание памятников, которые планировалось включить в работу. Отсутствовали только тексты раскопок могильников под горой Суханиха, которые производились немецкими археологами совместно с В. С. Зубковым в 2003 г. и исследования под горой Георгиевской, проведённые в 2006 г. О. В. Кова-

лёвой и П. Б. Амзараковым. Предполагалось, что договорённости с ними будут заключены, когда работа будет близка к окончанию.

Это позволило запустить процесс зарисовки коллекций. В 2012–2013 гг. было отрисовано свыше 40 листов бронзы и керамики. Затем в 2013 г. начался процесс обработки чертежей и рисунков, а также подготовки иллюстраций. На этом этапе и начались основные трудности, так как заметной части материалов, как чертежей, так и рисунков вещей, не хватало. Не все чертежи были выполнены в ходе проведения раскопок, а часть из них была настолько низкого качества, что не поддавались восстановлению. Наблюдалась определённая расхоженность между текстом отчётов и хранящимися в музее коллекциями. Идущая до этого очень активно работа забуксовала и требовала значительного внимания и, главное, времени.

Именно в этот период резко возросла полевая нагрузка на возглавляемую мной Саянскую археологическую экспедицию ИИМК РАН [Александров и др., 2015]. Фактически я проводил в поле до полугода, а остальные полгода уходили на подготовку отчётной документации. Времени на научно-исследовательскую деятельность оставалось совсем немного, и приходилось концентрироваться на актуальных задачах, требующих немедленного выполнения. В результате полностью по моей вине проект этой публикации почти на десять лет лёг в стол. Отсутствие готовых иллюстраций так и не позволило мне приступить к написанию своего раздела. Николай Владимирович в силу своей врождённой деликатности и интеллигентности не поднимал эту тему, видя, насколько значительная нагрузка лежит на моих плечах.

К огромному сожалению, сдвинуть этот проект с мёртвой точки смогла только его кончина. После этого я был просто не вправе не взяться за работу, отложив все другие задачи. Николай Владимирович уже не увидит выхода из печати этой книги, однако я надеюсь, что она станет ещё одним памятником этому удивительному человеку, энтузиасту науки, отдавшему всего себя без остатка древней истории Минусинского края, который он так беззаветно любил.

В 2022–2023 гг., вернувшись к работе над этой монографией, я был вынужден полностью переработать весь иллюстративный материал. Те заготовки, которые были сделаны в 2013 г., уже морально устарели, и требовалось изменение концепции по-

дачи материала. История изучения памятников карасукского времени, подготовленная Н. В. Леонтьевым, была слишком сухой и схематичной. Я доработал её, сохранив при этом основу подачи материала, заложенную моим соавтором (глава I).

Как уже было отмечено, описание памятников и их первичную характеристику тоже готовил Н. В. Леонтьев. В отличие от предыдущей главы, я постарался минимизировать своё вмешательство в этот авторский текст, сохранив его практически в первоизданном виде (глава II). Мною были добавлены, по согласованию с авторами раскопок, за что выражаю В. С. Зубкову, О. В. Ковалёвой и П. Б. Амзаракову огромную благодарность, материалы могильников Подсуханых I–II и Георгиевский. В остальном тексте главы были вставлены только при крайней необходимости особо выделенные мои комментарии. В связи с этим читателю необходимо понимать, что в главе II все культурно-хронологические атрибуции были даны самим Н. В. Леонтьевым на основе концепции М. П. Грязнова о разделении карасукской культуры на два последовательных этапа: карасукский и каменоложский.

Наконец, глава III была полностью написана мной в 2023 г. и отражает современное видение места этих памятников на культурно-хронологической шкале периода поздней бронзы Минусинских котловин. Для этого сначала каждый из могильников был охарактеризован отдельно, а затем сформирована общая картина развития погребальной практики древнего населения исследуемого времени с учётом новейших научных данных.

Следует обратить внимание, что особенность этой монографии заключается в построении локальной хронологической колонки периода поздней бронзы, или, как сказали бы ранее, карасукской культуры, на территории Минусинского района Красноярского края. Современные исследования показывают, что именно начиная с XIII в. до н. э. наблюдается возрастающее районирование, заключающееся в появлении локальных особенностей погребального обряда в отдельных микрорайонах [Поляков, 2006 б; Лазаретов, 2006]. Причём особую роль в этих процессах играет именно место впадения реки Абакан в Енисей.

Необходимо отметить, что при описании разных памятников авторами отчётов использовались различные принципы нумерации курганов, оград и могил. Это связано с тем, что исследования велись

в разные годы и в них участвовали многие исследователи. Наиболее сложная нумерация применялась при раскопках могильников Подсуханиха I и II. Однако, учитывая необходимость соответствия монографии хранящимся в архивах отчётам и уже изданным материалам раскопанных памятников, она сохранена в том виде, в каком была представлена первоначально.

В завершение от лица авторов хотелось бы выразить особую благодарность всем тем людям, которые оказали неоценимую помощь в подготовке этого издания. В первую очередь сотрудникам Минусинского музея, которые помогли в работе с археологическими коллекциями, а на финаль-

ном этапе превратили рукопись в макет книги: С. А. Борисовой, директору музея и сотрудникам этого учреждения О. Г. Ахремчик, А. Р. Зарипову, В. Г. Чернышевой, А. Р. Ртищевой. Художникам и чертёжникам, взявшим на себя тяжёлый и зачастую малозаметный труд технической работы с иллюстрациями (Мария Никитина, Ольга Андреева, Юлия Никифорова, Юлия Каштырева, Ярослава Селезнёва). Коллегам и друзьям, поделившимся своими материалами и ценными советами в ходе её написания. Надеюсь, она будет интересна широкому кругу специалистов-археологов, изучающих сложные процессы, происходившие в древней истории Южной Сибири в начале I тыс. до н. э.

ГЛАВА I. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАРАСУКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ МИНУСИНСКОГО РАЙОНА

(Н. В. ЛЕОНТЬЕВ, А. В. ПОЛЯКОВ)

Изучение памятников карасукского времени на территории Минусинского района Красноярского края началось ещё в конце XIX в., до выделения самого понятия «карасукская культура». А. В. Адрианов в 1894 г. на Тагарском острове раскопал шесть могил под насыпями более поздних курганов [Адрианов, 1902–1924. С. 47–49; Членова, 1972. С. 36, 110, табл. 27: 1, 2; Вадецкая, 1986. С. 71, № 68; С. 74, № 21]. В том же году он исследовал ещё четыре карасукских кургана в могильнике у Тагарского озера [Адрианов, 1902–1924. С. 47; Членова, 1972. С. 112–113; Вадецкая, 1986. С. 71, № 71; с. 75, № 23]. В результате была собрана коллекция из 11 сосудов и многочисленного бронзового инвентаря, которую в дальнейшем передали в фонды Минусинского музея.

Новые поступления материалов карасукского времени в музей датируются началом XX в. Это находки из случайно вскрытых захоронений на территории самого города Минусинска и его ближайших окрестностей. Было обнаружено восемь глиняных сосудов яйцевидной формы высотой около 40 см и более. Карасукскую могилу раскопали в 1910 г. крестьяне дер. Кривой. Другую аналогичную могилу разрушили в результате распашки в 1911 г. в деревне Каменка [Вадецкая, 1986. С. 71, № 74]. При этом были собраны: сосуд, обломок бронзового ножа и разнообразный набор элементов и украшений женского костюма.

Несколько позднее исследовался могильник Лугавская I [Вадецкая, 1986. С. 75, № 28]. Пять могил раскопал в 1914 г. А. Я. Тугаринов на северной окраине с. Лугавского [Теплоухов, 1927]. Спустя шесть лет, в 1920 г., ещё одну могилу исследовал на этом памятнике Г. Мерхард [Merhard, 1926. S. 4–6, abb. 1; Членова, 1972. С. 100]. В результате был получена серия материалов из 10 сосудов, двух ножей, перстня и височного кольца.

Наконец, в середине 1920-х гг. С. А. Теплоуховым была разработана хронологическая классификация археологических памятников Хакасско-Минусинского края и выделена карасукская культура, отнесённая к эпохе поздней бронзы [Теплоухов, 1929. С. 41–62]. Эта хронологическая схема базирова-

лась преимущественно на материалах собственных раскопок С. А. Теплоухова на территории Хакасии, в основном в районе села Батени. На правом берегу Енисея в Минусинском районе в то время были известны лишь единичные вышеперечисленные памятники этого времени. Однако С. А. Теплоухов при разработке своей концепции, безусловно, учитывал их, относя к единому хронологическому горизонту.

В 1928 г. к исследованию памятников карасукского времени на территории Минусинского района приступил С. В. Киселёв. Им было раскопано 10 курганов (13 могил) в могильнике возле с. Тесь [Киселёв, 1929. С. 71–81; Вадецкая, 1986. С. 69, № 44]. Ещё 22 кургана было исследовано у заимки Усть-Тесь [Киселёв, 1929. С. 66–76; Вадецкая, 1986. С. 69, № 43]. В том же году 22 погребения раскопаны в могильниках под горой Полосатой, возле дер. Кривой: Кривинское и Кривая I [Киселёв, 1929. С. 65–66; Вадецкая, 1986. С. 71, № 72, 73]. В 1929 г. С. В. Киселёв раскопал шесть могил в четырёх курганах в могильнике у дороги из дер. Быстрой в дер. Комарково [Киселёв, 1937. С. 147–149; Вадецкая, 1986. С. 70, № 63]. Впоследствии Н. Л. Членова отнесла могилу № 1 к переходному карасук-тагарскому времени, две других (№ 3 и 4) — к карасукскому, а могилу № 2 — к лугавской культуре [Членова, 1972. С. 38, 92]. Таким образом, буквально за два полевых сезона трудами С. В. Киселёва число исследованных курганов карасукского времени на территории Минусинского района было более чем утроено. Именно эти материалы легли в основу раздела «Карасукская культура» при издании монументального труда «Древняя история Южной Сибири» [Киселёв, 1951].

В 1930-х гг. к раскопкам карасукских памятников подключился Минусинский музей им. Н. М. Мартыанова. В 1930, 1931, 1933 и 1934 гг. его сотрудники В. П. Левашёва и А. В. Харчевников вели раскопки на могильниках у дер. Быстрой, где исследовали 26 могил [Вадецкая, 1986. С. 70, № 64, 65]. В 1935 г. А. В. Харчевников раскопал одну из оград в могильнике Потрошилова, обнажённых ветровой эрозией в логу между горами Моисеихой и Суханихой, в 4 км от дер. Потрошиловой

[Вадецкая, 1986. С. 69, № 45]. В центре ограды находился каменный ящик с потревоженным захоронением взрослого человека, которого сопровождал круглодонный орнаментированный сосуд, обломки медной пронизки и кости барана.

В 1938 г. В. П. Левашёва провела раскопки позднекарасукской стоянки на берегу Енисея, в 1 км к ЗСЗ от с. Лугавского. На её площади были выявлены три котлована полуземлянок со следами деревянных конструкций и очагами в центре [Членова, 1972. С. 116–117, табл. 52, 53; Вадецкая, 1986. С. 75, № 27]. Это были первые на территории Минусинского района исследования поселенческого объекта периода поздней бронзы.

В 1939 г. В. П. Левашёва раскопала два земляных кургана на горе Думной, к югу от с. Лугавского. В одной могиле кургана 1 находился плоскодонный баночный сосуд тагарского типа, в другой — параболоидный сосуд (в обломках), украшенный тремя поясками косых оттисков гребенчатого штампа. Курган 2 имел прямоугольную каменную ограду, обставленную плитами-контрфорсами. В могиле обнаружен разрушенный скелет взрослого человека в сопровождении большого горшка на низком поддоне, украшенного четырьмя поясками гребенчатого штампа [Членова, 1972. С. 96, табл. 40: 3, 4].

В 1945 г. В. П. Левашёва раскопала два карасукских погребения: одну в могильнике на окраине дер. Николо-Петровка [Вадецкая, 1986. С. 69, № 42] и вторую возле дер. Быстрой.

В 1955 г. три полуразрушенных погребальных ящика карасукского времени раскопал М. П. Грязнов в урочище Подсуханиха [Вадецкая, 1986. С. 69, № 46]. Именно с этого года в зоне водохранилища Красноярской ГЭС начала работы крупнейшая в СССР Красноярская археологическая экспедиция. Однако в дальнейшем на территории Минусинского района она карасукские памятники не исследовала. Только уже в 1978 г. Э. Б. Вадецкая раскопала пять карасукских оград в могильнике на правом берегу речки Дальняя Чёя, в 5 км к СВ от дер. Комарковой [Вадецкая, 1986. С. 70, № 62].

В начале 1960-х гг. М. П. Грязнов на основании результатов исследования поселения Каменный Лог I [Поляков, Марсаолов, Лурье, 2022] подразделил памятники карасукской культуры на два хронологических этапа: ранний — собственно карасукский и поздний — каменноложский [Грязнов, 1965. С. 66]. В те же годы М. Д. Хлобыстина

и Н. Л. Членова выступили с диаметрально противоположной гипотезой о карасукской хронологии [Хлобыстина, 1962; Членова, 1963; Членова 1972]. Согласно их взглядам, памятники каменноложского (лугавского) типа являются более ранними по происхождению, чем карасукские, и принадлежат потомкам местного лесного и афанасьевско-окуневского населения Хакасско-Минусинского края. Памятники же карасукского типа оставлены группами пришлого населения. Взгляды М. Д. Хлобыстиной и Н. Л. Членовой во многом разделяла Э. А. Новгородова [Новгородова, 1970]. Подробнее с историей острых дискуссий сторонников М. П. Грязнова и его оппонентов можно познакомиться в работе А. В. Полякова [Поляков, 2022 а. С. 251–254].

С середины 1960-х гг. к обследованиям карасукских памятников на территории Минусинского района, но в основном только разрушающихся, вновь приступил музей им. Н. М. Мартыанова. Все работы проводились Н. В. Леонтьевым, на долгие десятилетия ставшим главным археологом музея. В 1965 г. были проведены раскопки шести оград на Тагарском острове (могильник Тагарский Остров IV или Лысуха I по своду Э. Б. Вадецкой) [Вадецкая, 1986. С. 71, № 67]. В ноябре того же года было обследовано погребение позднекарасукского времени на южной окраине дер. Кривой, разрушенное в процессе копки подвала для строящегося дома [Членова, 1972. С. 99].

В 1967 г. в котловане одного из песчаных выдувов на окраине дер. Кривой были раскопаны две обнажившихся карасукских ограды. Ещё одна ограда была раскопана в том же году у гравийного карьера на южной окраине г. Минусинска.

В 1970 г. были раскопаны три ограды, разрушаемые полотном грунтовой дороги между г. Минусинском и дер. Быстрой [Вадецкая, 1986. С. 71, № 70–71]. В котлованах песчаных выдувов к югу от дер. Кривой было обследовано несколько разрушенных позднекарасукских погребений могильника Кривая VI [Вадецкая, 1986. С. 75, № 25].

В 1971 г. в связи с началом строительства перчаточной фабрики в г. Минусинске были продолжены охранные раскопки могильника Тагарский Остров IV, начатые в 1965 г. [Вадецкая, 1986. С. 70, № 62]. Всего за два года работ в его составе было исследовано 74 могилы. На сегодняшний день он остаётся самым крупным изученным памятником этого времени на территории Минусинского района.

Необходимо особо отметить, что эти раскопки были связаны с огромными трудностями. По воспоминаниям Э. Б. Вадецкой, им с Н. В. Леонтьевым и небольшой группой энтузиастов приходилось защищать этот памятник своими телами, стоя перед ножами бульдозеров. В результате этого противостояния компромисса удалось достичь, и снос могильника был приостановлен. Однако средства на его раскопки выделены не были, и все исследования велись на личном энтузиазме и при поддержке Красноярской экспедиции ЛО ИА АН СССР.

В 1972 г. были продолжены работы на могильнике Кривая VI и начаты раскопки на могильнике Лугавское III, разрушаемом в процессе ветровой эрозии почвы [Вадецкая, 1986. С. 75, № 25, 28]. В 1986 и 1989 гг. проводились раскопки карасукских оград на окраине Потрошиловского бора, размываемых Красноярским водохранилищем.

В 1986 г. исследования могильника Георгиевский (1207 видимых на поверхности погребальных сооружений) под одноимённой горой проводил Н. А. Боковенко. В группе VIII он зафиксировал 469 карасукских оград. Для определения хронологии и сохранения разрушающихся объектов было раскопано пять оград, из которых четыре достоверно датировались автором карасукским временем и одна, ввиду недостаточности материалов, эпохой бронзы [РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1986, д. 161, л. 5–13].

С 1995 г. к раскопкам в Минусинском районе приступила совместная экспедиция Германского археологического института и музея им. Н. М. Мартьянова. С немецкой стороны руководителями являлись д.и.н. Г. Парцингер и д.и.н. А. Наглер, с российской — Н. В. Леонтьев (1995–1997 гг.) и сотрудник Хакасского госуниверситета к.и.н. В. С. Зубков (1999–2003 гг.). Раскопки велись в основном в урочище Подсуханиха, на правом берегу бывшей Потрошиловской протоки Енисея. Исследовались памятники всех хронологических периодов, и значительную долю из них составили объекты карасукского времени.

В западной части этого урочища в 1995–1996 гг. проводились работы на объекте 4 могильника

Подсуханиха IIА, где было раскопано 14 безоградных погребений каменноложского этапа, располагавшихся вперемешку с захоронениями тесинской культуры [Leont'ev, Parzinger, Nagler, 1996; Леонтьев, Наглер, 2000. С. 67–68]. В 2000 г. работы велись на карасукском могильнике Подсуханиха I, западнее каменноложских погребений объекта 4. В 2000 и 2003 гг. были исследованы три каменноложских кургана могильника Подсуханиха IIБ, расположенные в 110–115 м к северо-востоку от группы каменноложских погребений Подсуханиха IIА [Зубков, Наглер, Кайзер, 2002. С. 148–152].

В 1998 и 2000 гг. отряд Центра ОИПИК под руководством А. Ю. Тарасова проводил аварийные раскопки могильника Подгорный в г. Минусинске Красноярского края. Памятник подвергся разрушению при проведении работ по расширению городского кладбища (в 1 км к С от северной окраины г. Минусинска, справа от автодороги Минусинск — Краснотуранск). Были изучены пять могил, у четырёх из которых сохранились ограды [Тарасов, 2000; Тарасов, 2001].

В 2006 г. сотрудник Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова О. В. Ковалёва и П. Б. Амзараков провели исследования четырёх курганов (раскопано 6 могил) могильника Тесь-IX [Ковалёва и др., 2022]. Два из них за счёт размеров ограды и сохранившейся насыпи могут рассматриваться как элитарные сооружения, у которых прослежена облицовка надмогильных сооружений камнем, что позволяет реконструировать их размеры и отчасти конструкцию.

Таким образом, за более чем столетнюю историю исследований на территории Минусинского района было изучено свыше 250 могил, относящихся к карасукскому времени. Это не очень высокий показатель на фоне почти 4 тыс. погребений, раскопанных в целом на территории Среднего Енисея. Однако этого объёма материала вполне достаточно для получения общего представления о локальных особенностях памятников и процессах их развития. Анализ этих материалов совершенно необходим, так как большая его часть не была до этого опубликована.

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ (Н. В. ЛЕОНТЬЕВ)

Всего в данную работу включены материалы 13 памятников, раскопки которых проводились на протяжении 1965–2006 гг. на территории Минусинского района Красноярского края и материалы которых впоследствии поступили на хранение в Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (рис. 1).

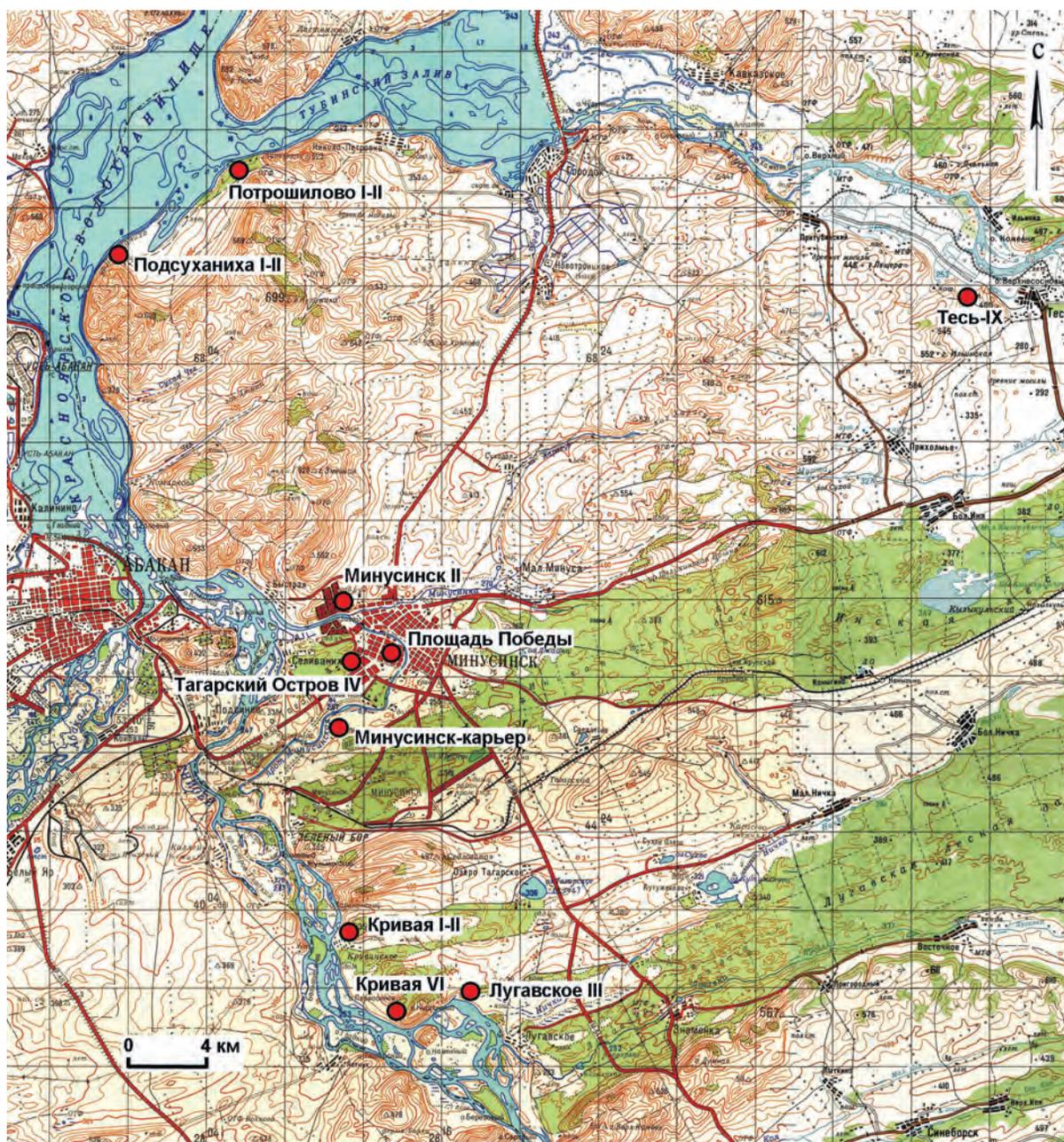

Рис. 1. Карта расположения публикуемых памятников карасукского времени

1. ТАГАРСКИЙ ОСТРОВ IV

Могильник Тагарский Остров IV расположен в северо-восточной части одноименного острова, под южным склоном горы Лысухи (поэтому в своде Э. Б. Вадецкой 1986 г. памятник называется Лысуха I. – А. П.) До начала 1970-х гг. могильник был погребён под наносными песками и полностью задернован. Только в полотне грунтовой дороги, пересекавшей поле, да в старых, вырытых с неизвестной целью траншеях прослеживались кое-где песчаниковые плиты погребальных сооружений. Могильное поле было ограничено с запада сосновым бором, а с северной и восточной сторон – понижениями уровня террасы. Ближайшие строения г. Минусинска располагались примерно в километре к востоку от могильника.

Первые исследования на памятнике были проведены музеем им. Н. М. Мартянова в мае 1965 г. Тогда были раскопано шесть оград могильника, которые разрушались полотном грунтовой дороги.

В 1971 г. территория, на которой располагался могильник, была выделена городскими властями Красноярскому краевому управлению лёгкой промышленности под строительство перчаточной фабрики. Отвод земли был осуществлён без согласования с органами охраны памятников истории и культуры. Строительство началось с рытья большого котлована под фундамент главного корпуса фабрики. Бульдозеры и скреперы в ходе вскрышных работ стали разрушать могильные ограды и погребальные ящики. Музею им. Н. М. Мартянова не удалось добиться прекращения или хотя бы приостановки земляных работ. Была лишь достигнута устная договорённость о том, что ход дальнейших земляных работы будет осуществляться под археологическим наблюдением. С помощью сотрудников ЛОИА Г. А. Максименкова и Э. Б. Вадецкой был срочно сформирован на общественных началах отряд, который насчитывал иногда до одиннадцати человек. В работе отряда принимали участие директор Минусинского краеведческого музея В. Ковалёв, студентка Ленинградской академии художеств им. И. Е. Репина Е. Степанова, студент Иркутского госуниверситета Н. Вельяминова, студент Томского госуниверситета В. Вавиленко и несколько школьников г. Минусинска. За период с 17 июля по 5 августа 1971 г. отрядом было исследовано 62 могилы в пределах котлована основного корпуса Перчаточной фабрики (рис. 2).

На первом этапе раскопок отряд был вынужден ограничиться расчистками вскрытых бульдозерами погребальных ящиков. Их ограды были разрушены при проведении траншей. Впоследствии вскрытие почвенного слоя стало производиться бульдозерами под археологическим контролем. После выявления камней оград дальнейшая их расчистка производилась в основном вручную. Из-за предельно сжатых сроков земляных работ и из-за ведения их чересполосно, отдельными траншеями части некоторых погребальных оград остались не вскрытыми. При прокладке последующих траншей велось наблюдение с целью выявления возможных пристроек к уже расчищенным оградкам. Пристройка к основной ограде осталась неизученной только в ограде 42 в связи с тем, что оба ящика в ней были кем-то хищнически раскопаны.

Для могил и погребальных сооружений могильника была принята единая порядковая нумерация, так как в каждой ограде находилось только по одной могиле. Исключение составляет ограда 13, в которой следов могилы не было обнаружено. Раскопками, очевидно, было охвачено около одной третьей части площади могильника. На остальной территории могильника городские власти не позволили проводить раскопки, хотя там тоже стали возводить строения перчаточной фабрики. Их проведение привело бы к срыву запланированных сроков строительства фабрики.

Описание могильника

Ограды 1–4. Ограда 1 прямоугольной формы 3,8 × 3,4 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит красного девонского песчаника, вкопанных на ребро (рис. 3: 1–3). Южная и восточная стенки её разрушены, от каждой из них сохранилось только по одной плите. К западной стенке ограды пристроены две небольших оградки (2, 3). Ограда 2 прямоугольная из плит песчаника, врытых на ребро, 1,3 × 1,5 м, ВСВ–ЗЮЗ. Ограда 3 неправильной четырёхугольной формы из плит песчаника, вкопанных на ребро, 1,3 (Ю) × 1,1 (С) × 1,0 м, ВСВ – ЗЮЗ. К западной стенке ограды 2 пристроена ещё одна малая ограда (4). Она квадратной формы и сооружена из плит песчаника, врытых на ребро, 1,6 × 1,6 м, ВСВ–ЗЮЗ.

Могила № 1. В центре основной ограды ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 198 × 84 (ЗЮЗ) × 76 (ВСВ) × 62 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 4: 1). Плиты

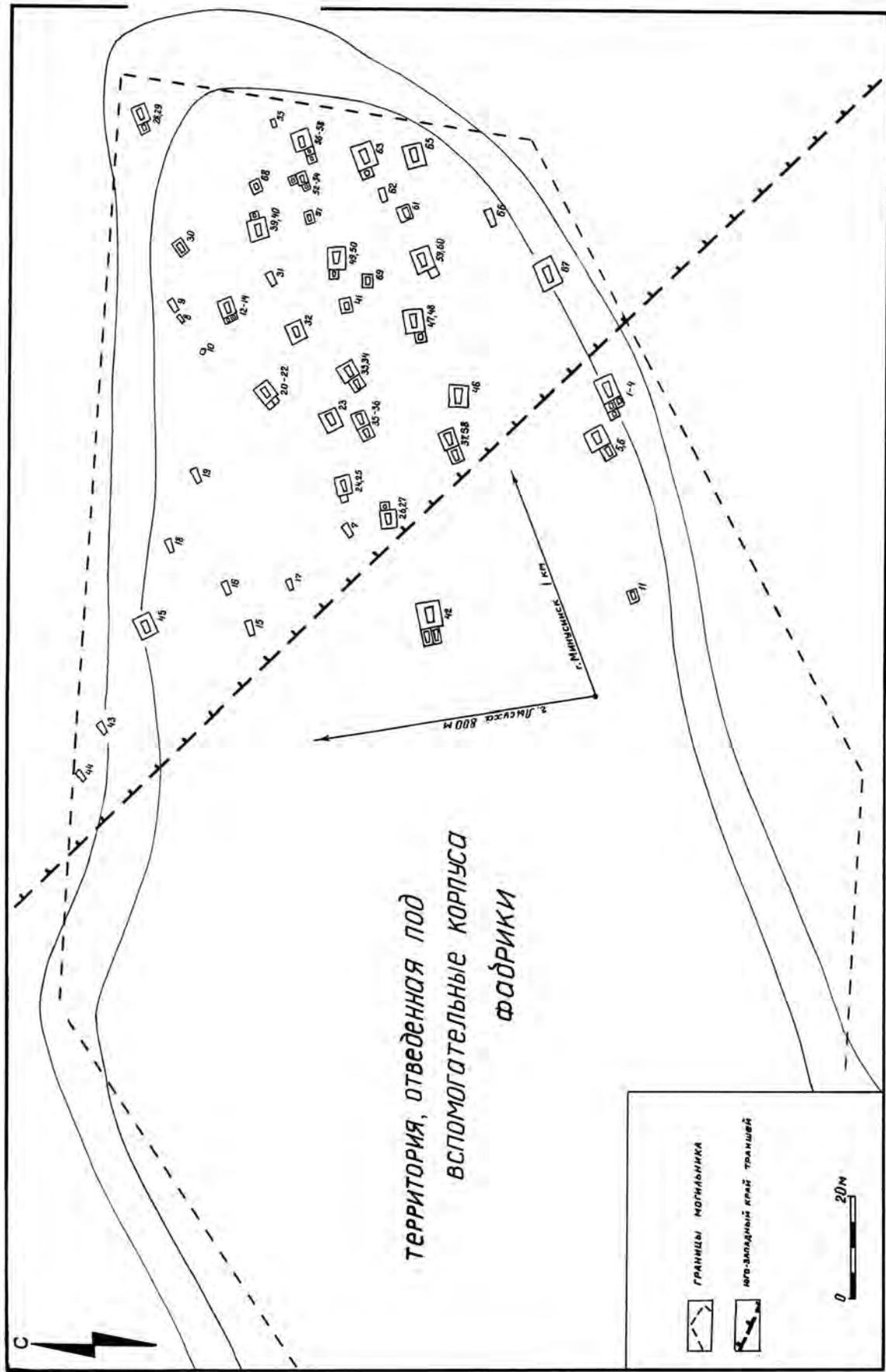

Рис. 2. План могильника Тагарский Остров IV

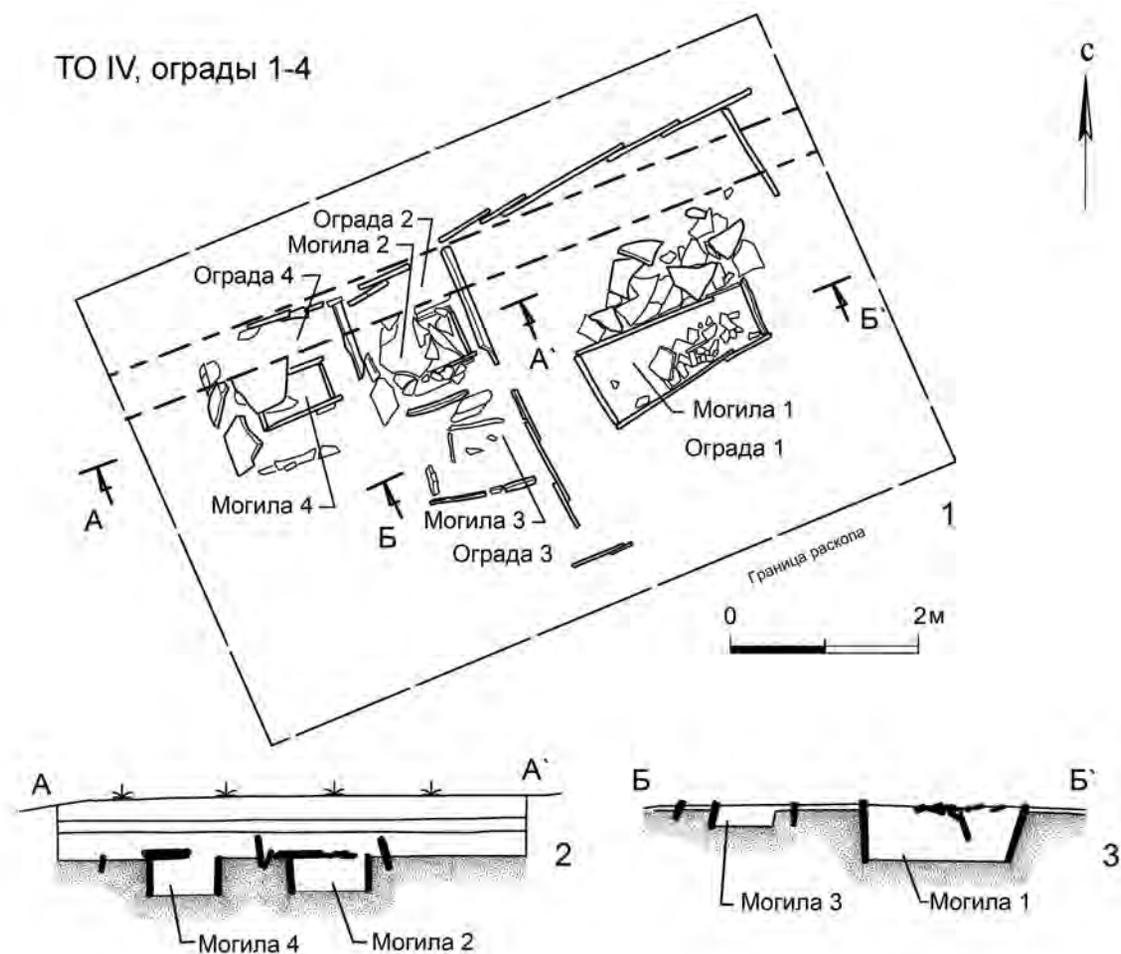

Рис. 3. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград 1-4

перекрытия сброшены. В заполнении ящика разрозненные обломки костей взрослого человека и бронзовая лапчатая привеска (рис. 4: 2). На черепе и фалангах пальцев следы медной зелени. Судя по форме ящика, погребённый был положен головой на запад.

Могилa № 2. В центре ограды 2 прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 85 × 50 × 40 см, ВСВ-ЗЮЗ (рис. 4: 3). Могила перекрыта небольшими плитами; восточная часть перекрытия разобрана. В заполнении ящика встречены разрозненные кости ребёнка, две обломки (рис. 4: 6, 7), две бронзовых пластинчатых бляшки разных типов (рис. 4: 8, 9) и кости барана (правые: бедро, плечо и три ребра). В могиле стояли два неорнаментированных керамических сосуда сферических форм, грубой формовки (рис. 4: 4, 5). Один у середины северной стенки ящика, второй — у южной стенки, ближе к юго-западному углу. Развалившийся на части череп ребёнка находился в середине могилы.

Могилa № 3. В центре ограды 3 прямоугольный ящик из поставленных на ребро плит песчаника размерами 65 × 36 × 25 см, В-З (рис. 4: 10). Перекрытие, а также южная и восточная стенки его не сохранились. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка плохой сохранности. При них найдены: обломки керамического сосуда сферической формы, орнаментированного по основанию шейки группами насечек и тремя прочерченными линиями, а по плечикам — заштрихованными треугольниками (рис. 4: 11) и два бесформенных обломка медной пластинки (рис. 4: 12, 13). Там же находились кости ягнёнка: правые лопатка, кости предплечья, бедренная, пяточная, кость предплюсны и три ребра (пять кусков мяса).

Могилa № 4. В центре ограды 4 прямоугольный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 72 × 47 × 49 см, ВСВ-ЗЮЗ (рис. 4: 14). Над западной частью ящика сохранились две плиты перекрытия. В могиле потревоженное

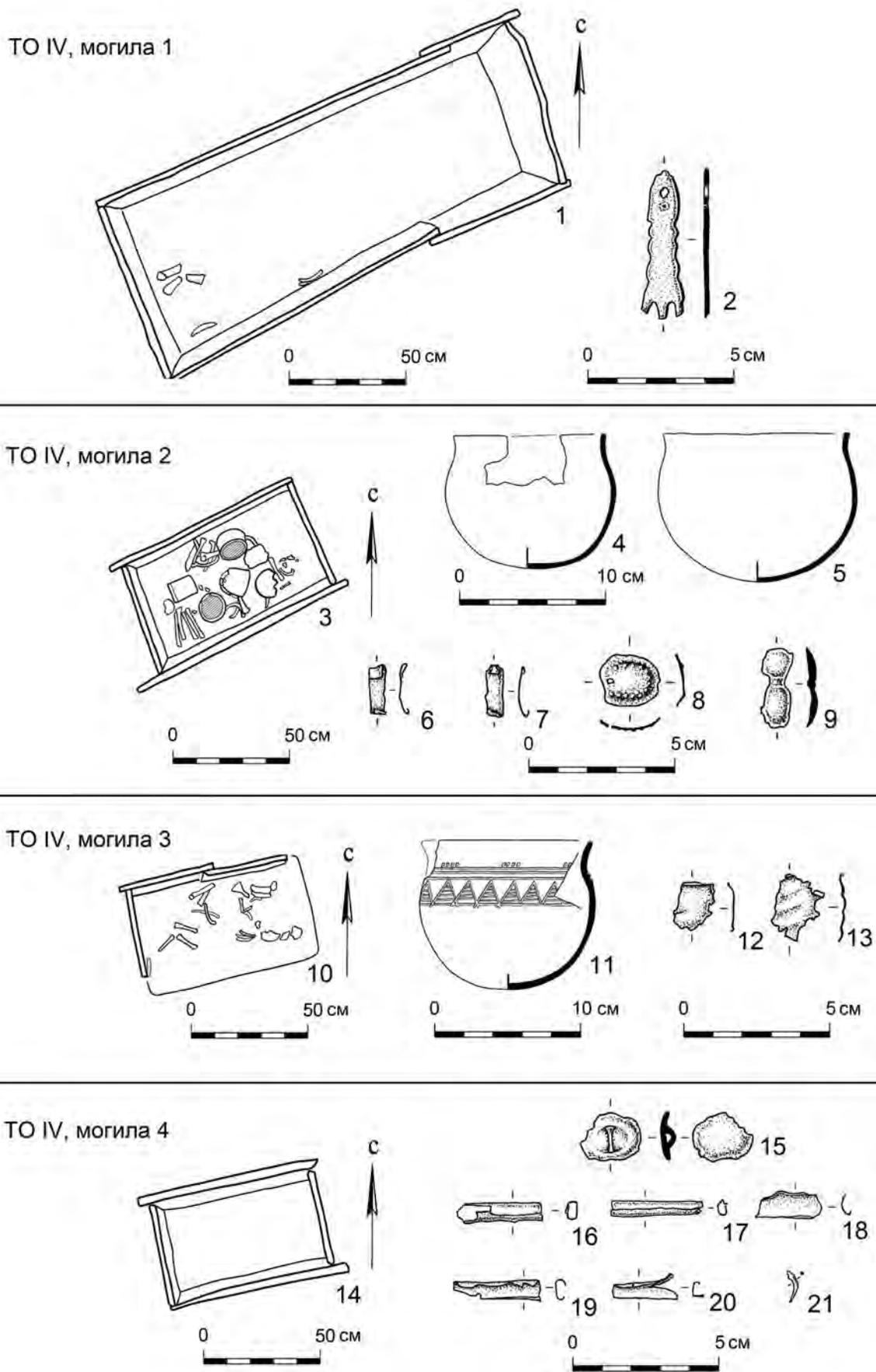

Рис. 4. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3, 10, 14) могил 1–4 и артефакты из них (2, 6–9, 12, 13, 15–21 – медь (бронза?); 4, 5, 11 – керамика)

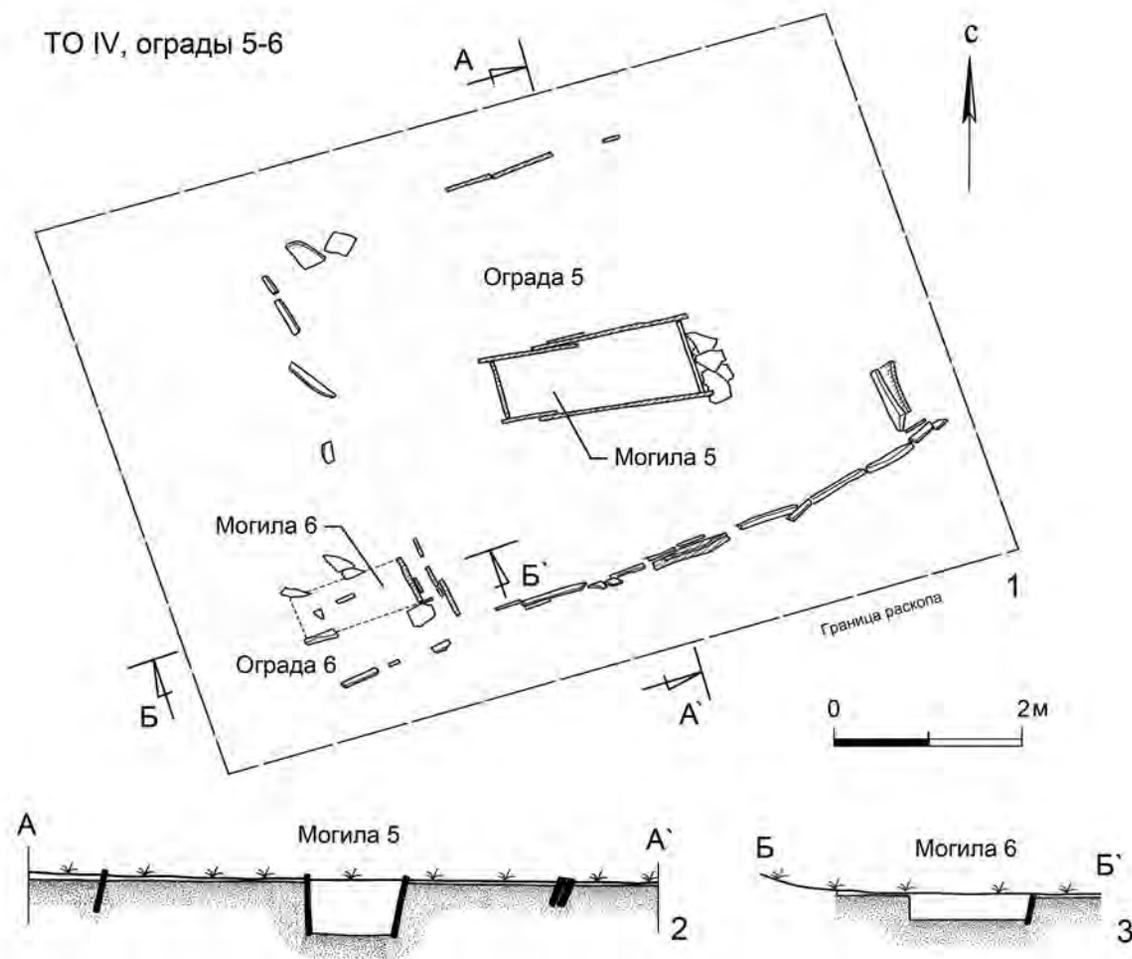

Рис. 5. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград 5 и 6

захоронение ребёнка, уложенного головой на запад. Его череп, несколько позвонков и рёбер сохранились *in situ*. В северо-восточном углу могилы находились два небольших неорнаментированных керамических сосуда сферических форм. Они были похищены под покровом темноты минусинскими подростками. У шейных позвонков погребённого лежали бляшка-пуговица (рис. 4: 15) и пять бронзовых трубчатых пронизок (рис. 4: 16–20). В заполнении могилы залежали кости овцы (левые лопатка, ребра) и маленький обломок проволочного кольца (рис. 4: 21).

Ограды 5, 6. Основная могильная ограда полуразрушена полотном грунтовой дороги. Она прямоугольная, из плит песчаника, вкопанных на ребро, размерами 5,4 × 5,1 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 5: 1–3). К южному концу западной стенки ограды пристро-

ена небольшая оградка 6. Её северная и западная стенки не сохранились, а от южной остались лишь три разрозненные плиты, врытые на ребро.

Могила № 5. В центре основной ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 210 × 104 (В) × 83 (З) × 63 см, В–З (рис. 6: 1). Плиты перекрытия отсутствовали. В заполнении ящика разрозненные кости скелета взрослого человека. На дне могилы сохранились в первоначальном положении берцовые кости и стопа одной ноги. Судя по ним, погребённый был положен на правый бок, головой к востоку. Черепа с нижней челюстью нет. В северо-восточном углу могилы стояло три керамических сосуда сферических форм. Один из них — хорошо сформованный, лощёный, украшен тремя прочерченными линиями и группами вдавлений в шахматном порядке (рис. 6: 2), второй — тремя линиями, лощёный (рис. 6: 3),

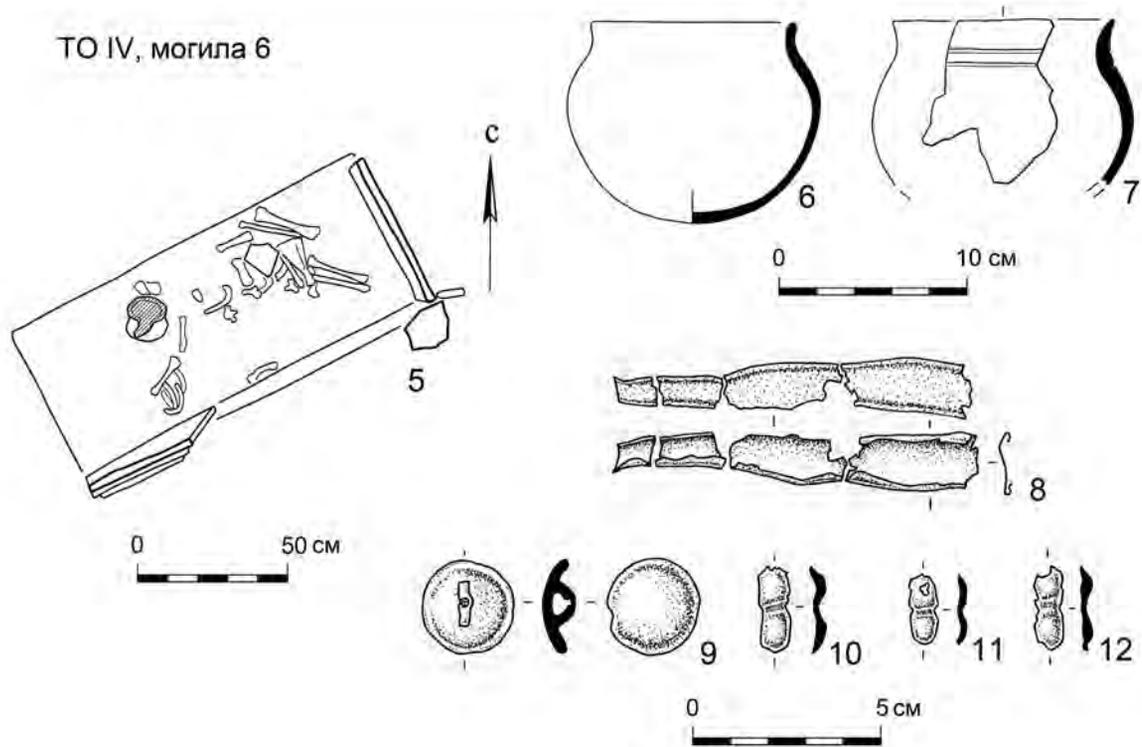
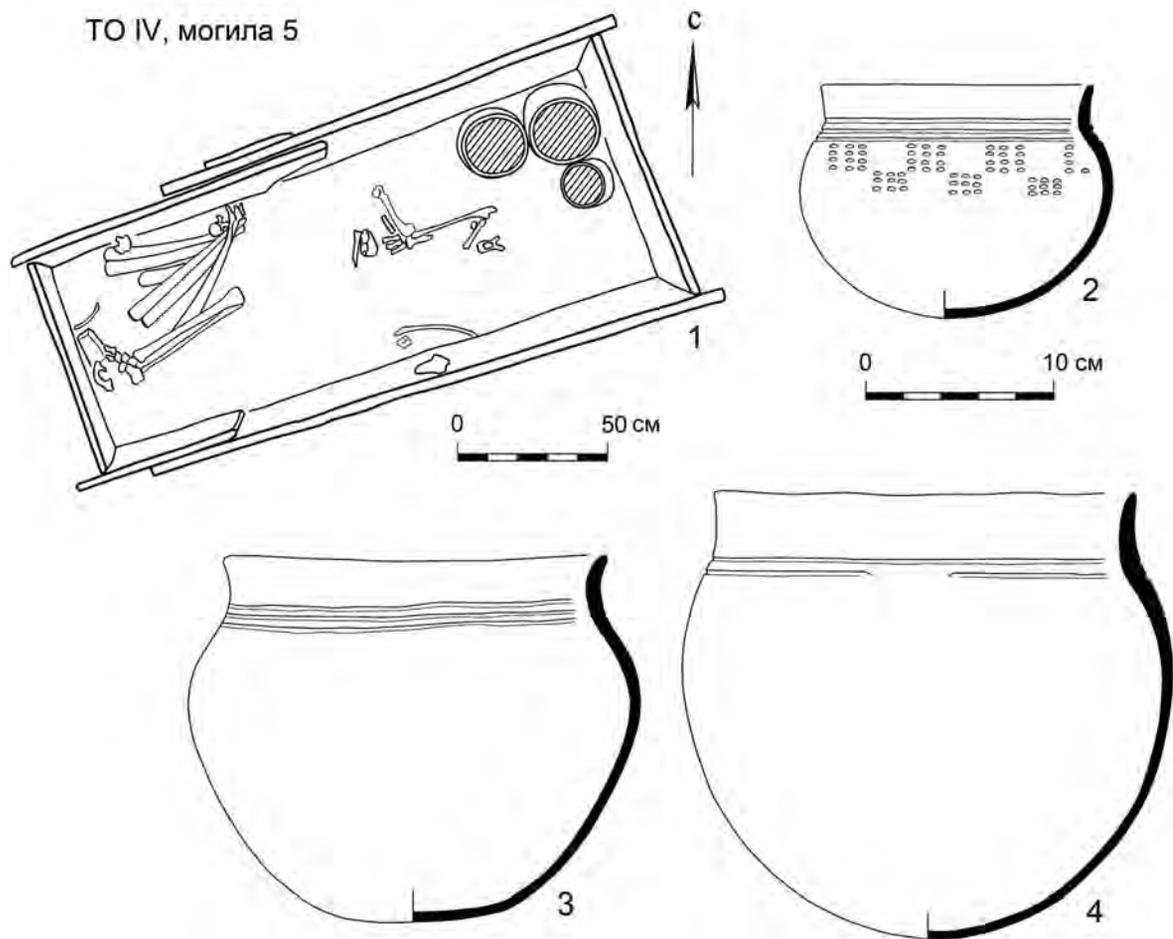

Рис. 6. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 5) могил 5, 6 и артефакты из них (8-12 – медь (бронза?); 2-4, 6, 7 – керамика)

третий сосуд декорирован по основанию шейки двумя прочерченными линиями (рис. 6: 4). В северо-западном углу находились шесть правых рёбер очень крупного быка. Несколько других его костей находились в заполнении могилы: правые – две кости предплюсны, астрагал, коленная чашечка. Они составляли как минимум три куска мяса.

Могилы № 6. В ограде 6 прямоугольная грунтовая могильная яма, размерами 135 × 60 × 30 см, ВС–ЗЮЗ (рис. 6: 5). Восточная и западная стенки её обставлены вертикальными плитами. Перекрытие не сохранилось. На дне могилы разрозненные кости подростка. Черепа с нижней челюстью нет. Среди костей найдены:

- керамический сосуд сферической формы, без орнамента, лощёный (рис. 6: 6);
- обломки слабо лощёного керамического сосуда сферической формы, украшенного по основанию шейки двумя прочерченными линиями (рис. 6: 7);
- три пластинчатые накладки с загнутыми вовнутрь продольными краями (в них сохранились остатки кожи) (рис. 6: 8);
- бронзовая бляшка-пуговица (рис. 6: 9);
- три пластинчатых бляшки-двойчатки (рис. 6: 10–12).

Погребённому было положено в качестве сопроводительной пищи пять кусков мяса телёнка (правые: лопатка, плечо, голень, бедро, астрагал, пяточная кость, два ребра) и пять кусков мяса овцы (правые: лопатка, плечо, бедро, голень, ребро, пяточная кость).

Могилы № 7. Ограда могилы разрушена при прокладке двух траншей котлована. Между ними осталась бровка, в стенках которой прослеживались рёбра песчаниковых плит. В ходе разборки и последующей расчистки этого участка был выявлен каменный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро (рис. 7: 1, 2). Ящик трапециевидный, размерами 199 × 110 (ВСВ) × 80 (ЗЮЗ) × 77 см. Северо-западный и юго-восточный углы ящика срезаны траншеями. В заполнении ящика среди обломков плит перекрытия залежали разрозненные кости женщины 30–40 лет, а также кости коровы и барана. Череп погребённой лежал у середины северной стенки ящика. На дне могилы сохранились в положении, близком к анатомическому, голени и стопы погребённой. Судя по ним, она была положена вытянуто вдоль южной стенки ящика, головой на ВСВ. В заполнении могилы, кроме костей, найдены:

- бронзовый перстень на фаланге пальца погребённой (рис. 7: 3);
- две бронзовые пластинчатые бляшки разных типов (рис. 7: 4, 5);
- обломки керамического сосуда сферической формы, украшенного по основанию шейки четырьмя прочерченными линиями (рис. 7: 6);
- обломки крупного лощёного сосуда сферической формы, декорированного по основанию шейки группами круглых вдавлений (рис. 7: 7).

Могилы № 8. От прямоугольной ограды ящика сохранилось лишь несколько врытых на ребро плит. В ограде находился ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 75 × 67 (СВ) × 45 (ЮЗ) × 23 см, СВ–ЮЗ (рис. 8: 1, 2). Его северо-восточная и юго-восточная стенки не сохранились. Перекрытие ящика отсутствовало. В заполнении находились разрозненные кости ребёнка шести месяцев, две медные пластинчатые бляшки (рис. 8: 3, 4), кости ноги и обломки двух рёбер барана.

Могилы № 9. Ограда разрушена. В траншее было замечено скопление костей животных. По ним выявлен прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 170 × 77 × 17 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 8: 5, 6). Северная и восточная стенки его сохранились не полностью. В заполнении ящика обломки плит перекрытия, разрозненные кости человека (в основном в обломках) и животных: коровы (кости ног и лопатка) и барана (обломок кости ноги и бабка). На дне могилы сохранились в первоначальном положении кости ног мужчины 35–55 лет, положенного вытянуто, на спине, вдоль южной стенки ящика, головой на ВСВ. У северо-западного угла могилы найдены рёбра коровы. В заполнении встречались мелкие обломки тулова неорнаментированного керамического сосуда. Особенности взаимного расположения могил 8 и 9 позволяют предположить, что ограда могилы 8 была пристроена к юго-западной стенке ограды могилы 9.

Могилы № 10. Находилась в 6 метрах к ЮЗ от могилы 8. Ограда её разрушена. Обломки плит перекрытия залежали над могилой беспорядочной кучкой. Под ними овальная грунтовая яма размерами 55 × 40 × 10 см (глубина указана от уровня материка), СВ–ЮЗ (рис. 8: 7, 8). В заполнении ямы разрозненные кости ребёнка возрастом до одного года, 3 бронзовых обоймочки (рис. 8: 9–11) и бронзовое проволочное колечко (рис. 8: 12). В западном

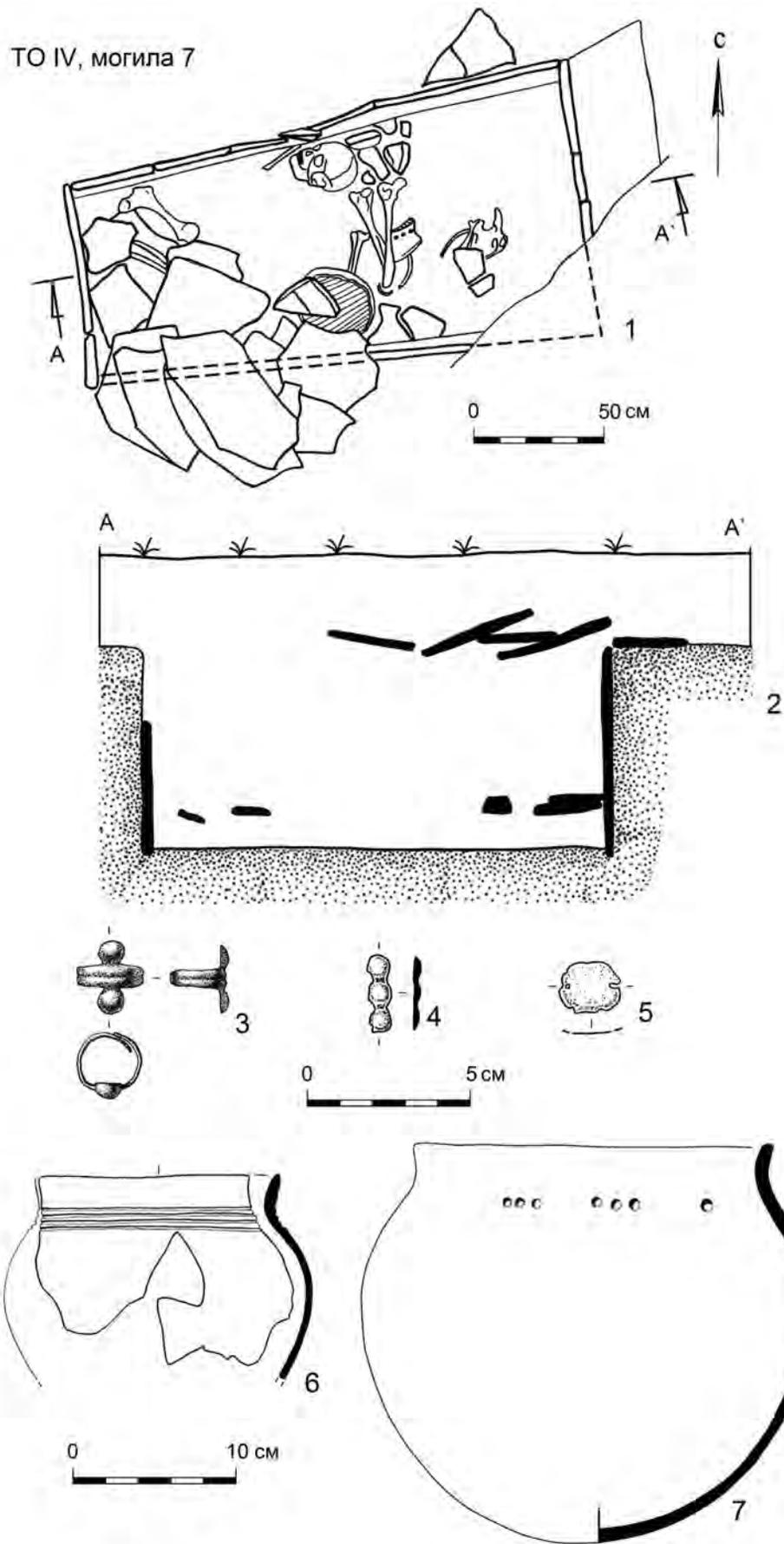
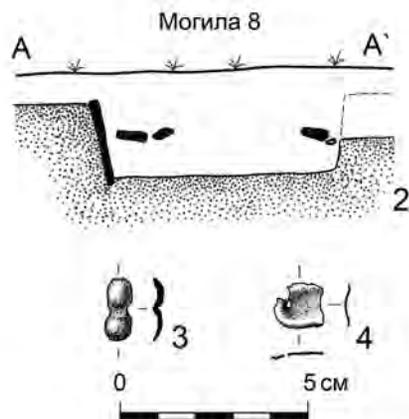
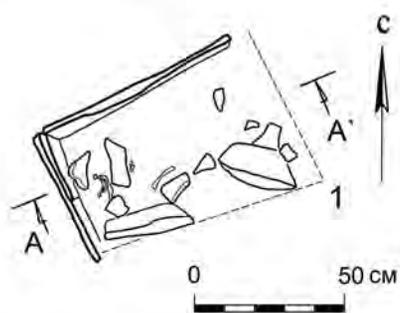
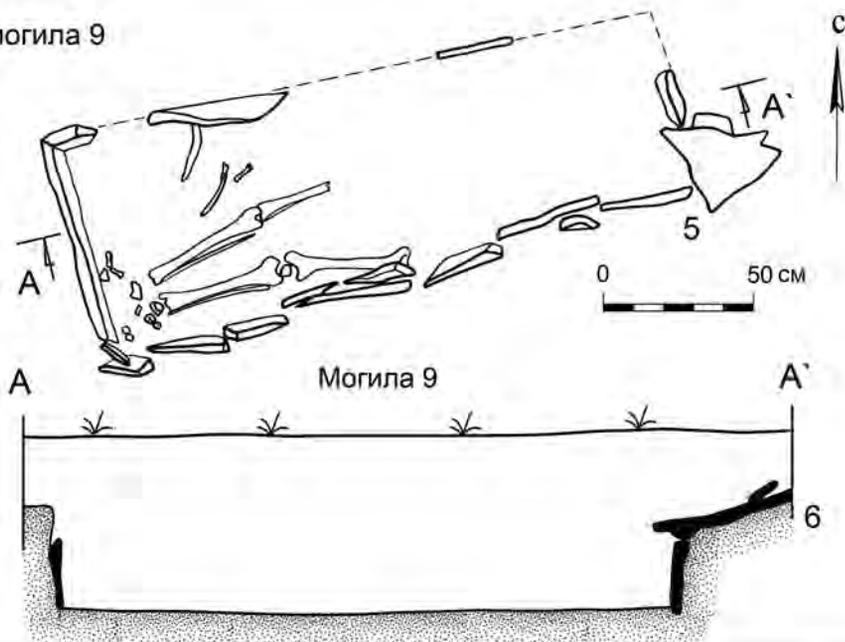

Рис. 7. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) могилы 7 и артефакты из неё (3-5 – медь (бронза?); 6, 7 – керамика)

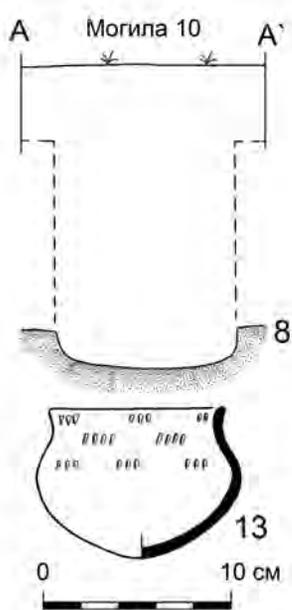
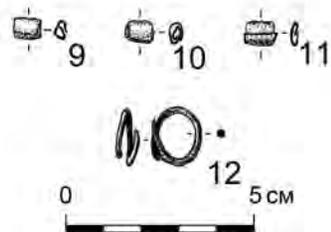
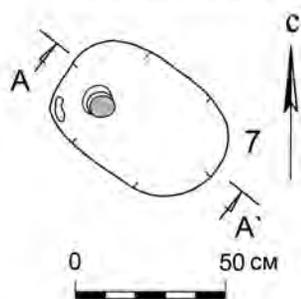
ТО IV, могила 8

ТО IV, могила 9

ТО IV, могила 10

ТО IV, могила 11

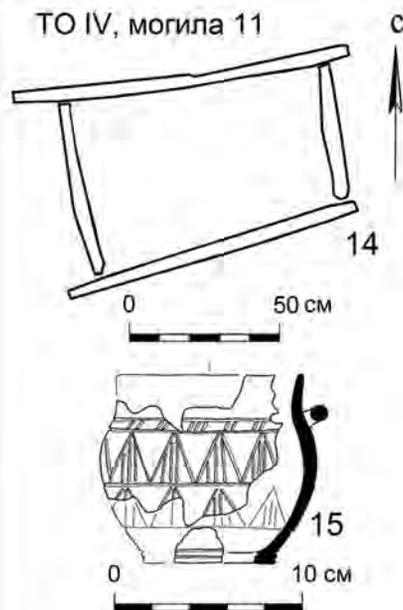

Рис. 8. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 5, 7, 14), разрезы (2, 6, 8) могил 8–11 и артефакты из них (3, 4, 9–12 – медь (бронза?); 13, 15 – керамика)

конце ямы находился керамический миниатюрный круглодонный сосудик, украшенный по шейке и плечикам группами насечек в шахматном порядке (рис. 8: 13).

Ограда 11. Могильная ограда неправильной четырёхугольной формы из плит песчаника, врытых на ребро, 140 × 140 (?) см, ВСВ–ЗЮЗ. Южная стенка разрушена полотном просёлочной дороги.

Могила № 11. В центре ограды четырёхугольный каменный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, 77 × 53 × 50 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 8: 14). Перекрытие отсутствовало. Ящик пустой. За пределами ограды с северной стороны встречены мелкие обломки керамического плоскодонного сосуда с двумя (?) ручками, украшенного двумя рядами заштрихованных треугольников (рис. 8: 15).

Ограды 12–14. Основная ограда прямоугольная из плит песчаника, врытых на ребро, 4,2 × 4,0 (?) м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 9: 1, 2). Её восточная часть расчистке не подвергалась. Северная стенка разрушена. К западной стенке пристроены две небольших оградки: одна к северной половине

стенки (ограда 13), другая — к южной (ограда 14). Ограда 13 — квадратная из плит песчаника, врытых на ребро, 2,2 × 2,2 м, ВСВ–ЗЮЗ. Следов могилы в ней не обнаружено. Ограда 14 прямоугольная, 1,4 × 1,28 м, ВСВ–ЗЮЗ.

Могила № 12. В центре основной ограды относительно тонкие плиты перекрытия ящика, уложенные несколькими слоями. В средней части они пробиты грабителями. Под плитами трапециевидный каменный ящик из плит красного песчаника, установленных на ребро, 190 × 110 (ВСВ) × 90 (ЗЮЗ) × 72 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 10: 1). Непосредственно под плитами перекрытия — скелет мужчины 50–60 лет, положенного на спину, головой к западу (впускное погребение, вероятно, тесинского времени. — А. П.). Руки его уложены вдоль туловища, кисти на тазе. У голеней погребённого лежал раздавленный череп ребёнка. Вещей нет.

Под этим впускным захоронением в заполнении могилы находились разрозненные кости взрослого человека, 16 бронзовых пластинчатых бляшек разных форм (часть во фрагментах. — А. П.)

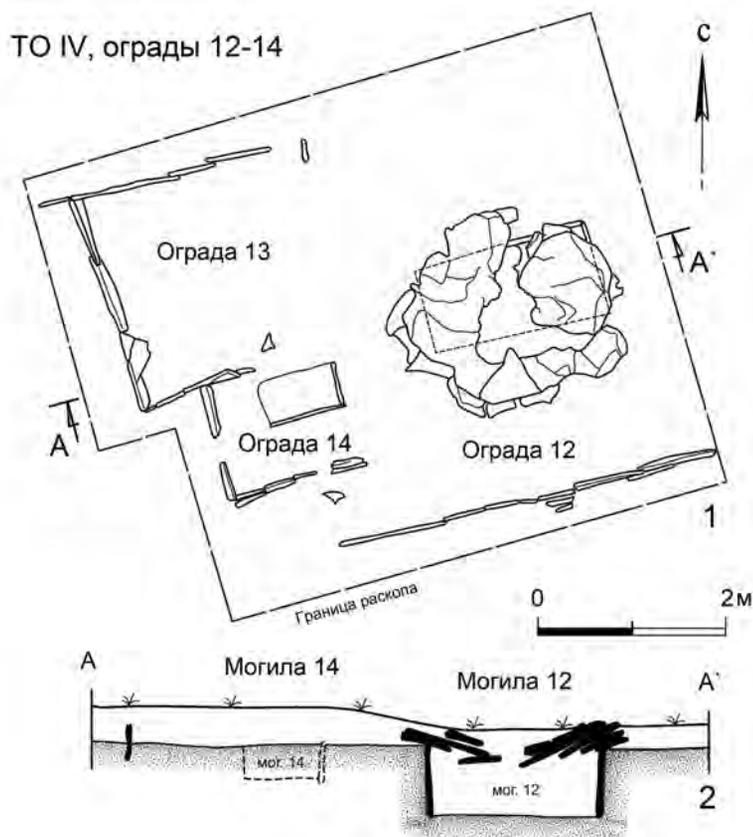

Рис. 9. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрез (2) оград 12–14

(рис. 10: 8–11, 15–29), две трубчатых пронизки (рис. 10: 12, 13) и обломки керамического сосуда сферической формы, украшенного по основанию шейки рядом наколов (рис. 10: 2), а также мелкие обломки второго. На дне могилы находились непотревоженные останки основного захоронения — голени и стопы женщины, положенной головой на ВСВ. У проксимальных окончаний берцовых костей погребённой лежали кучно пять бронзовых лапчатых привесок (рис. 10: 3–7). У середины северной стенки могилы находились кости ног и рёбра

коровы и барана. (Также за этим погребением в фондах Музея числится бронзовая пуговица с петелькой (рис. 10: 14). — А. П.).

Могилы № 14. Могильная яма прямоугольная, размерами 80 × 50 × 40 см, ВСВ–ЗЮЗ, расположена почти вплотную к северо-восточному углу ограды. Восточная и южная стенки ямы обставлены вертикальными плитами песчаника. В заполнении ямы разрозненные кости ребёнка, обломки керамического сосуда сферической формы, украшенного по основанию шейки тремя прочерченными

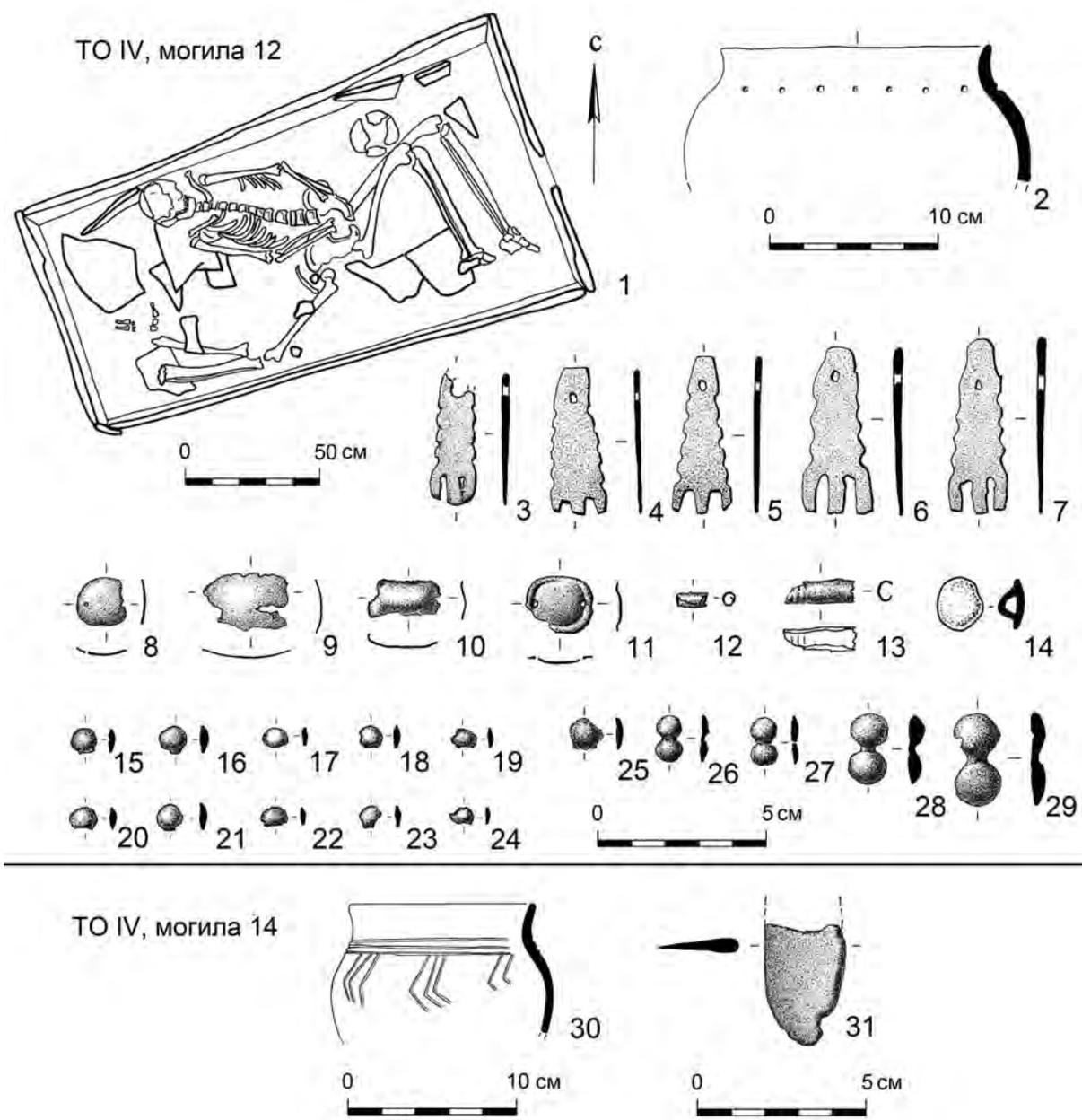

Рис. 10. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) могилы 12 и артефакты из могил 12 и 14 (3–24, 31 — медь (бронза?); 2, 30 — керамика)

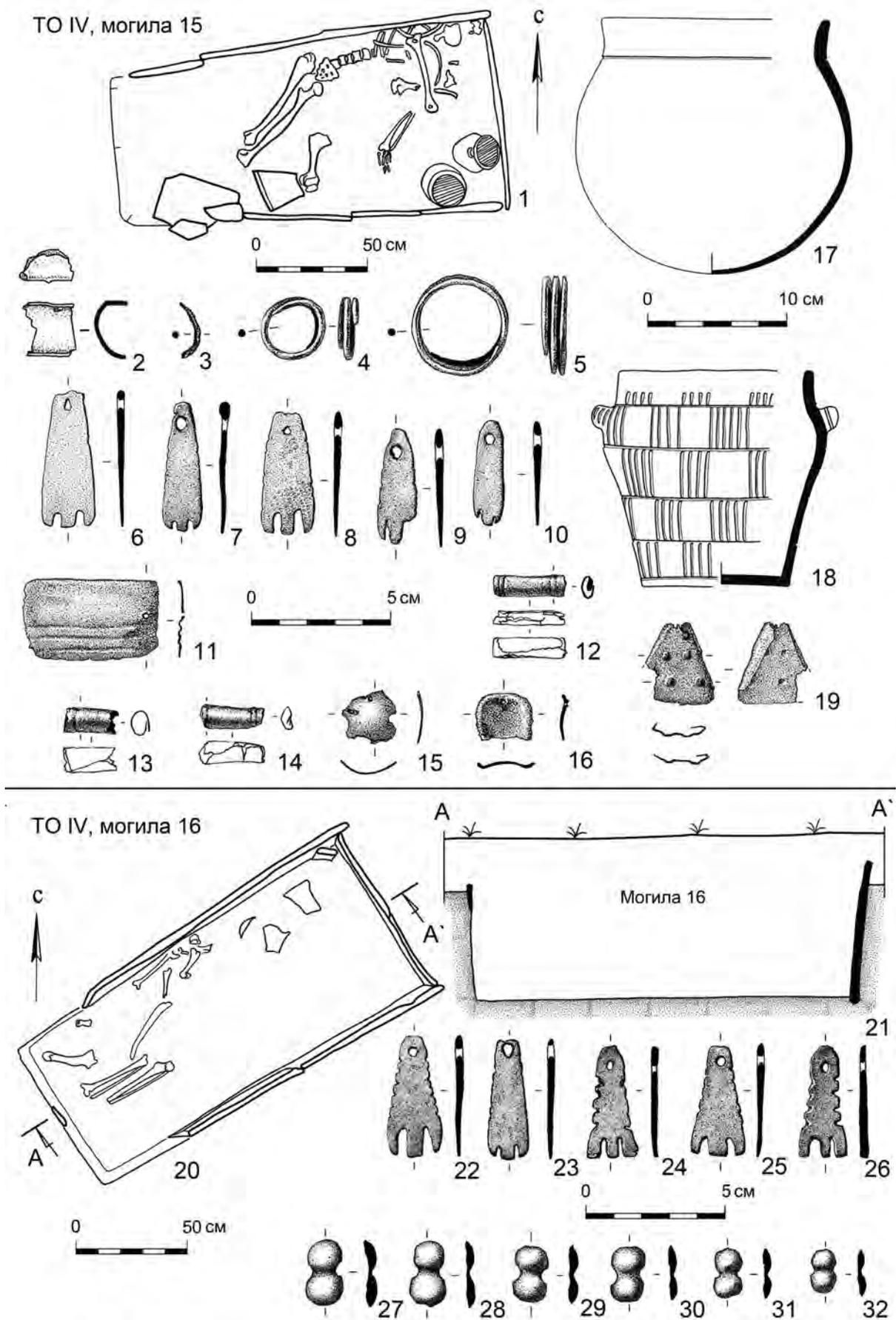

Рис. 11. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 20), разрез (21) могил 15 и 16 и артефакты из них (2–16, 19, 22–32 – медь (бронза?); 17, 18 – керамика)

линиями и плечикам «ёлочкой» из резных линий (рис. 10: 30) и фрагмент лезвийной части бронзового ножа (рис. 10: 31).

Ограда 15. Прямоугольная ограда из вертикально вкопанных плит песчаника размерами 4,7 × 4,5 м, ВСВ–ЗЮЗ, частично разрушенная в процессе земляных работ.

Могила № 15. В центре ограды трапециевидный ящик из вертикально установленных плит размерами 178 × 90 (ВСВ) × 70 (ЗЮЗ) × 35 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 11: 1). В заполнении ящика обломки плит перекрытия, разрозненные кости человека и животных, а также два бронзовых проволочных кольца (рис. 11: 3–5), три трубчатых пронизки (рис. 10: 12–14) и обломок полушарной бронзовой бляшки (рис. 11: 15).

На дне могилы сохранилась в сочленении часть скелета женщины 25–30 лет (фрагменты позвоночного столба и грудной клетки, часть костей руки, крестец и голени). Погребённая была положена на левом боку, головой на ВСВ, вдоль северной стенки ящика со слегка подогнутыми ногами. В юго-восточном углу ящика найдено два керамических сосуда. Один сосуд круглодонный с прочерченной линией по основанию шейки (рис. 11: 17). Второй из них плоскодонный с двумя налепными ушками, украшен по тулову прочерченным «шахматным» орнаментом (рис. 11: 18). У дистальной оконечности бедра левой ноги находились пять бронзовых лапчатых привесок (рис. 11: 6–10) и бронзовые пластинчатые бляшки (рис. 11: 11, 16, 19). На фаланге пальца погребённой сохранился бронзовый пластинчатый перстень (рис. 11: 2).

Могила № 16. Ограда разрушена при проведении земляных работ. Бульдозер обнажил торцы песчаниковых плит погребального ящика размерами 175 × 90 (СВ) × 75 (ЮЗ) × 55 см, СВ–ЮЗ (рис. 11: 20, 21). Юго-западная плита ящика не сохранилась. Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика разрозненные кости женщины 50–60 лет и мелкие фрагменты керамического сосуда, украшенного по основанию шейки тремя прочерченными линиями. На дне могилы сохранились берцовые кости обеих ног в положении, близком к анатомическому. Судя по ним, погребённая была положена головой на СВ. В области проксимальных окончаний берцовых костей лежали кучкой пять бронзовых лапчатых привесок (рис. 11: 22–26) и шесть бляшек-«двойчаток» (рис. 11: 27–32).

Могила № 17. Ограда разрушена при проведении земляных работ. Бульдозером вскрыт трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 130 × 70 (ВСВ) × 60 (ЗЮЗ) × 45 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 12: 1, 2). В заполнении ящика среди обломков плит перекрытия встречены разрозненные кости ребёнка 8–9 лет. Вещей нет.

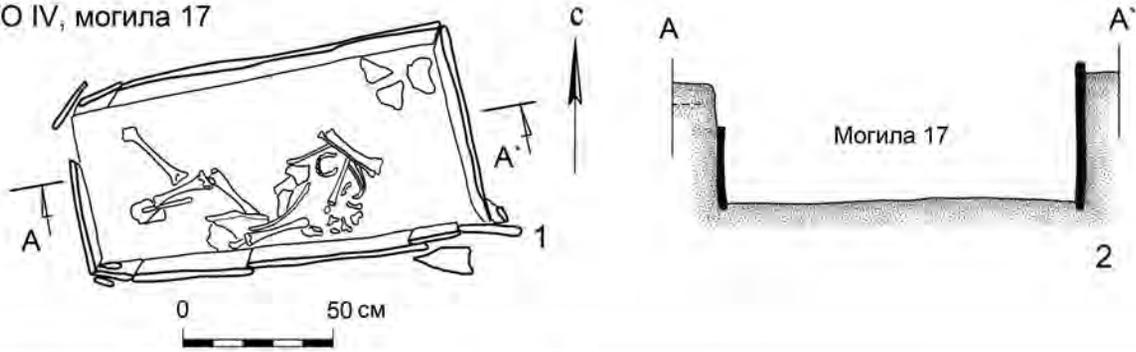
Могила № 18. Ограда разрушена при прокладке траншеи. Бульдозером обнажён трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 190 × 95 (ВСВ) × 75 (ЗЮЗ) × 55 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 12: 3, 4). Перекрытие ящика отсутствовало. В его заполнении встречены разрозненные кости человека и животных. На дне могилы в анатомически правильном положении сохранилась нижняя часть туловища мужчины 40–45 лет (часть позвоночника, таз и кости ног). Погребённый был положен вытянуто на спину, головой на ВСВ, вдоль южной стенки ящика. У середины северной стенки ящика лежали остатки погребальной пищи: кости ног и рёбра коровы. В северо-восточном углу могилы стоял керамический сосуд сферической формы, украшенный по основанию шейки рядом наколов (рис. 12: 5).

Могила № 19. Ограда разрушена при проведении земляных работ. Бульдозером обнажён трапециевидный ящик из песчаниковых плит, поставленных на ребро, размерами 220 × 95 (СВ) × 85 (ЮЗ) × 50 см, СВ–ЮЗ (рис. 12: 6). Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика встречены разрозненные кости женщины 25–30 лет и животных. Там же находились:

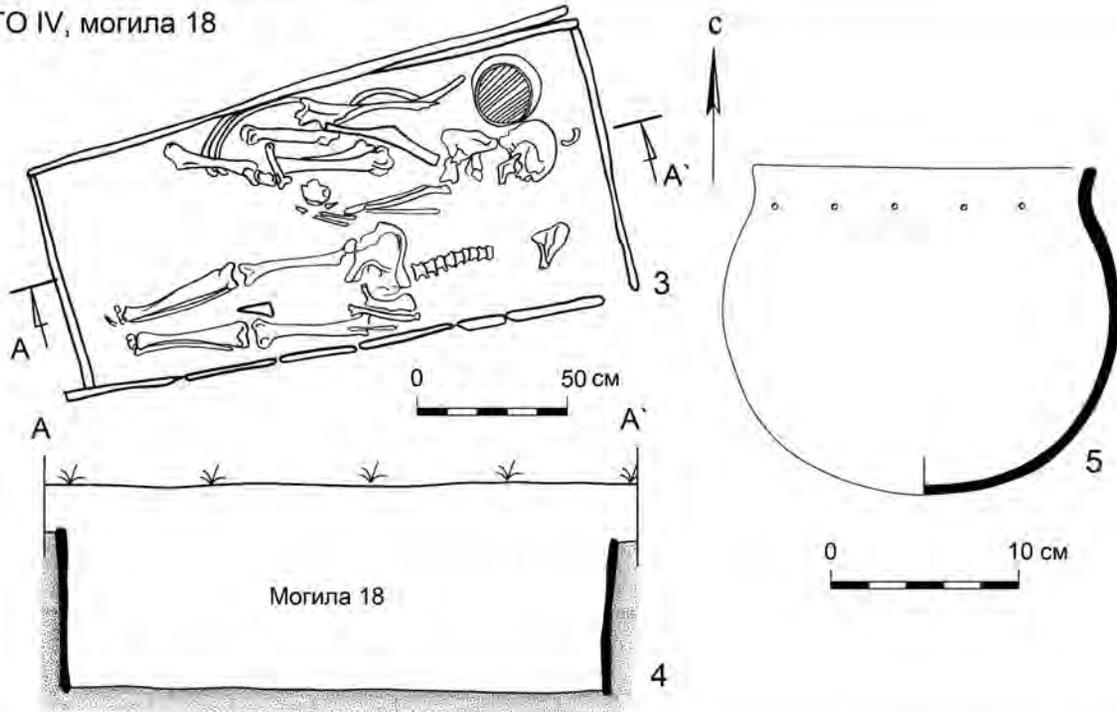
- несколько обломков двух керамических сосудов, один из которых декорирован по основанию шейки рядом круглых вдавлений (рис. 12: 7, 8);
- одна ярусная бляшка с двумя сегментами (рис. 12: 9);
- две бронзовые овальные пластинчатые бляшки с отверстиями по краям (рис. 12: 10, 11);
- 13 бронзовых трубчатых пронизок (рис. 12: 12).

Ограды 20–22. Могильная ограда прямоугольная из плит песчаника, вкопанных на ребро, размером 4,5 × 4,4 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 13). К южной части её западной стенки пристроены две небольших оградки 21, 22. Оградка 21, четырёхугольная, размером 1,2 × 1,2 м, пристроена к средней части западной стенки ограды 20. Южная стенка её служит одновременно северной стенкой ограды 22.

ТО IV, могила 17

ТО IV, могила 18

ТО IV, могила 19

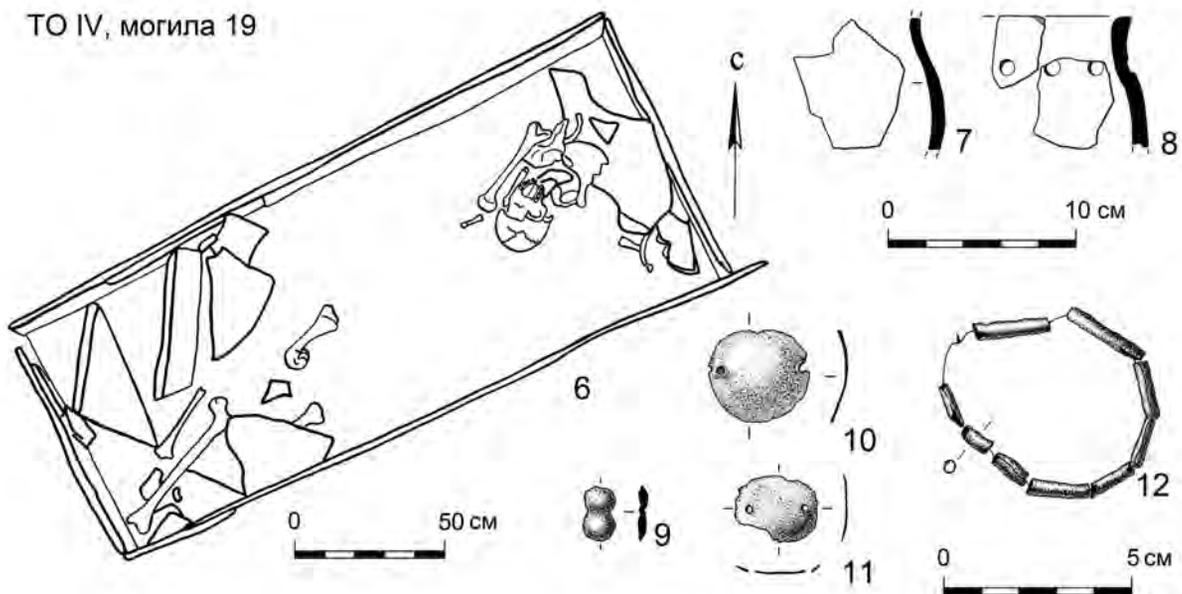

Рис. 12. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3, 6), разрез (4) могил 17–19 и артефакты из них (9–12 – медь (бронза?); 5, 7, 8 – керамика)

Восточной стенкой ограды 22 служит западная стенка ограды 20. Ограда из плит песчаника, врытых на ребро, размером $1,2 \times 1,4$ м, сохранилась фрагментарно.

Могила № 20. В центре ограды каменный трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размером 195×65 (ВСВ) $\times 75$ (ЗСЗ) $\times 32$ см (рис. 14: 1). Плиты перекрытия не сохранились. В заполнении могилы разрозненные кости мужчины 40–45 лет. Среди них:

- две бронзовых трубчатых пронизки (рис. 14: 2, 3);
- обломки керамического сосуда сферической формы, без орнамента (рис. 14: 4);
- обломки керамического сосуда, украшенного пояском из двух рядов насечек и одного ряда круглых вдавлений (рис. 14: 5).

Могила № 21. В центре ограды 21 каменный трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 70×48 (ВСВ) $\times 35$ (ЗЮЗ) $\times 30$ см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 14: 6). Ящик перекрыт одной большой плитой песчаника. На дне могилы находились кости ног, рёбра и лопатка барана. В северо-восточном углу ящика — керамический сосуд сферической формы, украшенный по основанию шейки тремя прочерченными линиями (рис. 14: 9), а у середины восточной стенки могилы — два

бронзовых проволочных U-образных предмета (рис. 14: 7, 8). Кости погребённого (очевидно, младенца) не сохранились.

Могила № 22. В центре ограды 22 прямоугольная грунтовая яма размерами $100 \times 80 \times 70$ см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 14: 10). Западная стенка обставлена двумя вертикально поставленными плитами. В северо-восточном углу могилы находился раздавленный керамический сосуд сферической формы без орнамента, со слабыми признаками лощения (рис. 14: 11). Следов захоронения человека не обнаружено.

Ограда 23. Ограда могилы прямоугольная, из плит песчаника, врытых на ребро, размерами $4,0 \times 4,0$ (?) м, СВ–ЮЗ (рис. 15: 1, 2). Юго-восточная часть ограды расчистке не подвергалась.

Могила № 23. В центре ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 205×87 (СВ) $\times 80$ (ЮЗ) $\times 48$ см, СВ–ЮЗ. Над юго-западной половиной его сохранилась часть перекрытия из относительно тонких плашмя уложенных плит. В заполнении ящика среди разрозненных костей взрослого человека встречены два маленьких фрагмента венечной части керамического сосуда (рис. 15: 11), пять бронзовых обоймочек

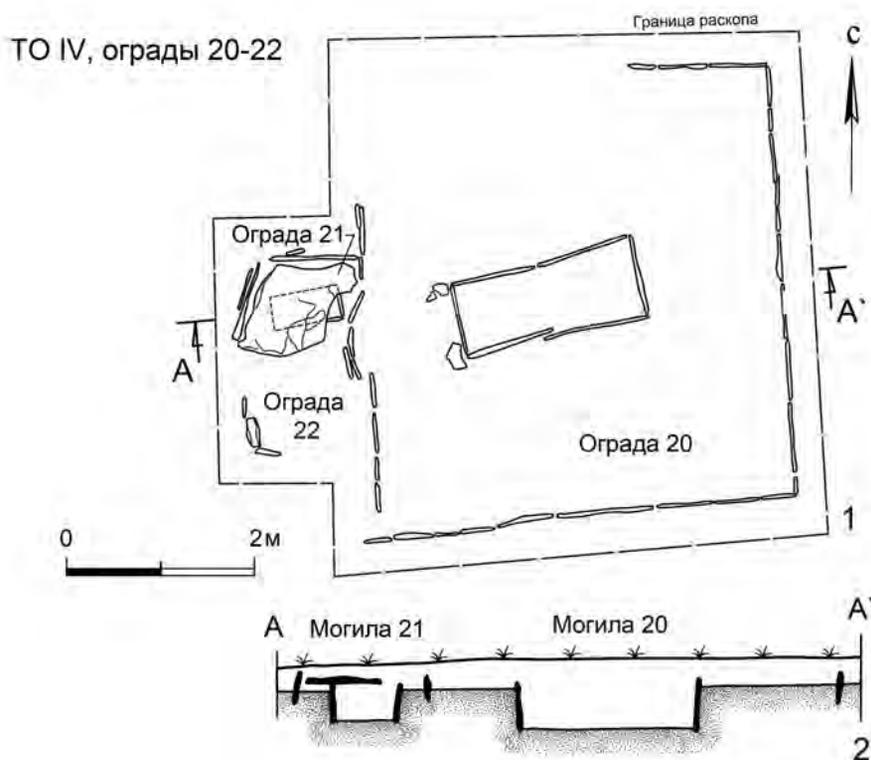

Рис. 13 Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрез (2) оград 20–22

(фактически шесть. — А. П.) (рис. 15: 4–9), два обломка бронзового браслета (серьги. — А. П.) (рис. 15: 10) и гвоздевидная бляшка (рис. 15: 3). На дне ящика сохранились в положении, близком к анатомическому, кости ног женщины 45–50 лет. Судя по ним, погребённая была положена на правый бок, со слегка подогнутыми ногами, головой на СВ, вдоль юго-восточной стенки ящика.

Ограды 24, 25. Основная могильная ограда прямоугольная из плит красного песчаника, врытых на ребро, размерами 4,1 × 3,8 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 16: 1, 2). К северной части её западной стенки пристроен ящик не сохранившейся ограды 25.

Могилы № 24. В центре ограды 24 трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 180 × 88 (ВСВ) × 65 (ЗЮЗ) × 48 см.

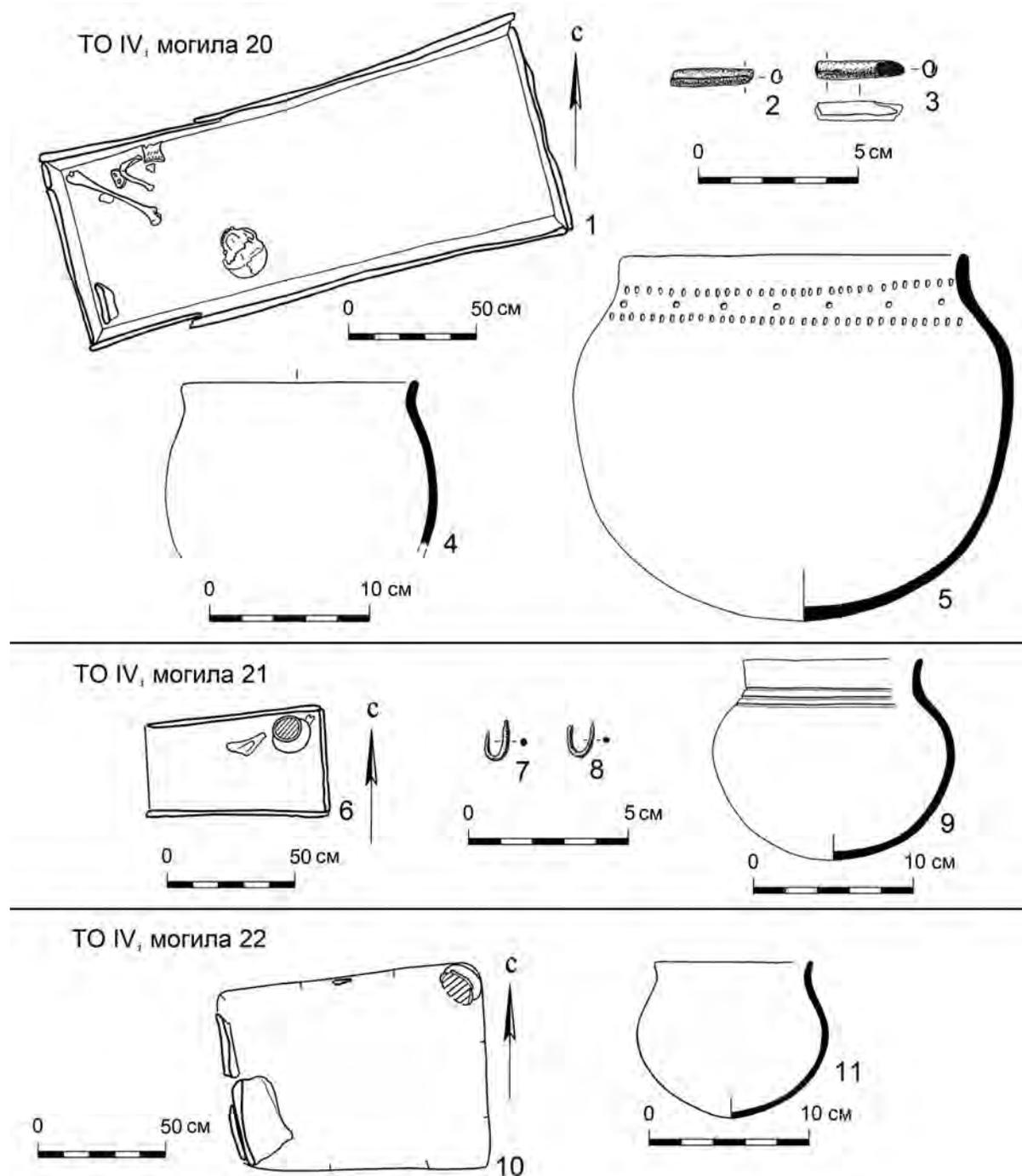

Рис. 14. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 6, 10) могил 20–22 и артефакты из них (2, 3, 7, 8 — медь (бронза?); 4, 5, 9, 11 — керамика)

Перекрытия нет. Вдоль стенок восточной части ящика сохранились плашмя уложенные плитки «кокошника» (чаще в литературе используется термин «обкладка». — А. П.). В заполнении ящика разрозненные кости женщины (?) 30–40 лет и бронзовые предметы: три проволочных кольца (рис. 16: 13–15), 10 бляшек-двойчаток (рис. 16: 3–12), четыре обоймочки (рис. 16: 17–20) и обломок кольца (рис. 16: 16).

Могила № 25. Прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 85 × 40 × 20 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 16: 21). Перекрытие отсутствовало. На дне частично сохранившийся скелет ребёнка 1,5–2 лет, положенного головой к западу. У северной стенки могилы находилось два керамических сосуда сферических форм. Один украшен по основанию шейки пятью прочерченными линиями (рис. 16: 22), второй, слабо лощёный, с пояском из двух прочерченных линий и косыми штрихами между ними (рис. 16: 23).

Ограды 26, 27. Полуразрушенная могильная ограда прямоугольной формы, из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 3,9 × 4 (?) м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 17: 1, 2). Южная часть её расчистке не подвергалась. К северной половине восточной стенки ограды пристроена прямоугольная оградка 27 из плит

песчаника, вкопанных на ребро, 1,0 × 1,8 (?) м, ВСВ–ЗЮЗ.

Могила № 26. В центре основной ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 180 × 86 (ВСВ) × 80 (ЗЮЗ) × 70 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 17: 3). Северная стенка ящика на 40 см выше остальных. Западная стенка отсутствует. В заполнении ящика среди разрозненных кости юноши (?) 15 лет найдены:

- бляшка-двойчатка (рис. 17: 4);
- трубчатая пронизка (рис. 17: 5);
- бронзовое проволочное колечко (рис. 17: 6).

В северо-восточном углу могилы находился разбитый круглодонный керамический сосуд, украшенный по основанию шейки группами круглых вдавлений (рис. 17: 7); отдельные фрагменты его были встречены в заполнении. Череп погребённого находился в восточной части могилы.

Могила № 27. В центре ограды 27 грунтовая ямка, выкопанная в погребённой почве. Форма и размеры её остались не установленными. В могиле находились лишь полуистлевшие обломки черепа младенца.

Ограды 28, 29. Основная могильная ограда прямоугольной формы из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 3,9 × 3,5 м, ВСВ–ЗЮЗ

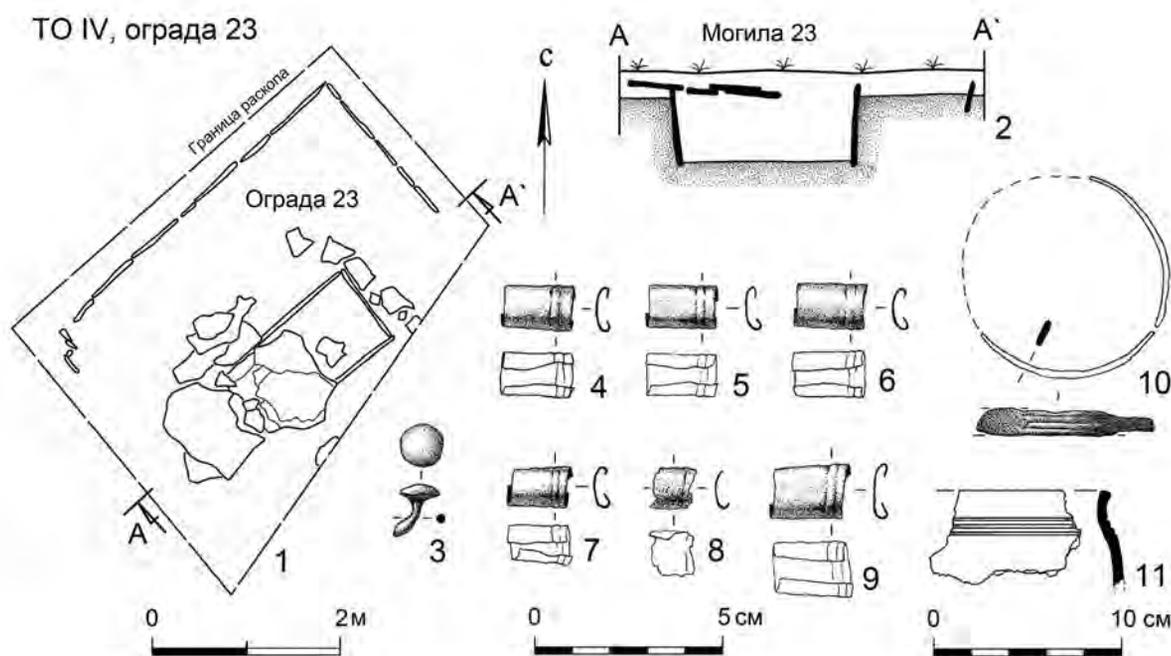
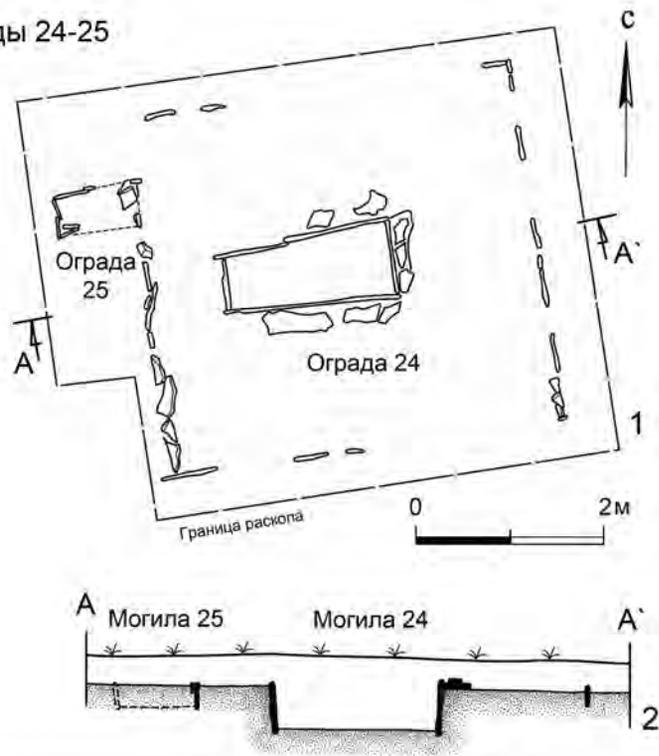
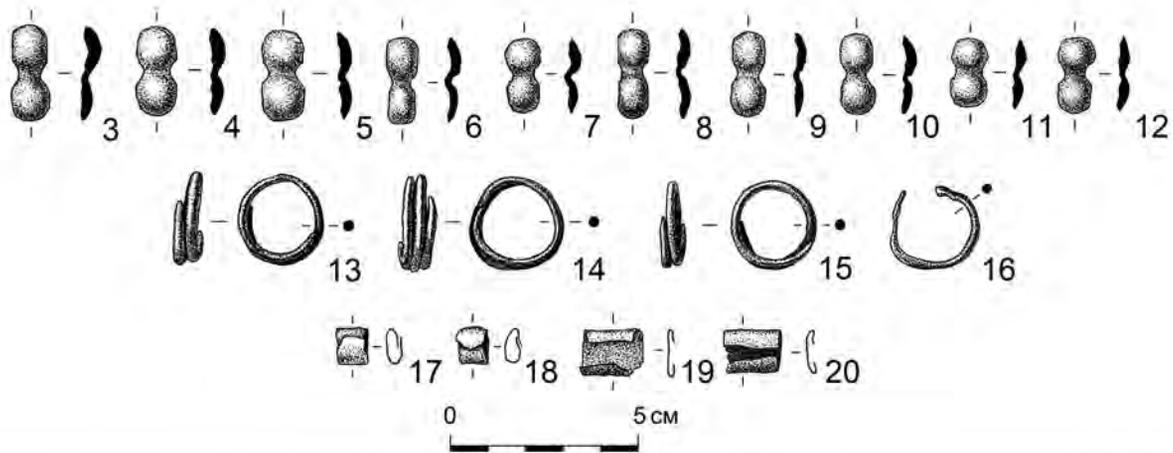

Рис. 15. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) ограды 23 и артефакты из могилы (3–10 – медь (бронза?); 11 – керамика)

ТО IV, ограды 24-25

ТО IV, могила 24

ТО IV, могила 25

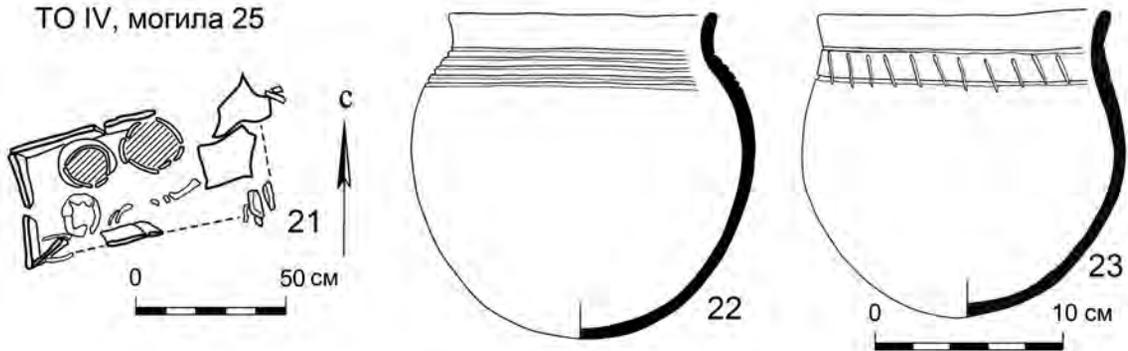

Рис. 16. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 24, 25, чертеж могилы 25 (21) и артефакты из могил 24, 25 (3-22 – медь (бронза?); 22, 23 – керамика)

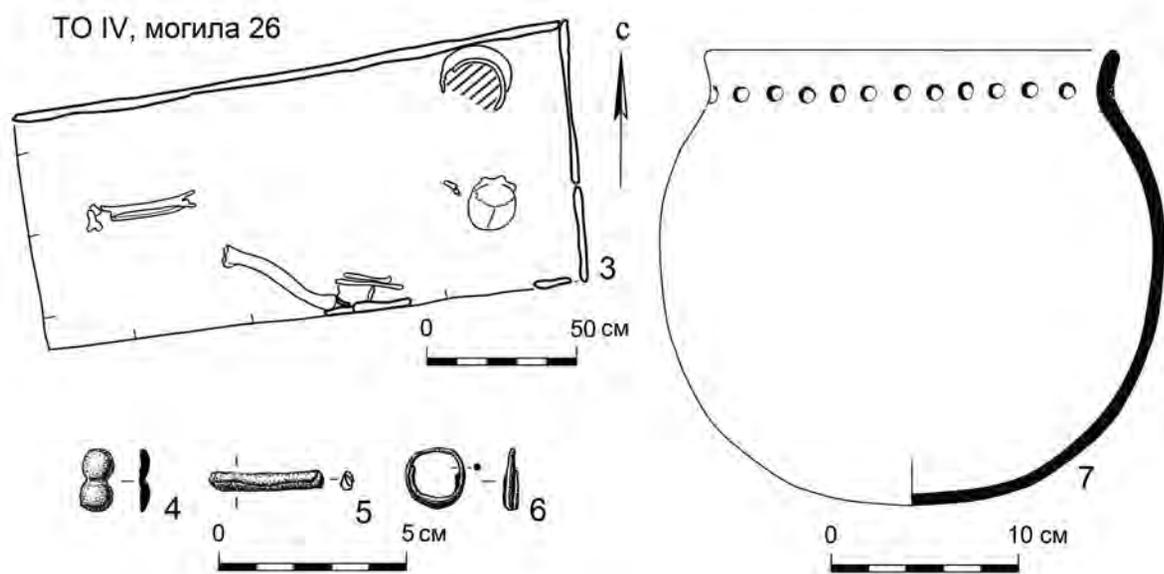
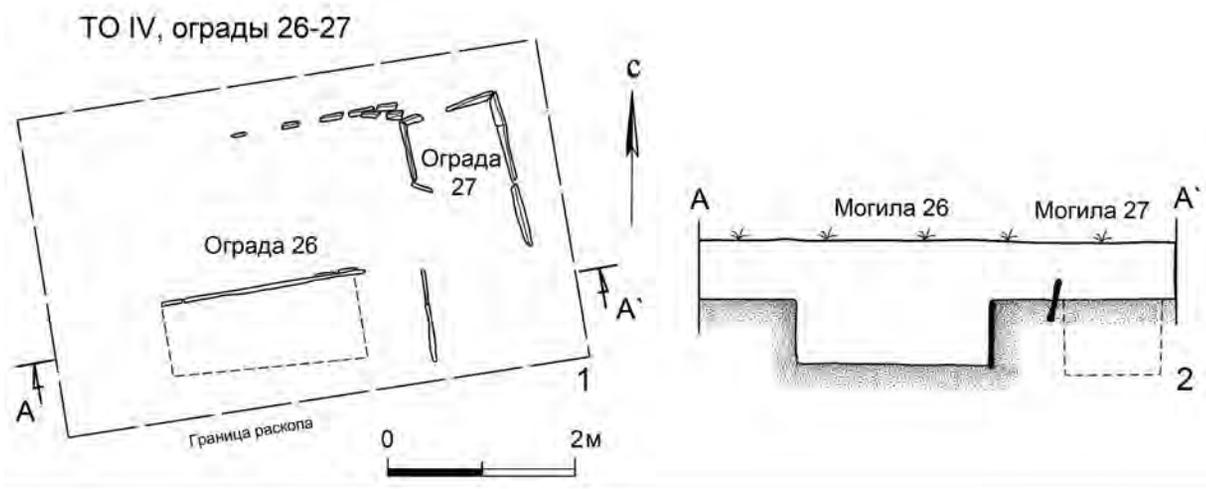

Рис. 17. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 26, 27, чертёж могилы 26 (3) и артефакты из неё (4-6 – медь (бронза?); 7 – керамика)

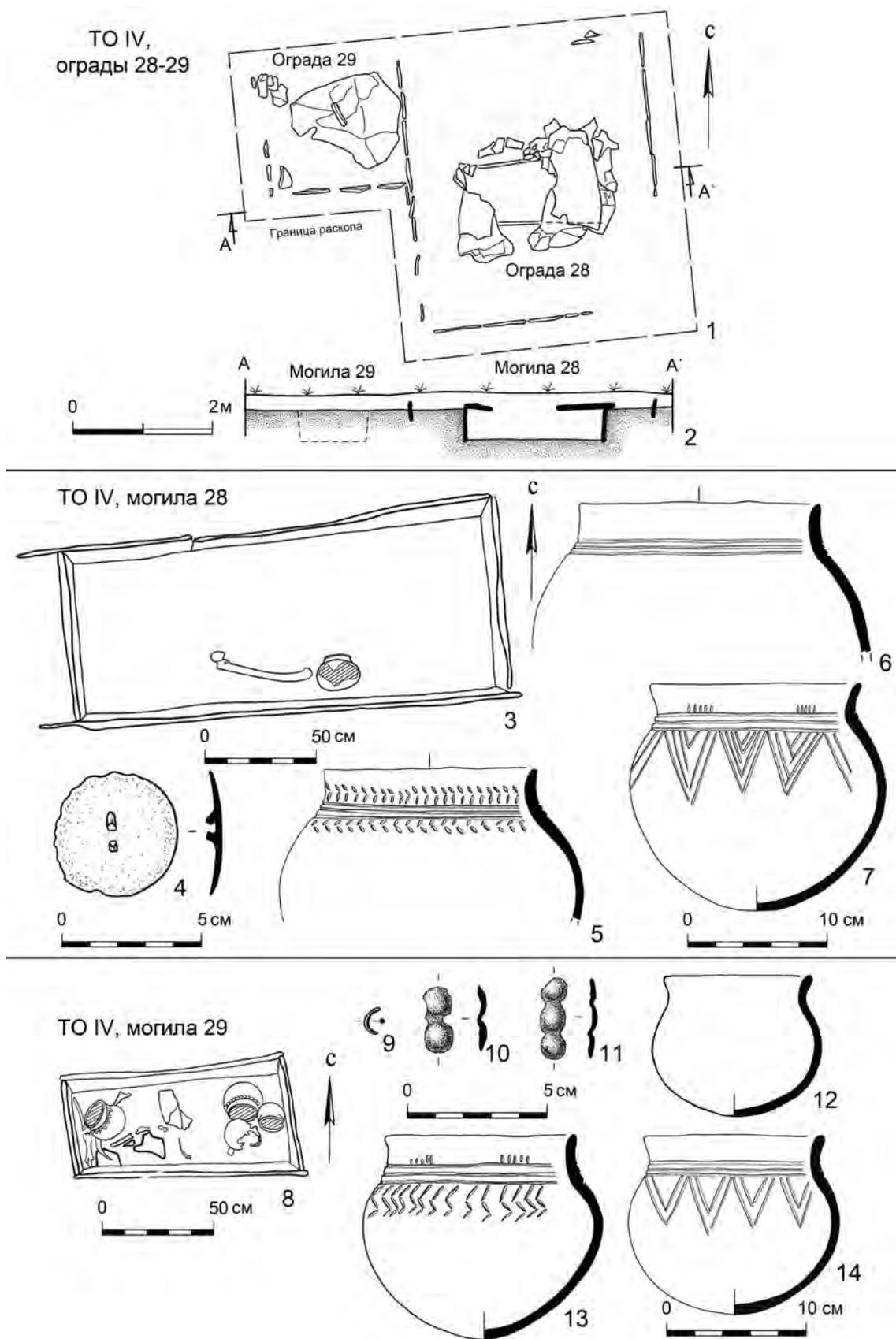

Рис. 18. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 28, 29, чертежи могил 28, 29 (3, 8) и артефакты из них (4, 9–11 – медь (бронза?); 5–7, 12–14 – керамика)

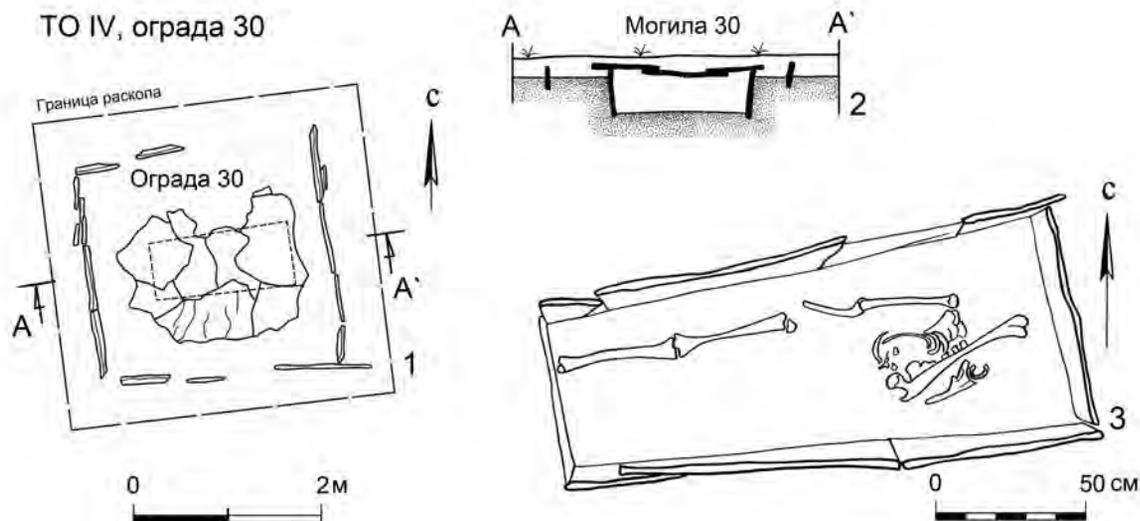

Рис. 19. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 30 и чертёж могилы 30 (3)

(рис. 18: 1, 2). От северной стенки сохранились лишь две небольших плиты. К северной половине западной стенки пристроена дополнительная оградка 29 из плит песчаника, вкопанных на ребро, размерами $2,0 \times 1,6$ м, ВСВ–ЗЮЗ. Северная стенка её не сохранилась.

Могилы № 28. В центре основной ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 200×88 (ВСВ) $\times 60$ (ЗЮЗ) $\times 50$ см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 18: 3). Над восточным и западным концами ящика сохранилось несколько плит перекрытия. В заполнении ящика несколько разрозненных костей мужчины 30–40 лет, бронзовая круглая бляшка (рис. 18: 4) и обломки трех керамических сосудов сферических форм. Один украшен по основанию шейки тремя прочерченными линиями (рис. 18: 6), второй — такими же линиями в сочетании с четырьмя рядами насечек в ёлочку (рис. 18: 5), третий украшен аналогичными линиями и фестонами из заштрихованных треугольников (рис. 18: 7).

Могилы № 29. В центре ограды 29 трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 103×55 (ВСВ) $\times 48$ (ЗЮЗ) $\times 46$ см (рис. 18: 8). Ящик перекрыт небольшой плитой песчаника. На дне его беспорядочно разбросанные кости ребёнка и керамический сосуд сферической формы — в северо-западном углу. Два других сосуда находились в восточном конце могилы. Один из них неорнаментированный (рис. 18: 12), второй украшен по основанию шейки тремя прочерченными

линиями в сочетании с фестонами из сдвоенных треугольников (рис. 18: 14), третий — тремя аналогичными линиями в сочетании с группами насечек и ломаными линиями (рис. 18: 13). В заполнении ящика встречены две пластинчатые ярусные бляшки (рис. 18: 10–11) и обломок бронзового проволочного кольца (рис. 18: 9).

Ограда 30. Могильная ограда квадратной формы из плит песчаника, вкопанных на ребро, размерами $2,6 \times 2,6$ м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 19: 1, 2).

Могилы № 30. В центре ограды под частично разобранными плитами перекрытия находился трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, 170×80 (ВСВ) $\times 60$ (ЗЮЗ) $\times 44$ см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 19: 3). В заполнении ящика разрозненные кости женщины 21–22 лет. На дне могилы сохранились в правильном анатомическом сочленении правая лопатка, правая плечевая кость, часть позвоночника, ребро и кости правой ноги. Судя по ним, погребённая была положена вытянуто на спине, головой на ВСВ. Вещей нет.

Могилы № 31. Ограда могилы не сохранилась. Трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, 185×68 (ВСВ) $\times 56$ (ЗЮЗ) $\times 60$ см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 20: 1–3). В заполнении ящика среди обломков плит перекрытия залегали разрозненные кости женщины 40–50 лет и животных. Здесь же были найдены бронзовые предметы: перстень с биконическим щитком (рис. 20: 4), фрагмент бляшки-двойчатки (рис. 20: 5), бляшка-

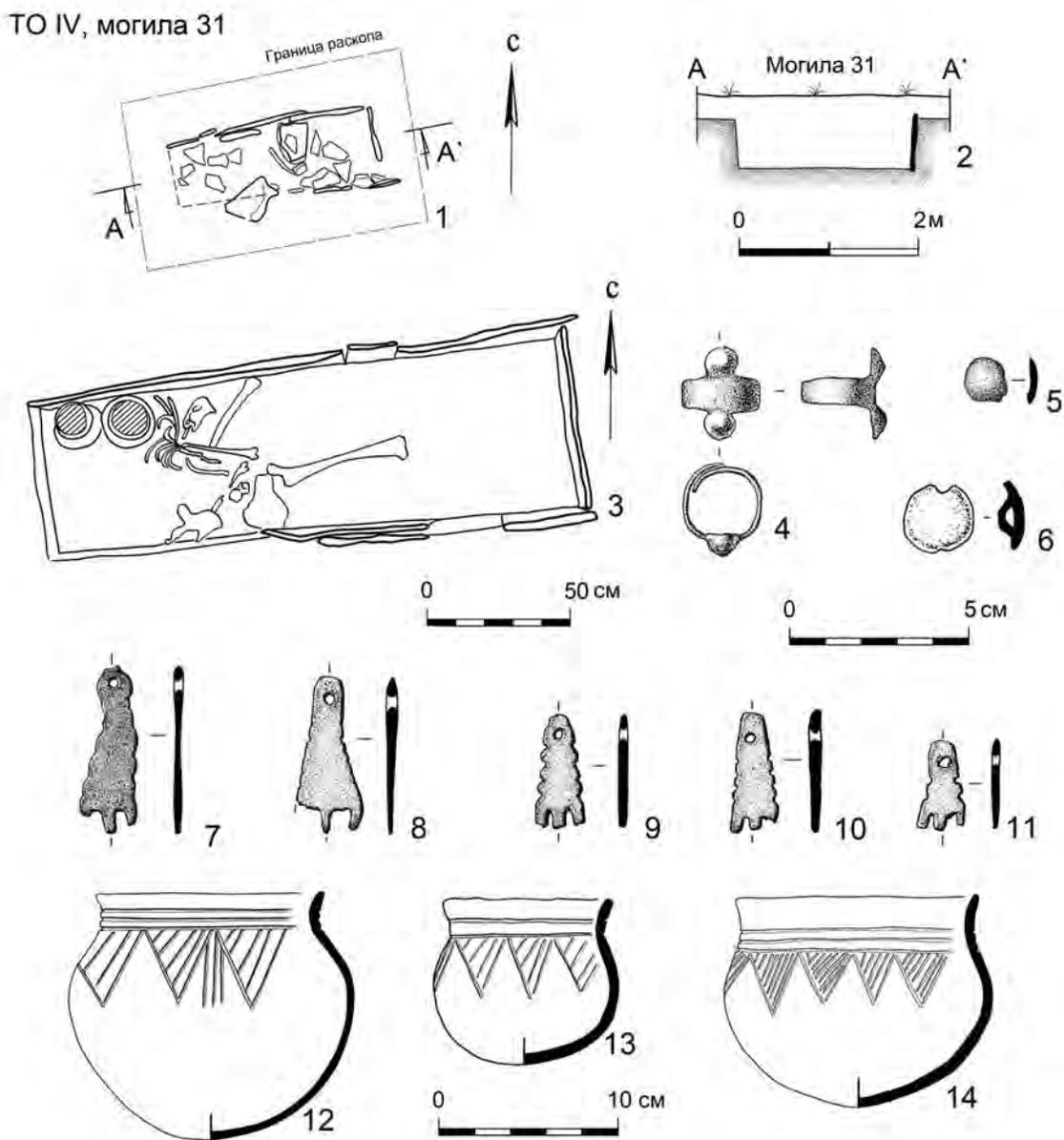

Рис. 20. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3), разрез (2) могилы 31 и артефакты из неё (4–11 – медь (бронза?); 12–14 – керамика)

пуговица с петелькой (рис. 20: 6) и пять лапчатых привесок (рис. 20: 7–11). В северо-восточном углу могилы находились три керамических сосуда сферических форм, украшенные прорезанными линиями и фестонами из заштрихованных треугольников (рис. 20: 12–14).

Ограда 32. Могильная ограда прямоугольная из плит песчаника, вкопанных на ребро. От неё сохранились лишь части западной и восточной стенок. Судя по ним, ограда была размером ориентировочно 4,0 × 4,0 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 21: 1, 2).

Могилы № 32. В центре ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, 184 × 97 (ВСВ) × 84 (ЗЮЗ) × 75 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие отсутствует. В восточной части заполнения могилы беспорядочное скопление костей двух погребённых — женщины 50–60 лет и мужчины 20–30 лет. Там же находились их черепа и обломок черепа третьего погребённого. В первоначальном положении сохранились лишь кости ног, судя по которым, погребённые были положены вытянуто, на спину, головами к востоку. В заполнении могилы находились мелкие обломки двух керамических

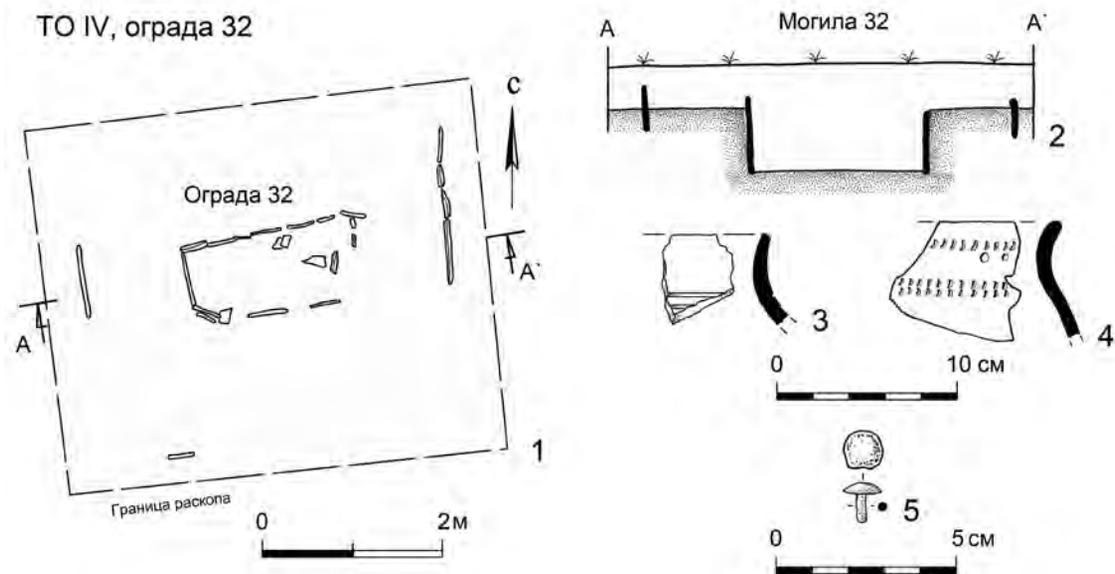

Рис. 21. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограда 32 и артефакты из могилы 32 (5 — медь (бронза?); 3, 4 — керамика)

сосудов. Один орнаментирован прочерченными линиями по шейке (рис. 21: 3), второй — тремя рядами полулунных оттисков и группами круглых вдавлений (рис. 21: 4). В области стоп погребённых найдена бронзовая гвоздевидная бляшка (рис. 21: 5).

Ограды 33, 34. Прямоугольная ограда из плит песчаника, вкопанных на ребро, размерами 6,2 × 4,2 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 22: 1, 2). Она разделена внутренней перегородкой на два сектора. В восточном находится могила № 33, в западном — могила № 34.

Могила № 33. В центре восточного сектора ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, 200 × 90 (ВЮВ) × 80 (ЗСЗ) × 70 см, ВЮВ–ЗСЗ (рис. 22: 3). Над могилой остатки плит разобранного перекрытия. В заполнении ящика разрозненные кости мужчины 30–40 лет и животных, два фрагмента тулова керамического сосуда, пластинчатая бляшка-двойчатка и фрагмент второй (рис. 22: 4, 5), а также трубчатая пронизка (рис. 22: 6).

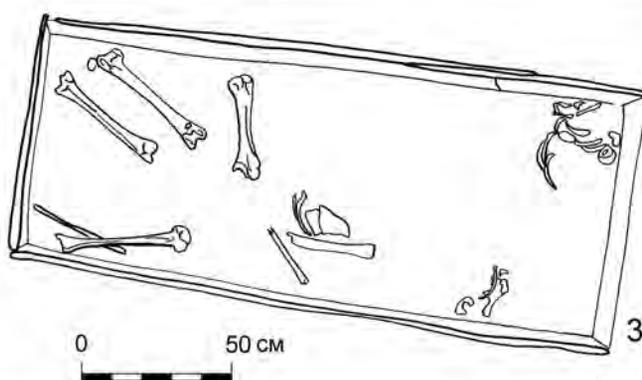
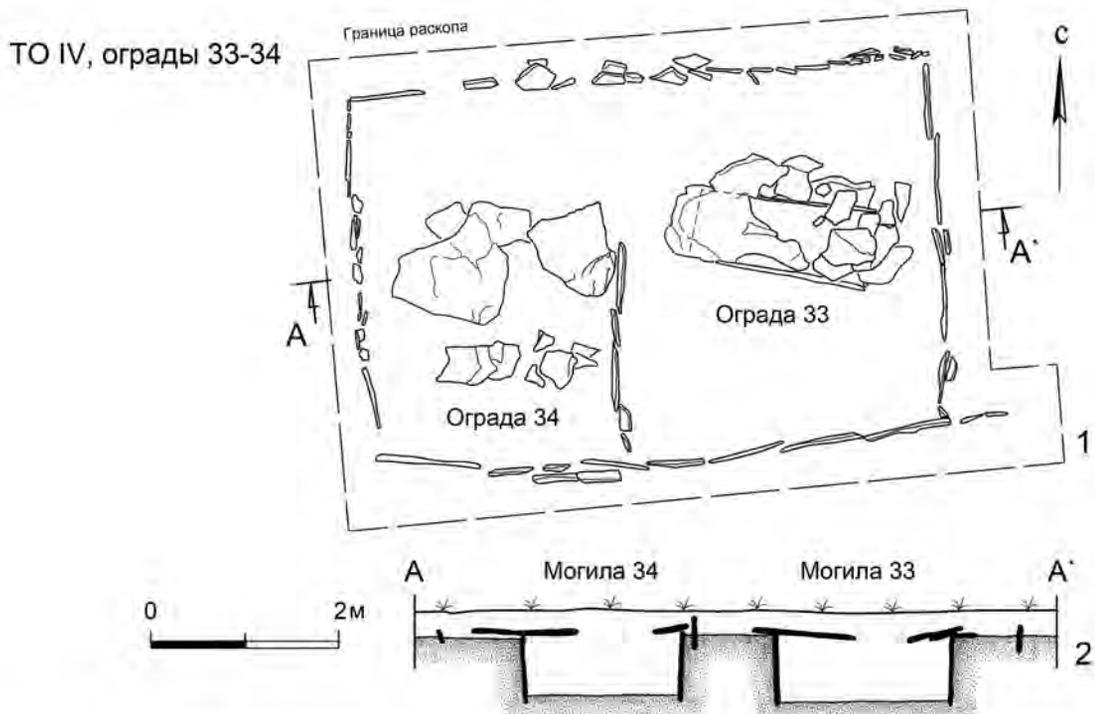
Могила № 34. К середине внутренней перегородки ограды с западной стороны примыкает почти вплотную трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, 175 × 65 (ВСВ) × 50 (ЗЮЗ) × 63 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 21: 7). Над ним остатки плит разобранного перекрытия. В заполнении ящика среди беспорядочно залегающих костей женщины (?) 30–40 лет найдены:

- обломок бронзовой пластинки (рис. 22: 8);
- четырёхгранное шильце (рис. 22: 9);
- две ярусные пластинчатые бляшки (рис. 22: 10, 11);
- две гвоздевидных бляшки (рис. 22: 12, 13);
- трубчатая пронизка (рис. 22: 14);
- обломки сосуда сферической формы, украшенного по венчику, шейке и плечикам рядами насечек (рис. 22: 15);
- обломки глиняного сосуда сферической формы без орнамента (рис. 22: 16).

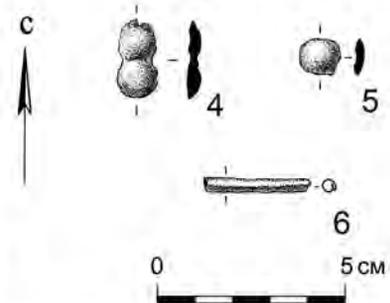
На дне могилы в первоначальном положении сохранились лишь голени погребённой, судя по которым, она была положена вытянуто на спину, головой на восток.

Ограды 35, 36. Основная могильная ограда прямоугольная, полуразрушенная из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 3,6 × 3,8 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 23: 1, 2). Южная стенка не сохранилась. К южной части западной стенки ограды пристроена могила № 36. Ограда её, очевидно, не сохранилась.

Могила № 35. В центре ограды ящик слабо выраженной трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 182 × 76 (ВСВ) × 65 (ЗЮЗ) × 68 см (рис. 23: 3). Плиты перекрытия сброшены. В заполнении ящика среди разрозненных костей женщины 25–35 лет найдены два обломка бронзового перстня (рис. 23: 5), обломок бронзового стержня (рис. 23: 7) и миниатюрная

ТО IV, могила 33

ТО IV, могила 34

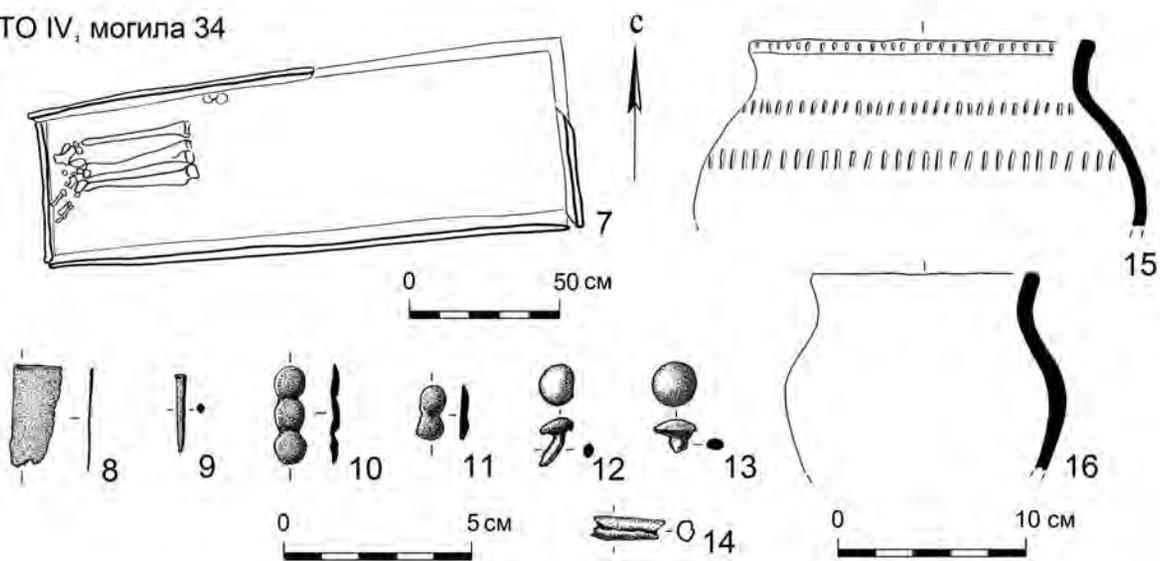

Рис. 22. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 33, 34, чертежи могил 33, 34 (3, 7) и артефакты из них (4-6, 8-14 – медь (бронза?); 15, 16 – керамика)

полушарная бляшка (вероятно, обломок ярусной бляшки. — *А. П.*) (рис. 22: 6).

На дне могилы сохранились *in situ* кости ног погребённой, судя по которым, она была положена на правый бок, головой на ВСВ, со слегка подогнутыми ногами. У проксимальных окончаний берцовых костей правой ноги находились четыре пластинчатых бронзовых лапчатых привески (рис. 23: 8–11) и четыре литых (рис. 23: 12–15). В северо-восточном углу могилы стоял керамический круглодонный сосуд, декорированный пояском из заштрихованных ромбов (рис. 23: 4).

Могилы № 36. Прямоугольный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 155 × 65 × 53 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 23: 16). Плиты перекрытия разбросаны. В заполнении ящика разрозненные кости подростка 13 лет и животных. На дне у восточного конца северной стенки стоял керамический сосуд сферической формы без орнамента (рис. 23: 17).

Ограды 37, 38. Основная могильная ограда прямоугольная, размерами 3,2 × 3,0 м, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, вкопанных на ребро (рис. 24: 1, 2). К средней части её юго-западной стенки пристроена дополнительная оградка 38. Она прямоугольной формы, из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 2,6 × 1,3 м, СВ–ЮЗ.

Могилы № 37. В центре основной ограды трапециевидный ящик размерами 175 × 80 (ВСВ) × 70 (ЗЮЗ) × 50 см, из плит песчаника, поставленных на ребро (рис. 24: 3). Перекрытие отсутствует. На дне ящика в первоначальном положении сохранились лишь кости ног женщины 25–30 лет, погребённой вытянуто на спине, головой на ВСВ. Поверх костей ног лежали беспорядочно рёбра, лопатка и кости ног коровы. В заполнении могилы найден обломок бронзового кольца большого диаметра (рис. 24: 4).

Могилы № 38. Прямоугольный ящик размерами 180 × 55 × 70 см, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, поставленных на ребро, пристроен к северной стенке оградки 38 (рис. 24: 5). В заполнении могилы встречены разрозненные кости животных, два зуба взрослого человека, удлинённая пластинка (рис. 24: 13), обломок бронзового браслета (рис. 24: 11), овальная бляшка с отверстиями по краям (рис. 24: 12), три рифлёные трубчатые пронизки (рис. 22: 10) и три бронзовые ярусные бляшки (рис. 24: 7–9). На дне у северо-восточного угла

ящика стоял керамический круглодонный сосуд грубой формовки, без орнамента; на его шейке два отверстия, сделанные до обжига (рис. 24: 6).

Ограды 39, 40. Основная ограда из плит песчаника, вкопанных на ребро, почти полностью разрушена в ходе земляных работ. Сохранились только плиты восточной стенки и две плиты северной. К средней части восточной стенки пристроена небольшая прямоугольная оградка 40 из разрозненных плит песчаника, вкопанных на ребро, 1,4 × 1,4 м, В–З (рис. 25: 1, 2).

Могилы № 39. В предполагаемом центре ограды 39 трапециевидный ящик размерами 210 × 110 (В) × 95 (З) × 67 см, В–З, из плит песчаника, установленных на ребро (рис. 25: 3). Перекрытие отсутствует. В заполнении ящика — разрозненные кости мужчины 40–50 лет и животных. Среди них найдены шило с деревянной рукоятью (рис. 25: 7), обломки проволочного височного кольца (рис. 25: 4–6) и обломки сильно окисленных скобочек (рис. 25: 8–12)

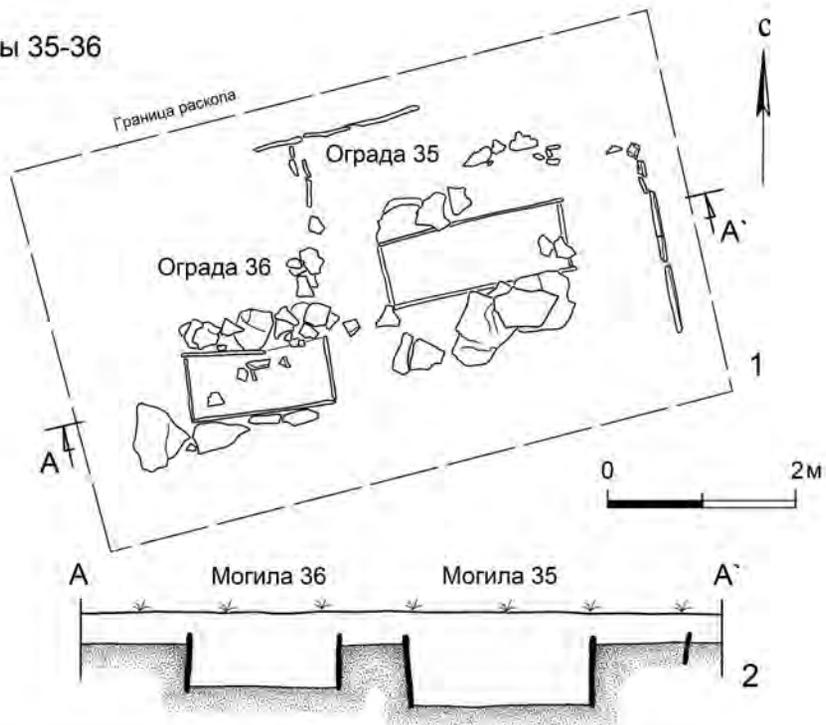
Могилы № 40. Почти вплотную к западной стенке оградки 40 сооружён прямоугольный ящик размерами 85 × 45 × 50 см, В–З, из плит песчаника, поставленных на ребро (рис. 25: 13). Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика — несколько обломков рёбер ребёнка и кости барана (обломок ребра и кость ноги). Там же найдены фрагменты керамического сосуда сферической формы, декорированного заштрихованными треугольными фестонами (рис. 25: 14) и миниатюрный пластинчатый браслет (рис. 25: 15).

Ограда 41. Прямоугольная ограда 2,0 × 2,0 (?) м, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро (рис. 26: 1, 2). Северо-западная и часть северо-восточной стенок её не сохранились.

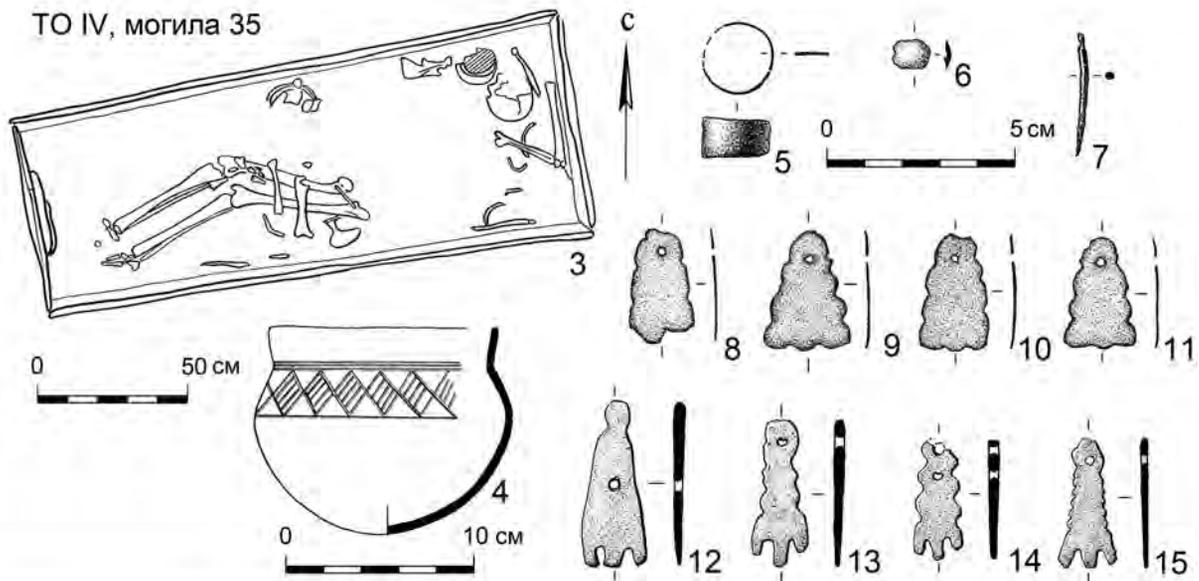
Могилы № 41. В центре ограды трапециевидный ящик размерами 110 × 55 (ВСВ) × 45 (ЗЮЗ) × 45 см из плит песчаника, установленных на ребро (рис. 26: 3). Перекрытие отсутствовало. В заполнении могилы — разрозненные кости ребёнка до одного года, кости ног и рёбра барана, а также бронзовое проволочное колечко (рис. 26: 4) и пластинчатая бляшка-двойчатка (рис. 26: 5).

Ограда 42. Могильная ограда прямоугольная из плит песчаника, врытых на ребро, 7,2 × 5,5 м,

ТО IV, ограды 35-36

ТО IV, могила 35

ТО IV, могила 36

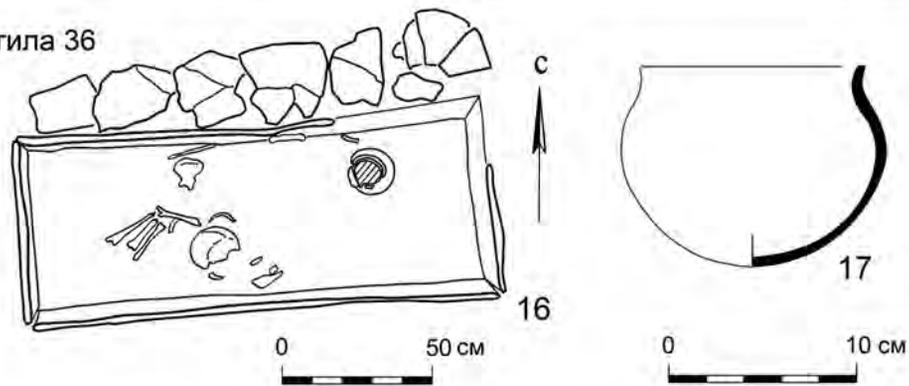
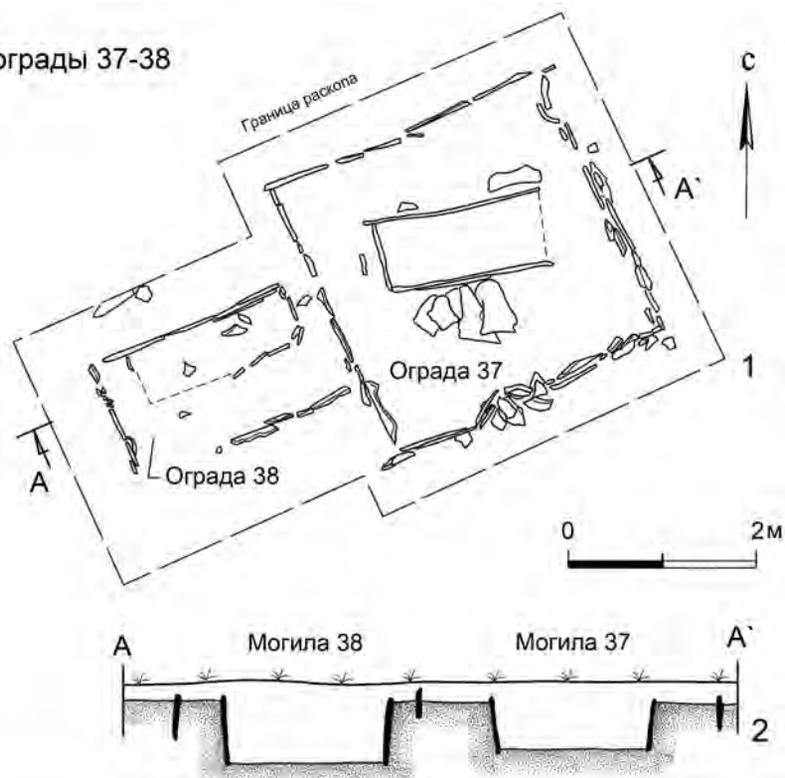
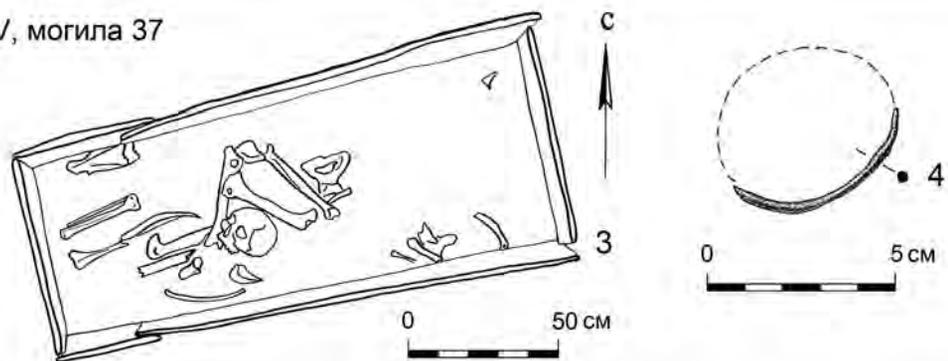

Рис. 23. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 35, 36, чертежи могил 35, 36 (3, 16) и артефакты из них (5-15 – медь (бронза?); 4, 17 – керамика)

ТО IV, ограды 37-38

ТО IV, могила 37

ТО IV, могила 38

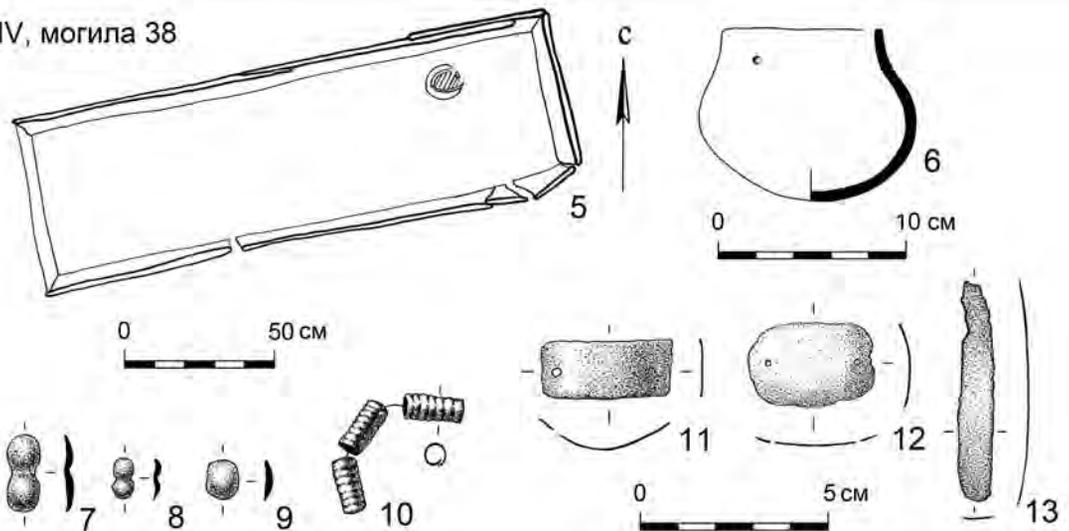
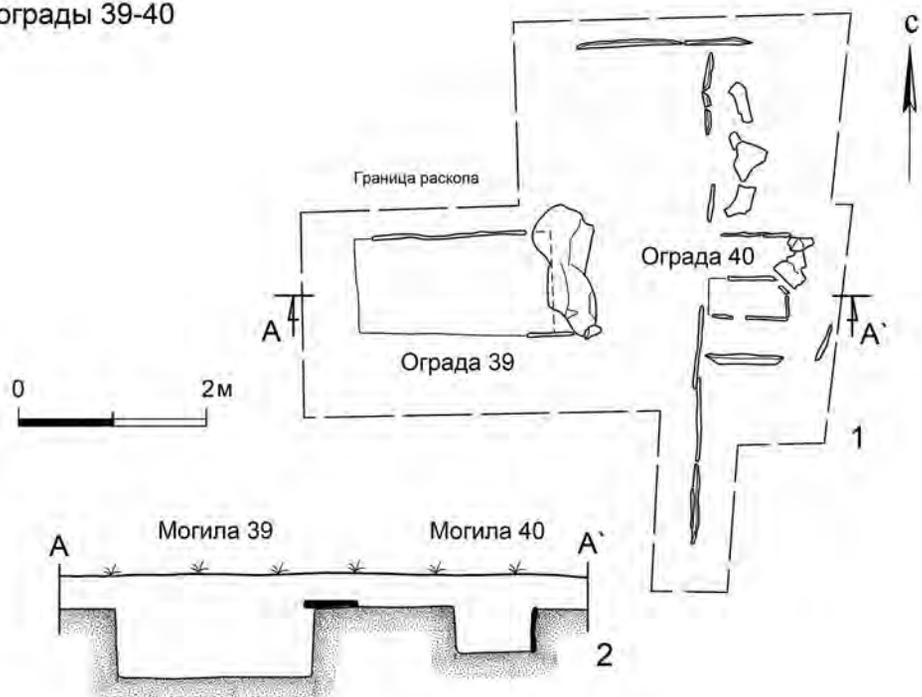
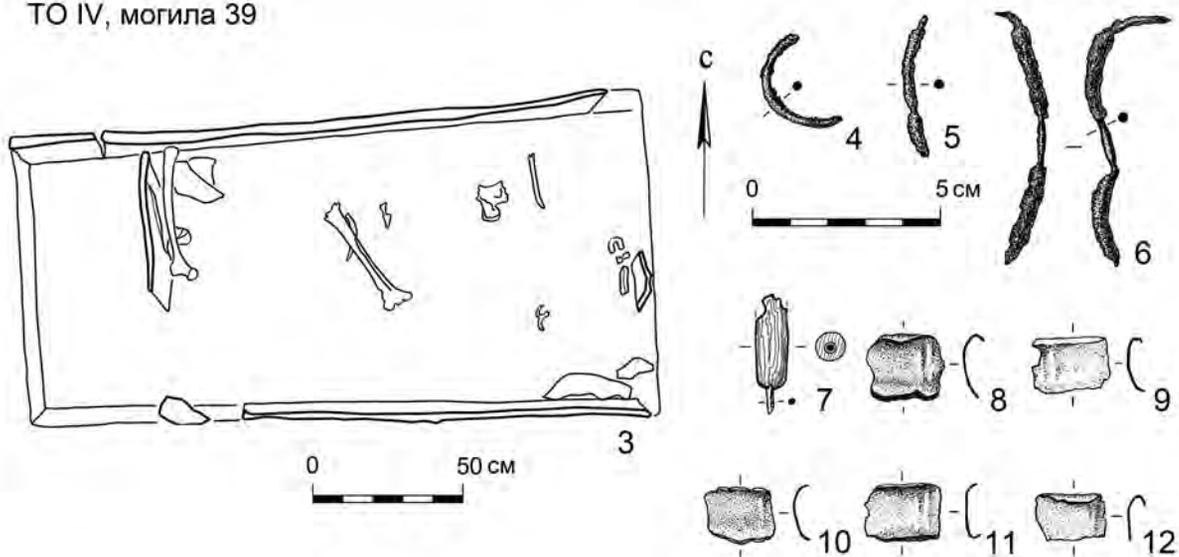

Рис. 24. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 37, 38, чертежи могил 37, 38 (3, 5) и артефакты из них (4, 7-13 – медь (бронза?); 6 – керамика)

ТО IV, ограды 39-40

ТО IV, могила 39

ТО IV, могила 40

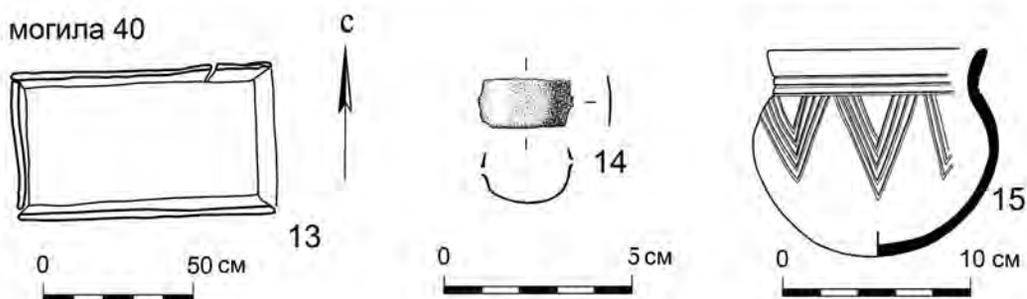

Рис. 25. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 39, 40, чертежи могил 39, 40 (3, 13) и артефакты из них (4-6, 8-12, 14 - медь (бронза?); 15 - керамика; 7 - дерево, медь (бронза?))

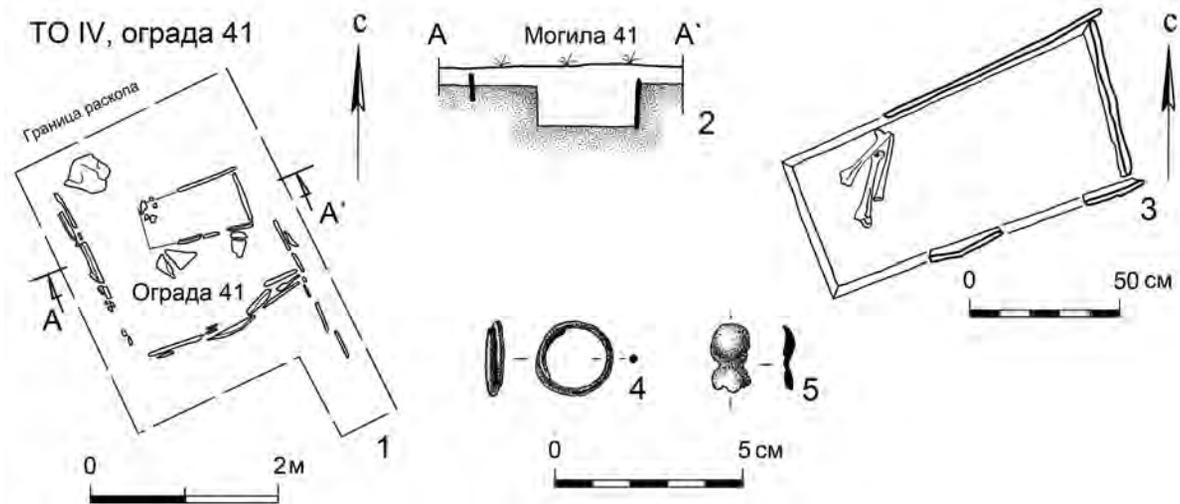

Рис. 26. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 41, чертёж могилы 41 (3) и артефакты из неё (4, 5 – медь (бронза?))

ВСВ–ЗЮЗ (рис. 27: 1, 2). Северо-восточный и юго-западный углы ограды не сохранились (срезаны бульдозером). К северной части западной стенки ограды 42 были пристроены две небольших оградки. В каждой из них находился каменный ящик из плит песчаника, установленных на ребро. Обе оградки нами расчистке не подвергались, в связи с тем что оба ящика в них были незадолго до этого кем-то хищнически раскопаны. Ящики обнажены до самого дна, на бортах могил, в отвалах валялись обломки человеческих костей.

Могила № 42. В центре ограды – трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размером 220 × 115 (ВСВ) × 95 (ЗЮЗ) × 70 см (рис. 27: 3). Над могилой остатки плитнякового перекрытия, пробитого грабителями. В заполнении ящика разрозненные кости мужчины 35–40 лет, а также обломки трубчатых пронизок (рис. 27: 4, 5) и бронзовая бляшка-пуговица с петелькой (рис. 27: 6). На дне могилы сохранились в положении, близком к анатомическому, кости ног мужчины. Судя по ним, он был положен вытянуто, головой на ВСВ. В западном конце ящика находились кости ног и рёбра коровы и барана.

Могила № 43. Ограда могилы разрушена бульдозером. Ящик четырёхугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, 152 × 74 (ЗЮЗ) × 70 (ВСВ) × 48 см (рис. 28: 1, 2). Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика разрозненные кости барана, плечевая кость подростка до 12 лет и бронзовое проволочное колечко (рис. 28: 3).

Могила № 44. Ограда могилы разрушена бульдозером. Прямоугольный ящик из плит песчаника,

установленных на ребро, размером 200 × 85 × 62 см (рис. 28: 4, 5). В заполнении ящика беспорядочный завал плит перекрытия вперемешку с разрозненными костями мужчины 20–30 лет, коровы и барана. Там же обломки керамического сосуда сферической формы, декорированного пояском из заштрихованных ромбов (рис. 28: 7). В восточном конце ящика найдено два обломка бронзового проволочного колечка (рис. 28: 6).

Ограда 45. Могильная ограда прямоугольной формы из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 5,2 × 4,6 (?) м, СВ–ЮЗ (рис. 29: 1, 2). Юго-восточная стена ограды срезана бульдозером.

Могила № 45. В центре ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 165 × 80 (ВСВ) × 70 (ЗЮЗ) × 50 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 29: 3). Над могилой перекрытие из плашмя уложенных плит, пробитое в центре грабителями. В заполнении ящика разрозненные кости мужчины 30 лет. На дне в анатомическом сочленении сохранились кости верхней части скелета и берцовые кости со стопами. Погребённый был положен вдоль южной стенки, на правый бок со слабо подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Одна рука вытянута перед туловищем. Под черепом погребённого находились миниатюрное проволочное колечко (рис. 29: 4) и трубчатая пронизка (рис. 29: 5), а на нижней челюсти – бронзовый нож (рис. 29: 6). В северо-восточном углу могилы стоял керамический слабо лощёный сосуд сферической формы, украшенный по шейке семью прочерченными линиями и группами круглых

наколов (рис. 29: ч 7). У середины северной стенки лежали остатки заупокойной пищи: кости ног, рёбра и лопатка барана.

Ограда 46. Фрагментарно сохранившаяся прямоугольная ограда из плит красного песчаника,

вкопанных на ребро, размерами 4,2 × 4,4 м, СВ–ЮЗ (рис. 30: 1, 2).

Могила № 46. В центре ограды прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 182 × 77 × 60 см, СВ–ЮЗ (рис. 30: 3).

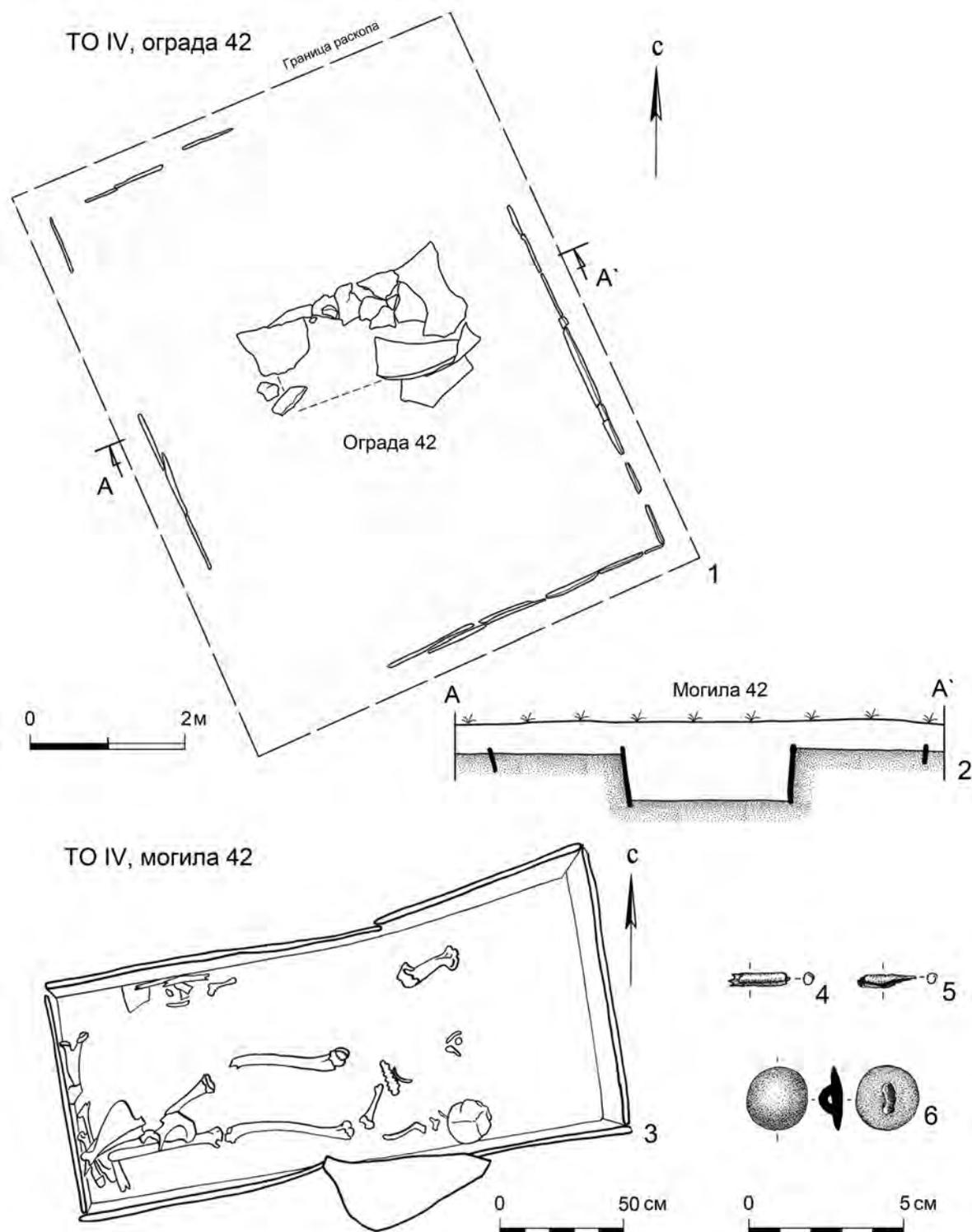
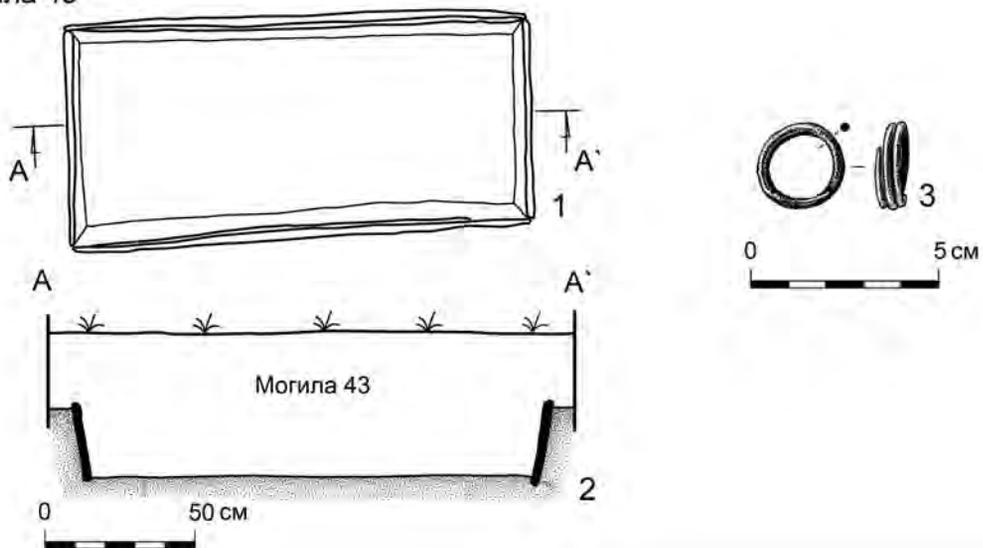

Рис. 27. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 42, чертёж могилы 42 (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?))

ТО IV, могила 43

ТО IV, могила 44

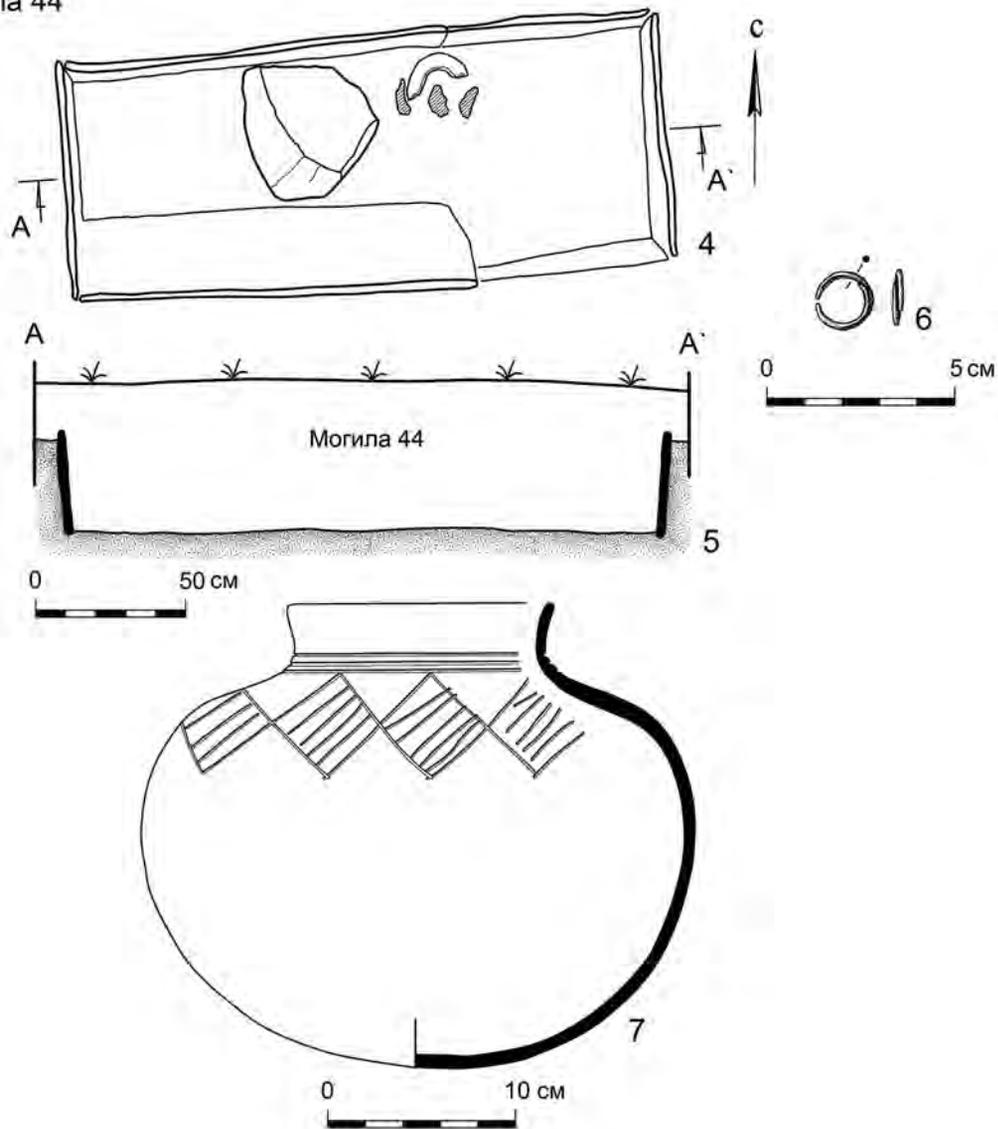

Рис. 28. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 4), разрезы (2, 5) могил 43, 44 и артефакты из них (3, 6 – медь (бронза?); 7 – керамика)

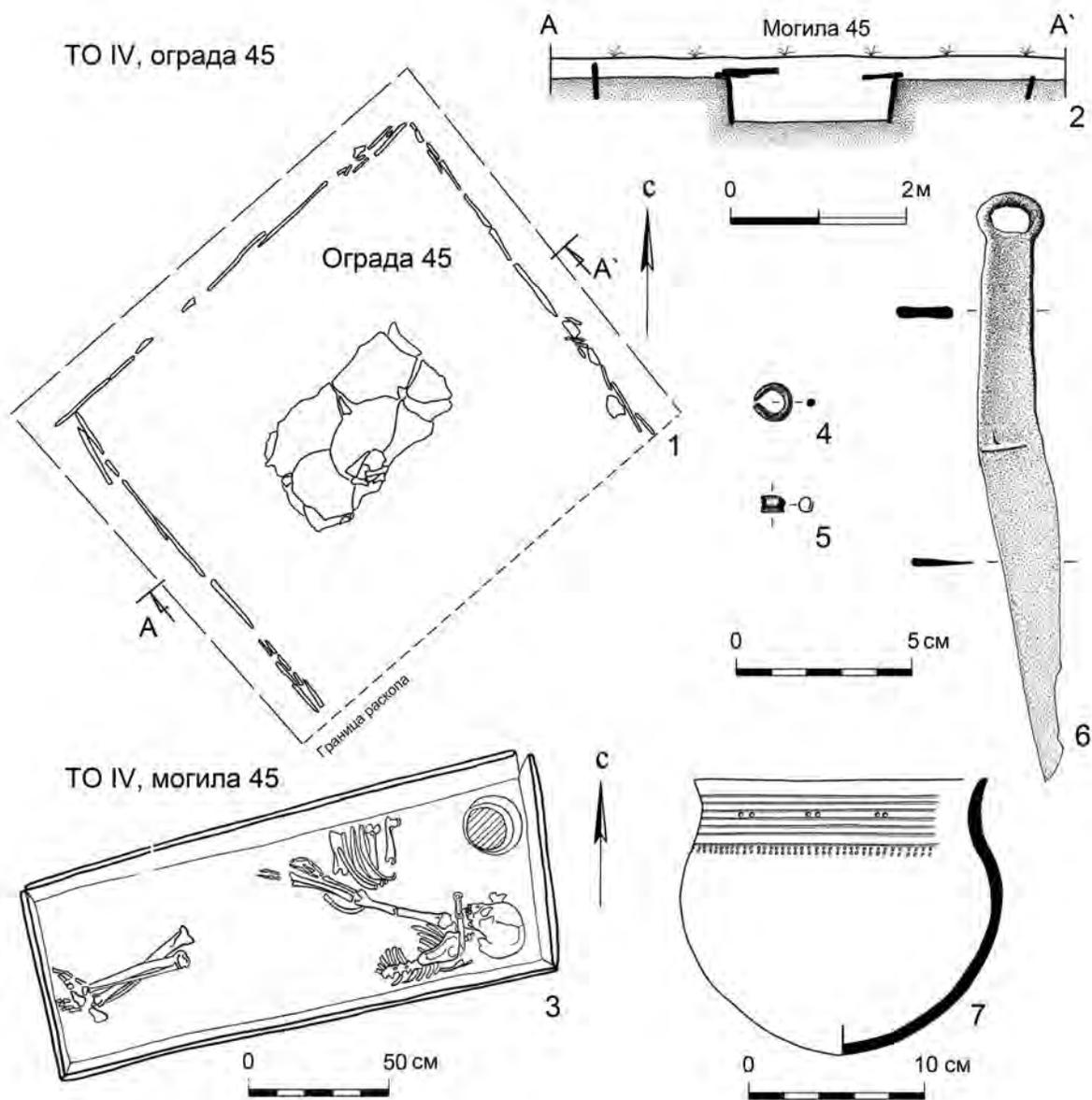

Рис. 29. Тагарский Остров IV. Чертежи (1), разрезы (2) ограды 45, чертёж могила 45 (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?); 7 – керамика)

Плиты перекрытия сохранились только над восточной частью ящика. В заполнении ящика разрозненные кости женщины 30–40 лет. Среди них найдены две бронзовые бляшки (рис. 30: 4, 5), бронзовая скобочка (рис. 30: 6) и бронзовое шило с деревянной рукоятью (рис. 30: 7). На дне могилы сохранилась в положении, близком к анатомическому, часть грудной клетки, судя по которой, погребённая была положена головой на СВ. В северном углу ящика стояли два керамических сосуда. Крупный сосуд сферической формы украшен по шейке двумя рядами косых насечек и группами круглых вдавлений (рис. 30: 8). Сосуд поменьше не орнаментирован (не сохранился. — А. П.).

Ограды 47, 48. Основная могильная ограда прямоугольной формы из плит песчаника, поставленных на ребро, 6,2 × 5,5 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 31: 1, 2). К середине западной стенки с наружной стороны примыкает вертикально вкопанная плита, назначение которой осталось неясным (вероятно, «указатель могилы». — А. П.). К южному концу западной стенки ограды пристроена небольшая прямоугольная оградка размерами 1,8 × 1,6 м, ВСВ–ЗЮЗ.

Моида № 47. В центре основной ограды прямоугольный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 215 × 110 (ВСВ) × 90 (ЗЮЗ) × 68 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 31: 3). Плиты перекрытия

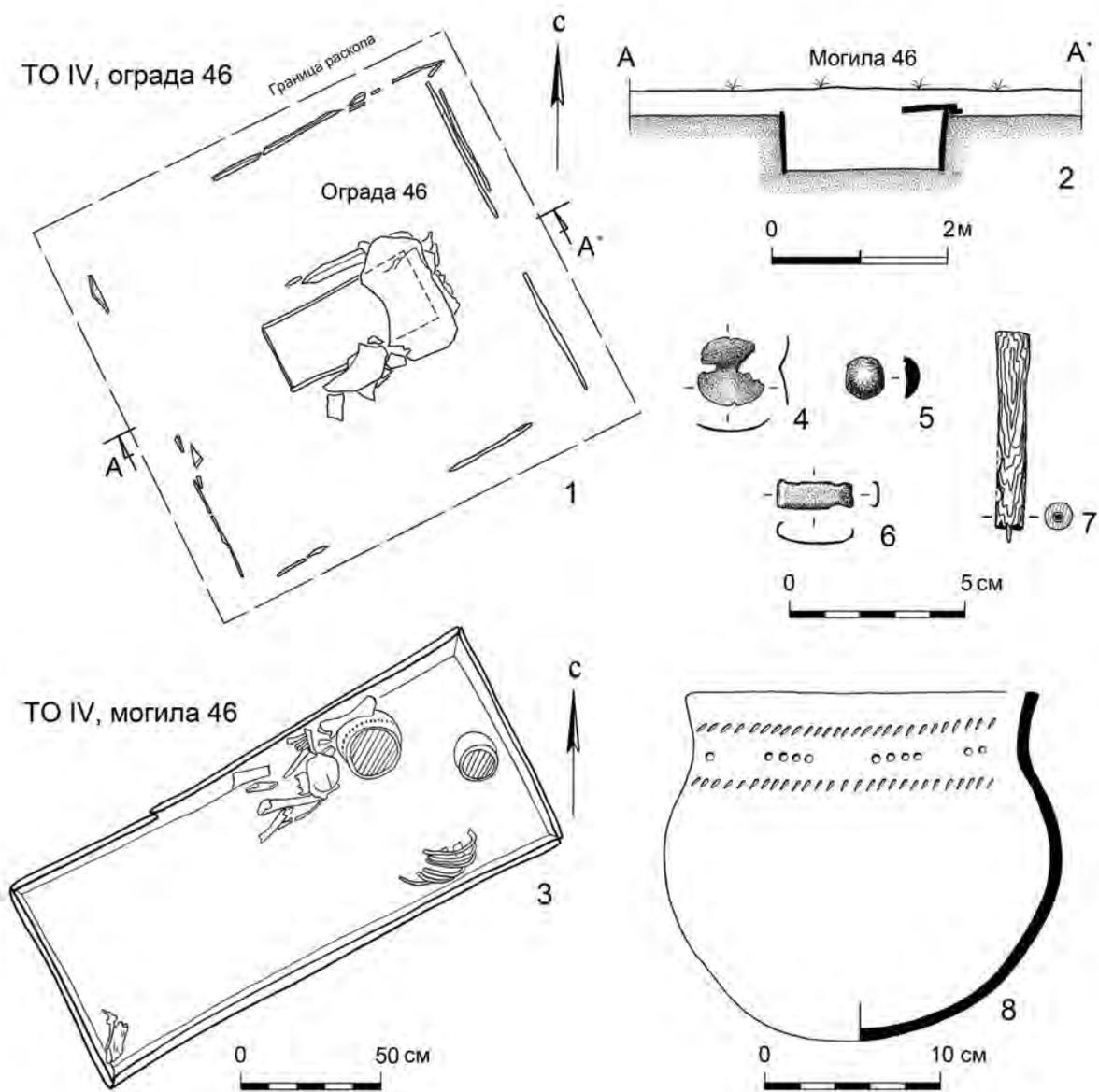

Рис. 30. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 46, чертёж могилы 46 (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?); 8 – керамика; 7 – дерево, медь (бронза?))

сброшены. В заполнении ящика разрозненные кости мужчины 50–60 лет, кости коровы и барана, а также бронзовая трубчатая пронизка (рис. 31: 4). Череп погребённого находился в северо-западном углу могилы.

Могилы № 48. Прямоугольный погребальный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 88 × 50 × 46 см, примыкает вплотную к западной стенке ограды 47 (рис. 31: 5). Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка, а также обломки рёбер, кости ног и лопатка барана. Среди них найдены: пластинчатая бляшка-двойчатка (рис. 31: 6), медная пластинка (рис. 31: 7), четыре лапчатых привески

(рис. 31: 8–11) и обломки глиняного сосуда, орнаментированного по основанию шейки тремя поперечными линиями, ниже один ряд заштрихованных ромбов (рис. 31: 12). За пределами ящика у его северо-восточного угла найдены обломки керамического сосуда сферической формы, слабо лощёного, украшенного по шейке группами круглых вдавлений (рис. 31: 13).

Ограды 49, 50. Основная могильная ограда прямоугольная из плит песчаника, вкопанных на ребро, полуразрушена бульдозером, размерами 4,4 × 4,6 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 32: 1, 2). Сохранилась фрагментарно. К северной половине её западной

стенки пристроена прямоугольная оградка размерами 1,9 × 2,1 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, вкопанных на ребро.

Могила № 49. В центре основной ограды ящик трапециевидной формы, размерами 210 × 94 (ВСВ) × 80 (ЗЮЗ) × 60 см, из плит песчаника, установленных на ребро (рис. 32: 3). Плиты перекрытия отсутствовали. Вдоль восточной и южной стенок плашмя уложенные плиты «кокошника». В заполнении ящика разрозненные кости взрослого человека (возможно, мужчины), барана и коровы. Среди костей находились обломки керамического сосуда сферической формы, украшенного по основанию шейки рядом угловатых наколов (рис. 32: 4). На дне могилы сохранилась в анатомическом сочленении стопа одной ноги. Судя по ней, покойник был положен головой на восток.

Могила № 50. В центре ограды 50 ящик неправильной четырёхугольной формы из плит песчаника, поставленных на ребро, 85 × 48 × 30 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 32: 5). В заполнении разрозненные кости ребёнка трёх лет, а также рёбра и кости ног барана. Среди них найдены: керамический сосуд сферической формы, украшенный по основанию шейки одной прочерченной линией (рис. 32: 6), проволочное колечко (рис. 32: 7), бляшка-двойчатка (рис. 32: 8) и скобочка (рис. 32: 9).

Ограда 51. Могильная ограда прямоугольной формы из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 2,3 × 2,4 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 33: 1, 2). К середине западной стенки с наружной стороны примыкает вертикально вкопанная плита, назначение которой осталось неясным (вероятно, «указатель могилы». — А. П.).

Могила № 51. В центре ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 94 × 68 (ВСВ) × 50 (ЗЮЗ) × 40 см. Плиты перекрытия разбросаны. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка трех лет, миниатюрный керамический сосуд, орнаментированный пояском из прочерченных линий (рис. 33: 3), трубчатая пронизка (рис. 33: 4), обломок медной пластинки (рис. 33: 5), ребро и кости ног ягнёнка.

Ограды 52–54. Основная могильная ограда (53) прямоугольная из плит песчаника, вкопанных на ребро, размерами 1,9 × 2,0 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 34: 1, 2). Южная стенка ограды, по-видимому, служит также северной стенкой ограды 52, а восточная — западной

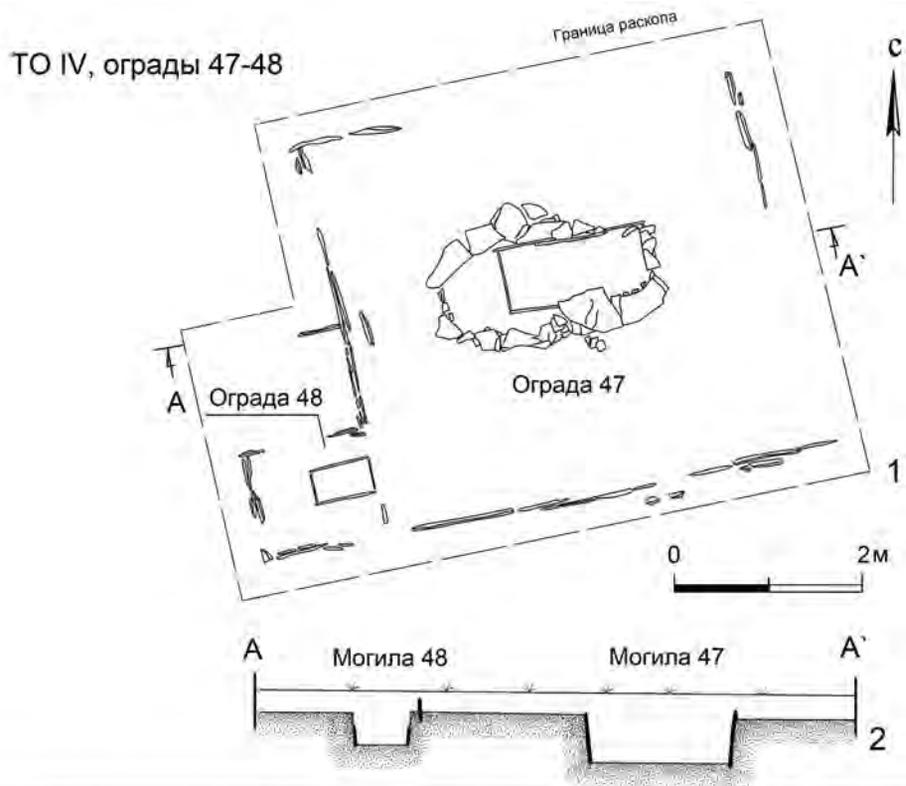
стенкой ограды 54. От ограды 52 сохранился только северо-восточный угол. Плиты песчаника врыты на ребро. От ограды 54 сохранились только части северной и западной стенок из плит, врытых на ребро, и одна плита восточной стенки. Её предположительные размеры: 1,3 × 1,0 м, ВСВ–ЗЮЗ.

Могила № 52. В ограде 52 прямоугольный ящик из плит, установленных на ребро, размерами 80 × 60 × 30 см, В–З (рис. 34: 3). Перекрытие отсутствует. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка до одного года, бронзовые ярусные бляшки (рис. 34: 4, 5) и три ребра ягнёнка. В западном конце могилы стояло два керамических сосуда сферических форм грубоватой формовки. Один без орнамента (рис. 34: 6), а второй украшен по основанию шейки двумя прочерченными линиями с группами точечных наколов между ними (рис. 34: 7).

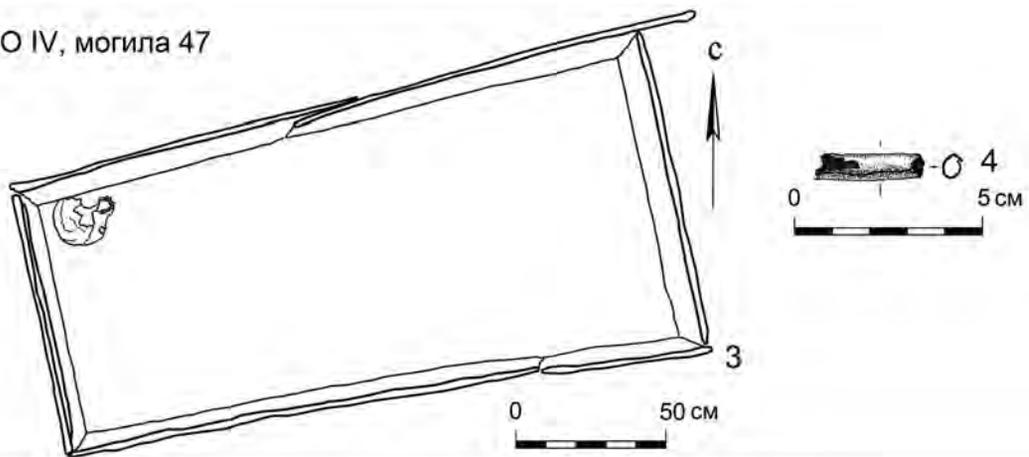
Могила № 53. В центре 53 ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 122 × 70 (З) × 62 (В) × 35 см, В–З. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка до трёх лет, барана и маленький фрагмент керамического сосуда, украшенного по основанию шейки тремя прочерченными линиями и горизонтальной «ёлочкой» (рис. 34: 8).

Могила № 54. В центре ограды 54 прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 77 × 55 × 30 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 34: 9). Плиты восточной стенки сохранились не полностью. Перекрытие отсутствует. В заполнении могилы разрозненные кости ребёнка двух с половиной — трёх лет и обломки лощёного керамического сосуда сферической формы, украшенного по основанию шейки угловатыми насечками (рис. 34: 10).

Могила № 55. Ограда не сохранилась. Трапециевидный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами 68 × 58 (СВ) × 46 (ЮЗ) × 30 см, СВ–ЮЗ (рис. 35: 1, 2). Перекрытие отсутствует. В заполнении ящика разрозненные кости младенца шести месяцев и бронзовые предметы: проволочное колечко (рис. 35: 6), две трубчатых пронизки (рис. 35: 7, 8), две овальные пластинчатые бляшки с отверстиями по краям (рис. 35: 9, 10), две ярусные бляшки (рис. 35: 3, 4), обломок пластинки (рис. 35: 5) и обломки керамического сосуда с уступом без орнамента (рис. 35: 11). Ещё два сосуда находились на дне могилы, в северо-восточном углу. Один из них декорирован по основанию шейки группами угловатых

ТО IV, могила 47

ТО IV, могила 48

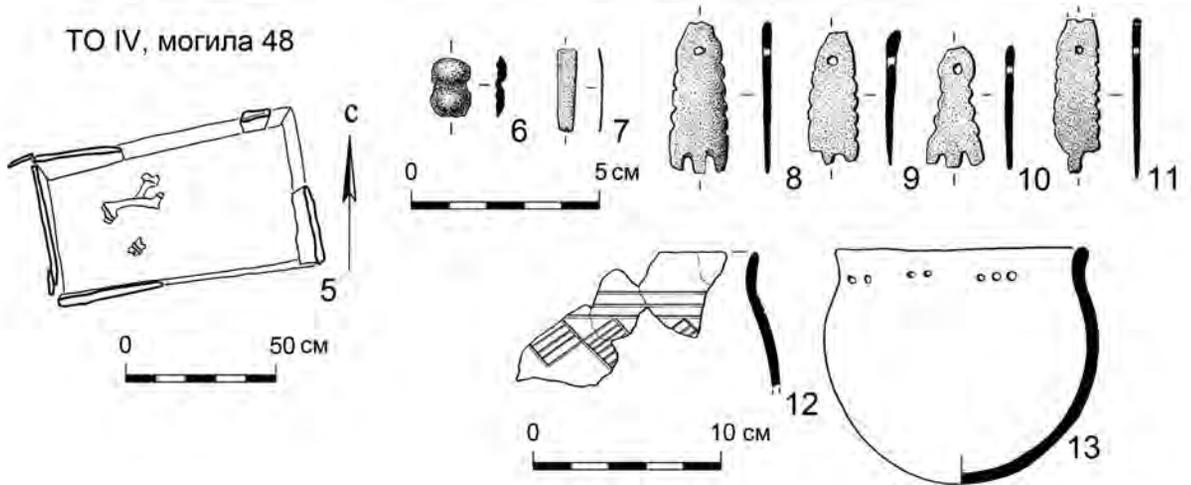
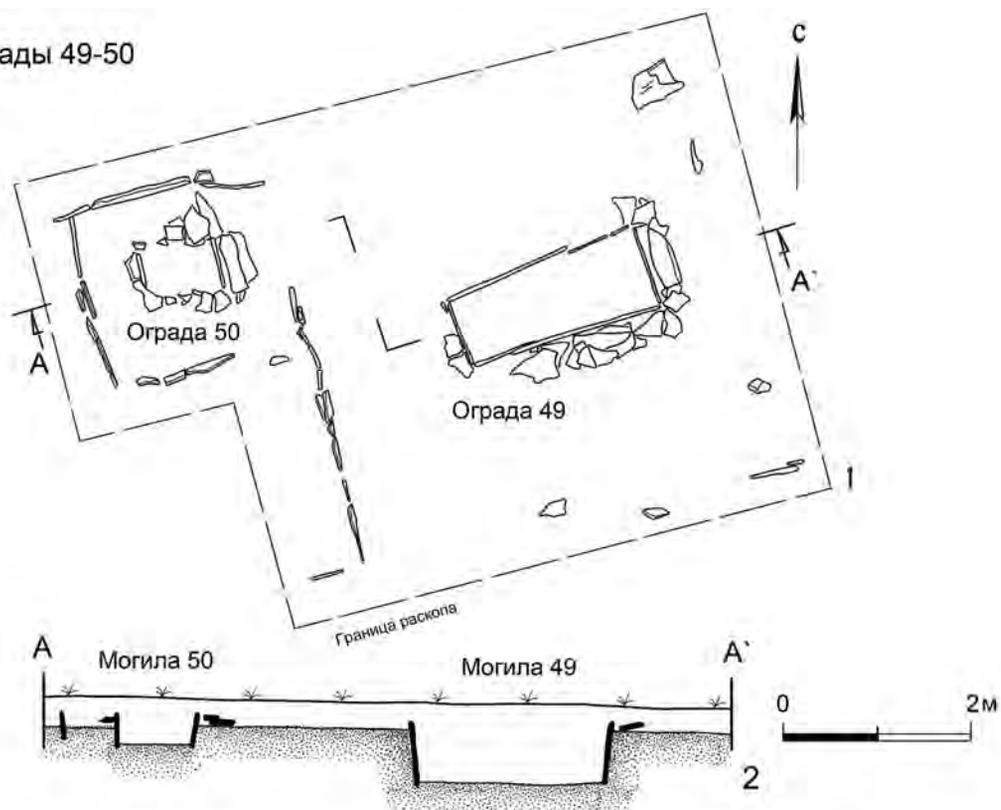
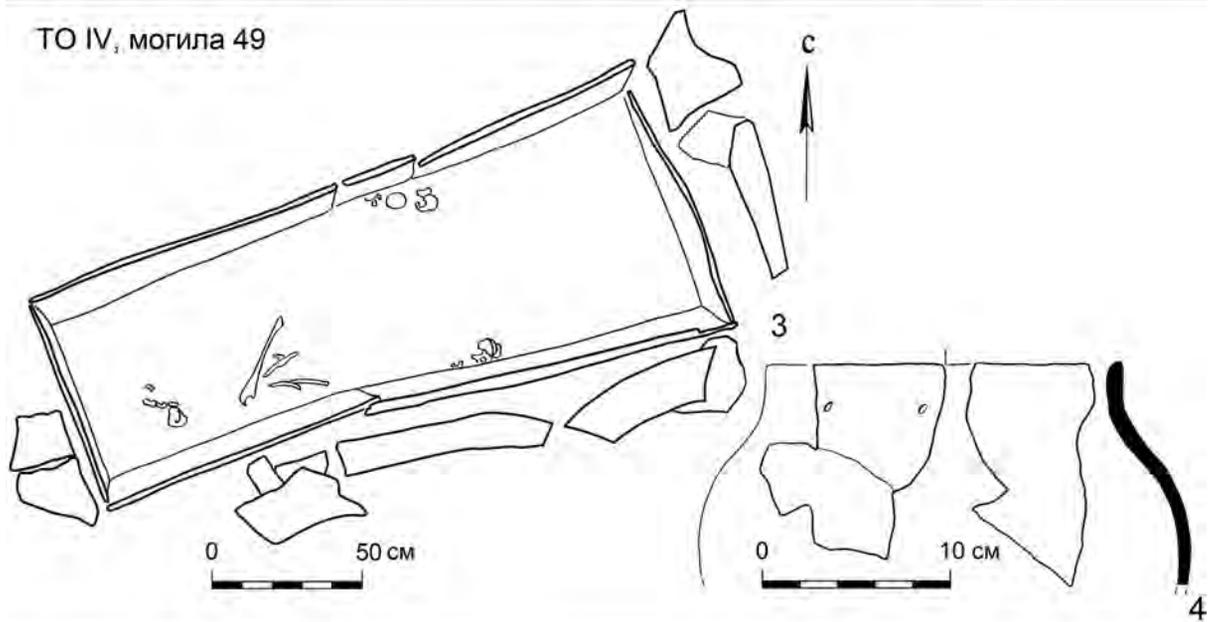

Рис. 31. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 47, 48, чертежи могил 47, 48 (3, 5) и артефакты из них (4, 6-11 – медь (бронза?); 12, 13 – керамика)

ТО IV, ограды 49-50

ТО IV, могила 49

ТО IV, могила 50

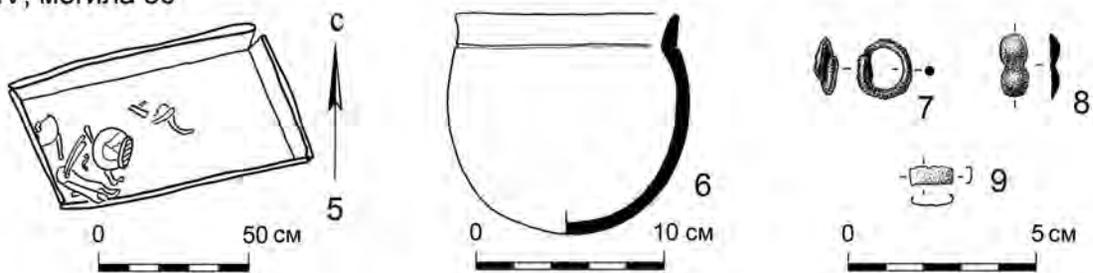

Рис. 32. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 49, 50, чертежи могил 49, 50 (3, 5) и артефакты из них (7, 8 – медь (бронза?); 4, 6 – керамика)

ТО IV, ограда 51

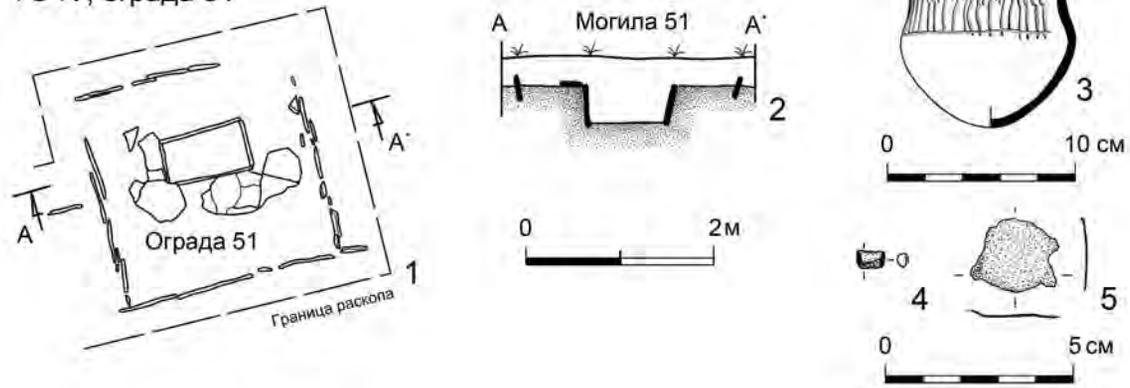
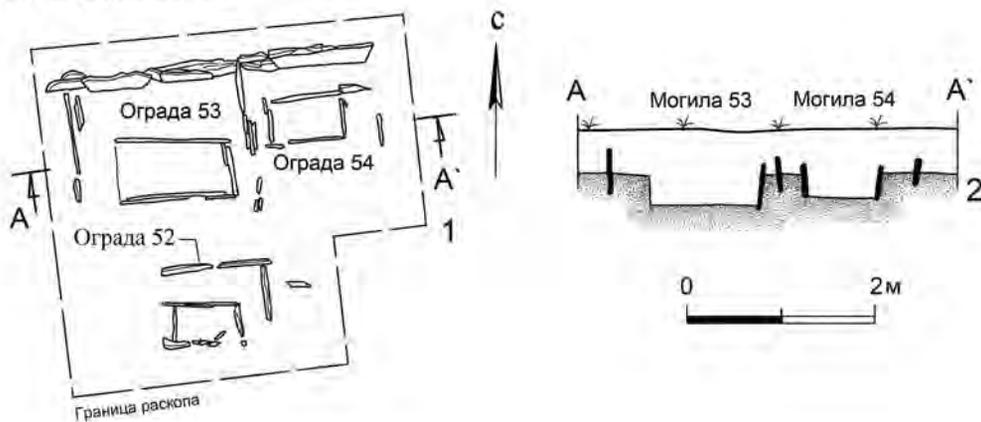
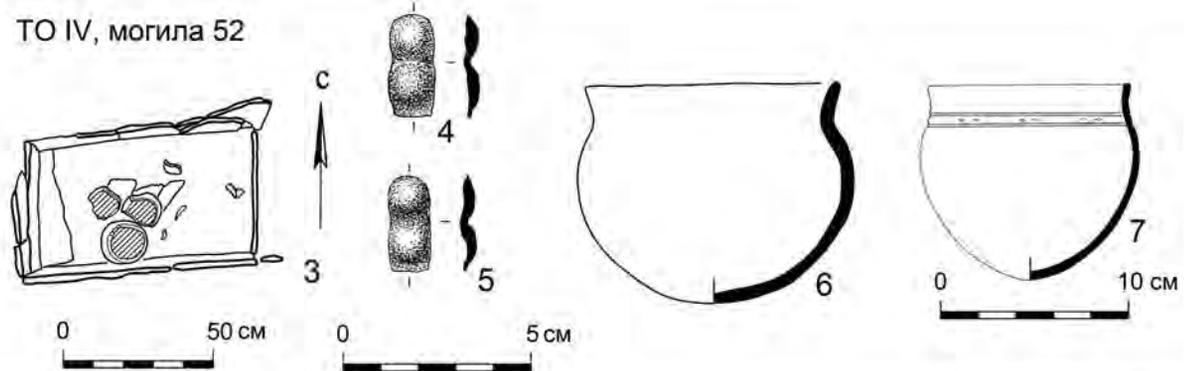

Рис. 33. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) ограды 51 и артефакты из могилы 51 (4, 5 – медь (бронза?); 3 – керамика)

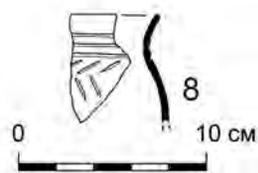
ТО IV, ограды 52-54

ТО IV, могила 52

ТО IV, могила 53

ТО IV, могила 54

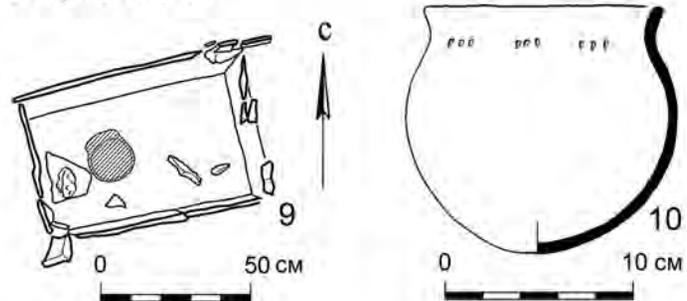

Рис. 34. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 52-54, чертежи могил 52, 54 (3, 8) и артефакты из могил 52-54 (4, 5 – медь (бронза?); 6-8, 10 – керамика)

насечек (рис. 35: 12), круглодонный сосуд с тремя прочерченными линиями и косыми насечками (рис. 35: 13). Вдоль северной стенки ящика располагались кучкой кости ног и лопатка коровы.

Ограды 56–58. Основная могильная ограда (56) прямоугольная из плит песчаника, врытых на ребро, 4,0 × 4,1 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 36: 1, 2). Её северная и восточная стенки сохранились не полностью. К южной половине западной стенки пристроена прямоугольная оградка размерами 2,8 × 1,8 м, разделённая внутренней перегородкой на два сектора. В каждом из них по могиле (№ 57, 58).

Могилы № 56. В центре основной ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 190 × 85 (ВСВ) × 67 (ЗЮЗ) × 56 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 36: 3). Плиты перекрытия сохранились только на бортах могилы. В заполнении ящика разрозненные кости женщины 20–30 лет, три бронзовых бляшки-двойчатки, из которых одна в обломках (рис. 36: 13–17), пластинка (вероятно, фрагмент пластинчатого браслета с пуансонным орнаментом. — А. П.) (рис. 36: 12) и неорнаментированные обломки керамического сосуда. На дне могилы сохранились в анатомическом положении кости ног погребённой женщины (отсутствует одно бедро). Судя по ним, она лежала вытянуто на спине, вдоль южной стенки ящика, головой на ВСВ. В области стоп погребённой находились восемь бронзовых гвоздевидных бляшек (рис. 36: 4–11). У юго-западного угла могилы лежали кучно кости ног и ребра коровы и барана.

Могилы № 57. В центре восточного сектора ящик слабо выраженной трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 75 × 60 (ВСВ) × 53 (ЗЮЗ) × 30 см (рис. 36: 18). Перекрытие отсутствует. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка до семи лет и барана, а также обломки двух керамических сосудов. Один из них сферической формы украшен группами наколов, прочерченными линиями и треугольными фестонами (рис. 36: 20). Три маленьких фрагмента венечной части второго сосуда украшены по основанию шейки прочерченными линиями. Там же найдена бронзовая трубчатая рифлёная пронизка (рис. 36: 19).

Могилы № 58. В центре западного сектора оградки трапециевидный ящик из плит песчаника, поставленных на ребро, размерами

87 × 57 (ВСВ) × 46 (ЗЮЗ) × 45 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 36: 21). Над северной частью ящика сохранились остатки перекрытия из плит. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка и барана (три кости ног, лопатка, шесть рёбер), а также четыре трубчатых пронизки (рис. 36: 24), две ярусные бляшки (рис. 36: 25, 26), две лапчатых привески (рис. 36: 27, 28) и две овальные бляшки с отверстиями по краям (рис. 36: 29, 30). В северо-восточном углу ящика находились два керамических сосуда сферических форм. Один без орнамента (рис. 36: 22), а второй украшен по основанию шейки прочерченными линиями (рис. 36: 23).

Ограды 59, 60. Основная могильная ограда прямоугольная, из плит песчаника, вкопанных на ребро, размерами 5,6 × 5,2 (?) м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 37: 1, 2). Южная часть ограды расчистка не подвергалась. К южному концу западной стенки ограды была пристроена дополнительная оградка 60. От неё сохранилась только одна врытая на ребро плита.

Могилы № 59. В центре основной ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 190 × 103 (ВСВ) × 80 (ЗЮЗ) × 70 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 38: 1). Плиты перекрытия раскиданы, часть их в заполнении могилы. Среди плитняка разрозненные кости женщины 40–50 лет, кости коровы (три кости ног, лопатка, ребро) и барана (четыре кости ног, лопатка), а также 8 бронзовых бляшек (в обломках) (рис. 38: 3, 10–13), четыре скобочки (рис. 38: 2, 4, 5), обломки проволочного кольца (рис. 38: 6–9) и обломки двух керамических сосудов. Один из них, с уплощённым дном, украшен по основанию шейки тремя прочерченными линиями (рис. 38: 14). Крупный сосуд декорирован по основанию шейки и плечикам тремя прочерченными линиями и сдвоенными треугольниками (рис. 38: 15). На дне могилы в анатомическом положении сохранилась часть костей ног погребённой, судя по которым, она лежала вытянуто, на спине, головой на ВСВ.

Могилы № 60. Погребальный ящик неправильной четырёхугольной формы из плит песчаника, врытых на ребро, частично разрушен, размерами 80 (?) × 50 × 45 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 38: 16). В заполнении разрозненные кости младенца до одного года, обломки керамического сосуда, украшенного по основанию шейки тремя прочерченными линиями, а по плечикам – сдвоенными треугольниками

(рис. 38: 20), пластинчатая бляшка (рис. 38: 18) и бронзовое колечко (рис. 38: 17). На дне могилы у середины северной стенки стоял миниатюрный керамический сосуд, декорированный по шейке тремя прочерченными линиями, а по плечикам — рядом прочерченных крестов (рис. 38: 19).

Ограда 61. Могильная ограда прямоугольная, из разрозненных плит песчаника, врытых на ребро, 3,6 × 3,3 м, ВСВ–ЗЮЗ.

Могила № 61. Вдоль южной стенки оградки, почти вплотную к ней — прямоугольная грунтовая яма размерами 180 × 80 × 55 см, ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении могилы провалившееся перекрытие из шести-семи брёвен небольшого диаметра, уложенных продольно на поперечные переводины (рис. 39: 1). На дне могилы захоронение подростка, положенного вытянуто на спину, головой на ВСВ, с руками вдоль туловища (рис. 39: 2). Его сопровождали: два грубовато сформованных керамических сосуда сферической формы без орнамента, стоявшие в северо-восточном углу могилы (рис. 39: 3, 4), бронзовое колечко у левого виска (рис. 39: 5), обломок бронзовой бляшки в тазу (рис. 39: 6), четыре трубчатых пронизи в области грудной клетки

(рис. 39: 7–10), две округлых бляшки — в области стоп и бронзовое шильце с деревянной рукоятью. У северной стенки могилы находились кости барана (две бедренных, одна берцовая, лопатка и два обломка рёбер).

Могила № 62. Могильная ограда разрушена. Трапециевидный ящик из плит, установленных на ребро, 197 × 82 (СВ) × 64 (ЮЗ) × 55 см, СВ–ЮЗ (рис. 39: 11, 12). Перекрытие отсутствует. В заполнении ящика разрозненные кости женщины 20–30 лет, фрагмент керамического сосуда, украшенного угловатыми насечками (рис. 39: 13), два бронзовых проволочных кольца (рис. 39: 28, 29), две гвоздевидных бляшки (рис. 39: 30, 31), обломок лезвийной части бронзового ножа (рис. 39: 27) и кости барана (три кости ног, лопатка, шесть рёбер, грудина).

На дне ящика сохранились в анатомическом сочленении часть позвоночного столба, таз и кости ног погребённой, судя по которым, она была положена на спину, головой на СВ. В области стоп погребённой находилось 12 пластинчатых бусин (рис. 39: 26) и 11 бронзовых обоймочек (рис. 39: 15–25). Около ящика была найдена крупная бронзовая рифлёная пронизь, которая, очевидно, была

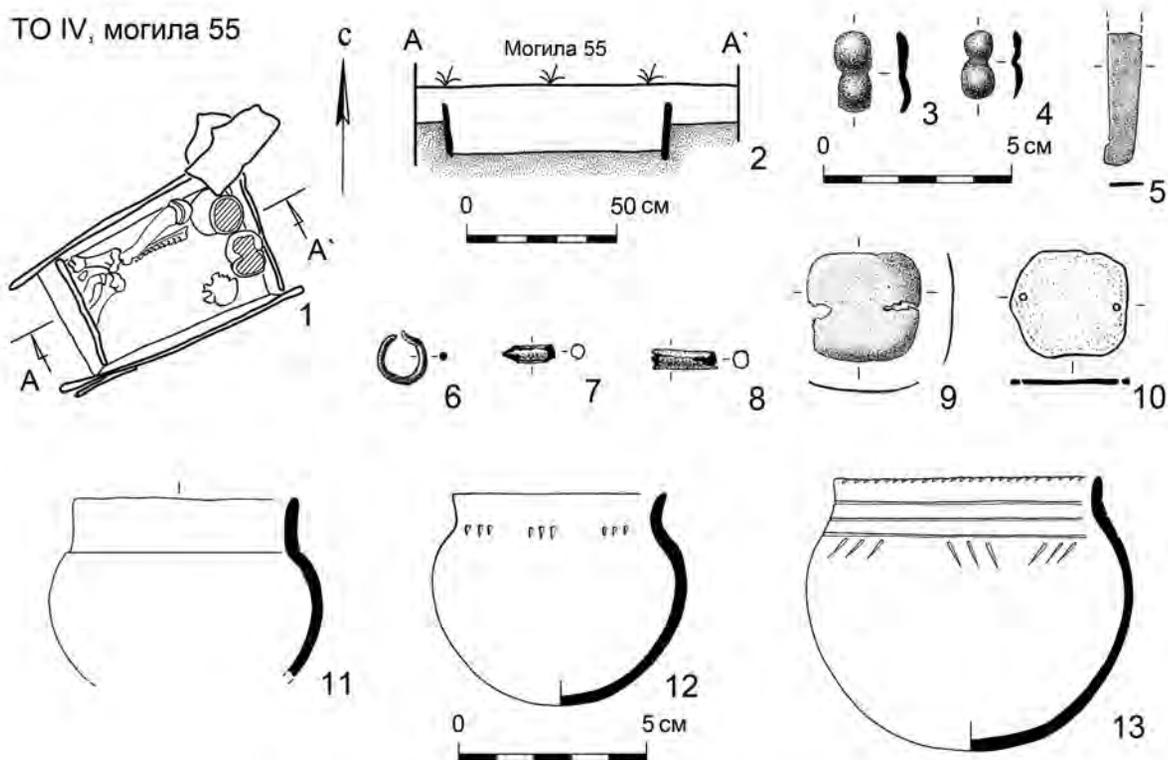

Рис. 35. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) могилы 55 и артефакты из неё (3–10 — медь (бронза?); 11–13 — керамика)

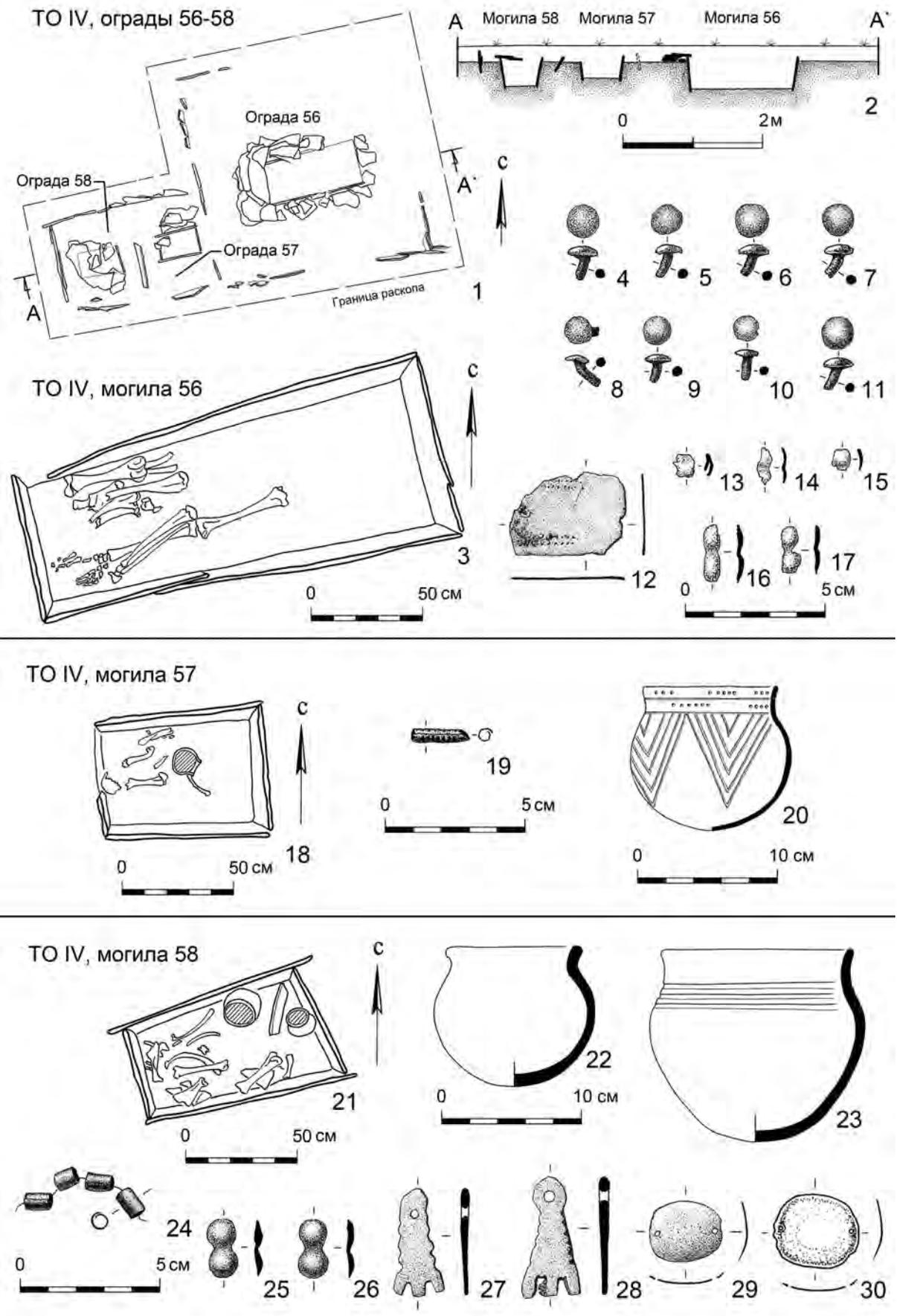

Рис. 36. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 56–58, чертежи могил 56–58 (3, 18, 21) и артефакты из них (4–17, 19, 24–30 – медь (бронза?); 20, 22, 23 – керамика)

выброшена из могилы (рис. 39: 33). (В хранении музея за этой могилой числятся ещё два обломка бронзовых предметов, не указанные в отчёте (рис. 39: 14, 32). — А. П.)

Ограды 63, 64. Основная могильная ограда прямоугольная, из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 4,6 × 5,7 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 40: 1, 2). К северной части западной стенки ограды была пристроена небольшая оградка, от которой сохранилось только несколько плит северной и южной стенок.

Могилы № 63. В центре основной ограды трапециевидный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 210 × 90 (ВСВ) × 80 (ЗЮЗ) × 70 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 40: 3). От перекрытия ящика сохранилось только несколько обломков плит на бортах и в заполнении могилы. Среди обломков плитняка находились разрозненные кости мужчины 40–60 лет, кости коровы (три кости ног, лопатка, четыре ребра) и барана (три кости ног, лопатка, два ребра), а также обломки бронзовых трубчатых пронизок (рис. 40: 4–9). На дне могилы частично сохранились в анатомическом сочленении кости ног погребённого (отсутствует одна бедренная и стопа). Судя по ним, он лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами, головой на ВСВ. У северо-восточного угла мо-

гилы находился керамический круглодонный сосуд со следами лощения, украшенный по основанию шейки тремя прочерченными линиями (рис. 40: 10).

Могилы № 64. В остатках пристройки прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 60 × 46 × 30 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие отсутствовало. Борты ящика обложены с внешней стороны плашмя уложенными плитами — «кокошником». В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка, два ребра барана, астрагал коровы и крупная бронзовая бляшка, изъеденная окисью (рис. 40: 11).

Ограда 65. Полуразрушенная прямоугольная ограда из плит песчаника, вкопанных на ребро, 3,4 × 3,2 (?) м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 41: 1, 2).

Могилы № 65. В центре ограды прямоугольная грунтовая яма размерами 146 × 86 × 65 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие отсутствовало. Стенки ямы были обставлены вертикальными плитами в виде ящика, от которых сохранилась лишь часть плит западной стенки. В заполнении могилы лишь обломки костей ног и рёбер коровы и барана. Вещей нет.

Могилы № 66. Ограда не сохранилась. Ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 186 × 94 (ВСВ) × 82 (ЗЮЗ) × 70 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 41: 3).

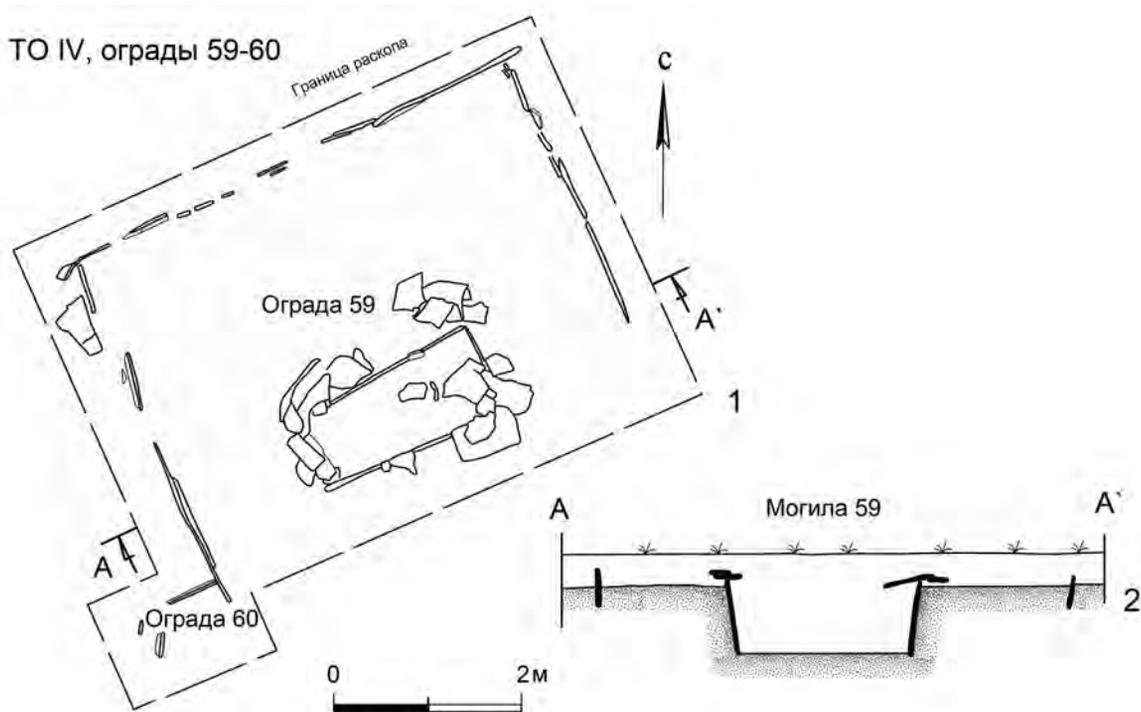
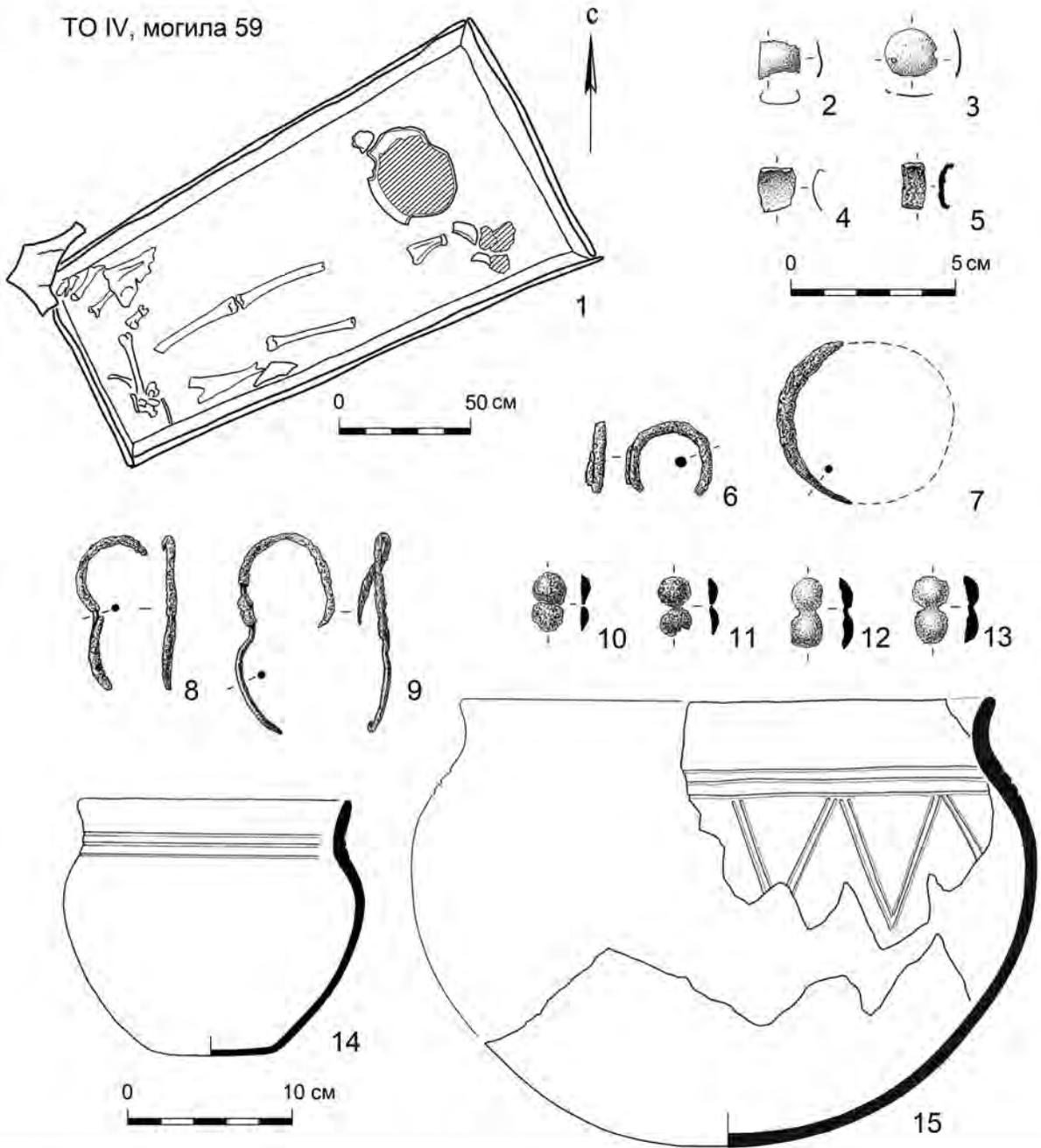

Рис. 37. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 59, 60

ТО IV, могила 60

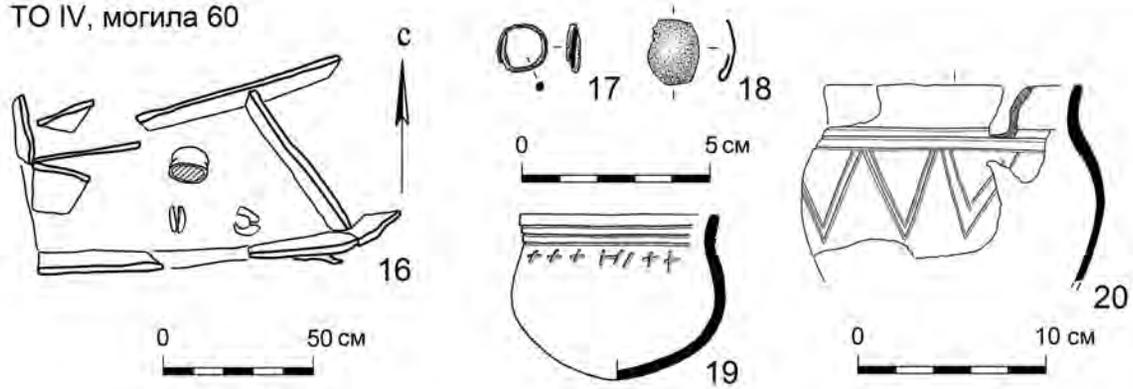

Рис. 38. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 16) могил 59, 60 и артефакты из них (2–13, 17, 18 – медь (бронза?); 14, 15, 19, 20 – керамика)

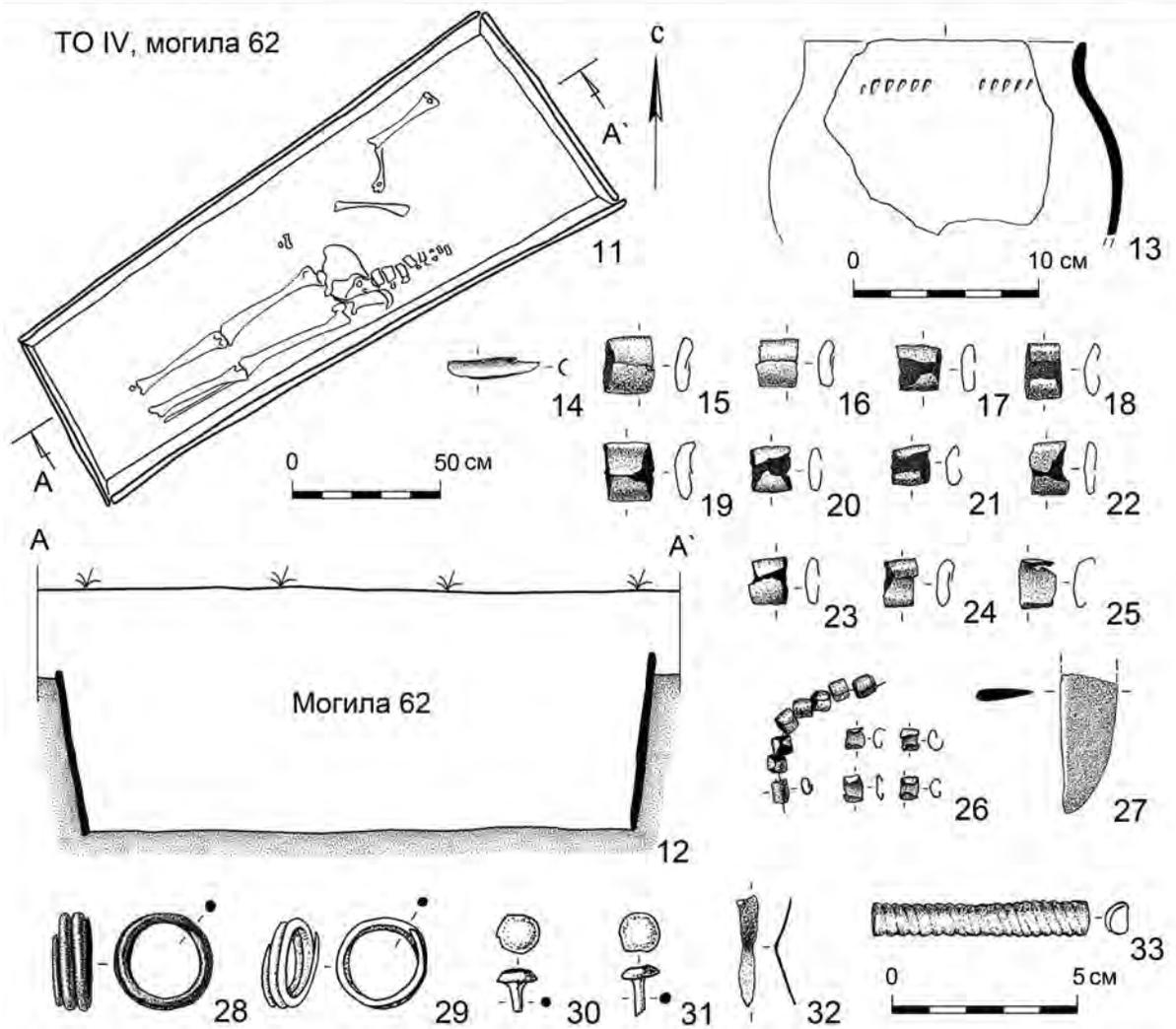
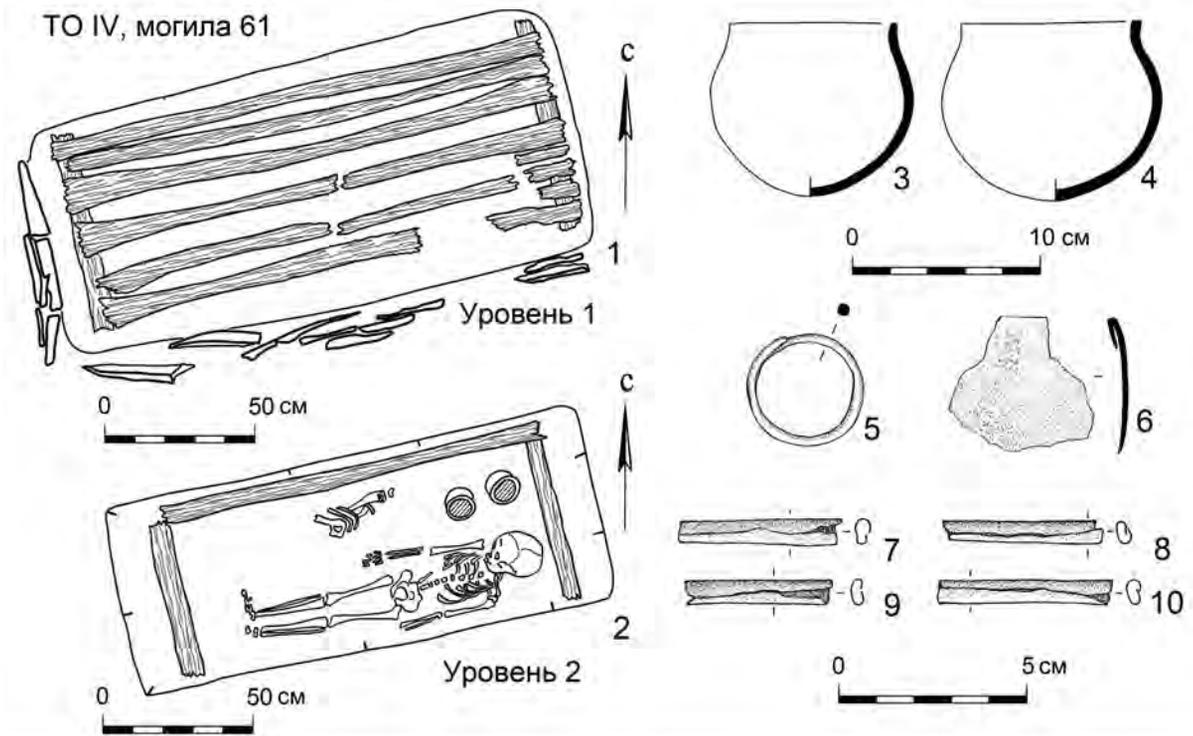
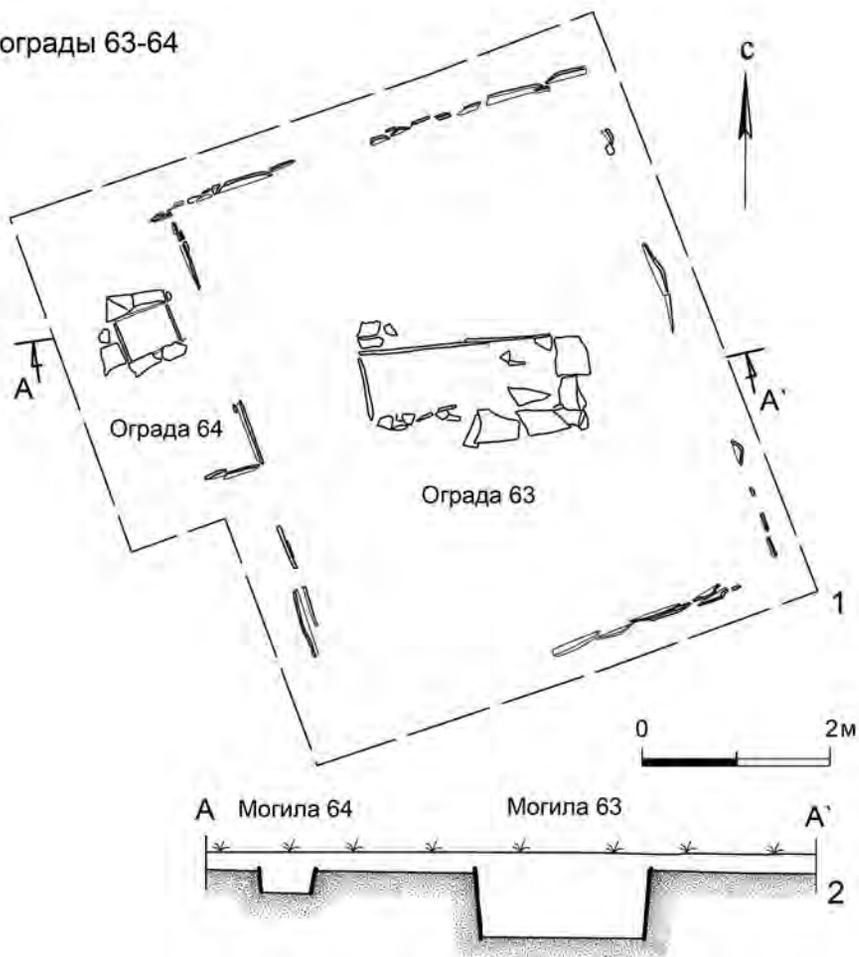
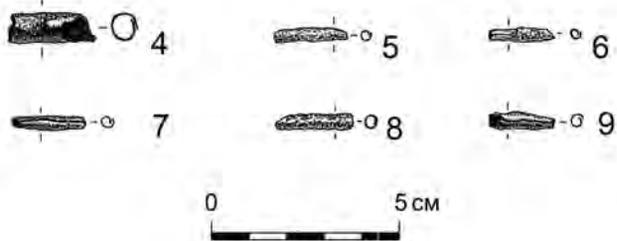
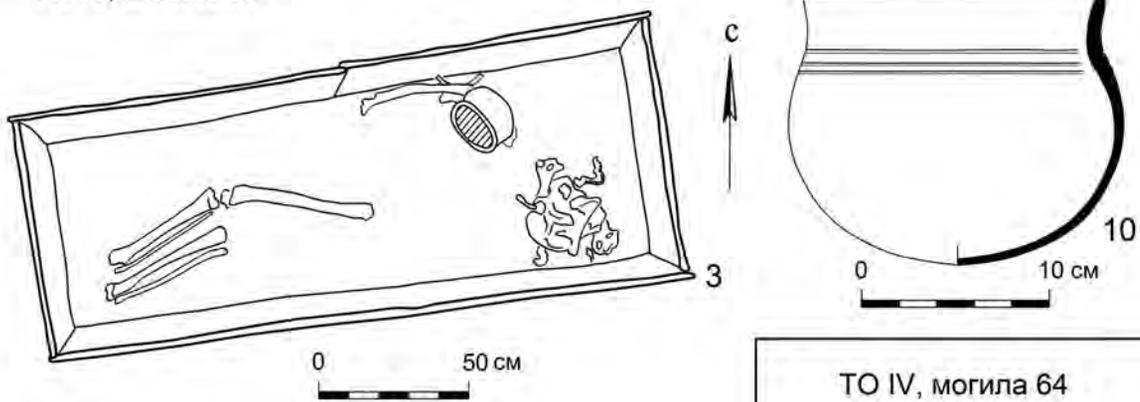

Рис. 39. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 2, 11) могил 61, 62, разрез (12) могилы 62 и артефакты из них (5–10, 14–33 – медь (бронза?); 3, 4, 13 – керамика)

ТО IV, ограды 63-64

ТО IV, могила 63

ТО IV, могила 64

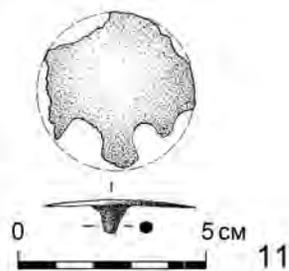
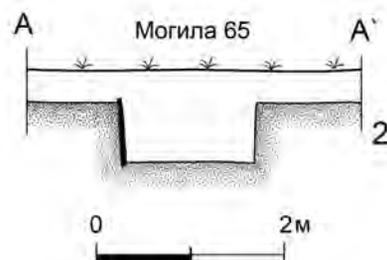
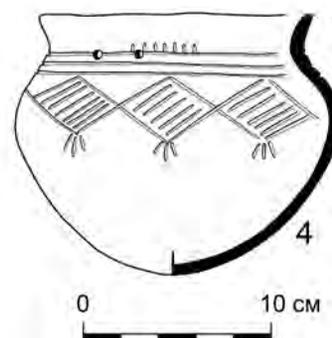
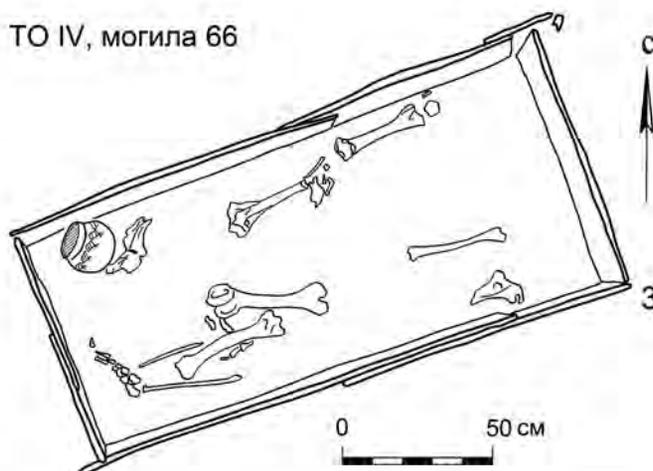

Рис. 40. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) оград 63, 64, чертеж могилы 63 (3) и артефакты из могил 63, 64 (4-9, 11 – медь (бронза?); 10 – керамика)

ТО IV, ограда 65

ТО IV, могила 66

ТО IV, могила 67

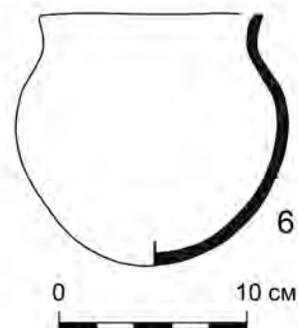
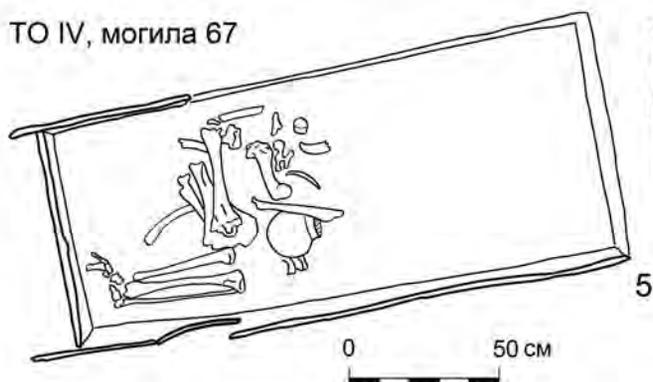

Рис. 41. Тагарский Остров IV. Чертеж (1), разрез (2) ограды 65, чертежи могил 66, 67 (3, 5) и артефакты из них (4, 6 – керамика)

Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика разрозненные кости женщины (?) 40–50 лет, три кости ног, пять рёбер и грудина коровы. На дне могилы сохранились в положении, близком к анатомическому, лишь малые берцовые кости и стопы, судя по которым, погребённая была захоронена

головой на ВСВ. В северо-западном углу могилы находился керамический круглодонный сосуд со следами починки, украшенный по основанию шейки тремя прорисованными линиями, а по плечикам — пояском из заштрихованных ромбов (рис. 41: 4).

Могила № 67. На поверхности были видны разрозненные плиты прямоугольной ограды и каменный ящик со следами хищнических раскопок в недавнем прошлом. Расчистка ограды не производилась. Ящик прямоугольный из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 187 × 75 × 65 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 41: 5). Восточная стенка ящика отсутствовала, а северная сохранилась не полностью. Перекрытие не сохранилось. В заполнении ящика разрозненные кости женщины 30–40 лет и коровы (три кости ног, два ребра и лопатка), а также обломки керамического сосуда сферической формы без орнамента (рис. 41: 6). На дне могилы в анатомическом сочленении сохрани-

лись берцовые кости и стопы погребённой. Судя по ним, она была положена вытянуто, головой на ВСВ, очевидно, на правый бок.

Ограда 68. Прямоугольная ограда из плит песчаника, врытых на ребро, 2,6 × 2,0 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 42: 1, 2).

Могила № 68. В центре ограды прямоугольный ящик из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 98 × 50 × 36 см, ВСВ–ЗЮЗ. От перекрытия сохранилось лишь несколько обломков плит в западной части ящика. В заполнении могилы встречены лишь разрозненные кости ребёнка и кость ноги барана. Вещей нет.

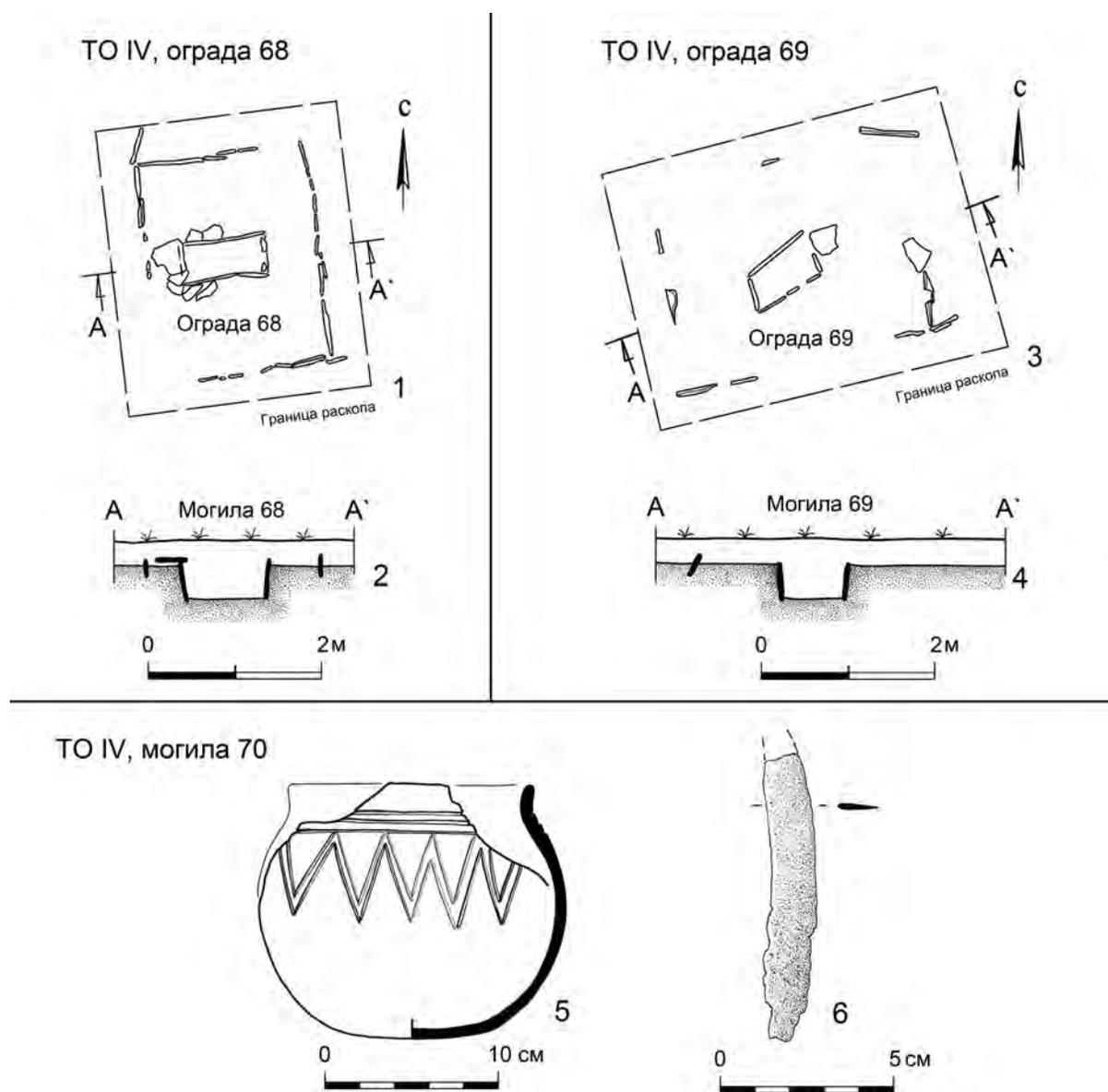

Рис. 42. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3), разрезы (2, 4) оград 68, 69 и артефакты из могилы 70 (6 – медь (бронза?); 5 – керамика)

Ограда 69. Фрагментарно сохранившаяся ограда четырёхугольной формы из плит песчаника, врытых на ребро, размерами 2,4 × 2,0 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 42: 3, 4).

Могила № 69. В центре ограды неровный ящик четырёхугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 82 × 54 (ВСВ) × 40 (ЗЮЗ) × 38 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие отсутствует. В заполнении ящика разрозненные кости ребёнка и обломки костей ноги барана. Вещей нет.

Могила № 70. Полностью разрушена бульдозером. Водитель бульдозера передал фрагмент бронзовой пластинки (рис. 42: 6) и большой фрагмент керамического сосуда с уплощённым дном, украшенного по шейке тремя прочерченными линиями, а по плечикам — рядом шевронов из сдвоенных треугольников (рис. 42: 5).

Погребальные конструкции могильника.

Все ограды могильника Тагарский Остров IV прямоугольные и сооружены из относительно тонких плит красного девонского песчаника, врытых на ребро. Угловые плиты у нескольких сооружений несколько выступали за пределы оград, образуя некоторое подобие угловых камней, характерных для оград более поздней тагарской культуры. Ограды могильника ориентированы по линии ВСВ–ЗЮЗ, в ряде случаев с некоторыми отклонениями к линии СВ–ЮЗ (6 оград) или С–Ю (2 ограды).

Размеры оград зависят от возраста погребённых и варьируются в пределах от 1,0 × 1,6 до 7,2 × 5,6 м. Преобладают одиночные ограды (27). К двенадцати оградкам пристроено по одной оградке меньшего размера, к пяти — по две оградки и к одной — три. В каждой оградке находилось по одной могиле. Исключение составляет ограда 13, в которой могилы не обнаружено. Пристройки содержали, как правило, погребения детей, в то время как в основных оградах находились захоронения взрослых. Такое сочетание встречено в 14 случаях, но имелись и три пристройки, содержавшие захоронения взрослых. В одном комплексе во всех оградах, в том числе и в основной, находились погребения детей.

Могилы, как правило, располагаются в центре оград, только в нескольких пристройках они примыкали вплотную к стенке основной ограды (могилы № 25, 34, 38, 40). Борта у некоторых могил были обложены плашмя лежащими плитами — «кокошниками» (могилы № 23, 24, 36, 49, 51, 64

и др.). Над всеми могилами были сооружены перекрытия из плит, но при ограблении могил они были частично или полностью разрушены. Погребения совершены в каменных ящиках (63 могилы) и грунтовых ямах (4 могилы). Ящики в большинстве случаев сооружены из четырёх больших, но относительно тонких плит песчаника. У некоторых ящиков в продольных стенках использовано по несколько плит меньшего размера. Захоронения взрослых совершены, как правило, в ящиках трапециевидной формы, детей — в прямоугольных.

Все погребения (за исключением могилы № 61) потревожены грабителями. Анатомически правильное положение сохранили только части скелетов в 25 могилах. Покойников укладывали головой на ВСВ. Большинство погребённых находилось в вытянутом положении, на спине с руками вдоль туловища. При этом трупы, как правило, укладывали вдоль южной стенки ящика, только в могиле № 30 погребённый был положен посередине ящика. В пяти могилах погребённые были положены на правый бок со слегка подогнутыми ногами вдоль южной стенки ящика и только в могиле № 15 — на левый бок вдоль северной стенки.

Для могильника характерны одиночные захоронения, только две могилы содержали парные захоронения. В могиле № 32 захоронено двое мужчин, а в могиле № 44 — взрослый (судя по височным кольцам, женщина) и ребёнок. Могилы № 21 и 22, возможно, являются кенотафами.

Почти во всех могилах найдены остатки погребальной пищи — кости ног, рёбра и лопатки коровы или барана. Они располагались кучно, в частичном сочленении, преимущественно у середины северо-западной стенки или в северо-западном углу могилы. Жидкая пища, очевидно, помещалась в керамические сосуды. В большинстве могил находилось по одному керамическому сосуду, реже по два или по три. Горшки, как правило, ставились в головах погребённого, в северо-восточном углу ящика. В могиле № 10 сосуд находился в западном конце, в могиле № 25 — у середины северной стенки, в могиле № 29 — в северо-западном углу, в могиле № 15 — два горшка в юго-восточном углу, в могиле № 31 — три сосуда в северо-западном углу.

Инвентарь погребений. Все погребения, за исключением относительно более поздней могилы № 61, подверглись в древности ограблению.

Грабители, раскидав плиты надмогильного перекрытия или пробив их, вскрывали, как правило, только восточную часть погребального ящика. В области головы и верхней части туловища погребённого находилось, по-видимому, наибольшее количество металлических предметов. Ноги погребённых часто оставлялись грабителями нетронутыми. Благодаря этому предметы, находившиеся там, сохранились до наших дней.

В составе инвентаря погребений преобладают керамические сосуды (целые и в обломках) и разнообразные бронзовые украшения. Орудия труда — ножи и шилья — единичны.

Керамическая посуда. Сосуды, как правило, тонкостенные, изготовлены из хорошо отмученной глины со значительной примесью дресвы. Поверхность их лощёная или хорошо заглаженная. В зависимости от характера обжига она окрашена в разные оттенки серого цвета, а иногда светлорыжевого. На ряде горшков видны следы починки в виде парных круглых отверстий, просверленных для стягивания трещин. Это означает, что в погребения помещали посуду, использовавшуюся в быту. Об этом же свидетельствуют следы нагара на некоторых сосудах.

подавляющее большинство сосудов имеет сферическую форму тулова и слегка развёрнутую наружу шейку. Дно сосудов выпуклое или уплощённое. По орнаментации эти сосуды подразделяются на две группы. Сосуды первой группы украшены только по основанию шейки:

- одной или двумя-тремя горизонтальными прочерченными линиями;
- пояском из прочерченных линий с косыми насечками между ними;
- рядом круглых ямочных вдавлений, непрерывных или групповых;
- пояском из двух рядов серповидных, полукруглых или овальных вдавлений с круглыми ямками между ними;
- рядом треугольных вдавлений;
- рядом прочерченных крестов.

Сосуды второй группы орнаментированы по плечикам пояском из заштрихованных треугольников (вершинами книзу или кверху) или заштрихованных ромбов.

Обособляются два сосуда. Оба они плоскодонные, горшковидной формы, с двумя ушками на боках. Один украшен по тулову двумя рядами

заштрихованных треугольников (рис. 8: 15), второй — «шахматным» декором (рис. 11: 18). (В научной литературе подобные сосуды получили наименование «бадейки». — А. П.)

Бронзовые украшения. Украшения, найденные в могилах, типичны для погребальных памятников карасукской культуры. Они представлены спиральными проволочными кольцами, трубчатыми пронизками, бляшками разных форм, лапчатыми привесками, перстнями и браслетами. Проволочные височные кольца и трубчатые пронизи встречаются как мужских, так и в женских погребениях, другие же украшения (лапчатые привески) — только в женских.

Кольца проволочные спиральные найдены в шести женских погребениях, в пяти детских и в трех мужских. В погребениях взрослых кольца, как правило, больше по размерам, чем в детских. Одного погребённого сопровождает от одного до четырёх колец (могила № 24).

Пронизи трубчатые, свёрнутые из тонких, иногда рифлёных пластинок найдены в семи женских погребениях, четырёх детских и шести мужских (всего 51 экз.). Размеры пронизок различные. Самые маленькие имеют длину 0,5 см, самые крупные — до 3 см. Из них 10 пронизок с рифлёной поверхностью, остальные гладкие. По способу рифления пронизки подразделяются на три группы:

1. Пронизки со сплошным поперечным рифлением (6 экз.);
2. Пронизки со сплошным наклонным рифлением (1 экз.);
3. Пронизки с рифлением одним-двумя поперечными желобками по краю (3 экз.).

В одной могиле пронизки находились на стопах ног, в другой — в области груди и живота. Это свидетельствует об их использовании в качестве украшений не только костюма, но и обуви.

Бляшки-пуговицы литые круглые, выпуклые с петелькой на обратной стороне, встречаются только в двух женских и одном мужском погребении.

«Зеркала». От вышеописанных «пуговиц» обособляются две крупных литых, круглых, слегка выпуклых бляхи. У одной из них, найденной в мужской могиле № 28, на обратной стороне имеется петелька (рис. 18: 4), у другой, из детской могилы № 64 — шпенёк (рис. 40: 11). В литературе подобные бляхи иногда именуют зеркалами [Новгородова, 1970; Павлов, 1995. С. 55].

К числу украшений(?), носимых как мужчинами, так и женщинами, относятся также бронзовые пластинки неправильной удлинённой формы. Назначение их не вполне ясно. Такими же нетрадиционными для карасукских погребений являются два U-образных проволочных предмета, найденных в детском погребении № 21 (рис. 14: 7, 8).

Женские украшения. Бронзовые бляшки ярусные, штампованные и литые, являются наиболее распространённым видом женских украшений. Они встречены в 13 женских погребениях (из 20), и в 12 детских, очевидно, девочек. В могиле № 16 шесть бляшек-двойчаток сохранились в первоначальном положении в области голени вместе с лапчатыми привесками, что свидетельствует об их использовании в качестве украшений обуви (рис. 11: 22–32).

Бляшки-двойчатки в виде двух выпуклых кружков, соединённых перемычкой, являются наиболее распространённым видом украшений в могильнике. Три из них литые, остальные (41 экз.) штампованные. Тройчатки найдены только в трех могилах (могилы № 7, 29, 34), все они пластинчатые. Четырёхъярусная бляшка представлена только одним экземпляром в могиле № 52. Она тоже пластинчатая, штампованная.

В одиннадцати погребениях найдено от одной до трех бляшек и только в могиле № 24 их было десять, а в могиле № 16 — шесть. В мужских погребениях бляшки не встречались, за исключением могилы № 33, где было найдено две двойчатки.

Бляшки полушарные, бронзовые пластинчатые, миниатюрные (диаметром от 7 до 12 мм) встречены в трех женских и в одном детском погребении. В могиле № 12 их было 10 штук, а в могиле № 59 — шесть. В могиле № 61 две бляшки находились в области стоп погребённой.

В могиле № 60 находилась округлая пластинчатая бляшка с загнутым вовнутрь язычком для крепления. Аналогичные бляшки с закраинами были найдены в могильнике Хара-хая (могила № 1) [Кызласов, 1971].

Бляшки овальные бронзовые, пластинчатые, слегка выпуклые с двумя противолежащими отверстиями найдены в семи женских и трех детских погребениях. Аналогичные бляшки встречаются уже в андроновских погребениях.

Бляшка треугольная, пластинчатая с загнутыми вовнутрь боковых краях и орнаментированная крупными пуансонными выпуклостями, была най-

дена в могиле № 15 (рис. 11: 19). Вместе с лапчатыми подвесками и второй пластинчатой бляшкой она была использована для украшения обуви.

Бляшки гвоздевидные бронзовые в виде грибовидной шляпки на коротком округлом в сечении стерженьке найдены в пяти женских захоронениях (могилы № 23, 32, 34, 56, 62). В могиле № 56 восемь «гвоздиков» находились в области стоп погребённой, что подтверждает их использование для украшения женской обуви, установленное по погребениям других могильников [Кызласов, 1971. С. 170; Павлов, 1995. С. 54].

Привески лапчатые бронзовые найдены в пяти женских и двух детских погребениях, из них тридцать литых и только четыре пластинчатых. Все привески трёхпалые, почти все с выемками на боковых рёбрах и только четыре без них. В четырёх могилах (могилы № 12, 15, 16, 35) привески сохранились в положении, близком к первоначальному, возле коленей погребённых. Это позволяет предположить, что они служили украшениями ремешков для подвязывания голениц мягкой кожаной обуви. В могилах № 12, 15, 16 и 31 находилось по пять подвесок, в детской могиле № 48 — четыре и в другом детском погребении № 58 — две. В могиле № 35 находилось четыре литые и четыре штампованные подвески.

В погребениях других карасукских могильников лапчатые привески находятся обычно в области головы погребённых, т. е., вероятнее всего, служили для украшения волос (кос) [Павлов, 1995. С. 53].

Обоймочки бронзовые в виде узких пластинок с загнутыми концами встречены в шести погребениях взрослых женщин (могилы № 12, 23, 34, 46, 59, 62), в четырёх погребениях детей, очевидно, девочек (могилы № 2, 6, 10, 50) и, как исключение, в одном погребении мужчины (могила № 39). Четырнадцать обоймочек украшены одним-двумя поперечными желобками, остальные 40 — гладкие.

В могиле № 62 обоймочки были найдены в области стоп погребённой вместе с мелкими бронзовыми бусами, т.е. служили украшениями обуви. Материалы других могильников свидетельствуют об использовании обоймочек в составе украшений нагрудника [Новгородова, 1970. С. 140; Павлов, 1995. С. 53].

Перстни бронзовые представлены в могильнике двумя типами. В женских погребениях найдены литые перстни с двумя конусовидными выступами на щитке и заходящими друг за друга концами

разъёмного кольца (рис. 7: 3; 20: 4). В двух детских погребениях находились перстни иного вида — в виде изогнутой пластинки, которая даже не охватывала всего пальца.

Браслеты бронзовые относятся к числу наиболее редких видов женских украшений. Литой браслет был найден только в могиле № 23 (рис. 15: 10), но и то во фрагментарном состоянии (по аналогии с другими комплексами, например Минусинск-карьер могила № 16 (рис. 53: 10, 11), это серьга. — *А. П.*). В детской могиле № 40 находился пластинчатый неорнаментированный браслет с двумя отверстиями на концах (рис. 25: 15). Обломок аналогичного браслета находился в могиле № 38 (рис. 24: 11).

Бусы медные встречены лишь в двух могилах, причём в могиле № 62 они находились на стопах погребённой. Все они свёрнуты из маленьких медных пластинок. Традиционных для карасукских погребений цилиндрических белых пастовых (аргиллитовых) бус в могильнике не было найдено.

Орудия труда. Из орудий труда в могильнике найдены бронзовые шилья и ножи.

Ножи представлены одним целым экземпляром и двумя обломками лезвийных частей. Целый нож был найден в могиле № 45, на нижней челюсти погребённого мужчины (рис. 29: 6). Он относится к типу дугообразнообушковых. Лезвие отделено от рукояти небольшим шиповидным выступом и двумя рельефными поперечными линиями. На конце рукояти небольшое овальное кольцо.

В заполнении детских погребений № 14 и 62 найдено по одному обломку лезвийных частей ножей. В могиле № 14 находился обломок массивного ножа с широким лезвием и расплюснутым оттянутым острием (рис. 10: 31), а в могиле № 62 — обломок ножа с узким лезвием (рис. 39: 27).

Шилья найдены в трёх могилах. У двух из них хорошо сохранились деревянные рукояти (рис. 25: 4; 30: 7). Они круглые в сечении, длиной от 23 (могила № 39) до 58 мм (могила № 61). Два шилья

четырёхгранные в сечении, одно — круглое. Ранее шилья с деревянными рукоятями в карасукских погребениях не встречались, если не считать единственной находки шила с остатками деревянной рукояти в могильнике Каменка [Хлобыстина, 1970. Рис. 3: 2].

Характеристика химического состава металла из могильника Тагарский Остров IV

«В карасукских комплексах Быстрая III и Тагарский Остров IV, имеющих типологические и обрядовые отличия, металлические изделия по химической характеристике также несколько своеобразны. Для быстринских вещей характерна большая амплитуда колебания в содержаниях мышьяка (1,1–5 %), тогда как в тагарских он содержится в интервале 1,16–1,33 %. Здесь олово фиксируется в сотых–десятых долях процента, а в быстринских изделиях его содержание распределяется весьма скачкообразно (0,0–1,9 %), достигая в бляшке (ММ 209) 1,9 % при содержании мышьяка 5 %. Назвать случайными такие содержания легирующих элементов нельзя. Встаёт вопрос о знакомстве племён с секретом изготовления сплавов.

В изделиях из погребений Тагарского острова золото и цинк не обнаруживаются, тогда как в быстринских предметах цинк присутствует в сотых–десятых долях процента, а золото в тысячных–сотых. Кроме того, в тагарском металле отмечено несколько завышенное скачкообразное содержание никеля — до 1 % и равномерное его распределение в быстринских находках. Подобное поведение этих примесей вызывает предположение о использовании различных руд, в одном случае обогащённых никелем, в другом золотом и цинком» [Сергеева, 1981. С. 39–41]. (В данном тексте под «быстринским» подразумевается металл из могильника Быстрая III, а под «тагарским» — из могильника Тагарский Остров IV. — *А. П.*)

2. КРИВАЯ I

Юго-восточные окраины ныне не существующей деревни Кривой располагались на территории позднекарасукского могильника. Вплоть до начала 1980-х гг. на проезжей части улиц прослеживались кое-где ребра песчаных плит оград и погребальных ящиков. Одна из могил была вскрыта в ноябре 1965 г. при копке подвала для строящегося дома. К сожалению, рабочие сообщили о своей находке в музей только после того, как почти полно-

стью разрушили могилу. Осмотр находок, отвалов и самого подвала позволил установить, что землекопами были вскрыты и разрушены три человеческих скелета. В обресе южной стены подвала прослеживались обломки керамического сосуда. Для осмотра остатков погребения был сделан подкоп под южную стенку фундамента дома. При этом был вскрыт скелет ещё одного взрослого человека. Он был положен вытянуто на спину, головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Покойника сопровождали: бронзовое проволочное кольцо на правой височ-

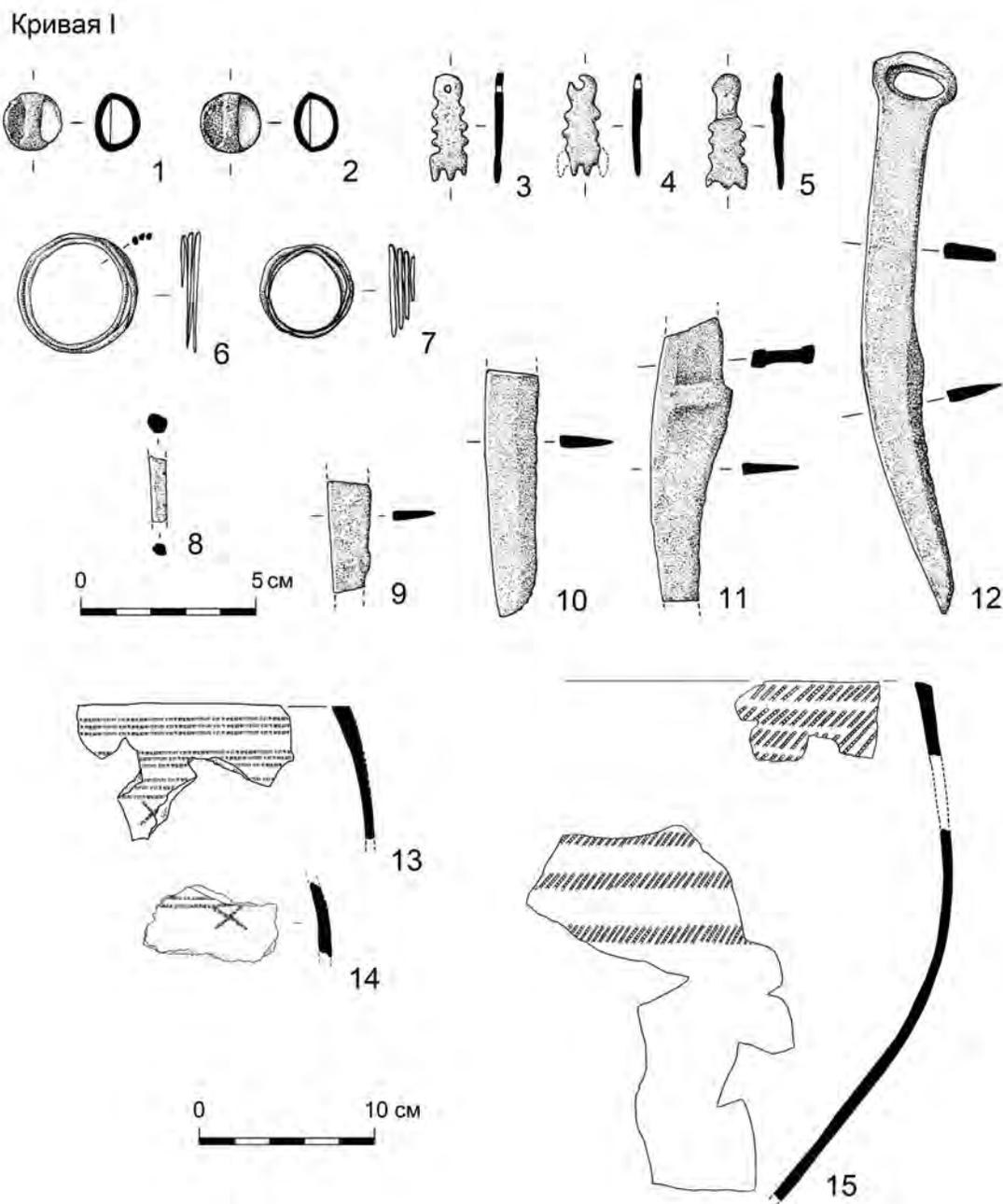

Рис. 43. Кривая I. Артефакты из погребения (1–12 – медь (бронза?); 13–15 – керамика)

ной кости (рис. 43: 6); лезвийная часть бронзового ножа на грудной клетке (рис. 43: 11); две маленьких лапчатых привески на запястье правой руки (рис. 43: 3, 4); бронзовый дугообразнообушковый нож (рис. 43: 12) и две бляшки-пуговицы у кисти правой руки (рис. 43: 1, 2). Возле левой руки находился маленький обломок бронзового стерженька (рис. 43: 8) (вероятнее всего, обломок шила. — *А. П.*) и обломки двух крупных керамических сосудов. Один из них — яйцевидной формы, орнаментирован горизонтальными рядами оттисков косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 43: 15). От второго сосуда сохранились только фрагменты венечной части, орнаментированной горизонтальными линиями гребенчатого штампа и под ними косыми крестами (рис. 43: 13, 14). В юго-восточном углу ямы лежали кости коровы.

Всего в могиле было погребено трое мужчин: один 25 и двое 45–55 лет, а также женщина 20–25 лет. По словам землекопов, все обнаруженные ими скелеты лежали вытянуто, головами к западу. Среди костей ими были найдены: два обломка лезвийных частей бронзовых ножей (рис. 43: 9, 10), лапчатая привеска (рис. 43: 5) и проволочное колечко (рис. 43: 7).

Череп женщины развалился по швам, лицевой его части среди выброшенных рабочими костей, обнаружить не удалось. Череп представляет дополнительный интерес в связи с тем, что в его затылочной части обнаружены следы шести ударов орудием типа чекана или, возможно, крупного копья, как отмечено Н. В. Леонтьевым. Это можно интерпретировать только как преднамеренное и жестокое убийство.

3. КРИВАЯ II

В 500 м к востоку от дер. Кривой непосредственно по северную сторону от скотного двора (разрушенного в 1980-х гг.) тянулись песчаные дюны с котлованами выдувов. В 1967 г. на дне одного из котлованов глубиной до 2 м от вершины ближайшей дюны были прослежены плиты песчаника, врытые на ребро. В процессе их расчистки выявились остатки двух прямоугольных оград из относительно тонких плит красного девонского песчаника, врытых на ребро.

Ограды 1, 2. От основной ограды 2 сохранился лишь один угол, образованный северной и восточной стенками (рис. 44). С восточной стороны к ней пристроена ограда 1 прямоугольной формы, размерами 1,6 × 1,5 м, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро.

Могила № 1. В центре ограды 1 каменный прямоугольный ящик из поставленных на ребро плит песчаника, 80 × 50 × 45 см, ВСВ–ЗЮЗ. Плиты перекрытия разбиты, их обломки находились в заполнении ящика. На дне могилы найдены лишь мелкие обломки трёх небольших керамических сосудов сферической формы. Два из них были украшены двумя рядами заштрихованных треугольников (рис. 45: 1, 2), третий — группами овальных вдавлений и прочерченными линиями (рис. 45: 3).

Могила № 2. Предположительно в центре основной ограды могильная яма по форме, близкой к трапециевидной, размерами 198 × 110

(ЮЗ) × 90 (СВ) × 55 см, СВ–ЮЗ (рис. 45: 4). Её северо-восточная стенка обставлена одной большой плитой; невысокие поставленные на ребро песчанниковые плитки имелись и у юго-восточной стенки. Плиты перекрытия разбиты и залегали на разных уровнях заполнения могилы. На дне ямы потревоженное захоронение мужчины 45–50 лет, положенного вытянуто на спину, головой на СВ. Часть костей скелета разбросана в беспорядке. В головах погребённого вдоль северо-западной стенки стояло три керамических круглодонных сосуда с шейками, отделёнными от тулова несколькими прочерченными линиями. Два сосуда дополнительно орнаментированы фестонами из заштрихованных треугольников (рис. 45: 9, 10), третий — группами овальных вдавлений (рис. 45: 11). В области черепа найдены две бронзовые круглые пластинчатые бляшки (рис. 45: 5, 6), фрагмент пластинчатой бляшки-двойчатки (рис. 45: 7) и обломок трубчатой пронизки (рис. 45: 8). Вдоль северной стенки лежали остатки погребальной пищи: кости коровы (крестец, кости ноги, рёбра) и барана (кости ноги и рёбра). Судя по следам окиси меди на костях скелета, на одежде погребённого до ограбления могилы находилось значительное количество бронзовых предметов.

Раскопанные ограды являются частью большого могильника карасукской культуры, погребённого под надувными песками. К 1980-м гг. в связи с увлажнением климата эрозия почвы прекратилась и пески задерновались. До этого времени в музей поступили ещё два сосуда из разрушенных могил этого памятника (рис. 45: 12, 13).

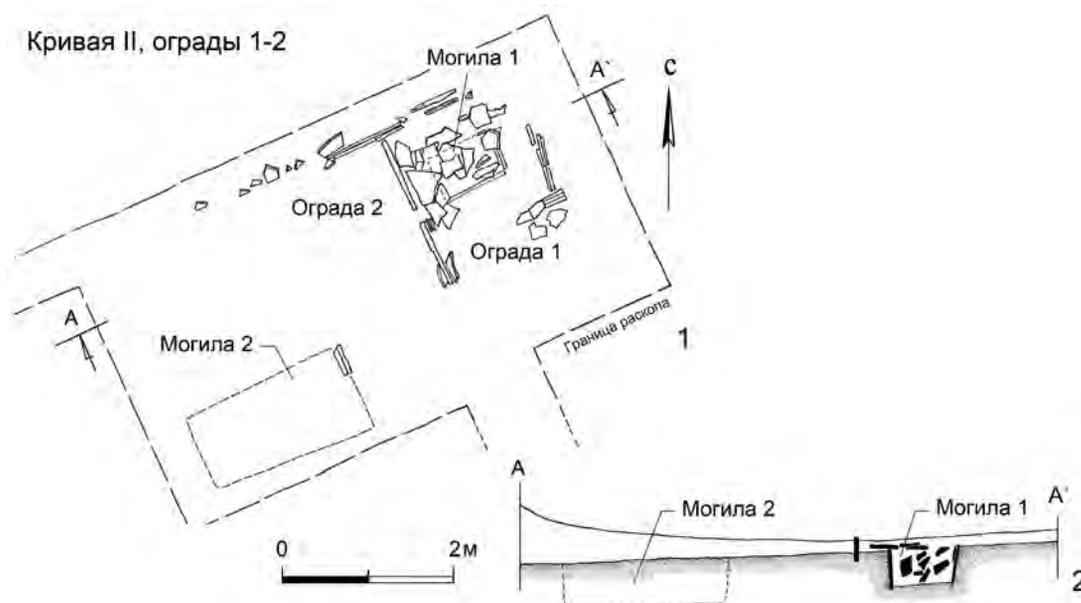
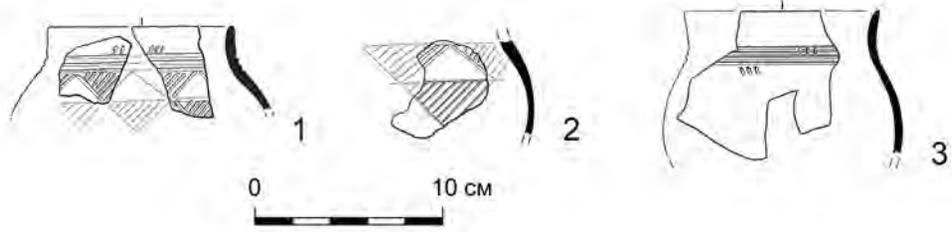
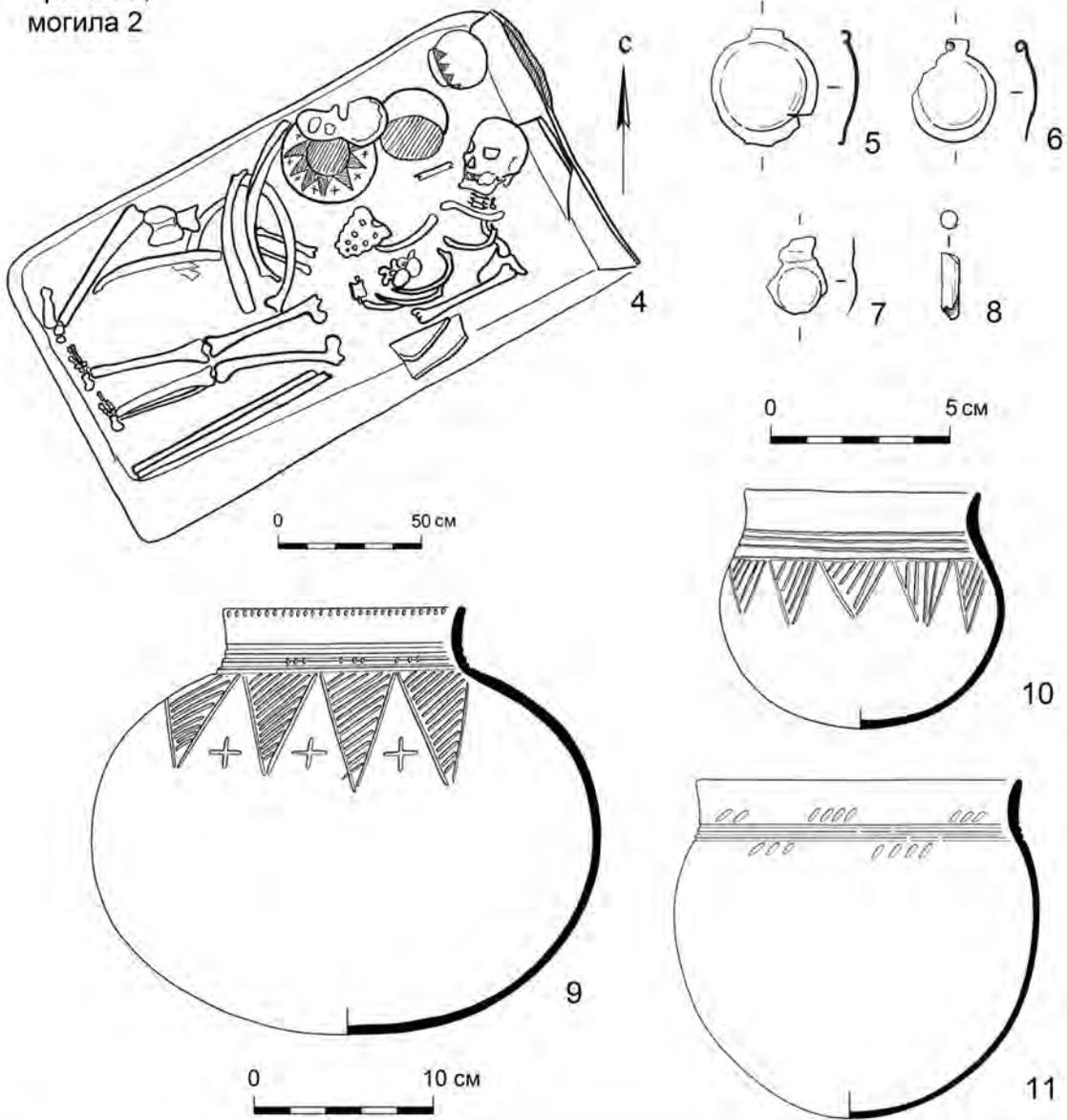

Рис. 44. Кривая II. Чертёж (1) и разрез (2) оград 1, 2

Кривая II,
могила 1

Кривая II,
могила 2

Кривая II
из разрушенных
могил

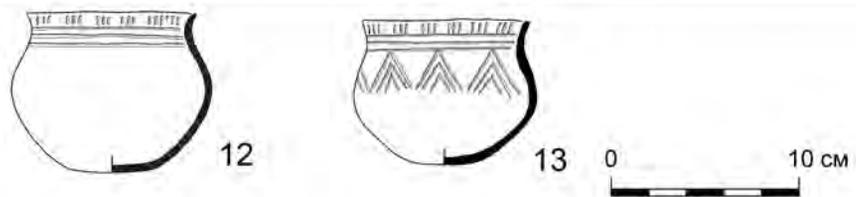

Рис. 45. Кривая II. Чертёж могилы 2 (4) и артефакты из могил этого памятника (5–8 – медь (бронза?); 1–3, 9–13 – керамика)

4. МИНУСИНСК-КАРЬЕР

На южной окраине г. Минусинска, непосредственно по северную сторону автотрассы Абакан — Кызыл, примерно в 500 м к востоку от моста через протоку р. Енисей, в 1960-х гг. разрабатывался гравийный карьер. В 1967 г. в музей им. Н. М. Мартыанова поступило сообщение о том, что в карьере при выборке гравия экскаватором вскрываются и разрушаются древние захоронения. Местные подростки выбирают из полуразрушенных могил керамическую посуду и бронзовые предметы.

Раскопки и сборы 1967 г.

Выезд на место показал, что основная часть могильника уже уничтожена карьером. За его пределами следы погребальных сооружений не прослеживаются. Могильник полностью задернован. Сооружения из плит проявляются только после срезания бульдозером почвенно-дернового слоя.

На участке с таким срезанным слоем была выявлена одна ограда, которая и была раскопана.

Ограда 1. На поверхности были видны отдельные рёбра плит ограды и следы свежей грабительской копки. Ямка была выкопана в углу ограды, который грабители ошибочно приняли за погребальный ящик. Заложённым раскопом была выявлена прямоугольная ограда размером 3,2 × 2,3 м, В-З, из плит красного девонского песчаника, врытых на ребро. Плиты имеют небольшой развал на стороны, что свидетельствует о наличии в древности земляного сооружения.

Мои́ла № 1. В центре ограды прямоугольный ящик размерами 155 × 68 × 45 см, В-З, из поставленных на ребро плит песчаника. От надмогильного перекрытия сохранились лишь мелкие обломки плит в западном конце ящика. В его заполнении разрозненные кости женщины 18–24 лет, сильно истлевшие, и обломки сосуда, декорированного по плечу заштрихованными треугольниками (рис. 46: 1). Череп отсутствует. В северо-восточном

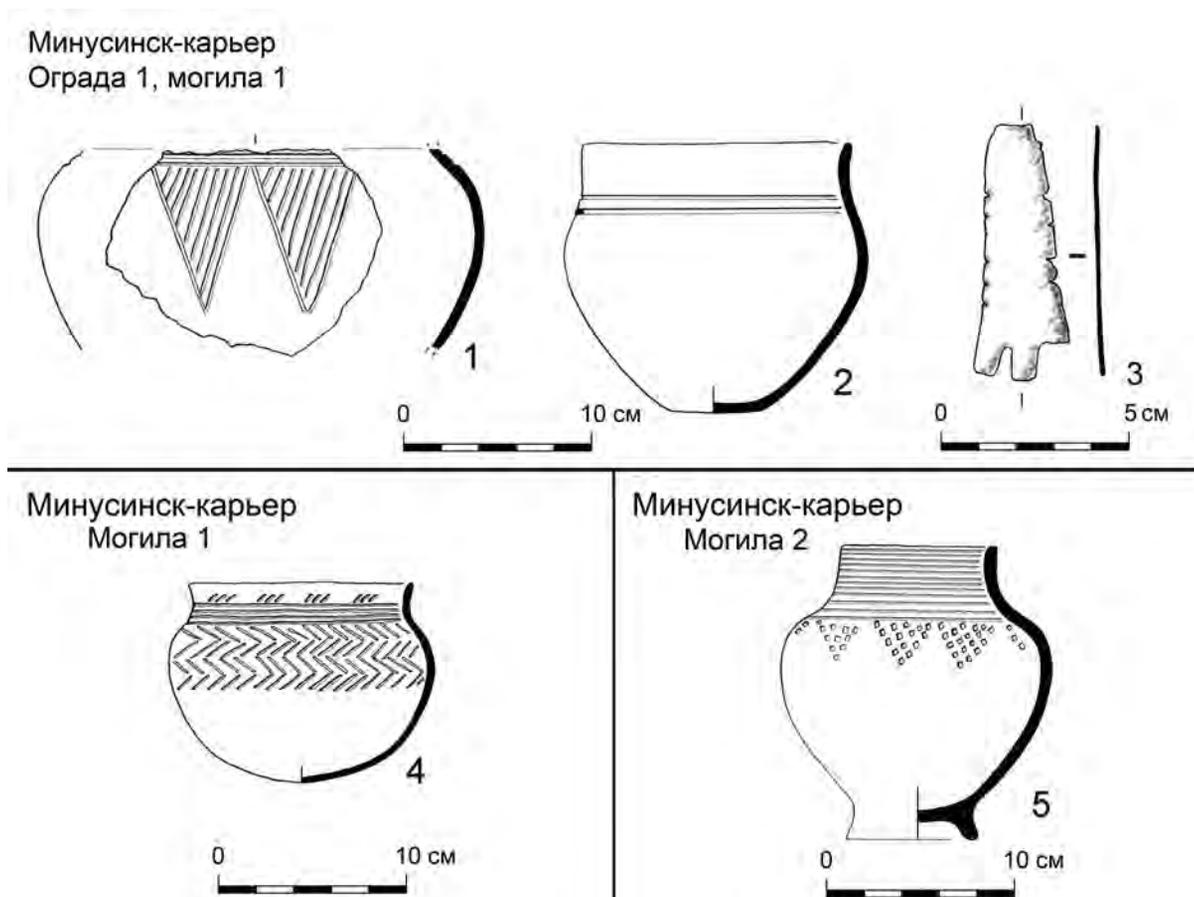

Рис. 46. Минусинск-карьер. Артефакты из ограды 1 (1–3) и могил 1, 2 (3 – медь (бронза?); 1, 2, 4, 5 – керамика)

углу могилы стоял керамический сосуд сферической формы с уплощённым дном и двумя прочерченными линиями по шейке (рис. 46: 2). У середины южной стенки найдена пластинчатая лапчатая привеска (рис. 46: 3), а рядом с ней пять рёбер, фрагмент грудины и кости левой ноги барана (лопатка, голень, плечо, пяточная кость, астрагал), составлявшие пять кусков мяса.

Значительное количество предметов из разрушенных могил передали в Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова научный сотрудник В. Г. Ковалёв и водитель музейного автобуса П. И. Коробейников. Последний, будучи ещё школьником, принимал активное участие в раскапывании могил и в сборе предметов. Со слов обоих находчиков удалось разделить часть поступивших предметов по комплексам и установить некоторые детали погребального обряда.

Могилы № 1. Сведений о ней нет. В могиле находился один керамический сосуд сферической формы, орнаментированный по основанию шейки четырьмя прочерченными линиями и ниже косыми насечками «в ёлочку» (рис. 46: 4).

Могилы № 2. Разрушена во время карьерных работ. Судя по обломку черепа, она содержала захоронение мужчины 40–45 лет. В могиле найден керамический сосуд на поддоне, орнаментированный прочерченными линиями по шейке и треугольниками по плечикам (рис. 46: 5), а также обломки второго, плоскодонного неорнаментированного.

Могилы № 3. Частично разрушена при производстве земляных работ. На дне грунтовой ямы, обложенной по стенкам брёвнами в виде сруба, видимо, в один или два венца, находился скелет взрослого человека, положенного вытянуто, на спину головой к западу. Слева от головы погребённого, в северо-западном углу стояли два керамических сосуда: один крупный сосуд параболической формы, украшенный тремя горизонтальными прочерченными линиями (рис. 47: 1), второй — маленький неорнаментированный сосуд в обломках (рис. 47: 2). Возле черепа погребённого найдено пять бронзовых пластинчатых треугольных бляшек (рис. 47: 8–12). В области грудной клетки находились восемь проволочных спиральных колец (рис. 47: 13–20), три пронизки из свёрнутого листа (рис. 47: 3), две пластинчатые обоймы (рис. 47: 4, 5), маленькое шильце (рис. 47: 6)

и крупная бронзовая шестилепестковая бляха (рис. 47: 7). Возле сосудов и в ногах погребённого находились кости ноги, рёбра и лопатка барана.

Могилы № 4. В грунтовой яме захоронение взрослого человека, положенного вытянуто на спину, головой к западу. Вещей не найдено.

Сборы 1968 г.

Могилы № 5. Сведений о захоронении нет. В могиле найдены керамический сосуд (рис. 48: 1) и бронзовая бляшка-пуговица (рис. 48: 2).

Могилы № 6. В грунтовой яме захоронение взрослого человека, положенного вытянуто на спину, головой к западу. Рядом со скелетом находился бронзовый нож с обломанным остриём (рис. 48: 3).

Могилы № 7. Сведений о захоронении нет. В могиле найдены обломки одного керамического сосуда (рис. 48: 4).

Могилы № 8. В грунтовой яме найдено семь маленьких керамических сосудов (рис. 48: 5–11). Костей человека и животных при них не было.

Могилы № 9. Разрушенная большая могила кургана тесинского этапа (сейчас уже тесинская культура [Кузьмин, 2011]. — А. П.).

Могилы № 10. В грунтовой яме захоронение взрослого человека, положенного вытянуто на спину, головой на северо-запад. Возле черепа погребённого найдено 10 проволочных колец (рис. 49: 10–9), на груди — шесть бронзовых пластинчатых обоймочек (рис. 49: 20–25), а также семь пластинчатых бляшек (рис. 49: 3–9), бляшка-пуговица (рис. 49: ч2). Два керамических сосуда (рис. 49: 1) находились в разных концах могилы (в музей поступил только один сосуд).

Из сборов П. И. Коробейникова в 1968 г.

Могилы № 11. В грунтовой яме с бревенчатым срубом захоронение взрослого человека, положенного на спину, головой на запад. При нём найдено бронзовое дисковидное зеркало (рис. 50: 1), 22 пластинчатых обоймочки (рис. 50: 2), в области предплечий 35 бронзовых трубчатых пронизок (рис. 50: 3–8), пластинчатый составной (?) браслет на запястье (рис. 50: 9), бронзовая бляшка, два бронзовых перстня на фалангах пальцев (рис. 50: 10–11).

Могилы № 12. Захоронение ребёнка в ящике из песчаниковых плит, установленных на ребро. Погребённого сопровождали: два керамических

Минусинск-карьер
Могила 3

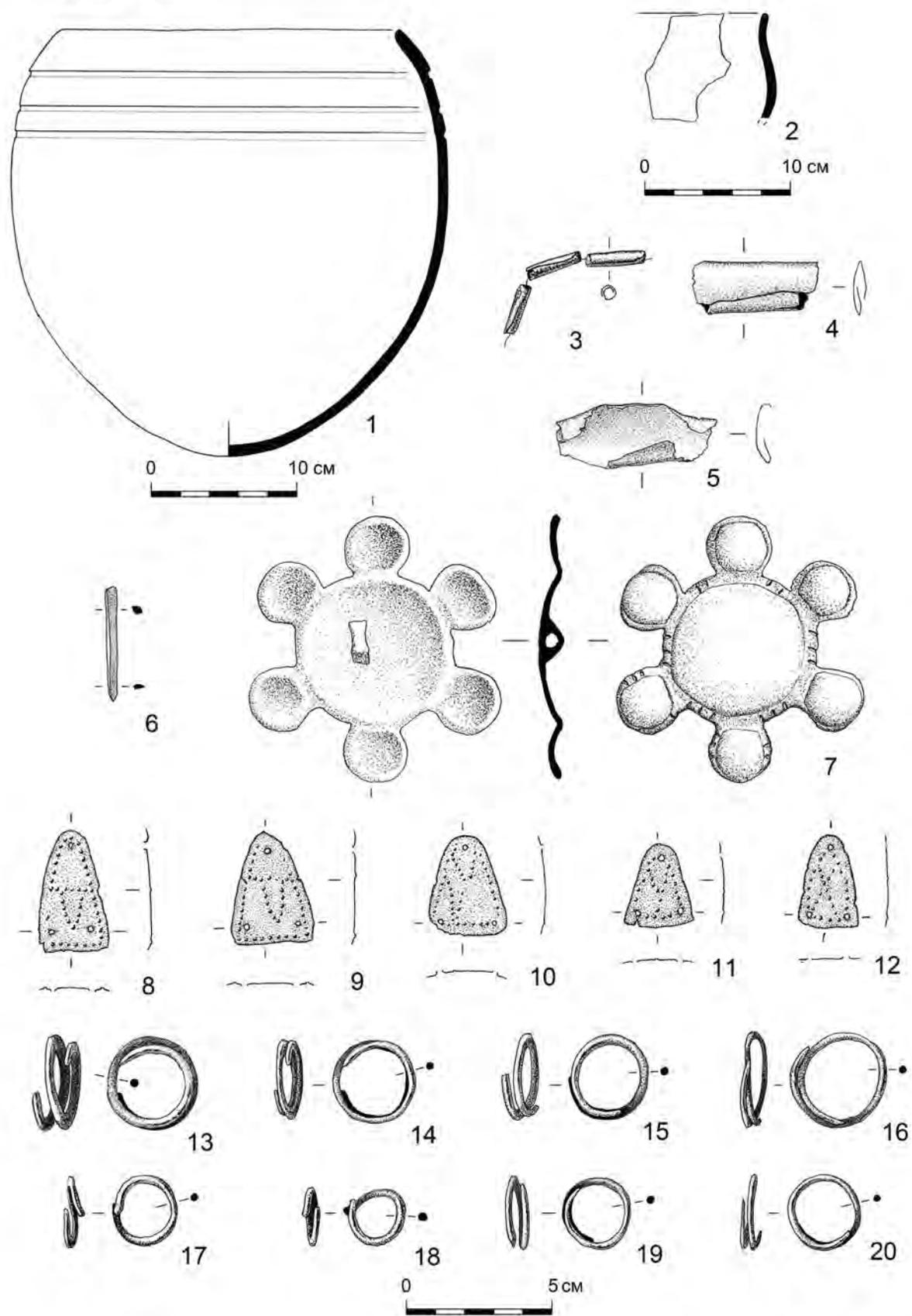

Рис. 47. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 3 (3–20 – медь (бронза?); 1, 2 – керамика)

сосуда (рис. 51: 1, 2), две бронзовые трубчатые про-
низки (рис. 51: 3, 4), две полушарных пластинча-
тых бляшки (рис. 51: 5, 6), два проволочных кольца
(рис. 51: 7, 8) и бронзовое шило (рис. 51: 9).

**Из сборов П. И. Коробейникова
в 1967–1973 гг.**

Помимо описанных выше предметов, П. И. Ко-
робейников передал в музей ещё ряд глиняных со-
судов и бронзовых предметов, которые были собра-

ны им в отвалах карьера (рис. 51: 10–19). В их числе:

- три керамических сосуда и один фрагмент (рис. 51: 10–13);
- две лапчатых привески (рис. 51: 14, 15);
- бронзовый перстень (рис. 51: 16);
- три бронзовых бляшки (рис. 51: 17–19).

Обследование 1985 г.

В начале 1970-х гг. карьер перестал функцио-
нировать, и разрушение могил прекратилось.

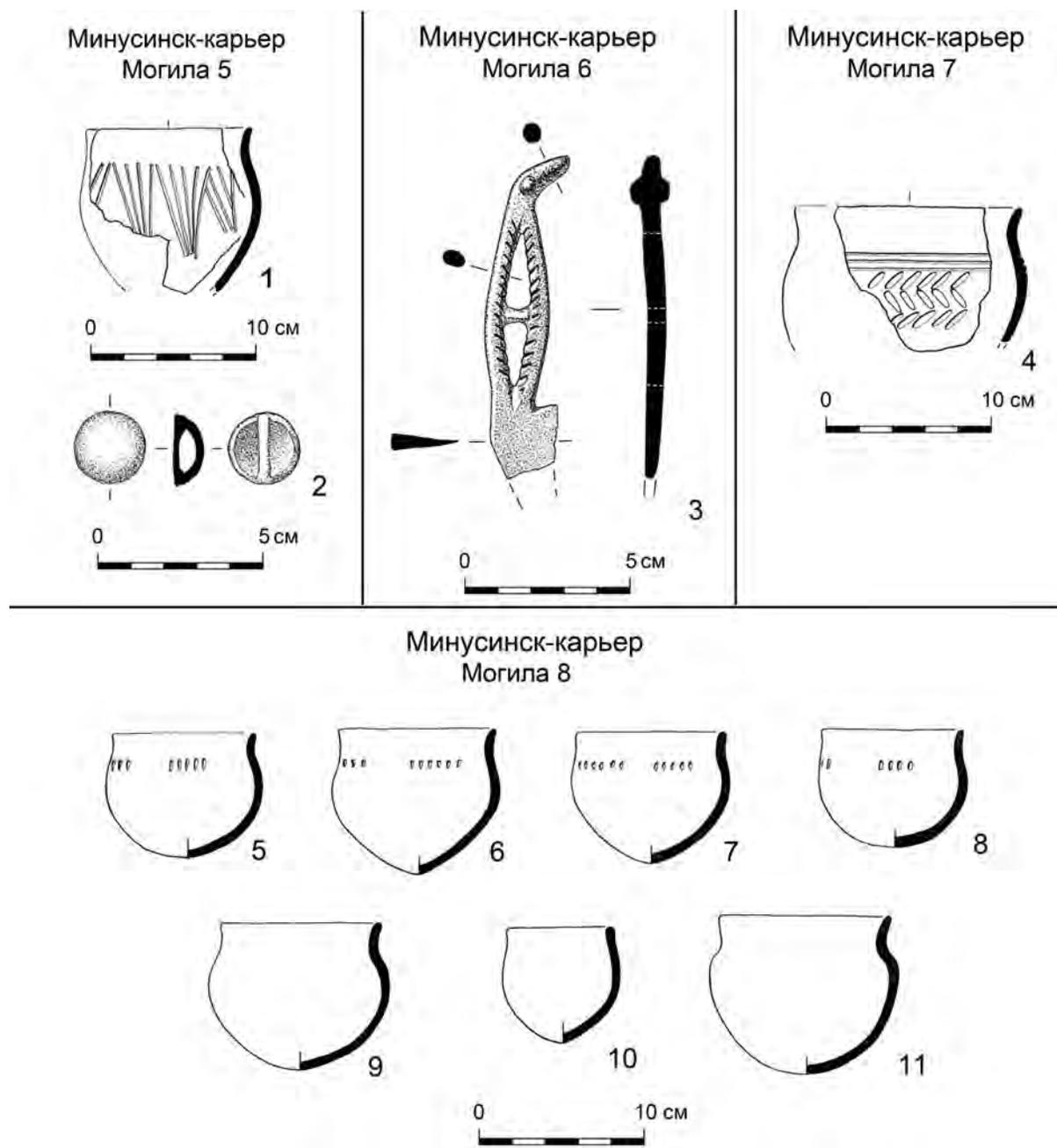

Рис. 48. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 5–8 (2, 3 – медь (бронза?); 1, 4–11 – керамика)

Минусинск-карьер
Могила 10

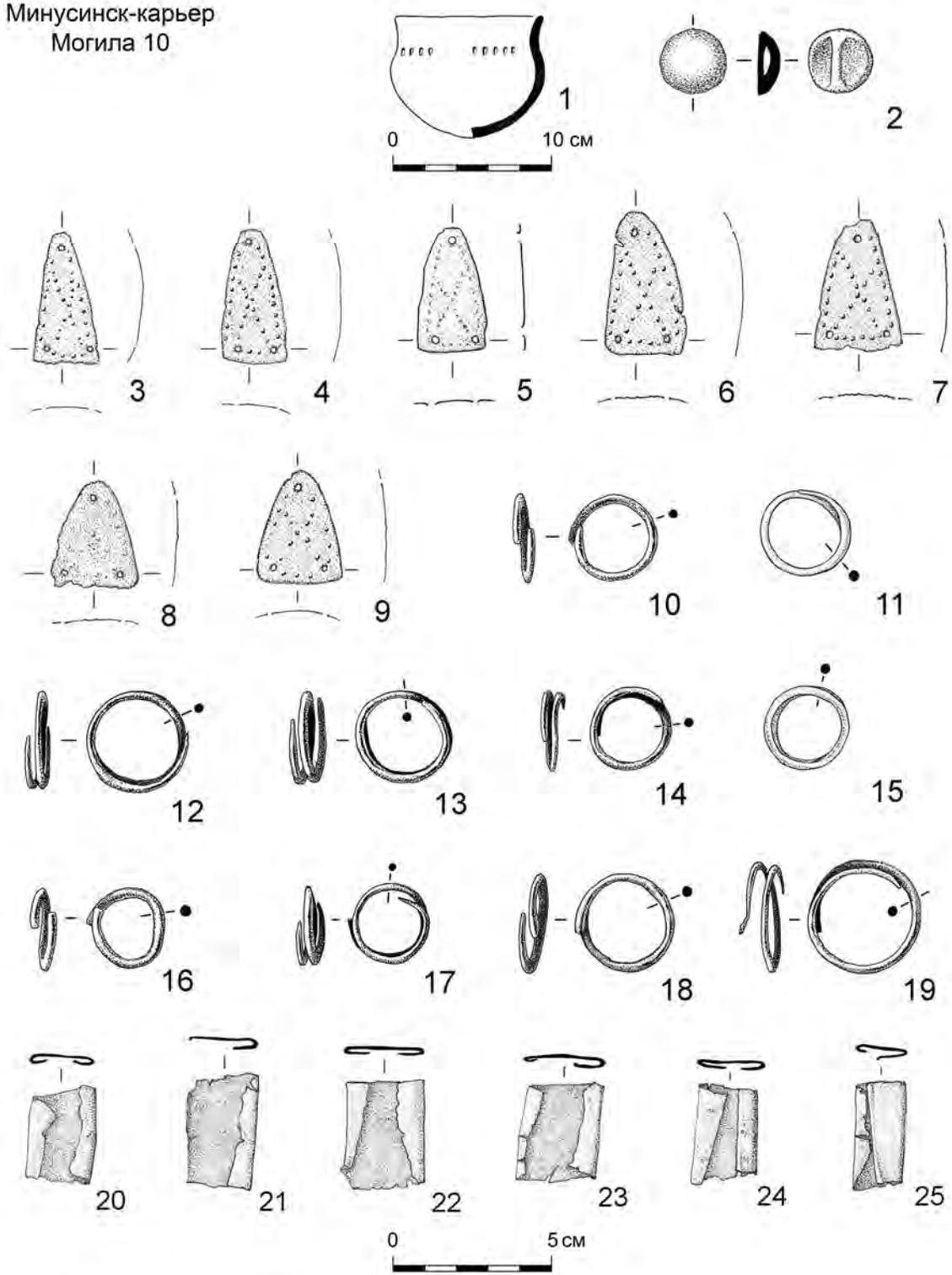

Рис. 49. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 10 (2–25 – медь (бронза?); 1 – керамика)

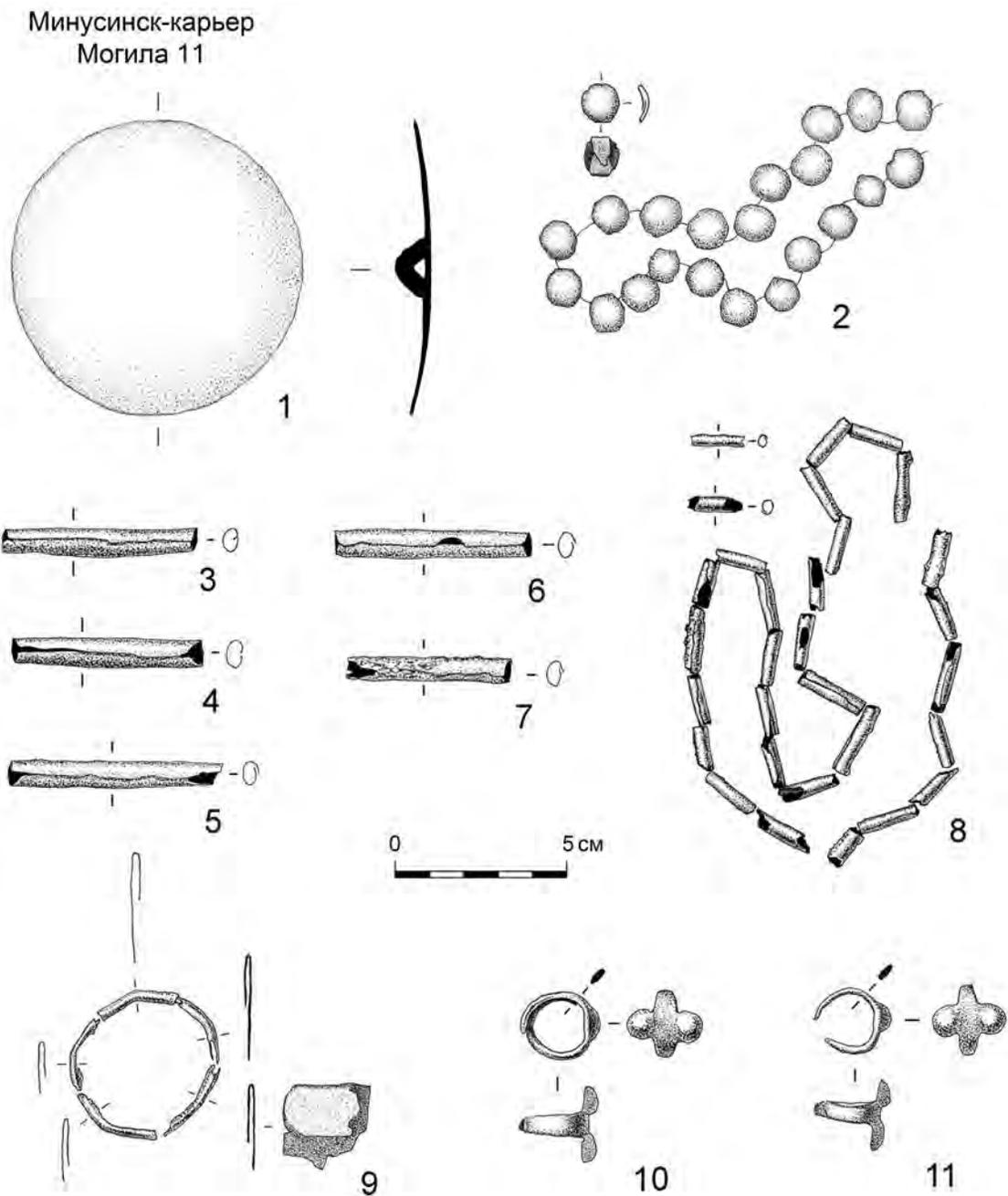

Рис. 50. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 11 (медь (бронза?))

В 1985 г. на территории, примыкающей к бывшему карьеру, начались земляные работы с целью прокладки теплотрассы от ТЭЦ Электрокомплекса к г. Минусинску. Траншея теплотрассы прошла между полотном автодороги Абакан — Кызыл и краем бывшего карьера. Ею было разрушено несколько погребений. Остатки двух из них были прослежены в обрезах стен траншеи.

Могила № 13. Захоронение взрослого человека было совершено в грунтовой яме, форма и размеры которой остались не установленными. Часть костей

погребённого сохранилась не потревоженными. Судя по ним, он лежал вытянуто, на спине, головой к востоку. Его сопровождали четыре керамических сосуда (рис. 52: 1–4). Два из них находились в головах, обломки двух других, срезанных бульдозером, лежали в мешаной земле. Там же были найдены бронзовая пластинка и пронизка, свёрнутая из медного листа (рис. 52: 5–6).

Могила № 14. В 6 м к западу от могилы № 13 сохранился угол ящика из песчаниковых плит, установленных на ребро. В остатках ящика и рядом с ним

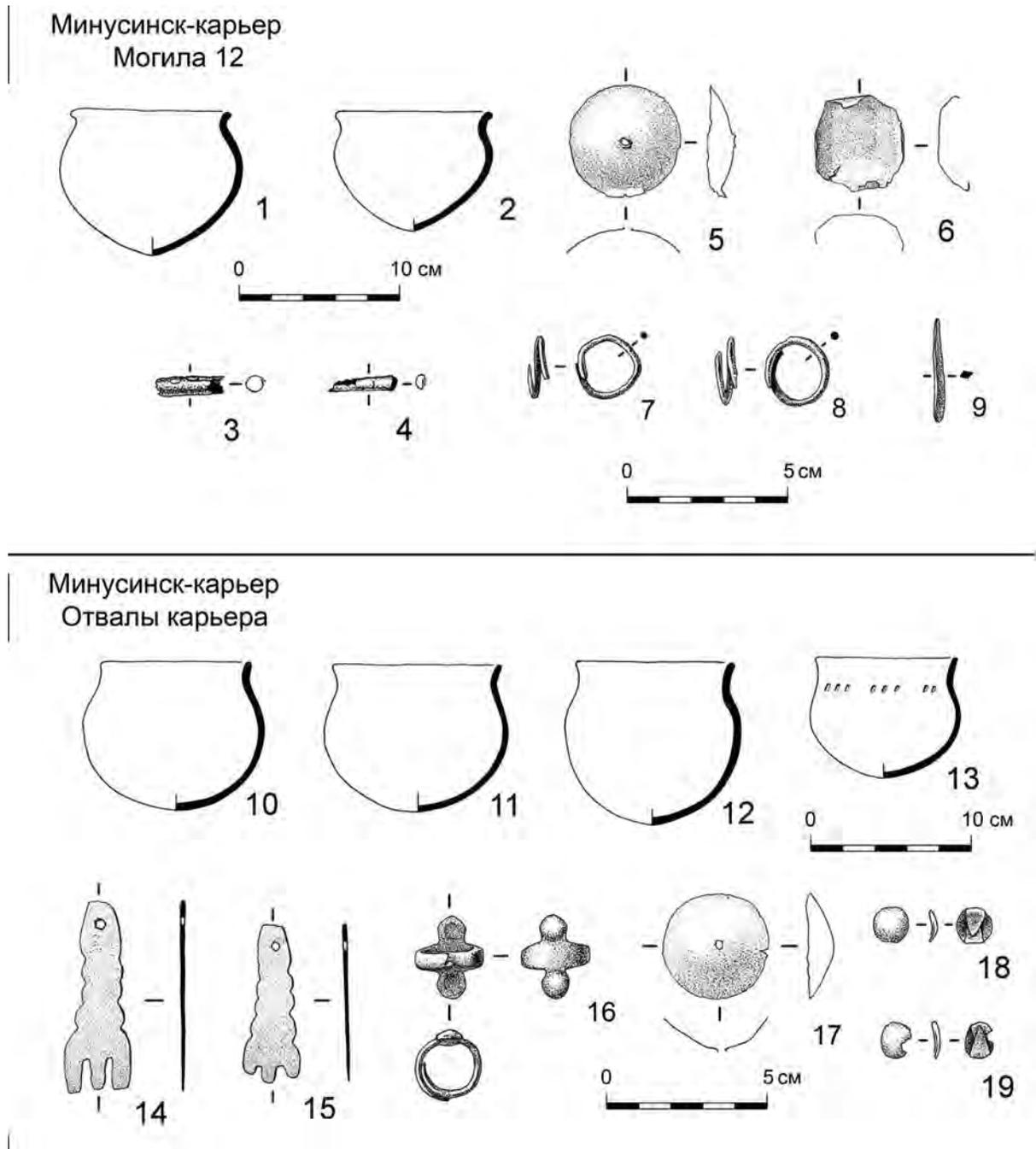

Рис. 51. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 12 и собранные в отвалах карьера (5–9, 14–19 – медь (бронза?); 1, 2, 10–13 – керамика)

находились разрозненные кости взрослого человека, обломки двух керамических сосудов (рис. 52: 7, 8) и бронзовая бляшка-пуговица (рис. 52: 9).

Обследование 1989 г.

В мае 1989 г. в проложенной траншее теплотрасы стали проводить дополнительные земляные работы. В ходе их было разрушено ещё не менее четырёх захоронений, остатки которых были обследованы.

Могила № 15. В борту траншеи прослеживался частично сохранившийся ящик из песчаниковых плит, установленных на ребро. В его заполнении разрозненные кости ребёнка и медная пластинка с загнутыми противолежащими углами (рис. 53: 3). В западном конце ящика находился наполовину срезанный керамический сосуд, второй круглодонный сосуд стоял в противоположном конце могилы (рис. 53: 1–2).

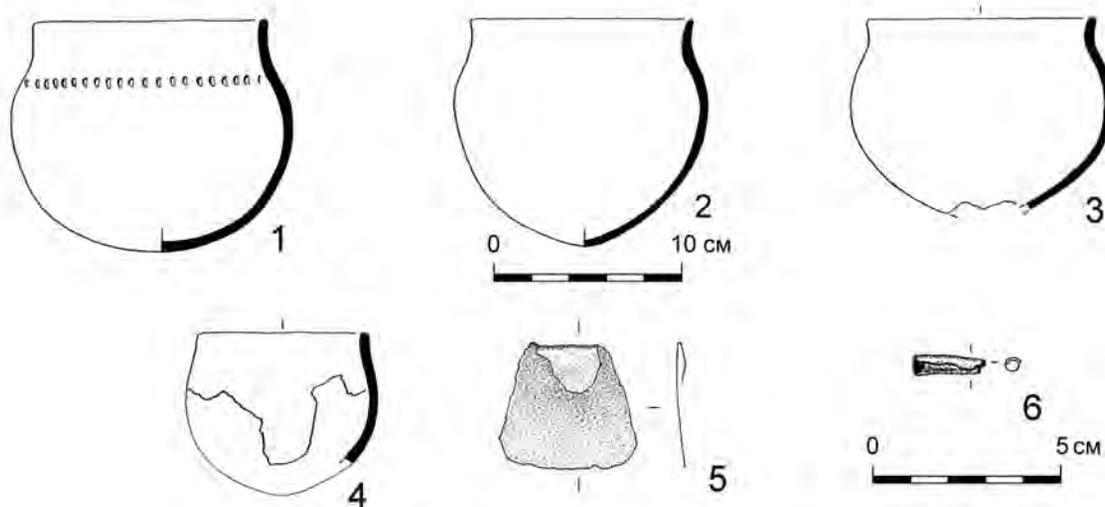
Могила № 16. В борту траншеи был виден наполовину срезанный бульдозером ящик из песчаниковых плит, установленных на ребро. Он имел

длину 190 см и глубину от плит перекрытия 60 см. На дне ящика частично сохранилось захоронение взрослой женщины, положенной вытянуто на спину, головой к востоку. Захоронение было потревожено в древности, часть костей (рёбра, часть позвоночного столба, крестец находились в беспорядке). На височных костях черепа обнаружен фрагмент головного убора из шерстяной ткани, украшенного конскими (?) волосами и бронзовыми украшениями (рис. 53: 20). По обе стороны черепа находилось по одной крупной серьге (рис. 53: 10, 11) и по четыре проволочных кольца (рис. 53: 12–19). Поверх каждой серьги лежала продольно (т. е. по оси скелета) бронзовая четырёхъярусная бляшка (рис. 53: 6, 7) и ниже неё по несколько

трубчатых пронизок, которые были подвешены на кожаных шнурках (рис. 53: 8). В могиле находилось два керамических сосуда (рис. 53: 4, 5). Один, находившийся в головах, был срезан бульдозером, второй стоял в юго-восточном углу. Справа от погребённой найден обломок кости ноги коровы.

Могила № 17. К востоку от могилы № 16 в борту траншеи были видны ребра плит ящика, частично срезанного бульдозером. Размеры его не установлены. В заполнении ящика разрозненные кости подростка, бронзовая лапчатая привеска (рис. 54: 1), фрагмент ажурной бляшки (рис. 54: 2), проволочное колечко (рис. 54: 3) и четыре трубчатые пронизки (рис. 54: 4).

Минусинск-карьер
Могила 13

Минусинск-карьер
Могила 14

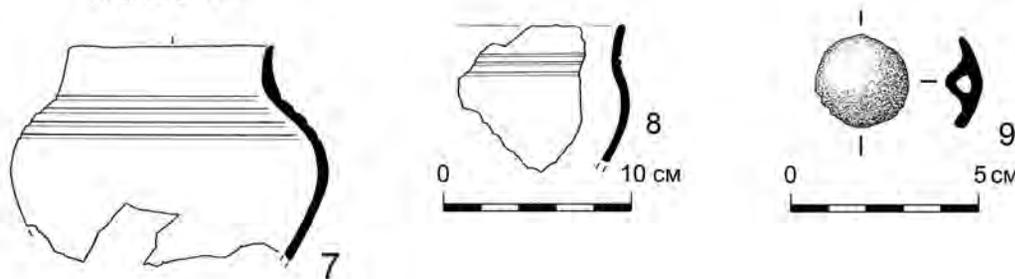

Рис. 52. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 13, 14 (5, 6, 9 – медь (бронза?); 1–4, 7, 8 – керамика)

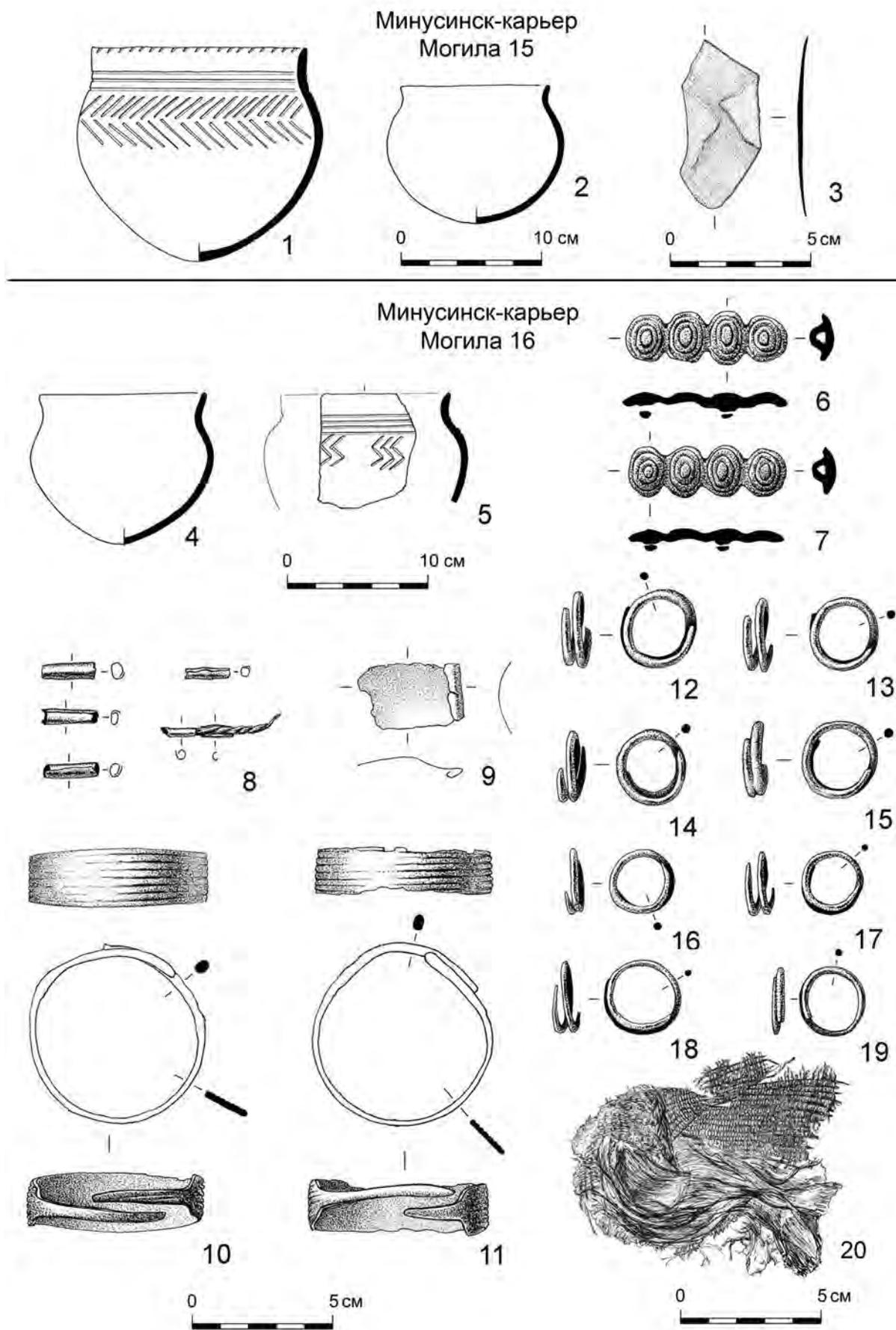

Рис. 53. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 15, 16 (3, 6–19 – медь (бронза?); 1, 2, 4, 5 – керамика; 20 – ткань, конский волос?)

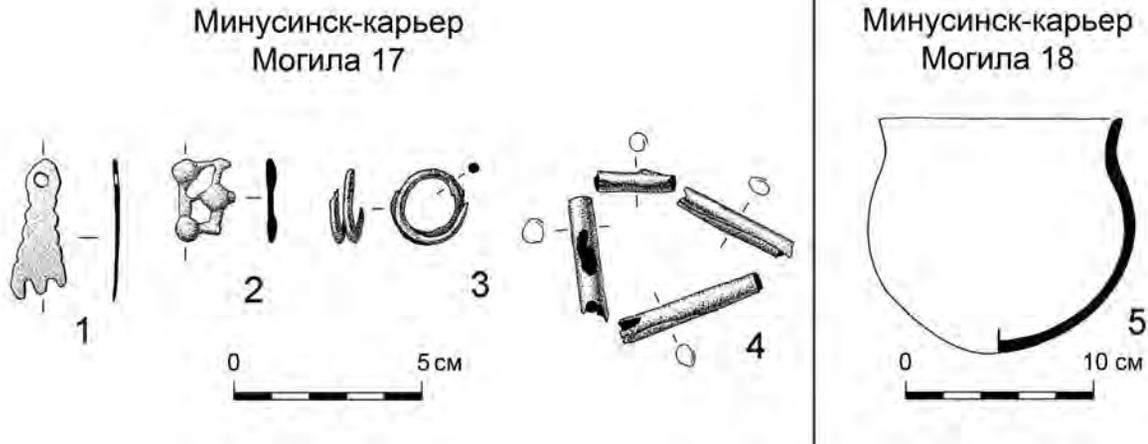

Рис. 54. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 17, 18 (1-4 – медь (бронза?); 5 – керамика)

Могила № 18. В борту траншеи прослеживался частично срезанный ящик из песчаниковых плит размерами 102 × 55 × 40 см, В-З, перекрытый одной песчаниковой плитой, залегавшей на глубине 30 см от современной поверхности. В заполнении

ящика разрозненные кости ребёнка, череп в западном конце могилы. Рядом с ним найдены бронзовые украшения и керамический сосуд (рис. 54: 5). У северной стенки, ближе к восточному концу ящика, лежали кучно кости ноги и рёбра барана.

5. МИНУСИНСК II

В 2 км к северо-западу от г. Минусинска на южном пологом склоне возвышенности по обе стороны дороги из Минусинска в с. Быстрая, на нераспаханном участке поля расположен полностью задернованный могильник карасукской культуры, который предположительно насчитывает до ста погребальных сооружений. В месте пересечения двух полевых дорог обнажились и частично разрушились несколько оград и погребальных ящиков. Некоторые ящики подверглись хищническим раскопкам. Для предотвращения разграбления остальных обнажённых погребений они были раскопаны в 1970 г. (могилы № 1–3).

Могилы № 1. До раскопок на проезжей части дороги прослеживались рёбра песчаниковых плит, образующих восточную и западную стенки прямоугольной ограды (рис. 55: 1, 2). После расчистки площади заложенного раскопа выяснилось, что северная стенка ограды не сохранилась, а от остальных остались лишь фрагменты. Ограда размерами 2,6 × 3,6 (?) м, ССВ–ЮЮЗ.

В центре ограды трапециевидный каменный ящик из поставленных на ребро плит, 175 × 85 (ЮЗ) × 73 (СВ) × 60 см, СВ – ЮЗ (рис. 55: 3). Плиты перекрытия отсутствуют. В заполнении ящика разрозненные кости взрослого человека, женщины (?) 20–25 лет (черепа с нижней челюстью и ряда костей нет). Там же находились четыре ребра и кости ноги коровы, а также кости ноги барана. Из вещей встречен лишь обломок бронзового пластинчатого предмета (ярусная бляшка?) (рис. 55: 4) и керамический сосуд сферической формы без орнамента (рис. 55: 5).

Могилы № 2. К середине западной стенки ограды с могилой № 1 пристроена малая прямоугольная ограда размерами 1,4 × 1,2 м, ВСВ–ЗЮЗ, сооружённая из плит красного девонского песчаника, врытых на ребро (рис. 55: 1, 2).

В центре пристройки ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 0,6 × 0,4 × 0,48 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 55: 6). Плиты перекрытия отсутствуют. В могиле истлевшие остатки скелета ребёнка (куски черепа, рёбра, часть руки), лежавшие в положении близком к первоначальному. Погребённый был положен головой на запад. У его черепа найдено два миниатюрных медных колечка (одно в обломках) (рис. 55: 9, 10), в области грудной клетки — четыре бронзовых

трубчатых пронизки (рис. 55: 11) и две пластинчатых бляшки-«двойчатки» (рис. 55: 7, 8). В северо-западном углу могилы находились два маленьких керамических круглодонных сосуда без орнамента: один под плитами ящика, второй ближе к центру могилы (рис. 55: 12, 13). Кроме них найдено три ребра и кости ноги барана.

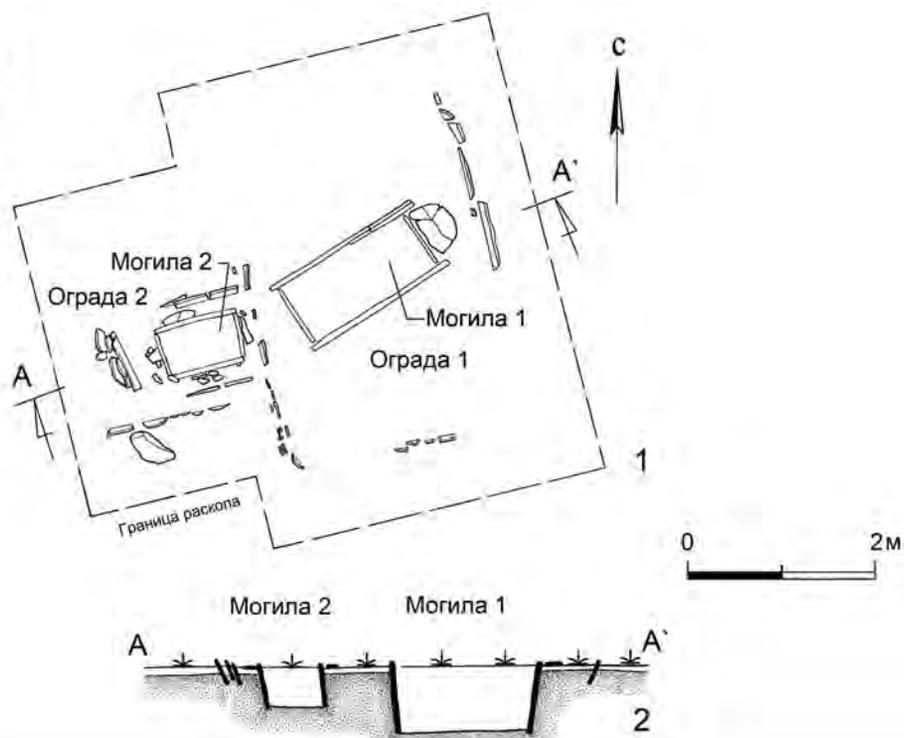
Могилы № 3. Ограда, окружавшая её, полностью разрушена полотном дороги. Сохранился только погребальный ящик из плит красного песчаника, поставленных на ребро, 65 × 53 × 30 см, СВ–ЮЗ (рис. 56: 1, 2). Плиты перекрытия отсутствуют. В заполнении ящика разрозненные полуистлевшие кости младенца, а также обломки рёбер и кости одной ноги барашка. В юго-западном конце могилы стояло три круглодонных керамических сосуда (рис. 56: 3–5). Два из них орнаментированы прочерченными линиями по основанию шеек и фестонами из заштрихованных треугольников (рис. 56: 3, 4). Третий украшен прочерченными линиями и группами зерновидных вдавлений (рис. 56: 5).

Поздней осенью 1979 г. минусинский школьник Пестриков доставил в музей пять керамических сосудов, частично в обломках (рис. 56: 6–10). Он объяснил, что выкопал их вместе с друзьями в каменных ящиках, обнажившихся в ливневой промоине возле асфальтовой дороги Минусинск — Быстрая. При осмотре места раскопок выяснилось, что промоина образовалась в полотне старой полевой дороги недалеко от раскопанных в 1970 г. оград. Возле разрушенных могил валялись человеческие кости, некоторые со следами окиси меди. Три ящика производили впечатление не до конца раскопанных подростками. Во избежание дальнейшего их разрушения 2 ноября была произведена разборка их заполнения, хотя погодные условия для этого были неблагоприятными: грунт был уже мёрзлым (могилы № 4–6). Кроме того, фрагмент ещё одного сосуда был обнаружен в промоине рядом с погребениями и не связан ни с одной из могил (рис. 56: 11).

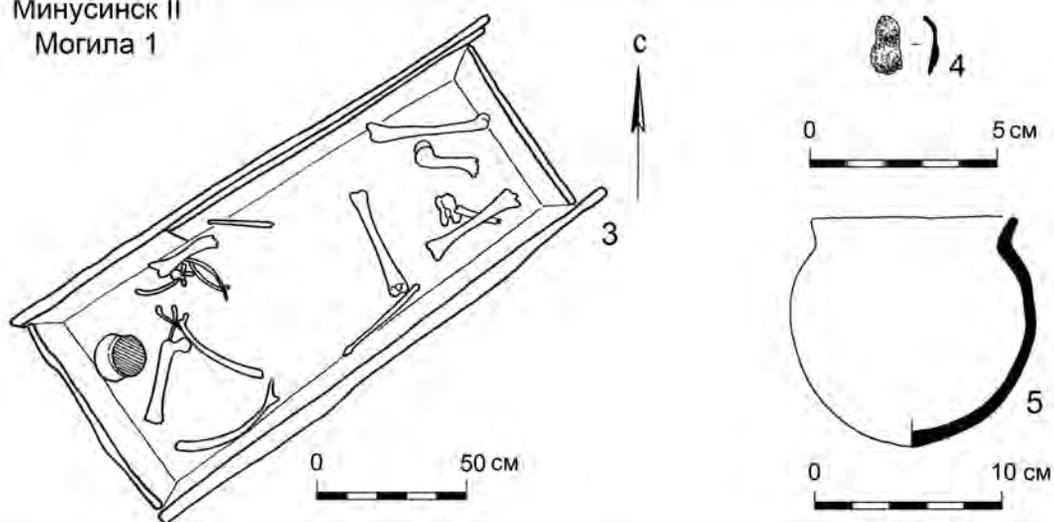
Могилы № 4. Прямоугольный каменный ящик, 60 × 40 × 40 см, ВСВ–ЗЮЗ, из вертикально поставленных плит песчаника. Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика разрозненные кости младенца. Вещей не было.

Могилы № 5. Прямоугольный ящик, 90 × 55 × 50 см, ВСВ–ЗЮЗ, из поставленных на ребро плит песчаника. В заполнении могилы обломки плит перекрытия, разрозненные кости двух подростков,

Минусинск II
Ограды 1-2

Минусинск II
Могила 1

Минусинск II
Могила 2

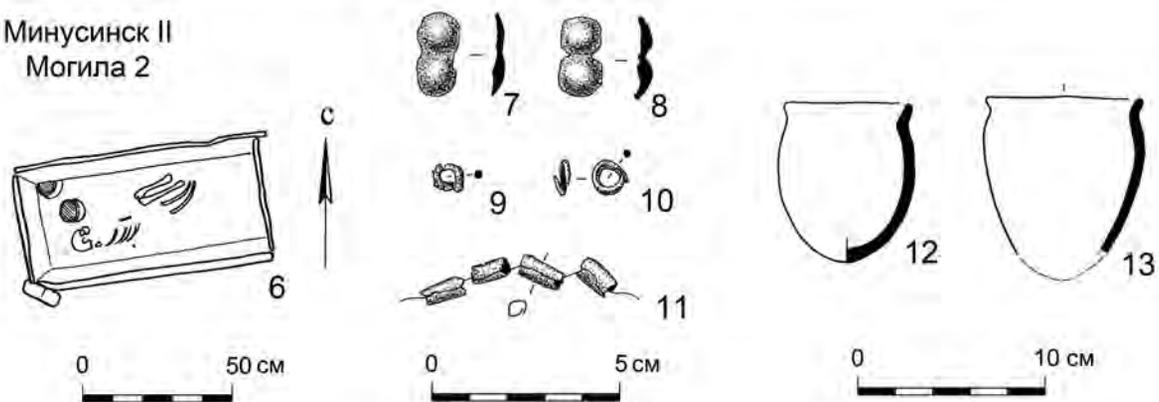
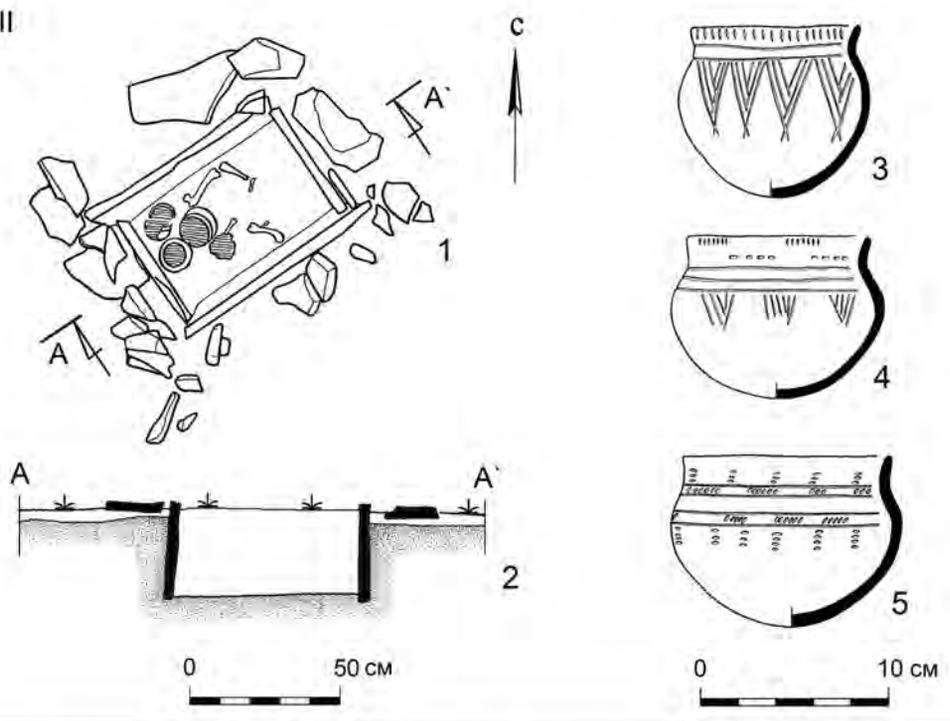
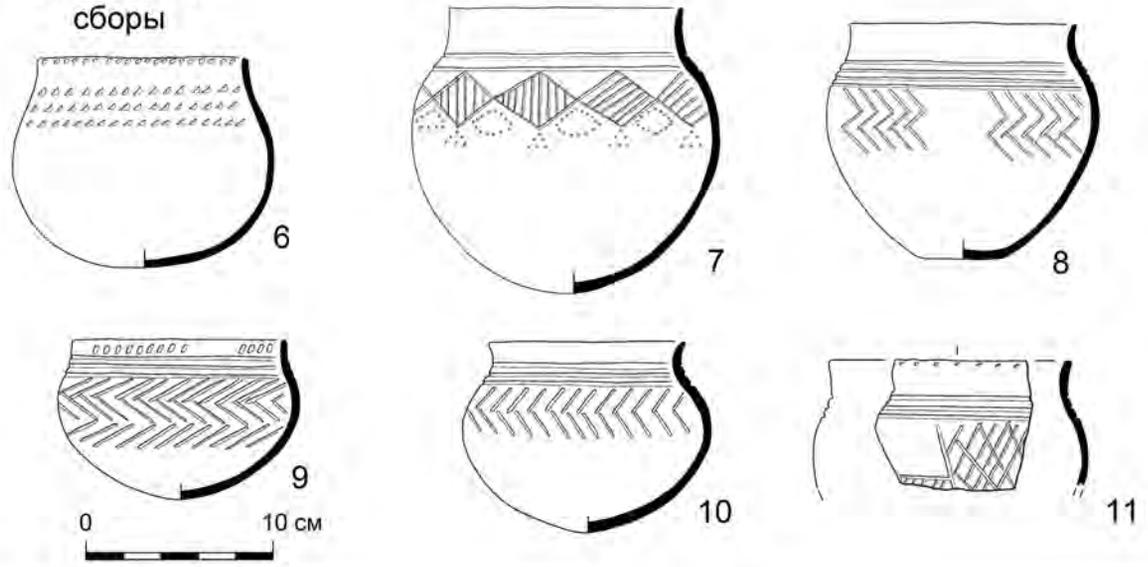

Рис. 55. Минусинск II. Чертёж (1), разрез (2) оград 1, 2, чертежи могил 1, 2 (3, 6) и артефакты из них (4, 7–11 – медь (бронза?); 5, 12, 13 – керамика)

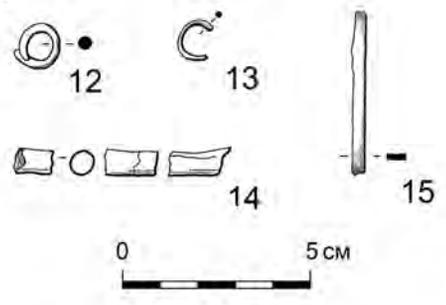
Минусинск II
Могила 3

Минусинск II
сборы

Минусинск II
Могила 5

Минусинск II
Могила 6

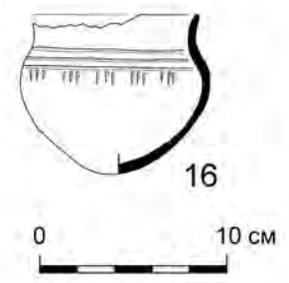

Рис. 56. Минусинск II. Чертёж (1), разрез (2) могилы 3, артефакты из неё, а также материалы сборов из разрушенных могил (12–15 – медь (бронза?); 3–11, 16 – керамика)

два проволочных колечка (рис. 56: 12, 13) и четыре бронзовых бусинки (рис. 56: 14). (В хранении музея за этой могилой числится ещё медная пластинка, не указанная в отчёте (рис. 56: 15). — А. П.)

Могилы № 6. В 95 см к ЗЮЗ от могилы № 2 — прямоугольный ящик, 85 × 50 × 50 см, ВСВ–ЗЮЗ,

из вертикально поставленных плит песчаника. В его заполнении обломки плит перекрытия и разрозненные кости ребёнка. В юго-восточном углу могилы стоял керамический сосуд (рис. 56: 16). Других вещей не было.

6. КРИВАЯ VI

В 4,5 км к ЮЮВ от дер. Кривой, по восточную сторону полевой дороги на с. Лугавское, проходящей по краю высокой первой надпойменной террасы Енисея, в 1970-е гг. располагались большие котлованы песчаных выдувов. Процесс интенсивной ветровой эрозии почвы и наноса песков начался со второй половины 1960-х гг., после неудачной попытки распахать данный участок поля. В 1970 г. в этих котлованах было выявлено 12 развеванных и частично разрушенных погребальных сооруже-

ний. Они имели вид прямоугольных оград из песчаниковых плит, врытых на ребро или уложенных плашмя. На территории нескольких разрушенных оград находились разрозненные человеческие кости и обломки керамических сосудов. Могилы в этих оградах, по свидетельству местного чабана, раскапывались подростками дер. Кривой.

В 1970 г. были обследованы наиболее разрушенные ограды. Основные раскопки на могильнике производились в 1972 г. В последующие годы периодически проводился мониторинг могильника, при этом было выявлено ещё несколько разруша-

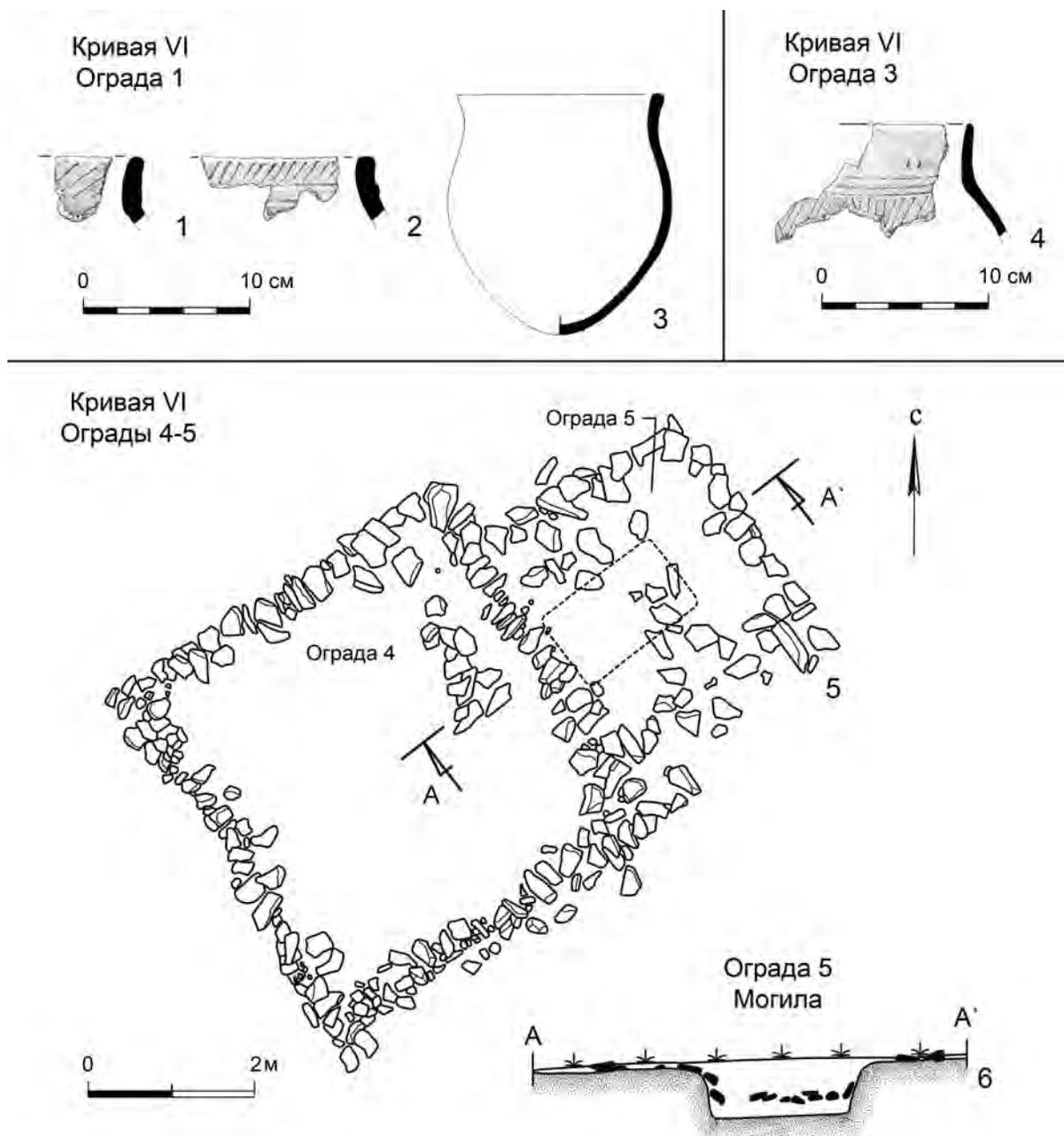

Рис. 57. Кривая VI. Чертёж (5) и разрез (6) оград 4, 5 и артефакты из оград 1 и 3 (керамика)

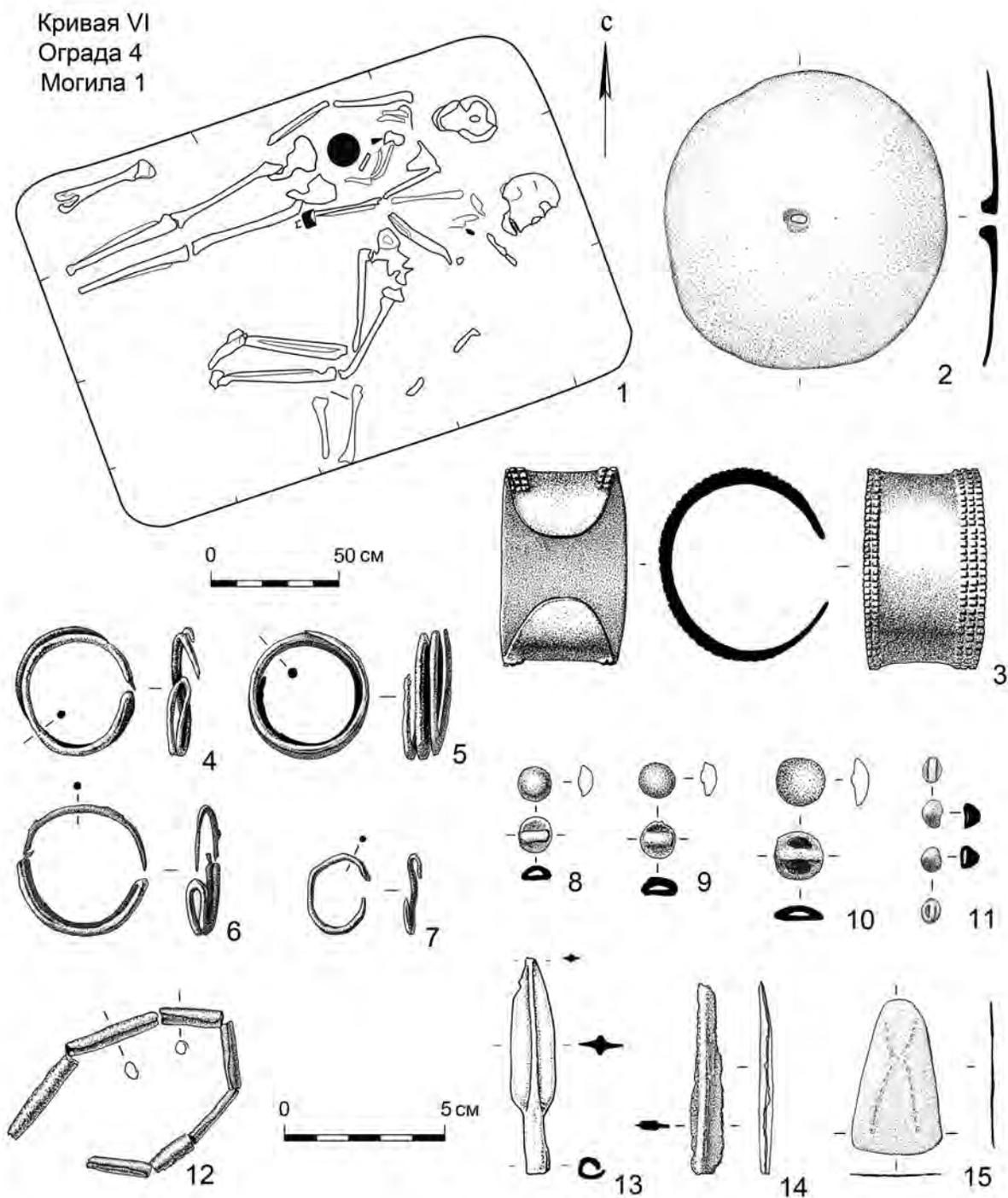

Рис. 58. Кривая VI. Чертеж могилы 1 из ограды 4 (1) и артефакты из неё (медь (бронза?))

ющихся могил. Часть могильника остаётся скрытой под наносными песками. С южной стороны к нему примыкают погребальные сооружения могильника раннетагарского времени. Три могилы баиновского этапа с обнажёнными погребальными конструкциями были раскопаны.

Ограда 1. На поверхности песчаного выдува наблюдался развал относительно мелких обломков

песчаниковых плит, который образовывал некоторое подобие разрушенной прямоугольной ограды, сооружённой из плашмя уложенных плит. Несколько плиток юго-восточной стороны были врыты на ребро. Ограда имела приблизительные размеры 5×5 м и была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Среди плитняка встречены обломки человеческих костей и мелкие фрагменты керамических сосудов (рис. 57: 1, 2). Ранее на территории этой ограды

чабаном был найден керамический сосуд яйцевидной формы без орнамента (рис. 57: 3).

Ограда 2. На поверхности песчаного выдува прослеживалась полуразрушенная ограда из песчаниковых плит, уложенных плашмя, размерами 4,0 × 3,8 м, ВСВ–ЗЮЗ. В центре ограды оплывшая яма вскрытой грунтовой могилы, по бортам которой валялись обломки человеческих костей и неорнаментированные обломки керамических круглодонных сосудов.

Ограда 3. На поверхности песчаного выдува скопление мелких обломков плитняка образует развал ограды прямоугольной формы, 4,0 × 4,5 м, ВСВ–ЗЮЗ, из уложенных плашмя плиток. Северная стенка ограды почти полностью скрыта под песчаной дюной. В центре ограды имелась оплывшая неглубокая ямка — след грабительских раскопок подростков. На территории ограды валялись мелкие обломки жжёных костей и фрагменты керамики, в том числе фрагменты сосуда, орнаментированного тремя прочерченными линиями и заштрихованными треугольниками (рис. 57: 4). Часть керамики,

по-видимому, происходит из развееванного слоя поселения. Контрольной траншеей через центр ограды следов захоронения не выявлено. Оно, очевидно, было совершено в очень неглубокой яме.

Ограда 4. На поверхности песчаного выдува полностью обнажена прямоугольная ограда размерами 5,2 × 4,5 м, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, уложенных плашмя в два-три слоя (рис. 57: 5, 6). В центре ограды следы грабительской копки — неглубокая заплывшая ямка овальной формы. В северо-восточном углу ограды найдено бронзовое проволочное колечко. Зачистка площади ограды не производилась. Траншеей по линии север — юг через её центр выявлено пятно могильной ямы.

Могилы № 1. Грунтовая яма прямоугольной формы размерами 193 × 160 × 52 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 58: 1). На дне погребение двух взрослых и ребёнка. Вдоль северной стенки лежал скелет женщины 30–35 лет в вытянутом положении, с руками вдоль туловища и головой, обращённой к востоку. У правой височной кости черепа находились три бронзовых проволочных кольца (рис. 58: 4–6). На грудной клетке найдено бронзовое дисковидное

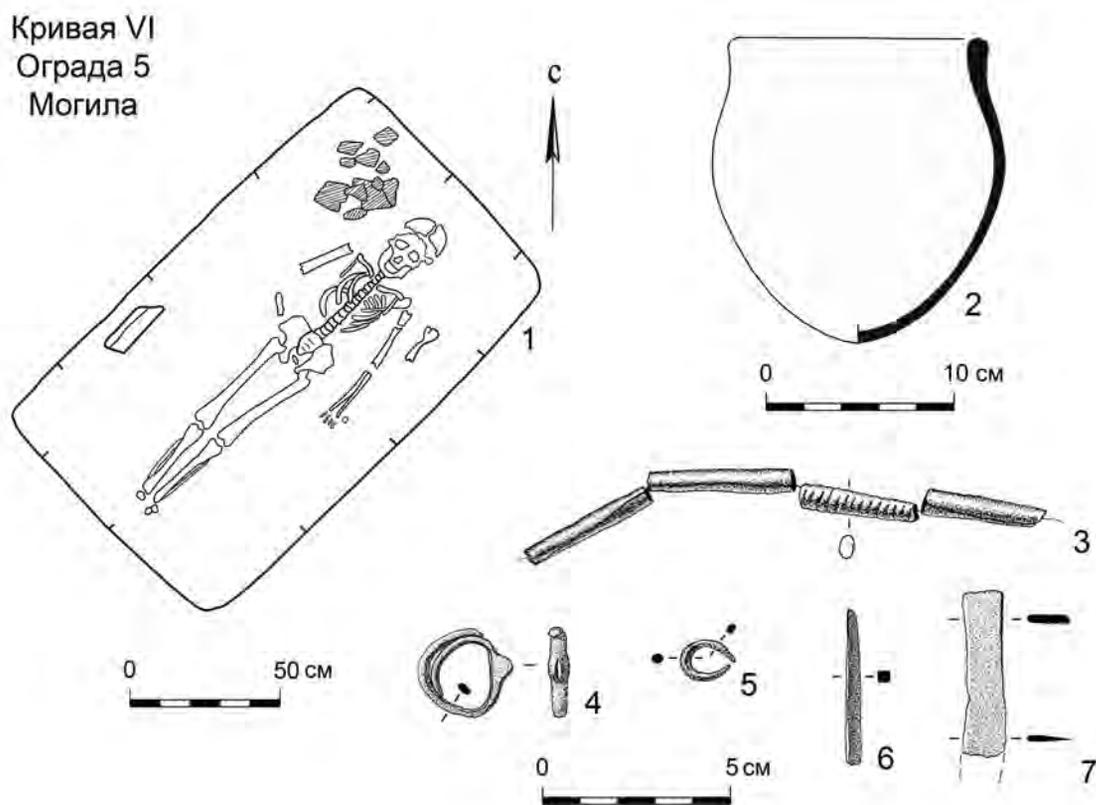

Рис. 59. Кривая VI. Чертеж могилы 1 из ограды 5 (1) и артефакты из неё (3–7 — медь (бронза?); 2 — керамика)

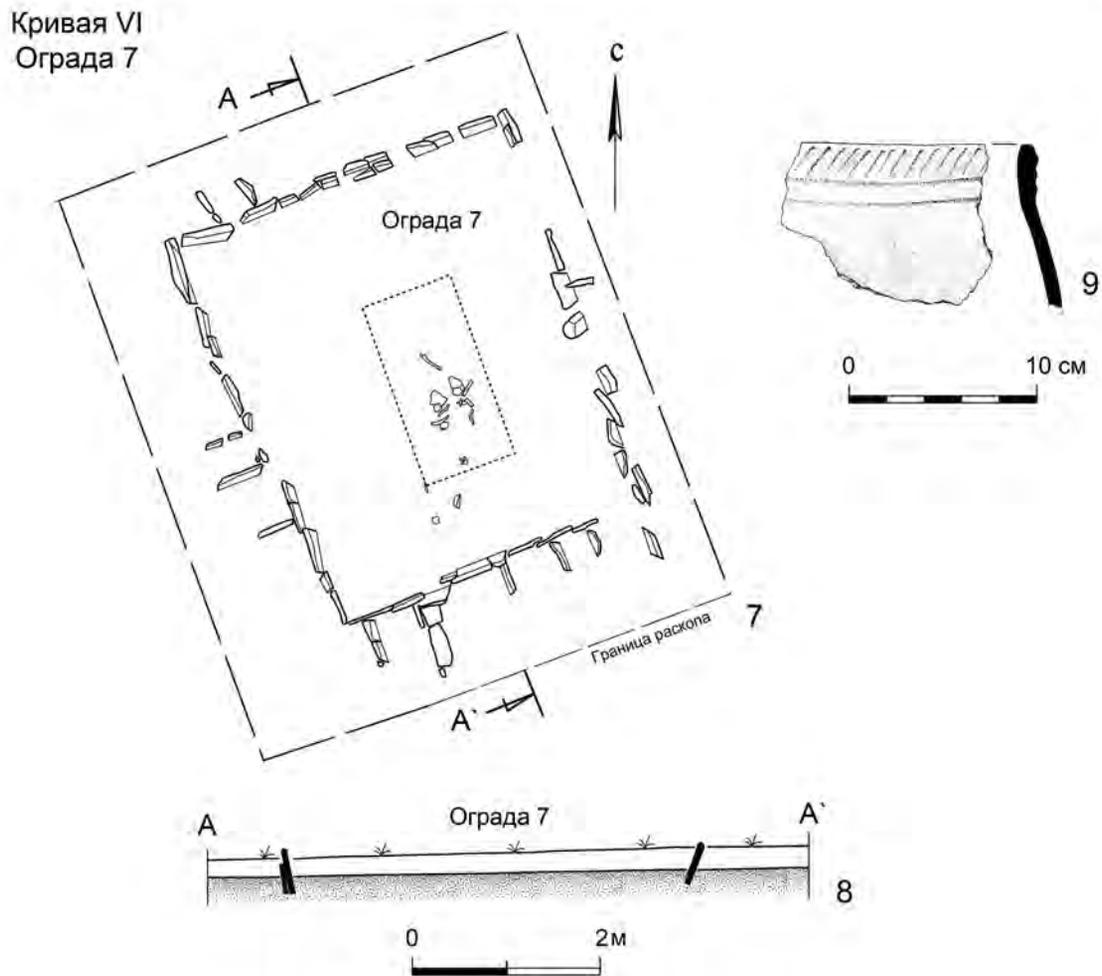
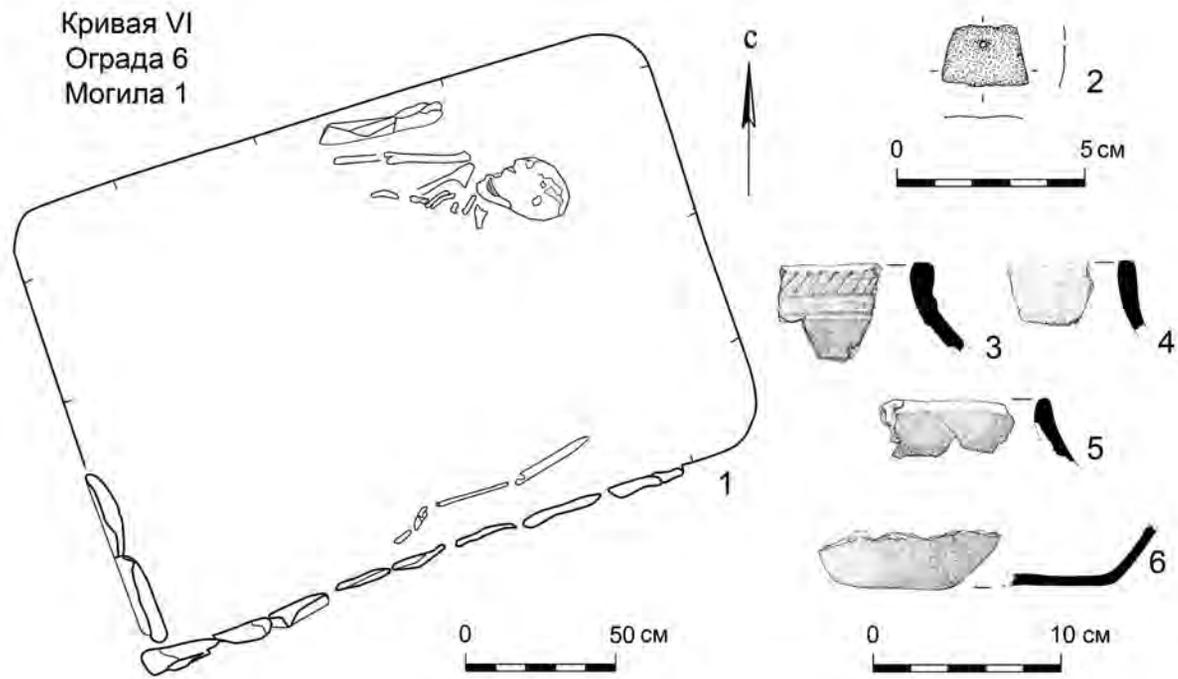

Рис. 60. Кривая VI. Чертёж (7) и разрез (8) ограды 7, чертёж могилы 1 из ограды 6 (1) и артефакты из них (2 – медь (бронза?); 3–6, 9 – керамика)

зеркало (рис. 58: 2) со следами древесного (?) тлена и бронзовой бляшкой-пуговицей на нём (рис. 58: 10), что позволяет предположить наличие чехла. Выше зеркала находилась треугольная пластинчатая бляшка (рис. 58: 15), а на запястье левой руки — бронзовый браслет (рис. 58: 3).

Вдоль южной стенки лежал скелет женщины (?) 35–45 лет, на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой к востоку. Одна рука кистью на груди, вторая отсутствует. На черепе погребённой имеется четырёхгранное отверстие, пробитое каким-то орудием. У правой височной кости черепа находились четыре бронзовых трубчатых пронизки (рис. 58: 12). У середины нижней челюсти лежала бронзовая бляшка-пуговица (рис. 58: 8), вторая такая же пуговица находилась на груди (рис. 58: 9). На фаланге пальца имелось бронзовое проволочное колечко (рис. 58: 7). У головки правой бедренной кости лежали ещё три бронзовых пронизи (рис. 58: 12), у левого колена — бронзовая бляшка-пуговица (рис. 58: 11) и два бронзовых наконечника стрел (рис. 58: 13, 14). Южную погребённую сопровождали две кости ноги барана, лежавшие между южной стенкой и её коленным суставом. Северной погребённой была положена кость ноги коровы. Берцовые кости обоих скелетов окружены землёй яркого красновато-бурого цвета. Обе женщины, видимо, были погребены в сапожках, окрашенных в красный цвет.

У южной стенки могилы находился неполный скелет ребёнка. Кости его плохой сохранности и частично перемещены сусликами. Ребёнок был положен вытянуто на спину, головой к востоку.

Ограда 5. К северо-восточной стенке ограды 4 пристроена прямоугольная ограда 3,3 × 3,0 м, СВ–ЮЗ из плит песчаника, уложенных плашмя в 1–2 слоя (рис. 57: 5, 6). На территории ограды встречены мелкие фрагменты керамики и три астрагала барана со следами подшлифовки. В центре ограды на глубине 30–40 см от поверхности открылись камни потревоженного надмогильного перекрытия.

Могилы № 1. Под плитами перекрытия грунтовая могильная яма подпрямоугольной формы размерами 165 × 100 × 60 см, СВ–ЮЗ. На дне её захоронение взрослой женщины, положенной вытянуто на спину, головой на СВ (рис. 59: 1). Кисть одной не сохранившейся руки на правом крыле таза, другая рука вытянута вдоль туловища.

Кости скелета плохой сохранности, череп раздавлен. В северо-восточном углу могилы найдено скопление обломков керамического сосуда (рис. 59: 2). У кисти левой руки находился бронзовый перстень (рис. 59: 4), а у середины предплечья той же руки — бронзовое шило (рис. 59: 6). Среди костей таза найден обломок лезвийной части бронзового ножа (рис. 59: 7). У височных костей погребённой найдено по две бронзовых трубчатых пронизи (рис. 59: 3). У плеча левой руки лежала кость ноги барана. (В хранении музея за этой могилой числится ещё маленькое колечко, не указанное в отчёте (рис. 59: 5). — *А. П.*)

Ограда 6. На дне котлована выдува остатки прямоугольной ограды размерами 6,0 × 5,7 м, ВСВ–ЗЮЗ из плит песчаника, уложенных в 1–2 слоя, чередующихся местами с плитками, врытыми на ребро. В центре ограды следы грабительской копки — свежая ямка 1,5 × 0,4 × 0,5 м. На территории ограды обломки человеческих костей, черепа взрослого человека и фрагменты керамических сосудов (рис. 60: 4–6).

К северо-восточной стенке этой ограды пристроена прямоугольная ограда меньшего размера: 2,55 × 3,0 м, ВСВ–ЗЮЗ. Она сооружена из плит песчаника, уложенных плашмя в 1–2 слоя. Следов могилы в ней не обнаружено. За пределами ограды, у юго-восточного угла лежала кучка мелких обломков жжёных костей.

Могилы № 1. Контрольной траншеей через центр основной ограды выявлена прямоугольная грунтовая яма размерами 215 × 145 × 50 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 60: 1). Яма обставлена по трём стенкам плитами песчаника, установленными на ребро. На дне могилы сохранились в первоначальном положении несколько костей двух погребённых, судя по которым, они были положены головами к востоку. Вдоль северной стенки была положена женщина 30–40 лет. От скелета женщины, лежавшей вдоль южной стенки, сохранились только кости одной руки. На груди северной погребённой находились два обломка медной пластинки и бронзовая бляшка (рис. 60: 2). В заполнении могилы встречено несколько обломков керамического сосуда (рис. 60: 3).

Ограда 7. Прямоугольная ограда, размерами 4,4 × 3,6 м, ССЗ–ЮЮВ, из плит красного песчаника, врытых на ребро и обставленных с внешней стороны плитками-контрфорсами (рис. 60: 7, 8). В центральной

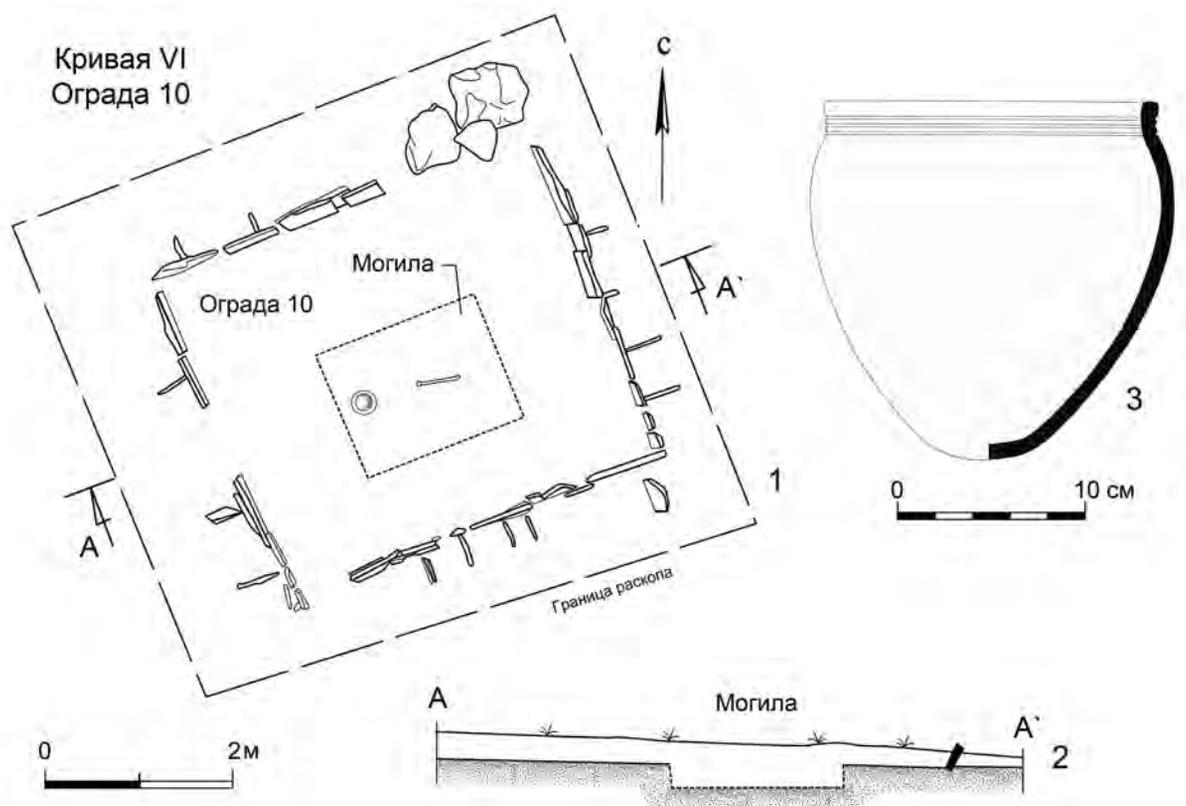

Рис. 61. Кривая VI. Чертеж (1) и разрез (2) ограды 10 и керамический сосуд из неё (3)

части ограды беспорядочное скопление разрозненных человеческих костей (череп с нижней челюстью нет) и обломков керамического сосуда (рис. 60: 9). Захоронение, видимо, было совершено на поверхности или в очень неглубокой ямке.

Ограды 8, 9. (На основании суммы признаков весь комплекс оград 8, 9 следует относить к подгорновскому этапу тагарской культуры. — А. П.)

Ограда 10. В котловане выдува прямоугольная ограда размерами 4,2 × 3,8 м, ВСВ-ЗЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро и подпертых снаружи плитками-контрфорсами (рис. 61: 1, 2). Границ могильной ямы выявить не удалось, так как она была выкопана в почвенном слое. В центре ограды найдены на разных уровнях разрозненные обломки костей взрослого человека (женщины?) и лежавшие в сочленении берцовые кости и часть стопы одной ноги. Судя по ним, дно могилы находилось на глубине 45 см от поверхности котлована. Погребённая была положена головой к западу. Её сопровождал керамический сосуд яйцевидной формы (рис. 61: 3).

Ограда 11. В котловане находилось беспорядочное скопление мелких обломков песчаника, занимавших площадь 4 × 3 м. Они, предположительно, представляют собой разрушенную прямоугольную ограду из плит, уложенных плашмя. Артефактов среди плит не было обнаружено.

Ограда 12. В котловане выдува залегал беспорядочный развал плитняка диаметром около 4 м. В центральной части развала разбросаны обломки обожжённых костей человека. У основания развала с южной и северо-западной сторон встречены обломки человеческих костей и мелкие фрагменты керамической посуды. Судя по западинам, в развале ограды, очевидно, было две могилы. Возможно, этот комплекс состоял из ограды с пристройкой. В одной могиле было совершено захоронение по обряду кремации, в другой, находившейся в 2,3 м ССЗ от первой, — захоронение взрослого человека по обряду труположения.

Могила № 13. В котловане выдува неглубокая западина грабительской копки могилы. Вокруг валялись обломки костей взрослого человека и фрагменты керамики (рис. 62: 1, 2).

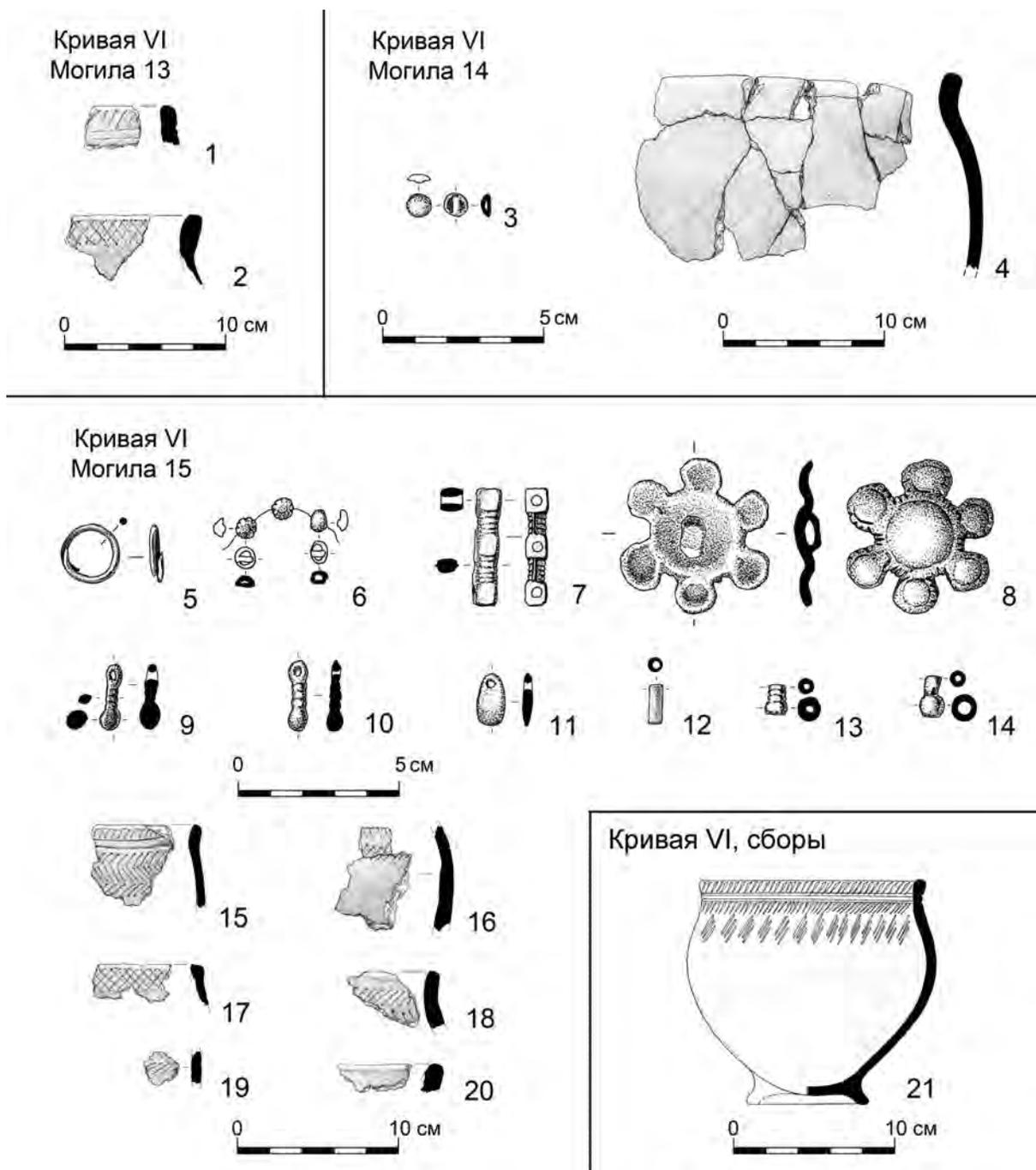

Рис. 62. Кривая VI. Артефакты из могил 13–15, а также керамический сосуд из сборов (3, 5–14 – медь (бронза?); 1, 2, 4, 15–21 – керамика)

Могила № 14. На дне глубокого котлована скопление обломков сосуда (рис. 62: 4), бронзовая миниатюрная бляшка-пуговица (рис. 62: 3) и обломки костей взрослого человека.

Могила № 15. При осмотре могильника в 1985 г. в котловане выдува, расположенного в 40 м к югу от могил 4–6 обнаружены остатки полностью разрушенного погребения. На дне котлована валялись разрозненные человеческие кости и куски черепа. Среди них най-

дены обломки не менее трёх керамических сосудов. Два из них были на поддонах и украшены косыми насечками в горизонтальную «ёлочку» (рис. 62: 15–20). Здесь же находились бронзовая литая шестилепестковая бляшка (рис. 62: 8), проволочное колечко (рис. 62: 5), миниатюрные бляшки-пуговицы и другие бронзовые украшения (рис. 62: 6, 7, 9–14).

(В 1974 г. из этого могильника в музей поступил сосуд из грабительских раскопок (рис. 62: 21). — А. П.)

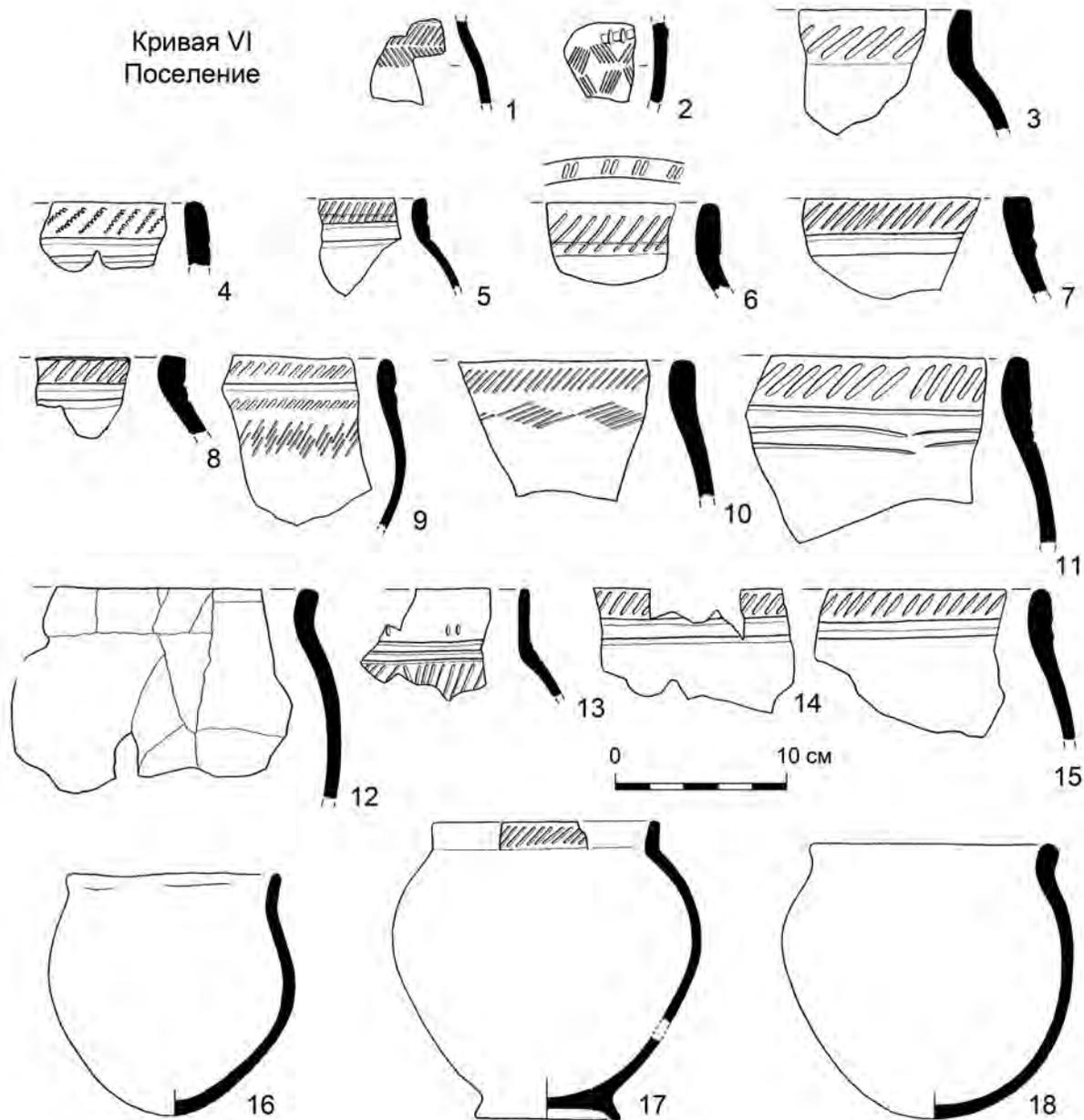

Рис. 63. Кривая VI, поселение. Керамические сосуды и их фрагменты

Разрушенное поселение

С северной стороны к территории могильника прилежали большие котлованы выдувов, почвенный слой в которых был развеян в процессе эрозии вплоть до слоя галечника. Небольшие обрывки культурного слоя сохранились местами на дне котлованов и в столбообразных останцах. В одном из таких обрывков были найдены лежавшие кучкой 60 астрагалов барана. Они были, по-видимому,

уложены в небольшую ямку, выкопанную в культурном слое. Дно котлованов было буквально устлано обломками керамики и костей животных. Здесь же залежали каменные орудия и их обломки. Встречались астрагалы барана со следами подшлифовки и просверленными отверстиями, бронзовые изделия. Была найдена даже бусинка, свёрнутая из золотой проволоки.

Керамика. Посуда из котлованов однородна по форме и декору. Судя по собранным фрагментам,

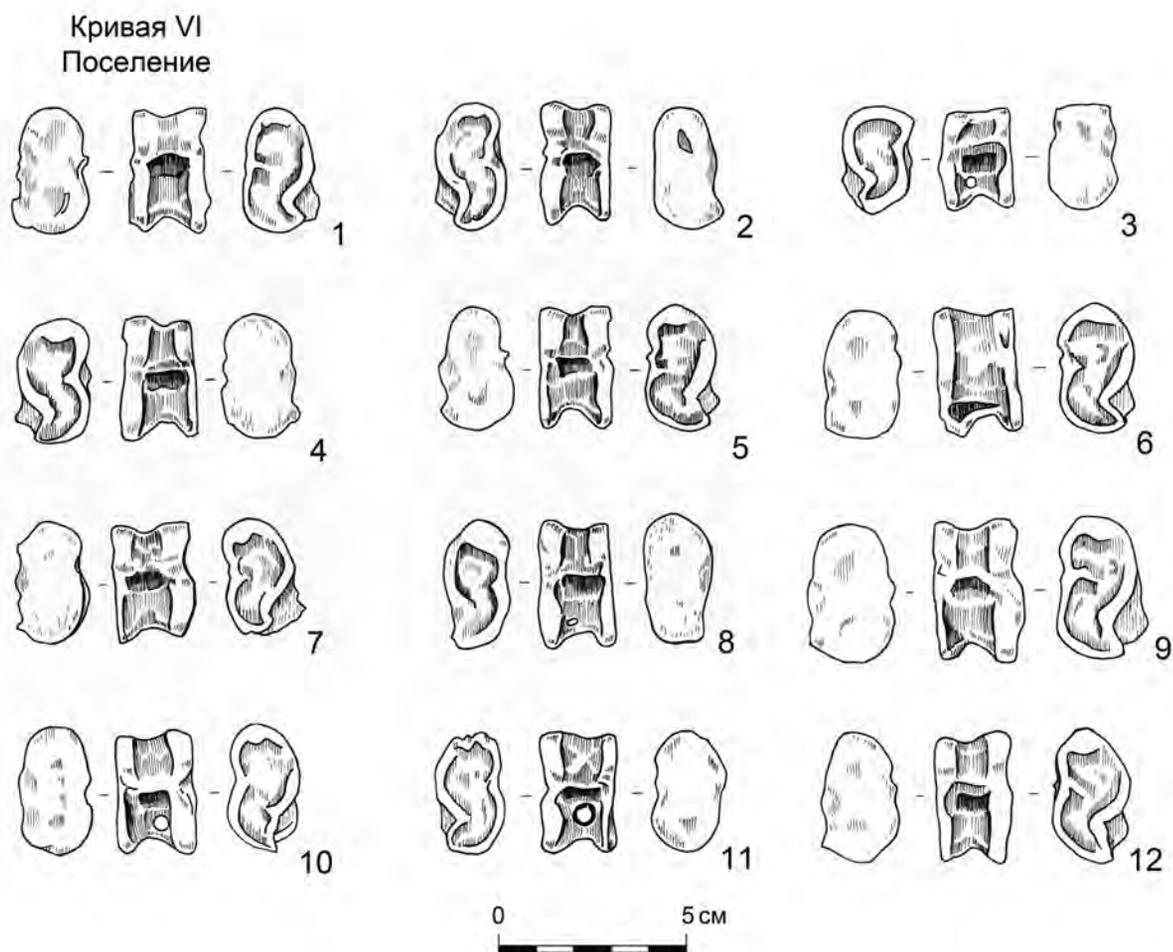

Рис. 64 Кривая VI, поселение. Альчики барана со следами подшлифовки и отверстиями

на поселении господствовали сосуды яйцевидных и параболических форм с низкими шейками (рис. 63). У подавляющего большинства сосудов были орнаментированы только шейки, причём преобладал декор в виде ряда косых насечек (405 фрагментов). Иногда он сочетается с одной-тремя прочерченными линиями по основанию шейки или с рядами косых насечек на плечиках (17 фрагментов). Реже встречаются шейки, декорированные горизонтальными прочерченными линиями (103 фрагмента). На небольших сосудах они сочетаются с насечками на плечиках в «ёлочку» (33 фрагмента). Другие виды декора единичны. Три фрагмента шеек украшены вертикальными насечками, один фрагмент — ломаными линиями, второй маленький фрагмент — косыми перекрещёнными насечками. Два фрагмента верхней части одного сосуда декорированы ромбической сеткой из параллельных косых насечек. Сосуды с неорнаментированными шейками редки (43 фрагмента). Было

найдено, кроме того, два фрагмента низких кольцевых поддонов сосудов.

Артефакты из кости. В одном из обрывков культурного слоя были найдены лежавшие кучкой 60 астрагалов барана. Из них 55 со следами подшлифовки, у трёх, кроме того, просверлено отверстие. Астрагалы были, по-видимому, уложены в небольшую ямку, выкопанную в культурном слое. Кроме них, на поселении было собрано ещё 27 разрозненных астрагалов барана с подшлифовкой, насечками или с просверленным отверстием, а также две костяные бусины (рис. 64).

Бронзовые изделия. На поселении найдена низка из четырёх бронзовых колечек (рис. 65: 1–4) и несколько обломков других колец, пятилепестковая бляшка (рис. 65: 19), три бляшки-пуговицы разных размеров (рис. 65: 15), треугольная пластинчатая бляшка с пуансонным орнаментом (рис. 65: 14), бронзовое шило и обломки двух других (рис. 65: 16), а также другие предметы.

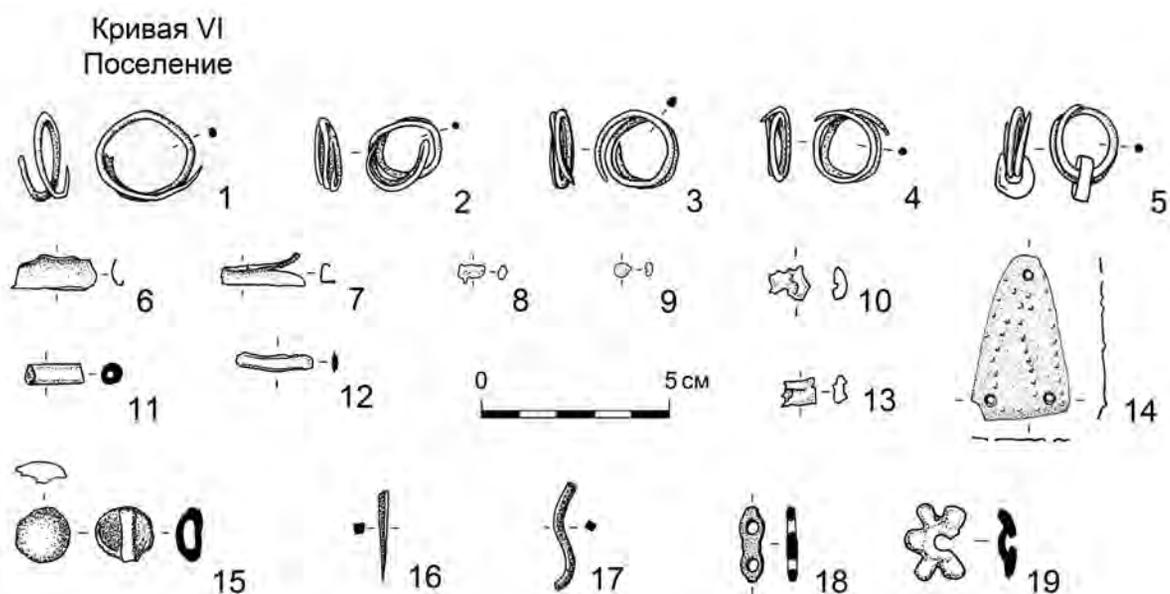

Рис. 65. Кривая VI, поселение. Металлические изделия (медь (бронза?))

Кроме них, была найдена миниатюрная золотая пронизка, цилиндрическая, из витой проволоки.

Каменные изделия. В выдувах найдены обломки курантов нескольких зернотёрок (рис. 66), массивная колотушка (рис. 67: 2), грубо оббитая

округлая плитка песчаника с намеченным отверстием в центре (рис. 67: 6), заготовка привески из плоской гальки овальной формы с намеченным отверстием и треугольный наконечник стрелы с обломанным шипом.

Кривая VI
Поселение

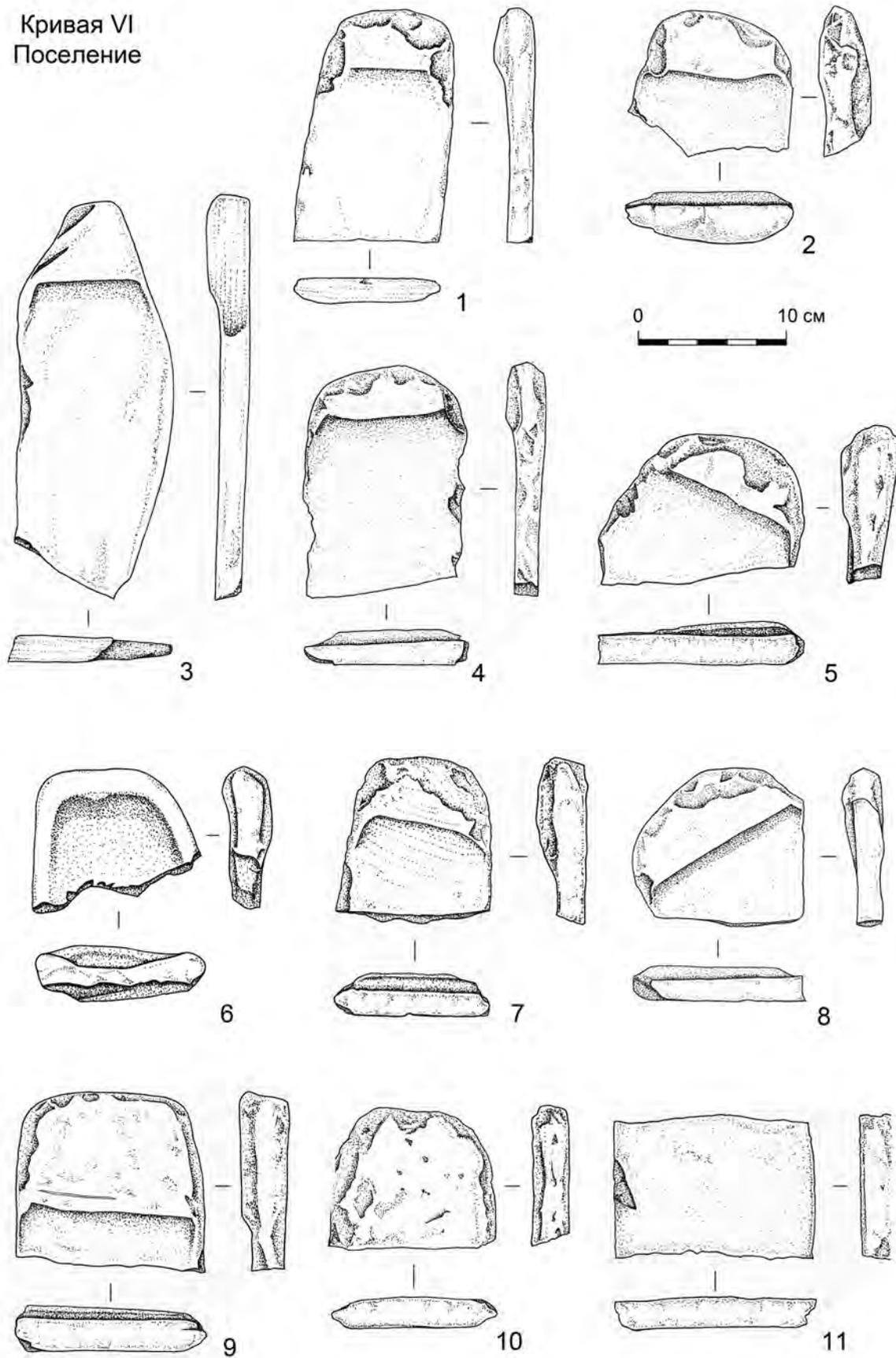

Рис. 66. Кривая VI, поселение. Фрагменты карантов зернотёрок

Кривая VI
Поселение

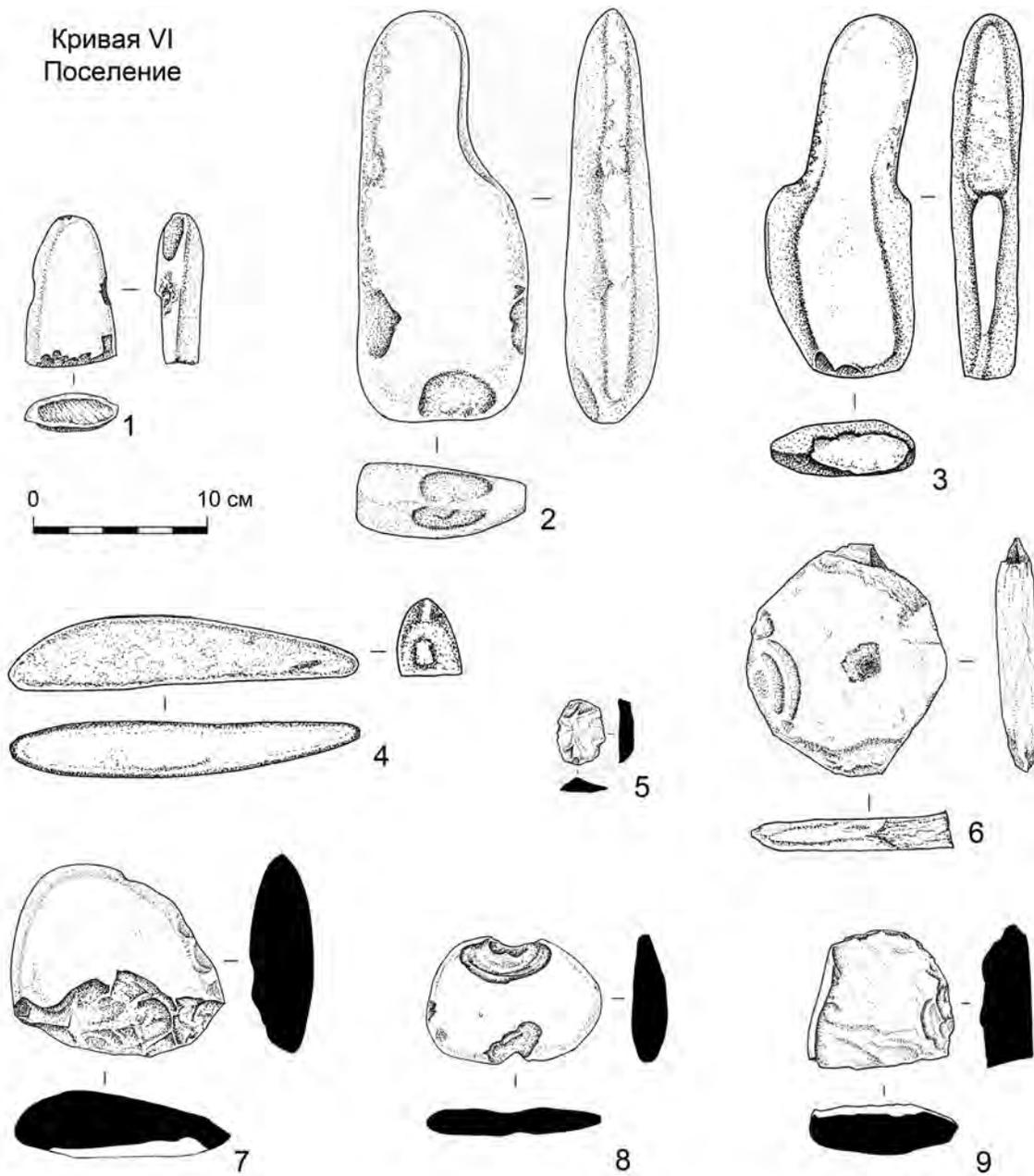

Рис. 67. Кривая VI, поселение. Изделия из камня

7. ЛУГАВСКОЕ III

Могильник Лугавское III располагается в 2,8 км к ССЗ от с. Лугавского на краю первой надпойменной террасы правого берега Енисея, поросшей редкими соснами. В котлованах песчаных выдувов вдоль полевой дороги полностью или частично обнажено 15 каменных оград, представляющих часть погребённого под наносными песками могильника (рис. 68). Памятник был открыт в 1970 г. при паспортизации археологических памятников на территории Минусинского района. В 1972 г. были проведены раскопки 11 курганов могильника, наиболее подверженных разрушению. Курганы 2, 5, 14, 15 не были раскопаны. Три первых из них почти полностью скрыты под высокими песчаными дюнами, а последний производил впечатление полностью разрушенного.

Курган 1. До раскопок на поверхности выдува прослеживались отдельные рёбра плит красного песчаника. В процессе их расчистки выявлена прямоугольная ограда, $5,4 \times 5,2$ (?) м, ВСВ–ЗЮЗ,

из плит песчаника, врытых на ребро и в отдельных случаях подпертых с внешней стороны контрфорсами (рис. 69: 1, 2). Южная стенка ограды не сохранилась. Внутри ограды беспорядочно залежали небольшие плиты песчаника, очевидно, от разобранного перекрытия могилы.

Могила № 1. Поиски пятна могильной ямы велись траншеей через центр ограды в связи с тем, что до глубины 50–60 см от уровня раскопа (и вместе с тем от верхней границы погребённой почвы) залегал слой чернозёма, в котором изредка встречались обломки костей животных. На глубине 60 см выявлено овальное пятно могильной ямы, $200 \times 130 \times 80$ см, СВ–ЮЗ. В её заполнении встречались мелкие обломки древесины от бревенчатого перекрытия могилы. На дне, в центральной части ямы залежали беспорядочной кучкой кости скелета мужчины 30–35 лет (рис. 69: 3). В первоначальном положении сохранилась лишь верхняя половина скелета. Судя по ней, погребённый был положен вытянуто на спину, головой на ЮЗ. Его сопровождали два керамических сосуда: один —

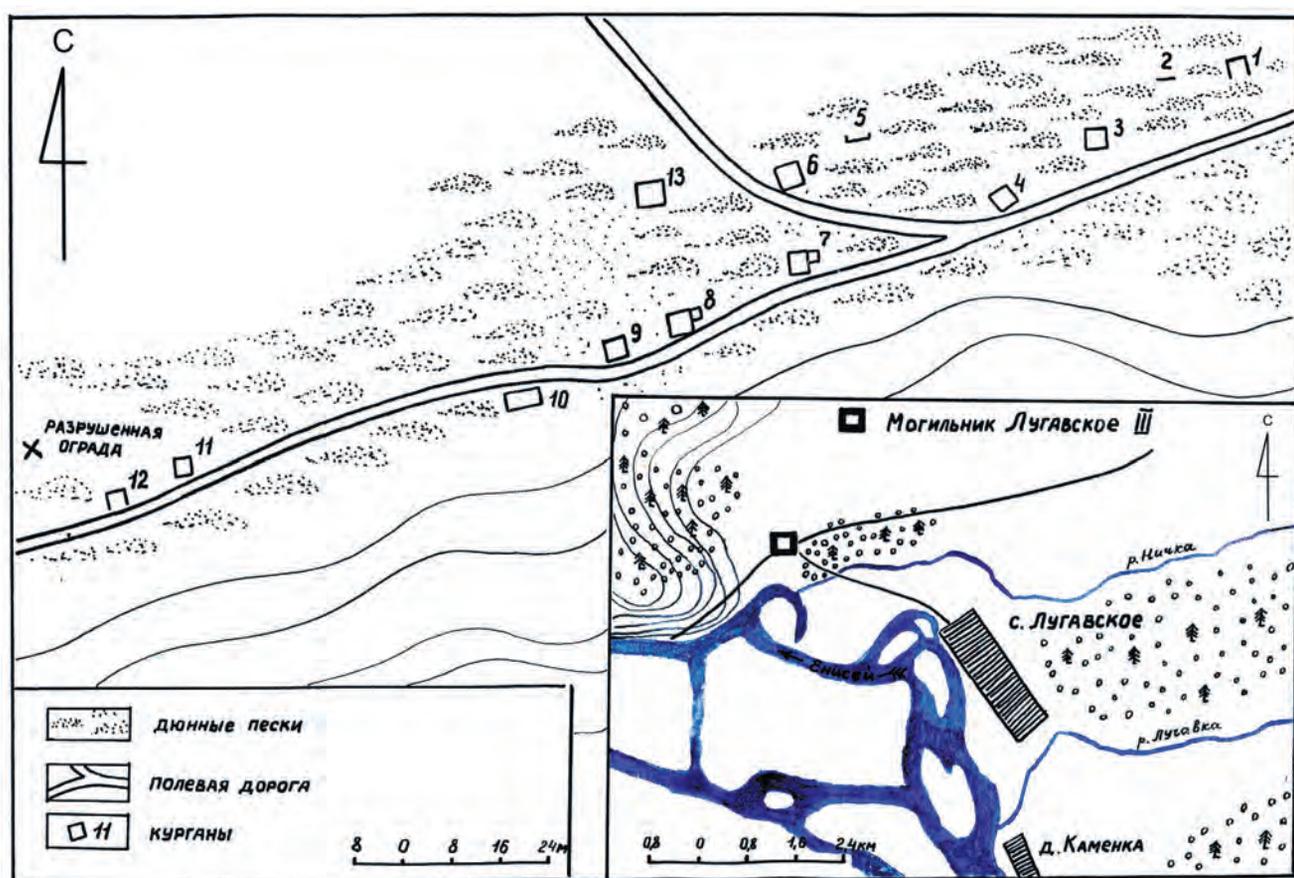

Рис. 68. Лугавское III. Схема расположения и план могильника

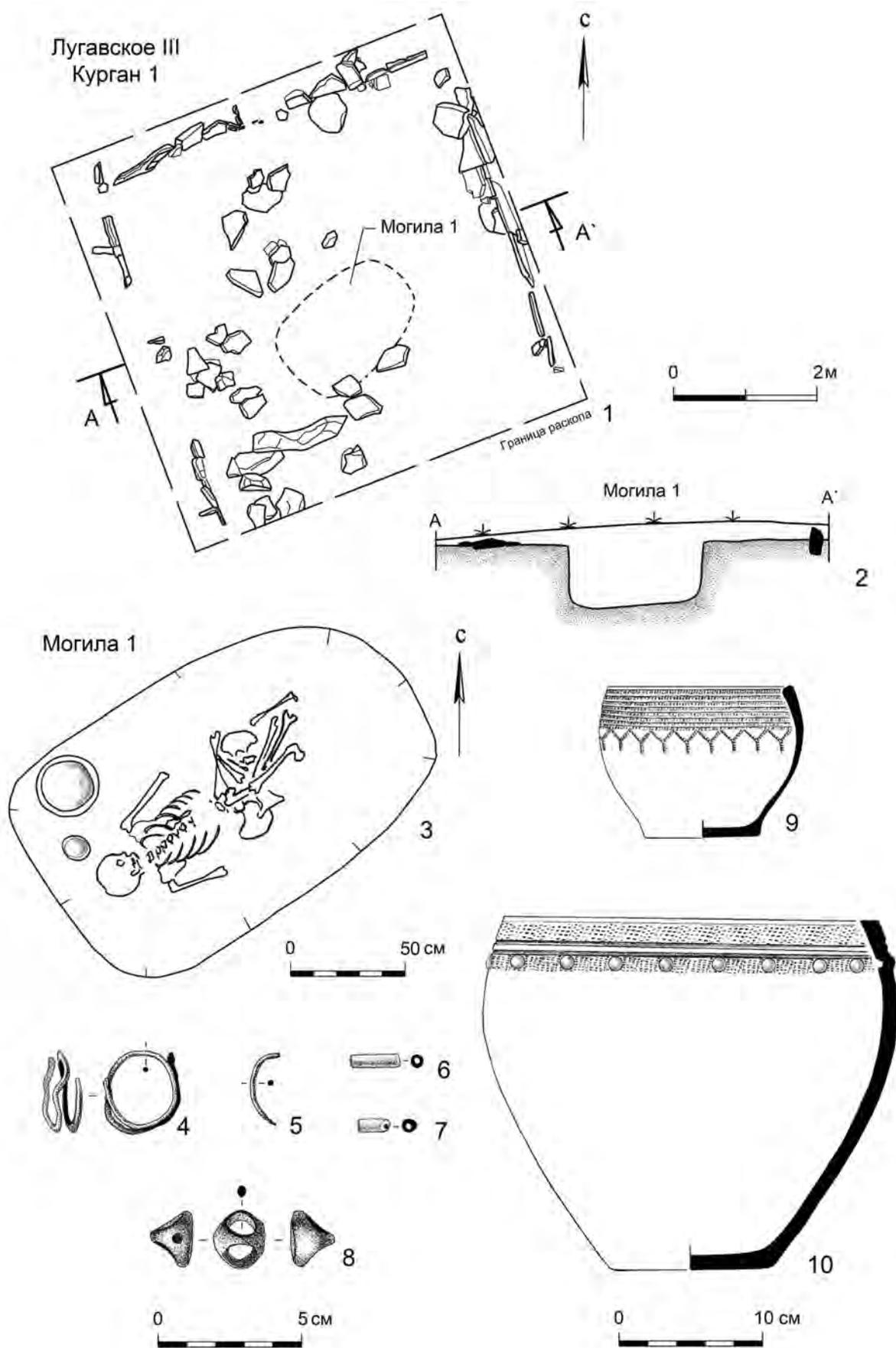

Рис. 69. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 1, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4, 5, 8 – медь (бронза?); 9, 10 – керамика; 6, 7 – аргиллит)

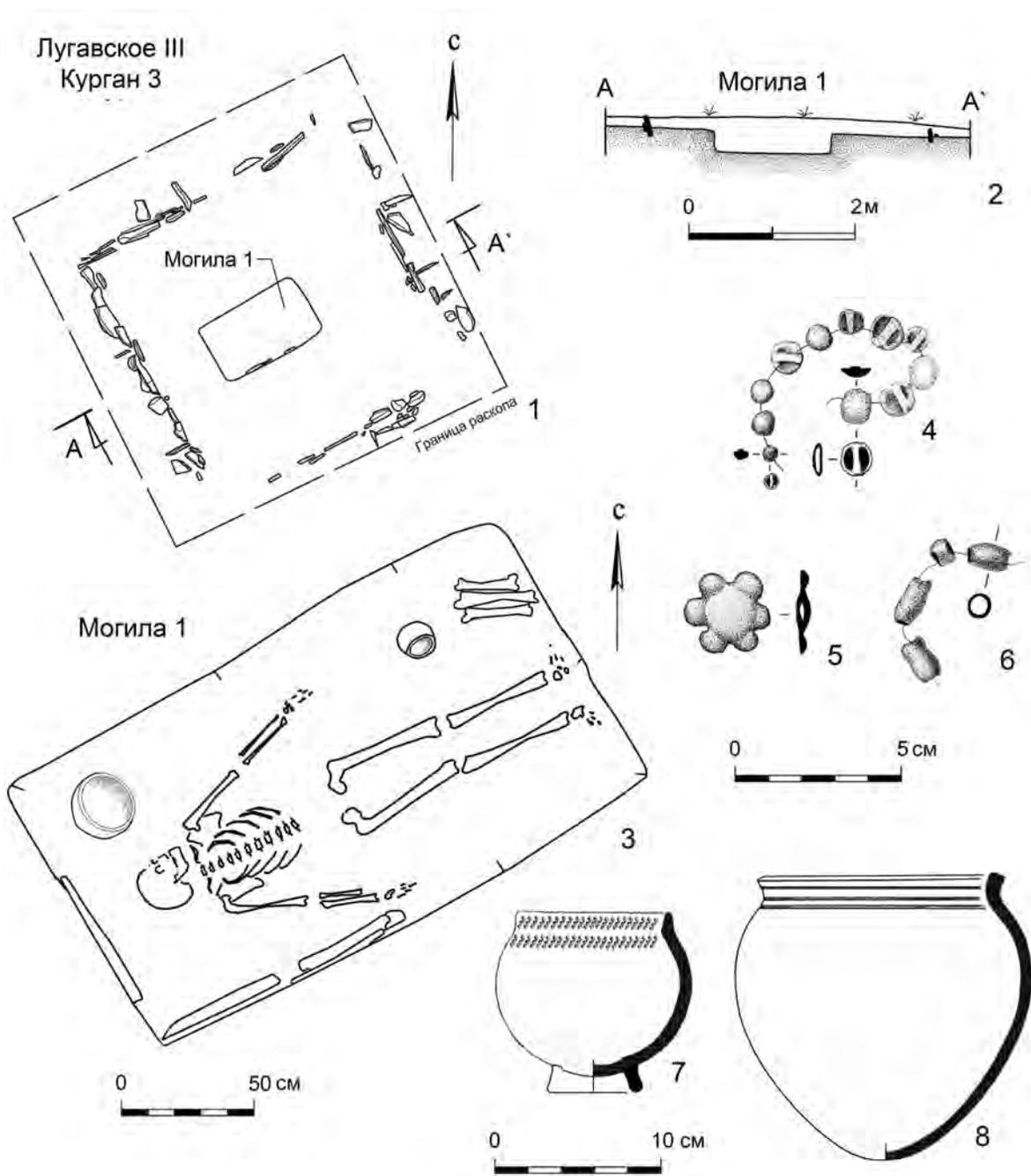

Рис. 70. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 3, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?); 7, 8 – керамика)

в западном углу могилы; второй меньшего размера — справа от черепа. Крупный сосуд с уплощённым дном орнаментирован двумя рядами косо поставленного гребенчатого штампа, разделёнными двумя прочерченными линиями и жемчужинами (рис. 69: 10). Второй сосуд плоскодонный, украшен восемью горизонтальными линиями и Y-образными «подвесками», выполненными гребенчатым штампом (рис. 69: 9). У левого виска погребённого находилось бронзовое проволочное кольцо

(рис. 69: 4). В заполнении могилы найдены обломки второго кольца (рис. 69: 5), две белых пастовых бусины (рис. 69: 6, 7) и бронзовый ажурный трёхдужный предмет (перекрестник ремней. — А. П.) (рис. 69: 8).

Курган 2. На поверхности прослеживался угол ограды из врытых на ребро плит, уходящий под высокую песчаную дюну. Раскопки кургана не производились.

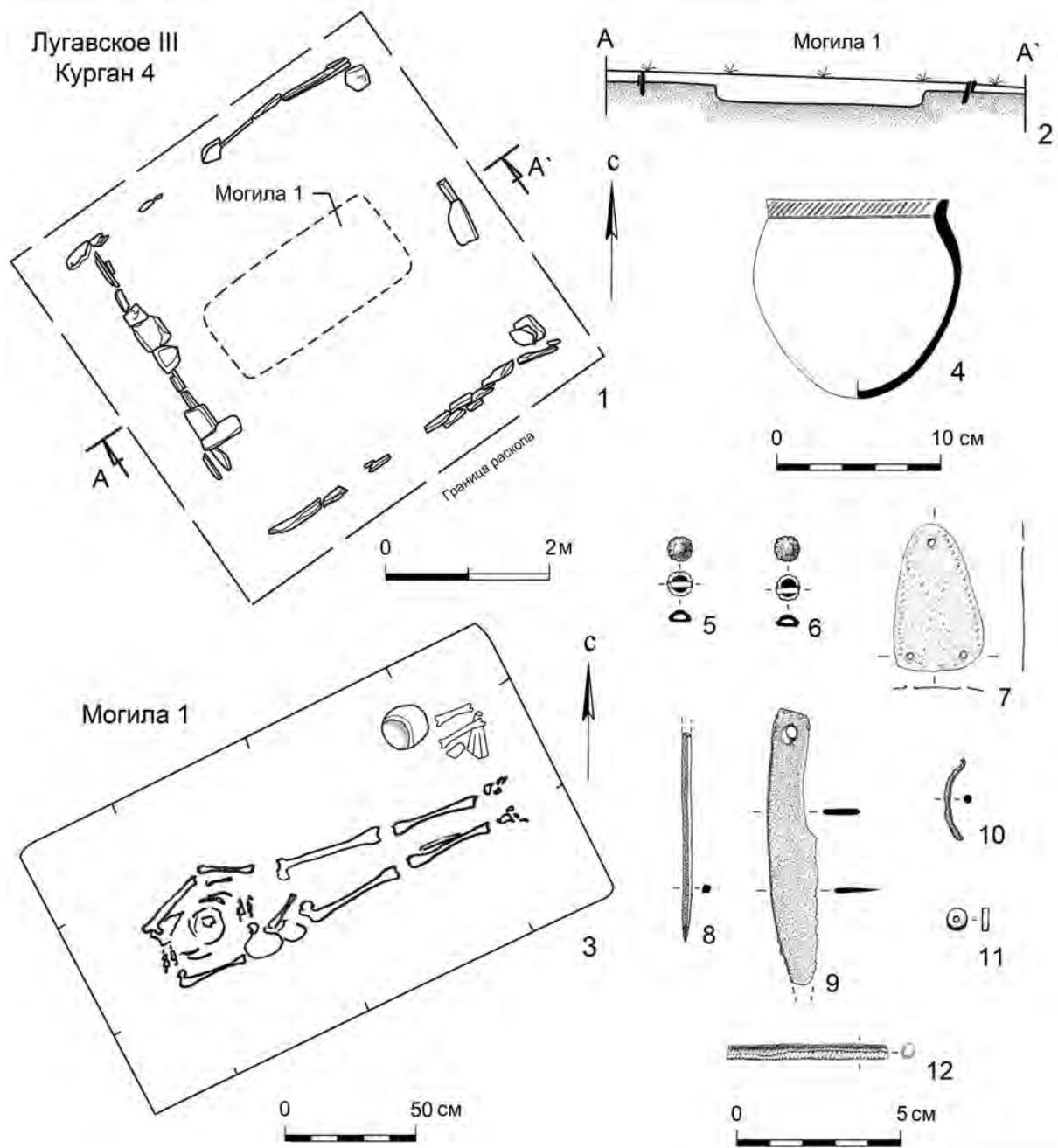

Рис. 71. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 4, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (5–10, 12 – медь (бронза?); 4 – керамика; 11 – аргиллит)

Курган 3. На поверхности прослеживались отдельные рёбра плит красного девонского песчаника. Расчисткой выявлена ограда прямоугольной формы, $4,7 \times 4,6$ м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро и обставленных с внешней стороны плитками-контрфорсами (рис. 70: 1, 2).

Могилы № 1. В центре ограды прямоугольное пятно могильной ямы, $220 \times 120 \times 30$ см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 70: 3). Части южной и западной стенок обставлены плитами на ребро. Вдоль южной стенки лежала перегнившая жердь. На дне потревоженное

погребение мужчины 40–50 лет, положенного вытянуто на спину, головой на ЗЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Таз и нижняя часть позвоночника, потревоженные грабителями, находились в заполнении могилы над скелетом. Среди них найдены четыре бронзовых бусины (рис. 70: 6). Погребённого сопровождали два керамических сосуда. Один из них яйцевидной формы, украшенный по шейке тремя прочерченными линиями, находился в западном углу могилы (рис. 70: 8). Второй поменьше — у северо-восточного угла. Он сферической

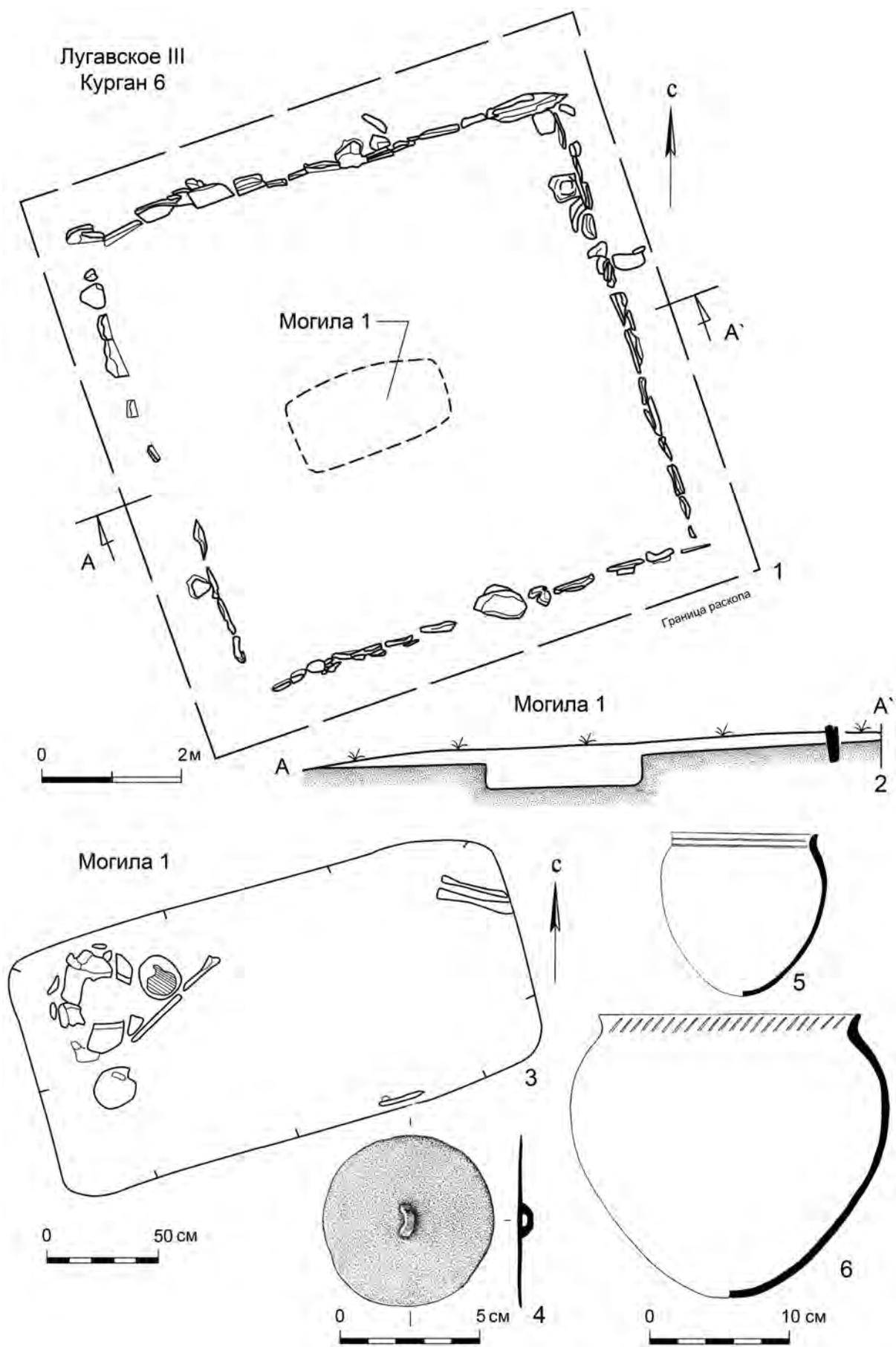

Рис. 72. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 6, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4 – медь (бронза?); 5, 6 – керамика)

формы с отломанным поддоном, орнаментирован двумя рядами косо поставленных оттисков трёхзубчатого штампа (рис. 70: 7). Между костями левой руки и грудной клеткой найдено несколько миниатюрных бляшек-пуговиц (рис. 70: 4), а у головки правой бедренной кости — бронзовая бляшка-розетка (рис. 70: 5). В северо-восточном углу могилы лежали кучно кости ноги, лопатка и рёбра барана.

Курган 4. До раскопок на поверхности прослеживались рёбра плит ограды, внутри которой и за её пределами валялся битый плитняк. Ограда $4,5 \times 4,2$ м, СВ–ЮЗ, сооружена из плит песчаника, врытых на ребро и имеющих развал на внешние стороны (рис. 71: 1, 2). Часть западной стенки сооружена из плит, уложенных плашмя в 2–3 слоя. Там же один из камней был положен на погребённую почву перпендикулярно направлению стены.

Могила № 1. Погребение совершено в грунтовой ямке, выкопанной в погребённой почве. Границы могильной ямы не прослежены. В ямке погребена женщина 20–30 лет (рис. 71: 3). Часть её костей в беспорядке. В первоначальном положении сохранились кости ног, рук и часть грудной клетки. Судя по ним, погребённая была положена вытянуто на спину, головой на ЮЗ. В ногах погребённой стоял керамический сосуд яйцевидной формы с низкой шейкой, украшенной рядом косых насечек (рис. 71: 4). В сосуде лежали бронзовое шило (рис. 71: 8) и нож (рис. 71: 9). Над проксимальным концом левой плечевой кости лежала бронзовая рифлёная трубчатая пронизь (рис. 71: 12). В заполнении могильной ямы найдены две миниатюрных бляшки-пуговицы (рис. 71: 5, 6), треугольная пластинчатая бляшка (рис. 71: 7), пастовая бусина (рис. 71: 11) и обломок проволочного кольца (рис. 71: 10).

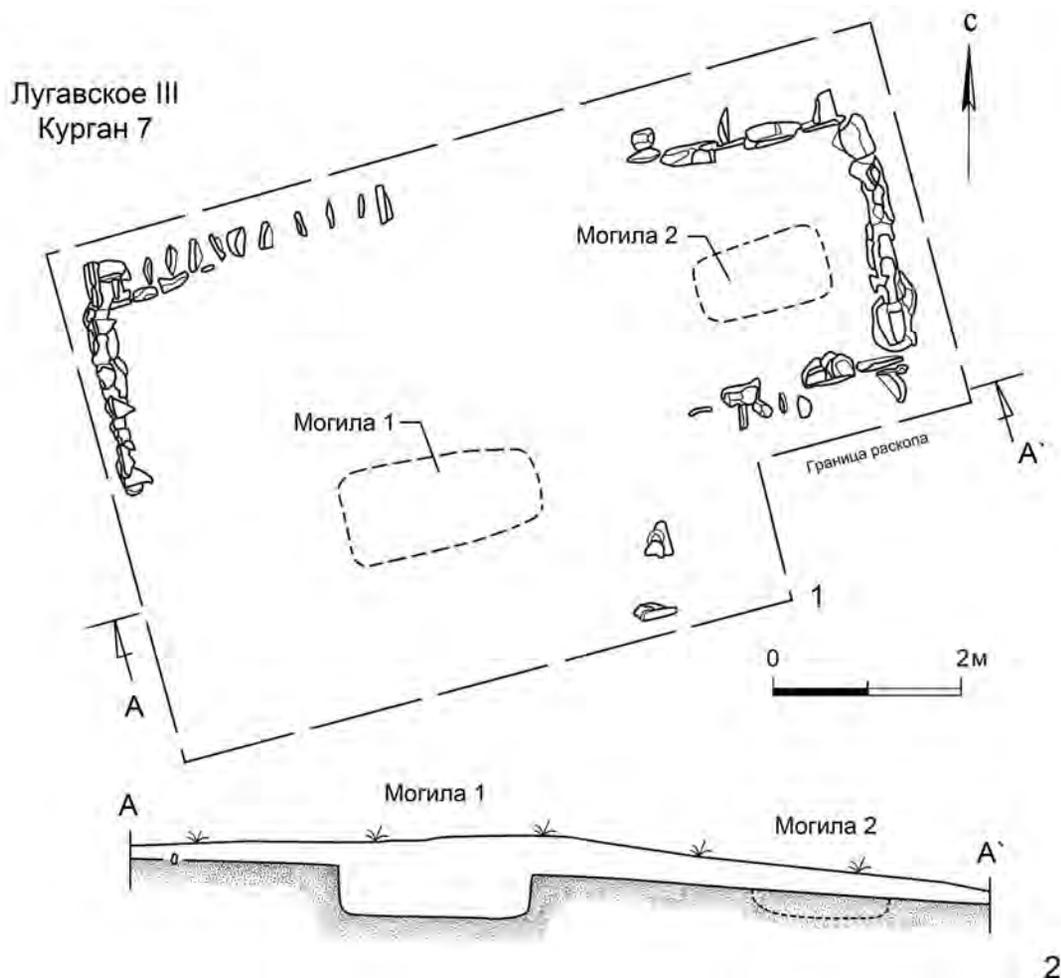

Рис. 73. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 7

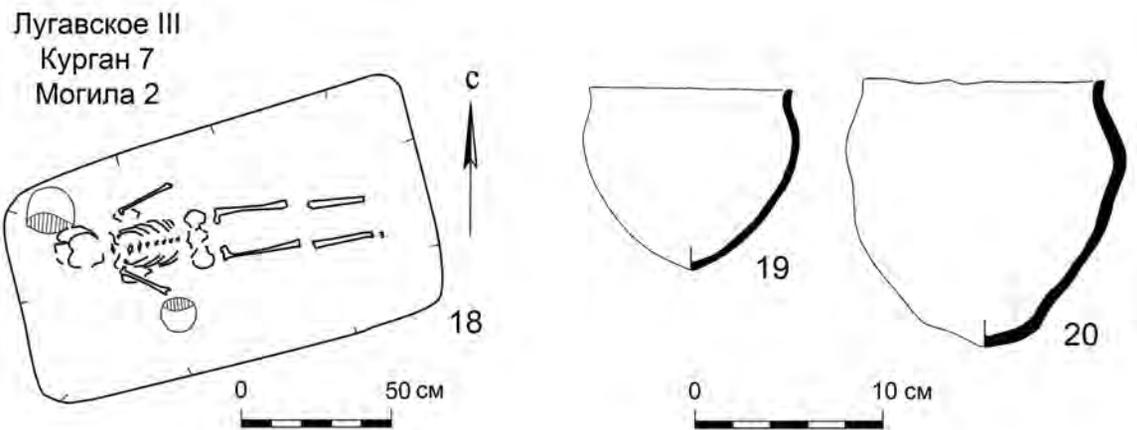
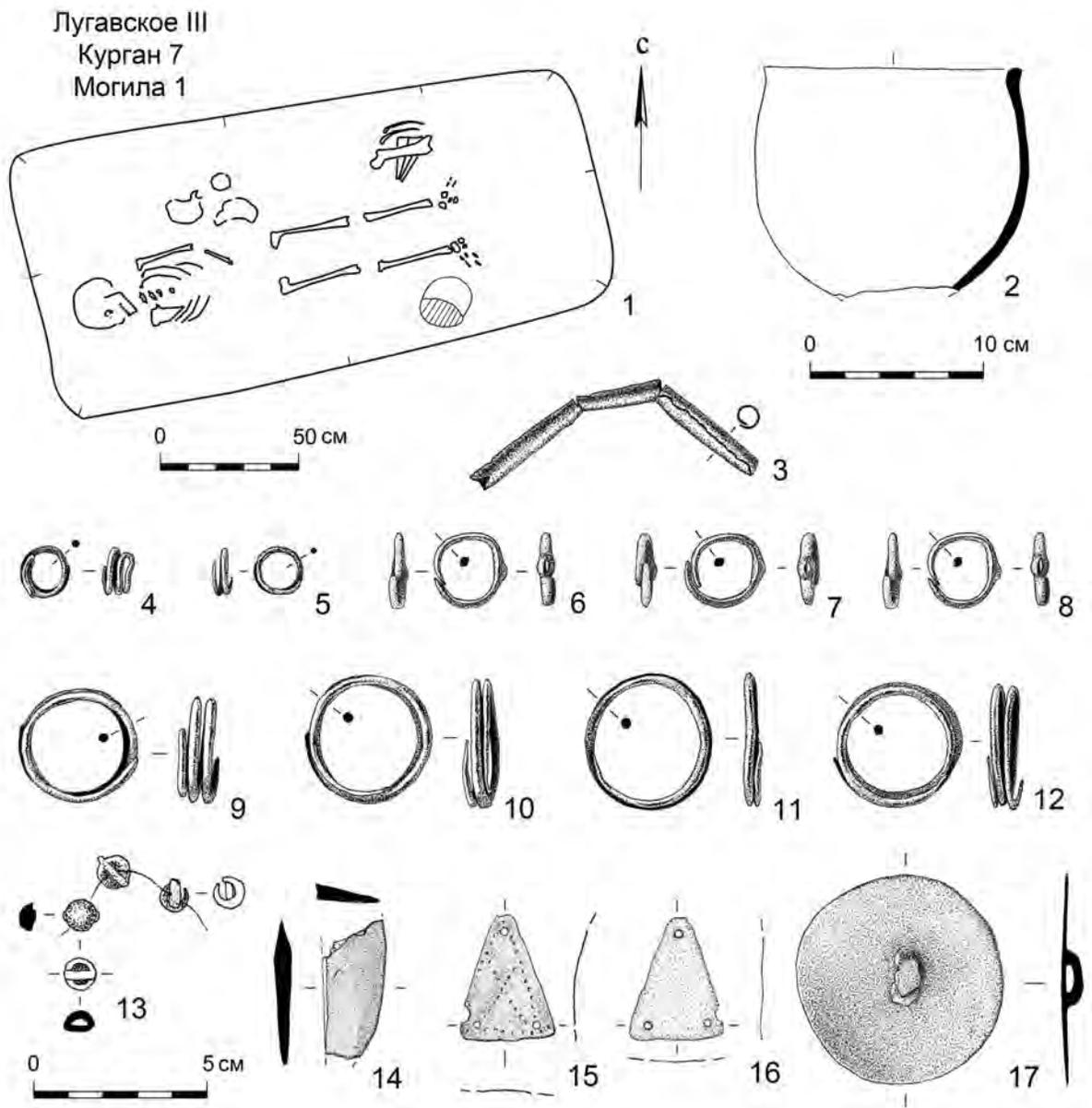

Рис. 74. Лугавское III. Чертежи могил 1 (1) и 2 (18) кургана 7 и артефакты из них (3-17 – медь (бронза?); 2, 19, 20 – керамика)

Курган 5. Раскопкам не подвергался. На поверхности прослеживалась южная стенка ограды и части восточной и западной стенок, уходящие под песчаную дюну.

Курган 6. На поверхности прослеживались рёбра плит ограды, северная стенка которой была скрыта под дюной высотой до 60 см. Ограда прямоугольная, размерами 6,8 × 6,6 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро (рис. 72: 1, 2). В северной стенке сохранился один контрфорс. Стенки ограды имеют развал на внешние стороны.

Могила № 1. В центре ограды подпрямоугольное пятно могильной ямы, 220 × 110 × 3 см, ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении могилы мелкие обломки перегнивших жердей перекрытия и разрозненные кости женщины 40–50 лет (рис. 72: 3). В заполнении могилы найдено бронзовое дисковидное зеркало (рис. 72: 4). Обломки черепа в западном конце могилы. Возле них в северо-западном углу стояло два керамических сосуда яйцевидной формы (рис. 72: 5, 6). Крупный сосуд декорирован по шейке рядом косых насечек, другой — двумя прочерченными линиями.

Курган 7. До раскопок на поверхности прослеживались канавки от выкопанных местными жителями плит ограды и валялись мелкие обломки плитняка. Судя по этим остаткам, ограда имела прямоугольную форму размерами 5,7 × 5,8 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 73). К её восточной стенке была пристроена оградка меньшего размера. В ходе расчистки выявлены остатки северной и западной стенок основной ограды. Западная стенка была сооружена из плит, уложенных плашмя в 2–3 слоя, а северная — из плит, врытых на ребро, и обставлена снаружи контрфорсами через каждые 30–40 см. Прямоугольная пристройка, 2,4 × 2,8 м, сооружена из плит песчаника, уложенных плашмя в 2–3 слоя. В северной и южной стенках прослежено чередование плашмя положенных плит с врытыми на ребро и подпёртыми контрфорсами.

Могила № 1. В центре основной ограды прямоугольная грунтовая яма, размерами 210 × 100 × 50 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 74: 1). Её западная стенка обставлена одной небольшой плитой, установленной на ребро. На дне потревоженный скелет женщины 30–35 лет, положенной вытянуто на спину, головой на ЗЮЗ. Кости рук, таз и часть позвоночного столба в заполнении. У юго-восточ-

ного угла могилы находился керамический сосуд сферической формы без орнамента (рис. 74: 2). В нем найден фрагмент лезвия бронзового ножа (рис. 74: 14). На лицевой части черепа погребённой располагались три бронзовых трубчатых пронызи продольно, одна за другой (рис. 74: 3); у правого виска — пять бронзовых проволочных колец (рис. 74: 4, 9–12). На пальцах левой руки имелись два бронзовых перстня, ещё один перстень находился в заполнении могилы (рис. 74: 6–8). Стопы ног украшали две бронзовых миниатюрных бляшки-пуговицы, по одной на каждой стопе (рис. 74: 13). В заполнении могилы найдено бронзовое дисковидное зеркало (рис. 74: 17), две пластинчатых треугольных бляшки (рис. 74: 15, 16) и бронзовое проволочное кольцо (рис. 74: 5).

Земля вокруг берцовых костей погребённой была окрашена в красновато-бурый цвет. У восточного конца северной стенки могилы лежали кучкой остатки погребальной пищи: кости ноги, рёбра и лопатка барана.

Могила № 2. В центре пристройки прямоугольная грунтовая яма, размерами 140 × 75 × 30 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие не сохранилось. На дне могилы частично потревоженное погребение ребёнка 8–10 лет, положенного вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ (рис. 74: 18). Его сопровождали два очень грубо сформированных неорнаментированных керамических сосуда яйцевидной формы (рис. 74: 19, 20): один — в северо-западном углу, у черепа; второй — у локтя правой руки. Другого сопроводительного инвентаря нет.

Курган 8. На поверхности прослеживалась канавка П-образной формы от выкопанных местными жителями для хозяйственных нужд плит ограды. Концы канавки уходили под песчаную дюну высотой до 1 м. Расчисткой выявлены остатки прямоугольной ограды 6,6 × 6,8 (?) м, ВСВ–ЗЮЗ, из плашмя положенных плит песчаника в 3–4 слоя (рис. 75). К северной половине восточной стенки ограды сделана квадратная пристройка, 2,4 × 2,4 м, сооружённая из плашмя уложенных плит.

Могила № 1. В центре основной ограды — провалившееся в могилу перекрытие из мелкого плитняка. Прямоугольная грунтовая могильная яма размерами 235 × 130 × 45 см, ВСВ–ЗЮЗ, обставлена по стенкам мелкими плитами на ребро (рис. 76: 1). На дне могилы потревоженное погребение женщи-

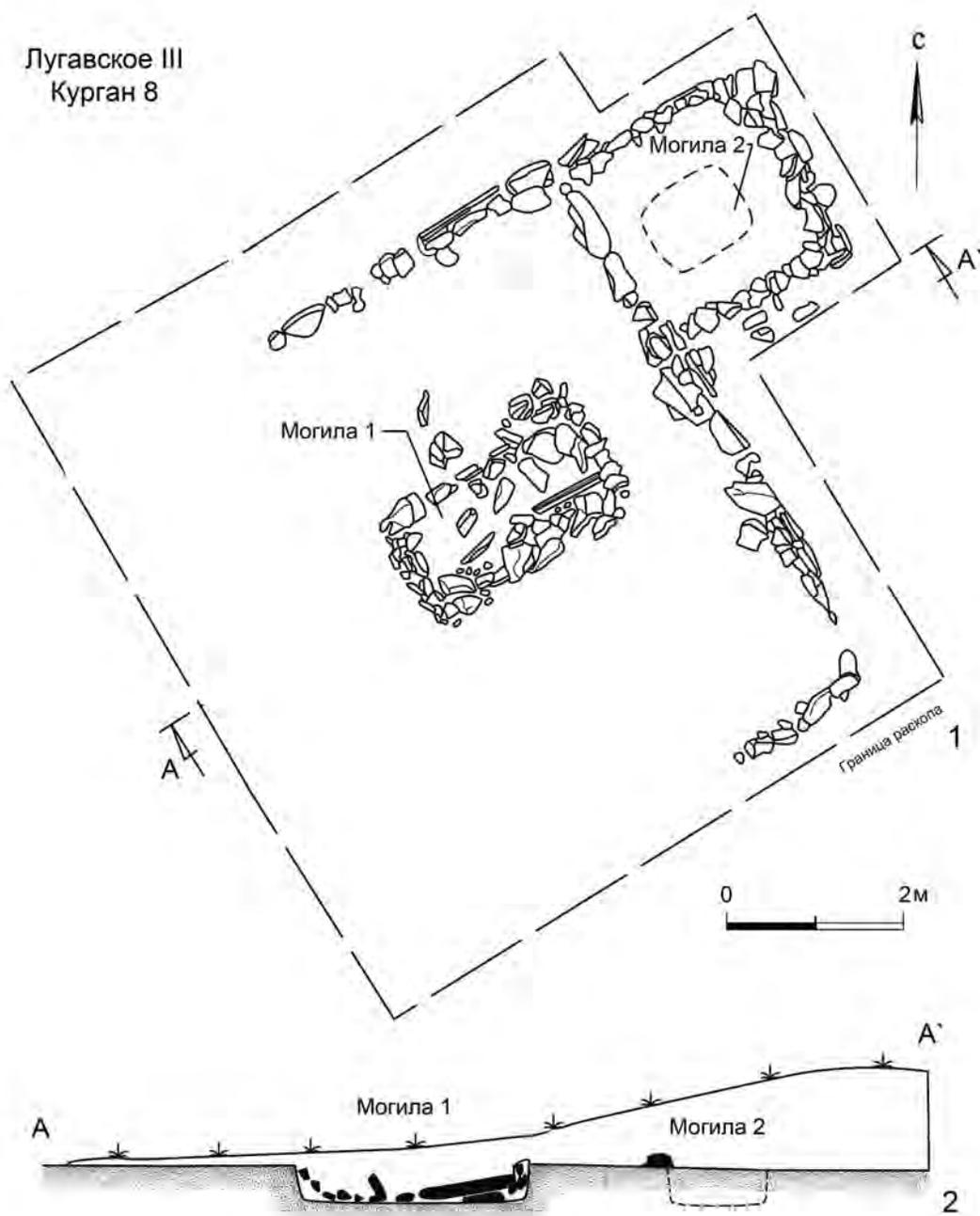

Рис. 75. Лугавское III. Чертеж (1) и разрез (2) кургана 8

ны 30–35 лет, положенной вытянуто на спину, головой на ЗЮЗ. На месте обломки черепа, часть грудной клетки, половина таза, кости одной руки и ног.

В северо-западном углу могилы находился крупный керамический сосуд яйцевидной формы, декорированный по шейке рядом косых насечек (рис. 76: 20). Под его обломками найдены две бронзовых трубчатых пронизи (рис. 76: 2, 3). У середины северной стенки могилы лежали два раздавленных керамических сосуда. Один из них

яйцевидный, орнаментированный пояском косых насечек (рис. 76: 19). Второй сосуд в виде плошки на низком поддоне, изготовленной из нижней части старого сосуда (рис. 76: 18). Среди обломков горшков обнаружен фрагмент лезвийной части ножа (рис. 76: 17). По обе стороны черепа погребённой найдено восемь бронзовых проволочных колец (3 — у правого виска, 5 — у левого) (рис. 76: 8–16). Под черепом находилась бронзовая трубчатая пронизь (рис. 14: 4); вторая аналогичная пронизь

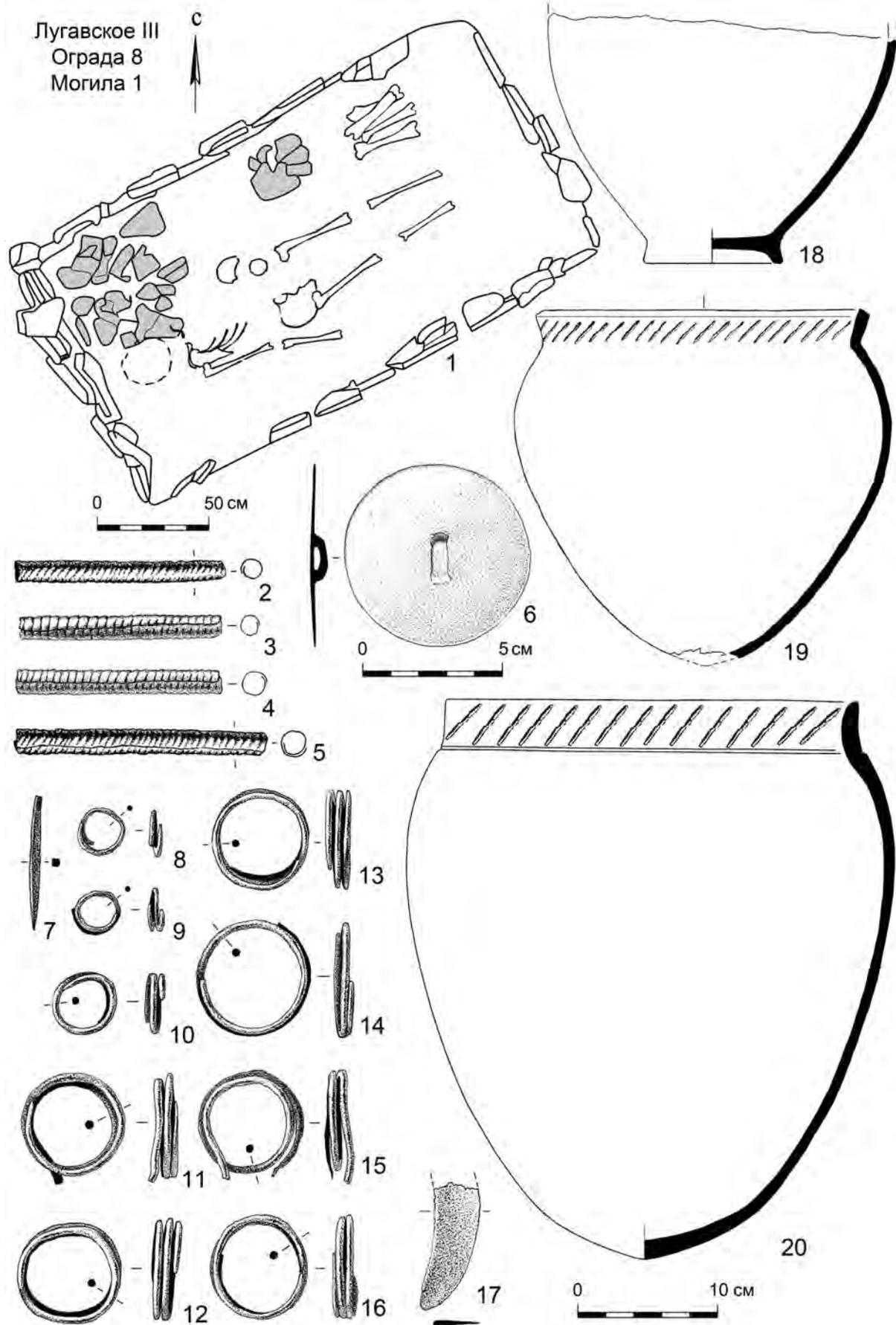

Рис. 76. Лугавское III. Чертёж могилы 1 (1) кургана 8 и артефакты из неё (2-17 – медь (бронза?); 18, 19, 20 – керамика)

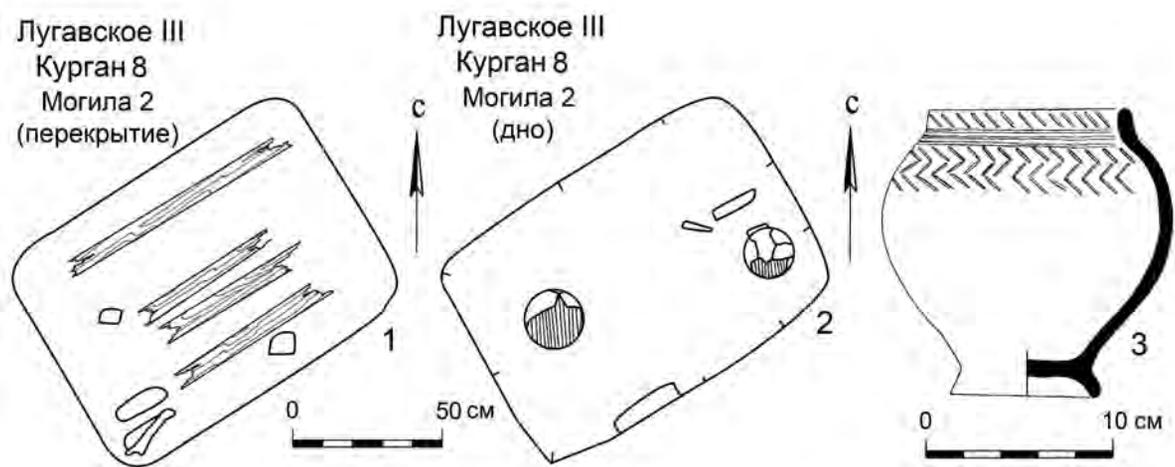

Рис. 77. Лугавское III. Чертёж могилы 2 (1, 2) кургана 8 и керамический сосуд из неё

лежала между черепом и западной стенкой (рис. 14: 5). На месте левой половины таза находилось бронзовое дисковидное зеркало (рис. 76: 6). В заполнении могилы найдено бронзовое шило (рис. 76: 7). В северо-восточном углу могилы лежали кучно кости ноги и ребра коровы.

В области грудной клетки и непосредственно вокруг берцовых костей прослежен тлен красновато-бурого цвета.

Могилы № 2. В центре пристройки прямоугольная грунтовая яма, размерами 110 × 60 × 42 см, перекрытая продольно уложенными жердями (рис. 77: 1). Часть из них выброшена грабителями. В заполнении могилы разрозненные кости ребёнка 5–7 лет и кости ног барана (рис. 77: 2). В западном конце могилы находился керамический сосуд на низком поддоне, декорированный косыми насечками в «ёлочку» (рис. 77: 3); в юго-восточном углу — аналогичный сосуд, но поменьше.

Курганы 9. Прямоугольная ограда 5,9 × 4,0 м, сложенная из глыбообразных обломков песчаника и плит, врытых на ребро, была полностью обнажена ко времени раскопок (рис. 78: 1, 2). Камни выступали на дневной поверхности на высоту до 50 см. Часть западной стенки не сохранилась. С восточной стороны стенку ограды подпирали четыре контрфорса, а с северной и западной — по одному. Внутри ограды и за её пределами собраны обломки крупного керамического сосуда сферической формы (рис. 78: 3) и разрозненные человеческие кости. Они свидетельствуют о недавних хищнических раскопках могилы.

Могилы № 1. Прямоугольная могильная яма, 210 × 90 × 40 см, ВСВ–ЗЮЗ, располагалась в центре ограды. В её заполнении мелкие обломки деревянного перегнившего перекрытия. На дне могилы сохранились в положении, близком к первоначальному, кости левой ноги и берцовые кости правой, а также часть грудной клетки, позвоночника и кости правой руки мужчины 30–40 лет (рис. 78: 4). Судя по ним, погребённый был положен вытянуто на спину, головой на восток.

У юго-восточного угла могилы находились остатки погребальной пищи: лопатка и две кости ноги коровы. Вещей нет.

Курган 10. На поверхности выступали глыбообразные обломки и рёбра плит песчаника, образующие некоторое подобие четырёх пристроенных друг к другу оград. Восточная ограда прямоугольная, размерами 3,4 × 3,2 м, ВСВ–ЗЮЗ, сооружена из плит песчаника, врытых на ребро (рис. 79: 1, 2). Они выступали над дневной поверхностью на 30–40 см. Северная стенка сохранилась не полностью. К западной стенке этой ограды примыкают одна за другой три (?) фрагментарно сохранившиеся ограды меньших размеров общей площадью 6,6 × 4,1 м. Следов погребений в них не обнаружено.

Могилы № 1. В центре основной ограды выявлено перекрытие из относительно тонких брёвен, уложенных по линии ВСВ–ЗЮЗ и сильно прогнутых поперек. Брёвна перекрывали прямоугольную грунтовую яму размерами 150 × 80 × 33 см (рис. 79: 3). Западная и восточная стенки её обставлены плитами, установленными на ребро. На дне захоронение

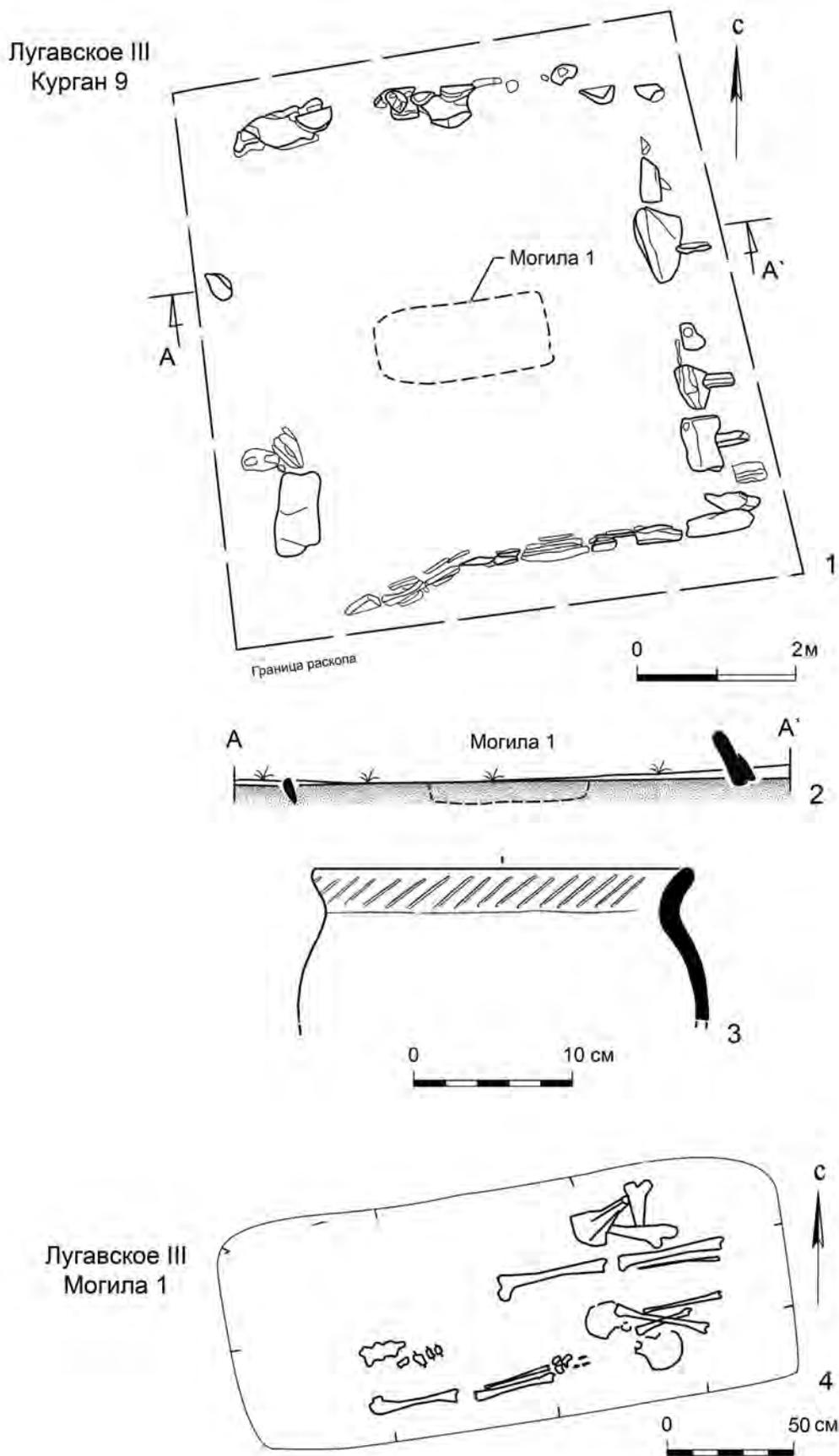

Рис. 78. Лугавское III. Чертеж (1) и разрез (2) кургана 9, чертеж могилы 1 (4) и керамический сосуд, найденный на площади ограды (3)

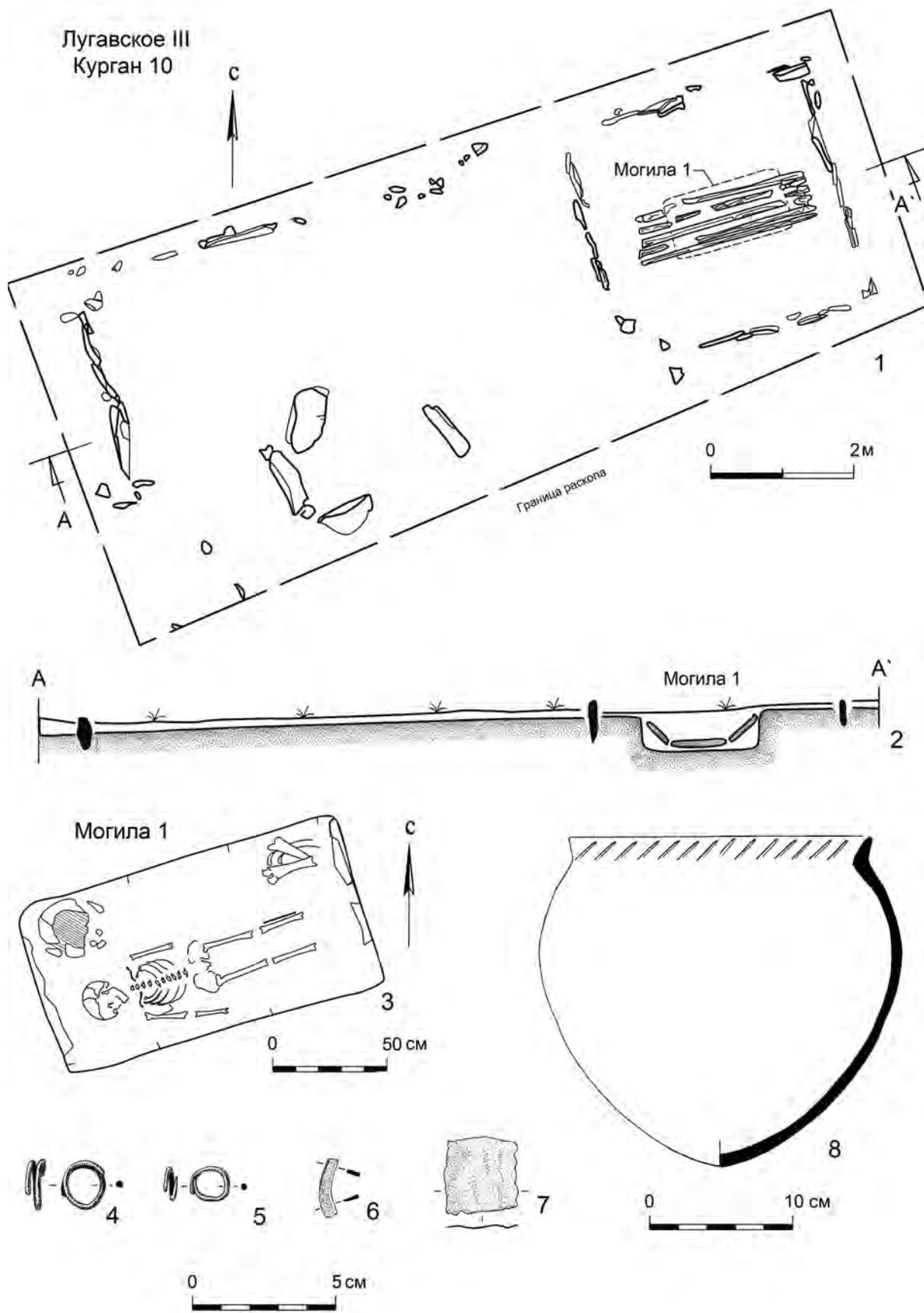
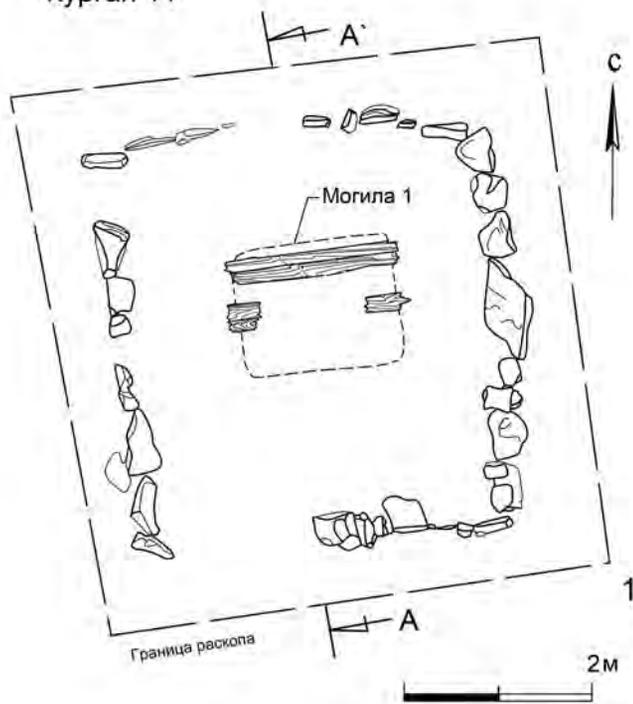

Рис. 79. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 10, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4–7 – медь (бронза?); 8 – керамика)

Лугавское III
Курган 11

Могила 1

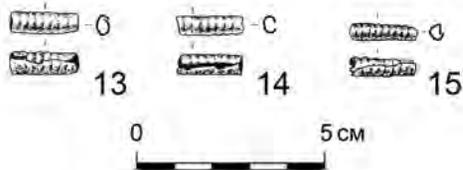
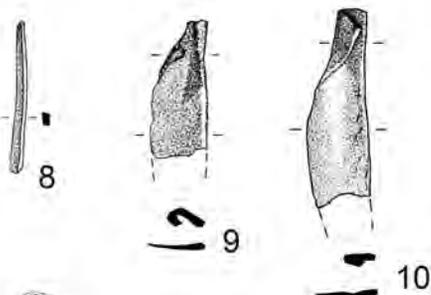
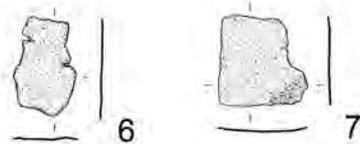
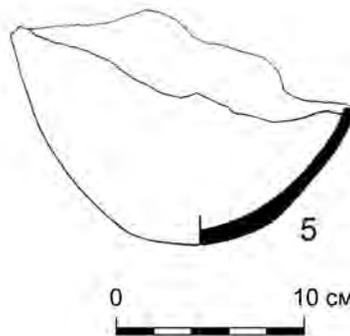
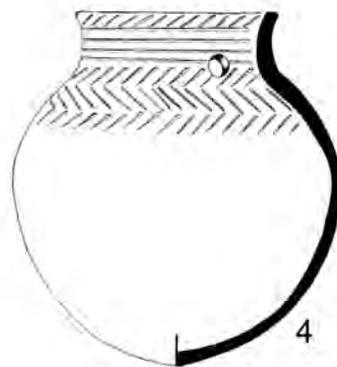
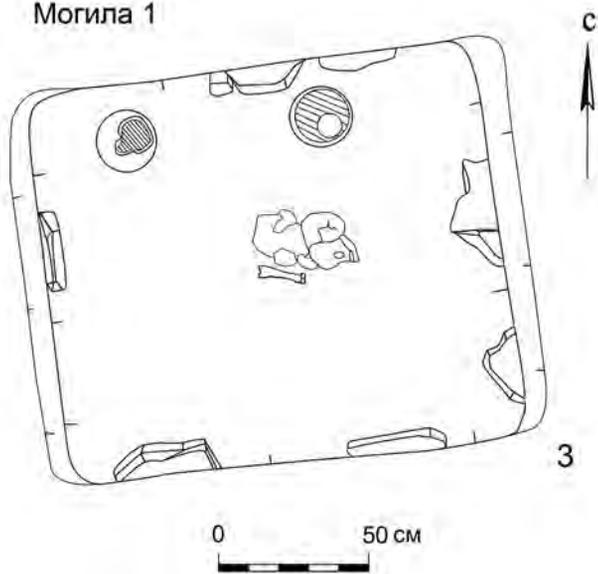

Рис. 80. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 11, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (6–15 – медь (бронза?); 4, 5 – керамика)

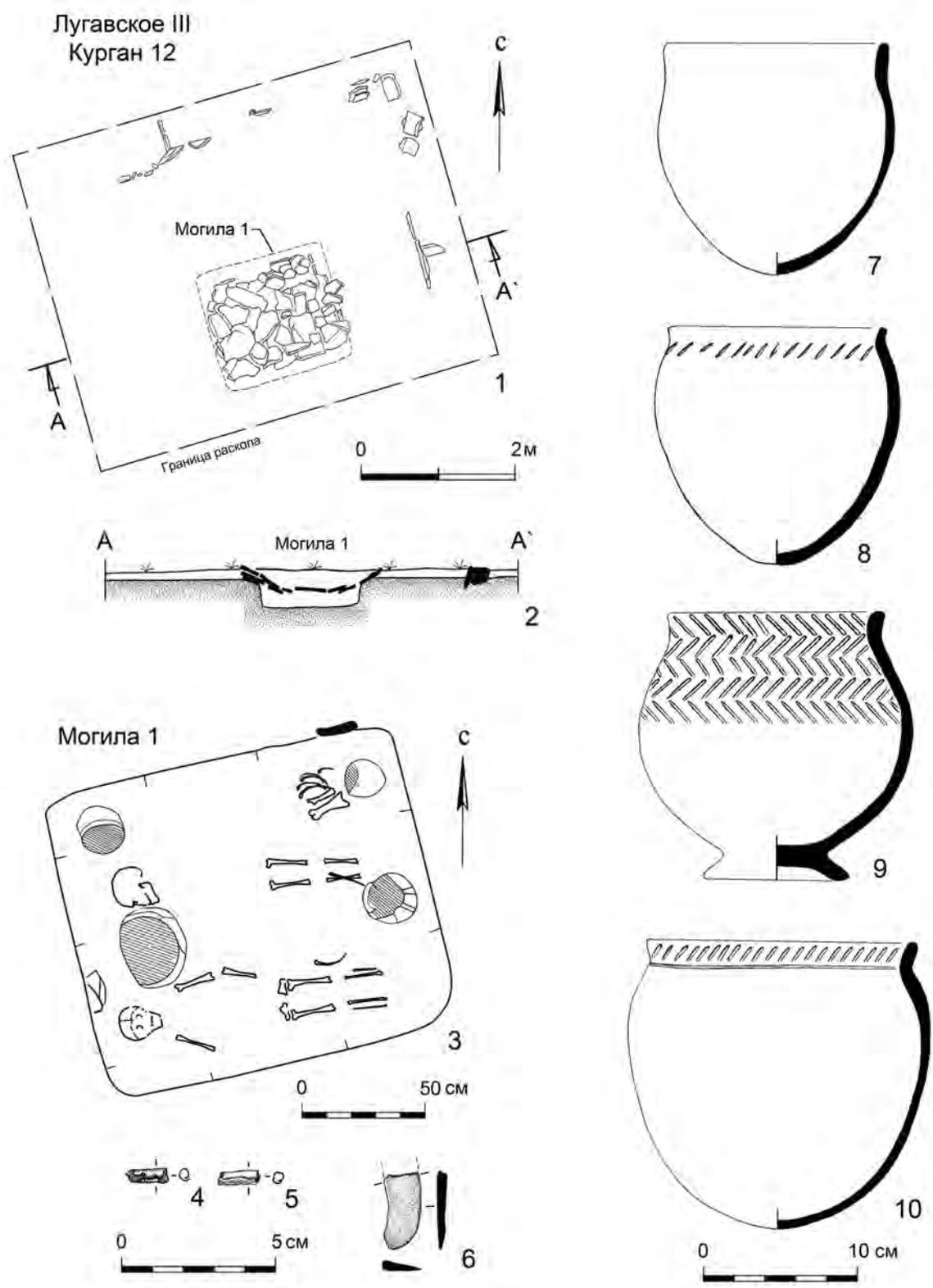

Рис. 81. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 12, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?); 7–10 – керамика)

ребёнка 10–11 лет, положенного вытянуто на спину, головой на ЗЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Его сопровождали два бронзовых проволочных колечка у височных костей черепа (рис. 79: 4, 5); бронзовая пластинка у таза (рис. 79: 6); вторая пластинка у левой бедренной кости (рис. 79: 7). В северо-западном углу могилы находился раздавленный керамический сосуд яйцевидной формы, украшенный по шейке рядом косых насечек (рис. 79: 8). В северо-восточном углу лежали кости ноги и рёбра барана.

Курган 11. На поверхности прослеживались рёбра плит песчаника и канавки от выкопанных местными жителями плит. Ограда прямоугольная, размерами 4,4 × 4,1 м, ВСВ–ЗЮЗ, сооружена комбинированно из плит, врытых на ребро, сочетающихся с плитами, уложенными плашмя в 1–2 слоя на погребённую почву (рис. 80: 1, 2).

Могила № 1. В центре ограды прямоугольная грунтовая могила размерами 130 × 145 × 30 см, ВСВ–ЗЮЗ, над которой сохранились два продольно уложенных бревна перекрытия. Стенки могилы обставлены несколькими песчаниковыми плитками, врытыми на ребро. В заполнении ямы найдены разрозненные кости двух детей в возрасте 4–5 лет (рис. 80: 3). Их сопровождали два фрагмента бронзовых ножей (рис. 80: 9, 10), два проволочных кольца (рис. 80: 11, 12), две бронзовых пластинки (рис. 80: 6, 7), бронзовое шило (рис. 80: 8), три бронзовых пронизки (рис. 80: 13, 15) и кости ног барана. На дне у северной стенки ямы стоял керамический сосуд сферической формы с высокой шейкой, украшенный косыми насечками в «ёлочку» и тремя прочерченными линиями (рис. 80: 4). Рядом с ним находилась плошка из нижней части старого сосуда (рис. 80: 5).

Курган 12. Прямоугольная ограда размерами 2,5 (?) × 2,2 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро (рис. 81: 1, 2). Южная стенка ограды полностью разрушена полотном грунтовой дороги, от остальных сохранились только фрагменты. С внешней стороны северной и восточной стенок имелось по одному контрфорсу.

Могила № 1. В центре ограды прямоугольная грунтовая яма размерами 140 × 120 × 35 см (рис. 81: 3). Западная и восточная стенки её обставлены песчаниковыми плитами на ребро. На дне потревоженные захоронения двух детей в возрасте

6–7 лет, положенных вытянуто на спину, головами к ЗЮЗ. При них найдено: четыре керамических сосуда (рис. 80: 7–10) — один из них находился между черепами погребённых; второй — в северо-западном углу, третий — между ногами погребённых, четвёртый — в северо-восточном углу. Два круглодонных сосуда украшены по шейке косыми насечками, третий без орнамента. Четвёртый сосуд сферической формы на низком поддоне декорирован оттисками гребенчатого штампа в «ёлочку». У северо-восточного угла могилы были сложены кости ног и ребра барана. В заполнении могильной ямы находились две бронзовые пронизки (рис. 80: 4, 5) и фрагмент острия лезвийной части бронзового ножа (рис. 80: 6).

Курган 13. На склоне дюны прослеживалась только часть северной стенки ограды. Курган раскапывался по упрощённой методике. Целиком расчищена была только его южная половина, в северной половине были расчищены только стенки ограды. Ограда прямоугольная размерами 7,0 × 6,5 м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 82). Западная и почти вся южная стенки сложены из плит песчаника, уложенных плашмя в 3–4 слоя. Северная и восточная стенка, а также концы южной сооружены из плит, врытых на ребро и обставленных с внешней стороны контрфорсами. С внутренней стороны северной стенки вдоль неё на уровне 25–30 см от верхнего горизонта погребённой почвы лежали горизонтально уложенные плиты в 1–3 слоя. Своими основаниями они покоились на насыпи кургана, о существовании которой свидетельствует и развал плит ограды на внешние стороны.

Могила № 1. В центре ограды прямоугольная могильная яма размерами 180 × 130 × 35 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие отсутствовало. На дне могилы потревоженные захоронения мужчины 30–40 лет и женщины 16–18 лет (рис. 83: 1). Более полно сохранился скелет мужчины, лежавший вдоль северной стенки вытянуто на спину, головой на ЗЮЗ. У него только смещён череп и частично кости рук. В северо-западном углу могилы находился крупный керамический сосуд сферической формы, украшенный по шейке рядом косых насечек (рис. 83: 11). Под венчиком следы починки в виде пары просверленных отверстий. Второй небольшой раздавленный сосуд сферической формы с обломанным верхом лежал у середины северной стенки (рис. 83: 12).

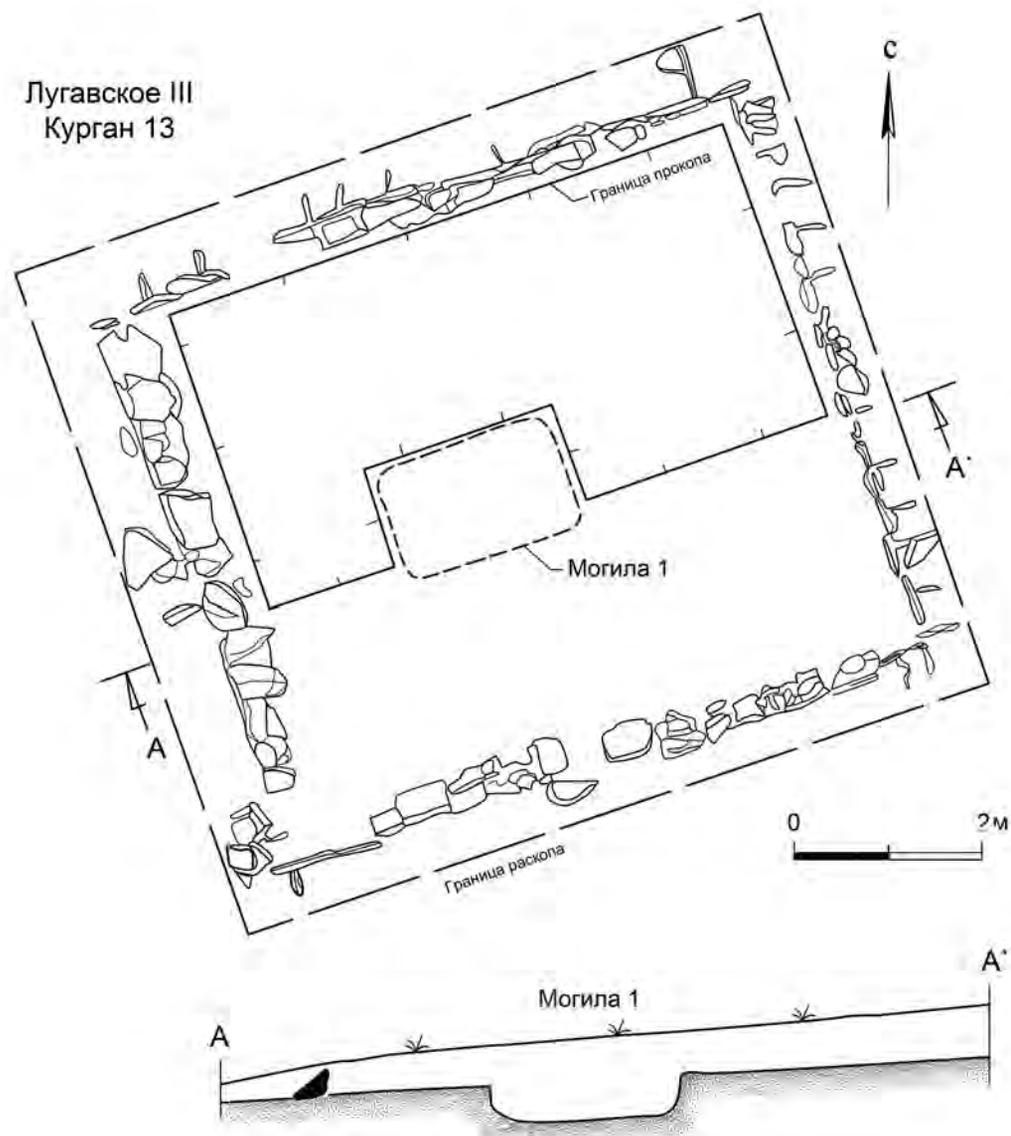

Рис. 82. Лугавское III. Чертеж (1) и разрез (2) кургана 13

От женского скелета в первоначальном положении сохранились только кости одной ноги и берцовые второй. Женщина, подобно мужчине, была положена вытянуто на спину, головой на ЗЮЗ. Её сопровождал лишь керамический сосуд, стоявший возле её колен. Земля у берцовых костей и особенно у стоп погребённых была окрашена в красно-бурый цвет.

В области грудной клетки и позвоночника мужчины находилось шесть бронзовых бляшек-пуговиц (рис. 83: 5–10), а вдоль его правого бока и в заполнении — четыре бронзовых грушевидных бусины (рис. 83: 4). В заполнении могилы встречена брон-

зовая четырёхлепестковая бляшка у правой руки мужчины (рис. 83: 3); бронзовое проволочное колечко (рис. 83: 2) и три бляшки-двойчатки — у правого бедра мужчины. В северо-восточном углу находились остатки жертвенной пищи — кости ноги, лопатка и ребро барана.

Череп мужчины сохранился не полностью, отсутствуют части височной и затылочной костей. В месте соединения левой теменной кости и затылочной имеются два отверстия. Одно округлой формы диаметром 18 мм, второе — квадратной формы, но со скруглёнными углами, 12 × 12 мм. Отверстия пробиты в древности, на внутренней стороне черепа сколы.

Лугавское III
Ограда 13
Могила 1

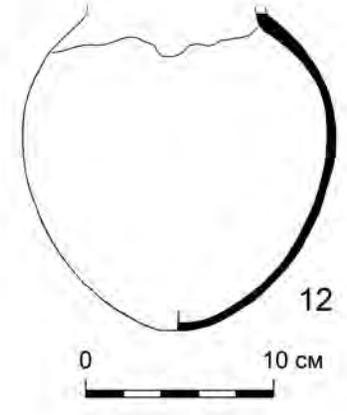
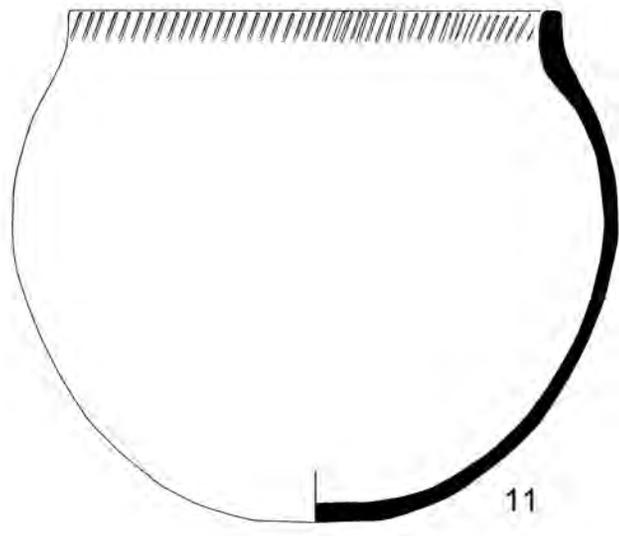
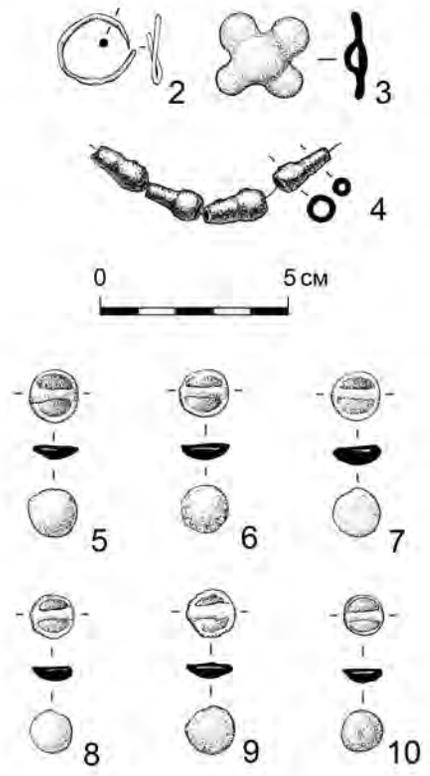
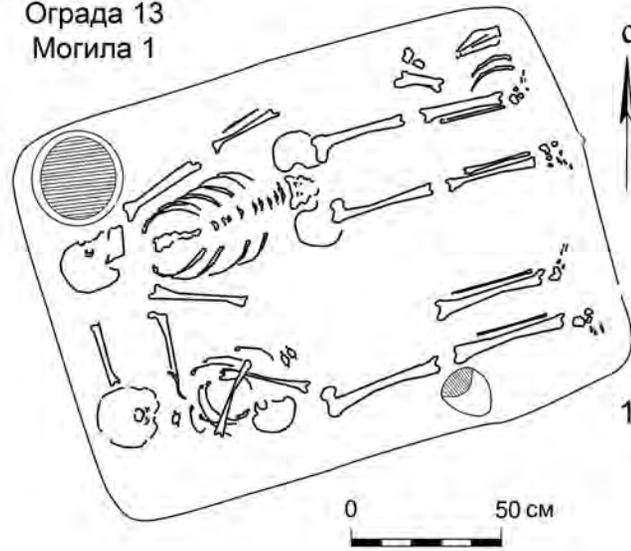

Рис. 83. Лугавское III. Чертеж могилы 1 (1) кургана 13 и артефакты из неё (2–10 – медь (бронза?); 11–12 – керамика)

8. ПЛОЩАДЬ ПОБЕДЫ

В июле 1977 г. рабочий Минусинского ремонтно-строительного управления Д. Е. Неборский передал в музей им. Н. М. Мартянова обломки двух керамических сосудов и бронзовый браслет. Он сообщил, что данные предметы были найдены им при прокладке траншеи на площади Победы с целью подводки газа к вечному огню передobelском Победы. При обследовании выкопанной траншеи в её стенке были замечены остатки горизонтально лежащих песчаниковых плит перекрытия могилы.

В отвале валялись разрозненные кости взрослого человека, обломки черепа и фрагменты керамики, часть которой Д. Е. Неборский доставил в музей. Обломки принадлежат двум сосудам. Один из них яйцевидной формы с низкой шейкой, укра-

шенной косыми насечками и двумя прочерченными линиями (рис. 84: 1). Фрагменты второго сосуда неорнаментированы (рис. 84: 2).

По словам Неборского, в 10–15 м от данного места им была замечена в стенке траншеи кость руки взрослого человека. Когда он стал её выкапывать, то обнаружил на ней бронзовый браслет (рис. 84: 3). Других костей, по его словам, там не было. При обследовании данного участка траншеи никаких артефактов найдено не было. Очевидно, захоронение было полностью срезано бульдозером. Найденный браслет, литой с четырьмя продольными рассечёнными желобками. Их концы с одной стороны оформлены округлыми уплощёнными выпуклостями.

Под центральной частью площади Победы, вероятно, находится полностью задернованный могильник лугавской культуры.

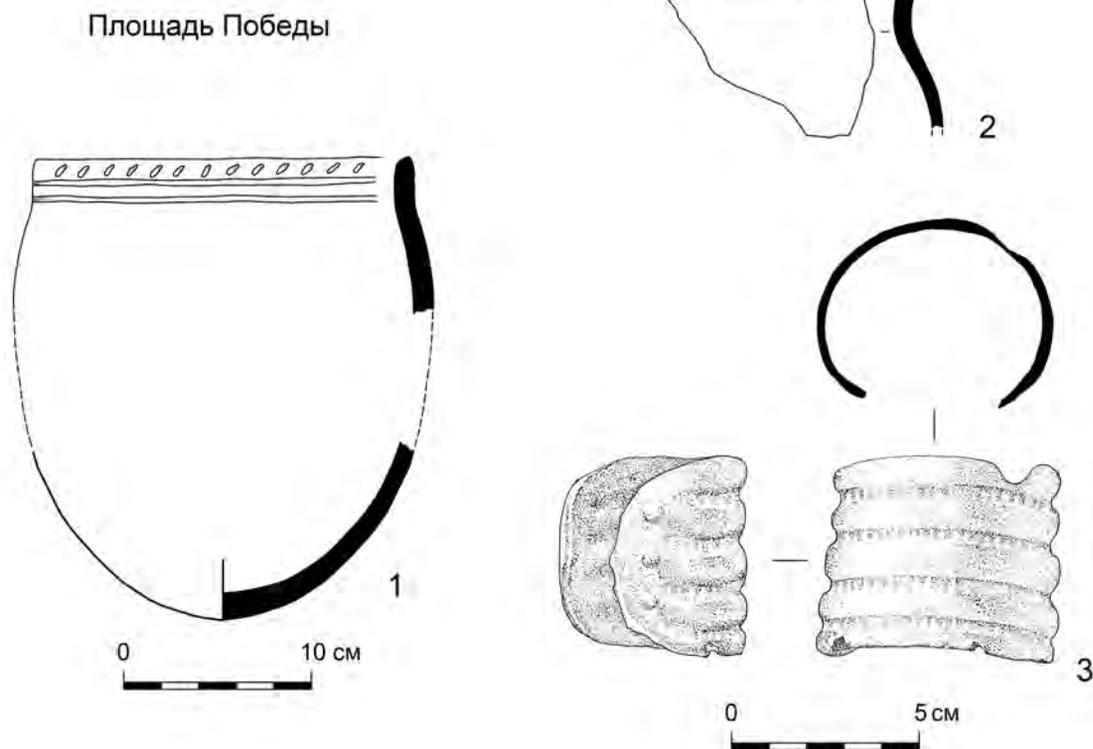

Рис. 84. Площадь Победы. Артефакты из сборов (3 – медь (бронза?); 1, 2 – керамика)

9. ПОТРОШИЛОВО I

Могильник Потрошилово I расположен в 8 км к ЗЮЗ от дер. Николо-Петровка, в прибрежной зоне водохранилища Красноярской ГЭС. До образования водохранилища территория могильника была занята колхозным садом, располагавшимся на северной окраине Потрошиловского соснового бора. Могильник был полностью задернован. В 1970-х гг. при низком уровне воды стали обнажаться песчаниковые плиты размытых водохранилищем прямоугольных оград и погребальных ящиков. Ящики стали хищнически вскрываться рыбаками-любителями и отдохавшими в бору людьми. Во избежание дальнейшего разграбления могильника на нём в 1986 г. были предприняты охранные раскопки. Работы на памятнике проводились силами участников краеведческого кружка школы № 5 города Минусинска (руководитель А. Н. Коноплев). Ко времени раскопок на поверхности прослеживались плиты 19 полуразрушенных оград. Из-за быстрого подъёма уровня воды в водохранилище провести работы в полном объёме не удалось. Ограды 17 и 19 были затоплены до начала их раскопок. Могилы оград 15 и 18 заполнились грунтовыми водами в ходе их расчистки. Ограда 14 оказалась затопленной после завершения её расчистки.

Ограды 1, 2. На песчаной поверхности были видны врытые на ребро разрозненные песчаниковые плиты двух прямоугольных оград. Основная прямоугольная ограда 3,4 × 3,6 м. К северной половине её юго-западной стенки пристроена оградка 0,95 × 0,85 м (рис. 85: 1, 2). В обоих оградах находилось по одному каменному могильному ящику со сброшенными плитами перекрытий.

Могилы № 1. В центре основной ограды прямоугольный ящик из вертикально установленных плит песчаника размерами 130 × 68 × 52 см, СВ-ЮЗ (рис. 85: 3). Над северо-восточной частью ящика сохранилась плита перекрытия. В заполнении могилы разрозненные кости подростка. На дне сохранились в положении, близком к анатомическому, череп без нижней челюсти, кости правой руки, часть позвоночного столба и рёбер. Погребённый был положен головой на северо-восток вдоль юго-восточной стенки ящика.

Погребённого сопровождал керамический орнаментированный сосуд сферической формы в се-

верном углу могилы (рис. 85: 4); бронзовая бляшка-пуговица лежала между предплечьем правой руки и позвоночником (рис. 85: 5); четыре бронзовых проволочных кольца (рис. 85: 6–8). Два из них встречены в заполнении могилы, третье — под черепом и четвёртое — на месте плеча левой руки. Бронзовое шило находилось у локтя правой руки (рис. 85: 14), а четыре бронзовые лапчатые привески — почти у середины северо-западной стенки ящика (рис. 85: 9–12). У северо-западной стенки рядом с сосудом лежали кости ноги и рёбра барана. (В хранении музея за этой могилой числится ещё медная пронизка, не указанная в отчёте (рис. 85: 13). — А. П.)

Могилы № 2. В ограде 2 каменный ящик трапециевидной формы из вертикально поставленных плит, 75 × 40 (ЮЗ) × 60 (СВ), СВ-ЮЗ. Плиты северо-западной стенки не сохранились. Перекрытие отсутствует. Ящик пустой.

Ограды 3, 4. На поверхности выступали рёбра плит, образующие прямоугольную ограду 6,0 × 6,4 м и пристроенную к её южной стенке малую ограду 1,65 × 1,85 м (рис. 86: 1, 2). Стенки малой ограды сохранились фрагментарно. От середины западной стенки отходит врытая на ребро плита. Её назначение осталось неустановленным.

Могилы № 3. В центре ограды трапециевидный ящик размерами 210 × 95 (ВСВ) × 70 (ЗЮЗ) × 62 см, ВСВ-ЗЮЗ, из плит песчаника, поставленных на ребро (рис. 86: 3). Продольные стенки из двух плит, в торцовой головной — одна плита. Западная стенка и западный конец северной стенки разрушены. Над восточной частью ящика сохранилась крупная плита перекрытия. В заполнении ящика разрозненные кости взрослого человека. На дне ящика захоронение трёх взрослых погребённых и череп четвёртого. Верхний погребённый положен на правый бок, головой на ЗЮЗ, вдоль северной стенки ящика. Его ноги круто согнуты в коленях, стопы у таза. Руки также круто согнуты, кисть одной из них у плеча. Голова неестественно отведена в сторону и лежит на половинке таза второго скелета. Второй погребённый тоже положен головой на ЗЮЗ, но на спину с ногами, приподнятыми в коленях. Руки его скрещены на груди. Череп без нижней челюсти отделён от скелета и лежит немного выше в перевернутом положении. Третий погребённый положен на дно могилы и перекрыт костями двух первых. Он лежал головой на ВСВ, на правом боку с ногами, круто

Потрошилово I
Ограды 1-2

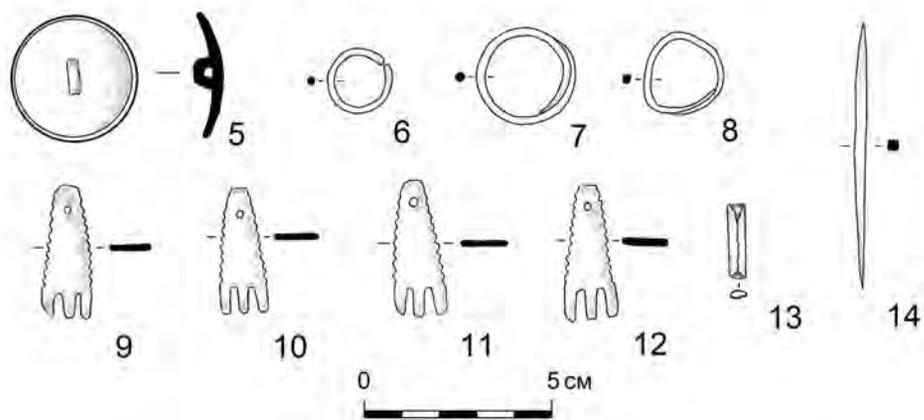
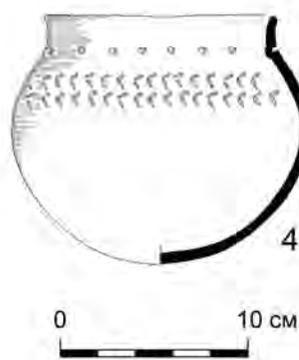
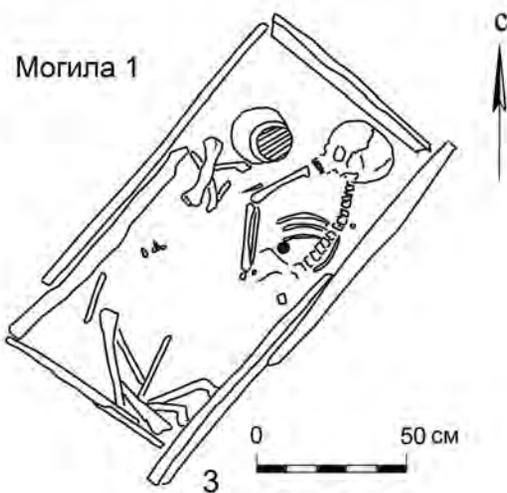
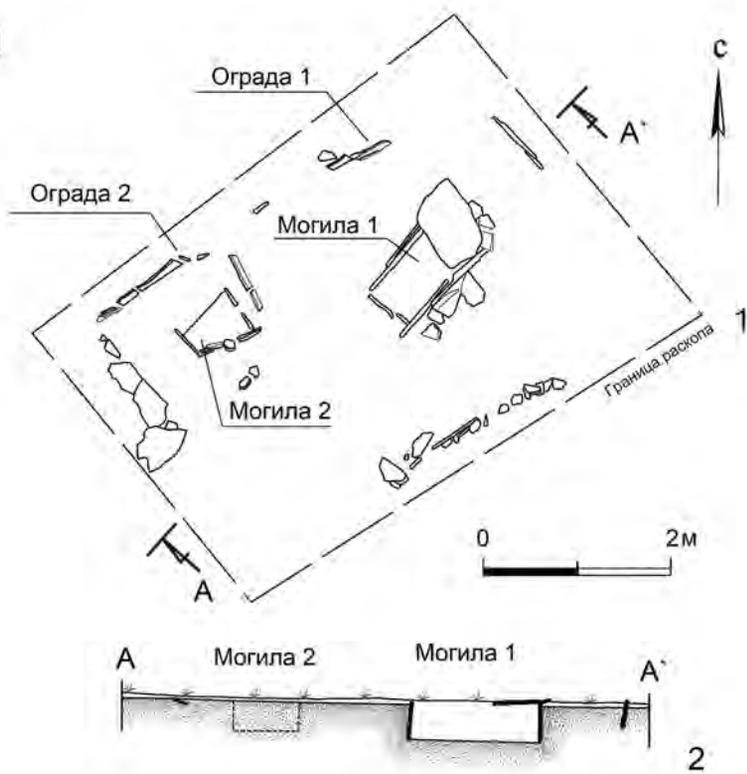

Рис. 85. Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) оград 1, 2, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (5-14 — медь (бронза?); 4 — керамика)

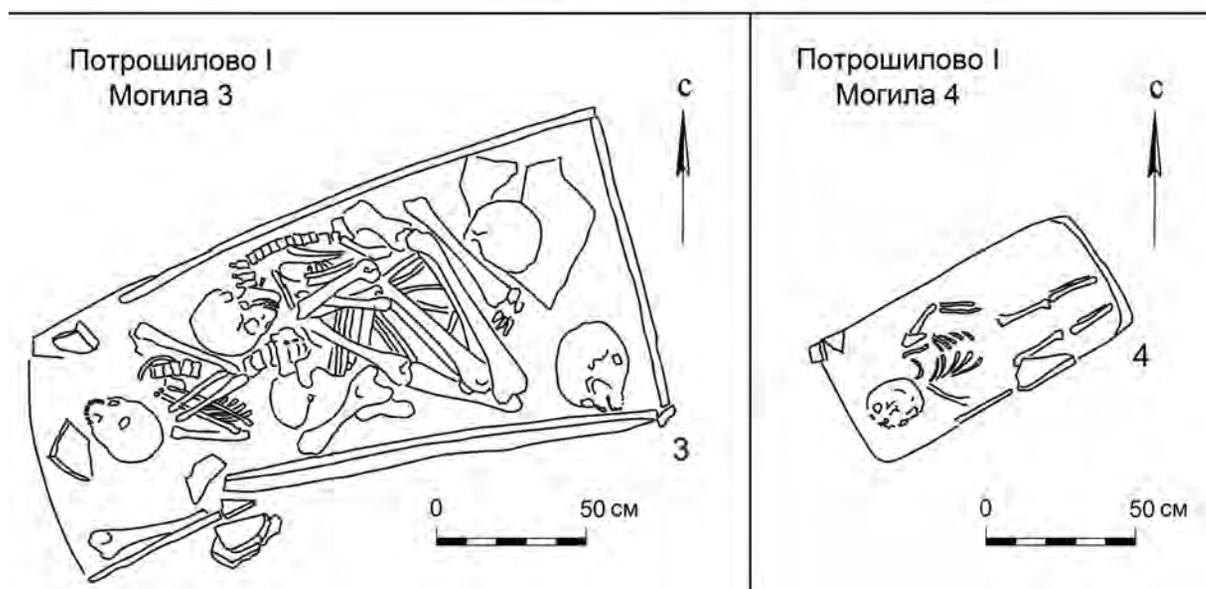
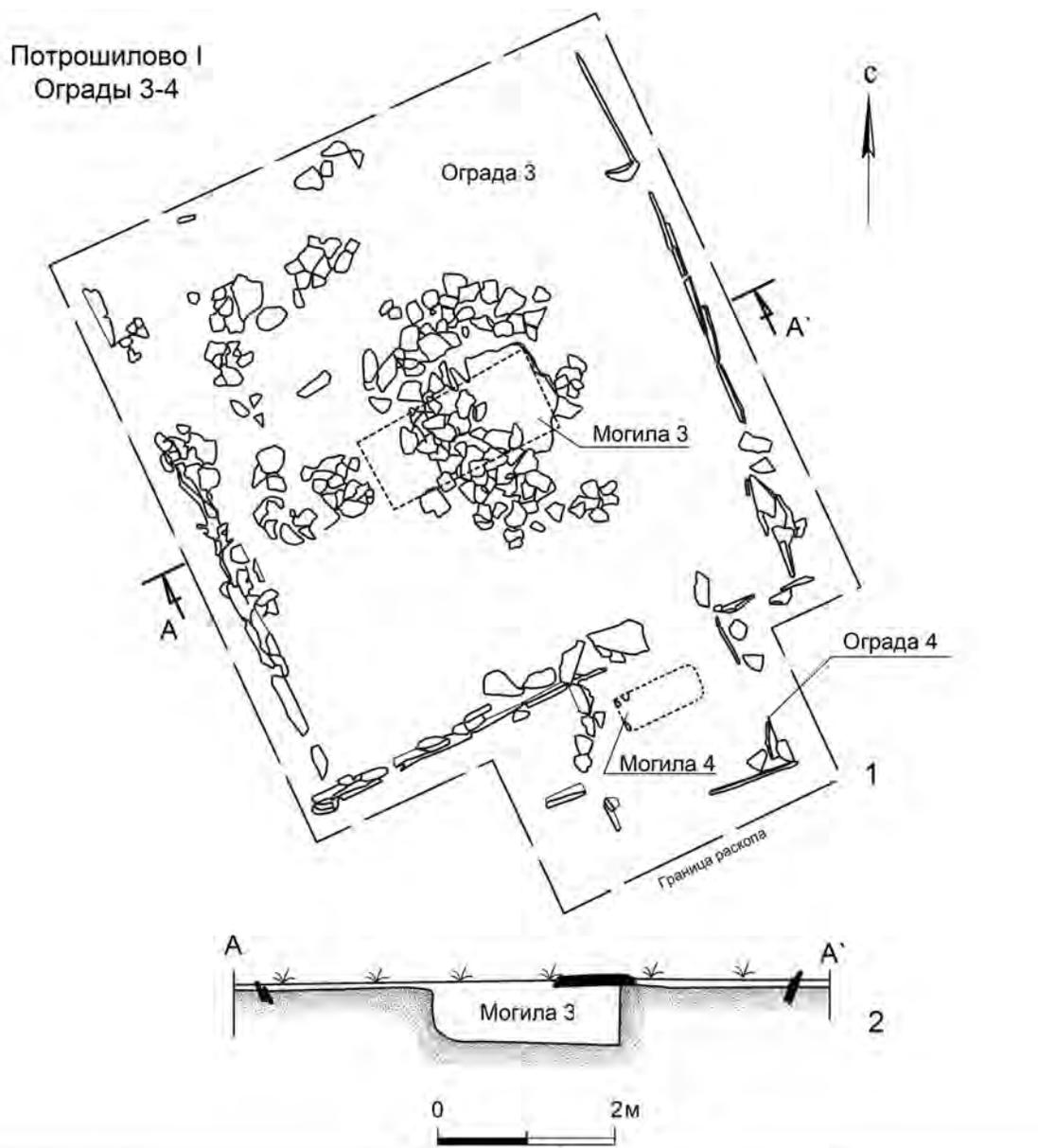

Рис. 86. Потрошилово I. Чертеж (1) и разрез (2) оград 3, 4, чертежи могил 3, 4 (3, 4)

согнутыми в коленях. Правая рука согнута в локте, кисть — у черепа. Кисть левой руки под коленным суставом левой ноги. Под верхней частью туловища — плитки песчаника. Вещей нет.

Порядок совершения захоронений восстанавливается следующим образом: основное захоронение подверглось разграблению, кости покойника были выброшены из ящика вместе с землёй и в ящик были положены три других покойника: один на дно и двое поверх него. После этого ящик был засыпан землёй, вместе с ней в него попали разрозненные кости основного погребённого. Впускные захоронения датируются, вероятно, тесинским этапом тагарской культуры.

(Сейчас тесинская археологическая культура. — А. П.)
 Могила № 4. Вдоль северной стенки ограды 4 — грунтовая яма подпрямоугольной формы, размера-

ми $104 \times 50 \times 50$ см, СВ–ЮЗ (рис. 86: 4). В её заполнении битый плитняк. На дне потревоженное захоронение ребёнка, положенного вытянуто на спину, головой на ЮЗ. Слегка согнутые в локтях руки вытянуты вдоль туловища. Череп смещён. Вещей нет.

Ограды 5, 6. До раскопок на поверхности были видны отдельные врытые на ребро плиты стен двух оград и двух могильных ящиков. От основной ограды 5 сохранилось лишь несколько плит западной и восточной стен и одна плита северной стенки. Предположительные размеры ограды $3,9 \times 3,0$ м, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 87). К северной стенке ограды построена малая прямоугольная ограда из плит песчаника, врытых на ребро, $2,7 \times 1,9$ м. Плиты имеют

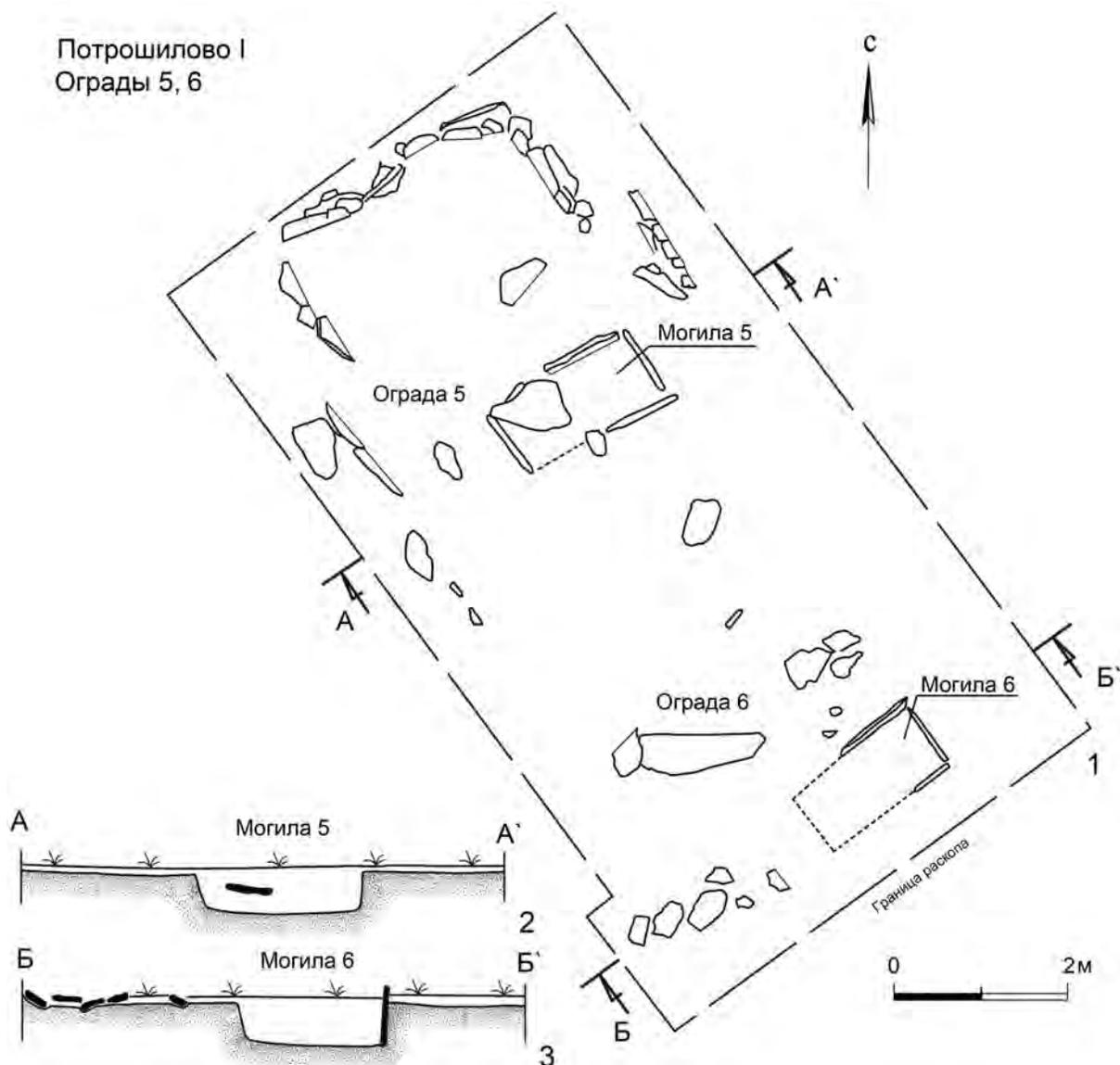

Рис. 87. Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) оград 5, 6

развал на внешние стороны. Могилы в ограде не обнаружено.

К югу от ограды 5 располагается могильный ящик 6. От его ограды сохранилась лишь одна врытая на ребро плитка северной стенки. Данная ограда могла быть пристроена к южной стенке ограды 5 или, что не менее вероятно, представляла собой обособленную ограду, расположенную почти вплотную к ограде 5.

Могилa № 5. В центре основной ограды трапециевидный каменный ящик, 170 × 90 (ВСВ) × 70 (ЗЮЗ) × 60 см, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. Западная плита южной стен-

ки упала, перекрыв могилу. Погребение ограблено после обнажения его водохранилищем. Немногочисленные разрозненные кости взрослого человека залегали на поверхности земли возле могилы и в верхней части её заполнения вместе с палками и разным мусором, намытыми водой.

Могилa № 6. Каменный ящик из поставленных на ребро плит полуразрушен. От него сохранились лишь восточная стенка и восточные части северной и южной стенок. Ящик первоначально имел трапециевидную форму и размеры: 140 × 84 (ВСВ) × 60 (ЗЮЗ) × 55 см, ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие отсутствовало. В заполнении ящика разрозненные ко-

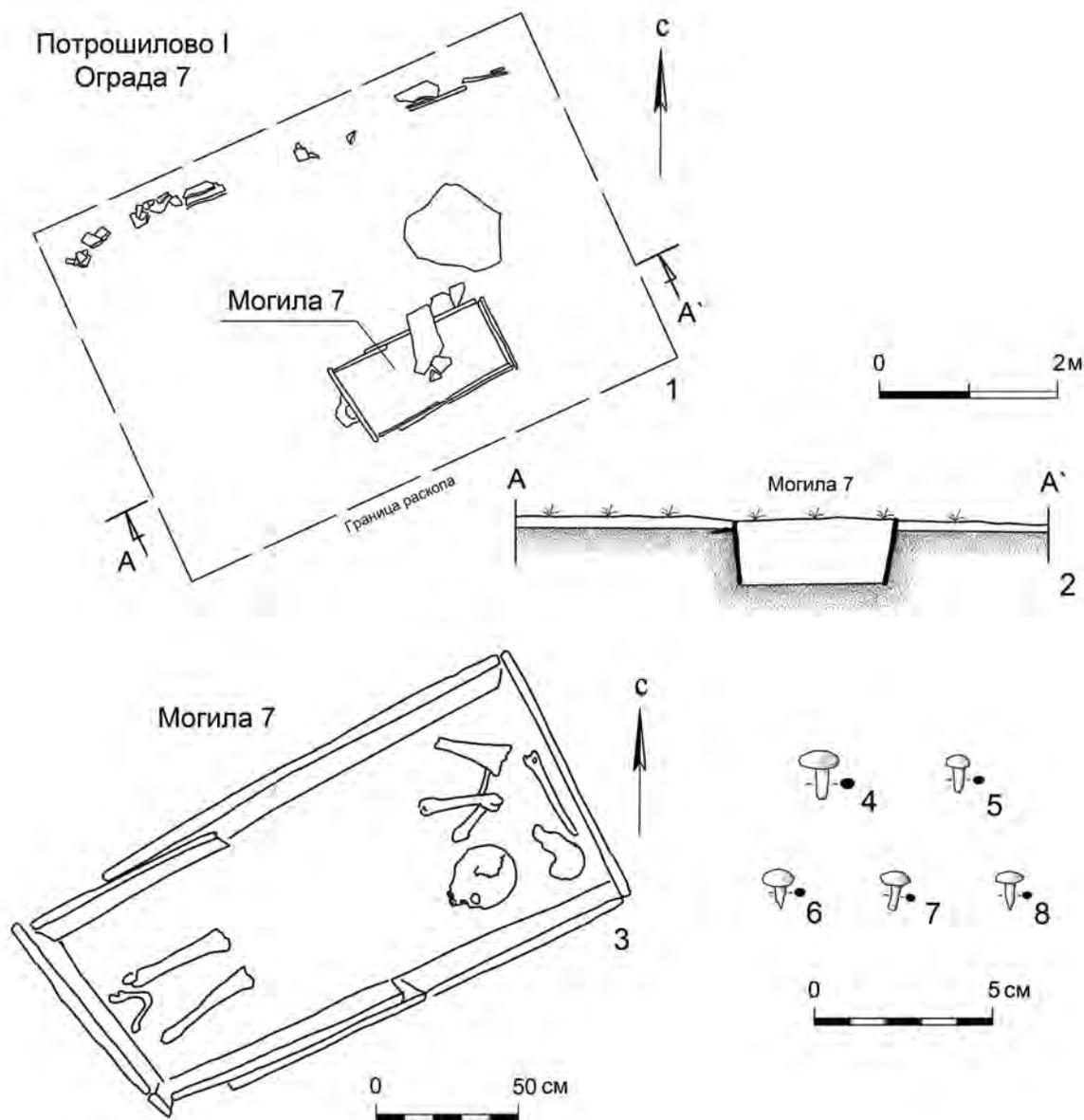

Рис. 88. Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) ограды 7, чертёж могилы 7 (3) и артефакты из неё (4–8 – медь (бронза?))

сти взрослого человека. Многие кости, в том числе череп и кости ног, отсутствовали. Вещей нет.

Ограда 7. От четырёхугольной ограды сохранился лишь фрагмент одной стенки из мелких плит песчаника, врытых на ребро (рис. 88: 1, 2).

Могила № 7. К югу от стенки расположен трапециевидный каменный ящик размерами 190 × 95 (СВ) × 80 (ЮЗ) × 58 см, СВ–ЮЗ (рис. 88: 3). Плиты перекрытия сброшены. В заполнении разрозненные кости взрослого человека. На дне ящика в первоначальном положении сохранились берцовые кости ног, судя по которым, погребённый был положен головой на СВ. В заполнении могилы найдено пять бронзовых гвоздевидных бляшек (рис. 88: 4–8). Судя по окиси меди на костях, погребённого сопровождали также серьги, браслет и другие украшения.

Могила № 8. Следов ограды не прослежено. От ящика сохранились лишь продольные плиты песчаника, которые стояли с сильным развалом наружу. Могила 170 × 115 × 40 см, СВ–ЮЗ, подверглась разрушению в процессе недавнего разграбления (рис. 89: 1, 2). В её заполнении немногочисленные

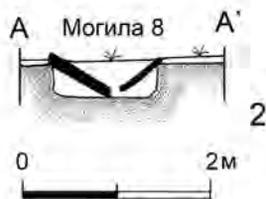
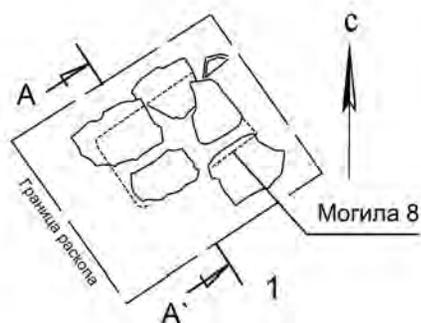
обломки костей взрослого человека. Черепа, костей рук и ног нет.

Ограда 9. К югу от могилы № 8 сохранились три стенки прямоугольной ограды, 3,2 × 3,0 м, из плит песчаника, врытых на ребро (рис. 89: 3, 4). С северо-восточной стороны ограда, очевидно, имела пристройку, так как юго-восточная стенка выходит за линию северо-восточной стены, но следов могилы не выявлено.

Могила № 9. В центре ограды трапециевидный (?) ящик, 140 × 75 (ВСВ) × 50 (ЗЮЗ) × 50 (?) см, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. Его продольные стенки имеют сильный наклон вовнутрь. Могила подверглась разграблению после обнажения водохранилищем. В заполнении ящика немногочисленные обломки костей взрослого человека. Вещей нет.

Ограды 10, 11. От основной ограды 10 сохранились только фрагменты трёх стенок, юго-восточная отсутствует (рис. 90). Ограда была сооружена из плит жёлтого песчаника, врытых на ребро, и имела размеры не менее 5,2 × 6,0 м. В центре

Потрошилово I
Могила 8

Потрошилово I
Ограда 9
Могила 9

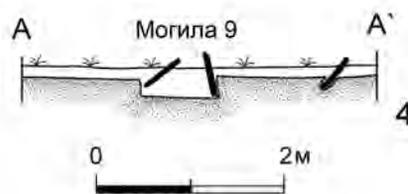
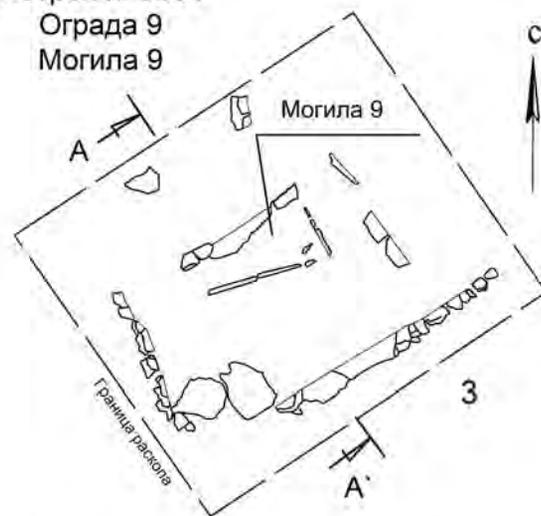

Рис. 89. Потрошилово I. Чертежи (1, 3) и разрезы (2, 4) оград 8, 9

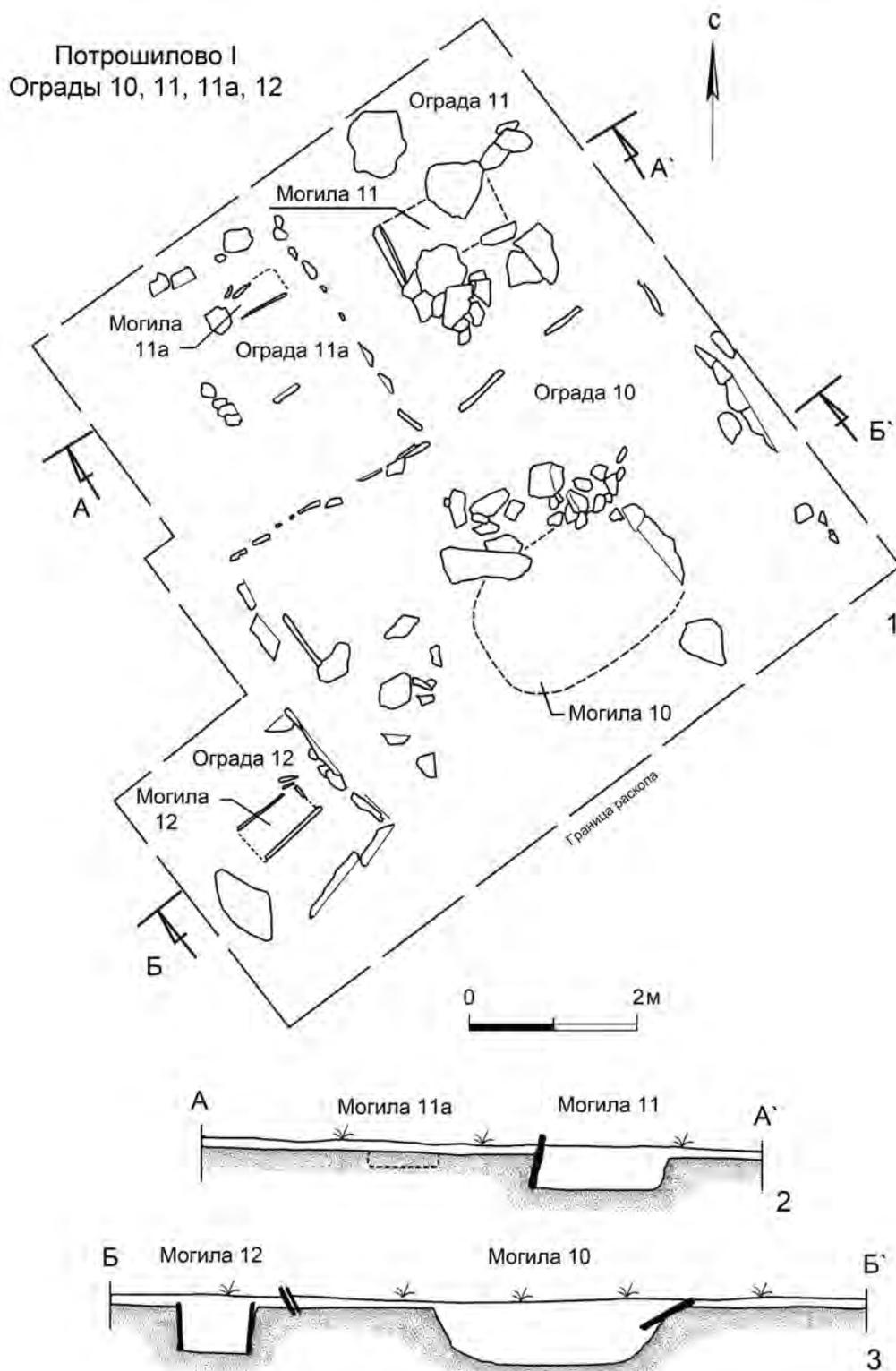

Рис. 90. Потрошилово I. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград 10, 11, 11а, 12

ограды разрушенное перекрытие могилы из плит красного и жёлтого песчаника.

К северной половине северо-западной стенки ограды 10 пристроена оградка 11. От неё сохранилась только юго-западная стенка из мелких плит жёлтого пес-

чаника, врытых на ребро. К юго-западной стенке ограды 11 пристроена фрагментарно сохранившаяся прямоугольная оградка 11а из плит красного песчаника, врытых на ребро. Её размеры 2,1 × 1,7 м.

Могилы № 10. В центре ограды яма неправиль-

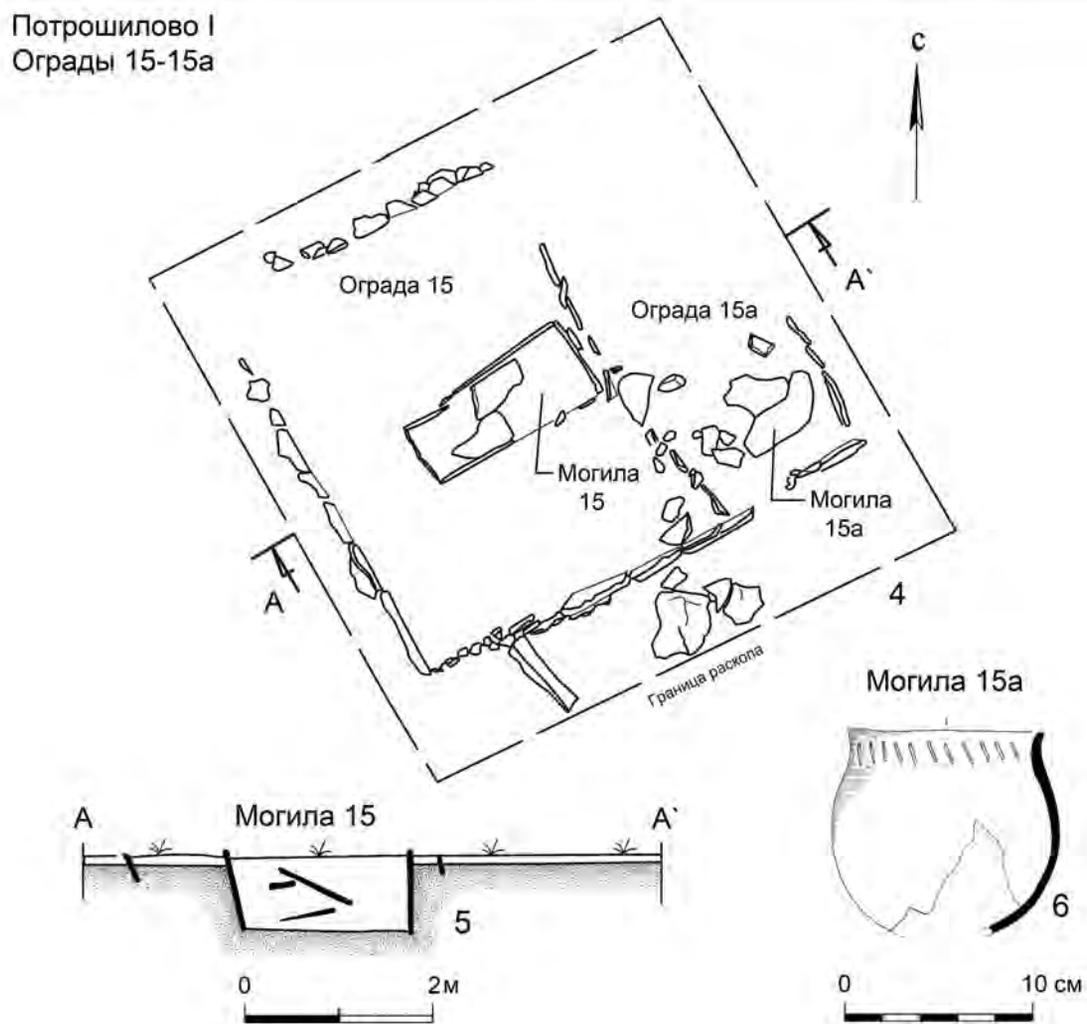
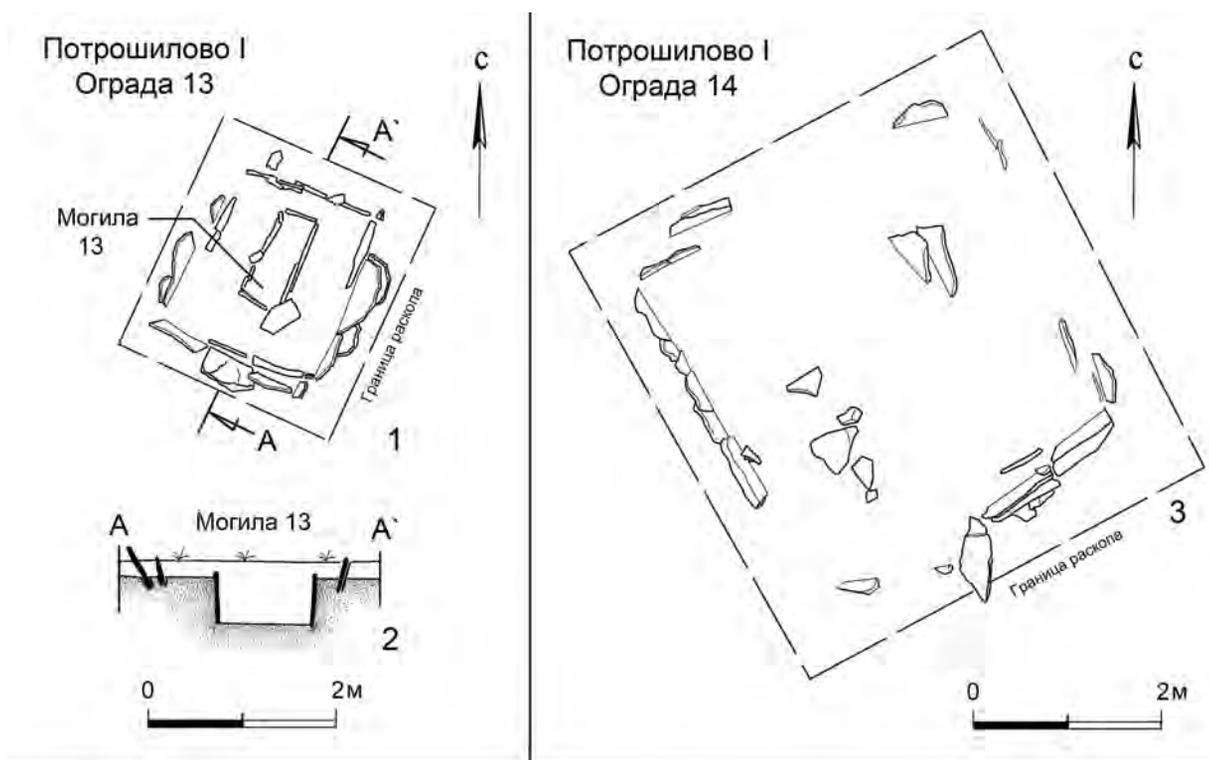

Рис. 91 .Потрошилово I. Чертежи (1, 3, 4) оград 13, 14, 15, 15а, разрезы (2, 5) оград 13, 15 и керамический сосуд из погребения в ограде 15а (6)

ной овальной формы с покатыми стенками, 2,6 × 1,8 м. Яма заполнена битым плитняком, намывным песком с палками и древесной корой, свидетельствующими о недавнем разграблении могилы.

Могилы № 11. Прямоугольная могильная яма, 160 × 70 × 30 см, СВ–ЮЗ. Западная стенка ямы обставлена плитой красного песчаника. Погребение подверглось ограблению после образования водохранилища. В заполнении ямы лишь разрозненные кости взрослого человека.

Могилы № 11а. В центре оградки 11а прямоугольный погребальный ящик, 80 × 42 × 20 см, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. Ящик пустой.

Ограда 12. К юго-западной стенке ограды 10 почти вплотную примыкает фрагментарно сохранившаяся прямоугольная ограда размерами 1,95 × 1,7 м, СВ–ЮЗ, из плит красного песчаника, врытых на ребро (рис. 90). Могила в центре ограды.

Могилы № 12. Прямоугольный каменный ящик, 95 × 55 × 45 см, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. Перекрытие отсутствует. В заполнении разрозненные кости ребёнка. На дне в положении, близком к первоначальному, сохранились лишь берцовые кости ног. Погребённый был положен головой на СВ. Вещей нет.

Ограда 13. Прямоугольная ограда, 1,7 × 1,35 м, СВ–ЮЗ, из плит красного песчаника, врытых на ребро (рис. 91: 1, 2). Плиты имеют развал наружу, что свидетельствует о наличии в древности земляного надмогильного сооружения.

Могилы № 13. В центре ограды каменный прямоугольный ящик, 94 × 45 × 45 см, СВ–ЮЗ. В заполнении могилы разрозненные кости ребёнка. Вещей нет.

Ограда 14. Прямоугольная ограда, 3,9 × 4,0 м, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, врытых на ребро (рис. 91: 3). Завершить раскопки ограды не удалось из-за затопления её водохранилищем.

Ограда 15. Прямоугольная ограда, 4,1 × 3,0 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит красного песчаника, врытых на ребро (рис. 91: 4, 5). К южной половине восточной стенки ограды пристроена прямоугольная оградка 15а, 1,75 × 2,15 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит красного песчаника, врытых на ребро. Северная стенка её не сохранилась. На территории ограды разбросаны плиты перекрытия могилы.

Могилы № 15. В центре ограды трапециевидный ящик, 183 × 92 (ВСВ) × 69 (ЗЮЗ) × ?? см, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. По две плиты на продольных сторонах и по одной на торцовых. Плиты перекрытия ящика разбиты, часть их в заполнении могилы. Погребение ограблено. В заполнении среди плитняка находились разрозненные кости подростка. Обломки черепа в восточной части могилы, кости ног — в западной. Вещей нет.

Могилы № 15а. Под плитами перекрытия трапециевидный ящик, 65 × 38 (ВСВ) × 28 (ЗЮЗ) × 40 см, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. В заполнении могилы разрозненные полуистлевшие кости младенца и обломки двух керамических орнаментированных сосудов (рис. 91: 6).

Работы на оградах 15 и 15а были прерваны затоплением их водой.

Ограда 16. На поверхности прослеживались ребра плит погребального ящика. В связи с быстрым подъёмом уровня воды в водохранилище и угрозой затопления могилы поиски ограды не производились. Осуществлена лишь расчистка ящика.

Могилы № 16. Прямоугольный ящик, 190 × 98 × 75 см, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро (рис. 92: 1). Южная стенка из трех плит, в остальных — по одной. От перекрытия сохранилось лишь несколько плит на бортах могилы. В ящике захоронение взрослого человека, положенного головой на ЗЮЗ, на спину. Ноги слегка подогнуты в коленях, руки полусогнуты в локтях, кисти их у таза. В северо-западном углу могилы — раздавленный керамический сосуд баночной формы. Сосуд датируется тесинским этапом тагарской культуры. Следовательно, погребение является впускным. В тесинское время могила была вскрыта. Кости погребённого были выброшены из неё и на его место положен другой покойник.

Ограда 17. На поверхности были видны две врытые на ребро плиты. Из-за быстрого подъёма воды в водохранилище раскопки ограды не производились.

Ограда 18. Прямоугольная ограда, 5,6 × 5,4 м, СВ–ЮЗ, из врытых на ребро тонких плит красного песчаника.

Могилы № 18. В центре ограды трапециевидный ящик, 245 × 90 (СВ) × 65 (ЮЗ) × 60 см, СВ–ЮЗ, из плит песчаника, установленных на ребро. Плиты

перекрытия сброшены и лежали на территории ограды. Могила подвергалась неоднократному вскрытию. В её заполнении разрозненные кости взрослого человека плохой сохранности. Многих костей нет. На обломках черепа, зубах и ключице следы окиси меди. Вещей нет. В ходе раскопок ограда и могила заполнились водой.

Ограды 19, 20. Основная ограда прямоугольная, $3,5 \times 3,55$ м, СВ–ЮЗ, из плит красного и жёлтого песчаника, врытых на ребро (рис. 92: 2, 3). Стены сохранились не полностью. К юго-восточной половине юго-западной стенки ограды была пристроена небольшая оградка, от которой сохранилась только одна врытая на ребро плита.

Могила № 19. В середине основной ограды беспорядочное скопление плит перекрытия могилы. Под ними каменный ящик трапециевидной формы, 173×72 (ВСВ) $\times 57$ (ЗЮЗ) $\times 49$ см, ВСВ–ЗЮЗ, из тонких плит красного песчаника, установленных на ребро, по одной на торцовых стенках и по три на продольных (рис. 92: 4). В могиле потревоженное погребение женщины (?) 30–39 лет. Основная масса её костей залегала кучно в средней части могилы. В первоначальном положении сохранились только берцовые кости обеих ног. Судя по ним, погребённая была положена на правый бок с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. У северо-восточного угла могилы находился керами-

ческий сферический сосуд, орнаментированный круглыми наколами и зигзагом из поперечных насечек (рис. 92: 8). У проксимальных окончаний берцовых костей лежало бронзовое шило, а у юго-восточного угла могилы — бронзовая пластинчатая обоймочка и обломки двух других (рис. 92: 5–7), а также фрагмент трубчатой пронизки. Среди человеческих костей в средней части могилы найдены два астрагала и кости ноги молодого барана.

Могила № 20. В предполагаемом центре пристройки — подпрямоугольная грунтовая могильная яма, $95 \times 45 \times 22$ см, СВ–ЮЗ (рис. 92: 9, 10). Юго-западная и юго-восточная стенки ямы обставлены небольшими плитками, а северо-западная — более крупной плитой, выступавшей над уровнем раскопа на 20 см. Могила перекрыта плитами песчаника, уложенными в несколько слоёв. Они производили впечатление непо потревоженных, но следов погребения в могиле не обнаружено.

Позднее в музей поступил сосуд из разрушенного погребения, входившего в состав этого могильника (рис. 92: 11).

По основным особенностям конструкций погребальных сооружений, погребального обряда и сопровождающего погребённых инвентаря могильник Потрошилово I типичен для раннего (карасукского) этапа карасукской культуры.

10. ПОТРОШИЛОВО II

К юго-западной окраине могильника Потрошилово I примыкает могильник андроновской культуры, который изредка обнажается весной при низком уровне воды в водохранилище. Он насчитывает

свыше 25 погребальных сооружений андроновской культуры в виде круглых оград из плашмя уложенных плит песчаника. В юго-западной части могильника между этими оградами выявлено четыре прямоугольных ограды карасукской культуры. Они располагались несколько обособленно от погре-

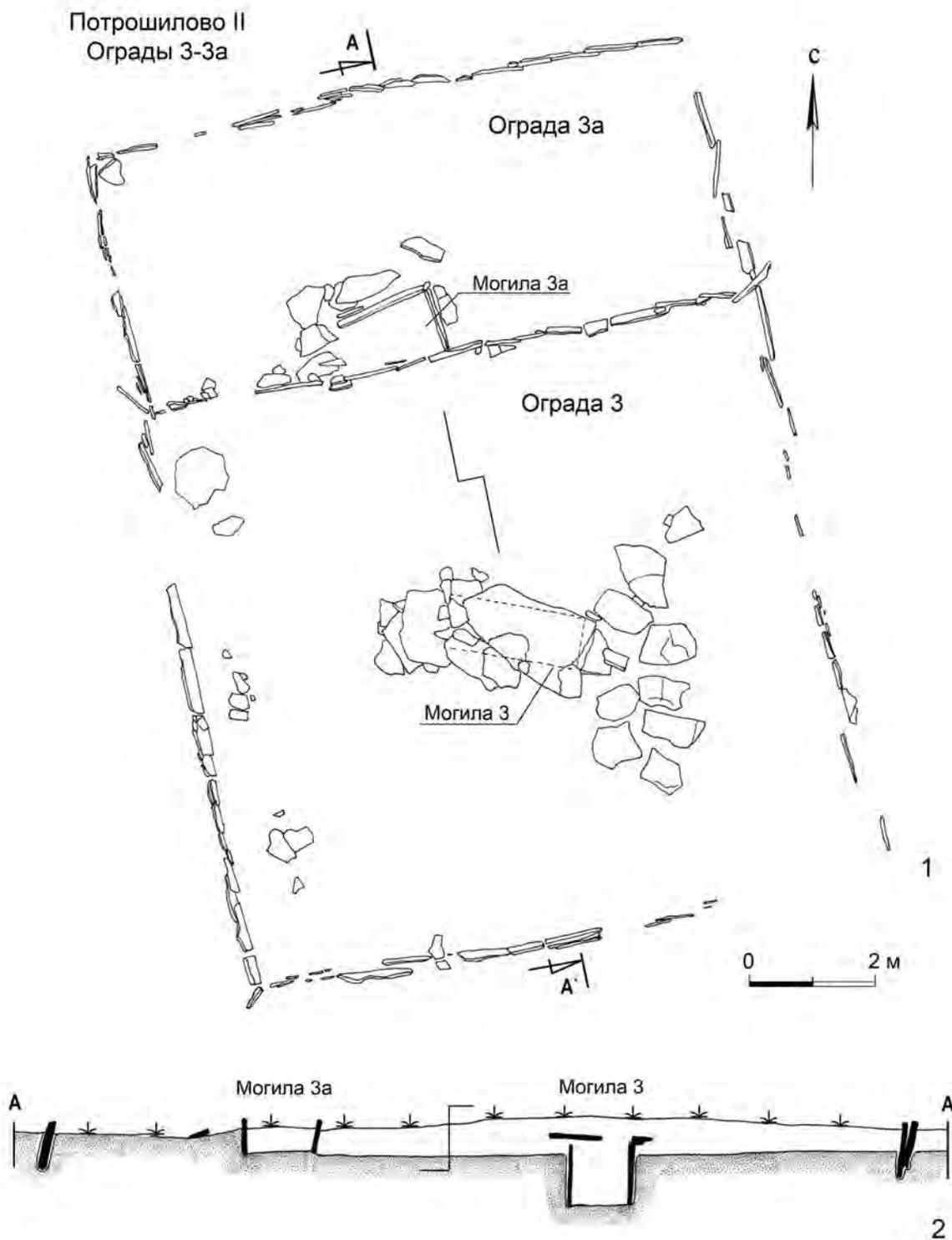

Рис. 93. Потрошилово II. Чертеж (1) и разрез (2) оград 3 и 3а

бальных сооружений могильника Потрошилово I. В небольшой прямоугольной оградке 4 из плит, врытых на ребро, находился разрушенный ящик из плит. Захоронение хищнически раскопано после обнажения ограды водохранилищем. Другая ограда значительно больших размеров (ограда 2) раскопана в полном соответствии с требованиями методики археологических раскопок неустановленными лицами в 1991–1994 гг. В 1989 г. была раскопана обнажённая ограда 3а, которая, как впоследствии оказалось, была пристроена к другой ограде. Основная ограда (3) обнажилась в 1995 г. и была раскопана в 1996 г. совместной российско-германской экспедицией [Леонтьев, Наглер, 2000. С. 68].

Ограда 3. Ограда прямоугольной формы размерами 9,4 × 10,5 м, ВСВ–ЗЮЗ, из тонких плит красного песчаника, врытых на ребро (рис. 93). Значительная часть её восточной стенки и юго-восточный угол сохранились фрагментарно. Плиты трёх стен ограды имели небольшой развал наружу, свидетельствующий о наличии в прошлом земляного надмогильного сооружения. В трёх углах ограды сохранились вкопанные с внешней стороны дополнительные плиты, образующие диагональные «усики». Такие же «усики» имелись по углам упомянутой выше второй ограды, исследованной неизвестными лицами. В центре ограды выкладка из нескольких слоёв относительно тонких плит песчаника, уложенных плашмя. Перекрытие частично разбросано грабителями, в его средней части пробито округлое отверстие, через которое было совершено проникновение в могилу.

Могилы № 3. Под перекрытием ящик слабо выраженной трапециевидной формы размерами 213 × 78 (ЗСЗ) × 67 (ВЮВ) × 80 см, из плит песча-

ника, установленных на ребро (рис. 94: 1). На дне могилы потревоженное захоронение мужчины 35–39 лет, положенного головой на ВЮВ, вдоль южной стенки ящика, на правом боку, со слегка согнутыми в коленях ногами. Руки вытянуты перед туловищем. Часть костей погребённого находилась в заполнении ящика. У середины северной стенки стоял керамический горшковидный сосуд, орнаментированный по шейке рядом округлых вдавленных (рис. 94: 2).

Ограда 3а. Ограда прямоугольной формы: 9,4 × 4,4 м, ВСВ–ЗЮЗ, из плит песчаника, вкопанных на ребро, пристроена к северной стенке ограды 3 (рис. 93). К ней же пристроен погребальный ящик из четырёх плит песчаника, установленных на ребро. Он располагался выше по уровню, чем могильный ящик 3, т. е. был впущен в уже оплывшее земляное сооружение основной ограды.

Могилы № 3а. Ящик слабо выраженной трапециевидной формы размерами 165 × 95 (ВСВ) × 82 (ЗЮЗ) × 68 см, ВСВ–ЗЮЗ (рис. 94: 3). Плиты перекрытия сброшены и залежали возле ящика. В могиле потревоженное захоронение мужчины старше 40 лет, положенного на правый бок с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. В первоначальном положении сохранились череп, часть позвоночника, рёбра, кости предплечья, лопатка и стопа одной ноги. Погребённого сопровождали: керамический сосуд — у северо-восточного угла могилы (рис. 94: 4), бронзовое шило — в заполнении средней части могилы (рис. 94: 7), два массивных бронзовых кольца — одно под черепом, другое — у его основания (рис. 94: 5, 6), кости барана — у середины северной стенки. Ящик был впущен в земляную насыпь ограды 3, он располагался на 20 см выше по уровню, чем могила 3.

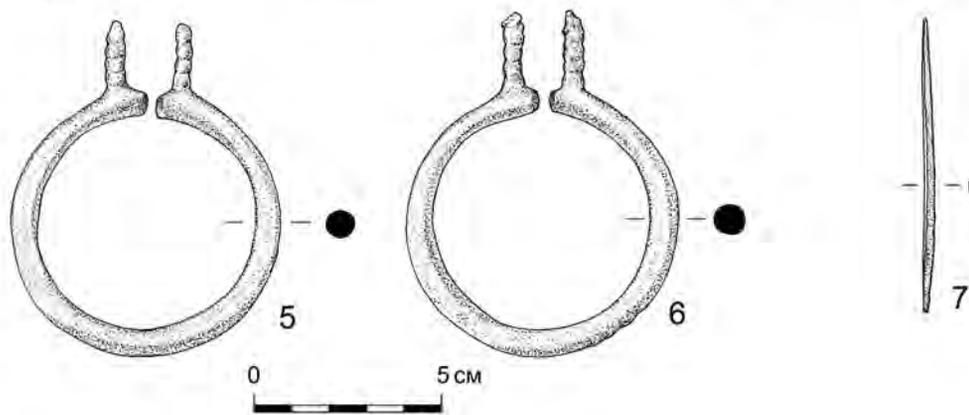
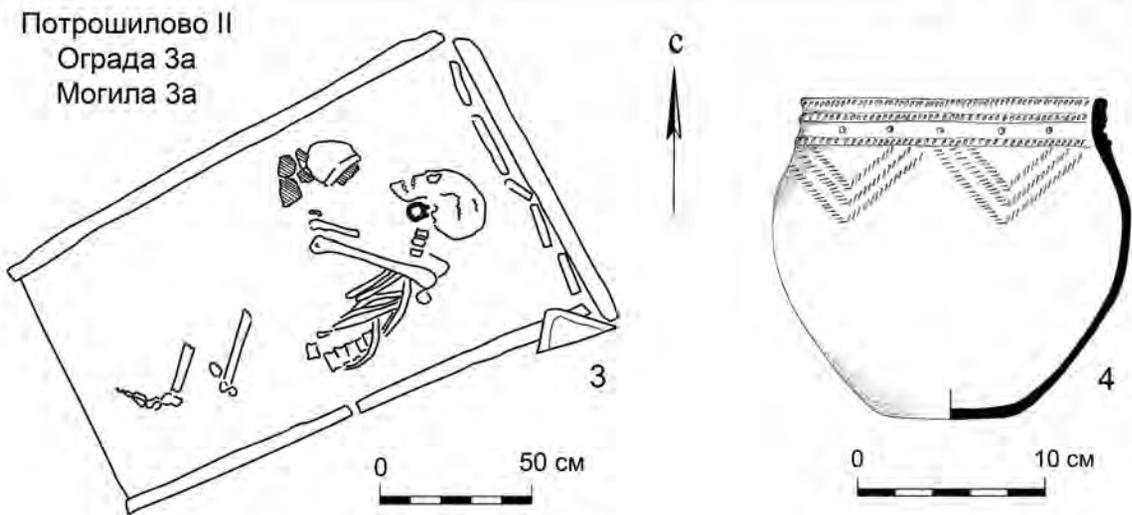
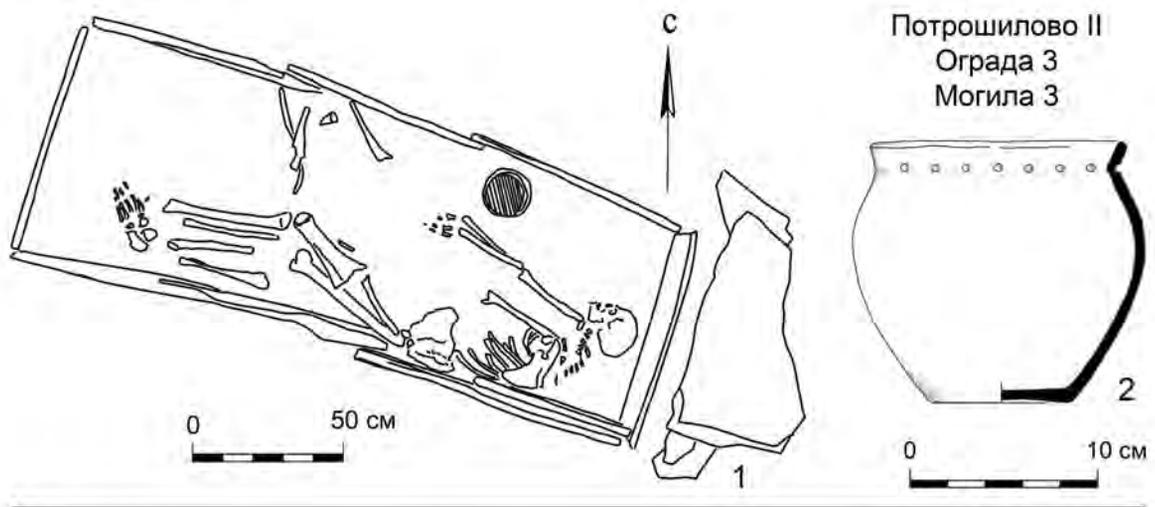

Рис. 94. Потрошилово II. Чертежи могил 3 (1) и 3а (3), а также артефакты из них (6, 7 – медь (бронза?); 2, 4 – керамика)

11. ПОДСУХАНИХА I

Урочище Подсуханица протянулось с СВ на ЮЗ по террасе правого берега бывшей Потрошиловской протоки Енисея, ныне образующей берег Крас-

ноярского водохранилища. Юго-западную часть территории урочища занимает обширное древнее могильное поле Подсуханица I. На нём в процессе многолетних полевых исследований было выявлено несколько культурно-хронологических групп

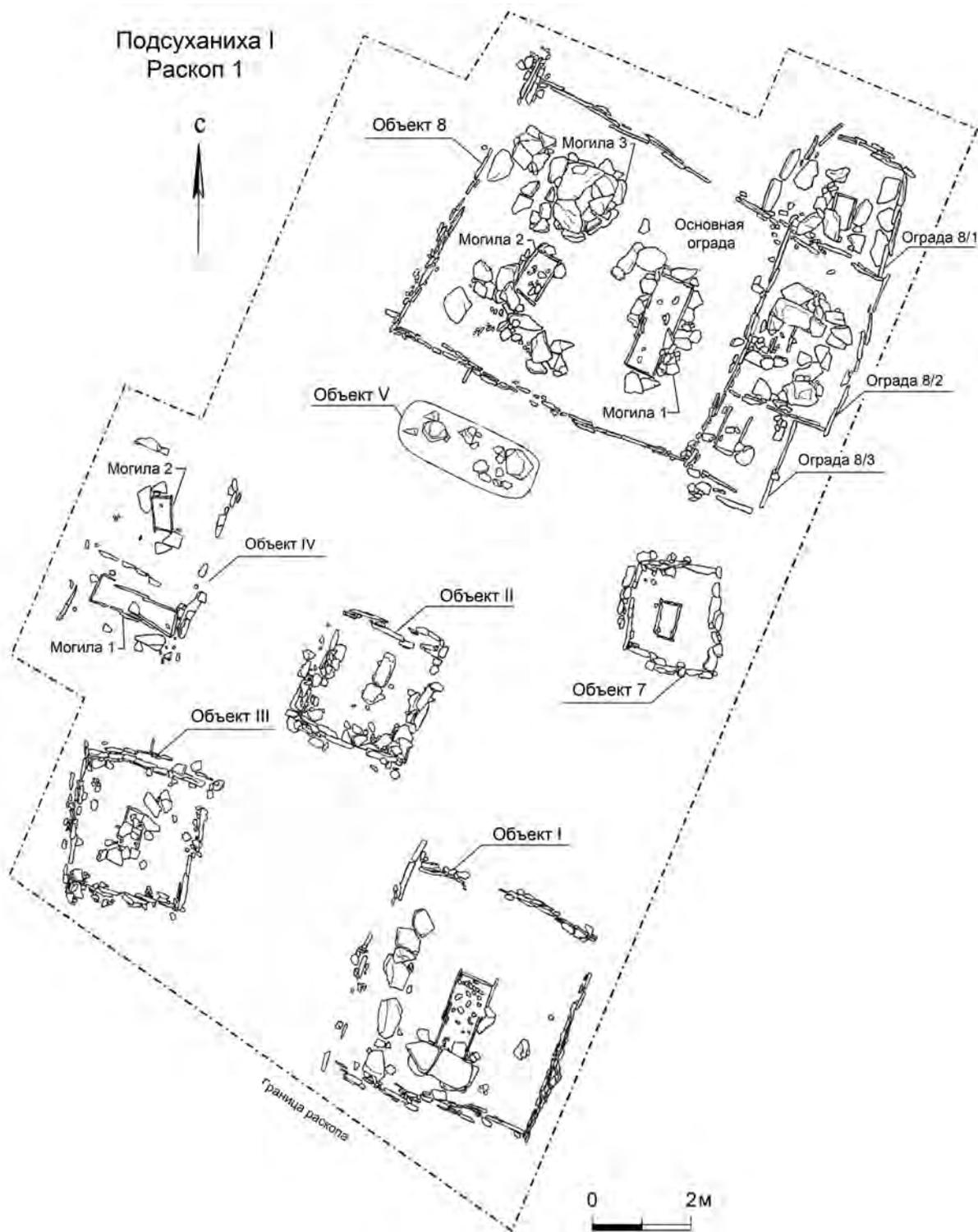

Рис. 95. Подсуханица I. Раскоп 1. Общий план

погребений от энеолита до эпохи средневековья. По существу, эти группы являются самостоятельными могильниками. Границы части из них определить трудно, так как многие погребальные сооружения не имеют внешних признаков.

Группа карасукских погребений на предгорной юго-западной оконечности урочища получила название Подсуханиха I. В 150 м к северо-востоку от него располагается большой разновременный могильник, названный Подсуханиха II. Он состоит из двух групп каменоложских погребений, тагарских курганов (основной массив) и тесинских могил. Погребения каменоложского типа располагаются на западной окраине могильника. Материалы этих раскопок опубликованы [Parzinger et al., 2009]. (В данной публикации нумерация комплексов была изменена. В монографии приводятся материалы отчётов, и вся нумерация объектов соответствует им. — А. П.)

Могильник Подсуханиха I расположен на 10–12-метровой надпойменной террасе правого берега р. Енисей, которая с юга — юго-запада примыкает к подножию северо-западных склонов горы Суханиха. Могильник протянулся с северо-востока на северо-запад на 250–280 м, а с юго-востока на северо-запад — примерно на 60–80 м. К юго-западу от могильника начинается безымянный лог. Значительная часть памятника уничтожена в результате размыва края террасы Красноярским водохранилищем.

Общее количество его погребальных сооружений в могильнике не установлено, так как почти все они полностью задернованы. В 1955 г. М. П. Грязнов раскопал здесь три полуразрушенных погребальных ящика, располагавшихся на обваливающемся краю террасы. При обследовании могильника в 1970–1980-х гг. под обрывом террасы были найдены пять керамических сосудов (часть в обломках), бронзовая двухдужная «пряжка колесничего», нож и два колечка, происходящие из разрушенных погребений. В 2000 г. совместная экспедиция Хакасского государственного университета, Германского археологического института и Минусинского краеведческого музея исследовала на памятнике 21 погребальное сооружение.

Речная терраса перекрыта плащом склоновых отложений — мелким щебнем, смешанным с красноватой пылеватой супесью, которые сверху покрыты современным гумусным слоем, сильно задерно-

ванным в кровле. На поверхности террасы нередко видны верхушки вертикально установленных плит песчаника — очевидные признаки каменных могильных оград, перекрытых землёй.

Двумя раскопами общей площадью примерно 720 м², была вскрыта часть могильника, где, по внешним признакам, несомненно, располагались древние захоронения предположительно карасукской культуры бронзового века Хакасско-Минусинской котловины. В результате было изучено несколько погребальных комплексов, которые получили наименование «объект» и следующую нумерацию: объекты 7, 8 (для тех, которые визуально были видны и нанесены на топографический план в 1998 г.) и объекты I–VIII, (для тех, которые были вновь выявлены в результате раскопок в 2000 г.).

Раскоп 1 (рис. 95)

Объект 7. Каменная ограда прямоугольной в плане формы из вертикально установленных на ребро тонких плиток красноцветного песчаника, вкопанных в землю примерно на одну треть своей высоты. Размеры ограды — 2 × 2 м. Ориентирована она по направлению ССВ–ЮЮЗ (рис. 96: 1, 2).

В центре площади ограды размещалась могила: земляная яма прямоугольной в плане формы. Вдоль её стенок в вертикальном положении на ребро были установлены тонкие плиты песчаника, образующие каменный ящик. Размеры этого ящика 0,8 × 0,45 м и глубина до 0,35 м. Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Каменного перекрытия могилы не сохранилось.

В заполнении могилы в переотложенном состоянии были найдены часть костных останков костяка младенца — фрагменты черепа и костей ног. Сопроводительный инвентарь представлен фрагментом колечка из бронзовой проволоки и мелкими фрагментами гладкостенной керамики.

Объект 8. Данный объект представляет собой погребальный комплекс, состоящий из большой ограды, которую мы называем основной оградой и трёх оград меньших размеров, пристроенных к основной с юго-восточной стороны. Пристроенные ограды получили последовательную нумерацию — 8/1, 8/2, 8/3. Отсчёт ведётся с северо-востока на юго-запад. В площади основной ограды располагалось три могилы и по одной могиле в каждой из пристроенных оград (рис. 96: 3–6).

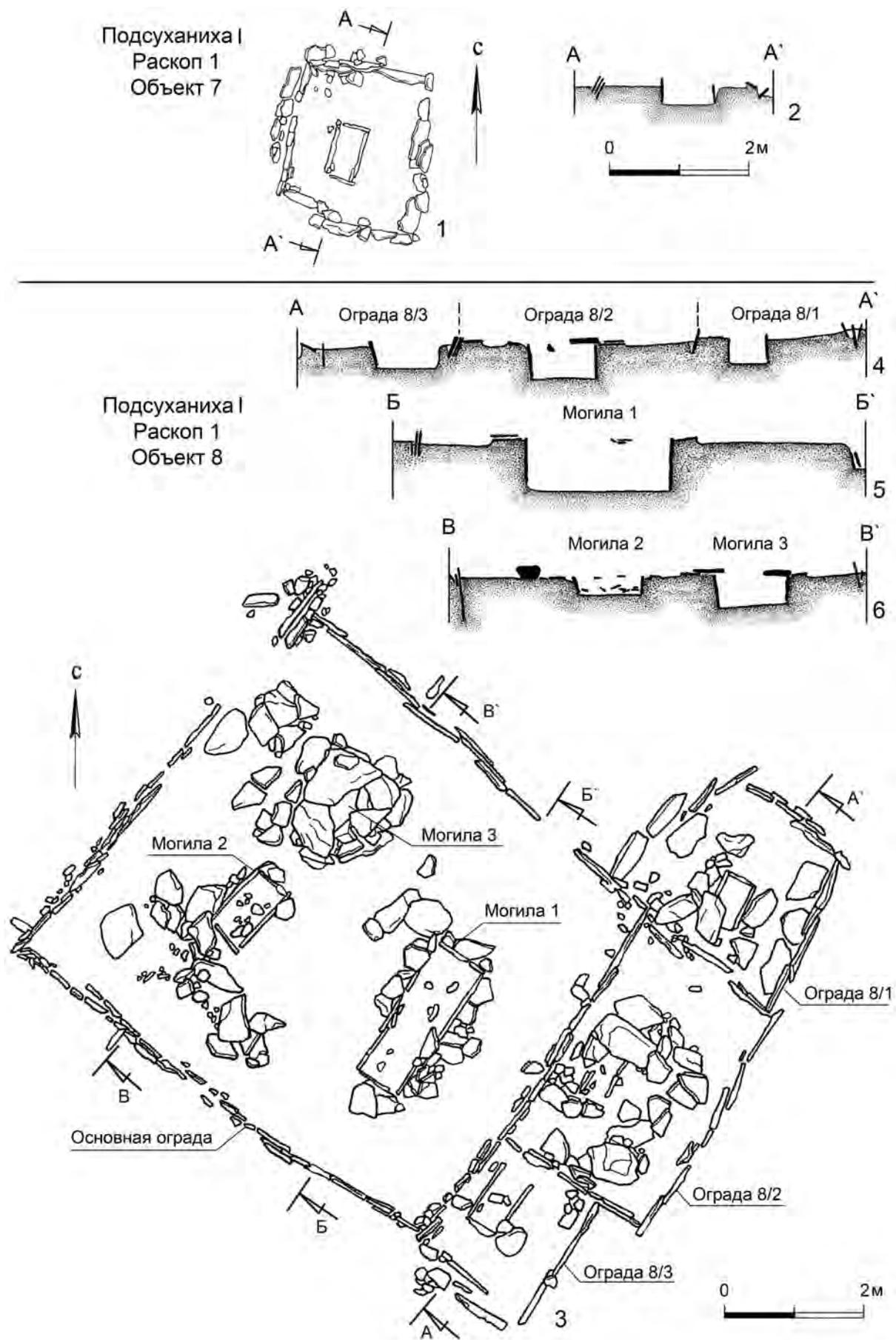

Рис. 96. Подсуханиха I. Раскоп 1. Чертежи (1, 3) объектов 7, 8 и их разрезы (2, 4-6)

Основная ограда 8. Каменная ограда имеет прямоугольную в плане форму и размеры 6 × 6 м. Она состоит из тонких плит песчаника, установленных на ребро и врытых в землю. Плитки плотно прилегали друг к другу, и нередко край одной плитки заходил за край последующей. Высота стенок ограды над древней поверхностью земли составляла 0,2–0,3 м. Ограда ориентирована по направлению СЗ–ЮВ. Северо-восточная и юго-западная стенки ограды с внешней стороны укреплены контрфорсами из плит песчаника (возможно, это не контрфорсы, а «указатели могилы». — А. П.).

Могила № 1. Расположена в средней части площади ограды с небольшим смещением к её юго-восточной стенке. В земляной яме прямоугольной в плане формы был устроен каменный ящик из вертикально установленных на ребро тонких плит песчаника (рис. 97: 1). Размеры ящика 1,92 × 0,75 м и глубина до 0,6 м. Могила первоначально перекрывалась плашмя уложенными плитами песчаника. К моменту раскопок (ещё в древности) могила была разграблена. В результате этого плиты перекрытия могилы были разбиты и разбросаны вокруг неё. Часть фрагментов плит перекрытия оказались в заполнении могилы.

На дне могилы в переотложенном состоянии были обнаружены останки посткраниального скелета взрослого человека, принадлежащие молодой женщине 20–22 лет: правая половина нижней челюсти, ключицы, длинные кости обеих рук, лопатки, рёбра. Большая часть была перемещена в северо-восточную часть могилы. По характеру расположения костных останков можно высказать предположение, что погребённая лежала на спине, головой на СВ, ближе к юго-восточной стенке могилы.

В заполнении могилы и на её дне было найдено 259 бус-пронизок, изготовленных из пастообразной твёрдой массы (рис. 97: 2–5). Диаметр этих бус от 5 до 8 мм. Большая их часть располагалась в области грудной клетки. Кроме того, найден небольшой фрагмент бронзового колечка (рис. 97: 6).

Могила № 2. Располагалась в 2,1 м к северо-западу от могилы № 1. В земляной яме прямоугольной в плане формы был устроен каменный ящик из вертикально установленных вдоль её стенок плит песчаника (рис. 97: 7). Размеры каменного ящика 0,98 × 0,55 м и глубина 0,3 м. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Первоначально могила перекрывалась плашмя уложенными плитами

песчаника. Но в результате разрушения могилы в древности это перекрытие было разбито и разобрано. Фрагменты плит перекрытия обнаружены в заполнении могилы и на поверхности земли по периметру каменного ящика.

В могиле был погребён младенец. Кости скелета сохранились фрагментарно и в переотложенном состоянии. Судить о первоначальном положении погребённого в могиле младенца оказалось невозможно. В заполнении могилы и на её дне найдены: бусы-пронизки цилиндрической формы из «пасты» (15 экз.); бусы из речной раковины (2 экз.); бусы из камня (3 экз.) цвета медного купороса (рис. 97: 8–19) и фрагменты бронзового провололочного колечка.

Могила № 3. Располагалась в 2 м к северо-западу от могилы № 1. В земляной могиле устроен каменный ящик прямоугольной в плане формы, ориентированный по направлению СВ–ЮЗ (рис. 97: 20). Размеры каменного ящика 1,1 × 0,55 м, глубина 0,45 м. Могила разграблена в древности.

Захоронен ребёнок в возрасте около 2 лет. Сохранились останки посткраниального костяка – большая берцовая кость правой ноги, ребра, часть позвонков, фрагменты нижней челюсти и крышки черепа. Все это обнаружено в переотложенном состоянии. Головой ребёнок, видимо, был ориентирован на СВ. Сопроводительных вещей не обнаружено.

Пристройка 8/1. Каменная ограда из установленных на ребро вертикально и врытых в землю тонких плит песчаника пристыкована к восточному углу основной ограды. Пристройка имеет трапециевидную в плане форму и размеры 1,4 × 1,1 м (рис. 96: 3–6).

В оgrade была размещена детская могила (рис. 97: 21). В земляной яме прямоугольной формы был устроен каменный ящик из плит песчаника, которые устанавливались вдоль стенок могилы в вертикальном положении. Ящик ориентирован по направлению СВ–ЮЗ. Размеры ящика 0,65 × 0,42 м, его глубина 0,35 м. Этот ящик был открыт плашмя уложенными плитами песчаника. К моменту раскопок это перекрытие было уже разрушено грабителями, и плиты лежали на поверхности земли вокруг могилы.

В заполнении могилы найдено несколько фрагментов костей ребёнка, вероятно, в возрасте до 1 года. Сопроводительных вещей не найдено.

Пристройка 8/2. Ограда имеет прямоугольную в плане форму, размеры которой $3,2 \times 2,5$ м. Из трех пристроек к основной ограде она сооружалась первой. Именно к ней пристраивалась с северо-восточной стороны ограда 8/1 и с юго-восточной стороны оградка 8/3 (рис. 96: 3–6).

В этой оградке также была размещена детская могила (рис. 97: 22). Она представляла собой каменный ящик прямоугольной в плане формы из плит песчаника, установленных вертикально вдоль стенок земляной ямы. Размеры каменного ящика $1,0 \times 0,45$ м и его глубина до 0,5 м. Могила ориентирована продольной осью по направлению СВ–ЮЗ. Сверху она первоначально перекрыта плашмя уложенными плитами песчаника. К моменту раскопок могила была уже разграблена и каменное перекрытие разобрано.

В могиле были обнаружены останки посткраниального костяка ребёнка в возрасте около 2 лет. Все костные останки найдены в заполнении могилы и в переотложенном состоянии. Непосредственно на дне могилы останков ребёнка не найдено, поэтому судить о его первоначальной позе невозможно.

В заполнении могилы найдены небольшие фрагменты керамического сосуда. Сосуд имел, видимо, шаровидное тулово и округлённое дно. Венчик сосуда слегка отогнут наружу.

Пристройка 8/3. Каменная ограда из вертикально установленных плит песчаника имела прямоугольную в плане форму и размеры $1,1 \times 0,9$ м. Ориентирована она по направлению СВ–ЮЗ (рис. 96: 3–6). В ограде была помещена детская могила (рис. 97: 28). В земляной яме устроен каменный ящик прямоугольной в плане формы из вертикально установленных плит песчаника. Размеры ящика $1,05 \times 0,5$ м и глубина 0,35 м. Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Могила разграблена в древности. Каменное перекрытие могилы не сохранилось. Северо-восточная стенка каменного ящика не сохранилась.

В могиле был захоронен ребёнок в возрасте до 1–1,5 лет. Он был положен у юго-восточной стенки каменного ящика в вытянутом положении, на спину, головой, вероятно, на СВ. Справа от него был положен бронзовый однолезвийный нож дугообразной формы (рис. 97: 23). Рукоятка ножа завершается кольцевидным навершием. Общая длина ножа 18,3 см, а длина рукоятки 8 см. Рядом с ножом к юго-западу от него находились фрагменты рёбер телёнка.

В заполнении могилы были найдены следующие предметы:

1. Бронзовые трубочки-пронизки (4 экз.) цилиндрической формы. Длина их от 0,8 до 1,3 см, а диаметр до 0,4 см (рис. 97: 24–26);
2. Фрагменты бронзового проволочного кольца (2 экз.), диаметр которого около 1,5 см (рис. 97: 27);
3. Бусы-пронизки из «пасты» (3 экз.) цилиндрической формы и фрагмент керамического сосуда без орнамента.

Объект I. Расположен в 7,5 м к юго-западу от объекта 7. Каменная ограда прямоугольной в плане формы из вертикально установленных и врытых в землю тонких плит песчаника. Размеры ограды $5 \times 4,8$ м, ориентирована она по направлению СЗ–ЮВ.

В центре площади ограды находилась земляная могила прямоугольной в плане формы, в которой был устроен каменный ящик из тонких плит песчаника (рис. 98: 1, 2). Размеры этого ящика $1,9 \times 0,8$ м и глубина 0,75 м. Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ, параллельно стенкам ограды. Первоначально каменный ящик перекрывался плашмя уложенными плитами песчаника. К моменту раскопок это перекрытие было разрушено, а захоронение разграблено. В заполнении каменного ящика были найдены мелкие плитки песчаника — фрагменты его перекрытия. В юго-восточном углу ящика обнаружена лопатка и два ребра овцы.

На дне могилы в положении *in situ* обнаружена часть костных останков взрослого человека: кости обоих ног (рис. 98: 3). Кроме того, в перемещённом состоянии найдены: рёбра, позвонки, часть фаланг кистей рук. Костные останки принадлежат молодой женщине 16–18 лет. Погребённая, вероятно, была уложена у юго-восточной стенки каменного ящика на спину или, возможно, вполоборота на правом боку. Об этом, вероятно, свидетельствует развёрнутая стопа правой ноги. Головой умершая была ориентирована на СВ.

На дне могилы были найдены три бронзовых пластинчатых лапчатых подвески (рис. 98: 4–8). Они имеют вид высокой трапеции, в верхней части которой сквозное отверстие диаметром 2–4 мм. Боковые края подвески имеют по 6–8 зубцов, а в её основании три «лапки». Длина подвесок от 4,0 до 4,8 см, ширина в основании — 1,6–1,7 см. Ещё одна подобная подвеска найдена в заполнении могилы.

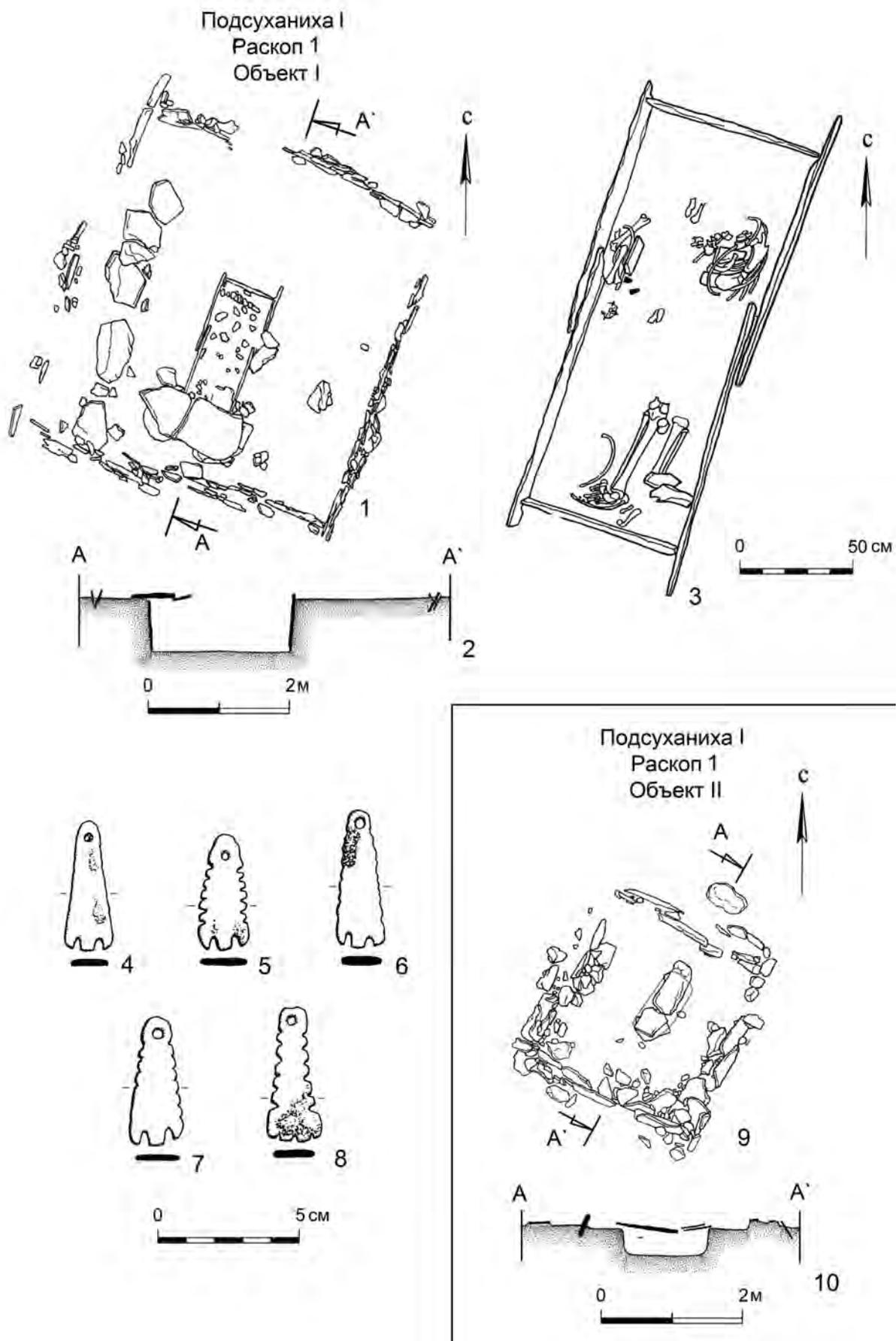

Рис. 98. Подсуханица I. Раскоп 1. Чертежи (1, 9) и разрезы (2, 10) объектов I, II, чертёж могилы из объекта I и лапчатые привески из неё (медь (бронза?))

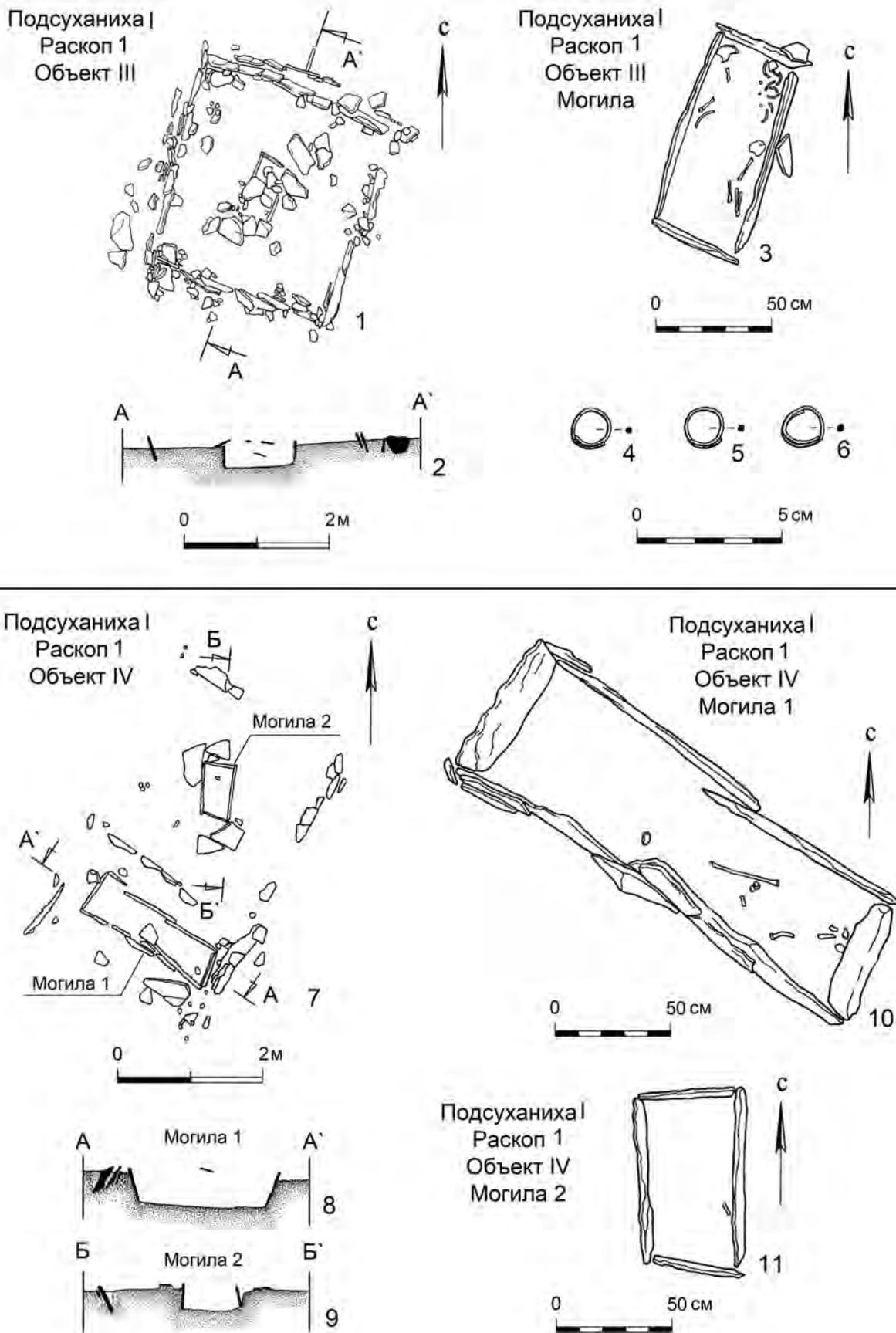

Рис. 99. Подсуханиха I. Раскоп 1. Чертежи (1, 7) и разрезы (2, 8, 9) объектов III, IV, чертежи могил из них (3, 10, 11) и артефакты из могилы объекта III (4–6 – медь (бронза?))

Объект II. Ограда прямоугольной в плане формы из вертикально установленных и врытых в землю на $1/3$ – $2/3$ своей высоты плит песчаника. Размеры ограды $2,5 \times 2,5$ м. Ориентирована она по направлению СЗ–ЮВ. Расположена в 1,5 м к северу от объекта I (рис. 98: 9, 10).

В центральной части площади ограды была выявлена земляная яма — могила овальной в плане формы. Её размеры $1,25 \times 1,25$ м и глубина 0,35 м от уровня древней поверхности. Яма ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Вдоль северо-западной стенки ямы сохранился фрагмент вертикально установленной плитки песчаника. Вероятно, это часть стенки каменного ящика.

В заполнении могилы найдено копыто и фрагмент кости ноги животного, возможно, коровы. Останков человека не обнаружено. Сверху эта яма частично была перекрыта плашмя уложенными плитками песчаника.

Объект III. Ограда прямоугольной в плане формы из тонких плит песчаника, врытых в землю на $1/2$ своей высоты и установленных вертикально. Размеры ограды 3×3 м. Ориентирована она по направлению СЗ–ЮВ. Расположена в 4 м к северо-западу от объекта I (рис. 99: 1, 2).

В центре площади ограды располагалась могила: земляная яма прямоугольной в плане формы, вдоль стенок которой вертикально установлены тонкие плиты песчаника, образующие каменный ящик (рис. 99: 3). Размеры ящика — $0,9 \times 0,45$ м и глубина до 0,3 м. Он ориентирован по направлению СВ–ЮЗ. Плиты песчаника, перекрывавшие могилу, были разбиты и разбросаны в ходе разгребания могилы в древности.

В заполнении могилы и на её дне в переотложенном состоянии были обнаружены разрозненные останки костяка, принадлежащего ребёнку. Определить первоначальное положение погребённого в могиле человека невозможно. На дне могилы найдены: бронзовые проволочные колечки в 1–1,5 оборота (3 экз.) диаметром 1,2 – 1,3 см (рис. 99: 4–6) и фрагмент керамического сосуда шаровидной формы. Венчик слегка отогнут наружу, шейка прямая, короткая, отделена от тулова небольшим уступом. Диаметр венчика — 16 см.

Объект IV. Каменная ограда из плит песчаника, врытых в вертикальном положении, сохрани-

лась лишь частично. Она расположена в 3 м к северо-востоку от объекта III (рис. 99: 7–9). Размеры ограды были примерно $4,2 \times 2,8$ м. Она ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Внутри эта ограда разделялась стенкой из плит песчаника, которая сохранилась фрагментами. В каждой секции располагалась по одной могиле.

Могила № 1. Размещалась в первой секции (юго-западной) размерами $2,8 \times 1,6$ м. В грунтовой яме из вертикально установленных вдоль её стенок плит песчаника был создан довольно длинный и узкий каменный ящик прямоугольной в плане формы (рис. 99: 10). Его размеры $2 \times 0,6$ м и глубина до 0,45 м. Продольной осью могила ориентирована СЗ–ЮВ. Надмогильная кладка отсутствует.

На дне могилы в переотложенном состоянии найдены немногочисленные костные останки взрослого человека: малая берцовая кость, фрагмент плечевой кости и фрагменты рёбер. Определить первоначальное положение погребённого невозможно. Сопроводительных вещей не найдено.

Могила № 2. Располагалась во второй секции ограды в 1,5 м к северо-востоку от могилы № 1. Она представляла собой каменный ящик из установленных вертикально вдоль стенок земляной ямы тонких плит песчаника (рис. 99: 11). Ящик имел прямоугольную в плане форму. Размеры ящика $0,75 \times 0,45$ м, глубина от уровня древней поверхности до 0,4 м. Ориентирован он по направлению С–Ю. На дне могилы найдена лишь фаланга стопы.

Объект V. Расположен в 2 м от юго-западной части основной ограды 2 объекта 8. Он представляет собой кладку неправильной овальной в плане формы из бессистемно лежащих плиток песчаника. Размеры кладки примерно 2×1 м. После снятия верхнего слоя кладки, состоящей преимущественно из мелких плиток песчаника и речной гальки, ниже были обнаружены плоско лежащие разноформатные плитки песчаника. Глубина их залегания от уровня древней поверхности от 0,05 до 0,35 м.

Раскоп 2 (рис. 100)

Объект VI. Представляет собой большую каменную ограду прямоугольной в плане формы, построенную из вертикально установленных тонких плит песчаника, врытых на $1/2$ – $1/3$ своей вы-

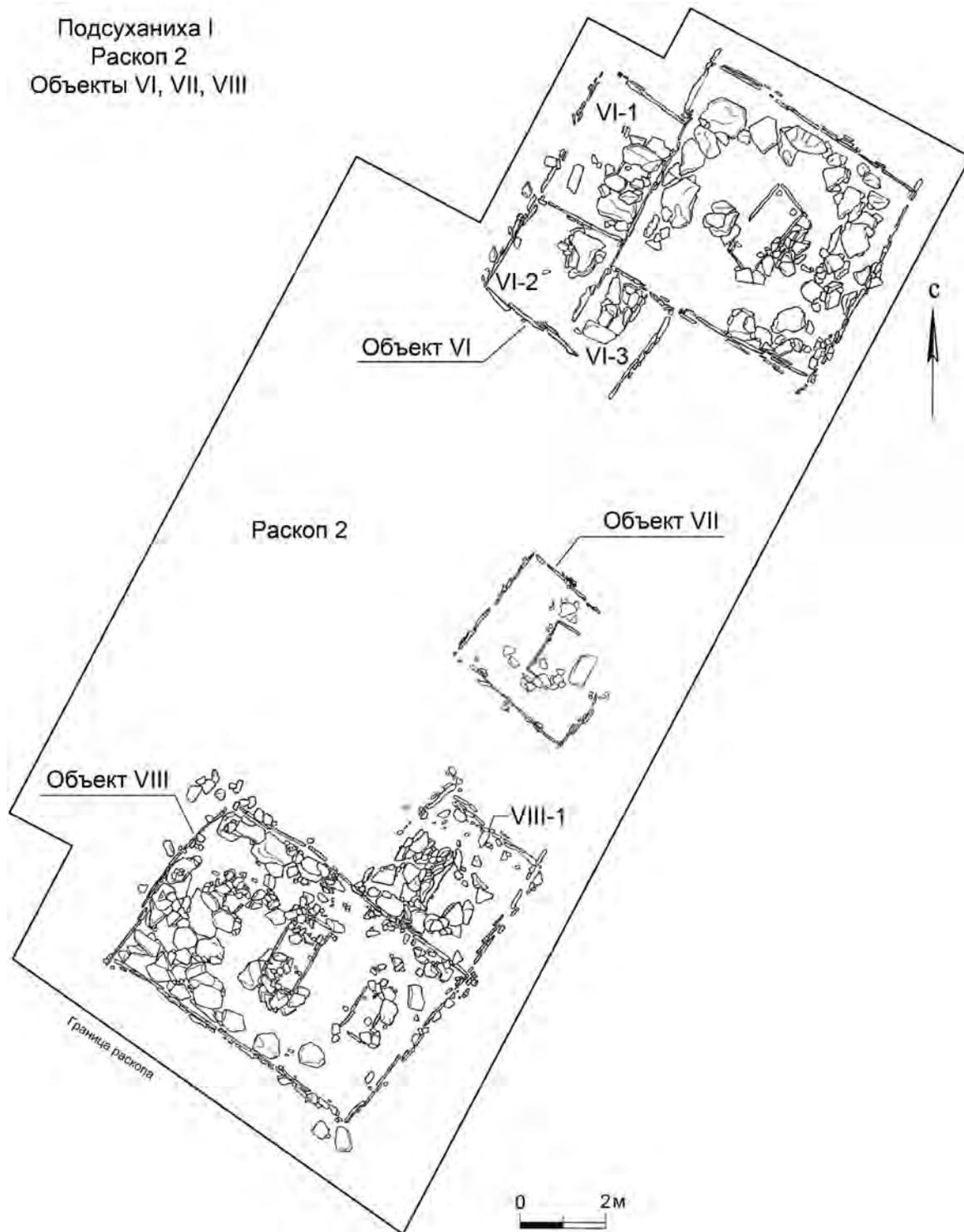

Рис. 100. Подсуханиха I. Раскоп 2. Общий план

соты в землю. Размеры этой основной ограды $5,6 \times 5,6$ м. Ориентирован она по направлению ЮЗ–СВ (рис. 101).

К этой основной ограде, к её северо-западной и юго-западной стенкам с внешней стороны были пристроены три оградки меньших размеров. Они строились последовательно с северо-запада на юго-

запад. Именно в такой последовательности они получили обозначения — пристройки VI/1, VI/2, VI/3.

Основная ограда. В центральной части площади ограды была размещена могила. В земляной яме прямоугольной в плане формы вдоль её стенок вертикально установлены плиты песчаника,

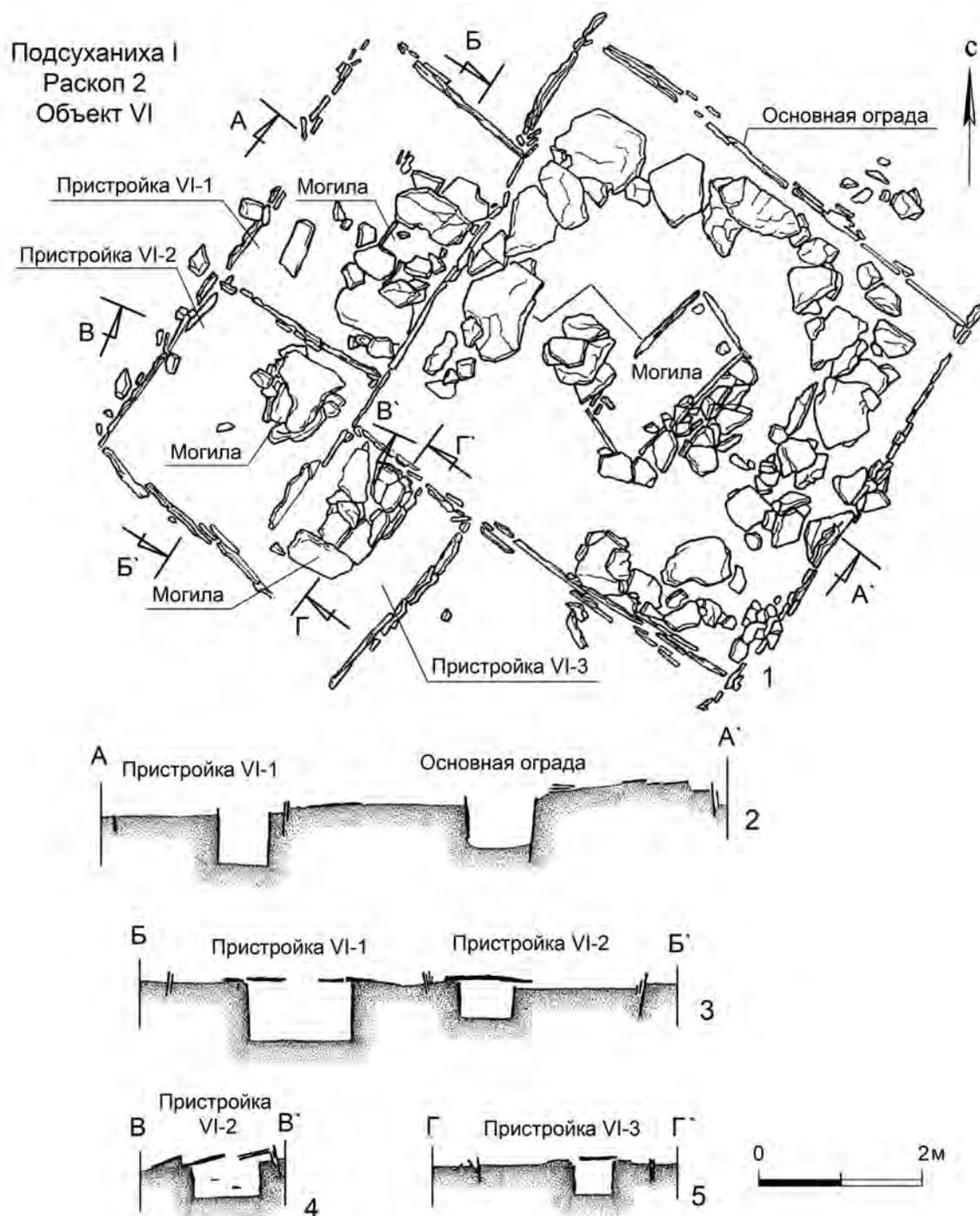

Рис. 101. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертеж (1) и разрезы (2–5) объекта VI

образующие каменный ящик (рис. 102: 1). Размеры ящика – 2,1 × 0,9 м и глубина 0,56 м. Он ориентирован по направлению СВ–ЮЗ. На момент раскопок каменное перекрытие над могилой отсутствовало, но в ограде находилось большое количество плит песчаника. Они располагались преимущественно ближе к стенкам ограды. Вероятно, первоначально эти плиты перекрывали и могилу, и территорию, непосредственно к ней прилегающую.

Могила была разграблена в древности. В заполнении каменного ящика в переотложенном состоянии обнаружены останки посткраниального костяка взрослого человека, а также кости от двух особей овец – правая лопатка, кости двух ног, два альчика. В заполнении могилы встречены остатки бронзовых накладок на пояс (?), фрагменты украшений из бронзы и «пастовые» бусы-пронизки цилиндрической формы.

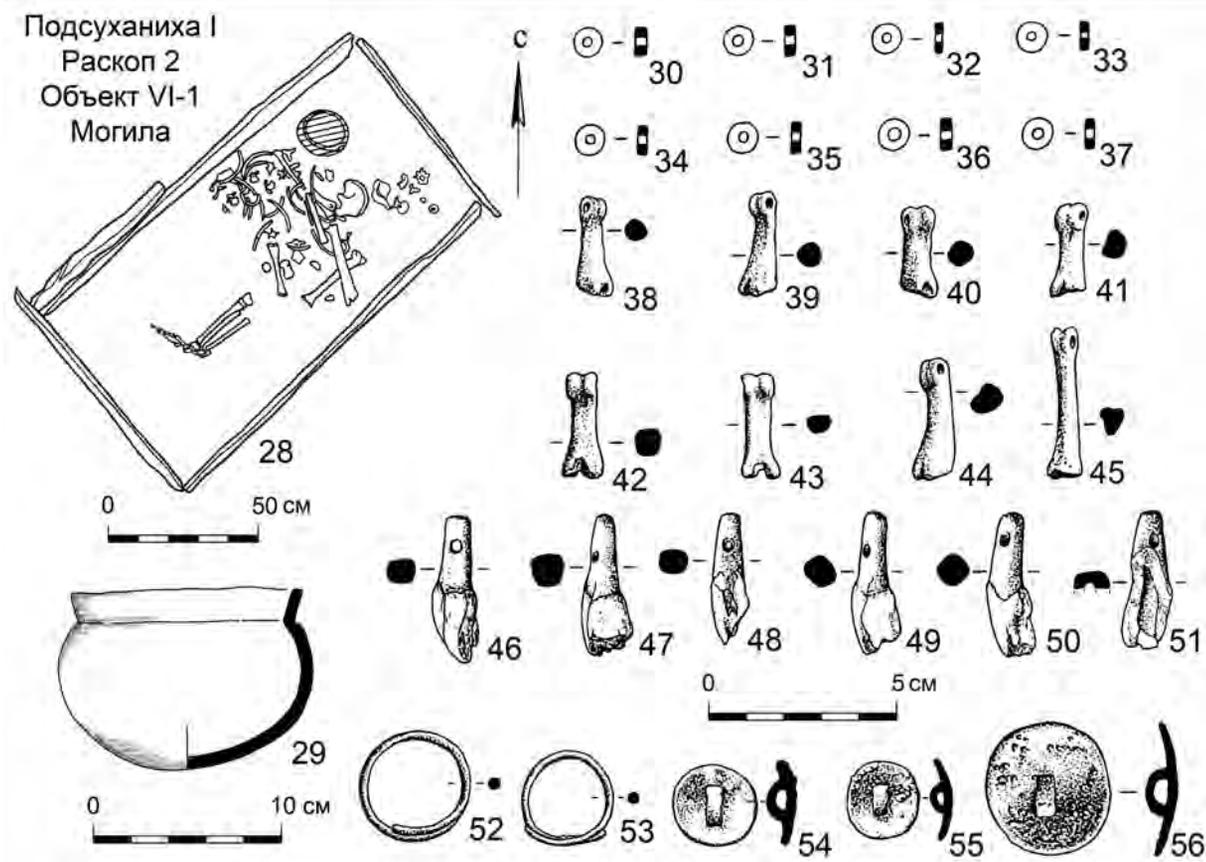
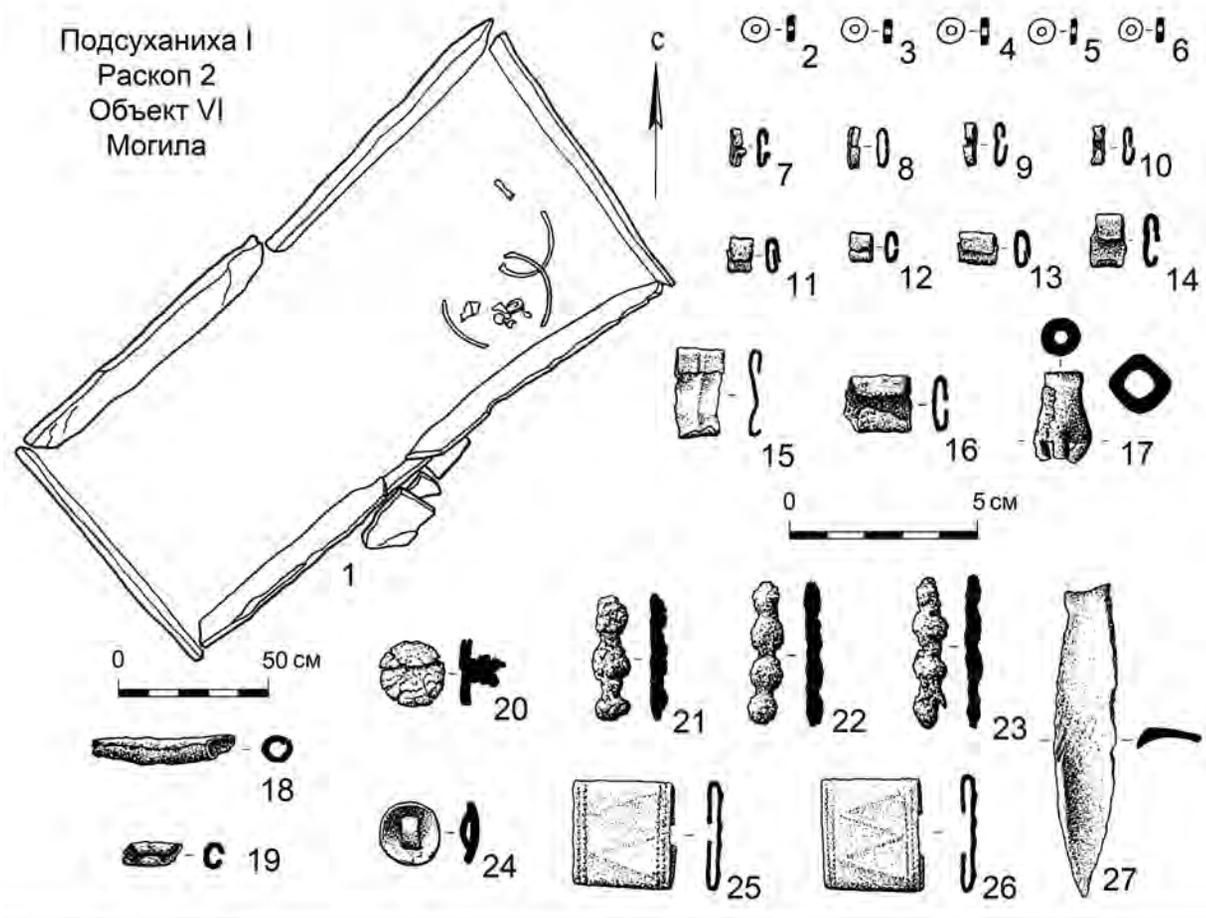

Рис. 102. Подсуханица I. Раскоп 2. Чертежи могил (1, 28) из объектов VI, VI/1 и артефакты из них (7-26, 52-56 – медь (бронза?); 29 – керамика; 2-6, 30-37 – аргиллит; 27, 38-51 – кость, зуб)

Непосредственно на дне могилы лежали разрозненно три ребра, позвонок, фаланга и кости стопы человека. Совокупный анализ костных останков как из заполнения могилы, так и с её дна позволил установить, что костяк принадлежит женщине примерно 25 лет.

В могиле найдены предметы из бронзы, которые были частью погребальной одежды, возможно, поясного набора:

1. Две довольно широкие обоймы прямоугольной в плане формы (рис. 102: 25, 26). Размеры каждой 2,8 × 2,4 см. Толщина обойм до 2,5 см, а толщина бронзового листа, из которого они изготовлены 0,6–0,7 мм. Обе обоймы методом чеканки изнутри были украшены по обоим длинным краям параллельными рядами точечных выпуклин. Между ними в той же технике была выбита ломаная зигзагообразная линия, напоминающая букву «М» русского алфавита.

2. Набор небольших узких бронзовых обоймочек прямоугольной в плане формы. Размеры большинства обоймочек 9 × 3 мм. Общее их количество 36 экз. (рис. 102: 7–16);

3. Фигурные бронзовые накладки (3 экз.), длиной от 3,2 до 3,8 см (рис. 102: 21–23);

4. Подвеска цилиндрической формы с четырьмя «лапками» на конце (рис. 102: 17). Общая длина подвески 2,3 см;

5. Бронзовая пуговица со шпеньком диаметром 1,6 см (рис. 102: 20);

6. Бронзовая пуговица полусферической формы диаметром 1,5 см с дугообразной петелькой (рис. 102: 24);

7. Бронзовая полая трубочка цилиндрической формы, изготовленная путём свёртывания небольшого металлического листа. Её длина 3,7 см, внешний диаметр до 0,5 см, диаметр отверстия до 0,4 см (рис. 102: 18–19).

Кроме этого, на дне могилы и в её заполнении найдено: а) более 300 перламутровых кружочков диаметром 5–7 мм со сквозным отверстием в центре диаметром до 2–3 мм (рис. 102: 2–6); б) мелкие фрагменты гладкостенной керамики. (На рисунке в статье, опубликованной в Германии, присутствует ещё осколок кости с заполированным краем (рис. 102: 27). — А. П.)

Пристройка VI/1. Ограда из плит песчаника пристроена к основной ограде с северо-западной стороны. Она имеет подпрямоугольную в плане

форму и размеры 3 × 2,3 м (рис. 101). Могила, размещённая в пристройке, располагалась ближе к стенке основной ограды. Каменный ящик, сооружённый в грунтовой яме, имел прямоугольную в плане форму (рис. 102: 28). Размеры ящика 1,4 × 0,7 м, глубина его 0,55 м.

Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Она подверглась разграблению в древности. Её каменное перекрытие разрушено. Костные останки человека за исключением малой, большой берцовой и костей стопы правой ноги находились в переотложенном состоянии.

В могиле был захоронен ребёнок в возрасте 7–8 лет. Он был уложен, видимо, на спину в вытянутом положении ближе к юго-восточной стенке каменного ящика. Справа от головы в северо-западном углу могилы был установлен керамический сосуд. Справа от ребёнка у его ног лежала правая лопатка и кости ноги овцы.

После снятия костных останков ребёнка в области шеи и головы были обнаружены остатки украшения, состоящего из клыков и фаланг (?) какого-то животного, и «пастовые» бусы-пронизки. Кроме того, при зачистке дна могилы было найдено несколько предметов из бронзы.

Ниже мы приводим описание сопроводительного инвентаря, обнаруженного в данной могиле:

1). Сосуд керамический (рис. 102: 29). Тулово шаровидной формы, шейка прямая, венчик слегка отогнут наружу. Шейка отделена от тулова сосуда небольшим плечиком.

2). Украшения:

а) перламутровые кружочки (40 экз.) диаметром 5–7 мм со сквозным отверстием в центре диаметром до 2–3 мм (рис. 102: 30–37);

б) подвески из фаланг (?) животного (24 экз.). На одном конце каждой подвески имеется сквозное отверстие диаметром до 2 мм (рис. 102: 38–45);

в) подвески из зубов животного (7 экз.). В основании корня зуба просверлено по одному сквозному биконическому отверстию диаметром 3–3,5 мм (рис. 102: 46–51).

3). Изделия из бронзы представлены следующими предметами:

а) два бронзовых проволочных кольца в один виток диаметром 3 и 2,5 см (рис. 102: 52–53);

б) пуговицы полусферической формы с дугообразной петелькой с внутренней стороны для прикрепления к одежде (3 экз.). Диаметр од-

ной пуговицы 3,4 см, диаметр двух других 2,1 см (рис. 102: 54–56).

Пристройка VI/2. Каменная ограда прямоугольной в плане формы построена из вертикально установленных плит песчаника. Её размеры 2,7 × 2,3 м (рис. 101). В этой пристройке имеется захоронение. Могила представляет собой каменный ящик прямоугольной в плане формы, устроенный из установленных вертикально вдоль стенок земляной ямы тонких плит песчаника (рис. 103: 1). Этот ящик имеет размеры 0,77 × 0,45 м и глубину до 0,3 м. Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Первоначально она перекрывалась плашмя уложенными плитами песчаника. К моменту раскопок это перекрытие было частично уничтожено, а могила разграблена в древности.

В каменном ящике было погребено два ребёнка в возрасте до 1 года. Оба были уложены на спину в вытянутом положении, головой на северо-восток. В заполнении могилы найдены бусы-пронизки цилиндрической формы из «пасты» (6 экз.). Диаметр бус 0,4 см, диаметр отверстий до 1,5 мм (рис. 103: 2–6).

Пристройка VI/3. Оградка подпрямоугольной в плане формы из плит песчаника примыкает к юго-западной стенке основной ограды к её западному углу. Размеры этой пристроенной ограды 1,3 × 1,0 м (рис. 101).

В площади ограды была устроена могила. В земляной яме вдоль её стенок были установлены в вертикальном положении тонкие плиты песчаника, которые образовали каменный ящик прямоугольной в плане формы (рис. 103: 7, 8). Размеры ящика 1,0 × 0,5 м, а глубина его до 0,4 м. Сверху могила перекрывалась плашмя уложенными плитами песчаника.

В могиле был захоронен ребёнок в возрасте 4–5 лет. Он покоился в положении лёжа на спине ближе к восточной стенке могилы, головой на СВ. Левая рука была согнута в локте и её кисть лежала в области лобка. Ноги были немного подогнуты. Лицевой частью череп обращён на запад.

Справа от головы погребённого, в северо-западном углу могилы, был поставлен керамический сосуд шаровидной формы, круглодонный (рис. 103: 15). Венчик сосуда слегка отогнут наружу и плавно переходит в шейку, которая так же плавно переходит в округлое тулово. По шейке сосуда нанесён орнамент в виде пояса из округлых

в плане вдавлений. В области головы были найдены «пастовые» бусы-пронизки цилиндрической формы (53 экз.) (рис. 103: 9–14). Справа от туловища ребёнка были обнаружены кости овцы: часть грудины — сохранилось 6 рёбер, лопатка и кости ноги овцы. Вероятно, это останки кусков заупокойной пищи для погребённого человека.

Объект VII. Ограда прямоугольной в плане формы из установленных вертикально плит песчаника, располагалась в 5 м к юго-западу от объекта VI. Размеры ограды 3,5 × 3,2 м, ориентирована она по направлению СЗ–ЮВ. Юго-восточный угол ограды не сохранился (рис. 103: 16, 17).

В центре площади ограды размещалась могила. В земляной яме прямоугольной в плане формы вдоль её стенок были установлены плиты песчаника, образующие каменный ящик (рис. 103: 18). Размеры ящика 1,5 × 0,65 м и глубина 0,55 м. Ящик ориентирован по направлению СВ–ЮЗ. Могила разрушена в древности. В результате было уничтожено перекрытие могилы из плит песчаника и большая часть юго-восточной стенки каменного ящика. В верхней части заполнения могилы встречены древесные угольки и два фрагмента таштыкской керамики. Это, вероятно, указывает на время разрушения данной могилы.

На дне могилы в переотложенном состоянии разрозненно лежали костные останки ребёнка в возрасте 1,5–2 лет. Головой, возможно, он был ориентирован на СВ. В заполнении могилы были найдены три бронзовые трубочки-пронизки цилиндрической формы длиной до 1 см (рис. 103: 19–20) и два бронзовых проволочных кольца. Одно целое, диаметром 1,8 см, а второе во фрагментах (рис. 103: 21).

Объект VIII. Представлял собой большую каменную ограду подпрямоугольной в плане формы, построенную из вертикально установленных тонких плит песчаника (рис. 104). Эти плиты врыты в землю на 1/2–1/3 часть своей высоты. Размеры ограды 7,2 × 5 м. Ориентирована она по направлению СЗ–ЮВ. К этой основной ограде к её северо-восточной стенке была пристроена ограда меньших размеров — 3,4 × 3,2 м, получившая обозначение VIII/1.

Основная ограда. В площади основной ограды располагалось 3 могилы.

Могила № 1. Находилась в центре площади ограды. В грунтовой яме был сооружён каменный

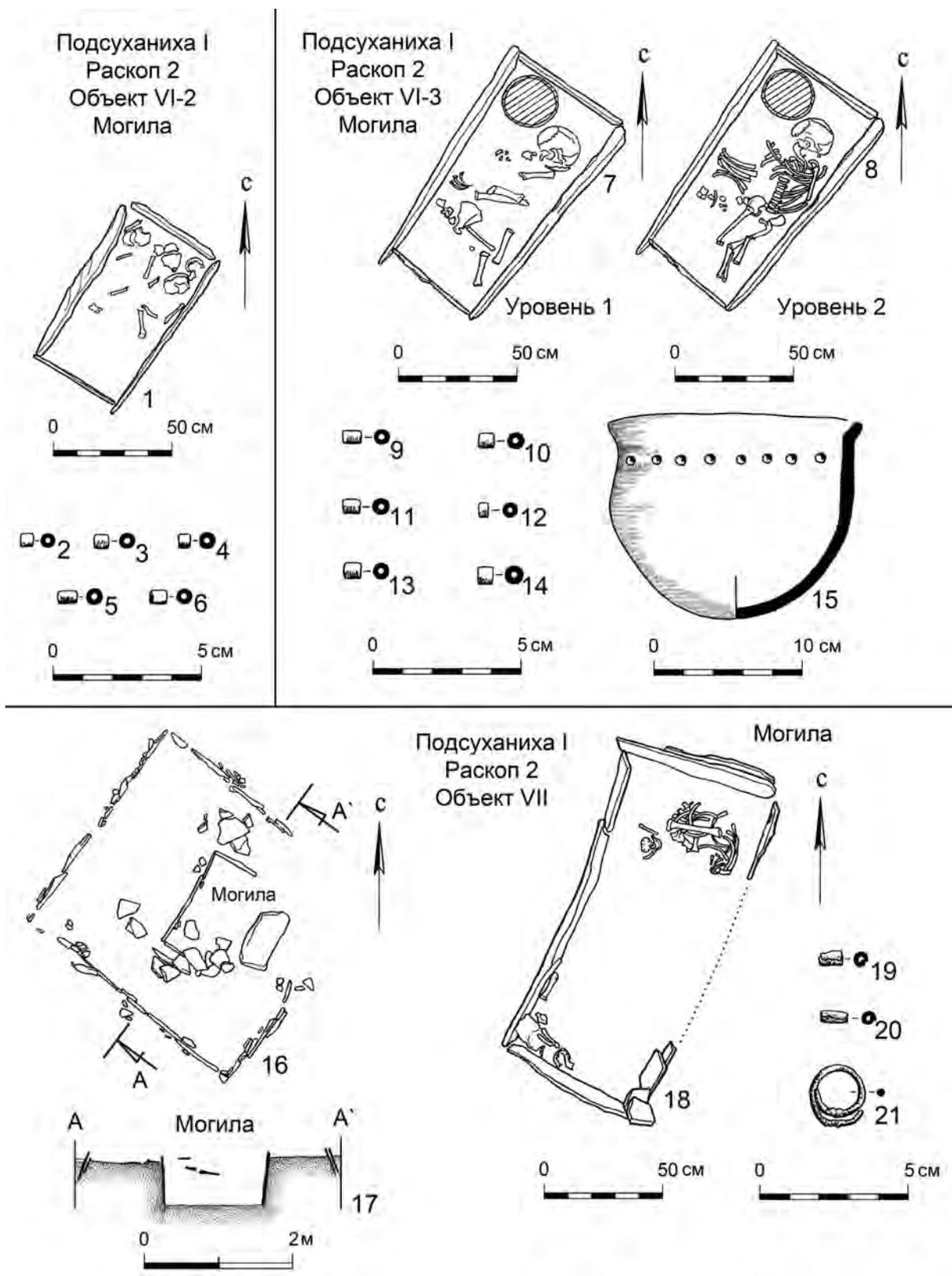

Рис. 103. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертеж (16) и разрезы (17) объекта VII, чертежи могил (1, 7, 8, 18) из объектов VI/1, VII и артефакты из них (19–21 – медь (бронза?); 15 – керамика; 2–6, 9–14 – аргиллит)

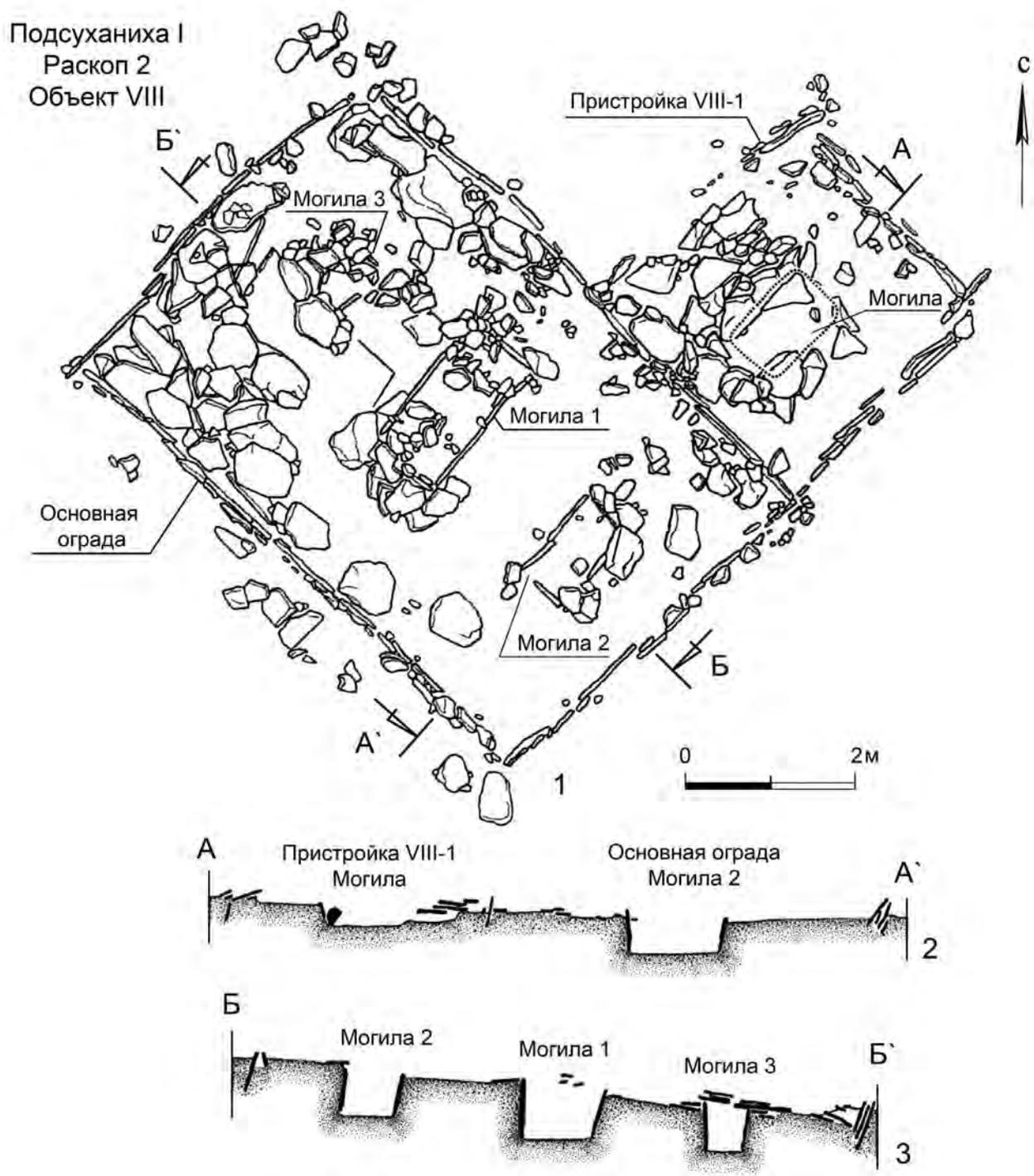

Рис. 104. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) объекта VIII

ящик прямоугольной в плане формы, из вертикально установленных вдоль её стенок, плит песчаника (рис. 105: 1). Верхние края этих плит предварительно были выровнены методом оббивки. Ориентирован ящик по направлению СВ–ЮЗ. Размеры ящика 1,85 × 0,9 м, а глубина его до 0,5 м. Сверху могила перекрывалась первоначально плитами песчаника, уложенными плашмя.

Ко времени раскопок могила была разграблена. В результате перекрытие могилы оказалось разрушенным, как и само захоронение. В верхней части заполнения могилы были найдены разрозненные костные останки взрослого человека — лицевая часть черепа, лопатка, позвонки.

На дне могилы в положении *in situ* лежали у западной стенки кости стоп обеих ног. Остальные костные останки оказались перемешаны и лежали на разном уровне. В могиле была захоронена женщина в возрасте 35–40 лет. Головой она лежала, видимо, в направлении на СВ. На дне могилы было обнаружено бронзовое проволочное кольцо диаметром 4,8 см. Проволока свёрнута в два витка (рис. 105: 2).

Мои́ла № 2. Расположена в 1,4 м к северо-западу от могилы № 1. Представляла собой каменный ящик прямоугольной в плане формы из вертикально установленных вдоль стенок грунтовой ямы плит песчаника (рис. 105: 3). Размеры ящика 1,1 × 0,55 м и глубина 0,4 м. Он ориентирован по направлению СВ–ЮЗ.

Мои́ла разграблена в древности. Каменное перекрытие могилы, состоявшее из плашмя уложенных плит песчаника, было раскидано, костные останки погребённого здесь человека были выброшены из могилы. В заполнении могилы обнаружены фрагменты крышки черепа и ребро, а также несколько фрагментов гладкостенной керамики, в том числе и фрагмент венчика сосуда. Непосредственно на дне могилы обнаружено ребро и фрагмент черепа. Судя по размерам и характеру костных останков, найденных в могиле, они принадлежат ребёнку примерно 3–4 лет.

Мои́ла № 3. Располагалась в 1 м к северо-западу от могилы № 1 (рис. 105: 4). Представляла собой каменный ящик прямоугольной в плане формы из вертикально установленных вдоль стенок грунтовой ямы плит песчаника. Размеры ящика 1,1 м × 0,55 м и глубина 0,4 м. Он ориентирован по направлению СВ–ЮЗ.

Мои́ла разграблена в древности. Сверху она перекрывалась плашмя уложенными плитами песчаника. В результате разграбления могилы это перекрытие над северо-восточной половиной каменного ящика было разобрано. В заполнении могилы были найдены отдельные кости от костяка ребёнка и фрагменты от керамического сосуда, орнаментированного прочерченными линиями, образующими треугольник.

На дне могилы в переотложенном состоянии были обнаружены костные останки ребёнка в возрасте 4–6 лет. Судя по положению костей ног, погребённый лежал на спине, ближе к юго-западной стенке ящика, головой на СВ. Справа от тазовых костей человека лежали лопатка, кости ноги и часть грудины овцы — возможно, останки мясной заупокойной пищи, положенной в могилу.

Справа от головы ребёнка в северо-западном углу могилы был установлен керамический сосуд с округлым дном и шаровидным туловом (рис. 105: 5). Венчик слегка отогнут наружу и плавно переходит в шейку. Орнамент покрывает шейку сосуда и верхнюю половину тулова сосуда. Орнамент нанесён в технике прочерчивания палочкой с узким концом по ещё сырой глине. Шейка сосуда украшена пояском из полукруглых арочек. Ниже по тулову сосуда нанесён поясок из прочерченных линий, образующих орнамент в виде косой решётки. Ниже его нанесён орнамент в виде заштрихованных треугольников.

Пристройка VIII/1. В середине площади ограды пристройки размещалась одна могила. В земляной яме прямоугольной в плане формы был устроен каменный ящик из блоков песчаника (а не из тонких плит песчаника, как обычно для данного могильника). Размеры могилы 1,3 × 0,55 м и глубина до 0,3 м. Она ориентирована по направлению СВ–ЮЗ (рис. 105: 6). Мои́ла была разграблена в древности, и каменное перекрытие над ней было разобрано.

В могиле был погребён ребёнок в возрасте 2–3 лет. Он лежал вытянуто на спине, головой в направлении на СВ. Ребёнок был уложен ближе к юго-восточной стенке могилы. Справа от погребённого у его пояса была уложена поминальная пища — грудина овцы. Несколько выше, в заполнении могилы также лопатка и кости ноги овцы.

В могиле справа от головы ребёнка, в северо-западном углу могилы был установлен керамический сосуд с шаровидным туловом и округлым,

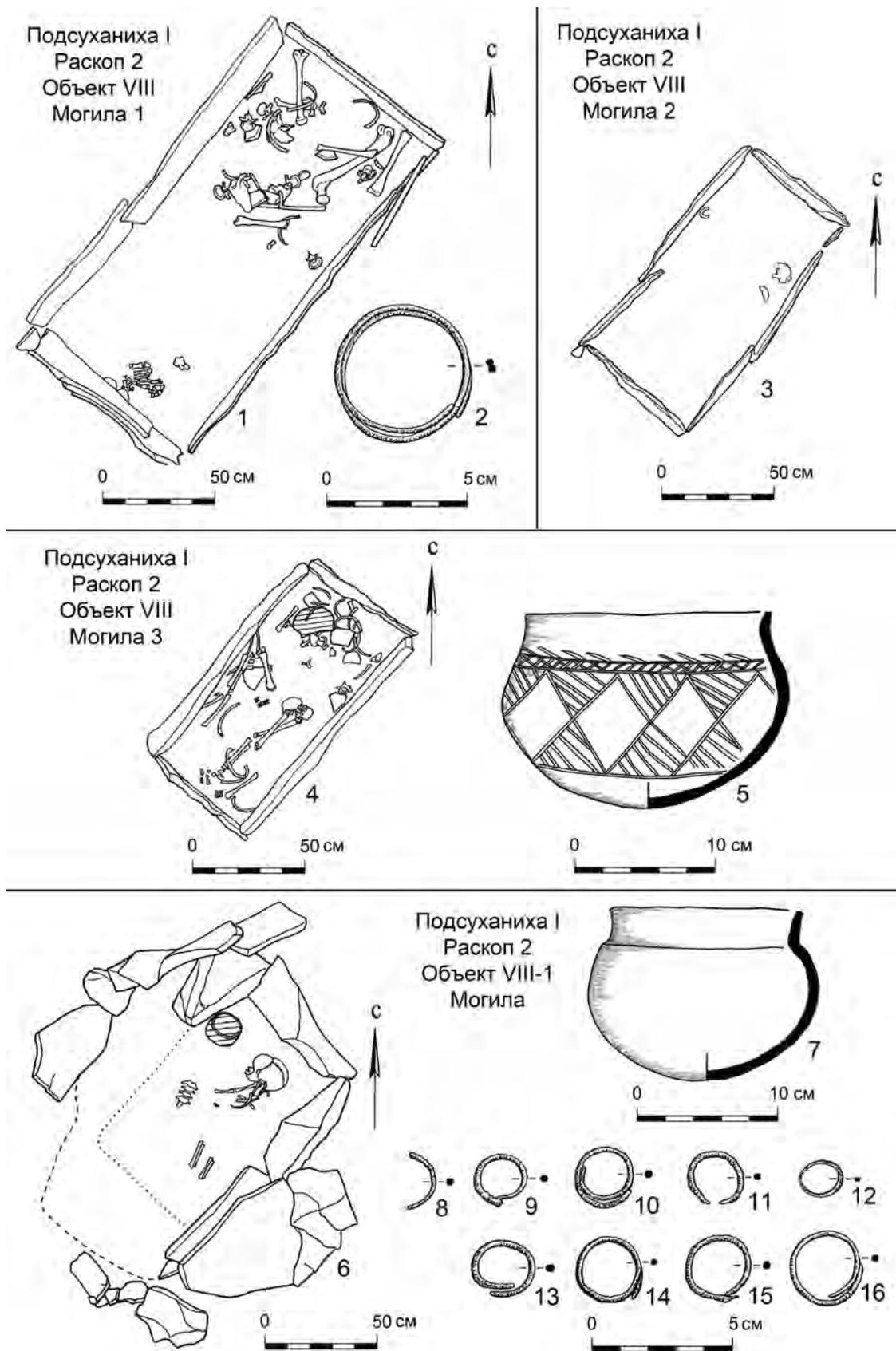

Рис. 105. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертежи могил (1, 3, 4, 6) из объектов VIII, VIII/1 и артефакты из них (2, 8–16 – медь (бронза?); 5, 7 – керамика)

слегка уплощённым дном (рис. 105: 7). Венчик прямой и довольно высокая шейка, которая отделена от тулова сосуда небольшим плечиком. У черепа в области левого и правого виска располагалось по четыре бронзовых колечка диаметром от 1,4 до 2,4 см, свёрнутых из проволоки в один виток (рис. 105: 8–16). Характер расположения колец свидетельствует о принадлежности их к головному убранству.

Таким образом, на могильнике Подсуханиха I в 2000 г. было изучено восемь больших оград и семь пристроек к ним, на территории которых располагалась в общей сложности 21 могила.

Конструкции погребальных сооружений однотипны: 1) каменные ограды из плит песчаника прямоугольные в плане, ориентированные по направлению СЗ–ЮВ; 2) нередко к основным оградкам пристраивались с внешней стороны дополнительные ограды (пристройки), чаще всего с ЮВ или ЮЗ; 3) сооружение в грунтовых ямах каменных ящиков из тонких плит песчаника прямоугольной в плане формы; 4) перекрытие могил плашмя уложенными плитами песчаника. Глубина могил от уровня древней поверхности составляет от 0,75 до 0,3 м.

По половозрастному составу погребённые могут быть разделены на две группы:

1) женщины от 16 до 40 лет — 4 человека, которые захоронены в могилах, размещённых в центре основных оград (объекты 8, I, VI, VIII);

2) дети в возрасте от 1 года до 7–8 лет — 17 человек, могилы которых размещены как в основных оградках, так и, главным образом, оградках-пристройках.

И женщины, и дети укладывались в положении лёжа на спину или вполоборота, чаще всего на правый бок, ближе к восточной стенке каменного ящика, головой на СВ. В исследованной части могильника Подсуханиха I нет мужских захоронений.

При женских погребениях обычны бронзовые колечки из проволоки в 1–1,5 витка, лапчатые подвески, «пастовые» бусы-пронизки цилиндрической формы, бронзовые пуговицы полусферической формы с дугообразной петелькой. Помещались в могилу и керамические сосуды. Об этом свидетельствуют находки отдельных фрагментов в могилах, подвергшихся ограблению. В ногах клали мясную заупокойную пищу — лопатку, ногу овцы.

Детям при погребении, как правило, справа от головы в северо-западном углу могилы ставился керамический сосуд с туловом шаровидной формы, с округлым или округло уплощённым дном. Сосуд либо не орнаментирован, либо украшен ямочным орнаментом.

Обычны также «пастовые» бусы и бронзовые проволочные колечки. Последние являются принадлежностью головного убранства. Лишь в одном случае при ребёнке найден бронзовый нож

с кольцевидным навершием на рукояти. Справа от ребёнка у пояса или в ногах клались куски мяса баранины — часть грудинки, лопатка, нога.

По совокупности признаков изученные погребальные комплексы относятся к карасукской культуре развитого бронзового века на территории Хакасско-Минусинской котловины.

По человеческим костям из ряда погребений могильника в Берлинской лаборатории были получены следующие радиоуглеродные даты [Görsdorf, 2002]:

Объект I мог. 1 — 3134±27 (1493–1318 гг. до н.э.);

Объект VI/3 мог. 1 — 3101±26 (1431–1311 гг. до н.э.);

Объект VIII мог. 1 — 3006±30 (1379–1130 гг. до н.э.);

Объект 8 мог. 1 — 2987±27 (1368–1125 гг. до н.э.);

Объект VIII мог. 3 — 2986±26 (1366–1125 гг. до н.э.).

(Подробнее эти даты и вопросы хронологии могильника будут разобраны в следующей главе. — А. П.)

12. ПОДСУХАНИХА II

Объект 4. У юго-западной оконечности урочища Подсуханиха, на террасе Потрошиловской протоки Енисея, в 16 км к ЮЗ от посёлка Николо-Петровка, в 1995–1997 гг. была вскрыта единым раскопом группа разновременных погребений (рис. 106; 111: 1). В ней насчитывалось 14 позднекарасукских могил без оград, которые располагались вперемешку с погребальными сооружениями тесинского этапа. Здесь же располагались погребальные сооружения афанасьевской культуры. Материалы этих раскопок опубликованы [Зубков, Наглер, Кайзер, 2002; Parzinger et al., 2009].

Могила № 1. Грунтовая могильная яма частично уничтожена в процессе разрушения борта речной террасы. Размеры сохранившейся могилы 1,75 × 1,5 м и глубина 0,7 м от уровня погребённой поверхности. Ориентирована могила по линии ВСВ–ЗЮЗ. Следов надмогильного перекрытия не обнаружено.

В могиле потревоженные захоронения двух взрослых мужчин, положенных вытянуто на спину, головой на ВСВ (рис. 107: 1). У северного скелета (мужчина 30–34 лет) правая плечевая кость смещена, костей предплечья этой руки нет. Дистальные концы бедренных костей обломаны. У южного скелета (мужчина 20–29 лет) от ног сохранились в первоначальном положении только правая бедренная кость. Левая бедренная, большая берцовая и кость предплечья правой руки сложены у головы погребённого.

У северного скелета на левой стороне груди лежали две бронзовые пластинчатые обоймочки. Ещё одна бронзовая пластинчатая обоймочка найдена под его черепом (рис. 107: 3–5). В заполнении могилы у её северо-восточного угла встречены мелкие фрагменты тулова неорнаментированного керамического сосуда. (В публикации к этой могиле отнесена ещё треугольная бляшка с пуансонным орнаментом (рис. 107: 6). — *А. П.*)

Могила № 2. Располагалась у края террасы в 2 м к северу от могилы № 1. Могила частично уничтожена в процессе разрушения края террасы. Могильная яма имеет ширину 1,0 м и глубину около 0,55 м от уровня погребённой почвы (рис. 107: 7). Перекрытие могилы отсутствует.

В могиле захоронена женщина 20–24 лет. В первоначальном положении сохранились берцо-

вые кости обеих ног и обломок одной бедренной. Судя по ним, погребённая была положена вытянуто на спину, головой на СВ. Справа от её ног находились остатки жертвенной пищи: две кости ног и ребро телёнка.

В заполнении могилы встречены обломки черепа и разрозненные костные останки младенца, свидетельствующие о том, что первоначально в могиле было двое погребённых — женщина и ребёнок. Там же найдены два фрагмента тулова неорнаментированного керамического сосуда.

Северо-восточную часть могилы № 2 прорезала более поздняя могила № 8 (рис. 106). В ней были найдены череп, бедренная кость и бронзовый перстень (рис. 107: 8), явно происходящие из могилы № 2.

Могила № 4. Находилась в 6 м к северо-востоку от могилы № 2. В грунтовой яме был устроен каменный ящик из плит песчаника, установленных вертикально вдоль её стенок (рис. 107: 9). Размеры ящика 0,9 × 0,38 м и глубина 0,4 м. Ориентирован он по линии СВВ–ЮЗЗ.

Перекрытие могилы отсутствует. Следов погребения не сохранилось. У восточного угла могилы найдено скопление из 27 астрагалов барана, из них шесть с просверленными сквозными отверстиями. Видимо, к данному погребению они отношения не имеют.

Могила № 5. Находилась в 1,5 м к югу от могилы № 4. В грунтовой яме был устроен каменный ящик из поставленных на ребро вдоль её стенок плит песчаника (рис. 108: 1). Размеры ящика 0,55 × 0,39 м и глубина 0,25 м. Ориентирован он продольной осью по направлению СВ–ЮЗ. Юго-западную часть ящика перекрывали три плиты песчаника. В ящике погребение младенца возрастом менее 1 года. Он положен вытянуто на левый бок, головой на СВ. В юго-западном конце могилы в ногах умершего были уложены остатки жертвенной пищи: кости ног, рёбра и лопатка барана.

На темени черепа обнаружена бронзовая литая бляшка-пуговица с перемычкой на внутренней стороне. Диаметр пуговицы 1,4 см (рис. 108: 2). На височных костях черепа лежали два проволочных бронзовых колечка диаметром 1,8 см (рис. 108: 3, 4). Вдоль юго-восточной стенки могилы было установлено три керамических сосуда. Два сосуда оваловидной формы со слегка намеченной шейкой, небольших размеров. Один из них с округлым дном (рис. 108: 5), второй с уплощённым (рис. 108: 6). Оба сосуда не орнаментированы. Третий сосуд

Подсуханица II
Объект 4
(могилы 1-15)

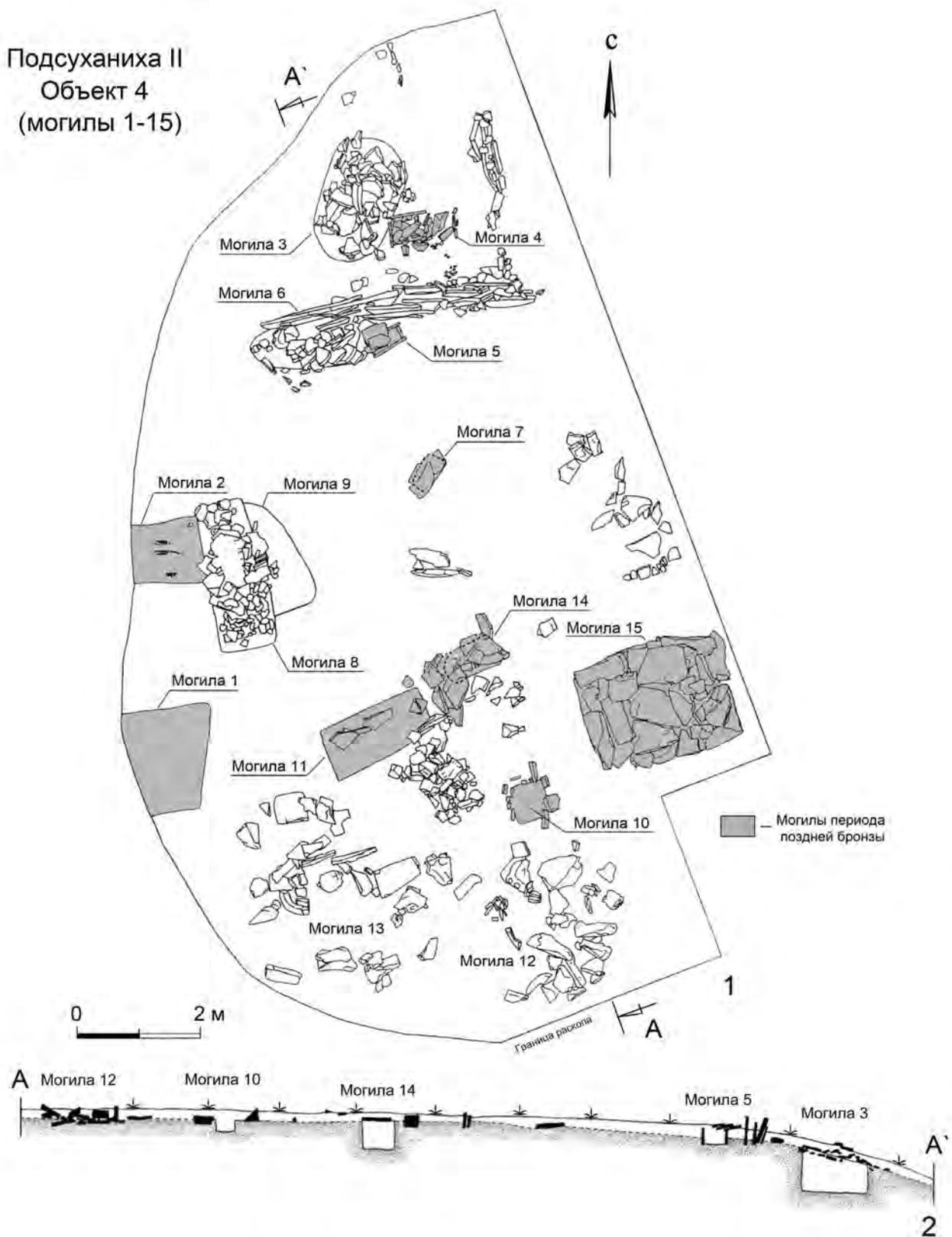
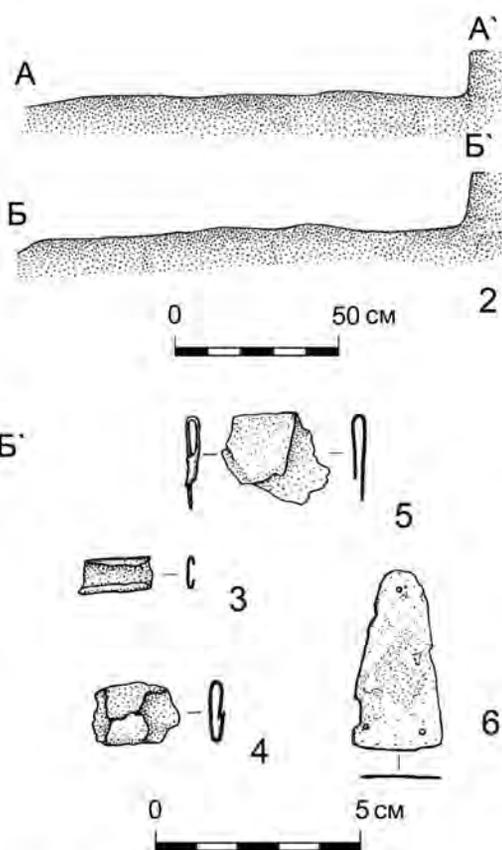
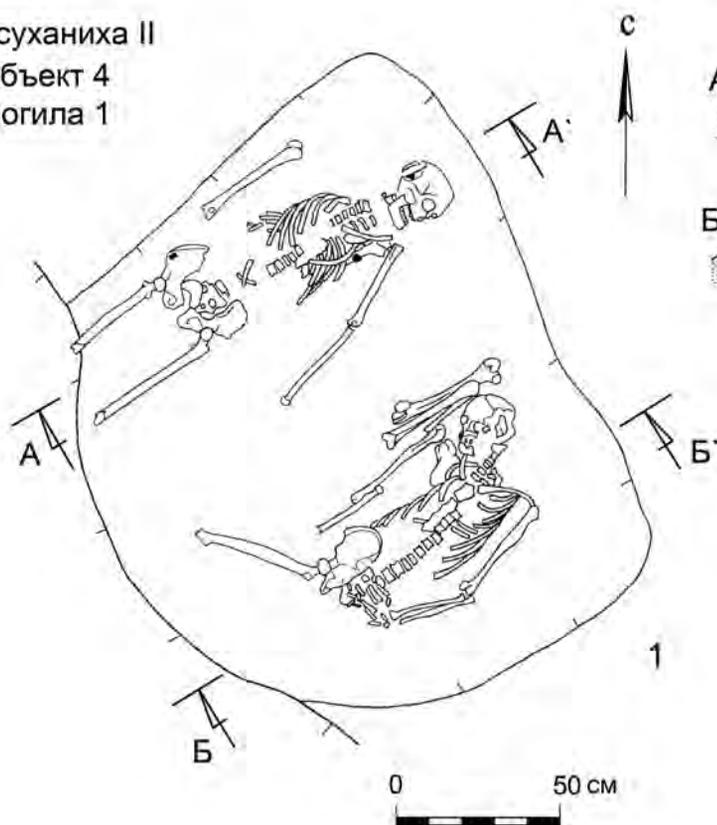
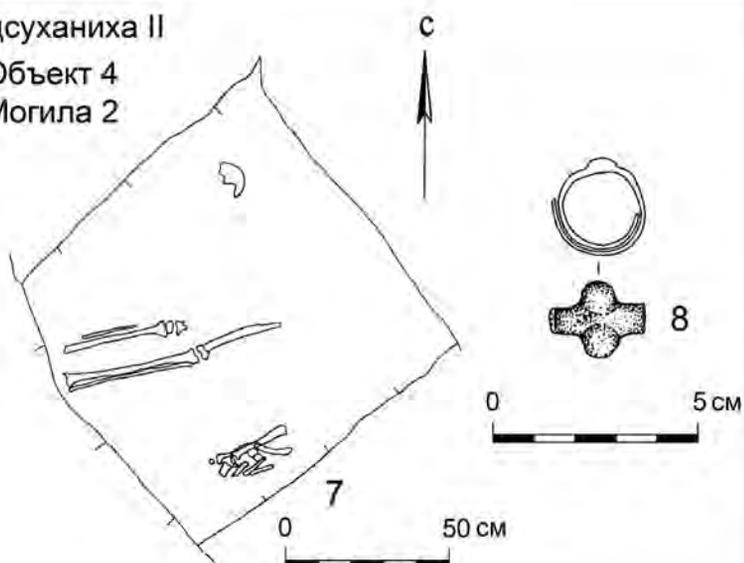

Рис. 106. Подсуханица II. Объект 4. План юго-западной части раскопа (1) и её разрез (2)

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 1

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 2

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 4

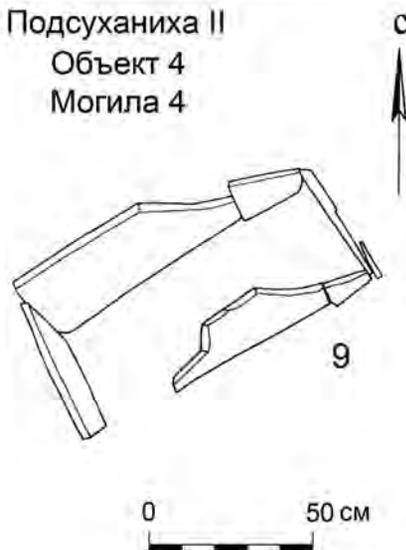
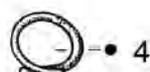
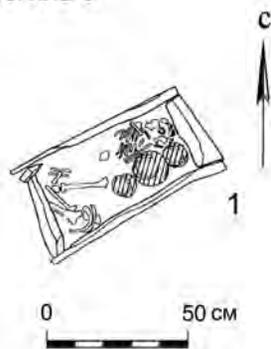
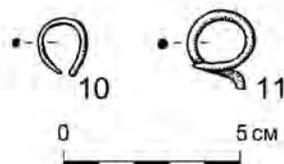
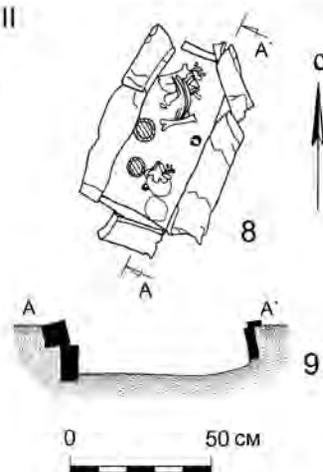

Рис. 107. Подсуханиха II. Объект 4. Чертежи могил 1, 2, 4 (1, 7, 9), разрезы могилы 1 (2) и артефакты из них (3–6, 8 – медь (бронза?))

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 5

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 7

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 14

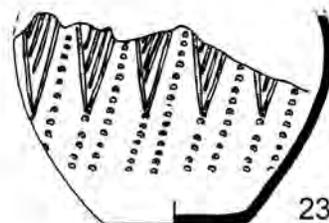
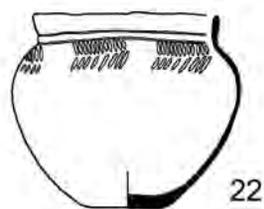
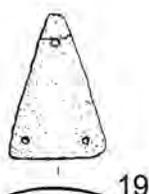
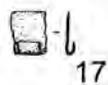
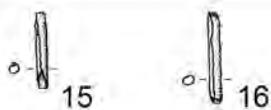
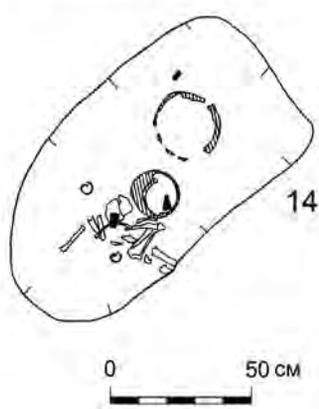

Рис. 108. Подсуханиха II. Объект 4. Чертежи могил 5, 7, 14 (1, 8, 14), разрез могилы 7 (9) и артефакты из них (2-4, 10, 11, 15-21 — медь (бронза?); 5-7, 12, 13, 22, 23 — керамика)

Подсуханиха II
Объект 4
Могила 15
Уровень 1-2

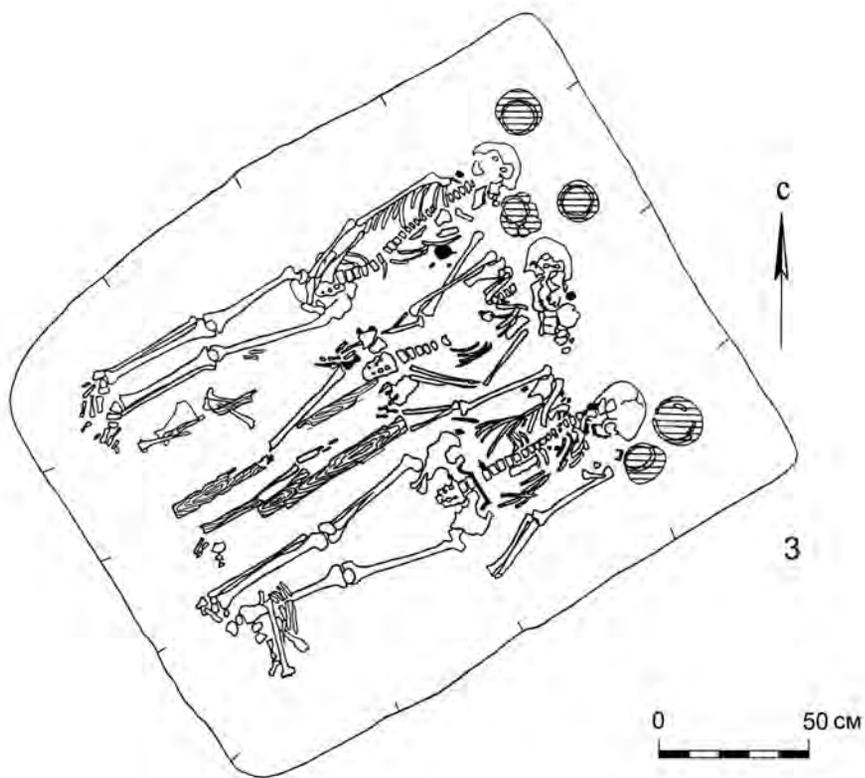
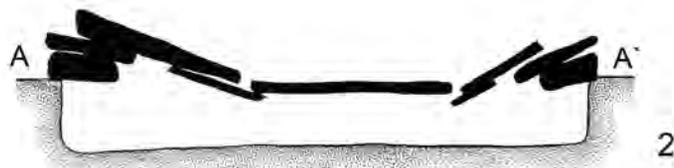
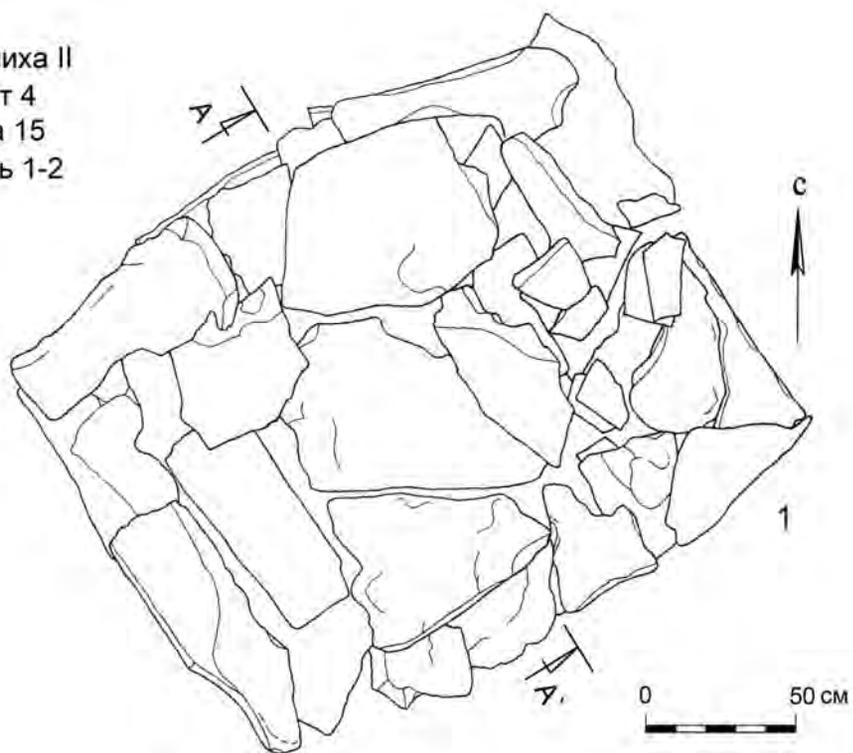

Рис. 109. Подсуханиха II. Объект 4. Чертеж перекрытия (1), дна (3) могилы 15 и её разрез (2)

шаровидной формы с плоским дном и хорошо выраженной шейкой (рис. 108: 7). Венчик слегка отогнут наружу. По шейке нанесены три параллельно прочерченные линии.

Могила № 7. Располагалась в 2 м к югу от могилы № 5. В грунтовой яме устроен каменный ящик прямоугольной формы из поставленных на ребро вдоль её стенок плит песчаника (рис. 108: 8, 9). Его размеры 0,58 × 0,25 м и глубина 0,15 м. Ориентирован он по линии ССВ–ЮЮЗ. Могила перекрывалась тремя плашмя уложенными небольшими плитками песчаника.

В могиле погребение ребёнка в возрасте около трёх лет, положенного головой на ЮЗ. В ногах остатки погребальной пищи: кости ног, лопатка и три ребра барана. Изделия из бронзы представлены двумя проволочными колечками диаметром 1,6 и 1,9 см (рис. 108: 10, 11). Одно из них найдено в средней части могилы у восточной стенки, второе под черепом. Вдоль западной стенки могилы стояли два керамических сосуда. Оба сосуда простой овалоидной формы с округлым дном, неорнаментированные (рис. 108: 12, 13).

Могила № 10. Находилась в 5 м к юго-западу от могилы № 7. Грунтовая яма прямоугольной в плане формы размерами 0,6 × 0,63 м и глубиной до 0,2 м. Она ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Её стенки обставлены мелкими плитками песчаника, установленными на ребро. Ямка пустая. Но в ходе расчистки раскопа рядом с ней найдены обломки придонной части баночного орнаментированного сосуда окуневского типа.

Могила № 11. Располагалась в 1,5 м к северо-западу от могилы № 10. В грунтовой яме был устроен каменный ящик прямоугольной в плане формы из поставленных на ребро вдоль её стенок плит песчаника. Размеры ящика 1,5 × 0,75 м и глубина 0,6 м. Ориентирован он по линии СВ–ЮЗ. На дне могилы сохранилась часть полуразрушенного перекрытия из плашмя уложенных плит песчаника. На дне могилы найдена только лопатка барана и кость его конечности.

Могила № 14. Находилась в 0,6 м к северо-востоку от могилы № 11. Грунтовая могильная яма неправильной вытянутой формы размерами 1,02 × 0,55 м и глубиной 0,5 м (рис. 108: 14). Она ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Над могилкой сохранилось перекрытие из беспорядочно набросанных плит песчаника.

В могиле был погребён ребёнок в возрасте трёх лет. Костные останки сохранились не полностью и лежали в беспорядке. По ним определить первоначальное положение погребённого в могиле невозможно.

В центральной части могилы найдено два керамических сосуда шаровидной формы, с плоским дном и невысокой шейкой. Один сосуд орнаментирован по шейке двумя параллельно прочерченными линиями, ниже которых в верхней части тулова нанесены два ряда коротких наклонных вдавлений приострённой палочкой, образующих ёлочный узор (рис. 108: 22). От второго сосуда сохранилась только нижняя его половина (рис. 108: 23). Он орнаментирован по тулову идущими от шейки сосуда удлинёнными треугольниками, выполненными и заштрихованными в технике прочерчивания, в промежутках между которыми нанесены вдавления полуовальной формы.

Кроме того, в могиле обнаружено: две бронзовых трубчатых пронизки длиной 2,4 и 2,0 см и диаметром 2,5 мм (рис. 108: 15, 16), две пластинчатых обоймочки (рис. 108: 17, 18) и два бронзовых проволочных височных кольца диаметром 1,8 и 2,0 см (рис. 108: 20, 21). (В публикации к этой могиле отнесена ещё треугольная бляшка (рис. 108: 19). — А. П.)

Могила № 15. Находилась в 1 м восточнее могилы № 14. Грунтовая могильная яма имела прямоугольную в плане форму и размеры 2,25 × 1,8 м и глубину 0,66 м (рис. 109). Ориентирована она по линии СВ–ЮЗ. Могила была перекрыта сначала полотнищем бересты из двух слоёв, прошитых между собой, затем сверху были уложены плашмя плиты песчаника, которые образовывали плотную кладку прямоугольной в плане формы.

На дне могилы находилось захоронение трёх взрослых мужчин, положенных вытянуто на спину, все головой на СВ (рис. 109: 3). Скелет 1 принадлежит мужчине 30–34 лет, правая рука вытянута вдоль тела, кисть на тазовой кости. Левая рука перекрещена с правой рукой скелета 2 (центрального). Скелет 2 (центральный) принадлежит мужчине 18 лет. Левая рука его согнута в локте, кисть руки в тазу. Скелет 3 принадлежит мужчине 20–29 лет. Руки вытянуты вдоль тела, левая рука слегка откинута в сторону.

Каждого из погребённых сопровождало по два керамических сосуда сферической формы. Один из них во всех трёх случаях находился перед лицом по-

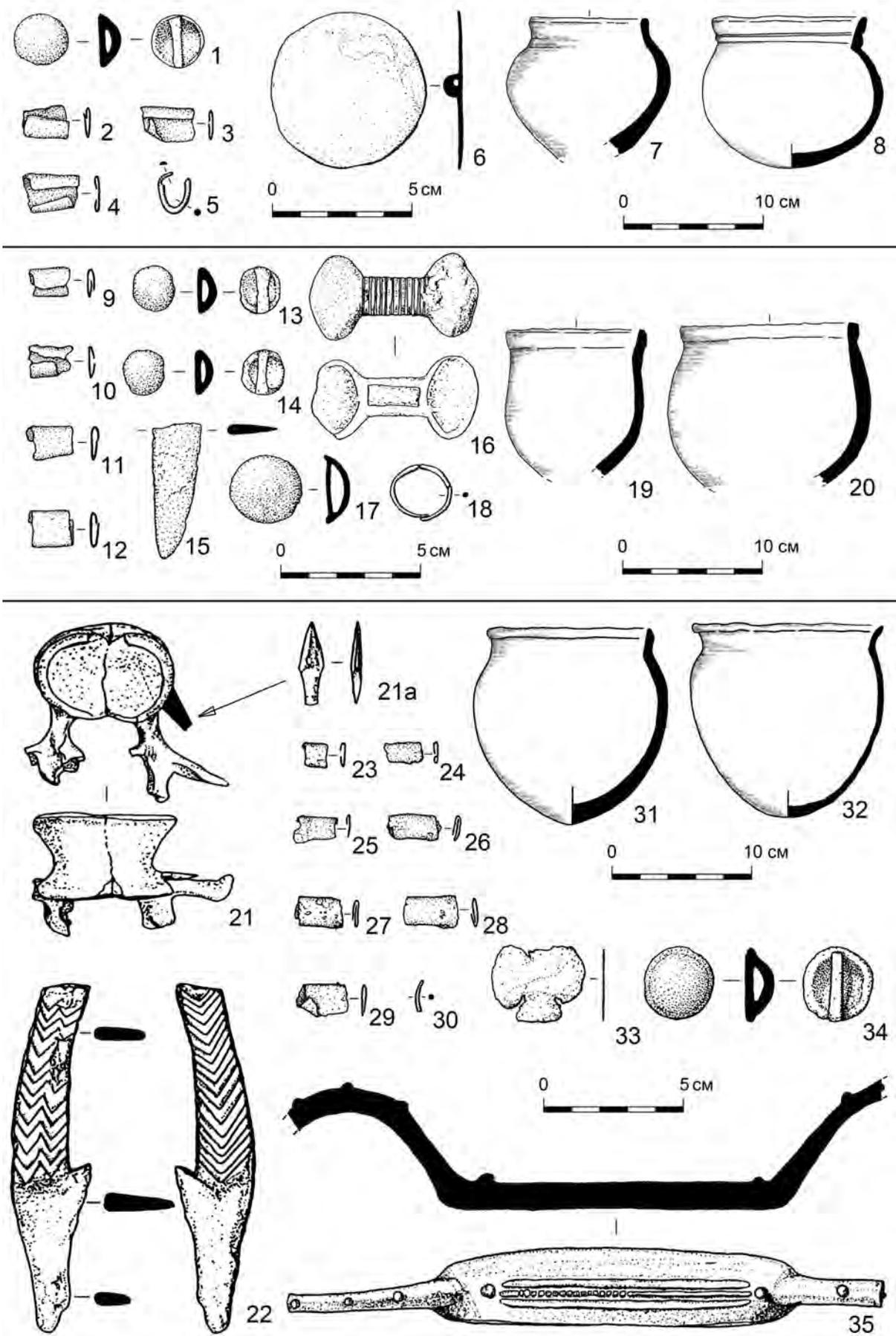

Рис. 110. Подсуханиха II. Объект 4. Артефакты из могилы 15 (1-6, 9-18, 22-30, 33-35 – медь (бронза?); 7, 8, 19, 20, 31, 32 – керамика; 21, 21а – кость)

Подсуханица II
 Объект 4
 Могила 16-24

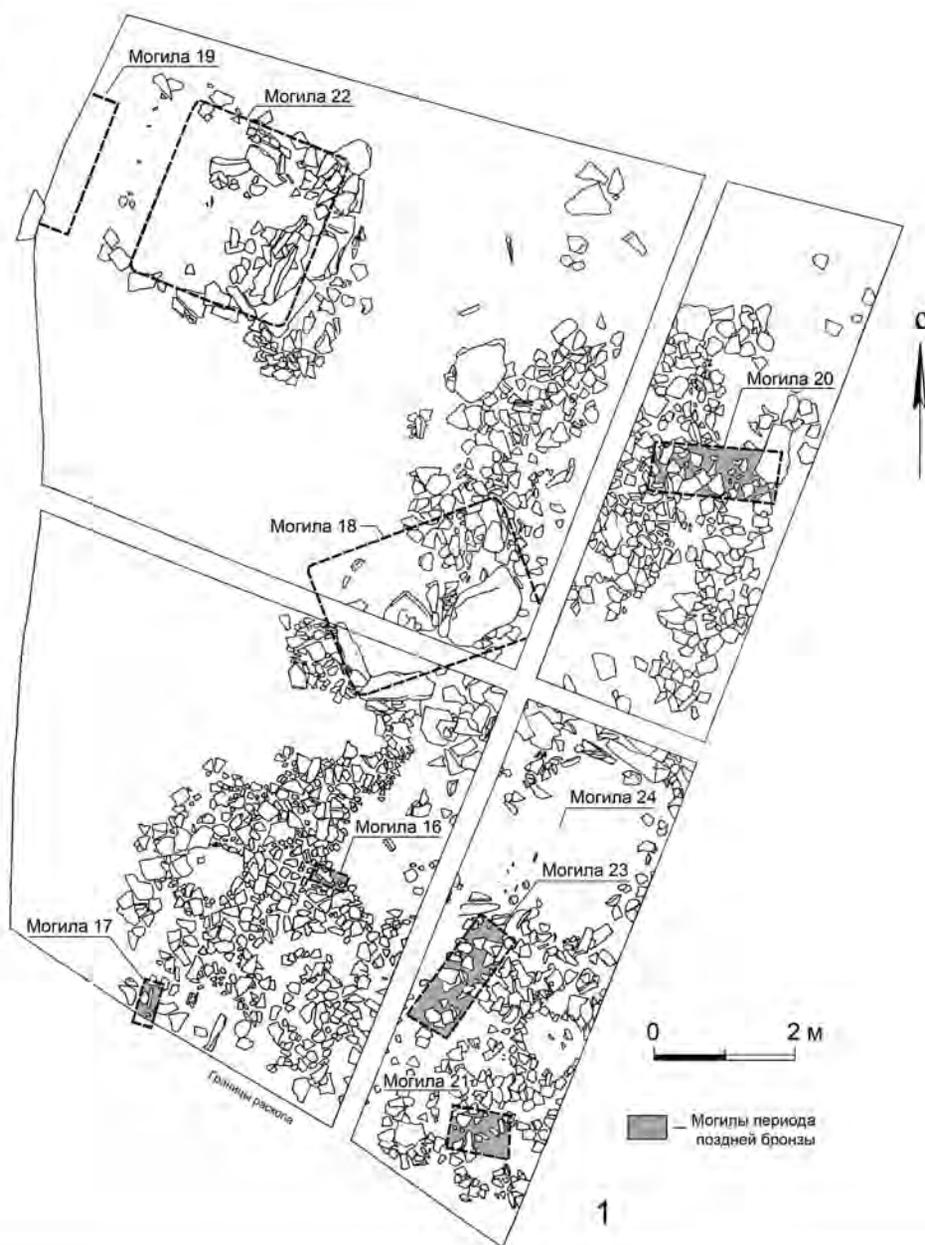

Рис. 111. Подсуханица II. Объект 4. План северо-восточной части раскопа (1), чертёж могилы 23 (2) и керамические сосуды из неё (3, 4)

гребённого, обращённым к юго-востоку, второй — над головой (рис. 110: 7, 8, 19, 20, 31, 32). Все сосуды имеют шейку и округлое дно, и относительно близкие размеры и не орнаментированы. Только сосуд № 1 орнаментирован по шейке двумя горизонтально прочерченными линиями (рис. 110: 8).

Каждый погребённый сопровождался и определённым набором предметов из бронзы.

При скелете 1 найдены следующие предметы: бляшка-пуговица с перемычкой на внутренней стороне диаметром 1,9 см (рис. 110: 1); три пластинчатых обоймочки — на правой стороне грудной клетки (рис. 110: 2–4); проволочное кольцо диаметром около 1,3 см располагалось перед лицевой частью черепа (рис. 110: 5). (В публикации к этому скелету отнесено ещё «зеркало», которое просматривается и на чертеже (рис. 110: 6). — А. П.)

При скелете 2 обнаружено: три пластинчатых обоймочки — на грудной клетке (рис. 110: 9–12); две бляшки-пуговицы, диаметром каждая 1,5 см — на запястье правой руки (рис. 110: 13, 14); фрагмент клинка ножа — у кисти правой руки (рис. 110: 15); «очковидная» бляшка лежала рядом с ножом (рис. 110: 16); бляшка-пуговица — перед лицевой частью черепа (рис. 110: 17); проволочное колечко — на черепе погребённого (рис. 110: 18). Кроме того, в ногах погребённого лежали остатки двух каких-то деревянных предметов удлинённой формы.

При скелете 3 располагались: фрагмент проволочного колечка — перед лицевой частью черепа (рис. 110: 30); бронзовая пластинка — на левой ключице (рис. 110: 33); шесть пластинчатых обоймочек — в верхней части грудной клетки и у правой лопатки (рис. 110: 23–29); нож дугообразной формы (рис. 110: 22). (Скорее сильно сработанный коленчатый. — А. П.) Клинок отделен от рукоятки небольшим шиповидным выступом. Рукоятка ножа орнаментирована с двух сторон. Одна сторона украшена параллельно идущими линиями в виде углового зигзага, а вторая сторона в виде «ёлочки». Длина ножа 12,5 см, длина клинка 5,8 см. На поясе погребённого находилась бронзовая двухдужная так называемая «пряжка колесничего» (рис. 110: 35). Концы дуг обломаны. На соединительной широкой пластине имеется орнамент в виде трёх параллельных полос. На пластине в основании дуг и на самих дугах имеются «шишечки». Длина предмета 21 см.

Небольшой костяной наконечник стрелы (рис. 110: 21а), глубоко проникший в тело

третьего поясничного позвонка со спины справа (рис. 110: 21). Следов заживления раны нет. Область спинномозгового канала не задета. Человек умер непосредственно после ранения стрелой, но его смерть могли вызвать и другие причины, например поражение внутренних органов. (В публикации к этой могиле отнесена ещё пуговица с перемычкой (рис. 110: 34). — А. П.)

В ногах скелета 1 и скелета 3 находились два набора погребальной пищи, состоявшие из костей ног, лопаток и частей грудины двух баранов.

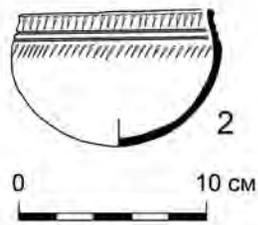
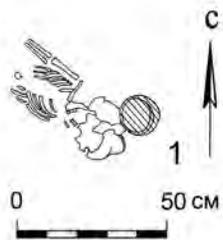
Могилы № 16. Находилась в 3,5 м к северо-востоку от могилы № 15 (рис. 111: 1). Погребение было совершено в небольшой грунтовой ямке, границы которой установить не удалось. Глубина ямки около 0,42 м от современной поверхности. Ребёнок в возрасте около 1,5 лет был положен вытянуто, на спину, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Головой он был ориентирован на ЮВ (рис. 112: 1).

Справа от головы погребённого находился круглодонный керамический сосуд шаровидной формы (рис. 112: 2). Верхняя плоскость венчика скошена наружу. Невысокая шейка едва намечена. По венчику и верхней части тулова сосуда нанесён орнамент — сначала поясok из коротких, почти вертикальных вдавлений уплощённой на конце палочкой и ниже две параллельно прочерченных линии и один ряд наклонных справа налево коротких вдавлений всё той же палочкой. Размеры сосуда: диаметр венчика 10 см, наибольший диаметр тулова 11 см, высота сосуда 7,2 см.

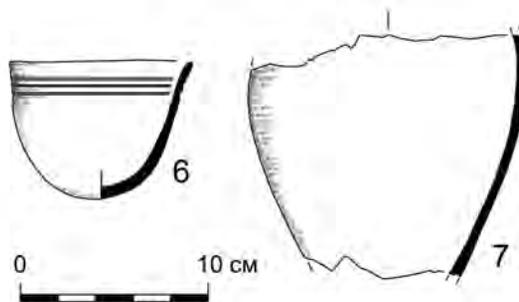
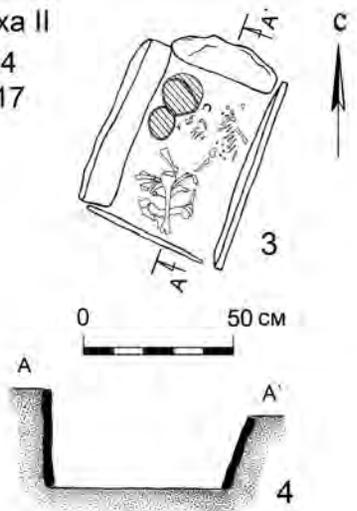
Могилы № 17. Располагалась в 3 м к юго-западу от могилы № 16. В грунтовой яме был устроен каменный ящик прямоугольной в плане формы из четырёх тонких плиток песчаника, поставленных на ребро вдоль стенок этой ямки (рис. 112: 3, 4). Размеры ящика 0,65 × 0,55 м и глубина 0,3 м. Ориентирован он продольной осью по направлению ССВ–ЮЮЗ. Надмогильного перекрытия не сохранилось.

В могиле погребение ребёнка в возрасте около 1 года, положенного головой на ССВ, очевидно, вытянуто, и костные останки второго младенца в возрасте до 1 месяца. При нём найдены: керамический сосуд сферической формы, круглодонный с обломанной верхней частью, стоявший у северо-западного угла могилы (рис. 112: 7). Второй керамический сосуд сферической формы, круглодонный, стоял рядом с первым сосудом. По верхней части тулова

Подсуханица II
Объект 4
Могила 16

Подсуханица II
Объект 4
Могила 17

Подсуханица II
Объект 4
Могила 20

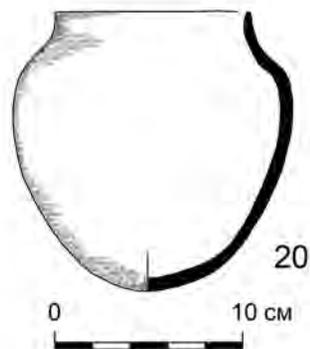
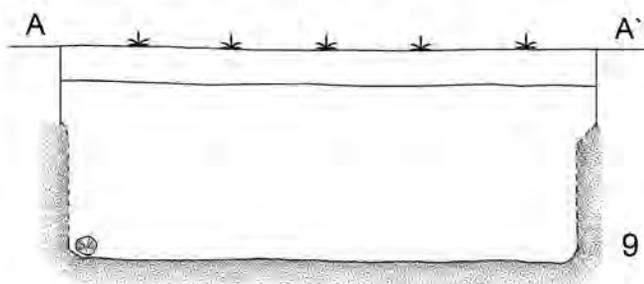
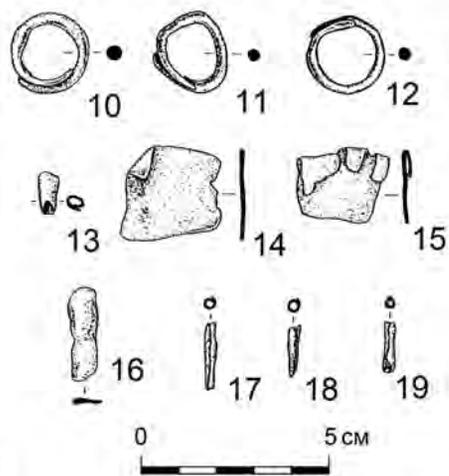
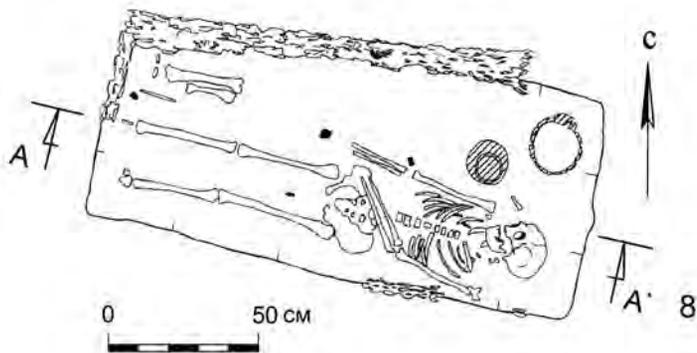

Рис. 112. Подсуханица II. Объект 4. Чертежи могил 16, 17, 20 (1, 3, 8), разрезы могил 17, 20 (4, 9) и артефакты из них (5, 10–19 — медь (бронза?); 2, 6, 7, 20 — керамика)

он орнаментирован тремя параллельно прочерченными линиями. Диаметр венчика 9,6 см, высота сосуда 7,4 см (рис. 112: 6). Кроме того, найдено бронзовое проволочное колечко диаметром около 1,5 см (рис. 112: 5). В южном конце могилы лежали кости овцы: левая лопатка и левые кости ног — большая берцовая, пяточная, таранная, две кости плюсневые, левая плечевая.

Могилы № 20. Находилась в 8,5 м к северо-востоку от могилы № 17. Нечёткие границы могильной ямы были выявлены на глубине 0,55 м от уровня современной поверхности земли. Именно на этой глубине частично сохранились вдоль стенок могилы фрагменты брёвен. Размеры могильной ямы 1,68 × 0,8 м при глубине 0,68 м от современной поверхности (рис. 112: 8).

В могиле погребение женщины в возрасте 25–29 лет, положенной вытянуто на спину, головой на В. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кисть её покоилась на правой половине таза. Погребённую сопровождал неорнаментированный керамический сосуд сферической формы плохой сохранности, который стоял в северо-восточном углу могилы. Венчик сосуда прямой, шейка невысокая и плавно переходит в тулово сферической формы (рис. 112: 20).

На левой половине грудной клетки найдены две бронзовых трубчатых пронизки длиной 1,3 и 1,9 см и диаметром 2,5 мм (рис. 112: 17–19); бронзовая четырёхугольная пластинка — у локтя правой руки (рис. 112: 14); вторая подобная пластинка — у головки бедра правой ноги (рис. 112: 15); бронзовая пронизка найдена между бёдрами (рис. 112: 13); бронзовая бляшка — между стопой правой ноги и северо-западным углом могилы (рис. 112: 16); три бронзовых проволочных колечка диаметром 2,2 см — под черепом погребённого (рис. 112: 10–12).

Справа в ногах погребённого лежали кости молодой коровы — остатки от мясной погребальной пищи: лопатка, плечевая кость, большая берцовая, пяточная кости и астрагал. Все кости — от левой части скелета животного.

Могилы № 21. Находилась в 8 м к югу от могилы № 20. В грунтовой яме устроен каменный ящик, прямоугольной в плане формы, из относительно мелких плиток песчаника, установленных на ребро вдоль её стенок. Примерные размеры ящика 1,7 × 1,6 м при глубине 0,35 м. Перекрытие могилы отсутствует.

В заполнении ящика ярко-оранжевая пережжённая земля. Антропологического материала и археологических артефактов нет. Конструктивно данная могила (?) похожа на могилу № 1.

Могилы № 23. Располагалась в 1 м к северу от могилы № 21. Границы и форму могилы установить не удалось, так как её заполнение практически сливалось по цвету с материковым песком. Северо-восточная часть этой могилы была перекрыта развалом надмогильного сооружения более поздней могилы 24.

На дне ямы погребение женщины 30–34 лет, положенной вытянуто, на спину и головой на СВ (рис. 111: 2). Правая рука несколько откинута в сторону, кости левой руки смещены. Череп раздавлен плитой перекрытия. Справа от этой плиты лежал небольшой кусок дерева. Дно могилы наклонное. В головах она имела глубину 1,13 м от уровня современной поверхности, а в ногах 0,85 м.

Слева от головы женщины стояли два керамических сосуда. Первый сосуд — шаровидной формы, круглодонный, неорнаментированный. Венчик прямой, верхняя его плоскость скошена наружу. Шейка у сосуда едва намечена. В верхней части тулова имеется поясок в виде небольшого утолщения подтреугольной в сечении формы (валик. — *А. П.*) (рис. 111: 4). Второй сосуд той же формы: венчик прямой, шейка выделена более отчётливо, шаровидное тулово и округлое дно. Орнамент нанесён по шейке и верхней части тулова сосуда. По шейке сосуда идут три параллельно прочерченные линии, ниже которых узор в виде трёх рядов, состоящих из коротких наклонных вдавлений, нанесённых уплощённой палочкой, которые образуют зигзагообразный орнамент (рис. 111: 3).

Вторая каменоложская группа погребений могильника Подсуханиха II

К северо-востоку от первой группы погребений могильника Подсуханиха II располагаются курганы каменоложского этапа. Они протянулись неровной цепочкой на 65–70 м в направлении с юго-запада на северо-восток. Внешне эти погребальные сооружения проявлялись лишь в виде едва заметных на поверхности земли фрагментов плит песчаника — следов каменных оград. Земельные насыпи настолько оплыли, что в современном рельефе местности не читаются. В 2000 и 2003 гг. исследовано

пять курганов: 10, 11, 11 «А», 11 «Б», 11 «В». Все курганы раскапывались сплошной площадью.

Курган 10. До начала раскопок над поверхностью земли были видны верхние части плит северо-восточной стенки ограды кургана и юго-западный угловой камень ограды. После снятия верхнего слоя грунта была полностью расчищена каменная ограда прямоугольной в плане формы размерами 5,6 × 5,2 м (рис. 113: 1, 2). Она ориентирована продольной осью по направлению С–Ю с отклонением на СЗ–ЮВ. Ограда сложена из плит красного песчаника, установленных вертикально. Плиты вкапывались на глубину 0,3–0,4 м. Высота стенок ограды составляла до 0,20 м. Юго-восточная стенка оград состоит из двойного ряда плит.

К моменту раскопок полностью сохранилась юго-восточная стенка ограды и фрагментарно — остальные три стенки. С внешней стороны плиты ограды укреплены контрфорсами из плиток песчаника. Первоначально в структуре ограды было четыре угловых стелы. Сохранилась только северо-западная угловая вертикально установленная стела. В основании она забутована мелким плитняком. Высота стелы от уровня древней поверхности земли 0,66 м, ширина 0,3–0,4 м и толщина 0,2 м.

На площади ограды было размещено две могилы — № 1, 2. Третья могила располагалась с внешней стороны ограды, примыкая к её северо-западному углу.

Могила № 1. Располагалась в центре площади каменной ограды и имела следующее устройство: в земляной яме прямоугольной в плане формы вдоль её стенок вертикально были установлены массивные плиты песчаника, образовавшие каменный ящик. Размеры каменного ящика 2,25 × 1,4 м, глубина могилы до 0,75 м. Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Сверху она первоначально перекрывалась плашмя уложенными плитами песчаника. В древности могила была разграблена. После снятия раздробленных плит перекрытия в заполнении могилы были найдены переотложенные костные останки погребённых людей — трёх взрослых и одного ребёнка. На дне могилы были обнаружены костяки, принадлежавшие трём взрослым людям (рис. 114).

Костяк 1 располагался у северо-западной стенки каменного ящика. Ближе к северо-западному углу могилы лежали череп и два шейных позвонка.

Костяк 2 располагался к юго-востоку от костяка 1. От него сохранились череп, левая ключица, ребра, правая бедренная кость.

Судя по положению костяков 1 и 2, умершие были уложены на спину параллельно друг другу и головой на СВ.

Костяк 3 принадлежит умершему, похороненному в эту могилу позже двух первых человек. Сохранность костяка достаточно полная. Умерший был уложен вытянуто на спину и головой на З–ЮЗ. При этом, возможно, потребовалось несколько расширить могилу и передвинуть кости ног костяка 2. (Вероятно, костяк 3 — это впускное погребение тагарской культуры. Именно к нему относятся «головной нож», полусферическая бляшка и венчик характерного сосуда [Зубков, Наглер, 2002. Рис. 1: 13, 16]. — *А. П.*)

Анализ костных останков, обнаруженных на дне могилы и в её заполнении, проведённый антропологом Т. М. Рейс, позволил сделать вывод о том, что в ней было захоронено пять человек: костяк 1 принадлежит мужчине 45–50 лет, костяк 2 — женщине 45–50 лет. Костяк 3 — мужчине 45–50 лет, костяк 4 — ребёнку 7–8 лет, костяк 5 — новорождённому.

У юго-восточной стенки каменного ящика найдены два предмета из бронзы: нож коленчатого типа и коромыслообразный предмет — «пряжка колесничего». У коромыслообразного предмета на каждой дуге по 4 выпуклины — шишечки и ещё по одной шишечке у основания дуг на широкой пластине, соединяющей обе дуги (рис. 113: 3). Предмет цельнолитой, длина его 16 см. Рукоять ножа завершается грибовидной шляпкой. Нижняя часть клинка обломана. Длина ножа 11,2 см, длина рукояти 5,3 см (рис. 113: 4).

Могила № 2. Расположена в 0,15 м к юго-востоку от могилы № 1 (рис. 113: 1). В земляной яме прямоугольной в плане формы, вдоль её стенок вертикально были установлены массивные плиты песчаника. Размеры каменного ящика 2 × 0,9 м и глубина до 0,7 м. Могила ориентирована по направлению СВ–ЮЗ. Сверху она перекрывалась разноформатными плитами песчаника, уложенными плашмя.

В древности могила была разграблена. В её заполнении найдено большое количество плит песчаника, а также фрагменты костей человека. Непосредственно на дне могилы костных останков погребённых ранее здесь умерших людей

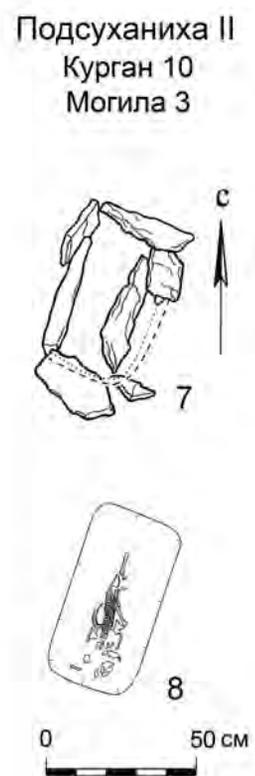
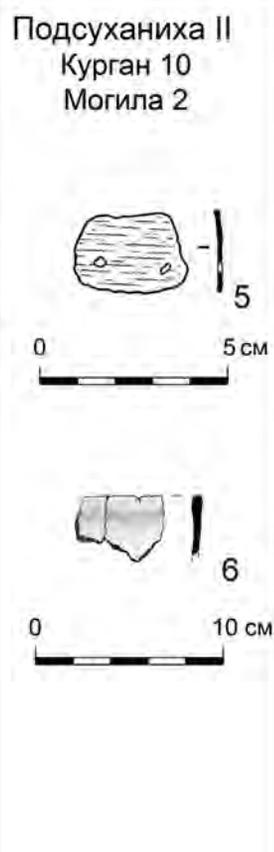
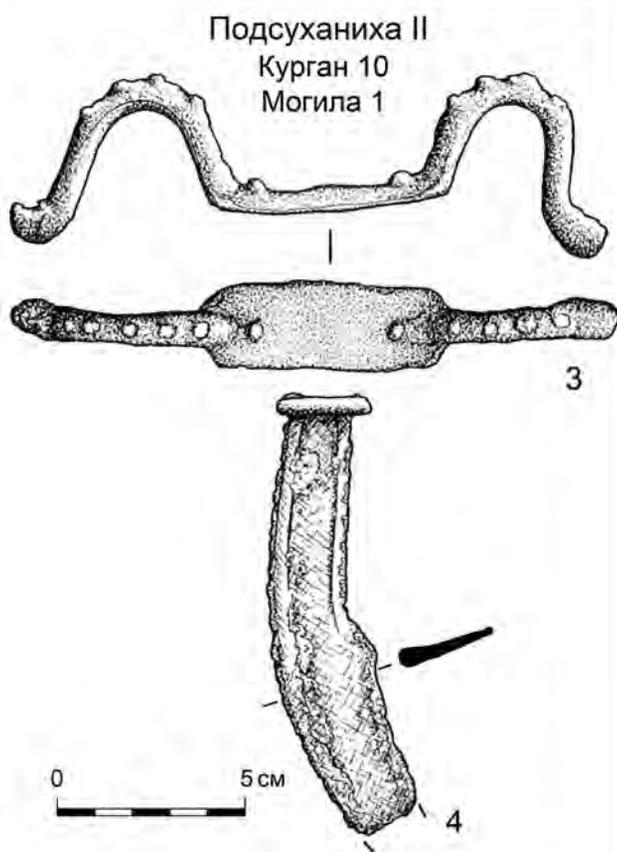
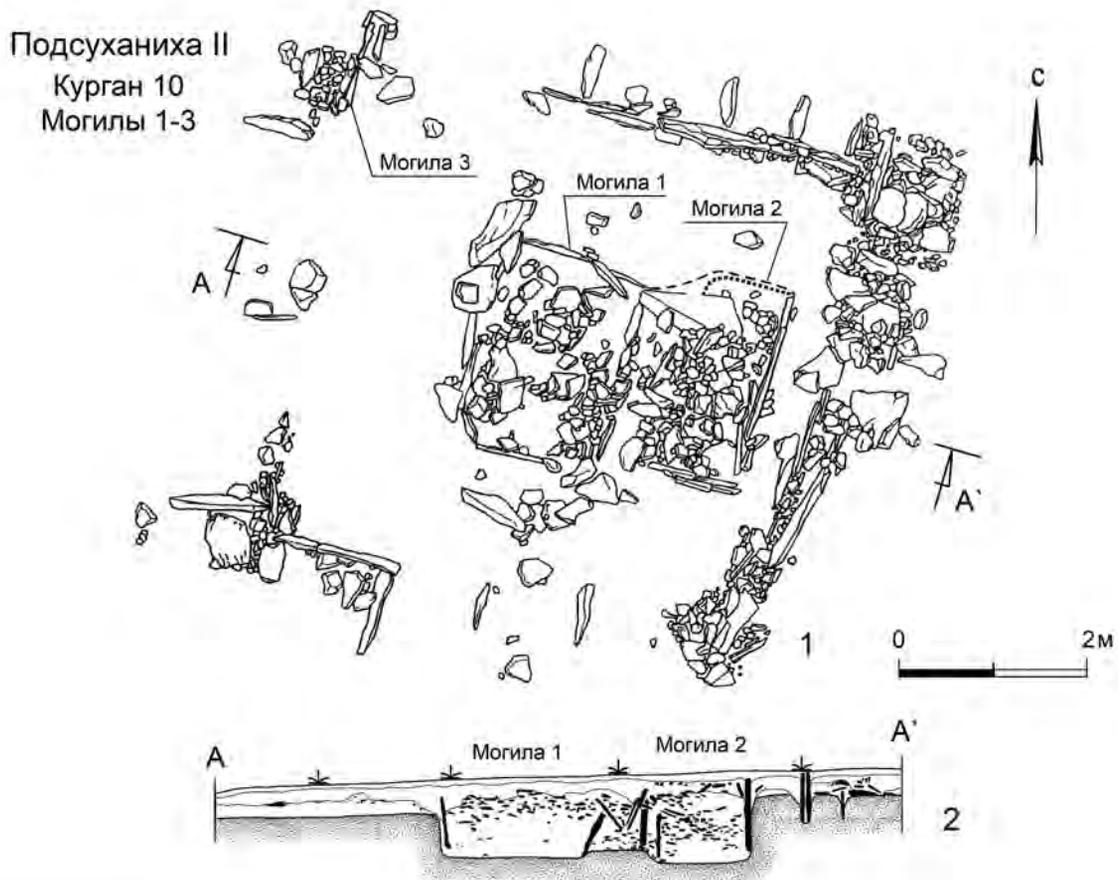

Рис. 113. Подсуханиха II. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 10, чертежи (7, 8) могилы 3 и артефакты из могил (3-5 — медь (бронза?); 6 — керамика)

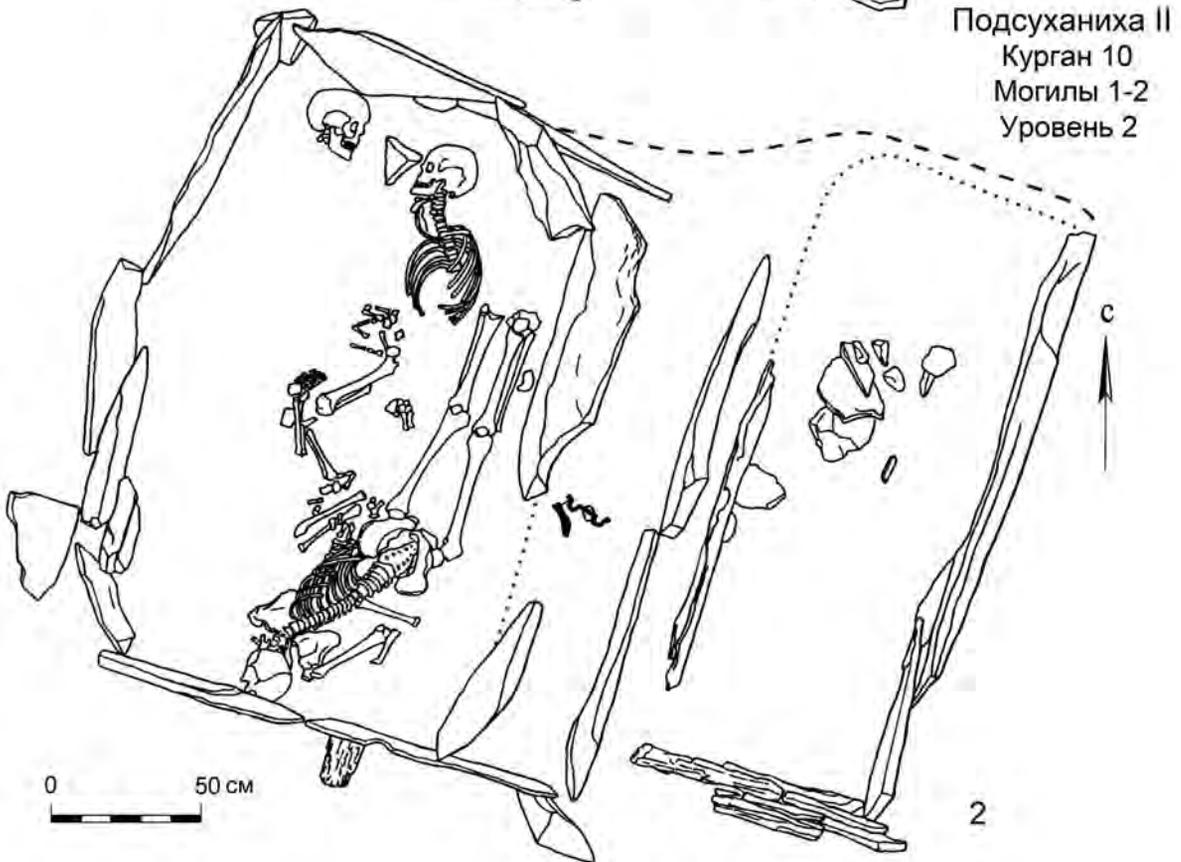
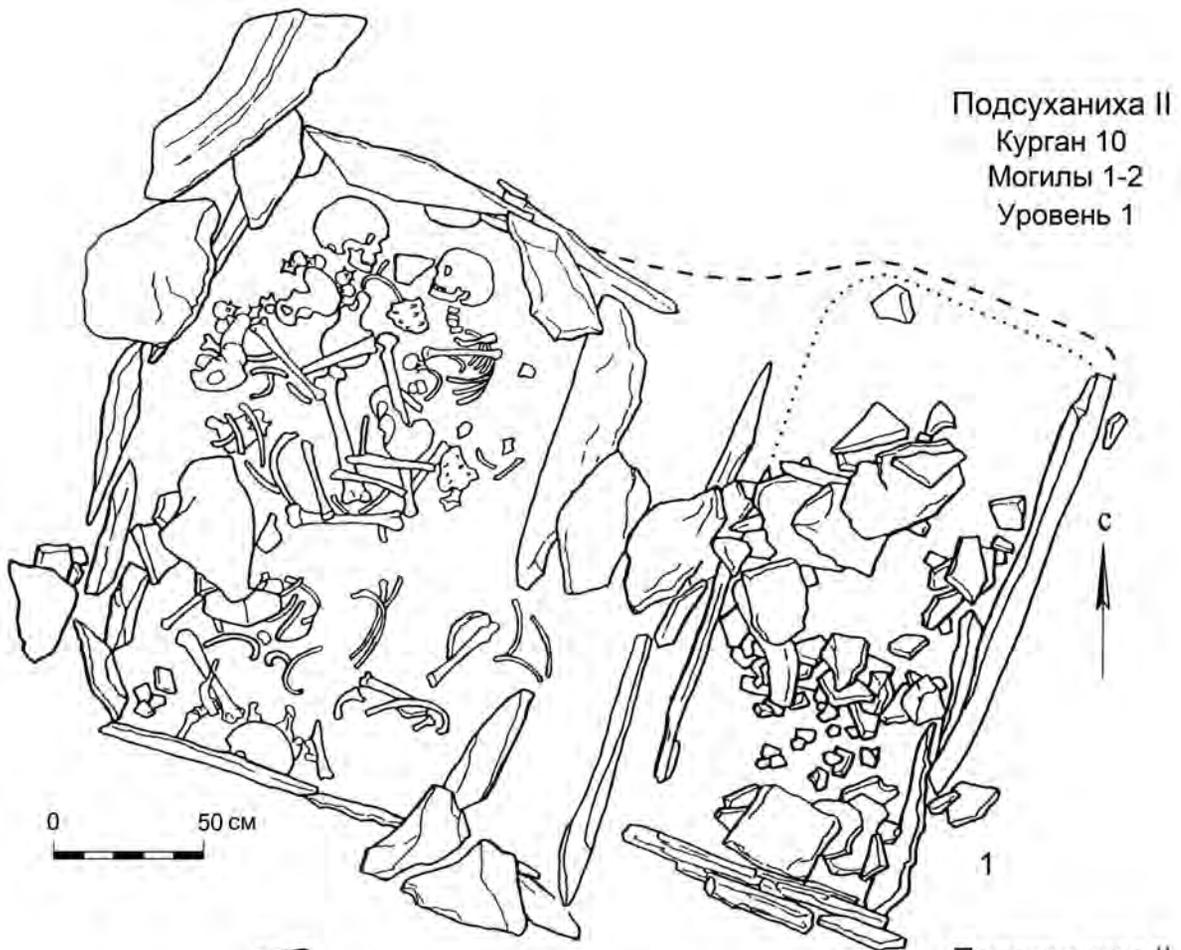

Рис. 114. Подсуханиха II. Чертежи могил 1, 2 из кургана 10

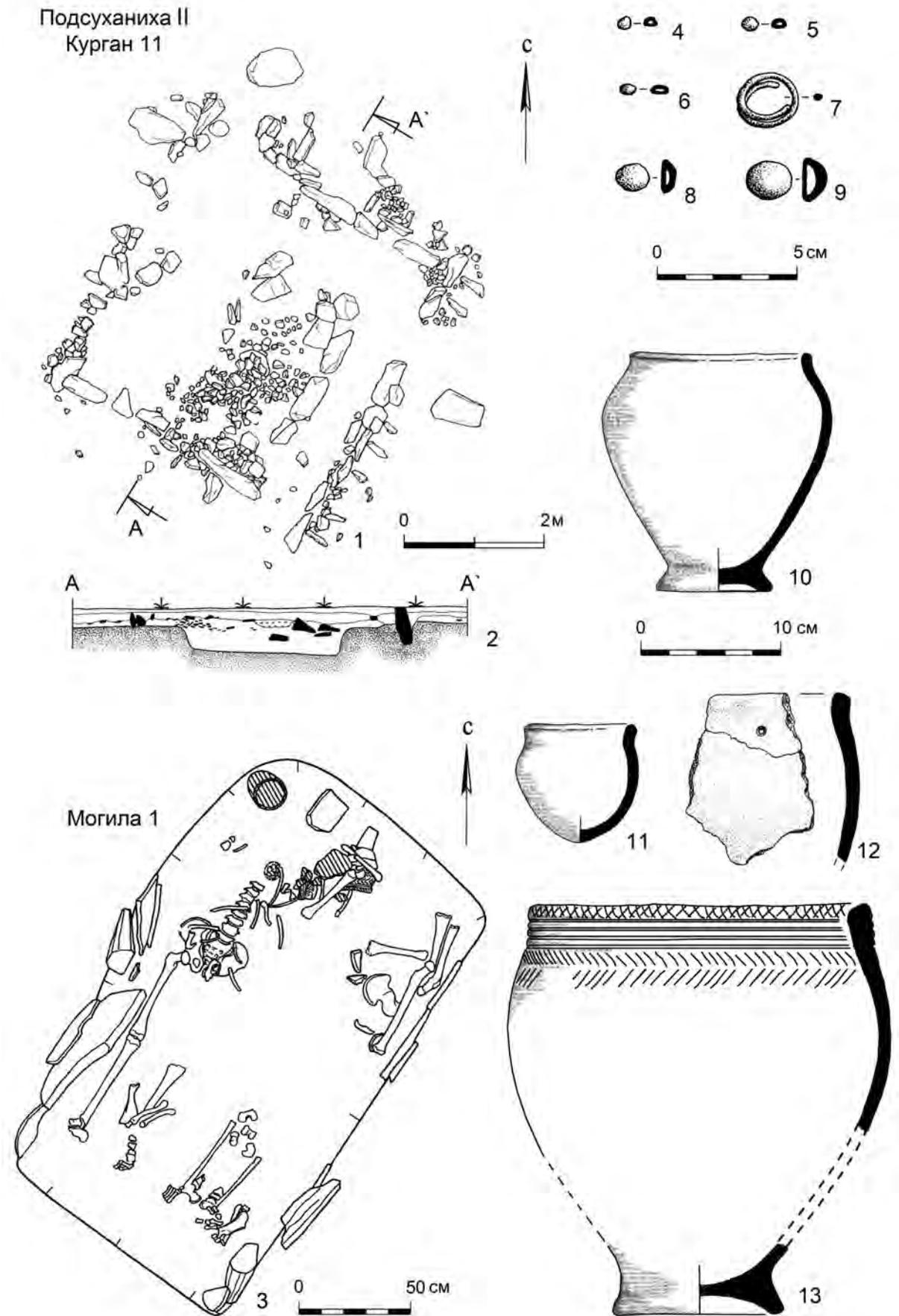

Рис. 115. Подсуханиха II. Курган 11. Чертеж ограды (1), разрез (2), чертеж могилы (3) и артефакты из неё (4-9 — медь (бронза?); 10-13 — керамика)

не найдено. Судя по костям, обнаруженным в заполнении могильной ямы, здесь был захоронен пожилой человек, точный возраст и пол которого определить не удалось, и младенец.

В заполнении могилы найдена бронзовая тонкая пластинка подпрямоугольной формы размером $2,9 \times 2,1$ см с двумя сквозными отверстиями по её боковым краям (рис. 113: 5), а также фрагменты керамики, принадлежащие по меньшей мере двум сосудам: тонкостенному сосуду (толщина его стенок не более $0,3-0,4$ см) и более крупному сосуду (толщина стенок которого $0,7-0,9$ см). Там же находился фрагмент венчика сосуда, орнаментированный по боковой поверхности пояском вдавлений в виде выпуклин — «жемчужин». Верхняя плоскость венчика слегка скошена наружу (рис. 113: 6).

Могила № 3. Располагалась у северо-западного угла курганной ограды с внешней её стороны (рис. 113: 7, 8). В земляной яме прямоугольной в плане формы был сооружён каменный ящик из вертикально установленных плит песчаника. Размеры ящика $0,6 \times 0,35$ м и глубиной до $0,3$ м. Могила ориентирована по направлению ССВ–ЮЮЗ. В ней погребён ребёнок в возрасте до 6 месяцев. Он лежал на спине, головой на ЮЮЗ. Сопроводительных вещей нет.

Курган 11. Расположен в $30-32$ м к северо-востоку от кургана 10. Земляная насыпь сильно оплыла. Над современной поверхностью земли были видны верхушки отдельных камней курганной ограды. После снятия грунта до уровня древней земной поверхности была расчищена каменная ограда прямоугольной в плане формы (рис. 115: 1, 2). Размеры ограды $4,3 \times 4,2$ м. Она ориентирована продольной осью по направлению С–Ю с отклонением на СЗ–ЮВ. Ограда сложена из плит красного песчаника, установленных вертикально и вкопанных в землю на глубину до $0,30-0,35$ м. Высота ограды над древней поверхностью не превышала $0,20-0,25$ м. С внешней стороны плиты ограды укреплены контрфорсами. Угловых стел нет.

Могила № 1. Размещалась в центре площади ограды (рис. 115: 3). В земляной яме прямоугольной в плане формы вдоль её стенок были вертикально установлены массивные плиты песчаника, образовавшие каменный ящик. Могила ориентирована продольной осью по направлению СВ–ЮЗ. Размеры могилы $2,2 \times 1,3$ м и глубина $0,5$ м. Сохра-

нились только боковые стенки каменного ящика.

Могила первоначально перекрывалась деревянными жердями или досками (сохранились лишь мелкие фрагменты дерева), а затем и плашмя уложенными плитами песчаника. Могила разграблена в древности. В результате перекрытия могилы и собственно захоронения были сильно нарушены. Плиты перекрытия и часть костных останков людей обнаружены в заполнении могилы.

На дне могилы располагались костные останки, принадлежавшие двум индивидам — мужчине $40-45$ лет и подростку $14-15$ лет. Оба погребённых были уложены на спину, головой на СВ параллельно друг другу. Мужчина находился у юго-восточной стенки могилы, а подросток — слева от него. В ногах у мужчины и подростка каждому были помещены куски мяса: лопатка, нога (берцовые кости) и часть грудины овцы.

Справа от головы мужчины в северо-западном углу могилы был установлен неорнаментированный керамический сосуд оваловидной формы с уплощённым дном и невысоким поддоном. Венчик сосуда слегка и плавно отогнут наружу (рис. 115: 10). Вероятно, слева от головы мужчины стоял второй керамический сосуд оваловидной формы с уплощённым дном и невысоким поддоном. Венчик прямой, верхняя плоскость его слегка скошена внутрь сосуда. По венчику сосуд орнаментирован прочерченными линиями, образующими косую решётку. По шейке сосуда нанесено четыре горизонтальных линии. Ниже по верхней трети тулова сосуда нанесены два ряда наклонных коротких линий, образующих горизонтальный ёлочный орнамент (рис. 115: 13).

В заполнении могилы ближе к её дну найдены: две бронзовые круглые бляшки-пуговицы полусферической формы с перемычкой на внутренней стороне для прикрепления к одежде (рис. 115: 8, 9); колечко из бронзовой проволоки, свёрнутое в два витка (рис. 115: 7) и фрагмент венчика сосуда (рис. 115: 12). Венчик плавно отогнут наружу, мягко обозначена шейка. (В публикации к этой могиле отнесены ещё три миниатюрные бляшки (рис. 114: 4–6). — А. П.)

Кроме того, при расчистке плит каменной ограды кургана у её северо-западного угла был найден небольшой неорнаментированный керамический сосуд оваловидной формы с округлым дном (рис. 115: 11). Венчик слегка отогнут наружу.

Курган 11 «А». Располагался между курганами 10 и 11. На современной поверхности едва были видны отдельные плитки песчаника, по которым угадывалось присутствие погребального комплекса. Насыпь курганная отсутствовала. Через курган, вероятно, в 1950–1960-е гг. проходила просёлочная дорога, которая к настоящему времени заброшена и задерновалась. Этой дорогой курган был разрушен.

Сплошным раскопом была вскрыта вся площадь кургана. В результате выяснилось, что просёлочной дорогой разрушена каменная ограда, сложенная из вертикально установленных и врытых в землю плит песчаника (рис. 116: 1, 2). Сохранился лишь фрагмент юго-восточной стенки ограды. По остаткам каменной ограды можно заключить, что она была прямоугольной в плане формы и её размеры примерно $4,5 \times 4,5$ м.

Могила № 1. Располагалась в центре площади каменной ограды. Полностью разрушена просёлочной дорогой. Границы могильной ямы и её устройство реконструировать невозможно. Именно здесь были обнаружены костные останки людей, лежавших хаотично, а также фрагменты керамики, принадлежащие 3–4 сосудам (рис. 116: 6, 7).

По наблюдениям антрополога Т. М. Рейс, здесь было захоронено два человека: мужчина 40–45 лет и предположительно мужчина 30–35 лет.

При разборке костных останков и керамики были обнаружены лежащие компактно следующие предметы из бронзы:

1. Наконечник копья лавролистной формы. Перо разделено длинной прорезью, которое используется как насад на деревянное древко. В верхней части пера копья проходит ребро жёсткости ромбовидного сечения. Наконечник отлит в двусторонней форме. В нижней части слегка суживается и имеет небольшие выступы для более надёжного крепления к древку (рис. 117: 5).

2. Полноразмерный коромыслообразный предмет, за которым закрепилось название «пряжка колесничего». Это массивный объёмный литой предмет, выполненный в виде широкой пластины, на концах которой оформлены дуги. На каждой дуге имеется по пять округлых шишечек и по одной шишечке на пластине у основания дуг. Длина предмета 34,5 см, высота дуг до 5 см (рис. 117: 11).

3. Полноразмерный коромыслообразный предмет «пряжка колесничего». На каждой дуге име-

ется по шесть округлых шишечек и по одной шишечке на пластине у основания дуги. Длина этого предмета 31,5 см, высота дуг до 5 см (рис. 117: 12).

4. Два бронзовых колечка из проволоки, свёрнутой в один виток. Одно целое, диаметром до 2 см, а от второго кольца сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 117: 7, 8).

5. Две подпрямоугольных в плане выпуклых бляшки-пуговицы с перемычкой на внутренней стороне для крепления одежды (рис. 117: 9, 10).

6. Бусина-пронизка из камня белого цвета цилиндрической формы (рис. 117: 6).

Фрагменты керамики, обнаруженные в районе могилы № 1, принадлежат пяти сосудам:

1. Сосуд овалоидной формы с округлым дном. Венчик прямой, имеет утолщение с внешней стороны, ширина которого до 1,5 см. Именно эта зона венчика орнаментирована короткими наклонными линиями, прочерченными по сырой глине. Наклон линий слева направо (рис. 117: 1).

2. Сосуд по форме и орнаментации аналогичный вышеописанному (рис. 116: 3).

3. Сосуд шаровидной формы, круглодонный, с прямой короткой шейкой и прямым венчиком. Сосуд орнаментирован по венчику и шейке четырьмя параллельно прочерченными по сырой глине линиями (рис. 117: 4).

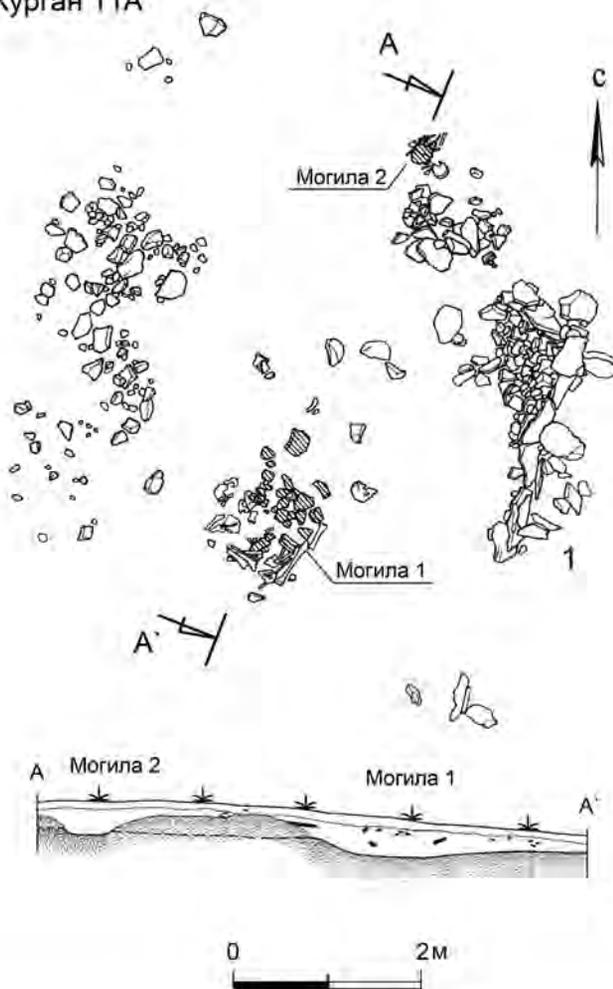
4. Сосуд небольших размеров. От него сохранился фрагмент венчика, диаметр которого 10,5 см. Венчик отогнут наружу. По венчику и верхней части тулова сосуд орнаментирован двумя рядами коротких наклонных линий, образующих «ёлочку». Ниже этот орнамент дополняется двумя параллельно прочерченными линиями. Ниже по тулову нанесены вдавления серповидной формы, идущие рядами вниз (рис. 117: 2).

5. Фрагмент сосуда. Венчик плавно отогнут наружу. По шейке сосуда нанесены ямки — вдавления округлой в плане формы.

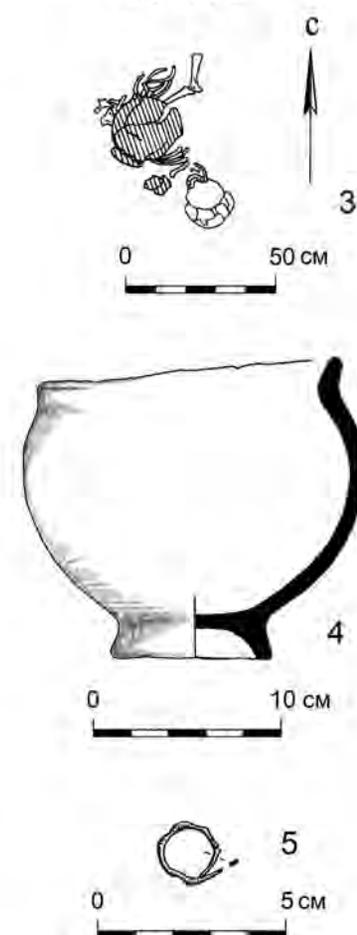
Могила № 2. За пределами курганной ограды, недалеко от её северо-восточной стенки было обнаружено захоронение ребёнка в возрасте 2–3 лет. Он, вероятно, лежал на спине, головой на юг (рис. 116: 3). Данное погребение также было нарушено в результате техногенного воздействия.

Слева от головы ребёнка стоял керамический сосуд шаровидной формы, неорнаментированный. Венчик плавно отогнут наружу, дно уплощённое. Сосуд имеет невысокий поддон (рис. 116: 4).

Подсуханиха II
Курган 11А

Подсуханиха II
Курган 11А
Могила 2

Подсуханиха II
Курган 11А
Могила 1
Уровень 1

Подсуханиха II
Курган 11А
Могила 1
Уровень 2

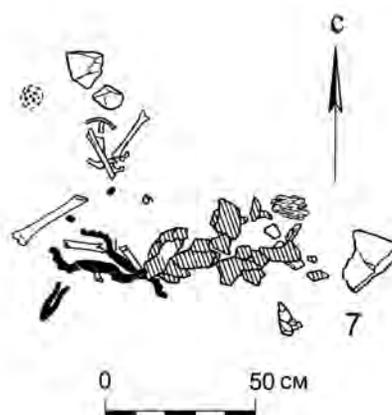

Рис. 116. Подсуханиха II. Курган 11А. Чертёж ограды (1), разрез (2), чертежи могилы 1 (6, 7), чертёж могилы 2 (3) и артефакты из неё (5 – медь (бронза?); 4 – керамика)

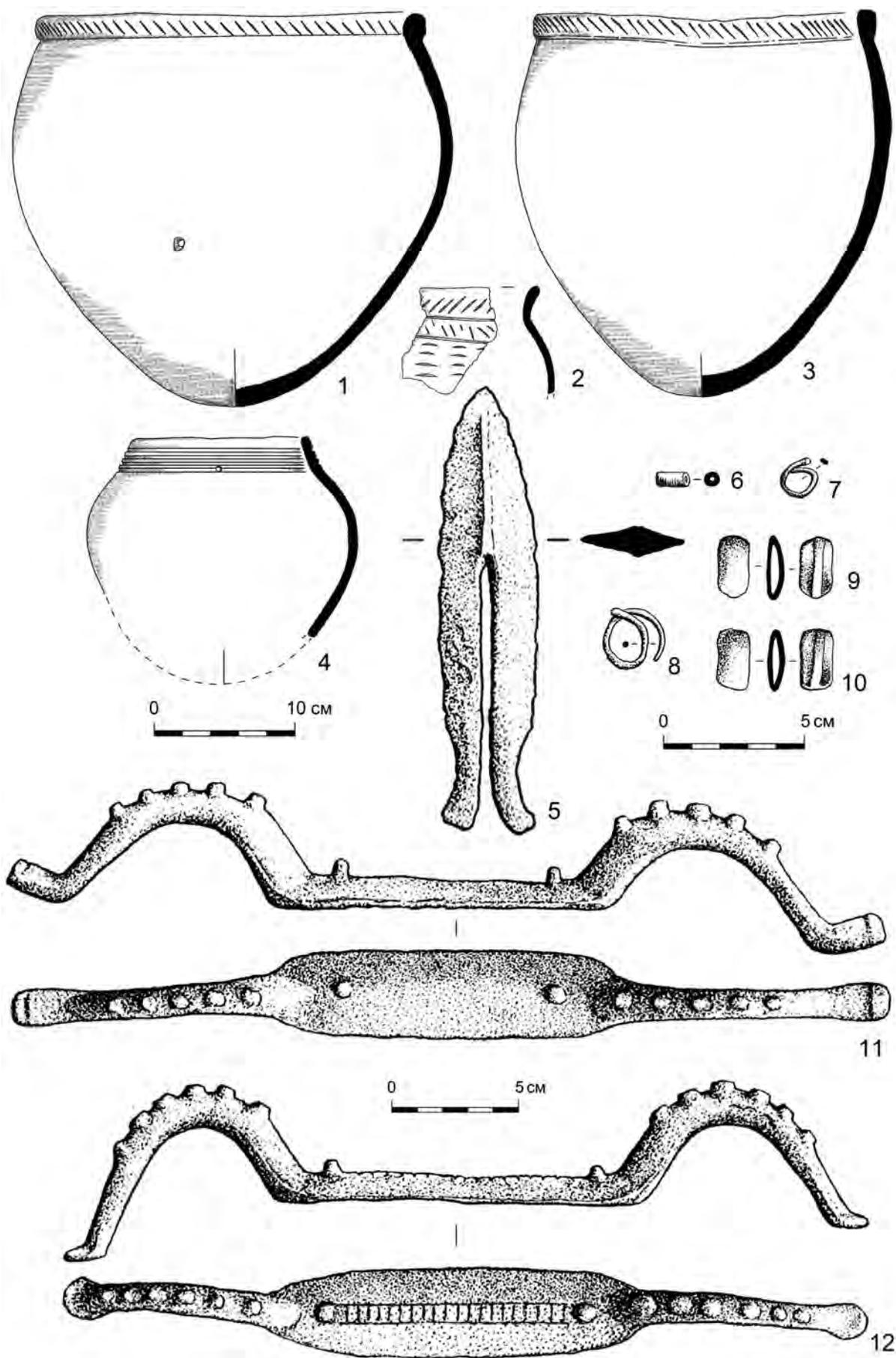

Рис. 117. Подсуханиха II. Курган 11А. Артефакты из могилы 1 (5, 7-12 – медь (бронза?); 1-4 – керамика; 6 – аргиллит)

Подсуханиха II
Курган 11Б

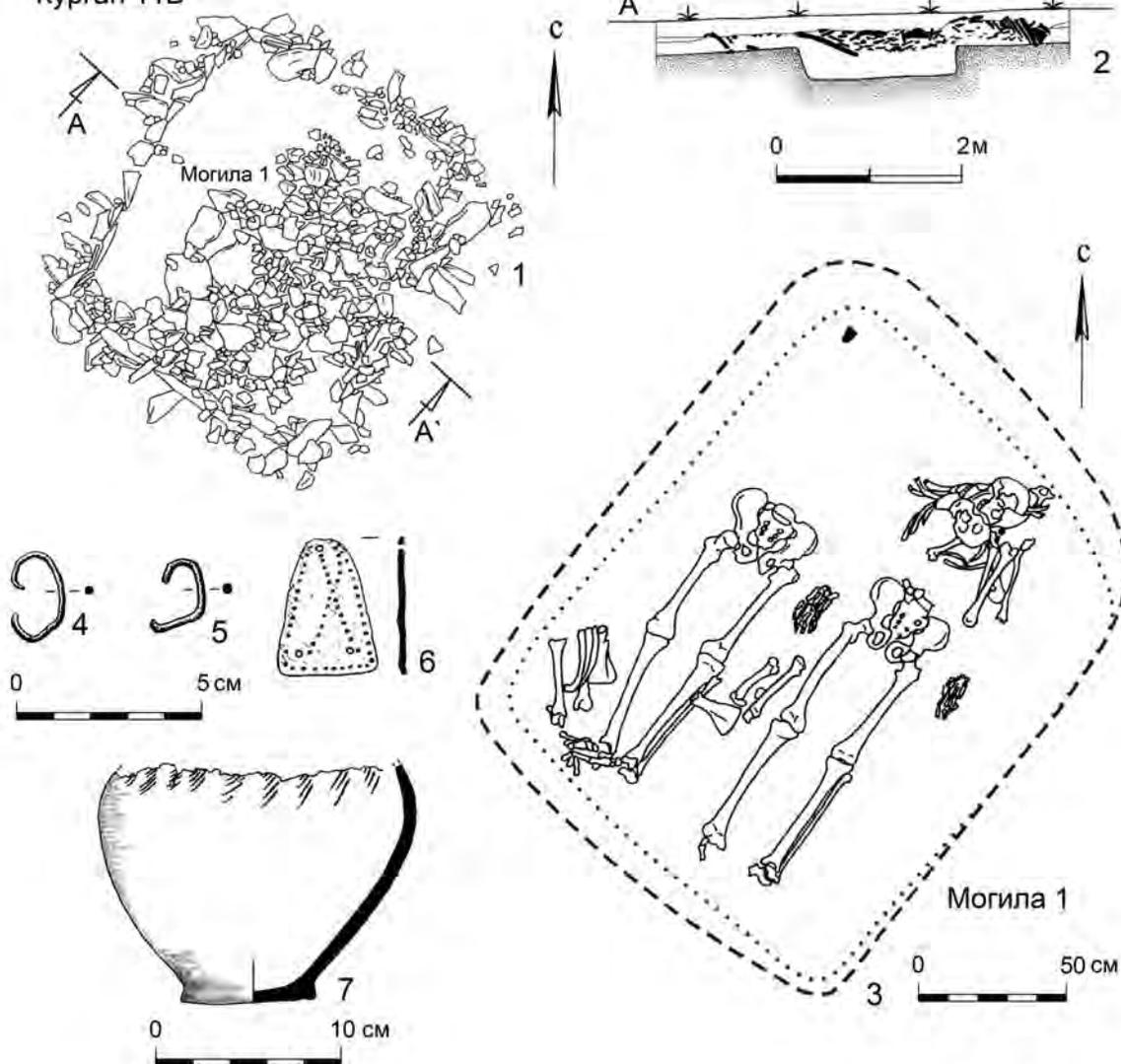

Рис. 118. Подсуханиха II. Курган 11Б. Чертёж ограды (1), разрез (2), чертёж могилы (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?); 7 – керамика)

Курган 11 «Б». Находится в 10 м к северо-востоку от кургана 11. Курган задернован, и насыпь практически в современном рельефе не прослеживается. Ограда подквадратной формы, построена из вертикально установленных на ребро и врытых в землю плит песчаника (рис. 118: 1, 2). Ориентирована по линии север–юг с небольшим отклонением к востоку. Размеры ограды 3,55 × 2,9 м. С внешней стороны плиты ограды укреплены контрфорсами. В северо-восточном углу ограды среди мелких камней кладки обнаружено пять мелких речных галек, лежащих почти вместе. Центральная часть северной стенки сложена не из вертикально установленных плит песчаника, а из мелких камней различной конфигурации.

В юго-западном углу ограды при зачистке каменной кладки найден железный трёхлопастный двухъярусный наконечник стрелы. Предварительная датировка этого наконечника стрелы – время раннего средневековья.

При зачистке площади курганной ограды местами встречались обломки речных галек и целые гальки. В северо-западном секторе ограды среди камней обнаружено несколько фрагментов керамики, в том числе с каменноложским орнаментом. Подобная керамика позже была также обнаружена и при зачистке каменного перекрытия могилы.

Могила № 1. После удаления мелких плиток песчаника внутри курганной ограды в её центре выявлены остатки каменного перекрытия могилы,

состоящего из крупных плоских плит песчаника. Перекрытие могилы было потревожено в древности. Остатки перекрытия лучше сохранились над южной частью могилы. Об ограблении могилы свидетельствуют многочисленные фрагменты керамического сосуда каменноложского времени, обнаруженного в верхней части заполнения могильной ямы, а также отдельные кости, принадлежащие костяку взрослого человека.

После снятия плит надмогильной кладки в южной части заполнения могилы была обнаружена деревянная плашка размерами 24 × 10 см и толщиной до 15 см. Плашка лежала по оси север–юг. Вероятно, это фрагмент деревянного надмогильного перекрытия.

Могильная яма прямоугольной в плане формы имеет размеры 2,15 м × 1,60 м (рис. 118: 3). Она ориентирована длинной стороной по линии СВ–ЮЗ. Глубина могилы от уровня древней поверхности составляет 0,36 м. На дне могилы находились останки двух костяков взрослых людей.

Костяк № 1, вероятно мужской, располагался у юго-восточной стенки могилы. Непотревоженной сохранилась только часть посткраниального скелета — крестец, тазовые кости и кости ног. Верхняя часть костяка была потревожена «грабителями» — череп был откинут и лежал рядом с черепом от второго костяка. Смещены и перемешаны оказались ребра и длинные кости рук. Судя по положению костяка, умерший был уложен в вытянутом положении на спину, головой на северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела, причём правая кисть руки мужчины была положена поверх кисти руки женщины.

В районе тазовой кости найдено несомкнутое колечко овальной формы, изготовленное из тонкой бронзовой проволоки (рис. 118: 4). Около черепа располагалось два небольших аморфных фрагмента от какого-то бронзового предмета, возможно украшения. С левой стороны у колена лежал набор костей овцы, состоящий из лопатки, задней ноги и астрагала.

От костяка №2 — женского, сохранилась только нижняя часть скелета. Ноги вытянуты и стопы ног направлены направо — в западную сторону. Череп от этого костяка располагался рядом с черепом от костяка № 1. Судя по положению костей ног и тазовых костей, умершая также была уложена на спину, головой на северо-восток, как и погребённый рядом мужчина.

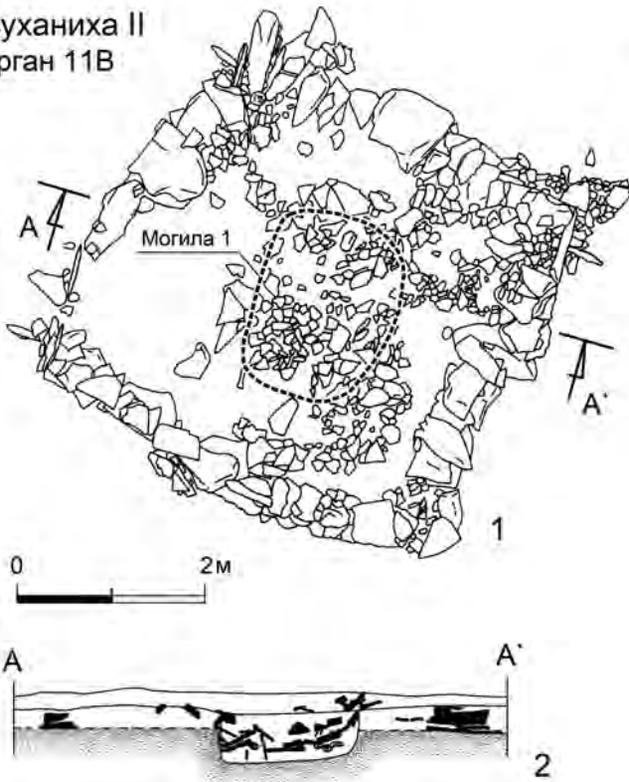
У ног женщины с правой стороны был также помещён набор костей овцы — три ребра, кости ноги в сочленении и астрагал. При зачистке костяка женщины ниже тазовых костей между ног найден обломок тонкой бронзовой проволоки (рис. 118: 5). В северо-восточном углу могилы обнаружена бронзовая пластинка в форме равнобедренного треугольника с закруглённым верхом и тремя сквозными отверстиями диаметром до 2 мм по углам (рис. 118: 6). На одной стороне этой пластинки по её краям по всему периметру нанесены неглубокие пуансонные вдавления. Внутри этого треугольника пробиты в подобной же технике две пересекающиеся диагонали. (В публикации к этой могиле отнесён ещё сосуд с оббитым верхним краем (рис. 118: 7). — А.П.)

Курган 11 «В» Располагался в 8 м к северо-востоку от кургана 11 «В». Он представляет собой каменную ограду подпрямоугольной формы. До раскопок ограда практически на поверхности земли не просматривалась. Ограда сложена из достаточно массивных плит песчаника, положенных друг на друга плашмя в 2–3 слоя (рис. 118: 1, 2). Размеры ограды 4,7 × 4 м. Ширина стенок от 0,5 до 0,8 м, высота от уровня древней поверхности до 0,20–0,25 м. Южная стенка ограды имеет длину 4,7 м. Высота стенки — 0,20–0,25 м, а ширина — 0,46–0,63 м. Юго-западный угол стенки ограды образован вертикальной плитой, поставленной впритык к кладке из плоско лежащих плиток песчаника.

Западная стенка ограды несколько округлая. Рядом с угловой юго-западной вертикальной плиткой установлена ещё одна вертикальная плитка. К этим плитам ограды с внешней стороны поставлены две плитки-контрфорса. Высота этих контрфорсов — 0,31 и 0,36 м. Ширина стенки достигает 0,8 м. Северо-западный угол ограды, так же как и юго-западный, оформлен вертикально установленной плитой песчаника. К этой плите с внешней стороны поставлена плита-контрфорс.

Северо-восточный угол ограды оформлен в виде массивной вертикальной плиты высотой до 0,9 м. К этой вертикальной плите с внешней стороны ограды приставлена плитка-контрфорс, высота которой 0,38 м. Стенка состоит из уложенных плашмя в 2–3 слоя плит песчаника. Плитки лежат несколько наклонно вовнутрь ограды. Ширина стенки — 0,50–0,55 м. Юго-восточный угол ограды оформлен в виде двух четырёхгранной формы галечных валунов.

Подсуханица II
Курган 11В

Подсуханица II
Курган 11В
Могила 1

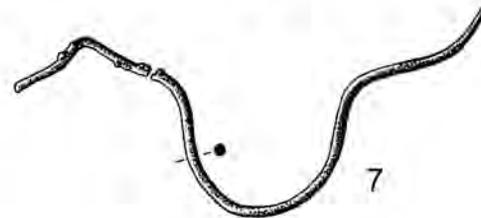
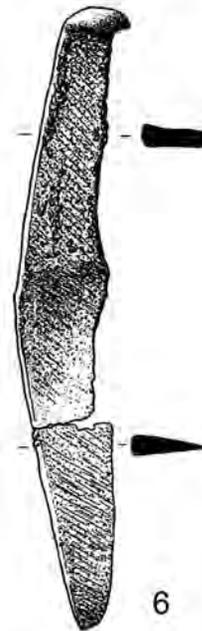
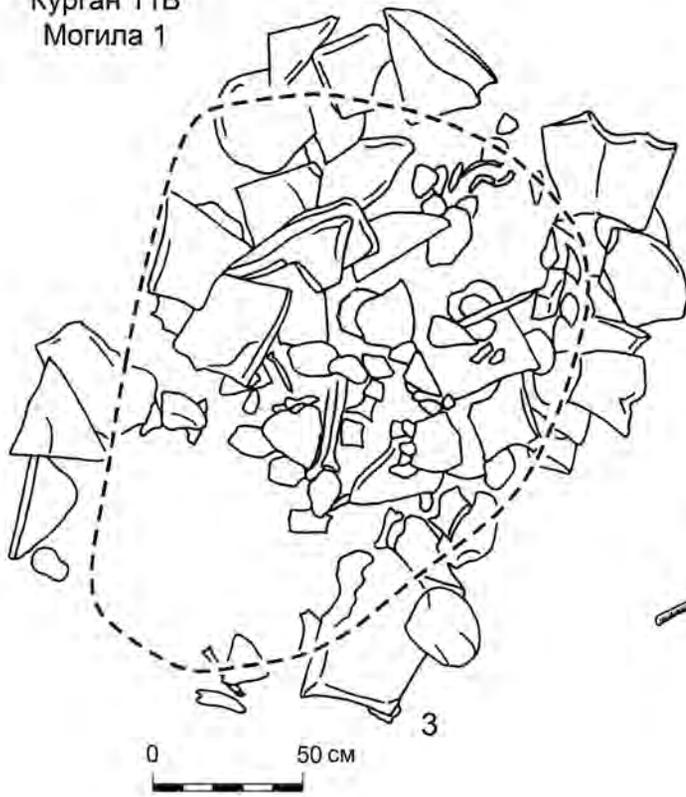

Рис. 119. Подсуханица II. Курган 11В. Чертеж ограды (1), разрез (2), чертеж могилы (3) и артефакты из неё (6, 7 – медь (бронза?); 4, 5 – керамика)

В ходе расчистки площади ограды у её западной стенки на глубине 0,2 м от современной поверхности был обнаружен каменный оселок. На разных участках в пределах площади ограды найдено до 10 фрагментов керамики и несколько каменных отщепов.

Могила № 1. Могила расположена в центре площади ограды. Могила имеет прямоугольную в плане форму и размеры 2,1 × 1,4 м при глубине 0,34 м от уровня погребённой почвы (рис. 119: 3). Могила ориентирована длинной стороной по направлению ЮЗ–СВ. Могильная яма сверху перекрывалась плитами песчаника. Размеры этого перекрытия — 2,45 × 1,7 м.

В процессе ограбления могилы её каменное перекрытие было нарушено — отсутствуют плиты над южной частью могилы. В процессе расчистки камней перекрытия могилы были обнаружены длинные кости ног и рук, принадлежащие костяку взрослого человека, фрагмент венчика орнаментированного каменноложского сосуда. Под каменным перекрытием сохранились небольшие фрагменты деревянного надмогильного перекрытия в виде кусочков деревянных плах, длина наиболее крупного размера 0,36 м при ширине 0,2 м и толщине 3 см.

В заполнении могильной ямы обнаружены кости, принадлежащие двум взрослым людям, а также предметы сопроводительного инвентаря: бронзовый коленчатый однолезвийный нож, рукоятка которого завершается грибовидной

шляпкой (рис. 119: 6), и бронзовая змеевидно изогнутая проволока (рис. 119: 7). Там же найдены фрагменты от двух керамических сосудов. Первый сосуд шаровидной формы. Венчик прямой, переходящий в короткую шейку. Дно сосуда плоское и завершается невысоким поддоном. Сосуд орнаментирован. По венчику нанесены, в технике прочерчивания, короткие линии, образующие орнамент в виде решётки с ромбовидными ячейками, ниже которых идут две параллельно прочерченные линии (рис. 119: 4).

Второй сосуд довольно крупный, круглодонный. Венчик имеет скруглённую верхнюю поверхность и небольшое утолщение с внешней стороны. От венчика тулово сосуда расширяется. Диаметр венчика 25–26 см. По внешней поверхности тулова сосуда вниз от венчика идут параллельные расчёсы. По венчику сосуд орнаментирован пояском наклонных вдавлений, произведённых зубчатым штампом (рис. 119: 5). На дне могилы в непотревоженном положении найдена лучевая кость левой руки. Кроме того, уже в перемещённом положении здесь обнаружены два фрагмента гладкостенной керамики, а также плоское дно от сосуда, позвонок и два ребра.

По этим немногочисленным археологическим и антропологическим данным невозможно достоверно судить о том, каково было первоначальное положение погребённых здесь людей и расположение сопроводительного инвентаря.

13. ТЕСЬ-IX

Могильник Тесь-IX исследовался в 2006 г. О. В. Ковалёвой и П. Б. Амзараковым. Он располагается на склоне горы Георгиевская в 3,5 км к западу от села Тесь Минусинского района Красноярского края. В июле–августе 2006 г. были проведены исследования курганов № 10, 17, 19, 40. Раскопки велись экспедицией Минусинского регионального

краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова под руководством научного сотрудника отдела фондов музея О. В. Ковалёвой при активном участии ассистента кафедры археологии, этнографии и исторического краеведения Хакасского государственного университета П. Б. Амзаракова. Финансирование проекта осуществлялось на общественных началах за счёт спонсорской помощи А. Наглера и коммерческих организаций г. Минусинска.

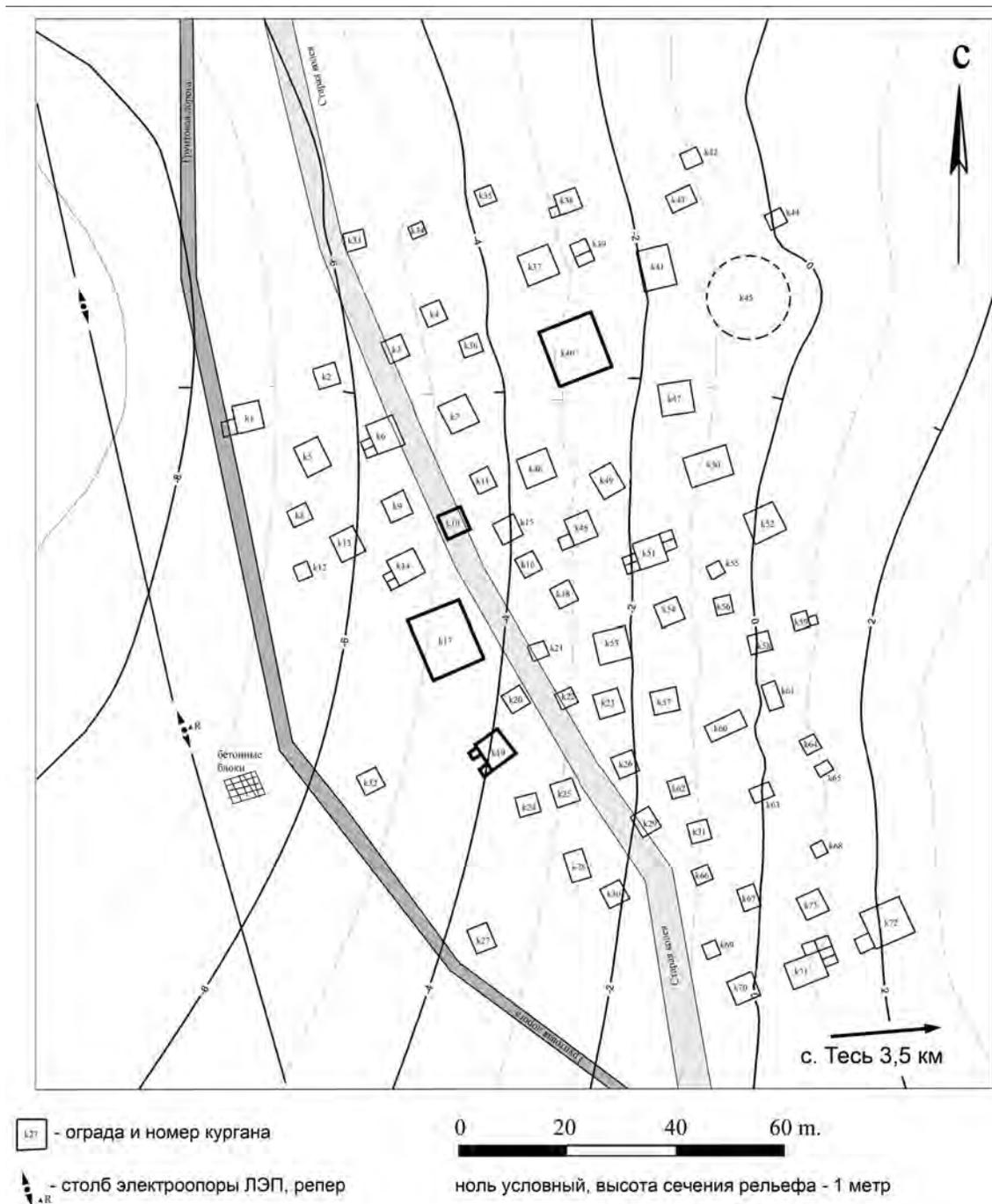

Рис. 120. Тесь-IX. План части могильного поля с указанием исследованных курганов

Могильник расположен в долине крупной реки Туба на пологом западном склоне и подошве горы Георгиевская. Гора Георгиевская и противостоящая ей с юго-запада гора Ильинская являются господствующими вершинами местности. Между ними пролегает небольшая, сужающаяся к выходу к реке (к северу) межгорная долина. Предположительно, в древности по этой долине протекал ручей. В северной части долина резко обрывается высокой надпойменной террасой, спускающейся к пойме реки Туба. Вся территория долины и пологих склонов гор Георгиевская и Ильинская изобилует разновременными памятниками археологии от эпохи энеолита до раннего средневековья. Помимо погребальных и поселенческих памятников, на горах Георгиевская и Ильинская расположены большие комплексы петроглифов различных эпох.

Протяжённость непосредственно могильника Тесь-IX более 2 км. Ширина варьируется от 200 до

400 м. Он насчитывает не менее 500 курганов, в связи с этим производилась инструментальная съёмка только отдельного его участка, насчитывающего 72 сооружения (рис. 120). В южной части могильника концентрируются курганы малых и средних размеров. В северной части встречаются очень крупные (для карасукского времени) курганы размером 10 × 10 и более м с сильно оплывшей насыпью высотой в отдельных случаях более 1 м. Такой тип погребальных конструкций и надмогильных сооружений нетипичен для периода поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины и ранее практически не исследовался.

Курган 10. Долгое время по поверхности кургана пролегла грунтовая дорога, от которой осталась колея местами глубиной до 60 см от уровня дневной поверхности. В результате была полностью уничтожена западная стенка ограды кургана

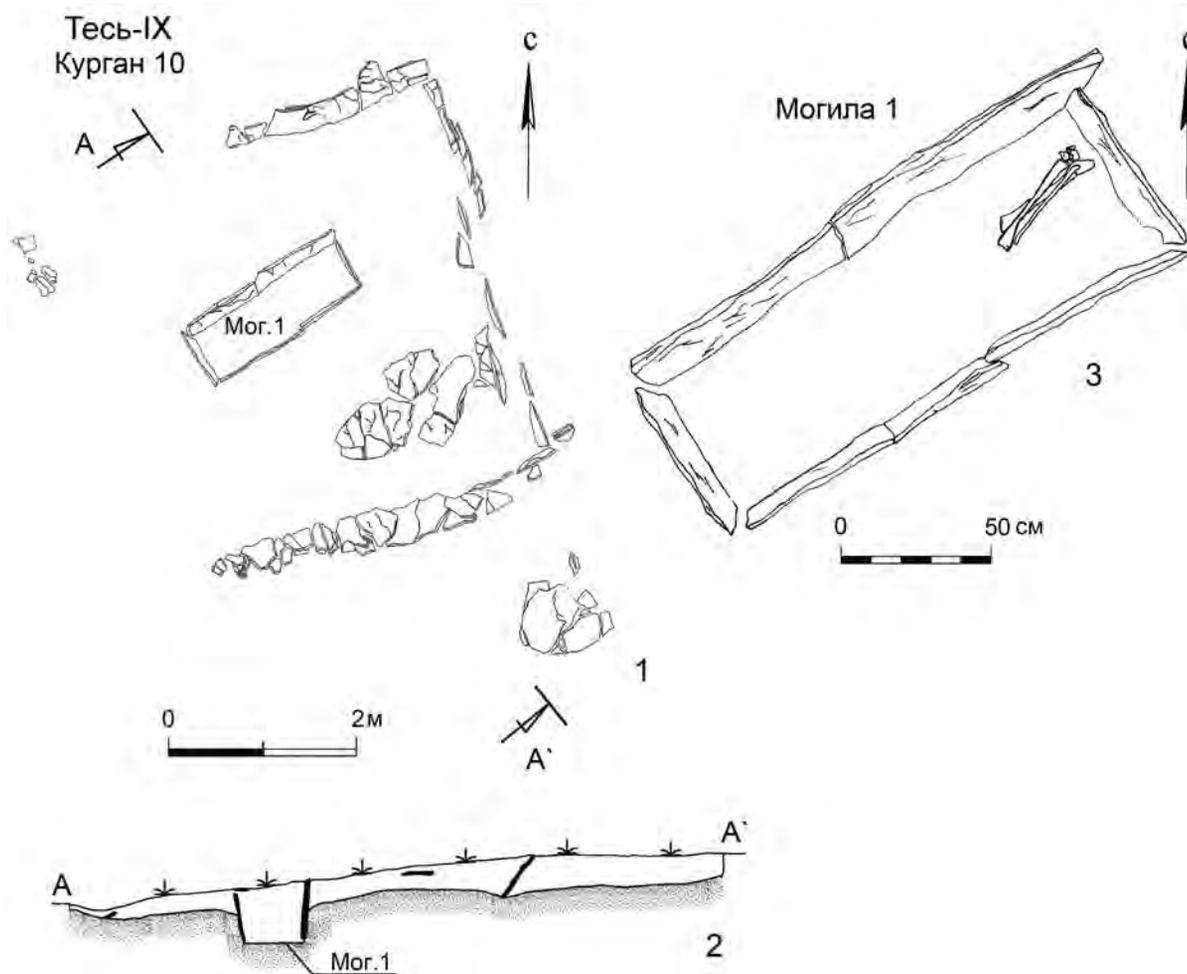

Рис. 121. Тесь-IX. Курган 10. Чертёж (1) и разрез (2) ограды, чертёж могилы (3)

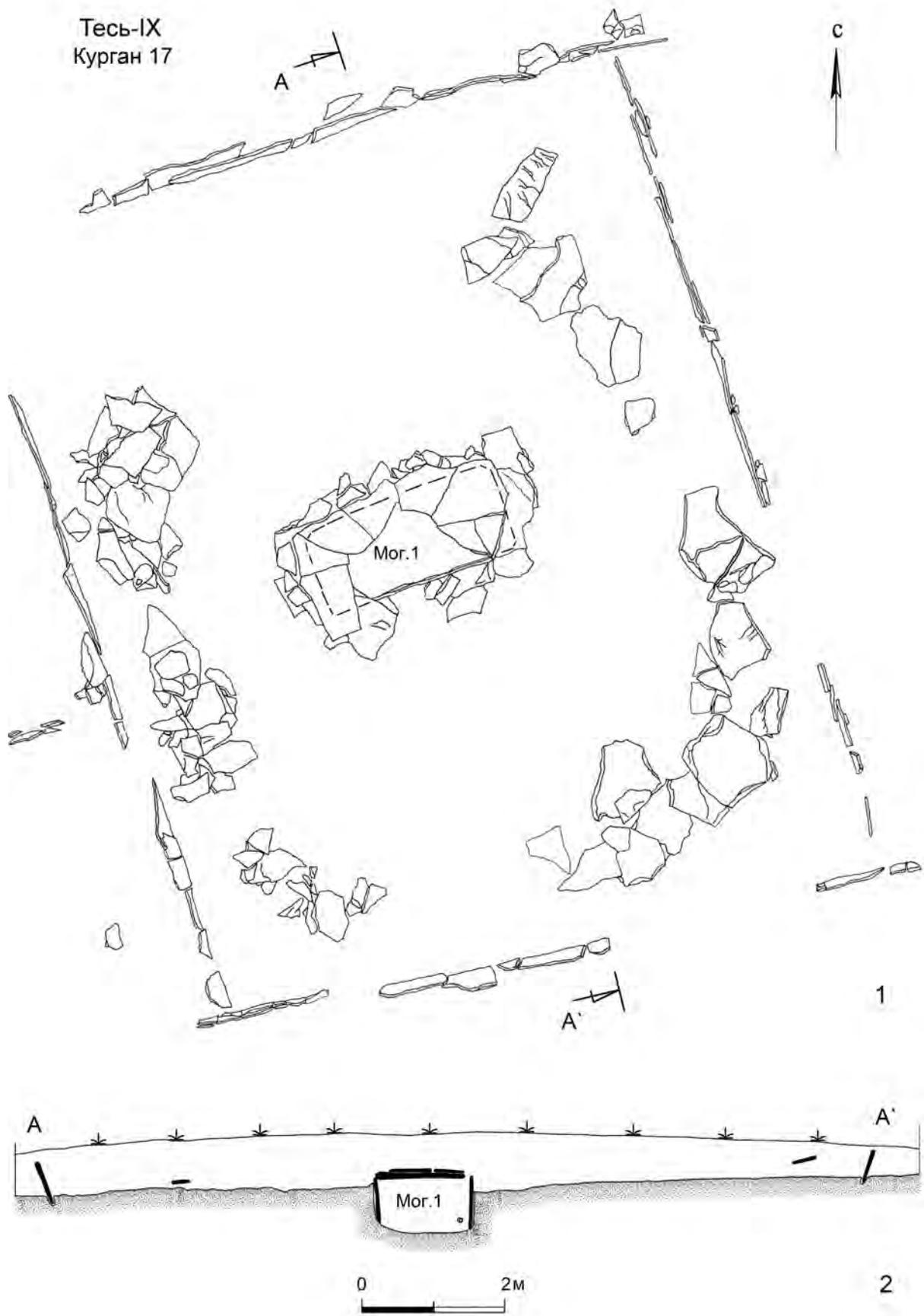

Рис. 122. Тесь-IX. Курган 17. Чергёж (1) и разрез (2) ограды

и частично нарушена западная часть погребального каменного ящика. В ходе расчистки установлено, что ограда из вертикально вкопанных плит имела прямоугольную форму со сторонами длиной $4 \times 4,5$ м (рис. 121: 1, 2). В центральной части находилось единственное погребение — могила № 1.

Могила № 1. В центре ограды каменный ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 175×60 см и высотой 50–60 см, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 121: 3). Плиты перекрытия в процессе ограбления были отброшены к югу от могилы. Осевые линии ограды и могилы не совпадают. Конструкции могилы развёрнуты на 15° против часовой стрелки по отношению к ориентации стенок ограды. Погребение было ограблено в древности. Большинство костей человека было обнаружено в заполнении могилы. На дне в положении *in situ* сохранились только кости голеней, которые позволяют предположить, что погребённый (мужчина 30–40 лет) был положен в могилу головой в юго-западном направлении на левый бок или полубок. Сопроводительный инвентарь в захоронении не обнаружен.

Курган 17.

Одно из крупнейших сооружений в этой части могильника. До начала раскопок представлял со-

бой сильно оплывший земляной холм диаметром около 15 м и высотой до 1 м без видимых каменных конструкций. После снятия насыпи была выявлена прямоугольная ограда кургана из вертикально вкопанных плит девонского песчаника красноватого цвета, размерами $11,5 \times 9$ м, ориентированная длинными сторонами по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 122). В центральной части находилось единственное погребение — могила № 1. Внутри ограды вокруг могилы прослежено кольцо диаметром около 8 м из горизонтально лежащих плит песчаника. Вероятно, это сохранившаяся часть облицовки надмогильного сооружения.

Могила № 1. В центре ограды каменный ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 180×85 см и высотой около 75 см, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 123: 1). Погребение потревожено в древности — в заполнении могилы были найдены кости человека и животных, а также фрагменты донной части керамического сосуда (рис. 123: 3). Не было найдено ни одного фрагмента тулова и венчика сосуда, что позволяет предположить, что в погребение был помещён горшок с оббитым венчиком. На дне могилы зафиксированы сдвинутые к южной стенке кости левой руки, несколько рёбер и левая ключица мужчины 35–45 лет. В восточной части погребения зафиксирова-

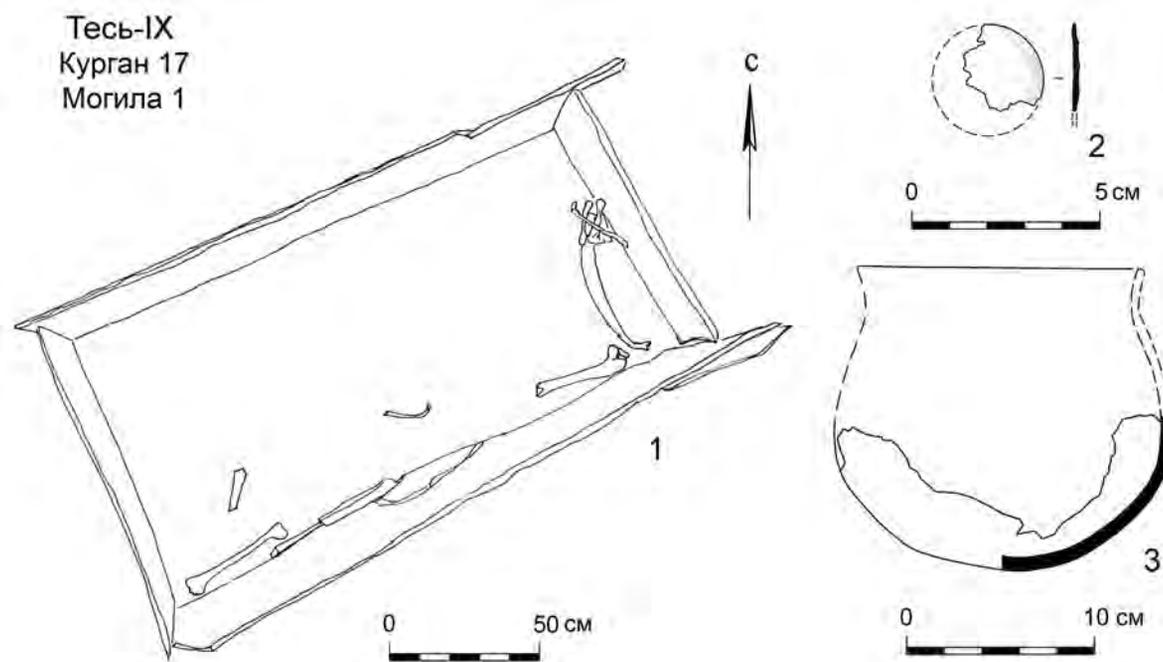

Рис. 123. Тесь-IX. Курган 17. Чертёж могилы 1 и артефакты из неё (2 — медь (бронза?); 3 — керамика)

но скопление костей коровы (рёбра) и двух овец (лопатки, рёбра, плечевая, бедренная и берцовые кости). В западной части погребения на дне могилы найден фрагмент сильно окислившейся бронзовой бляшки, возможно, небольшого зеркала (рис. 123: 2).

Курган 19. До начала работ на поверхности степи прослеживались верхние края вертикальных плиток ограды и пристроек к ней. В результате работ была выявлена прямоугольная конструкция основной ограды кургана размерами 7,5 × 4,5 м, развёрнутая длинными сторонами по линии

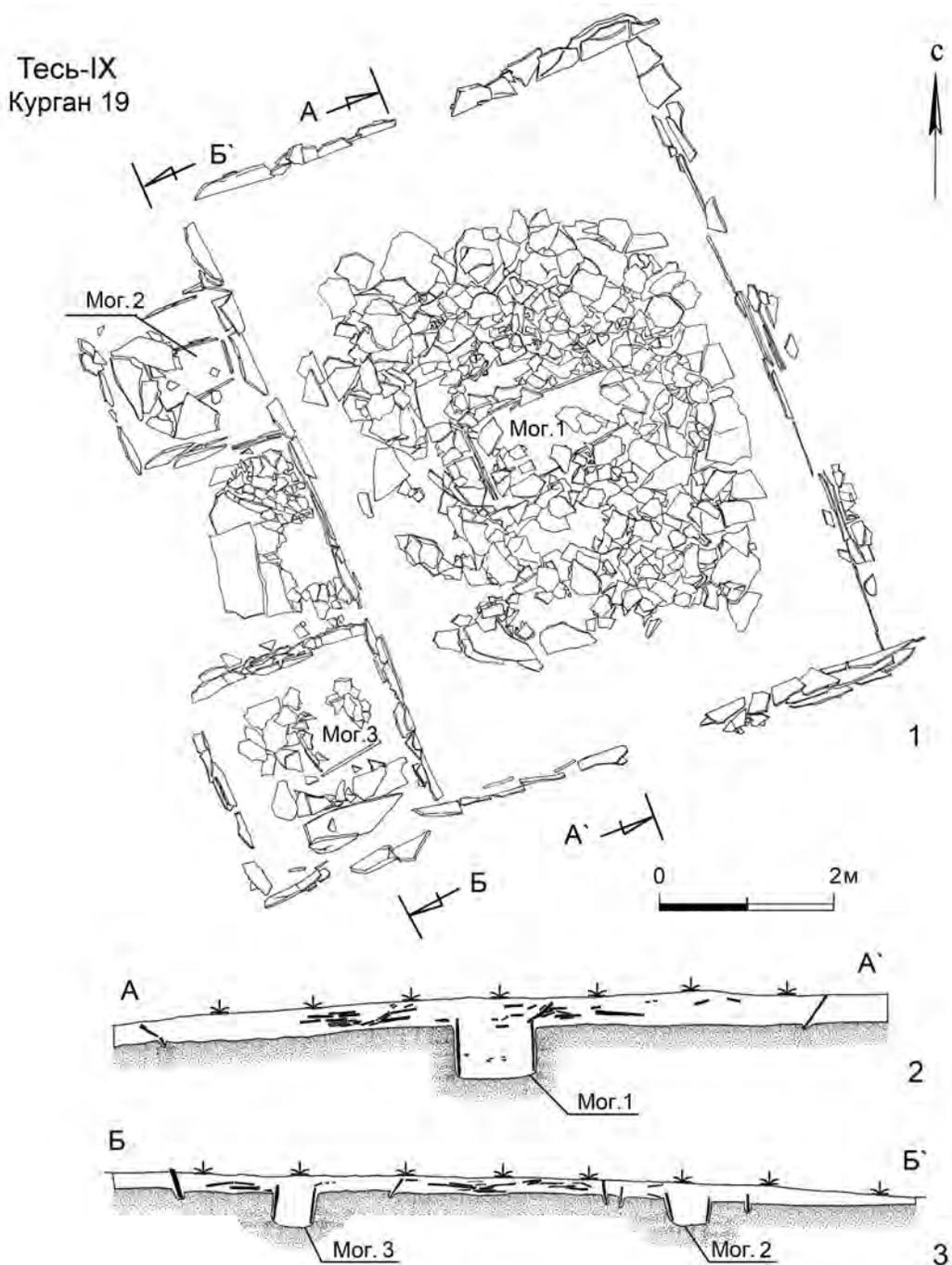
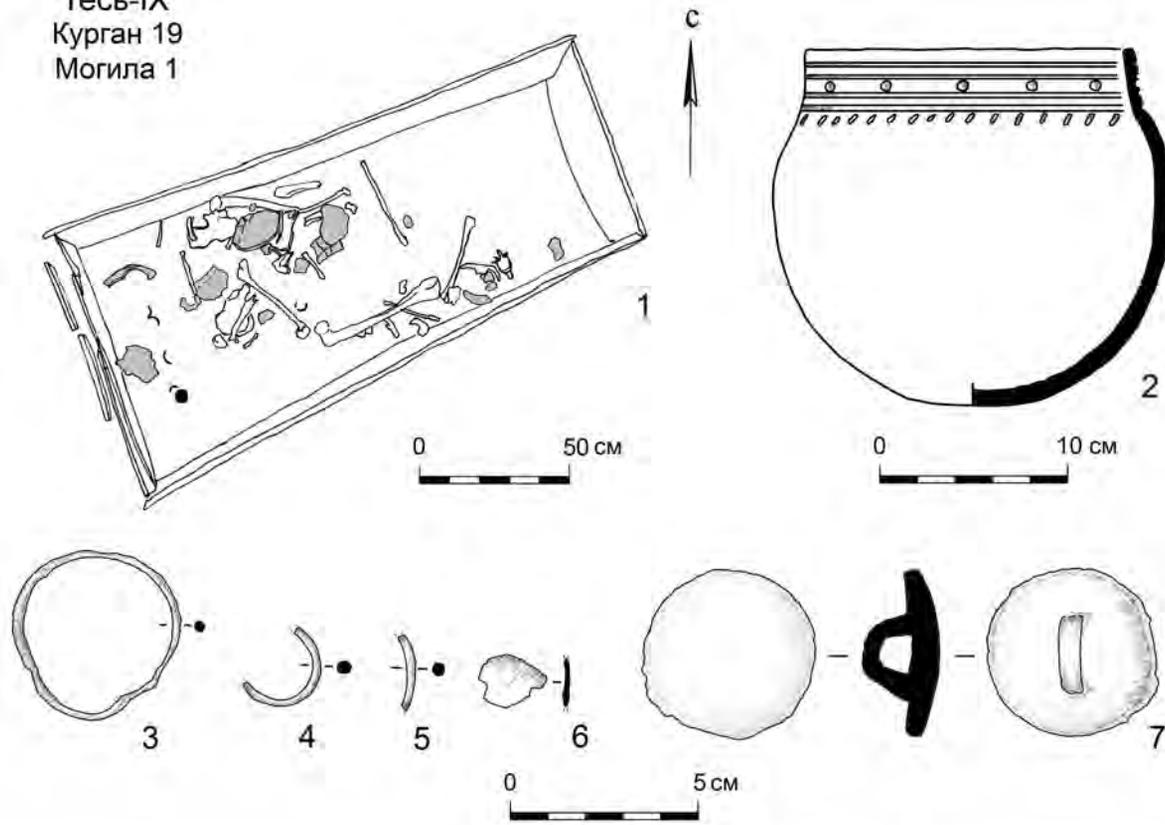

Рис. 124. Тесь-IX. Курган 19. Чертеж (1) и разрезы (2, 3) оград

Тесь-IX
Курган 19
Могила 1

Тесь-IX
Курган 19
Могила 2

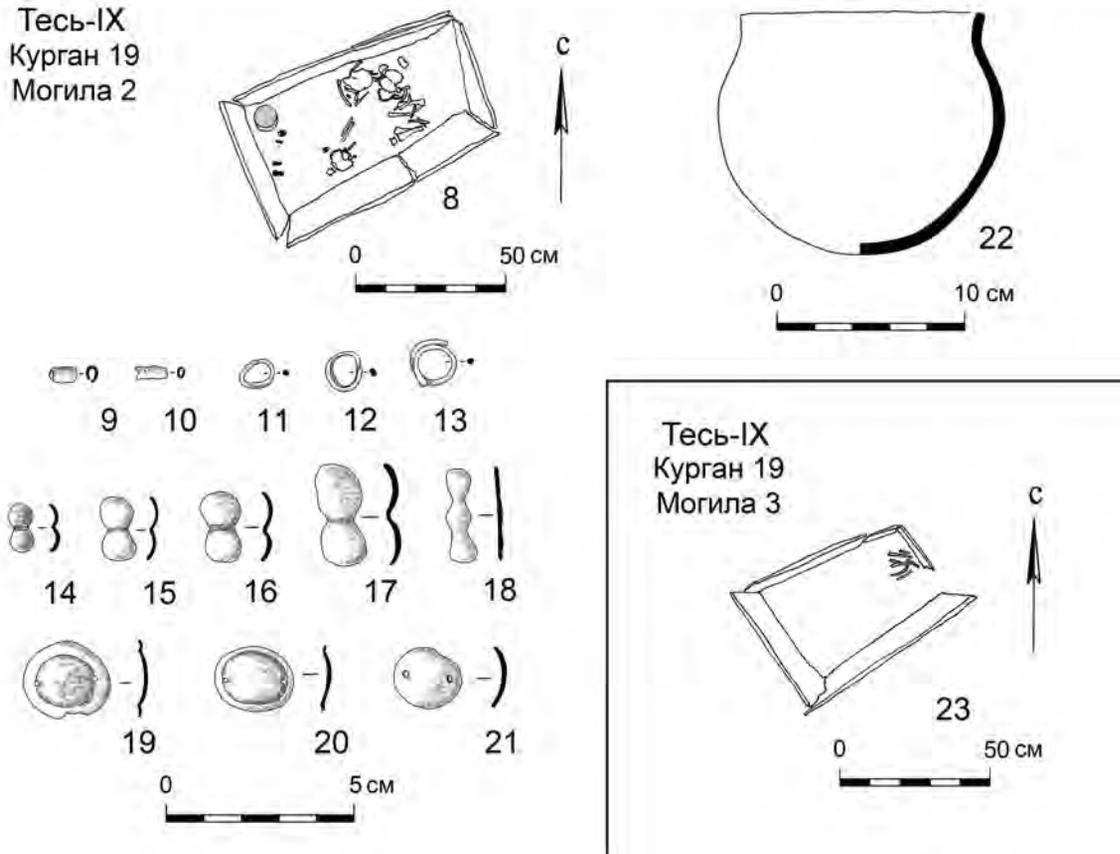

Рис. 125. Тесь-IX. Курган 19. Чертежи могил 1-3 (1, 8, 23) и артефакты из них (3-7, 9-21 – медь (бронза?); 2, 22 – керамика)

Тесь-IX
Курган 40

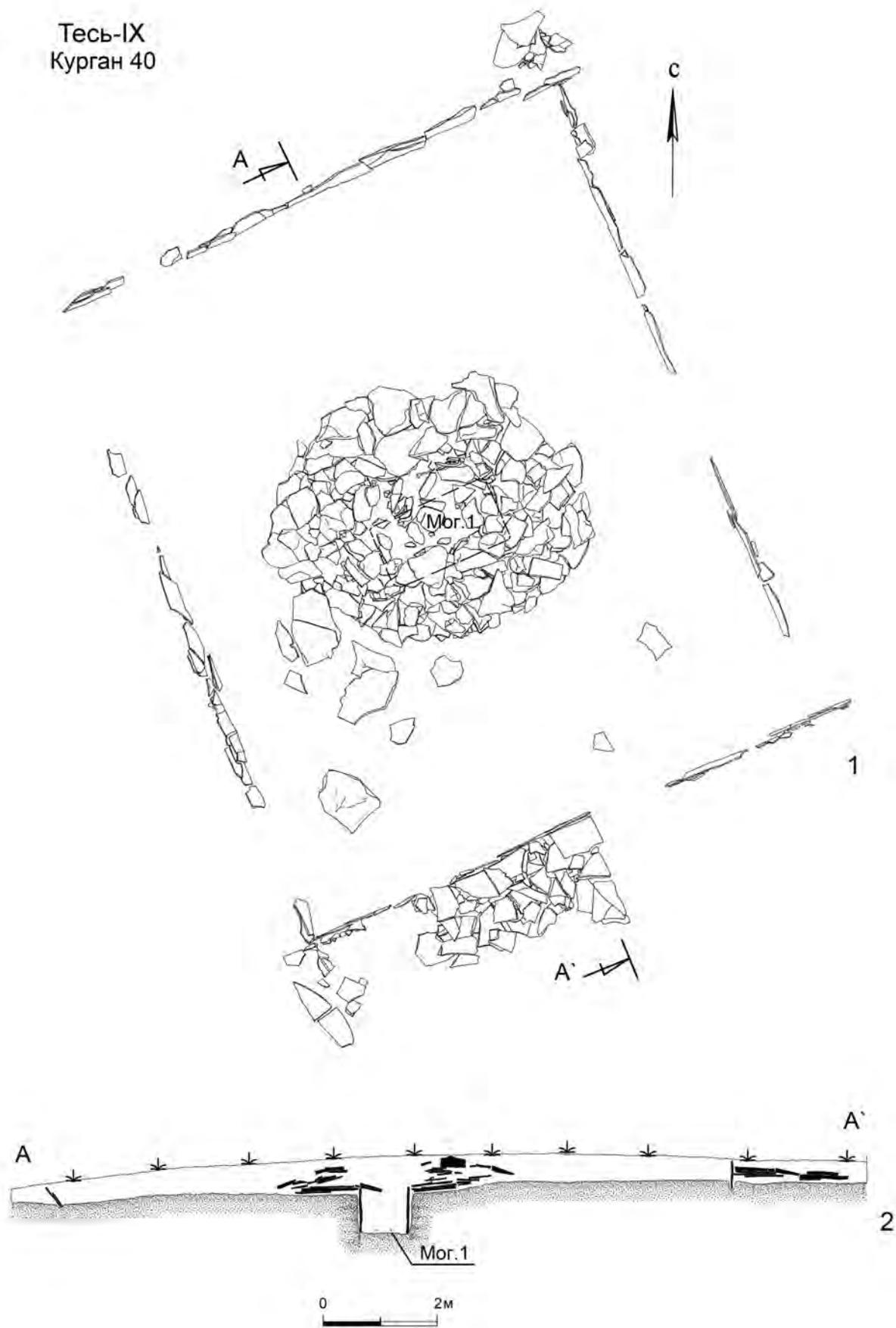

Рис. 126. Тесь-IX. Курган 40. Чертеж (1) и разрез (2) ограды

ССЗ–ЮЮВ (рис. 124). С ЗЮЗ стороны к ней были сделаны две детские пристройки из вертикально вкопанных плит песчаника. Пристройка № 1 с могилой № 2 имела размеры 1,5 × 1,5 м, а пристройка № 2 (возле южного угла основной ограды) с могилой № 3 — 2,5 × 2 м.

В центральной части основной ограды кургана было обнаружено надмогильное сооружение в виде куполовидной конструкции из горизонтально положенных плит песчаника. Она представляла собой небольшую овальную земляную насыпь 5 × 4 м высотой до 0,3 м, покрытую сверху 1–2 слоями плиток песчаника. В центре конструкции зафиксирован грабительский лаз.

Могила № 1. В центре основной ограды находился каменный ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 175 × 90 (ЗЮЗ) × 85 (ВСВ) см и высотой около 60 см, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 125: 1). Перекрытие могилы сохранилось только частично, и, вероятно, было сделано из одной или нескольких плит песчаника. Погребение было сильно потревожено, ни одна из костей не была обнаружена *in situ*. В заполнении и на дне могилы были встречены переотложенные грабителями кости женщины старше 50 лет, кости овцы (правая лопатка, рёбра, позвонки), пяточная кость коровы и фрагменты лощёного керамического сосуда со слегка уплощённым дном (рис. 125: 2). В ЗЮЗ части погребения на дне могилы была найдена массивная полусферическая бронзовая пуговица (рис. 125: 7), одно целое бронзовое височное кольцо и два фрагмента от другого височного кольца (рис. 125: 3–5), фрагмент бронзовой бляшки (рис. 125: 6). На основании положения останков погребённой можно определить только ориентацию — головой на ЗЮЗ.

Могила № 2. Находилась в пристройке № 1. Она представляет собой каменный ящик прямоугольной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 85 × 50 см и высотой около 45 см, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 125: 8). Погребение было ограблено в древности. В заполнении и на дне могилы встречались переотложенные грабителями останки погребённого (ребёнок, возраст 1,5–2 года), кости молодой овцы (правая лопатка, рёбра, большая берцовая и плечевая кости), а также бронзовые украшения — две пронизки (рис. 125: 9, 10),

три небольших височных кольца (рис. 125: 11–13), четыре восьмёркообразных выпуклых бляшки (рис. 125: 14–17), одна плоская удлинённая бляшка в виде трёх соединённых окружностей (рис. 125: 18) и три бронзовые выпуклые бляшки с двумя отверстиями по краям (рис. 125: 19–21). В западном углу погребения был обнаружен стоящий *in situ* неповреждённый лощёный круглодонный керамический горшок без орнамента (рис. 125: 22).

Могила № 3. Находилась в пристройке № 2. Она представляет собой каменный ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 60 × 45 (ЗЮЗ) × 30 (ВСВ) см, высотой около 40 см, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 125: 23). По отношению к стенкам ограды пристройки ящик смещён на 5° по часовой стрелке. Погребение ограблено в древности. Преимущественно в заполнении могилы были встречены кости двух новорождённых младенцев и кости овцы. Других находок нет.

Курган 40. Одно из крупнейших сооружений в этой части могильника. До начала раскопок представлял собой сильно оплывший земляной холм диаметром около 14 м и высотой до 1 м без видимых каменных конструкций. После снятия насыпи была выявлена прямоугольная ограда кургана из вертикально вкопанных плит девонского песчаника красноватого цвета, размерами 12 × 9,5 м, ориентированная длинными сторонами по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 126). В центральной части находилось единственное погребение — могила № 1. Над ней было зафиксировано надмогильное сооружение в виде куполовидной конструкции из горизонтально положенных плит песчаника. Она представляла собой незначительную земляную насыпь 5,5 × 5 м, высотой до 0,45 м, покрытую сверху 1–2 слоями плиток песчаника.

Могила № 1. В центре ограды расположен каменный ящик трапециевидной формы из плит песчаника, установленных на ребро, размерами 200 × 90 (ЗЮЗ) × 75 (ВСВ) см и высотой около 60 см, ориентированный длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 127: 1). Погребение потревожено в древности — в заполнении могилы были встречены фрагменты керамики, костей человека и животных, а также два каменных куранта зернотёрки (рис. 127: 4, 5). На дне могилы зафиксированы

сдвинутые к южной стенке кости голенистопа человека. В южной части погребения были найдены кости передних конечностей и рёбра взрослой коровы, а в северной части — лопатка взрослой коровы, кости передних конечностей и рёбра молодой овцы. Здесь же, в северной части погребения, на дне обнаружено бронзовое височное кольцо (рис. 127: 2). В северо-западном углу погребения на

дне, а также в заполнении могилы были найдены фрагменты керамического сосуда (рис. 127: 3). В юго-западной части погребения на уровне 40 см от дна находился череп человека, мужчины 45–50 лет. В заполнении могилы был также найден фрагмент теменной части черепа крупного мужчины, вероятно переброшенный грабителями из другой могилы. Других находок в погребении нет.

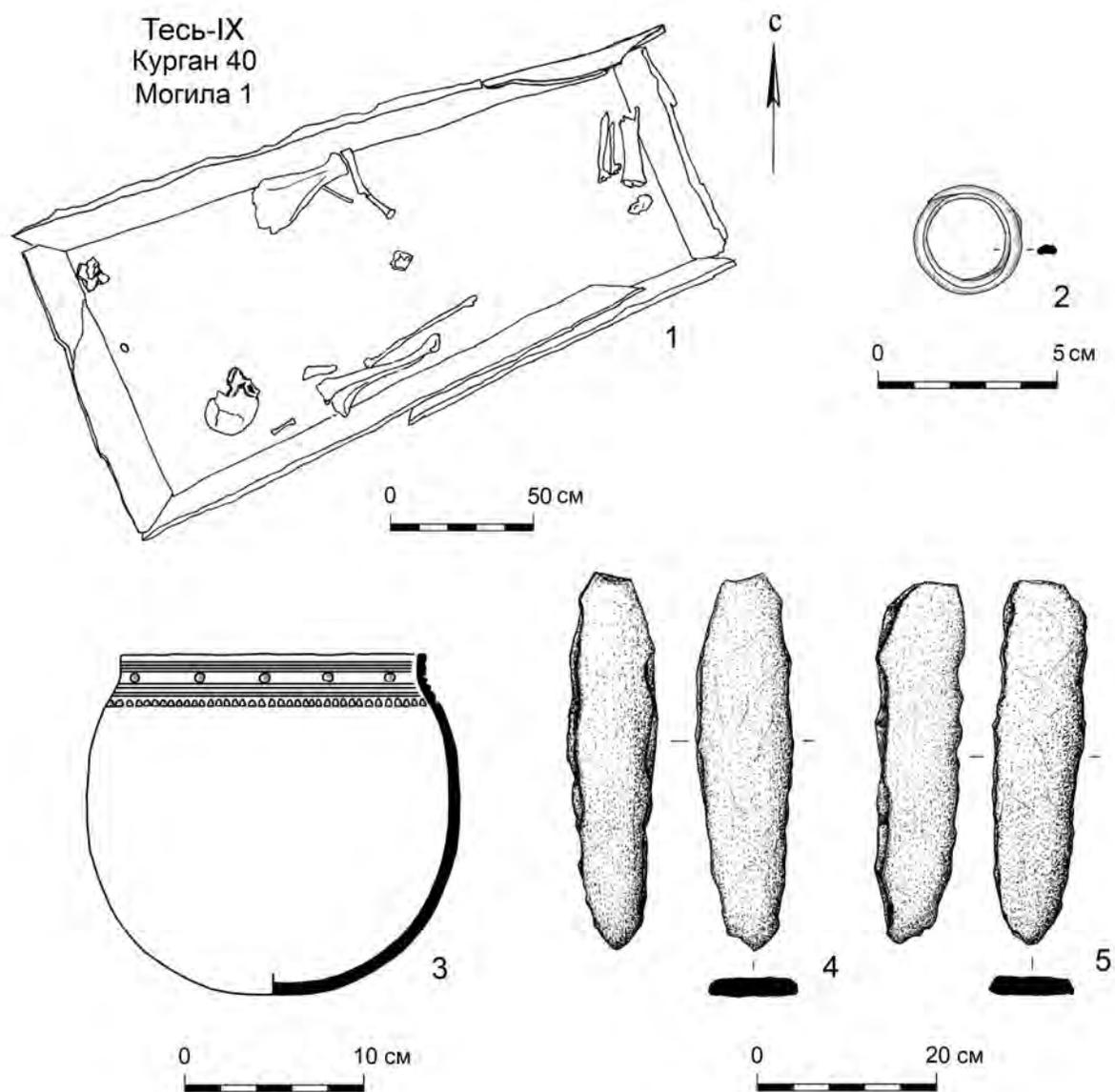

Рис. 127. Тесь-IX. Курган 40. Чертёж могилы 1 и артефакты из неё (2 — медь (бронза?); 3 — керамика; 4, 5 — камень)

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ (А. В. ПОЛЯКОВ)

Краткая история развития идей, концепций и различных хронологических схем карасукского времени

Период конца II — начала I тыс. до н. э. на территории Минусинских котловин — чрезвычайно интересное и динамичное время. История его изучения может стать основой для самостоятельного монографического исследования, изобилующего активными научными дискуссиями, а также разнообразными гипотезами и концепциями. Даже в данном исследовании есть две части, которые написаны соавторами в разные годы и базируются на отличающихся хронологических схемах. Учитывая это, необходимо предварить анализ материалов кратким историографическим экскурсом, который позволит читателю совместить различные подходы и хронологические схемы.

Раскопки памятников этого периода начались ещё в конце XIX в. Однако они не носили системного характера и могут рассматриваться только как некий этап первичного накопления знаний. Колоссальная работа, проделанная С. А. Теплоуховым в 1920-х гг. прошлого века, позволила ему объединить данные предшествующих исследований с результатами своих раскопок и предложить хронологическую схему памятников Минусинских котловин, которая по-прежнему находится в основе всех современных концепций [Теплоухов, 1927; Теплоухов 1929]. В том числе им была выделена карасукская культура, занимавшая хронологическую позицию между андроновским временем и началом скифской эпохи. Именно с этого момента берут начало все концепции и гипотезы, пытающиеся описать её зарождение, развитие и историческую судьбу. На тот момент С. А. Теплоухов осторожно датировал её началом I тыс. до н. э.

Продолжительное время этот подход устраивал всех археологов. Материалов было немного, и все исследователи поддерживали концепцию единой археологической культуры, не находя точки опоры для построения более сложных схем. В результате в 1951 г. в своей основополагающей

монографии С. В. Киселёв только лишь дополняет описание С. А. Теплоухова новыми памятниками и параллелями с китайскими вещами, не внося каких-то концептуальных изменений [Киселёв, 1951. С. 106–183]. К уже сформированной предшественником основе он добавляет массу деталей и наблюдений, представляя гораздо более живую и наглядную картину быта древнего населения, оставившего эти памятники.

В 1956 г. М. П. Грязнов выдвигает концепцию десяти вариантов карасукской культуры, сложившихся на обширных территориях от Западного Казахстана до Минусинских котловин после распада андроновской культурно-исторической общности (КИО) [Грязнов, 1956]. Эта идея предполагала существование не менее крупного образования и постулировала наличие общих процессов, происходящих на огромных пространствах степной Евразии. Правда, довольно скоро стало понятно, что все выделенные варианты являются полноценными самостоятельными археологическими культурами, и эта гипотеза не получила своего дальнейшего развития. В отличие от андроновской КИО, демонстрирующей удивительное единообразие памятников на огромных занятых ею просторах, в более позднее время наблюдается возврат к доминированию локальных традиций, зачастую сформировавшихся ещё в доандроновское время.

Настоящая революция в изучении карасукской культуры началась в 1960-х гг. и связана она с работами Красноярской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР (сейчас ИИМК РАН), возглавляемой М. П. Грязновым. В ходе строительства Красноярской ГЭС огромные территории по берегам Енисея должны были уйти под воду, и было принято решение провести спасательные археологические исследования максимально большого числа памятников. В том числе в течение восьми лет были раскопаны свыше 1500 погребений карасукской культуры, что увеличило базу источников почти в восемь раз [Грязнов и др., 2010. Прил II, табл. 1]. Именно столь радикальный рост числа изученных памятников подчеркнул неоднородность объектов, объединённых

в понятие карасукской культуры. В то же время яркие, уникальные находки и необходимость привлечения к раскопкам широкого круга специалистов привели к тому, что карасукская проблематика заинтересовала многих археологов. Как следствие столь бурного роста числа источников и специалистов начали появляться различные, в том числе диаметрально противоположные гипотезы и концепции причин неоднородности изучаемых памятников.

Можно выделить два основных подхода, объясняющих наличие столь заметных отличий. Первый предполагал исключительно хронологические причины и базировался на автохтонной концепции, отрицающей возможность миграций значительных групп населения. В рамках этого подхода считалось, что население Минусинских котловин в период поздней части эпохи палеометалла не сменялось, а формирование карасукской культуры и все дальнейшие изменения происходили в результате «движения идей и технологий». Основными апологетами этого подхода были М. П. Грязнов и Г. А. Максименков. Ими было предложено разделение карасукской культуры на два последовательных хронологических этапа: ранний, собственно карасукский, или «классический», и поздний — каменноложский. Эта концепция базировалась на многочисленных полевых наблюдениях, сделанных в ходе работ Красноярской экспедиции, и заслуженно долгие десятилетия оставалась опорной для изучения памятников этого времени.

Вместе с тем несколько исследователей, каждый в своём особом направлении, разрабатывали принципиально иной подход, предполагавший формирование и развитие карасукской культуры в результате активных миграционных процессов [Хлобыстина, 1962; Хлобыстина 1963; Хлобыстина 1967; Членова, 1963; Членова 1964; Членова 1972; Новгородова, 1965; Новгородова 1970]. Они считали, что причина разнообразия памятников кроется в различных по своему происхождению группах населения, которые одновременно (до четырёх разных групп чересполосно) проживали на территории Минусинских котловин и активно между собой взаимодействовали.

Объединяет все эти концепции схожий подход. Одна группа населения рассматривалась как наследники местной афанасьевско-окуневской традиции с грубыми сосудами, коленчатыми ножами и простыми конструкциями погребальных

сооружений. Вторая группа — мигранты, носители «луристанской волны» бронзовых изделий, качественной керамики, технологичных и однотипных курганов из плитняка. Несмотря на тезис о значительном периоде сосуществования, неизбежно возникло некое хронологическое соотношение: более ранние автохтоны и относительно поздние мигранты. Причём хронология этих групп определялась на основе архаичности одних и более прогрессивных технологий других.

В результате возник парадокс, который и привёл к острой научной дискуссии. Более примитивные с точки зрения технологий коллективы, по концепции М. П. Грязнова, оказывались более поздними (каменноложский этап), чем высокотехнологичные «носители луристанской волны». То есть среди археологов сложилось два противоборствующих лагеря, которые диаметрально противоположно рассматривали хронологию отдельных групп в карасукское время. Позиция М. П. Грязнова совершенно понятна и базируется на многочисленных полевых наблюдениях, в то время как его оппоненты исходили из методологических «постулатов» о поступательном развитии человеческой культуры. Сейчас такой подход уже неприемлем, так как известны многочисленные примеры регресса и технологической деградации отдельных коллективов.

С современных позиций следует отметить, что обе стороны дискуссии были по-своему правы и неправы. М. П. Грязнов совершенно верно определил хронологию памятников. Предложенная им последовательность до сегодняшнего дня сохраняет актуальность. В то же время полный отказ рассматривать влияние миграций на культурно-хронологические процессы оказался тупиковым направлением научного развития. В свою очередь его оппоненты, верно предполагавшие важность миграционных процессов, пытались строить искусственные хронологические конструкции на основе «архаичности» и «продвинутости» технологий, которые не выдержали проверки временем и новыми материалами. Подробнее с этими концепциями можно ознакомиться в уже опубликованной литературе [Поляков, 2022а. С. 251–254].

В дальнейшем, в ходе осмысления результатов работ Красноярской экспедиции, наметились пути дальнейшего изучения хронологии этих памятников. Г. А. Максименков, раскопавший за шесть лет совместно с Э. Б. Вадецкой огромный могильник

Сухое Озеро II (550 могил), в 1970–1980-х гг. подготовил по его материалам рукопись. В ней он высказал гипотезу, что пять локальных групп этого памятника являются строго последовательными и отражают историю развития данного кладбища. Таким образом, это была первая попытка выделить в составе карасукского, или «классического», этапа более дробные единицы — фактически подэтапы. И хотя рассматривались материалы только одного могильника, данная концепция знаменует начало более детального изучения уже оформившихся двух групп памятников. К сожалению, автор не успел своевременно опубликовать свою работу, когда она была бы максимально актуальна, и монография издана только недавно [Максименков, Вадецкая, 2022].

Следующий этап в изучении древностей этого времени наступил в начале нового тысячелетия. Он

открывается работами А. В. Полякова и И. П. Лазаретова, предложившими новый подход к материалам «карасукской культуры» [Поляков, 2002; Поляков 2006а; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008]. Анализ максимально широкого круга источников, насчитывающих уже почти 4 тыс. изученных погребений, с применением метода «горизонтальной стратиграфии» позволил на примере крупных могильных полей установить последовательность сооружения отдельных курганов. В результате удалось выявить общие тенденции развития культурных признаков для разных районов Минусинских котловин и далее на этой основе сформулировать новую культурно-хронологическую шкалу памятников, которая по сути является развитием схем С. А. Теплоухова и М. П. Грязнова (рис. 128).

В качестве источников используются памятники археологии Минусинских котловин, занимающие

Теплоухов С.А. 1920-е годы	Грязнов М.П. 1970-е годы	Современная хронология 2000-е годы
I этап Минусинской курганной культуры	подгорновский этап тагарской культуры	подгорновский этап тагарской культуры
	баиновский этап тагарской культуры	
Карасукская культура	каменоложский этап	период поздней бронзы
	Карасукская культура "классический" (карасукский) этап	
Андроновская культура	Андроновская культура федоровский этап	Андроновская (федоровская) культура
	Окуневская культура	Окуневская культура Разливский этап ? Черновский этап Уйбатский этап
Афанасьевская культура	Афанасьевская культура	Афанасьевская культура
неолит	неолит	неолит

Рис. 128. Схема относительной хронологии культур эпохи палеометалла на разных этапах её развития

хронологическую позицию между андроновской культурой и началом скифского времени. На сегодняшний день радиоуглеродные даты андроновских памятников региона укладываются в весьма узкий промежуток между XVII и XV вв. до н. э. [Поляков, 2019]. Начало скифского времени многочисленными исследованиями установлено на рубеже IX–VIII вв. до н. э. [Алексеев и др., 2005]. Таким образом, период поздней бронзы на Среднем Енисее определяется в границах XV–IX вв. до н. э., что составляет не менее 600 лет. К этому хронологическому периоду относятся более 200 частично или полностью исследованных археологических памятников. Из них 30 представляют собой поселенческие объекты, а свыше 170 — могильники, насчитывающие уже почти 4 тыс. погребений (с учётом обширных раскопок в 2020–2023 годах новых памятников).

К сожалению, исследованные поселения дают мало информации о культурно-хронологических этапах, которые проходили оставившие их коллективы [Савинов, 1996; Лурье, Лазаретов, 2021; Поляков, Марсадалов, Лурье, 2022]. Они могут использоваться только в качестве дополнительного материала. Традиция формирования хронологических схем Минусинских котловин на основе анализа развития погребальных памятников была заложена ещё С. А. Теплоуховым и пока никто не смог предложить другого подхода. Г. А. Максименков в своей рукописи, посвящённой изучению могильника Сухое Озеро II, показал важное магистральное направление — изучение крупных могильных полей методом «горизонтальной стратиграфии». Именно этот подход и был использован при разработке новой дробной хронологической шкалы.

В результате на сегодняшний день памятники периода поздней бронзы подразделяются на четыре хронологических этапа, для части которых прослежено определённое внутреннее развитие [Поляков, 2022а. С. 227–312]. Вся схема подразумевает существование восьми последовательных хронологических горизонтов. Этапы маркируют качественные изменения, проявляющиеся в конструкциях сооружений, в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре и, прежде всего, в появлении их новых типов. Вероятнее всего, это связано с приходом на Средний Енисей новых групп населения, несущих свои традиции. Выделение хронологических горизонтов, или подэтапов, отражает количественное изменение

определённых признаков (например, уменьшение доли «богато» орнаментированных сосудов) и указывает на процессы, которые происходили внутри общества без активного внешнего воздействия. В полном объёме информация об этой хронологической концепции неоднократно публиковалась в научной литературе, поэтому здесь она будет обозначена в самых общих чертах [Поляков, 2002; Поляков, 2006а; Поляков, 2009б; Поляков, 2013; Поляков, 2020а; Поляков, 2022а; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008; Грязнов и др., 2010; Поляков, Лазаретов, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020].

Наиболее ранний I этап закономерно должен сохранить название «карасукский» (конец XV–XIII вв. до н. э.). Он отражает самый первый момент сложения этих памятников ближе к финалу XV в. до н. э. Согласно традиционной концепции М. П. Грязнова, полностью поддержанной Г. А. Максименковым, формирование новой культуры произошло на основе местного андроновского населения [Максименков, 1978. С. 110–121]. Однако современные исследования показывают, что андроновская культура Минусинских котловин в очень малой степени участвовала в этом процессе [Поляков, 2009в; Поляков, 2022а. С. 245–251]. Племена, сформировавшие начальный карасукский этап ППБ (период поздней бронзы), безусловно, имеют андроновское происхождение, но не местное. Андроновская КИО в этот период занимает гигантские степные и частично лесостепные просторы к западу от Енисея, и определить точно, откуда они пришли, пока не удаётся, хотя наиболее вероятно, что это один из районов Центрального Казахстана [Поляков, 2021а].

Памятники этого периода демонстрируют удивительно стабильный обряд, не имеющий местных истоков происхождения. Их отличают прекрасного качества конструкции курганов (ограды, ящики, перекрытия), выполненные из очень тонких плит песчаника, особая поза погребённых на боку вполоборота, ориентировка головой в СВ сектор, набор мясной сопроводительной пищи в каждой могиле и уникальные по своим характеристикам ножи из оловянистой бронзы. Всё это просто не могло сформироваться в местной среде, а является результатом появления на Среднем Енисее принципиально новой группы населения. В дальнейшем наблюдается процесс взаимодействия и даже определённый период сосуществования на разных территориях с предшествующим андроновским населением [Поляков, 2008б].

В рамках I этапа выделяются два последовательных хронологических горизонта: I-а и I-б. Между ними не проходит чёткой разделительной черты. Можно проследить только определённые тенденции и обозначить их полярные значения. Сооружения горизонта I-а более крупные, чаще встречаются ограды круглой формы, в могилах представлена «богато» орнаментированная керамика. Курганы подэтапа I-б несколько меньше размером, они реже оформляются круглой оградой, практически исчезает такой тип могильного сооружения, как циста, а керамика чаще всего снабжена только уступом без дополнительных орнаментов или одним рядом круглых ямок. Только начиная с хронологического горизонта I-б памятники этого типа появляются в южных районах Минусинских котловин.

Формирование II этапа (карасук-лугавского) имеет комплексный характер (XIII–XI вв. до н. э.). Продолжаются процессы, которые шли ещё на протяжении I этапа: снижение средних размеров сооружений, происходит полное исчезновение оград круглой формы и цист, деградирует качество строительных технологий. Каменные ящики сооружаются уже не из четырёх крупных плит, а из 10–12 более мелких. Но самое главное — это появление принципиально новых традиций и артефактов, которые и являются маркером начала этого нового этапа. К примеру, начиная с южных районов ориентация погребённых постепенно изменяется на противоположную (головой на ЮЗ) [Грязнов и др., 2010. Прил II, табл. 11].

Особое значение имеет изменение керамики и типов артефактов. В оформлении сосудов происходит принципиальный и коренной перелом. Уступ, который был визитной карточкой I этапа, сменяется тремя желобками, которые заменяют его место на шейке сосуда. Кардинально меняется женский погребальный костюм и в могилах появляется большое число совершенно новых, ранее неизвестных украшений: лапчатые привески, перстни с биконическим щитком, «зеркала», серьги различных типов, браслеты, ярусные бляшки и т. д. Точно так же заметно меняются типы литых бронзовых ножей, которые обнаруживаются в погребениях [Поляков, 2022б]. Их отличают шипы на переходе от рукоятки к лезвию, грибовидные шляпки с петелькой, «трёхкнопочные» навершия, орнаментация на рукоятках и частично лезвии. Всё это свидетельствует о том, что в этот момент в Минусинских

котловинах появляется новое население, которое приносит свои традиции, оказавшие значительное влияние на развитие единого вновь сформировавшегося общества. При этом наблюдается очень чёткая картина проникновения этих новых мигрантов с юга, со стороны Верхнего Енисея. Максимальное число этих новых признаков и артефактов фиксируется в южных памятниках, а по мере продвижения на север их число заметно падает.

В результате этого явления на II этапе развития памятников ППБ формируются три локальные группы. Центральная группа охватывает участок в районе места впадения Абакана в Енисей и отличается максимальным числом новых признаков и артефактов. Вероятно, это является следствием того, что новое население проникало в Минусинские котловины с юга по Енисею. Северная локальная группа отличается консерватизмом и максимально сохраняет признаки I этапа. Новые вещи в погребениях появляются в единичных уникальных случаях. Наконец, юго-западная (арбанская) группа, вдоль течения реки Абакан выделяется как периферийная и изолированная [Савинов, Поляков, 2007]. В её памятниках представлена вся номенклатура новых признаков, однако их немного, а качество изготовления артефактов очень низкое: формы нестабильны, велико число случаев литейного брака. Особое отличие: орнаменты на керамике этой группы чаще всего выполнены зубчатым штампом.

Формирование III (лугавского) этапа памятников ППБ (XI–IX вв. до н. э.) связано с важными и масштабными переменами, которые отразились во всех гранях древнего общества. Происходят кардинальные изменения, на которые обратили внимание М. П. Грязнов, выделяя каменноложский этап, и Н. Л. Членова, обосновывавшая существование лугавской культуры. Прерывается традиция развития огромных могильных полей, насчитывающих сотни и тысячи курганов. Вместо них по всей степи появляются гораздо более многочисленные, но значительно меньшие по числу объектов могильники. Обычно число курганов в них не превышает нескольких десятков. Вероятно, это отражает глобальные изменения в обществе — переход от крупных коллективов, привязанных к определённым условиям проживания, к малым мобильным группам, использующим совсем иную стратегию взаимодействия с природной средой. Можно осторожно предположить, что важную роль

в этих изменениях играет использование верховой лошади [Поляков, 2015б].

Происходят и другие важные изменения, которые отражаются в погребальном обряде. Коренным образом меняются конструкции курганов, в которых начинают активно использоваться дерево, обломочный камень, галька и любой другой подручный строительный материал. Каменные ящики уступают место грунтовым ямам, которые оформлялись редко сохраняющимися деревянными конструкциями. Появляются первые случаи погребений в положении на спине. Вновь трансформируется сопроводительный инвентарь. В могилах появляются крупные грубые сосуды, иногда со следами расчёсов, разительно отличающиеся от более ранней посуды. Женский погребальный костюм дополняется новыми бронзовыми украшениями: шестилепестковыми бляшками и треугольными пластинками с пуансонным орнаментом. Появляются уникальные предметы мужской субкультуры: предметы неизвестного назначения (ПНН), которые располагаются всегда на поясе погребённого и трактуются как «пряжки колесничего» [Савинов, 1995]. Кардинально меняются ножи — происходит переход от дугообразных форм к коленчатым.

В связи с этим ещё более резко идёт процесс районирования. Фактически в каждой долине наблюдаются свои локальные особенности, но сохраняется единая общая тенденция: новые признаки сначала появляются на юге котловин, и лишь потом постепенно продвигаются на север, где дольше всего сохраняются прежние традиции. При этом значительно возрастает динамика культурных изменений. Это позволило И. П. Лазаретову выделить три последовательных хронологических горизонта развития памятников III этапа: III-а, III-б и III-в [Лазаретов, 2006].

Нет сомнений, что столь радикальные изменения были вызваны появлением новых групп населения, которые привнесли свои традиции. Однако они не замещали местных жителей полностью, а участвовали в процессах взаимной ассимиляции. Примечательно, что направление культурного импульса вновь было с юга, с территории Верхнего Енисея. Причём можно отметить, что некоторые элементы, появившиеся на II этапе в ходе миграции с юга, повторились и на III. Например, грибовидные наконечники ножей. Таким образом, обе эти миграционные «волны» если не происходят из одного

источника, то группы, которые их сформировали, имели ранее чётко выраженные контакты.

Наконец, пока наименее изученный IV этап развития памятников ППБ Минусинских котловин датируется довольно узким хронологическим периодом IX в. до н. э. Ранее эти памятники включались М. П. Грязновым в состав баиновского этапа тагарской культуры. Однако исследование И. П. Лазаретова позволило установить, что памятники типа Баинова улуса являются финалом эпохи палеометалла, наследуя многие традиции, которые развивались на протяжении II и III этапов ППБ [Лазаретов, 2007]. К сожалению, до последнего времени раскопанные памятники IV этапа были немногочисленны, но в последние годы база источников значительно возросла, и появились новые наблюдения, полностью подтверждающие эту концепцию [Лазаретов и др., 2023]. Даже в рамках столь непродолжительного периода наблюдаются процессы постепенной трансформации, которые удалось зафиксировать в виде двух хронологических горизонтов IV-а и IV-б.

Этот этап также представляет собой развитие уже сложившихся традиций под внешним влиянием, которое, вероятно, вновь представлено группами мигрантов. Появляются новые типы конструкций оград, а также совершенно новые типы бронзовых изделий, ранее в Минусинских котловинах не представленных: пластинчатые ножи без наконечника или с наконечником в виде кольца или «арки на кронштейне», перекрестники ремней. Некоторые изменения уже являются признаками более поздних скифских памятников. Так, например, шилья с грибовидными шляпками впервые отмечаются именно в баиновских памятниках, но их наибольший расцвет приходится на подгорновский этап тагарской культуры. Возможно, это свидетельствует об определённом периоде сосуществования этих различных групп населения.

Примерно на рубеже IX–VIII вв. до н. э. в Минусинских котловинах появляется новое население, принесшее традиции скифской эпохи, которые на долгие столетия стали доминантами в культурном коде. И несмотря на то что некоторое наследие эпохи палеометалла прослеживается в тагарской культуре, именно здесь проходит граница, разделяющая две эпохи.

В завершение этого небольшого обзора необходимо отдельно остановиться на причинах отказа от терминов «карасукская» или «лугавская культура»,

которые можно было бы использовать при описании памятников. Дело в том, что именно в этот период происходит коренной сдвиг в восприятии новых занимаемых территорий. Раньше при переходе от афанасьевской к окуневской и от окуневской к андроновской культуре наблюдалось практически полное замещение населения. Мигранты вытесняли или полностью истребляли своих предшественников, в крайнем случае инкорпорируя только незначительную часть местного населения. С началом карасукского времени подход радикально меняется, и новые группы завоевателей, вероятно, осознают ценность не только земли, но людей, живущих на ней. Вероятно, они встраиваются в местное общество в виде руководящей надстройки и, навязывая постепенно свои традиции, взаимно ассимилируются с ним.

Таким образом, отсутствуют чёткие пограничные линии, которые можно было бы провести, разделив это общество на несколько культур. Более того, постепенно развивающееся районирование делает процессы, протекающие в обществе, не синхронными даже в рамках относительно небольших Минусинских котловин. На юге уже наступает II этап, а на севере какое-то время продолжается I. В результате выделять вместо этапов некие культуры (карасукскую, лугавскую, баиновскую) будет неправильным. Они будут недостаточно разделены между собой, более того, за каждым из этих терминов уже тянется шлейф историографического наследия, который будет осложнять корректное восприятие концепции.

Точно так же нельзя за всем этим периодом сохранить единое название «карасукская культура». За прошедшие 600 лет население многократно менялось, трансформировались артефакты и традиции. Попытка сравнить материалы I и IV этапов убедительно продемонстрирует, что между ними нет практически ничего общего. Активные процессы настолько изменяют первооснову, что уместить всё это в рамки одной культуры просто невозможно. Например, сложится парадоксальная ситуация, когда для одной культуры будут характерны четыре совершенно различные по своему происхождению традиции изготовления ножей.

В результате работы с этим сложным конгломератом было принято компромиссное решение не идти по традиционному пути обязательного выделения археологических культур, а использовать

метод, уже давно применённый для систематизации европейских материалов эпохи палеометалла. Выделить этапы и хронологические горизонты, не придавая им какую-то конкретную культурную атрибуцию. Понятие «археологическая культура» хорошо работает для начальных периодов эпохи палеометалла, но для более поздних становится малоприменимым. Наши знания о происходящих процессах становятся уже слишком глубокими для их описания этим термином.

В качестве дани уважения, в первую очередь по отношению к С. А. Теплоухову, можно сохранить за периодом поздней бронзы синонимичный термин «карасукское время». Он не несёт каких-то методологических обязательств и может быть чётко отделён от понятия «карасукская культура». Таким образом, на него не давит груз дискуссий и научных споров, развернувшихся в 1960-1970-х гг.

Анализ материалов памятников

Прежде чем оценить общую ситуацию, сложившуюся на протяжении периода поздней бронзы в Минусинском районе, необходимо отдельно рассмотреть каждый из памятников, представленных в предыдущей главе. Все они имеют свои особенности и могут быть помещены на общую хронологическую шкалу (рис. 129). Причём часть из них окажется синхронными, что позволит выстроить колонную секвенцию даже в ситуации отсутствия значительного числа радиоуглеродных дат.

Тагарский Остров IV. Наиболее крупный из исследованных памятников (74 могилы) и ключевой для понимания процессов, происходивших на территории Минусинского района на II этапе ППБ. Как уже указывалось, его материалы были спасены благодаря самоотверженной позиции Н. В. Леонтьева, который при поддержке Г. А. Максименкова, Э. Б. Вадецкой и других сотрудников Красноярской экспедиции ЛОИА и Минусинского музея не только отстоял часть этого памятника перед ножами бульдозеров, но и практически без средств провёл раскопки. К сожалению, полностью сохранить могильник не удалось, исследована только треть его сооружений в восточной части. И даже в изученной части некоторые ограды всё-таки были уничтожены бульдозерами, прежде чем строительство на этом участке удалось остановить. Однако сами погребения, находившиеся ниже уровня древнего

горизонта, сохранились. Поэтому необходимо понимать, что могил без оград не возводилось. Просто в некоторых случаях эти ограды были уничтожены частично в древности, а частично уже в ходе современной хозяйственной деятельности.

Хронологические рамки могильника устанавливаются уверенно. По схеме М. П. Грязнова это будет вторая половина карасукского, или «классического» этапа карасукской культуры. По современной шкале А. В. Полякова и И. П. Лазаретова его материа-

лы относятся ко II (карасук-лугавскому) этапу ППБ. Интересно отметить, что в могиле № 55 присутствуют фрагменты сосуда с уступом, который по своим признакам должен датироваться хронологическим горизонтом I-б (рис. 35: 11). Однако складывается впечатление, что эта могила была повторно использована в более позднее время. Вероятно, этот сосуд относится к первоначальному захоронению. Ближе к финалу II этапа в эту могилу был захоронен другой младенец в сопровождении двух сосудов и много-

	I этап		II этап	III этап			IV этап	
	I-а	I-б		III-а	III-б	III-в	IV-а	IV-б
Потрошилово II		○						
Подсуханиха I		○						
Потрошилово I			○					
Тесь IX			○					
Кривая II			○					
Тагарский Остров IV			○					
Минусинск II			○					
Минусинск-Карьер			○				○	
Кривая VI				○				
Подсуханиха II				○				
Площадь Победы					○			
Лугавское III					○			○
Кривая I								○

Рис. 129. Схема хронологического соотношения рассматриваемых в монографии памятников периода поздней бронзы

численной сопроводительной пищи. Именно к этому, более позднему погребению относятся все сохранившиеся бронзовые украшения и детали одежды.

Следует обратить внимание, что могила расположена на самой восточной окраине могильника у края террасы. Логично предположить, что именно отсюда это кладбище и начиналось, а заполнение шло в направлении на запад, дальше от края. Следовательно, сохранившаяся часть могильника является наиболее ранней, и тот факт, что обнаружен только один сосуд раннего типа (датирующийся финалом I этапа), показывает формирование памятника на границе I и II этапов.

Среди погребений присутствует одно, которое датируется уже началом следующего III этапа — могила № 61 (рис. 39: 1–10). На это обращали внимание Н. В. Леонтьев и Э. Б. Вадецкая [Вадецкая, 1986. С. 74, № 20]. Её инвентарь невыразителен и может относиться как к финалу II, так и к началу III этапа. Однако конструкции погребения разительно отличаются от всех остальных сооружений могильника. Если все иные могилы оформлены в виде каменных ящиков из тонких плит песчаника, то в данном случае конструкции выполнены из дерева. Это и деревянная рама на дне, и перекрытие из продольно положенных тонких брёвен. Именно переход к активному использованию дерева при сооружении курганов является отличительной чертой III этапа. Можно предположить, что новое население, пришедшее в Минусинские котловины, не обладало навыками работы с песчаником. Их сооружения чаще возводились из обломочного камня, использование которого без деревянных конструкций невозможно. В качестве яркого примера памятника хронологического горизонта III-а можно привести могильник Кутень-Булук [Кузьмин, 2018. С. 9–48].

Эта могила расположена в юго-восточной части могильника, а не в западной, как следовало бы ожидать. Это неудивительно. Для I–II этапов ППБ характерно свободное размещение курганов с большими расстояниями между отдельными сооружениями. В результате довольно часто наблюдается ситуация, когда более поздние курганы строятся внутри ранней части кладбища, занимая свободные промежутки. Тем более что это было не сложно, так как поздние курганы имеют сравнительно небольшие размеры.

По своим конструкциям могильник Тагарский Остров IV является прекрасной иллюстрацией

строительных традиций II этапа ППБ. Все элементы сооружений возводились из тонких плит красного девонского песчаника. К сожалению, многие из них были уничтожены или извлечены, но это не мешает рассмотреть суть сооружений.

Все ограды имели прямоугольную форму, круглые сооружения отсутствовали. Точно так же нет оград, которые бы возводились методом цистовой кладки. Во всех случаях плиты вкапывались в положении на ребро. Размеры оград, где похоронены взрослые члены коллективов, весьма скромные, не превышающие 4–5 м в поперечнике. Ограды, в которых похоронены дети, ещё меньше. Довольно часто встречаются системы пристроек. Чаще всего к «взрослой» ограде пристраивались «детские» с западной стороны. Но иногда это правило нарушалось, и появлялись пристройки с востока (ограды 26–27 и ограды 39–40). Это очень интересная деталь, так как для ранних сооружений (I этап ППБ) характерно хаотичное расположение пристроек с любой стороны от основной ограды. В свою очередь поздние курганы (III–IV этапы ППБ) демонстрируют чёткую систему: все пристройки расположены исключительно с западной стороны. II этап является в этом плане переходным, что и отражают материалы могильника Тагарский Остров IV.

В целом погребальный обряд могильника соответствует традициям II этапа ППБ. Погребённые укладывались в могилу головой преимущественно в СВ сектор. Несколько редких исключений (могилы № 25 и 31) только подчёркивают это правило. Большой процент погребённых головой в западный сектор фиксируется только в самых южных могильниках [Грязнов и др., 2010. Прил. II, табл. 11]. Учитывая, что это признак характеризует захоронения III этапа, можно рассматривать такое географическое распределение как один из важных признаков, указывающих на направление миграционного потока.

В могилы, как и ранее, устанавливалось несколько сосудов с жидкой пищей, размещённых в головной части погребения, напротив черепа или грудной клетки. Вдоль той же длинной стенки могилы, но ближе к ногам, напротив пояса или колен, ставилось деревянное блюдо с несколькими кусками мяса барана или коровы. Эта традиция удивительным образом проходит через весь финал эпохи палеометалла и продолжает бытовать в скифское время.

К сожалению, в результате практически поголовного ограбления могил очень сложно оценивать особенности размещения тела погребённого. В отчёте даже на основании положения одних голеней чётко указывается одно из двух положений: на спине или на боку. Однако на более обширном материале установлено, что в случае хорошей сохранности или полной непотревоженности погребений в них чаще всего фиксируется уникальное положение тела — на боку влоборота [Поляков, 2009а]. В могильнике Тагарский Остров IV его тоже можно предполагать по наиболее сохранившимся костякам (могилы № 15, 35, 62). Однако среди погребений этого памятника есть и другие положения тела. В могиле № 45 чётко фиксируется положение на правом боку, а в могиле № 61 — положение на спине. Последнее неудивительно, так как это наиболее позднее погребение (хронологический горизонт III-а), а для III этапа более характерно размещение погребённых именно на спине.

Однако в погребальном обряде могильника есть одна особенность, которая имеет важнейшее значение. В целом для I и II этапов ППБ существует устойчивое соотношение погребений на левом и правом боку или полубоку. Первый вариант встречается значительно чаще — 88,7 % [Грязнов и др., 2010. Прил. II, табл. 12]. Но в могильнике Тагарский Остров IV это соотношение обратное. Положение костей на правом боку (полубоку) фиксируется 15 раз. К ним можно уверенно добавить 5 случаев, когда такое положение реконструируется на основании размещения сосудов. И только в пяти случаях можно достоверно считать, что погребённый лежал на левом боку. Таким образом, в 80 % случаев зафиксировано это относительно редкое положение тела. Это почти треть всех известных для данного периода случаев. Ни в одном другом известном могильнике нет такой концентрации захоронений на правом боку (полубоку). Интересно отметить, что даже в могиле № 61, где погребённый лежит на спине, сосуды тоже размещаются справа от тела, сохраняя эту традицию.

Полностью понять причины этого явления пока не удаётся. Однако можно осторожно предположить, что эта особенность является региональной. Аналогичное значительное превышение правобочных погребений фиксируется в могильнике Абакан, расположенном на территории города [Липский, 1956]. В районе впадения рек Абакан и Туба в Енисей

можно насчитать ещё около десяти могильников, где подобные погребения хоть и в меньшем числе, но представлены. Можно сказать, что эта одна из важнейших особенностей центральной провинции (группы) II этапа [Поляков, 2006а. С. 18]. В северной и юго-западной провинциях известно всего по нескольку погребений с этим признаком.

Другая характерная черта центральной провинции, которая так же ярко представлена именно в могильнике Тагарский Остров IV — большое число бронзовых изделий и, прежде всего, женских украшений. Для примера можно указать, что серия лапчатых привесок, обнаруженных в этом могильнике, самая большая среди всех исследованных памятников (37 экземпляров). Практически в каждой могиле представлен очень солидный набор бронзовых изделий. Учитывая, что все погребения потревожены грабителями, которые охотились именно за бронзой, можно представить, насколько много таких изделий было изначально.

Необходимо отметить, что особенность могильника заключается именно в многочисленности бронзовых изделий. Если изучать их номенклатуру, то никаких уникальных изделий обнаружить не удастся. Все категории хорошо известны и многократно встречались при исследовании других памятников. Такие широко распространённые элементы украшений и одежды, как височные кольца, пронизки и обоймочки, представлены на протяжении практически всего финала эпохи палеометалла. Другая часть изделий тесно связана именно со II этапом ППБ, они отсутствуют в погребениях более раннего этапа и являются чёткими маркерами появления нового женского костюма. К этой группе следует отнести лапчатые привески, перстни с биконическим щитком, бляшки с отверстиями по краям, ярусные бляшки, пуговицы с петелькой, браслеты, «гвоздики» и «зеркала». Часть этих вещей продолжает своё бытование и развитие далее, вплоть до начала скифской эпохи, а часть быстро выходит из обихода и на III этапе уже не встречаются.

Отдельно следует выделить серьгу из могилы № 23. В отчёте она проходит как браслет. Однако в материалах других могильников подобные изделия неоднократно находили на первоначальных местах на черепе, например в могиле № 16 могильника Минусинск-карьер (рис. 53: 10, 11). Число их невелико и есть различные варианты оформления. Например, в могильниках Чазы и Белый Яр V [Па-

ульс, 2000]. Там они орнаментированы объёмными «кнопками», которые встречаются в оформлении других предметов из бронзы (например, ножей и «пряжек колесничего») [Поляков, 2015а]. Сам факт существования массивных литых серёг является важным признаком принципиальных изменений в оформлении женского костюма.

Результатом практически повального ограбления могил является отсутствие в погребениях массивных литых бронзовых предметов. Например, единственный сохранившийся цельнолитой нож был обнаружен в ограде 45, также в перемещённом положении (рис. 29: 6). В случае их обнаружения на первоначальном месте ножи чаще всего находят на костях сопроводительной мясной пищи, что позволяет считать их частью столового прибора. Всего в нескольких случаях они были найдены на поясе или на бедре (например, Абакан I, погребение 1) [Липский, 1956. С. 104–111]. Данный нож имеет пластинчатое оформление с кольцевым навершием. Подобные экземпляры, согласно современным представлениям, относятся к группе II и датируются II этапом ППБ, что полностью соответствует представлениям о хронологии могильника в целом [Поляков, 2022б].

Могильник Тагарский Остров IV выделяется из общего ряда большим числом женских украшений, и прежде всего лапчатых привесок. Эти изделия чрезвычайно распространены в памятниках эпохи палеометалла Минусинских котловин. Они активно используются в погребальном женском костюме на протяжении II, III и IV этапов ППБ [Поляков, 2006б]. Однако именно в могильнике Тагарский Остров IV они представлены максимальным числом. Очень интересно наблюдение, сделанное Н. В. Леонтьевым, о том, что только в этом могильнике они чаще всего встречаются в районе колен. В других памятниках они обычно интерпретируются как элемент украшения причёски или косы. Таким образом, можно констатировать, что наблюдается определённое районирование, выражающееся в различных способах ношения украшений.

Керамика могильника Тагарский Остров IV также может выступать в качестве эталона для изучения II этапа ППБ. Необходимо только оговориться, что в этот период оформляются территориальные провинции, которые имеют свои особенности, в том числе и в орнаментации керамики. В данном случае Тагарский Остров IV демонстрирует все ключе-

вые особенности центральной провинции (группы). Во-первых, это большое число сосудов в каждой могиле. Обычно не менее двух, но часто встречаются погребения с тремя сосудами. Во-вторых, орнамент в виде трёх или более линий по шейке оформляется резным способом. На севере чаще представлены широкие желобки, а в юго-западной провинции орнамент нанесён зубчатым штампом [Поляков, 2006а].

Основное число сосудов оформлено именно тремя резными линиями по шейке с дополнением в виде «свисающих» треугольных шевронов. Несколько реже в качестве дополнительного орнамента встречаются ромбы или вертикальный зигзаг. Отдельную серию посуды представляют неорнаментированные образцы и оформленные по шейке рядом ямок, иногда с линиями косых насечек. Не являются уникальными сосуды с плоским дном и ручками, получившие в литературе название «бадейки». Таким образом, набор керамики этого могильника может выступать в качестве отправной точки — как наиболее стандартный комплекс центральной провинции II этапа ППБ.

Кривая I. В отличие от профессиональных раскопок, эти материалы получены в ходе разрушения могилы при производстве земляных работ. В результате информация о погребальном обряде крайне скудна. Безусловно, речь идёт о коллективном погребении трёх человек в одной грунтовой яме. Они были положены на спину, головой в западный сектор. Остальная информация представлена исключительно сопроводительным инвентарём, который по сумме признаков позволяет датировать это захоронение самым финалом эпохи палеометалла — хронологическим горизонтом IV-б. Такие коллективные погребения очень типичны для этого времени (Нумахыр, курган 33; Ефремкино, курган 16 и т. д.). Они содержат погребение нескольких человек и обширный сопроводительный инвентарь.

Крупные баночные сосуды с орнаментацией наклонными оттисками зубчатого штампа являются визитной карточкой этого хронологического горизонта. Даже по сохранившимся фрагментам их можно уверенно идентифицировать (рис. 43: 13–15). Остальной сопроводительный инвентарь этой могилы: височные кольца, пуговицы с перемычкой, обломок шила, фрагменты лезвий бронзовых ножей — также представляют собой характерные для этого

периода предметы, входящие в сопроводительный инвентарь погребений. Обращают на себя внимание лапчатые привески — женские украшения, крайне характерные для II этапа ППБ. В течение III этапа их значение и количество в могилах снижается, так как часть заменяется треугольными бляшками с пуансонным орнаментом, которые являются частью составного украшения, синонимичного привескам [Поляков, 2006б]. Однако на IV этапе происходит «ренессанс» лапчатых привесок, и они вновь начинают сравнительно часто встречаться в погребениях. Учитывая их типологическую близость материалам II этапа, можно осторожно предположить, что они не изготавливались, а добывались в результате вскрытия могил предшествующего времени.

Большое значение для понимания особенностей этого периода имеют цельнолитые бронзовые ножи. В отличие от более ранних образцов, которые отливались в двусторонних формах и имели зачастую очень сложную профилировку, изделия IV этапа, можно сказать, примитивны. Они изготовлены в виде пластин, зачастую даже без навершия. В случае, если навершие присутствует, это кольцо или полукольцо («арка на кронштейне»). Именно такой нож с пластинчатым профилем и кольцевым навершием представлен в погребении Кривая I (рис. 43: 12). Он имеет прямые аналогии с изделиями из памятников IV этапа: Аскиз VI курган 3, Ефремкино курган 16, Бырганов V курган 6 могила № 1 [Поляков, 2022б].

Отдельное значение имеет обнаружение в этой могиле фрагментов женского черепа (одна из трёх погребённых), у которого в затылочной части зафиксированы следы шести ударов орудием типа чекана или, возможно, но значительно менее вероятно, крупного копья, как пишет Н. В. Леонтьев. Сам по себе факт неоправданно жестокого убийства женщины вряд ли может считаться чем-то особенным в ту эпоху. Однако следует обратить внимание, что с наибольшей вероятностью удары нанесены чеканом, оружием, характерным для скифского времени и присутствующим в большинстве непогребённых мужских могил тагарской культуры. До настоящего момента не обнаружено ни одного чекана, который можно было бы связать с более ранними погребениями региона. Захоронение Кривая I относится к наиболее позднему хронологическому горизонту IV-б эпохи палеометалла, и можно полагать, что эти люди контактировали с новым

раннескифским населением, на вооружении которых чеканы абсолютно точно были. На этом основании можно осторожно предположить, что эта женщина стала жертвой военных конфликтов, которые происходили между местными жителями и новыми мигрантами в момент сложения самого раннего этапа тагарской культуры.

Кривая II. Общие размеры могильника не устанавливаются, так как он полностью закрыт песчаными дюнами. От ранее описанного могильника Кривая I этот раскоп отделяет около 500 м. Возможно, они составляют разные части одного могильного поля. Обнаружен и исследован фрагмент только одного кургана, состоящий из двух оград: основной (ограда 2) и детской пристройки, размещённой к СВ (ограда 1). Ограды прямоугольные, сооружены из вертикально вкопанных плит песчаника. В центре каждой по одной могиле, оформленной в виде каменных ящиков, уже частично разрушенных. Погребение в пристройке полностью уничтожено, а в основной ограде (могила № 2) серьёзно нарушено, вероятно, при извлечении предметов из бронзы.

При рассмотрении этого погребения следует обратить внимание на следующие детали. Во-первых, есть сомнения в верности определения позы погребённого. В 1960–1970-х гг. все погребения этого времени делились исследователями по своей позе на два варианта: на боку или на спине. Другие варианты не рассматривались, а определения позы зачастую делались по положению одной ступни. В процессе накопления материала выяснилось, что не всё так однозначно. Хорошо сохранившиеся погребения демонстрировали сложное положение тела, которое приходилось всегда особо оговаривать. Сейчас предложено его характеризовать как «на боку вполоборота» [Поляков, 2009а; Поляков, 2022а. С. 231–232]. Вероятно, подавляющее большинство погребений I и II этапа производились именно в этой позе. Только изредка встречались захоронения «на боку», которые связаны с отдельной группой населения, зачастую имеющей даже отдельно выделенные участки на кладбищах [Грязнов и др., 2010. С. 83–94]. Положение тела вытянуто на спине появляется только начиная с III этапа в южных районах Минусинских котловин и, постепенно продвигаясь на север, захватывает их полностью только к IV этапу.

В данном случае погребение можно рассматривать как частично сохранившееся (рис. 45: 4).

Отсутствует или перемещена средняя часть тела, включая таз, позвоночник и грудную клетку. Однако даже немногие сохранившиеся *in situ* части костяка не позволяют считать его лежащим в позе на спине. Ступни обе лежат на правой стороне. Положение черепа на правой стороне и угол размещения остатков шейного отдела позвоночника указывают на ту же сторону. Вероятнее всего, погребённый был уложен в позе «на правом боку влоборота», что вполне соответствует традиции этого времени.

Отдельно стоит обратить внимание, что тело повернуто именно на правую сторону, что подтверждается расположением сосудов. Статистика показывает, что значительно чаще (88,7 %) погребённые лежат на левой половине тела [Грязнов и др., 2010. Прил. II, табл. 12]. Уникальное положение тела на боку влоборота тесно связано с остальным сопроводительным инвентарём (сосуды с жидкой пищей и деревянный поднос с мясом), который размещён всегда с той же стороны, куда повернуто тело. Это можно интерпретировать как участие погребённого в своей собственной заупокойной тризне. Погребения на правом боку довольно часто связаны с группами инородцев, которые вливаются в местные коллективы в конце I этапа и, возможно, их влияние приводит к формированию II этапа ППБ. Эта тема требует дополнительного углублённого изучения.

В остальном сохранившийся после ограбления инвентарь могил позволяет уверенно датировать данное захоронение II этапом ППБ. Все сосуды имеют характерный основной мотив в виде трёх желобков по шейке, который является руководящим признаком этого периода [Поляков, 2009б. С. 456–457; Грязнов и др., 2010. С. 75–76]. Дополнительные элементы в виде групп прямых или наклонных оттисков и простые треугольные шевроны только подтверждают эту датировку. Интересным и редким элементом являются кресты, расположенные на одном из сосудов между шевронами (рис. 45: 9). Этот элемент хоть и редко, но встречается на керамике исследуемого периода. Например, сосуд с крестами по тулову есть в составе материалов синхронного могильника Тагарский Остров IV могила № 60 (рис. 38: 19). Подобные кресты известны на нескольких более ранних сосудах I этапа (Малые Копёны III курган 22 могила № 3; Барсучиха I курган 10 могила № 1; Карасук I курган 22 и курган 36 могила № 1), но там они размещаются в центре ромбов, формирующих «ирменский по-

ясок» [Зяблин, 1977. Рис. 8: 7]. В качестве более близкой аналогии можно предложить изображение на сосуде из могилы № 9 могильника Окунев Улус I [Поляков, 2010. Ил. 2: 14]. На нём кресты тоже расположены между треугольными фестонами и дополнительно обведены линиями. На основании остальных признаков данного сосуда и ножа из этой же могилы с навершием, оформленным тремя «кнопками», это погребение можно в целом синхронизировать с курганом Кривая II. Примерно к этому же времени относится сосуд на поддоне с крестом на дне и боковых стенках из могильника Анчил-Чон (курган 1 могила № 6).

По всей видимости, это было весьма богатое захоронение. На это указывает наличие трёх сосудов не только во взрослом, но и в детском погребении, что является большой редкостью. Кроме того, Н. В. Леонтьев отмечает, что на многих костях скелета из могилы № 2 фиксировались следы окислов бронзы. Обычно такие следы остаются от довольно крупных изделий: ножей, зеркал, браслетов и т. д. То есть можно предположить, что в могиле присутствовали подобные литые предметы. В результате проникновения грабителей в могилу сохранились только несколько элементов украшения одежды, из которых лишь фрагмент «ярусной» бляшки можно считать датирующим (рис. 45: 7). Они фиксируются исключительно на II этапе ППБ, что ещё раз подтверждает общую хронологическую позицию этого кургана.

Минусинск-карьер. К большому сожалению, этот памятник профессиональными археологами практически не исследовался. Н. В. Леонтьев раскопал только одну ограду с могилой в центре, а остальные материалы (ещё из 17 могил) были переданы в музей равнодушными людьми, которые, к сожалению, не имели знаний и опыта, чтобы правильно зафиксировать информацию об этих археологических объектах. В результате информация о конструкциях могил и погребальном обряде должна восприниматься с определённой степенью осторожности. Тем более что зачастую она записывалась по воспоминаниям.

Вероятно, этот памятник не уступал своими размерами Тагарскому Острову IV, где насчитывалось не менее 250 могил. Большая часть его уничтожена карьером, но по периметру ещё сохраняются многочисленные захоронения, невидимые на современной дневной поверхности. Судя по тем артефактам,

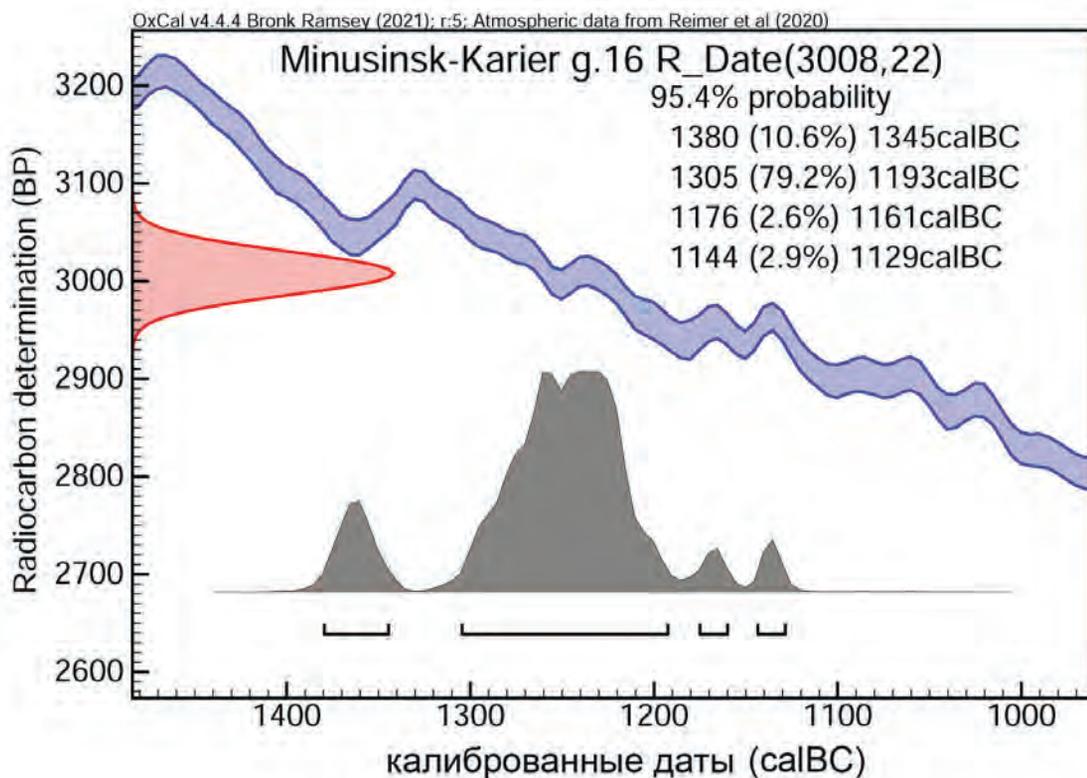

Рис. 130. Калиброванная радиоуглеродная дата, полученная по материалам из могилы 16 могильника Минусинск-карьер

которые представлены, хронологически он был весьма продолжительным, охватывая не только II, но и III, и даже IV этапы ППБ. Обычно могильники этих этапов расположены на отдельных площадках и не формируют единый могильник. Отсутствие плана памятника не позволяет прояснить этот вопрос. Остаётся только предполагать, что это было обширное могильное поле, из разных частей которого поступали эти находки.

Наиболее ранним сохранившимся объектом следует считать ограду 1, раскопанную Н. В. Леонтьевым (рис. 46: 1–3). Вероятно, она была синхронна основной массе погребений могильника Тагарский Остров IV. Обращают на себя внимание каменный ящик, ориентировка погребённой головой в восточный сектор (судя по положению сосуда), а также характерные сосуды. Примерно этим же временем датируются могилы № 13 и 14, зафиксированные в 1985 г., а также могилу № 16 (1989 г.). Здесь мы снова видим сочетание каменных ящиков, характерной посуды, ориентировки в восточный сектор, а также пуговицы с петелькой, желобчатых серёг и ярусных бляшек, которые выступают в качестве датирующего материала. Всё это в сумме позволяет уверенно датировать эти могилы II этапом ППБ.

Возможно, в эту же группу может быть включены могилы № 12, 17 и 18, однако нет данных о деталях погребального обряда.

Выше в хронологической колонке стоит несколько могил, которые балансируют на границе II и III этапов и не могут быть достоверно отнесены к одному из них ввиду отсутствия полных и достоверных данных об их материалах. Это могилы № 1, 7 и 8, где найдены только сосуды (рис. 46: 4; 48: 4–11). Сюда же следует отнести могилу № 15, демонстрирующую противоречивые признаки. С одной стороны, погребение в каменном ящике (II этап), с другой — сосуды стоят по разным углам, что характерно уже только для III этапа. Сама посуда также носит пограничный характер (рис. 53: 1, 2).

Наконец, серия могил может быть уверенно отнесена к начальному хронологическому горизонту III этапа — подэтапу III-а. Могила № 5 демонстрирует сочетание грунтовой ямы, типичного сосуда с узкими шевронами и пуговицы с перемычкой, что является достоверными диагностирующими признаками (рис. 48: 1, 2). В грунтовой яме могилы № 6 погребённый лежит головой на запад в сочетании с фрагментом коленчатого ножа с зооморфным навершием (рис. 48: 3). Могила № 10 также оформле-

на в виде грунтовой ямы, где погребённый лежит головой на запад в сопровождении семи треугольных бляшек с пуансонным орнаментом и пуговицы с перемычкой (рис. 49). Наконец, в эту группу следует включить могилу № 11 на основании сохранившегося бревенчатого сруба и ориентировки головой в западный сектор. Бронзы из этого погребения не позволяют датировать его более точно, они характерны как для II, так и для начала III этапа (рис. 50).

Интересно отметить, что сразу четыре могилы относятся к одному весьма узкому хронологическому горизонту. Обычно такие памятники расположены особняком, как, например, могильник Кутень-Булак [Кузьмин, 2018. С. 9–48]. Это ещё раз подводит нас к мысли о том, что это могильное поле было весьма обширным.

Заполняя хронологическую колонку далее, можно отметить, что материалов хронологических горизонтов III-б и III-в из этого памятника не представлено. На этом фоне совершенно неожиданным выглядит присутствие в одной из могил (№ 2) сосуда на поддоне, который совершенно достоверно может датироваться IV этапом ППБ (рис. 46: 5). В описи указано, что он сочетался с фрагментом плоскодонного сосуда с оббитым верхом («миска»), что только подтверждает эту хронологическую позицию. К сожалению, другой информации об этом погребении нет. Обычно могильники IV этапа представляют собой отдельные комплексы, однако можно предположить, что погребение IV этапа было впущено в более раннюю могилу. Такой случай, например, был прослежен в материалах могильника Окунев Улус (могила № 23) [Поляков, 2010. С. 40].

В целом материалы этого памятника не выделяются какими-то особыми чертами. Большинство обнаруженной посуды и сопроводительного инвентаря совершенно типичны для соответствующих хронологических горизонтов. Следует отметить только два момента. Во-первых, это обнаружение в одном из погребений фрагмента коленчатого ножа с зооморфным навершием (рис. 48: 3). Такие находки крайне редки и чрезвычайно важны. На сегодняшний день, кроме этой, известно ещё два случая. Один из них датируется II этапом ППБ — Абакан погребение 1 [Липский, 1956]. Другой относится уже к хронологическому горизонту III-а — Подкунинские Горы погребение 1 [Kotozegov, 2000]. Нет сомнений, что находка из Кривой II гораздо ближе

ко второй из них. В данном случае мы имеем дело с коленчатым ножом с прорезной рукояткой. Следует обратить внимание, что изображение головы животного максимально стилизовано, а значит, вероятно, одно из наиболее поздних. К сожалению, больше никакой информации из этого погребения мы получить не можем.

Во-вторых, следует обратить внимание на погребение женщины в могиле № 16. Для эпохи палеометалла Минусинских котловин случаи сохранения органики чрезвычайно редки. Для андроновской культуры и периода поздней бронзы их насчитывается не более десятка [Шишлина и др., 2020]. В этом погребении благодаря обилию массивных бронзовых изделий (серьги, височные кольца, литые ярусные бляшки) сохранилась часть головного убора из шерстяной ткани и, возможно, конского волоса. Представляет интерес его возможная реконструкция, так как все бронзовые элементы сохранили своё положение *in situ*. Обычно в погребениях не находят таких сложных конструкций, которые бы позволили восстановить первоначальный облик головных уборов.

По материалам этого памятника С. В. Святко (Белфаст) по кости человека была сделана одна радиоуглеродная дата UBA-9327 (3008±22) [Поляков, Святко, 2009; Svyatko et al., 2009]. После калибровки она указывает на хронологический период 1380–1129 calBC (рис. 130). Образец был взят из могилы № 16, раскопанной Н. В. Леонтьевым в 1989 г. В таком случае эта дата совершенно точно ложится в пределах II этапа ППБ (XIII–XI вв. до н. э.), подтверждая археологическую хронологию этого погребения.

Минусинск II. По описанию Н. В. Леонтьева, это средний по своим размерам могильник, насчитывающий не менее 100 курганов, которые традиционно для памятников этого времени практически не видны на поверхности современной степи. Изучено всего шесть могил, а также собраны подъёмные материалы (рис. 55; 56).

Имеющиеся материалы можно связать с одним довольно узким хронологическим пластом — самым финалом II этапа ППБ. На это указывают каменные ящики, орнаментация сосудов несколькими горизонтальными желобками или линиями по шейке и ярусные бляшки. В то же время близость к финалу и начало процессов перехода маркирует

целая гамма признаков. Во-первых, ориентировка головой в западный сектор (могила 2). Во-вторых, форма сосудов стремится к реповидной или яйцевидной. В-третьих, среди орнаментов сосудов начинает встречаться вертикальный зигзаг (рис. 56: 8–10) и узкие треугольные шевроны (рис. 56: 3, 4). Всё это вкупе позволяет считать, что изученные погребения относятся к самому финалу II этапа в преддверии серьёзной трансформации.

В остальном этот памятник следует рассматривать как полностью типичный. В его составе не удаётся выделить каких-то особых артефактов или признаков, требующих специального описания.

Кривая VI. Этот памятник, пожалуй, наиболее сложен для определения его точной хронологии. Кроме того, он распадается на два в целом синхронных объекта: могильник и поселение. Без сомнений устанавливается только то, что этот комплекс датируется преимущественно III этапом ППБ. Более детальное определение затруднено отрывочностью материалов.

Могильник представляет собой группу сильно разрушенных оград, перекрытых дюнами. Установить точные размеры памятника не представляется возможным, так как в ходе перемещения дюн открываются то одни, то другие его части. Исследовать удалось только 15 погребений, из которых три могилы (ограды 8 и 9) оказались комплексом подгорновского этапа тагарской культуры с характерными сосудами, бронзовым инвентарём (чекан, кинжал). Наиболее ярко в материалах представлен хронологический горизонт III-б. Он определяется по серии целых форм сосудов (рис. 57: 3; 59: 2; 61: 3). Наименее отчётливо представлен хронологический горизонт III-а, существование которого следует предполагать на основании фрагмента сосуда с тремя линиями по шейке и спускающимися от них треугольными фестонами (рис. 57: 4). Группа аналогий с памятниками горизонта III-в отмечается среди материалов могилы № 15. Очень характерные подвески (рис. 62: 9, 10) и распределитель нитей (рис. 62: 7) могут быть сопоставлены с аналогичными артефактами из могилы № 1 могильника Арбан III [Поляков, 2022а. Рис. 148: 14, 15].

Можно пока осторожно предполагать, что какая-то часть погребений относится уже к хронологическому горизонту IV-а. Ввиду отсутствия целых форм сосудов следует обратить внимание на неко-

торые бронзовые изделия редких типов. Например, литой браслет из могилы № 1 ограды 4 (рис. 58: 3) может быть сопоставлен с близким по оформлению браслетом из кургана 8 Ефремкино III [Поляков, 2022а. Рис. 149: 10]. Стоит отметить, что одна из погребённых в этой могиле женщин имеет на черепе отверстие, оставленное, судя по всему, чеканом — оружием, тесно связанным уже с тагарским населением. Это также является аргументом в пользу отнесения данной могилы уже к IV этапу ППБ. Наряду с традиционными бронзовыми изделиями (пронизки, пуговицы с перемычками, височные кольца, браслет) в этом погребении есть несколько уникальных предметов, которые требуют дополнительного анализа.

Во-первых, это «зеркало» с уникальной системой крепления (рис. 58: 2). Чаще всего изделия этого типа крепятся с помощью петелек или шпеньков на обратной стороне. Подобные вещи появляются на II этапе ППБ и продолжают встречаться в памятниках Минусинских котловин не только в могильниках финала эпохи палеометалла, но и на протяжении всей скифской эпохи. В данном случае в центре «зеркала» сделано отверстие, на котором сверху лежала небольшая пуговица с перемычкой. То есть крепление осуществлялось с помощью некоего шнура из органического материала, который был пропущен в отверстие и крепился на пуговице. Пока такой вариант изделия остаётся уникальным, аналогии ему в других памятниках неизвестны.

Два других уникальных изделия — это бронзовые наконечники стрел (рис. 58: 13, 14). Традиционно в комплексах эпохи палеометалла Минусинских котловин представлены только кремнёвые и костяные наконечники стрел. Причём чаще всего они попадают в могилы в телах погребённых, так как оружие не входит в состав сопроводительного инвентаря. Бронзовые наконечники стрел появляются сразу и в большом количестве (наборами) в могилах начиная со скифской эпохи, когда формируется традиция класть в погребение в составе оружейного набора лук со стрелами. В могиле № 1 ограды 4 были найдены сразу два наконечника, которые находились в районе колен южного скелета. Вряд ли можно предположить, что две стрелы попали в одну точку на ногу. Скорее всё-таки это намеренное помещение стрел в могилу, что вновь подводит нас к относительно поздней её хронологи-

гии и тесной связи с подгорновским этапом тагарской культуры.

Типологически оба наконечника относятся к категории втульчатых двулопастных с невысоким ребром жёсткости. Один из них, более крупный, сильно корродирован и более детальной информации по нему не получить (рис. 58: 14). Другой имеет на втулке литейный брак, в результате чего на разрезе она выглядит разорванной (рис. 58: 13). Втулка неглубокая и не заходит на перо наконечника. Ближайшей аналогией на горизонте предскифского времени является находка похожего двулопастного втульчатого наконечника из могильника Саяно-Пограничное-4 курган 7 [Амзараков, Лазаретов, Поляков, 2015. Рис. 4: 5]. Однако это уже территория, тяготеющая к Верхнему Енисею. Этот наконечник типологически более поздний, что устанавливается на основании меньшей длины втулки и увеличенной нервюры [Аванесова, 1991. С. 42]. Он ещё ближе к образцам из скифского кургана Аржан I. Пока для полноценного анализа этой находки не хватает аналогий.

Отдельно необходимо остановиться на поселенческом комплексе Кривая VI, который, безусловно, тесно связан с могильником. На основе анализа керамических фрагментов, собранных на дюнах, можно утверждать, что поселение было полностью синхронно погребальному памятнику и продолжало своё существование на протяжении всего III этапа ППБ (рис. 63). Находки небольшой серии бронзовых изделий не противоречат этой датировке (рис. 65). Наряду с предметами, имеющими широкую хронологию (височные кольца, пронизки, шило, обкладки), найдено несколько вещей, связанных исключительно с III этапом ППБ. И если, например, треугольная бляшка с пуансонным орнаментом указывает скорее на раннюю часть (горизонты III-а и III-б), то совершенно миниатюрная и рудиментированная шестилепестковая бляшка — скорее на финал этого времени (рис. 65: 14, 19). На поселении найдена большая серия астрагалов со следами подработки и отверстиями, что полностью соответствует традиции поселений этого хронологического периода [Савинов, 1996. С. 27, табл. XVII; Поляков, Марсадов, Лурье, 2022. С. 47–48, рис. 20; 33: 4; 55: 5–7].

Отдельную большую категорию находок представляют каменные изделия. В большинстве случаев это грубые изделия из гальки со следами использования в качестве пестов или тёрочников, а также

рубящих орудий и грузил (рис. 67). Отдельную группу составляют обломки зернотёрок, которые массово появляются в поселенческих памятниках этого периода, например в Торгажке и Каменном Логе I [Савинов, 1996. С. 27, табл. XIV; Поляков, Марсадов, Лурье, 2022. С. 50–51, рис. 22; 23: 7–9; 46: 2–4; 58: 2, 3]. Они практически идентичны на всех этих памятниках. Столь массовое и одновременное их появление свидетельствует о знакомстве древнего населения с земледелием. Это подтверждается изотопными анализами коллагена костей, который показал, что именно начиная с ППБ в рационе наблюдается появление проса [Svyatko et al., 2013]. Это подтверждается, в том числе, и анализом состояния зубочелюстной системы [Святко, 2014].

Лугавское III. Интересный и весьма характерный памятник, раскопанный Н. В. Леонтьевым в 1971–1972 гг. Стоит отметить, что не он являлся эпонимным объектом для выделения Н. Л. Членовой лугавской культуры [Членова, 1972. С. 88–130]. В её работах в качестве опорного использовался могильник Лугавское (Лугавская I — по своду Э. Б. Вадецкой), раскопки которого были начаты А. Я. Тугариновым в 1913 г. и затем продолжены им совместно с Г. Мергартом в 1920 г. По описанию, эти памятники расположены весьма близко между собой, и нельзя исключать, что они являются частями одного большого могильного поля. В пользу этого указывает типологическая схожесть полученных артефактов.

Судя по имеющимся материалам, могильник Лугавское III относится преимущественно к финалу III этапа ППБ (хронологические горизонты III-б и III-в). Исключение составляет курган 1, который следует относить к более позднему периоду — хронологическому горизонту IV-б (рис. 69). Это устанавливается на основании характерных особенностей керамики и наличия перекрестника ремней, присутствие которого в могиле является важным хронологическим индикатором (рис. 69: 8). В этой связи неудивительно, что именно данный курган является крайним в группе, располагаясь на СВ окраине.

Конструкции курганов традиционные для этого периода — прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит с многочисленными контрфорсами и вертикальными плитами, пересекающими ограду. Пристройки расположены с северо-восточной стороны, «в ногах» по отношению к основному по-

гребению. Могилы оформлены в виде грунтовых ям в которых первоначально находились не сохранившиеся деревянные конструкции (срубы или рамы), от которых местами осталась только забутовка из каменных плит. Перекрытия сооружались из продольно уложенных деревянных накатов. Все погребённые лежат головой в юго-западном направлении в положении на спине. Сосуды при этом чаще находятся с левой стороны от тела, сопроводительная пища в ногах. В нескольких случаях прослеживается относительно поздняя традиция размещать два сосуда в противоположных углах могилы: один слева от головы, а другой справа в ногах.

Вся представленная керамика имеет округлое дно или оформлена поддоном, за исключением двух плоскодонных сосудов из кургана 1, что неудивительно, учитывая его особую хронологическую позицию. Орнаментация если и присутствует, то очень скудная и только по краю венчика в виде горизонтальных линий и рядов наклонных оттисков штампа. Она практически идентична эталонным памятникам этого времени: Лугавское и Фёдоров Улус. На этом фоне особыми орнаментальными композициями снова выделяются два сосуда из кургана 1. Чтобы окончательно закрепить их отличие от остальной массы керамики могильника, следует указать, что только у этих двух сосудов венчик отогнут внутрь. У всей остальной посуды этого памятника он отогнут наружу.

Остальной инвентарь представлен преимущественно элементами одежды и украшениями из меди или бронзы. Чаще всего это височные кольца, пронизки (иногда рифлёные), пуговицы с перемычкой, шестилепестковые бляшки, треугольные бляшки с пуансонным орнаментом, «зеркала», перстни с рудиментированным биконическим щитом. Часть из них являются общими практически для всех культур эпохи палеометалла региона: пронизки, височные кольца, «зеркала». Однако бытование большинства остальных имеет более узкие границы. Например, шестилепестковые бляшки, треугольные бляшки с пуансонным орнаментом и пуговицы с перемычкой появляются в Минусинских котловинах только в начале III этапа ППБ.

Следует обратить внимание, что большинство изделий имеет явные признаки миниатюризации и общей деградации. Наиболее яркий пример — перстни с биконическим щитком. Эти, по сути, постандроновские предметы появляются в погребениях

только начиная со II этапа ППБ. На протяжении II–III этапов их внешний вид постепенно трансформируется. Сами перстни становятся всё уже, а щиток практически полностью деградирует, превращаясь в два еле заметных выступа. Именно такие образцы представлены в могиле № 1 ограды 7 могильника Лугавское III (рис. 74: 6–8). Схожие процессы происходят с шестилепестковыми бляшками, которые появляются с началом III этапа. Они также подвержены процессам миниатюризации. Кроме того, для поздних образцов характерно изменение количества «лепестков». Вместо шести их может быть восемь или, например, четыре, как в случае с погребением в ограде 13 рассматриваемого могильника (рис. 83: 3).

Среди материалов могильника представлено несколько обломанных клинков ножей, которые, вероятно, крепились в деревянные рукоятки или символизировали целый нож (рис. 74: 14; 76: 17; 81: 6). Это очень распространённое явление именно для III этапа ППБ. До этого (I и II этапы) практически все ножи, встречающиеся в могилах, были цельнолитые. Традиция помещения в погребения обломков клинков маркирует довольно узкий хронологический период. Наряду с этим обнаружен и один цельнолитой нож (рис. 71: 9). Он изготовлен в виде пластины с уступом и отверстием в верхней части рукоятки. Подобные изделия типичны не для этого времени, а для следующего, IV этапа [Поляков, 2022б. Рис. 4]. Вероятно, этот курган датируется самым финалом хронологического горизонта III-в, и появление этого ножа демонстрирует начало перехода к следующему этапу.

Таким образом, могильник Лугавское III является весьма характерным памятником поздней части III этапа ППБ (за исключением кургана 1). Конструкции курганов, обряд погребения, сопроводительный инвентарь могут использоваться в качестве эталонных образцов для хронологических горизонтов III-б и III-в. При этом необходимо учитывать, что в это время уже значительное влияние имеет районирование памятников. Например, на севере Минусинских котловин синхронные могильники будут иметь несколько иные признаки.

Площадь Победы. Случайно уничтоженное погребение, из которого рабочим были собраны некоторые артефакты. К сожалению, никакой информации о погребальном обряде неизвестно.

В коллекции представлены фрагменты двух сосудов и литой бронзовый браслет (рис. 84). Посуда по своим типичным признакам имеет полные аналогии в материалах могильника Фёдоров Улус, который датируется хронологическим горизонтом III-б. Массивный литой бронзовый браслет является интересным, но не уникальным изделием. Очень похожие артефакты были найдены в могильниках Фёдоров Улус и Волчий Лог I [Членова, 1972. Табл. 32; Lazaretov, 2000]. Оба этих памятника также относятся к хронологическому горизонту III-б. Наконец, в 2022 г. в ходе раскопок могильника Усть-Камышта I (курган 7N) также обнаружен массивный литой браслет, хоть и не с идентичным, но с весьма схожим орнаментом (материалы раскопок ещё проходят камеральную обработку). Таким образом, хронологическая позиция этого разрушенного погребения устанавливается с большой долей уверенности.

Очень схожие, но несколько иначе украшенные литые браслеты представлены в материалах могильников Кривая VI ограда 4 могила № 1 (рис. 58: 3) и Ефремкино III курган 8 [Поляков, 2022а. Рис. 149: 10]. На основании суммы признаков они могут датироваться хронологическим горизонтом IV-а. Таким образом, традиция использования этого типа украшений продолжается и далее, практически до самого финала эпохи палеометалла.

Потрошилово I. Общие размеры этого памятника невозможно установить. Он был выявлен и

исследовался в тот период, когда уже находился в зоне периодического затопления водами Красноярского водохранилища. Поэтому точно сказать, сколько курганов насчитывал этот могильник первоначально, к сожалению, невозможно. Как показывает статистика, вряд ли в его составе было менее 100 сооружений. Исследовать удалось только 19 оград, в большинстве из которых инвентарь погребений полностью отсутствовал в результате недавних хищнических ограблений.

Немногочисленная информация, которая сохранилась, позволяет уверенно отнести могильник ко II этапу ППБ. Ограды небольшие, прямоугольной формы, с погребениями, оформленными в виде каменных ящиков. По косвенным признакам можно полагать, что погребения совершались головой в восточный сектор. Сохранилось буквально несколько сосудов, а также серия лапчатых привесок, «гвоздики», височные кольца, обоймочки, шило и пуговица с петелькой. Весь этот сопроводительный инвентарь датируется исключительно II этапом ППБ.

Немецкими исследователями по костям человека из этого могильника было сделано две радиоуглеродные даты Bln-5164 (могила № 7) – 2994±26 и Bln-5165 (могила № 1) – 2905±26 [Görsdorf, Parzinger, Nagler, 2001]. Несмотря на некоторый «разлёт» результатов после калибровки, участок, на котором они пересекаются, относится к XII в. до н. э. (рис. 131), т.е. полностью укладывается в хронологию II этапа ППБ (XIII–XI вв. до н.э.).

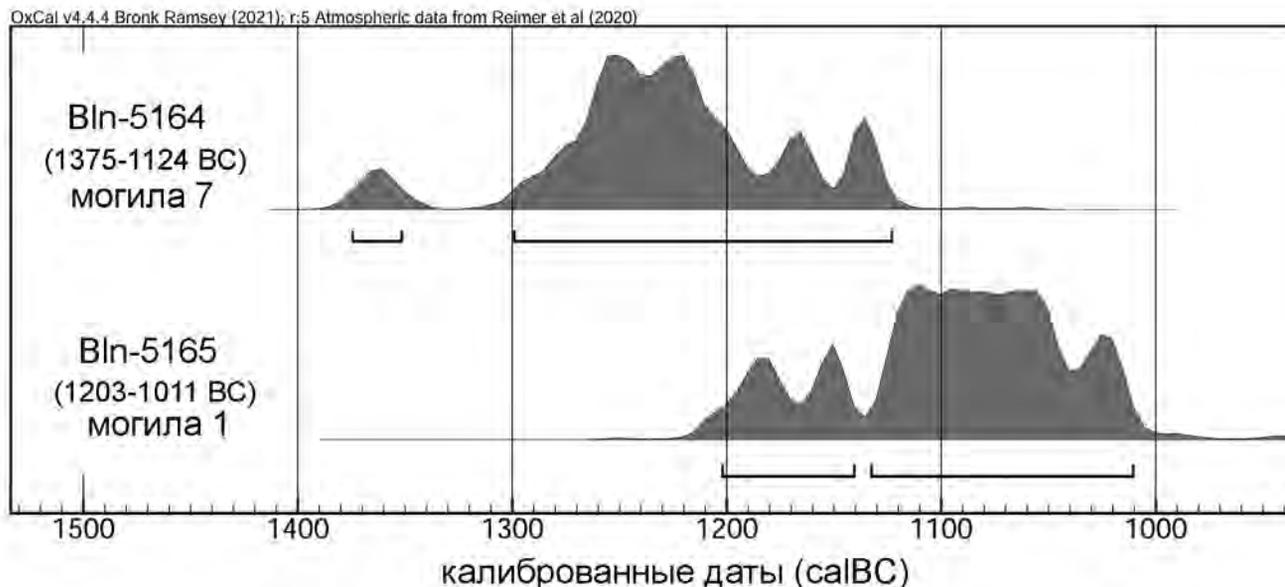

Рис. 131. Сопоставление радиоуглеродных дат по материалам из могил 1 и 7 могильника Потрошилово I

Памятник абсолютно рядовой и не выделяющийся ничем из общего ряда абсолютно таких же могильников: Тагарский Остров IV, Кривая II, Минусинск II, Тесь-IX, Минусинск-карьер. Единственное его отличие — это практически повальное ограбление всех могил. В большинстве случаев это свидетельство варварства наших современников. Однако следует отметить, что погребения этого памятника подвергались разграблению неоднократно. Например, в могилах № 3 и 4 присутствуют впускные безынварные захоронения, которые предположительно датируются тесинской культурой. Необходимо подчеркнуть, что это была очень распространённая практика. Чаще всего представители тагарской и тесинской культур хоронили своих небогатых покойников в каменных ящиках I и II этапов ППБ, ограбив и выкинув из него предыдущее погребение. На сегодняшний день зафиксировано уже более 50 подобных случаев.

Потрошилово II. Чрезвычайно интересный комплекс, характеризующий совершенно особую группу населения (рис. 93–94). Атипичные захоронения этого типа выявлялись в составе могильников карасукского времени и ранее, однако обобщить информацию о них удалось только в ходе подготовки к изданию материалов могильника Кюргеннер I–II [Грязнов и др., 2010. С. 83–94]. В частности, было установлено, что в рамках этого могильника существует территориально обособленная группа курганов, отличающаяся конструкциями оград, погребальным обрядом и сопроводительным инвентарём [Грязнов и др., 2010. Рис. 57–58]. Крайне ярко её характеризует совершенно особая группа посуды с валиками и положение тела погребённых на боку, чаще всего на правом. Вещевой инвентарь крайне скуден и представлен обычно «серьгами», которые, вероятно, являются височными кольцами. Ещё один чрезвычайно важный признак: гендерно-возрастной дисбаланс. В этих курганах обычно совершены погребения немолодых мужчин. Женщины и дети встречаются в исключительных случаях. Обособленные группы таких захоронений встречаются и на других могильниках: Малые Копёны III, Арбан I, Сухое Озеро II, Тюрим и рассматриваются как группы инородного населения, инкорпорированные в состав местных коллективов. Датируются эти атипичные погребения самым финалом I этапа. Возможно, именно их по-

явление и привело к формированию II этапа ППБ.

В случае с курганом Потрошилово II мы имеем дело именно с такими атипичными захоронениями. Во-первых, обращает на себя внимание описанная Н. В. Леонтьевым планиграфическая ситуация. Курганы Потрошилово II расположены обособленной группой на окраине андроновского могильника несколько оторванно от могильника Потрошилово I. Это совершенно логично, так как хронологическая позиция этих атипичных захоронений — финал I этапа. Как будет показано в рамках данной монографии, погребений именно этого хронологического горизонта на территории Минусинского района практически не обнаружено. Это подтверждает культурно-историческую концепцию развития населения, оставившего памятники ППБ, представленную в актуальных научных работах [Поляков, 2022a]. Следовательно, эта атипичная группа курганов могла продолжать только кладбище андроновской культуры, а могильник Потрошилово I появился позднее и находится в стороне. Очень интересна и крайне важна эта обособленность, которая подчёркивает, что курганы атипичной группы оставили некие инородцы, ещё не ассимилированные местным сообществом.

Интересной особенностью курганов Потрошилово II являются установленные в углах оград диагональные плитки (рис. 93: 1). Скорее всего, они представляют собой остатки угловых камней, которые выделялись из общей линии ограды. Аналогичные плитки были прослежены на ряде других сооружений атипичных памятников [Грязнов и др., 2010. С. 91]. Вероятно, эта особенность имеет глубокие центральноазиатские корни. Отдельно следует отметить, что чётко устанавливается последовательность захоронений. Сначала была построена ограда 3 и в ней совершено захоронение, и только спустя определённое время к ней была пристроена ограда 4а. К сожалению, достоверно определить хронологический разрыв между этими погребениями не представляется возможным. Можно только констатировать, что он был значительным.

Несложно отметить, что в обеих могилах погребённые положены в позу на правом боку, которая заметно отличается от традиционного для этого времени положения на левом боку вполоборота. Именно такая поза крайне характерна для атипичных захоронений [Грязнов и др., 2010. Рис. 28: 6; 29: 1]. Причём следует подчеркнуть, что

погребения производились именно на правом боку, а не на левом, что гораздо более характерно для погребальной позы этого периода.

В могиле № 3а обнаружен очень показательный горшок с валиками и ямочным орнаментом по шейке (рис. 94: 4). Он является одним из самых характерных изделий этой атипичной группы и максимально дистанцируется от карасукской керамики финала I этапа [Грязнов и др., 2010. Рис. 80–81]. Показательны валики, отсутствие лощения, прямой срез венчика и уплощённое дно. Среди остального инвентаря необходимо выделить «серьги», хотя нет уверенности, что они исполняли именно эту функцию (рис. 94: 5, 6). Прямых аналогий им нет, но стоит отметить, что именно такая категория, как серьги, чаще всего фиксируется в атипичной группе погребений.

Наконец, необходимо обратить внимание на определение пола и возраста. В обеих могилах кургана 3 Потрошилово II погребены мужчины в возрасте 35–39 и старше 40 лет. Это полностью согласуется с теми наблюдениями, которые были сделаны на других памятниках. В погребениях атипичной группы чаще всего находят захоронения мужчин зрелого возраста. При этом полностью отсутствует как молодёжь, так и старики. Обнаружения в этих могилах женщин и детей являются единичными исключениями. В данном случае материалы Потрошилово II полностью подтверждают ранее сделанные наблюдения.

Пока, к сожалению, сложно интерпретировать материалы этой атипичной группы захоронений. Можно лишь констатировать, что в самом финале I этапа ППБ, предположительно на рубеже XIV–XIII вв. до н. э., на многих кладбищах появляются обособленные анклавные захоронения, где хоронят отдельную группу людей (мужчин зрелого возраста) с заметными отличиями в погребальном обряде. Именно эти отличия в обряде сигнализируют о том, что эта группа не может выделяться по социальному признаку. Вероятно, речь идёт о неких инородцах, которые влились в состав населения и впоследствии были ассимилированы. Их изучение требует особого монографического исследования с привлечением смежных научных дисциплин, в том числе и естественно-научных (палеогенетика, радиоуглеродный и изотопный анализы и т. п.).

Для нашего исследования наиболее важным является определение хронологической позиции это-

го захоронения. Можно уверенно утверждать, что период существования этих атипичных захоронений был непродолжительным. Они не образуют отдельных могильников, и число курганов невелико. Следовательно, дату могильника Потрошилово II можно установить по аналогии с другими атипичными захоронениями. К сожалению, объективных радиоуглеродных дат для этих захоронений ещё не сделано. Однако И. П. Лазаретову при раскопках могильника Тюрим удалось установить относительную хронологию на основании последовательности сооружения оград [Лазаретов, 2008]. Таким образом, могильник Потрошилово II следует относить к финалу I этапа ППБ. Получается, что этот памятник является одним из наиболее ранних среди тех, что рассматриваются в данной монографии.

Подсуханиха I. В составе этого большого могильного поля на правом берегу Енисея представлены в том числе и объекты карасукского времени (рис. 95–105). Они были обнаружены в двух раскопках, заложенных в разных частях этого большого памятника. В результате материалы двух раскопов несколько различаются хронологически и должны быть рассмотрены отдельно.

Конструкции и артефакты из раскопа 2 демонстрируют хронологически более ранние признаки. Эти погребения, наряду с материалами Потрошилово II, являются самыми ранними из тех, что представлены в этой публикации. Три кургана, попавшие в этот раскоп, оформлены прямоугольными оградками из вертикально вкопанных плит. В двух случаях к ним сделаны пристройки, причём с разных сторон, что является ранним признаком. Интересно отметить, что на планах оград можно проследить остатки довольно крупных надмогильных сооружений, аналогичных тем, что выявлены при исследовании могильника Тесь-IX (рис. 100, 122, 124).

Конструкции курганов выполнены из крупных плит песчаника. Все погребённые, где это удалось проследить, уложены головой на СВ на правый бок вполоборота. Это очень интересная особенность, прослеженная и в других памятниках Минусинского района. Положение на правом, а не на левом плечу является особой чертой, характеризующей эти могильники.

В остальном обряд полностью соответствует традициям ранних этапов ППБ Минусинских котловин.

Главным датирующим элементом, который позволяет считать этот памятник наиболее ранним из рассмотренных, является керамика. Серия признаков позволяет уверенно отнести эту группу курганов к хронологическому горизонту I-б ППБ.

В первую очередь на это указывают сосуды с уступом без дополнительного орнамента (рис. 102: 29; 105: 7). Керамика именно этого подтипа (I-б) является важнейшим хронологическим индикатором, указывающим именно на позднюю часть I этапа [Поляков, 2009б; Грязнов и др., 2010. С. 74]. Подтверждает эту хронологию и сосуд с равномерно нанесёнными круглыми ямками под венчиком (подтип II-б) (рис. 103: 15). Четвёртый сосуд несколько выпадает из типологии керамики этого периода (рис. 105: 5), в первую очередь из-за отсутствия уступа. Однако сам орнамент, который на нём нанесён («ирменский пояс»), может датироваться только I этапом ППБ [Грязнов и др., 2010. Рис. 76].

Остальной инвентарь: аргиллитовые бусины, пронизки, височные кольца, пуговицы с петелькой, малоинформативен и позволяет датировать этот комплекс I–II этапами ППБ. Исключение со-

ставляют только находки из центральной могилы объекта VI. В ней, кроме вышеперечисленных типов, присутствуют многочисленные обоймочки для кожаных ремней и ярусные бляшки, предметы, характерные для II этапа. При этом в относительно более поздней пристройке находится датирующий сосуд с уступом. Объяснений этой ситуации может быть несколько. Во-первых, граница между этапами довольно условна и конкретно этот курган может относиться к пограничному периоду, когда в погребениях присутствуют признаки и предшествующего времени, и уже нового периода. Во-вторых, учитывая, что все вещи были найдены в заполнении могилы, нельзя исключать, что в неё могло быть впущено более позднее погребение, которое, в свою очередь, было ограблено. В любом случае это не меняет принципиально ситуации с хронологией всего могильника, так как она достаточно широкая.

Пожалуй, единственной по-настоящему уникальной находкой является обнаружение в могиле объекта VI-1 набора подвесок из костей и зубов животных (рис. 102: 38–51). Вероятно, это было какое-то ожерелье. Подобных изделий в материалах других могильников ППБ и андроновской куль-

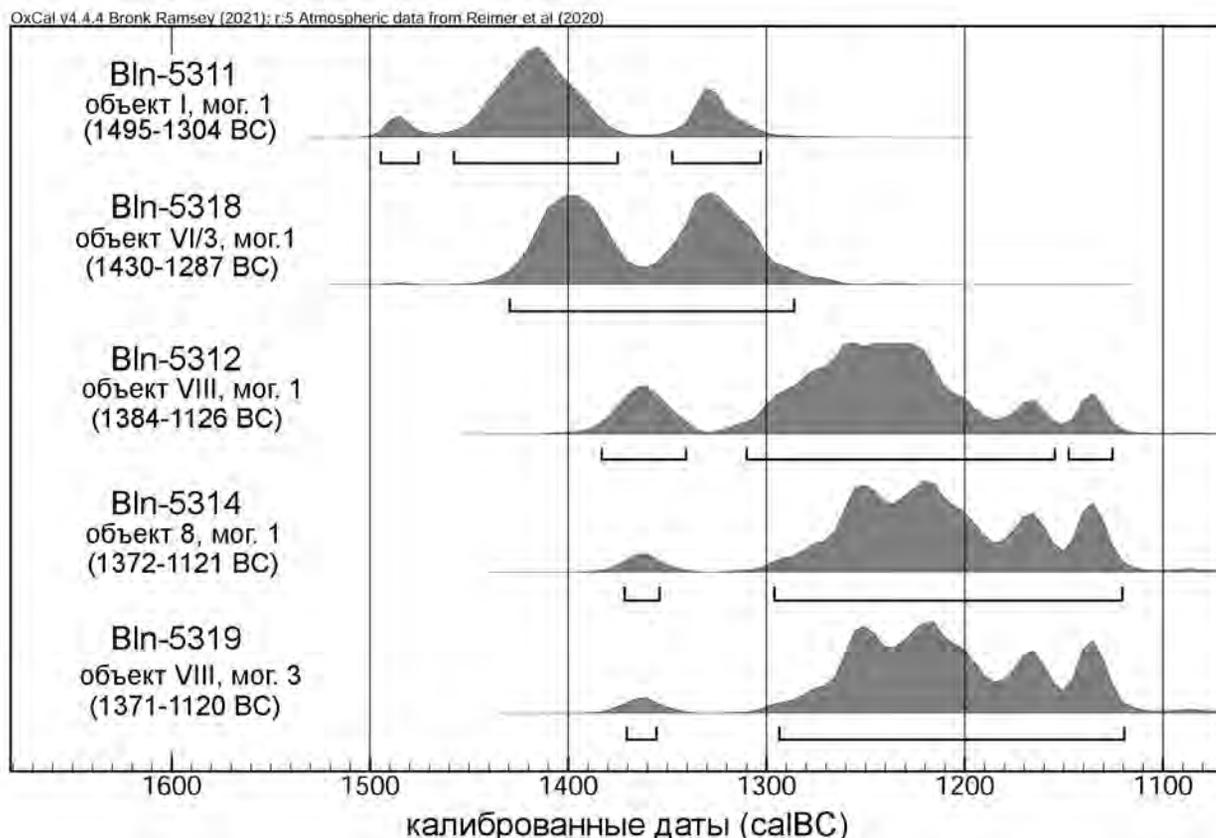

Рис. 132. Сопоставление пяти радиоуглеродных дат по материалам из погребений могильника Подсуханиха I

туры встречено не было. Это характерный атрибут более ранних периодов, в частности окуневской культуры. Учитывая наличие сосуда с уступом, височных колец, пуговиц с петелькой и аргиллитовых бус, сомнений в датировке этого погребения нет. Вероятно, эта находка ещё раз демонстрирует нам возможность доживания окуневского населения в южных районах Минусинских котловин вплоть до начала ППБ, а возможно, и некоторого периода их сосуществования.

Раскоп 1 включает в свой состав шесть оград карасукского времени. К сожалению, они подверглись практически тотальному ограблению и содержат крайне мало материала. По конструкциям и обряду погребения они практически идентичны материалам из раскопа 2. Инвентарь при этом пострадал значительно сильнее. В частности, не сохранилось ни одного сосуда, который мог бы значительно упростить хронологическую атрибуцию этих курганов. Большинство инвентаря является универсальными вещами, присутствующими в погребениях на протяжении очень продолжительного времени: височные кольца, пронизки, аргиллитовые бусы.

Однако есть два аргумента, которые позволяют всё-таки отнести эту группу курганов к более позднему времени: II этапу ППБ. Во-первых, это серия лапчатых привесок. Эти украшения встречаются исключительно в могилах женщин и входят в состав большой группы предметов, которые маркируют появление в могилах принципиально нового женского костюма [Поляков, 2006б; Поляков 2008а]. Появление этого нового костюма неразрывно связано с формированием II этапа ППБ. Это хорошо удалось проследить на примере могильника Тагарский Остров IV. Следует отметить только один нюанс. Одна из привесок имеет не три, а четыре «лапки» (рис. 98: 8). Экземпляры с этой особенностью локализуются в юго-западном районе, вдоль течения реки Абакан. Вероятно, появление одной такой привески в могильнике на правом берегу Енисея скорее подчёркивает это правило, а не опровергает его.

Второй аргумент – нож особого типа, который характерен именно для II этапа ППБ (рис. 97: 23). Типология ножей из погребений карасукского времени сейчас в достаточной степени разработана, чтобы на основании их типов можно было определять хронологию погребений [Поляков, 2022б]. По этой типологии данный нож относится к вариан-

ту А группы 2. Он хоть и похож на изделия группы 1, но отличается от них профилем рукоятки (обычный двутавр) и клинка (клин без вогнутых сторон). Однако самое главное — это профиль кольцевого навершия. В целом этот нож хоть и относится ко 2-й группе, но в его чертах (например, в отсутствии шипа) угадывается некоторое влияние группы 1. То есть датировать его следует самым началом II этапа ППБ. Таким образом, это является наиболее вероятной датой всех курганов этого раскопа.

По материалам (костям) из этого могильника немецкими исследователями была сделана серия из пяти радиоуглеродных дат [Görsdorf, 2002]. После калибровки они демонстрируют даты в пределах XV–XII вв. до н. э., что полностью совпадает с хронологией I и II этапов ППБ (рис. 132). Сомнение вызывает только наиболее ранняя дата Bln-5311 (объект I, могила № 1). Даже если рассматривать верхнюю границу полученного в отношении неё хронологического отрезка (конец XIV в. до н. э.), то он не выходит за рамки I этапа. В то же время в ней обнаружены лапчатые привески — маркер II этапа. К сожалению, ввиду сильной потревоженности этой могилы относиться к этой дате нужно с осторожностью.

Подсуханиха II. Этот чрезвычайно интересный и важный комплекс, в отличие от могильника Подсуханиха I, датируется более поздним временем (рис. 106–119). Его объекты перекрывают весь период III этапа начиная от хронологического горизонта III-а и вплоть до III-в. Это довольно редкий случай, так как чаще могильники этого времени небольшие и имеют более узкую хронологию. Можно констатировать, что могильник Подсуханиха II, вероятно, являлся одним из самых крупных могильных полей своего времени. Его можно сравнивать с эталонным памятником Белое Озеро II, насчитывающим свыше 100 курганов [Лазаретов, 2006].

Как и в других случаях, объекты, раскопанные на разных участках могильника, имеют различную хронологию. Наиболее ранними среди них выглядят могилы, исследованные единым раскопом в рамках объекта 4 (рис. 106–112). Они расположены вперемешку с более древними афанасьевскими захоронениями и гораздо более поздними сооружениями тесинской культуры. Всего на этом участке было исследовано 14 могил, относящихся к ППБ, и все они могут рассматриваться как захоронения хронологического горизонта III-а. В качестве эталонного

памятника этого периода можно использовать недавно опубликованный могильник Кутень-Булук, раскопанный Н. Ю. Кузьминым [Кузьмин, 2018. С. 9–48]. Его хронологическая позиция закреплена обширной серией радиоуглеродных дат.

К сожалению, конструкции оград объекта 4 могильника Подсуханиха II не сохранились. Вероятно, они были разобраны в ходе строительства более поздних тесинских курганов. Поэтому рассматривать можно только сами погребения. Необходимо обратить внимание, что конструкции могил различны. Основная часть представлена грунтовыми ямами, в которых иногда сохраняются следы деревянных конструкций. Однако изредка сооружались и каменные ящики (только для захоронения детей), более характерные для предшествующего этапа. Ориентировка головой преимущественно в восточный сектор. Обратное направление зафиксировано только в одном случае (рис. 108: 8). Положение тела чаще всего на спине, при этом сосуды обычно стоят справа от тела погребённого. Таким образом, наблюдается преемственность с местными уникальными традициями. При переходе от положения тела на правом боку влоборота к на спине размещение сосуда относительно тела не изменяется.

Наряду с сохранением части бронзового инвентаря, характерного для предшествующего времени (височные кольца, обоймочки, пронизки, «зеркало» и перстень с биконическим щитком), появляются совершенно новые категории артефактов, ранее в могилах не встречавшиеся. Во-первых, это треугольные бляшки с пуансонным орнаментом или, реже, без него (рис. 107: 6; 108: 19). Этот предмет является женским украшением, родственным лапчатым привескам [Поляков, 2009б]. Во-вторых, меняется способ крепления пуговиц, теперь вместо петельки на обратной стороне делается перемычка для крепления, идущая от края к краю (рис. 108: 2; 110: 1, 13, 14, 17, 34). В-третьих, в могиле № 15 обнаружена бляшка из двух выпуклых овалов, соединённых орнаментированной полосой (рис. 110: 16). Это редкое изделие является оформлением устья несохранившихся кожаных или деревянных ножен. Это может быть установлено на основании расположения аналогичных изделий поперёк ножей, найденных А. Н. Липским в курганах 1 и 2 могильника Бейская шахта. Кроме того, они входят в качестве элемента в состав бронзовых рамок от ножен [Поляков, 2022а. Рис. 153: 1–3].

В-четвёртых, появляются коленчатые ножи своеобразных типов (рис. 110: 22).

Наконец, в-пятых, в одном из погребений обнаружена «пряжка колесничего» (рис. 110: 35), артефакт, за которым в научной литературе закрепились аббревиатура ПНН [Варёнов, 1984; Савинов, 1995]. Сейчас уже нет сомнения в их связи с колесницами, так как они неоднократно обнаруживались в качестве их элемента [Ван Пэн, 2015]. В Минусинских котловинах они появляются только с началом III этапа. Причём всегда в связи с мужскими погребениями, часто коллективными. В тех случаях, когда их обнаруживают *in situ* на первоначальном месте, — это всегда пояс, на который они, вероятно, крепились. Данный случай не является исключением (рис. 109: 3).

В керамике этой группы могил также прослеживается наследие предшествующего II этапа. Некоторые сосуды оформлены такими же несколькими резными линиями по шейке (рис. 108: 7, 22; 111: 3; 112: 2, 6). Однако большинство сосудов без орнамента, очень грубой формовки и их формы сильно отличаются от канонических образцов II этапа. Иногда на сосудах присутствуют наклепные валики (рис. 111: 4). Обращает на себя крайне характерный орнамент с «косыми» треугольниками и линиями точек, идущих от их вершины (рис. 108: 23). Очень похожий набор посуды представлен в материалах эталонного могильника Кутень-Булук [Кузьмин, 2018. Рис. 20].

Особо следует выделить коллективное погребение (объект 4, могила № 15). Появление захоронения такого типа является важным маркером начала III хронологического этапа. Во всех случаях это грунтовая яма со следами деревянных конструкций, в которой погребены двое или трое мужчин молодого или среднего возраста. В случае если захоронение не потревожено, в нём часто встречаются ножи, «пряжки колесничего», пуговицы и другие элементы амуниции. Конкретно в этом погребении есть следы того, что по крайней мере один из людей погиб насильственной смертью. В одном из позвонков глубоко застрял костяной наконечник стрелы (рис. 110: 21, 21А). Весь этот набор признаков позволяет предположить, что эти могилы являются воинскими захоронениями, которые сооружались после боевых столкновений. Вопрос, кто и с кем воевал, пока остаётся открытым. Для его прояснения требуется проведение серьёзной научной рабо-

ты с привлечением естественно-научных методов и, в частности, палеогенетики.

К северо-востоку от этого раскопа расположена цепочка видимых на поверхности курганов, из которых пять было раскопано. Они имеют более позднюю хронологию в рамках III этапа ППБ — хронологические горизонты III-б и III-в. Как наиболее интересный и яркий комплекс следует выделить курган 11А. К сожалению, конструкции его практически не сохранились, но инвентарь могилы № 1 имеет большое значение (рис. 117). Сосуды имеют прямые аналоги в таких опорных памятниках, как Лугавское III и Фёдоров Улус. Нет сомнений, что курган датируется хронологическим горизонтом III-б. Здесь же найдены сразу два полноразмерных ПНН великолепной сохранности. В относительно более поздних памятниках они уже выполнены в виде миниатюр и несут скорее символическое значение. Отдельно стоит отметить пуговицы с перемычками, которые имеют оригинальную прямоугольную, а не круглую или овальную форму (рис. 117: 9, 10).

Наиболее важной находкой в этом кургане является наконечник зажимного копья (рис. 117: 5). Оружие чрезвычайно редко встречается в погребениях эпохи палеометалла Минусинских котловин. Ранее наконечники этого типа находили только в ходе раскопок поселений Каменный Лог I и Тамбар [Поляков, Марсадалов, Лурье, 2022. С. 42–43]. Однако хронология поселений имеет более широкие границы и не даёт узкой привязки к определённому контексту. Именно находка данного копья позволяет

абсолютно достоверно связать все эти вещи с хронологическим горизонтом III-б. Более того, возникает возможность привязать к данному времени и большую серию случайных находок, которые ранее датировали совершенно иначе.

Среди остальных сооружений следует выделить курган 11, так как он представляет уже следующий хронологический горизонт III-в (рис. 115). Это надёжно устанавливается на основании характерных сосудов на поддоне вкупе с типичным орнаментом. Это позволяет определить хронологию могильника Подсуханиха II на всём протяжении III этапа ППБ.

По материалам этого памятника немецкими исследователями была сделана серия из десяти радиоуглеродных определений (табл. 1). Однако при её внимательном изучении встаёт вопрос о достоверности по крайней мере части полученных дат [Поляков, 2022а. С. 299–301].

При внимательном изучении обращает на себя внимание пара дат (Bln-5281 и Bln-5317), сделанных по одному погребению (Подсуханиха II курган 11 могила № 1). Эта могила на основании погребального обряда, конструкций и сопроводительного инвентаря датируется каменноложским этапом по М. П. Грязнову или III этапом по А. В. Полякову и И. П. Лазаретову (хронологический горизонт III-в). Анализы сделаны в одной и той же лаборатории, но по разным источникам образца (дерево и кость человека). В результате калибровки медианы полученных диапазонов различаются на 340 лет (рис. 133). У этих отрезков нет точек пересечения,

Табл. 1. Радиоуглеродные определения возраста по объектам могильника Подсуханиха II

№	Индекс	Материал	Источник	Дата	CalBC
1	Bln-4768	Дерево	Подсуханиха II, объект 4, могила № 15	3031±38	1408–1132
2	Bln-4836	Береста	Подсуханиха II, объект 4, могила № 15	2923±37	1260–1010
3	Bln-4835	Дерево	Подсуханиха II, объект 4, могила № 15	2906±38	1259–981
4	Bln-4962	Дерево	Подсуханиха II, объект 4, могила № 20	2962±36	1308–1052
5	Bln-4921	Дерево	Подсуханиха II, объект 4, могила № 20	2943±29	1263–1051
6	Bln-4763	Дерево	Подсуханиха II, объект 6, линия камней	2762±49	1016–811
7	Bln-5315	Кости человека	Подсуханиха II, курган 10, могила № 1	2667±24	895–797
8	Bln-5281	Дерево	Подсуханиха II, курган 11, могила № 1	3044±29	1406–1216
9	Bln-5316	Дерево	Подсуханиха II, курган 11А, могила № 1	2833±27	1108–909
10	Bln-5317	Кости человека	Подсуханиха II, курган 11, могила № 1	2810±25	1026–900

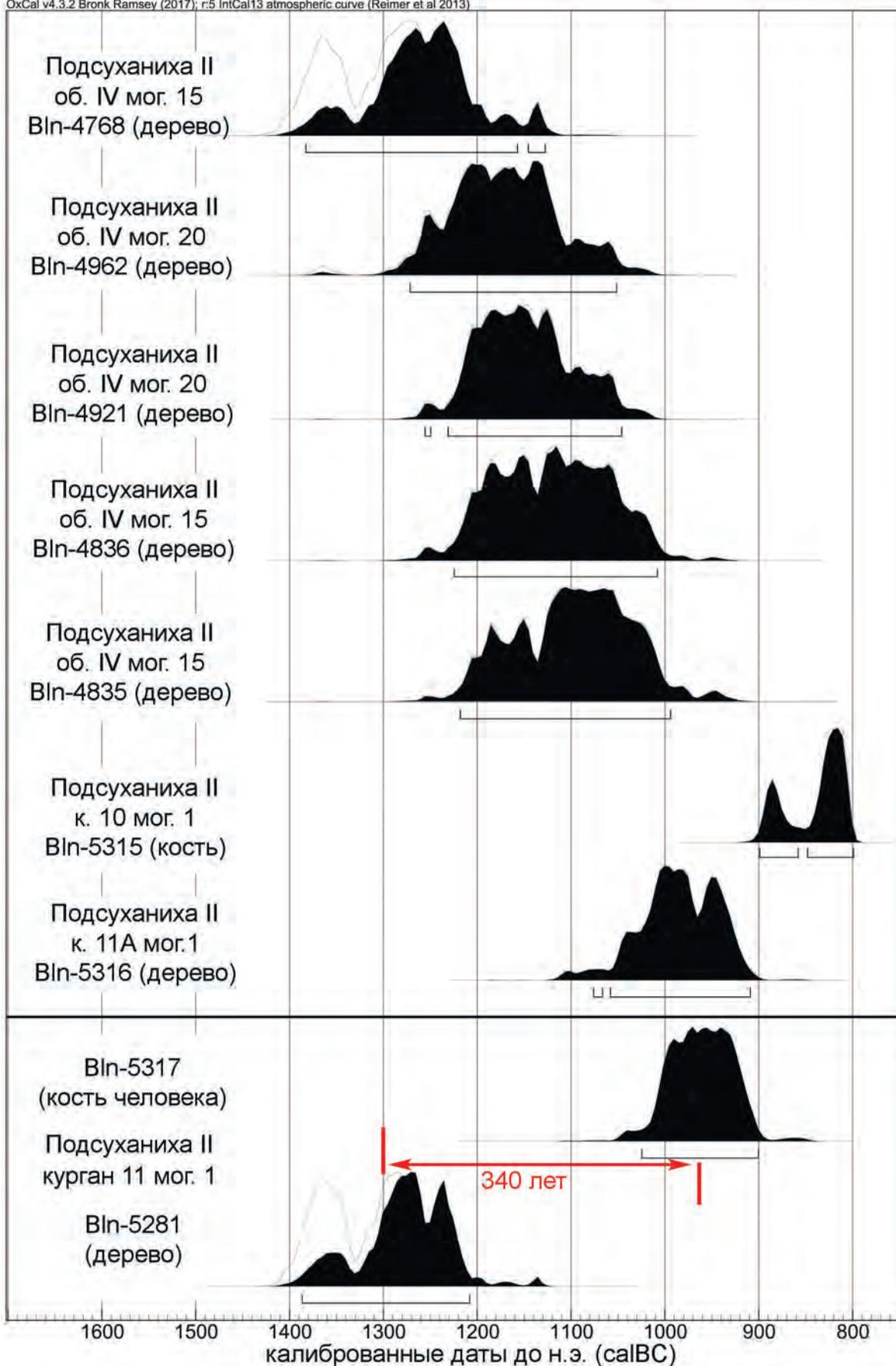

Рис. 133. Сопоставление радиоуглеродных дат могильника Подсуханиха II

т. е. обе эти даты не могут быть одновременно верны. Дата по кости человека (X в. до н. э.) полностью соответствует традиционным представлениям о датировке подобных памятников. Аналогичные даты получены по соседним погребениям и тоже укладываются в диапазон XI–IX вв. до н. э. (Подсуханиха II курган 11А могила № 1 и курган 10 могила № 1). Вторая дата, выполненная по дереву из этой же могилы, относит её к XIV–XIII вв. до н. э., и есть все основания полагать, что она ошибочна. Теперь можно обратить внимание, что и остальные слишком ранние даты погребений из этой группы тоже выполнены по образцам дерева. Если ошибка произошла один раз, она могла повториться и в других случаях. Таким образом, серия определенных могильников Подсуханиха I и II, выполненных по образцам дерева, оказывается дискредитирована. Учитывая, что именно она и создавала основные проблемы при наложении радиоуглеродных дат на традиционную хронологию, есть все основания попробовать отказаться от её использования. Если исключить из серии даты, выполненные по образцам дерева, то картина оказывается просто идеальной (рис. 134). Ранняя группа погребений (Подсуханиха I) датируется XIV–XIII вв. до н. э., а поздняя (Подсуханиха II) — X–IX вв. до н. э.

Тесь-IX. Небольшие раскопки огромного могильного поля, насчитывающего сотни курганов (рис. 120–127). Исследованную часть этого памятника можно с полной уверенностью отнести ко II этапу ППБ по хронологической схеме А. В. Полякова и И. П. Лазаретова. К сожалению, все изученные погребения оказались ограблены и, следовательно, костяки были потревожены и перемещены, а большинство бронзовых изделий из могил извлечены. Это затрудняет изучение погребального обряда данной группы курганов. Однако даже те немногочисленные свидетельства, которые сохранились, показывают нам, что в целом никаких радикальных отличий от ранее представленных памятников нет. Погребения совершались на боку или полубоку, головой в юго-западном направлении [Поляков, 2009а]. Такая ориентировка более характерна для следующего, III этапа ППБ, однако и для захоронений II этапа она отмечена для части могил, преимущественно расположенных в составе наиболее южных могильников [Грязнов и др., 2010. С. 100, табл. 11].

Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в погребениях, также не оставляет сомнений в отнесении этих четырёх курганов ко II этапу ППБ. В первую очередь это керамические сосуды, орнаментированные по шейке резными линиями. Необходимо отметить, что композиция довольно редкая: две группы резных линий разделены наколами и дополнены ниже оттисками штампа (рис. 125: 2; 127: 3). Аналогии им очень немногочисленны. Среди наиболее близких следует обратить внимание на сосуд из могилы № 1 кургана 114 могильника Малые Копёны III [Зяблин, 1977. Рис. 5: 21]. Однако ключевое значение при сравнении имеют материалы могильника Тесь I, раскопанного С. В. Киселёвым в 1928 г., здесь же под горой Георгиевской [Вадецкая, 1986. С. 69]. В его материалах в могилах № 6 и 7 обнаружено сразу три сосуда с подобной орнаментацией [Киселёв, 1929. Табл. 2: 15, 20, 24]. Таким образом, можно предполагать, что подобная орнаментация является региональной особенностью.

Бронзовые изделия очень типичны для погребений этого времени и представляют собой элементы погребального костюма и украшения, преимущественно женские [Поляков, 2000; Поляков 2008а; Поляков 2022а. Рис. 138]. Это пронизки, височные кольца разных размеров, пуговицы, нашивные бляшки с отверстиями по краям и ярусные бляшки (рис. 125: 3–6, 9–21). Несложно отметить, что практически все они найдены в могилах № 1 и 2 кургана 19, где захоронены женщина старше 50 лет и, вероятно, девочка. В остальных курганах, где прослежены погребения мужчин, бронзовые изделия единичны.

Отдельно стоит отметить обнаружение в заполнении могилы кургана 40 двух курантов зернотёрок (рис. 127: 4, 5). Нет уверенности, что они непосредственно были положены в могилу при совершении захоронения. Сейчас раскопано уже свыше 3500 могил и ни одного подобного изделия найдено не было, что предполагает отсутствие такой традиции. С другой стороны, учитывая, что погребение в кургане 40 элитарное, нельзя отрицать возможный выход за рамки общепринятого обряда. Следует отметить, что детали зернотёрок — очень распространённая находка на поселениях этого времени [Савинов, 1996. С. 27–28; Поляков, Марсаолов, Лурье, 2022. С. 50–51]. Однако их верхние куранты отличаются наличием закраин, отсутствующих на представленных образцах. Именно в карасукское

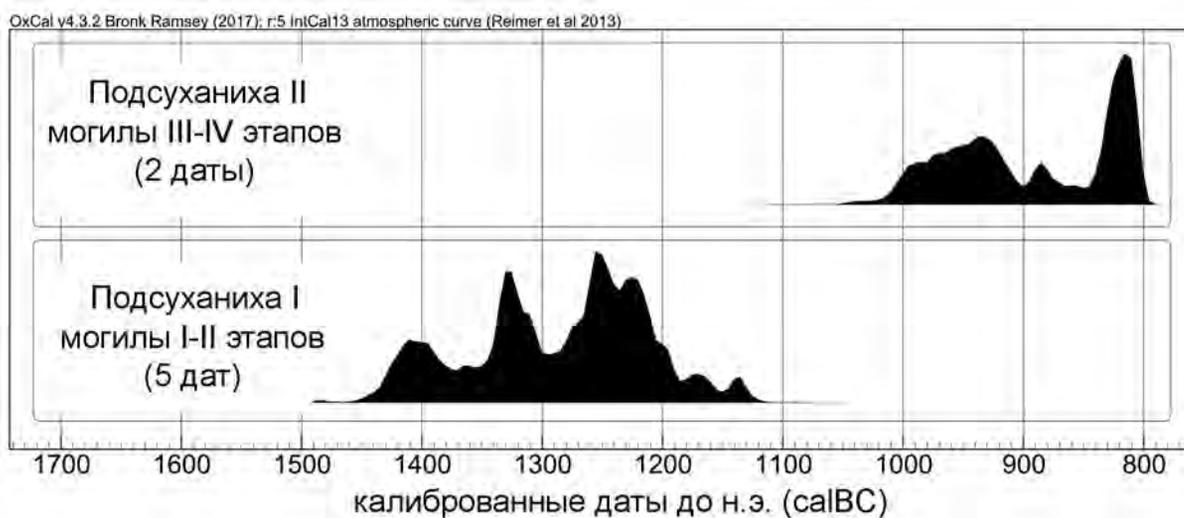

Рис. 134. Сопоставление суммарных вероятностей радиоуглеродных дат ранней (I–II этапы) и поздней (III–IV этапы) групп могильников Подсуханиха I, II

время в рационе жителей Минусинских котловин впервые появляется такой знак, как просо, что требовало использования зернотёрок. Это установлено на основе изучения палеодиеты методом изотопного анализа костей человека [Svyatko et al., 2013].

Как отмечают сами исследователи, выбор части курганов для проведения раскопок был обусловлен их значительными размерами и огромными, по меркам карасукского времени, насыпями. Действительно, среднестатистические размеры курганов этого времени (II этап ППБ) невелики — 5 × 4 м [Поляков, 2009б. С. 471–472; Поляков, 2022а. С. 266]. На этом фоне курганы 17 (ограда 11,5 × 9 м) и 19 (ограда 12 × 9,5 м) могильника Тесь-IX, безусловно, являются значительными и указывают на их особый статус.

Однако наибольшее значение имеют размеры насыпей данных курганов. Чаще всего кладбища карасукского времени совершенно не выделяются на уровне современной степи, представляя собой абсолютно ровные участки, на которых с трудом прослеживаются едва выступающие верхние грани вертикально установленных плит оград и каменных ящиков. Наличие сохранившихся насыпей, чаще всего высотой не более 0,3–0,4 м, является исключительным случаем. Например, они были зафиксированы при раскопках некоторых курганов могильника Сухое Озеро II [Максименков, Вадецкая, 2022. С. 32]. Причём можно сразу отметить, что размеры этих курганов также заметно превышают среднестатистические.

Традиционно считается, что надмогильные сооружения карасукского времени были очень не-

значительны и представляли собой небольшой земляной холмик непосредственно над могилой. Он быстро разрушался и практически полностью нивелировался, не оставляя после себя следов. Наличие в отдельных случаях сохранившихся насыпей высотой около метра позволяет предполагать, что первоначально это были ещё более масштабные сооружения, занимавшие значительную часть ограды. То есть для элитарных сооружений карасукского времени можно считать доказанным существование значительных земляных надмогильных сооружений.

Одной из возможных причин столь хорошего сохранения высоких земляных насыпей могильника Тесь-IX является наличие под ними каменных конструкций. В двух случаях (курганы 19 и 40) были прослежены сооружения в виде «купола» диаметром 4,5 и 5,5 м. Их можно интерпретировать как облицовку каменными плитками в один-два слоя земляной насыпи над могилой. На площади кургана 17 вокруг центральной могилы прослежено кольцо из горизонтально положенных плит диаметром около 8 м. Вероятно, это остатки такого же «купола», от которого сохранилось только основание.

Существование подобных «куполов» ранее отмечалось исследователями. Однако ввиду крайней редкости подобных конструкций хорошей сохранности детали они не исследовались. Можно предполагать, что первоначально это было не такое редкое явление, однако плиты облицовки были легко доступны, и, вероятно, активно переиспользовались в качестве строительного материала при сооружении более поздних курганов. Таким образом, сооружения могильника Тесь-IX являются наибо-

лее яркой иллюстрацией существования в карасукское время традиции облицовки надмогильных сооружений курганов каменными плитами.

В 2017 г. в ходе исследования по материалам из могилы № 1 кургана 40 могильника Тесь-IX было сделано две радиоуглеродные даты. Целью работ было получение данных о наличии или отсутствии в Минусинских котловинах резервуарного эффекта [Svyatko et al., 2017]. Все анализы делались парами: кость человека и кость травоядного животного. В итоге был получен отрицательный результат. Ни одна из пар различных эпох не показала наличия резервуарного эффекта. Две даты, сделанные по кургану 40 могильника Потрошилово I оказались очень близки между собой и позволяют относить захоронение к концу XIII — концу XI в. до н. э. (рис. 135). Это полностью сочетается с данными о хронологии II этапа ППБ, который на основании комплекса источников датируется XIII–XI вв. до н. э.

Подводя итог анализа исследованных сооружений могильника Тесь-IX, следует в первую очередь обратить внимание на существование в карасукское время элитарных погребальных сооружений, которые присутствуют в составе преимущественно очень крупных могильных полей, насчитывающих не менее нескольких сотен курганов. Эти особые курга-

ны выделяются размерами ограды и значительным надмогильным сооружением (насыпью), иногда облицованной каменными плитами. Вторым важным признаком — наличие в погребениях в качестве следов сопроводительной пищи костей нескольких животных, иногда разных видов (овца, корова, и изредка лошадь). К сожалению, практически повальное ограбление могил этого периода не позволяет добавить в список этих признаков «богатство» и многочисленность сопроводительного инвентаря.

Суммарный анализ материалов

Рассмотрев каждый из исследованных памятников отдельно, можно переходить к суммарному анализу всего массива имеющейся информации. Необходимо особо подчеркнуть, что проведённые раскопки отражают только малую часть тех памятников, которые представлены на территории Минусинского района. Нет сомнений, что со временем будут открыты и исследованы новые могильники, которые могут заметно изменить наши представления о развитии памятников периода поздней бронзы на правобережье Енисея в целом. Однако уже накопленная информация требует осмысления на данном этапе и создания отправной точки для дальнейших исследований.

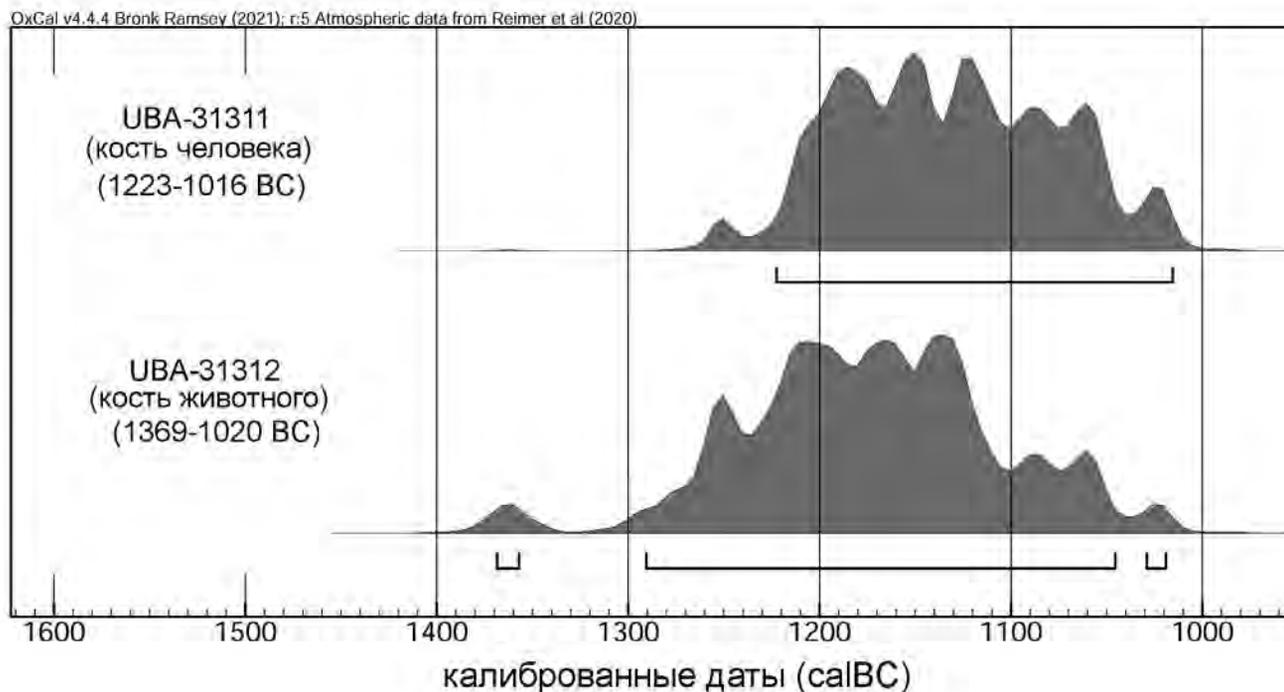

Рис. 135. Сопоставление радиоуглеродных дат по различным материалам из погребения кургана 40 могильника Потрошилово I

За основу дальнейшего изложения будет взята хронологическая концепция, предложенная в 2006 г. А. В. Поляковым и И. П. Лазаретовым [Поляков, 2002; Поляков 2006а; Поляков 2022а; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008]. Будут последовательно рассмотрены предложенные авторами хронологические этапы и горизонты, с тем чтобы на примере Минусинского района составить локальную хронологическую колонку погребальных памятников. Отдельное внимание будет уделено локальным особенностям могильников именно этого региона, с тем чтобы установить его роль в процессах, которые происходили на всём пространстве Минусинских котловин в исследуемый период.

Для понимания хронологического соотношения представленных в данной монографии памятников они были сведены в единую таблицу, которая позволяет оценить картину в целом и выделить синхронные памятники или их отдельные группы (рис. 129). В результате можно увидеть, что в имеющейся выборке присутствуют все хронологические горизонты за исключением самого раннего — I-а. Остальные этапы и горизонты перекрыты достаточным количеством памятников, с тем чтобы можно было оценить их материалы и составить представление об их особенностях на фоне широкого контекста.

Начать следует с того, что на территории Минусинского района практически отсутствуют памятники предшествующей андроновской культуры. Ещё Э. Б. Вадецкая отмечала, что они распространены к северу от горы Шишка, но южнее практически не представлены [Вадецкая, 1986. С. 41–42]. На сегодняшний день самым южным памятником андроновской культуры на правом берегу Енисея является некрополь из 25 курганов возле могильника Потрошилово I, материалы которого опубликованы в этой монографии. Раскопки этого андроновского кладбища не проводились, но его несложно атрибутировать по особенностям конструкций курганов, что и было сделано Н. В. Леонтьевым. Следует отметить, что это самая северная граница Минусинского района, устье реки Туба. Южнее памятники андроновской культуры на правом берегу Енисея неизвестны.

Исследователями уже давно была сформулирована гипотеза, объясняющая отсутствие памятников андроновской культуры в южной части Минусинских котловин. Современные научные знания

позволяют не сомневаться в том, что эти памятники оставлены мигрантами, продвигавшимися из казахстанских степей на восток через Западную Сибирь. Минусинские котловины стали конечной точкой их миграции. Предполагается, что в XVII в. до н. э., войдя с севера через Мариинский лесостепной коридор, они постепенно занимали Минусинские котловины, двигаясь вдоль Енисея с севера на юг [Поляков, 2022а. С. 192–226].

В этот момент котловины были заселены племенами, оставившими памятники окуневской археологической культуры. Они проживали здесь уже более 800 лет (с XXVI в. до н. э.). Судя по имеющимся научным данным, отсутствуют свидетельства мирных контактов и взаимной ассимиляции этих двух групп населения. Вероятно, захват новых территорий андроновскими племенами носил силовой характер и сопровождался военными столкновениями. Не случайно именно в окуневское время появляется целая сеть горных укреплений «све», которая могла возникнуть как ответная реакция на вторжение иноплеменников [Вадецкая, 1986. С. 41–42; Готлиб, Подольский, 2008].

Необходимо особо отметить, что хотя и те, и другие являлись скотоводами, они использовали различные хозяйственные модели. Окуневские племена развивали схему вертикального кочевания скруглогодичным выпасом скота, которая предполагала использование зимой подножного корма на склонах гор. Андроновская модель предположительно связана со стойловым содержанием в зимний период, что требовало создания запасов сена на зиму. В результате они предъявляли различные требования к размещению своих поселений. Все известные андроновские памятники размещаются исключительно в степной зоне вблизи крупных рек или озёр. Зона расселения окуневских племён гораздо шире. Они могли использовать для жизни небольшие узкие горные долины и тяготеют к горной периферии Минусинских котловин.

На сегодняшний день на левом берегу Енисея уже открыты два памятника андроновской культуры, расположенные в южной части Минусинских котловин. Во-первых, это одиночная могила, раскопанная возле аала Сартыков М. Л. Подольским (Сартыков. Пункт I), которая пока остаётся неопубликованной (Архив ИА РАН, Р-1, д. 14076). Во-вторых, новейшие исследования (2021–2022 гг.) могильника Усть-Камышта-1, где В. М. Лурье был

раскопан курган 13, включающий значительную серию непо потревоженных андроновских погребений [Лурье, 2021; Лазаретова, Лурье, 2022]. Однако пока эти единичные находки не опровергают сложившуюся концепцию. По-прежнему на юге Минусинских котловин неизвестны андроновские могильники, насчитывающие, как на севере, десятки курганов. Пока можно только утверждать, что единичные проникновения были, но системное и продолжительное пребывание андроновского населения южнее широты впадения реки Абакан в Енисей требуется ещё доказывать.

Однако необходимо вернуться к памятникам Минусинского района и напомнить, что на данный момент на его территории известен только один памятник андроновской культуры, расположенный на самой северной его границе. В целом это укладывается в концепцию, предполагающую ограниченное проникновение андроновских племён с севера на юг. Для нас этот момент крайне важен, так как он напрямую связан с проблемой самых ранних памятников карасукского времени хронологического горизонта I-a. Проведённые исследования показывают, что памятники этого периода на территории Минусинского района пока не обнаружены. Это полностью согласуется как с концепцией М. П. Грязнова, так и с современной гипотезой сложения памятников периода поздней бронзы Среднего Енисея [Максименков, 1978; Вадецкая, 1986. С. 51–76; Поляков, 2009в; Поляков, 2013; Поляков, 2020а; Поляков, 2021а; Поляков, 2022а].

Концепция М. П. Грязнова, поддержанная Г. А. Максименковым, предполагала сложение карасукской культуры на основе местных андроновских памятников. Современная миграционная гипотеза предлагает иной взгляд. Считается, что протокарасукские племена повторили путь, проделанный в своё время андроновским населением, и пришли в Минусинские котловины с севера. Причём последние «уступили» им центральную часть региона: Чулымо-Енисейскую и Сыда-Ербинскую котловины, а сами отошли на север в Назаровскую, где ещё некоторое время проживали [Поляков, 2008б; Поляков, 2009в]. Возможно, речь идёт о передаче дальним «родственникам» беспокойного фронта, где постоянно происходили столкновения с местными автохтонными, вероятно, окуневскими племенами.

Независимо от того, какая концепция справедлива, существует принципиальный момент. Памят-

ники самых ранних племён периода поздней бронзы отчасти повторяют ареал предшествующего андроновского населения и, в частности, его южную границу. Именно этим объясняется отсутствие в Минусинском районе известных памятников хронологического горизонта I-a. Вряд ли эти востребованные территории пустовали. Остаётся только предположить, что они были заняты неким иным населением, которое сопротивлялось сначала андроновской, а затем и карасукской экспансии. Окончательной ясности, кто это был, пока нет. На данный момент выдвинута только одна гипотеза, которая предполагает доживание до этого времени части окуневского населения, однако никаких подтверждающих фактов пока обнаружить не удалось. Остаётся только надеяться, что дальнейшие раскопки новых памятников позволят обнаружить аргументы за или против этой концепции.

Как же развивалась ситуация дальше? Карасукские племена, закрепившись в Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах, со временем начали активную экспансию на юг, вытесняя своего противника. Этот период выделяется как отдельный хронологический горизонт I-b. Кроме некоторых изменений в конструкциях курганов, погребальном обряде и инвентаре, он характеризуется появлением новых, пока немногочисленных, кладбищ, расположенных в южной части Минусинских котловин (могильники Сабинка II, Арбан I, Окунев Улус и другие). Число погребений хронологического горизонта I-b в них невелико, что позволяет считать, что эти кладбища были основаны ближе к финалу этого периода.

Аналогичная картина наблюдается и в Минусинском районе. На сегодняшний день к хронологическому горизонту I-b можно отнести только часть материалов двух памятников: Подсуханиха I и Потрошилово II. Несложно заметить, что оба они расположены на самом севере района, что указывает на постепенное продвижение нового населения с севера на юг. Немногочисленные могилы этого периода явно тяготеют ближе к финалу хронологического горизонта I-b.

Материалы этих двух памятников принципиально отличаются. Погребения из раскопа 2 могильника Подсуханиха I можно рассматривать как «классические» для этого периода (рис. 136). В качестве примера выбраны погребения, содержащие характерную керамику этого периода: сосуды с уступом без орнамента и орнаментированный по шейке

рядом округлых вдавлений. Ещё один горшок, представленный в этой серии, не имеет аналогий по сочетанию признаков. С одной стороны, орнамент в виде «ирменского пояса» встречается преимущественно на сосудах хронологического горизонта I-а, а позднее уже крайне редко. Однако в данном случае отсутствие уступа сигнализирует о том, что это именно такой редкий случай. С другой стороны, косые оттиски наклонного гладкого штампа по верхней линии орнамента характерны уже для следующего II этапа. Скорее всего, этот сосуд следует относить к финалу хронологического горизонта I-б, как и всю группу этих погребений.

Остальной сопроводительный инвентарь практически полностью характерен для этого этапа. Височные кольца, пуговицы с петелькой и аргиллитовые пронизки характеризуют в целом I этап ППБ. Совершенно уникальной находкой, не имеющей никаких аналогов для всего ППБ, является ожерелье из зубов и фаланг, которое найдено в могиле объекта VI-1 (рис. 102: 38–51). Оно сочетается с совершенно «классическим» инвентарём и выглядит на его фоне абсолютно инородно. Это предмет из совершенного другого мира. В данном случае его можно рассматривать, как подтверждение справедливости интерпретации культурно-исторических процессов, происходивших в этот период. Вероятно, оно отражает контакты карасукского населения с племенами — носителями охотничьих традиций, для которых характерно изготовление подобных «амулетов». Именно здесь в этот момент проходил фронт борьбы с этими автохтонными (возможно, окуневскими) племенами. К сожалению, причины, по которым это изделие оказалось в могиле ребёнка, нам вряд ли удастся установить.

Вторая группа погребений хронологического горизонта I-б имеет заметные отличия (рис. 94). Ранее аналогичные погребения выделялись в составе «классических» карасукских могильников как инородные анклавы [Грязнов и др., 2010. С. 83–94]. Это всего два погребения, но они имеют большое значение, так как мало потревожены и содержат выразительный сопроводительный инвентарь. Это типичные керамические сосуды и очень интересный вариант серёг или височных колец. Большое значение имеет положение тела на правом боку — это наиболее ранние погребения с подобным разворотом на территории Минусинского района, и возможно, именно эта группа инородного населения

сыграла важную роль в дальнейшем формировании особенностей памятников позднего периода эпохи палеометалла. Подробно она была разобрана в разделе, посвящённом этому особому памятнику.

С точки зрения культурно-исторических процессов стоит ещё раз обратить внимание на планиграфическую ситуацию, в которой располагается этот памятник. По данным Н. В. Леонтьева, он находится на окраине и между курганами неисследованного андроновского могильника. Относительно более поздний могильник II этапа Потрошилово I расположен далее в стороне. Таким образом, складывается отчётливая последовательность, предполагающая, что после андроновского периода на этой территории представлен сразу хронологический горизонт I-б, и далее II этап. Это ещё раз подтверждает неслучайность отсутствия среди исследованных могильников захоронений хронологического горизонта I-а.

Следующий период в древней истории Минусинских котловин представлен памятниками II этапа ППБ. По классификации М. П. Грязнова это поздняя часть «классического», или карасукского этапа карасукской культуры. В хронологической схеме А. В. Полякова и И. П. Лазаретова он получил наименование «карасук-лугавский». Это связано с тем, что, с одной стороны, явно прослеживается развитие уже существующей традиции I (карасукского) этапа, с другой — ощущается влияние иной группы населения со своими культурными традициями. Причём именно на этом этапе отчётливо прослеживается районирование памятников. Северный район наиболее консервативный, где сохраняется большое число традиций I этапа. Центральный — наиболее динамичный, с максимальным числом новых признаков, причём их нарастание ощутимо проявляется в южном направлении. И, наконец, юго-западный («арбанская группа») — периферийный [Савинов, Поляков, 2007]. Здесь новые элементы хоть и появляются, но в незначительном числе, и на всей материальной культуре ощущается печать некой изолированности от основного культурного очага.

Всё это позволяет вполне определённым образом интерпретировать происходившие в этот момент процессы. Как уже отмечалось, ближе к финалу I этапа начался активный процесс вытеснения автохтонных племён из южных районов Минусинских котловин. Фиксируются новые кладбища, которые, вероятно, связаны с форпостами. К финалу I этапа этот процесс был завершён, и Минусинские

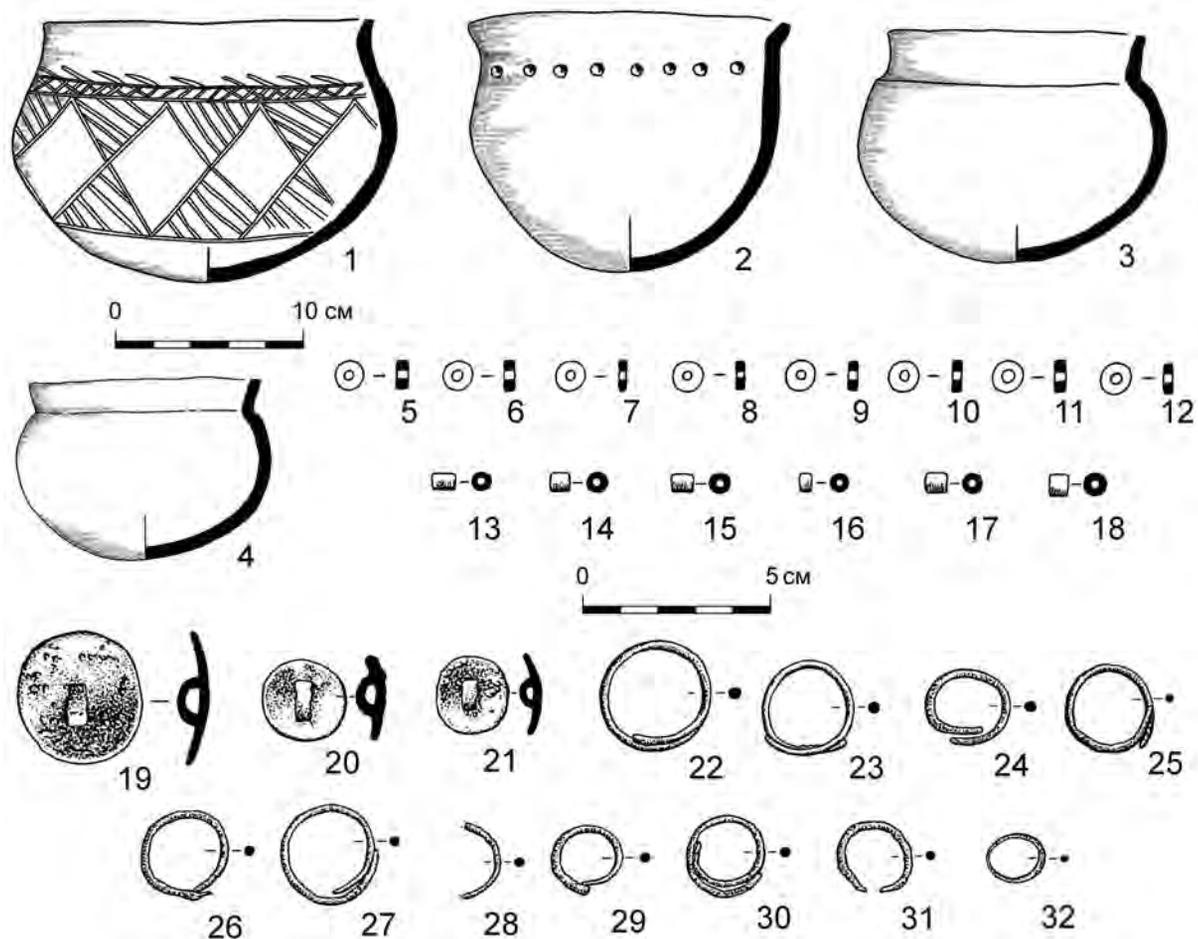

Рис. 136. Примеры артефактов из погребений хронологического горизонта I-б (Подсуханиха I раскоп 2)

котловины были заняты целиком. Следовательно, открылись маршруты, связанные с территорией современной Тувы, основной магистралью которых, вероятно, был Енисей.

Именно в этот момент и начинается сложение II этапа ППБ, формирование которого непосредственно связано с этими новыми южными контактами. Мощный культурный импульс идёт с южного направления, вероятнее всего, по Енисею. Его следствием становится формирование особой центральной провинции или группы II этапа ППБ, в материалах которой наиболее ярко представлены эти новые культурные признаки. Они прослеживаются в новой орнаментации сосудов, появлении принципиально иных типов ножей, новом погребальном женском костюме с большим числом изделий из бронзы. Кроме того, начиная с южного направления происходит нарастание случаев обратной (юго-западной) ориентировки погребённых. В дальнейшем, уже на III этапе, она станет основной.

Особо следует отметить, что в погребениях II этапа ППБ Среднего Енисея инновационные бронзовые предметы несут постандроновские и центральноазиатские признаки и при этом залегают совместно. В женских захоронениях они образуют единый устойчивый набор украшений, куда входили массивные серьги, височные кольца, ярусные бляшки, пуговицы с петелькой, зеркала и составные или цельнолитые лапчатые привески (например, Минусинск-Карьер могила № 16, рис. 53: 4–20). В конкретном погребении одна или две категории предметов могли отсутствовать, но в целом комплектность оставалась неизменной. Отметим также, что аналогичные наборы в погребениях предшествующего времени нам неизвестны, а большинство изделий, их составляющих, не имеют прототипов в комплексах I этапа ППБ Минусинских котловин.

Возникшее противоречие может быть устранено, если принять во внимание точку зрения, высказанную С. В. Киселёвым, о возможном воздействии

андроновцев Восточного Казахстана на металлопроизводство бронзовых изделий в Северном Китае [Киселёв, 1960. С. 264–265]. В последние десятилетия география и номенклатура бронзовых предметов андроновского происхождения, найденных в этом регионе, непрерывно расширялась [Хаврин, 1992. С. 45–46; Заднепровский, 1992; Заднепровский, 1993; Кузьмина, 1994; Молодин, 1998; Бехтер, Хаврин, 2002]. Причём речь идёт уже не о проникновении отдельных элементов культуры, а о продвижении на территорию Северо-Западного Китая населения с андроновским антропологическим типом [Кучера, 1988; Молодин, Алкин, 1997; Чуев, Китов, 2007; Li et al., 2010; Li et al., 2015; Козинцев, 2012]. В дальнейшем одна из таких групп андроновцев могла через Западный Саян мигрировать на Средний Енисей, распространив там свой вещевой комплекс, дополненный центральноазиатскими признаками. Южный путь проникновения хорошо соотносится с зоной расселения мигрантов на территории Минусинских котловин.

Однако необходимо вернуться непосредственно к материалам Минусинского района. Именно II этап ППБ максимально хорошо представлен в изучаемых памятниках. К этому времени целиком относятся могильники Потрошилово I, Тагарский Остров IV, Кривая II, Минусинск II, Тесь-IX, а также значительная часть захоронений Минусинск-карьер и Подсуханиха I. В числовом выражении это более 70 % всех раскопанных погребений, представленных в данной монографии. Такое обилие памятников явно свидетельствует о максимальном расцвете общества в этот период и значительном увеличении численности населения. Особенно хорошо это заметно на фоне буквально нескольких погребений, которые можно датировать финалом I этапа.

Все перечисленные могильники обладают схожими признаками, которые позволяют описывать их суммарно. Не останавливаясь на общих вопросах, которые уже неоднократно приведены в литературе, можно сразу перейти к особенностям погребального обряда [Поляков, 2009б; Поляков, 2013; Поляков, 2020а; Поляков, 2022а. С. 266–274]. В отличие от северной локальной группы, где юго-западные ориентировки практически отсутствуют, в центральной и юго-западной они составляют значительный процент. Больше всего их представлено в левобережных могильниках, расположенных к югу от места впадения Абакана в Енисей (Сабинка

II, Терт-Аба, Белый Яр V, Арбан I) [Грязнов и др., 2010. Прил. II, табл. 11]. В этой группе памятников они составляют от 60 до 90 %. На этом фоне изучаемые правобережные памятники выглядят в значительной степени консервативно. В наиболее крупном из них (Тагарский Остров IV), где подобные подсчёты являются статистически достоверными, из 33 случаев, когда ориентировка устанавливается по положению костей погребённого или сопроводительного инвентаря, только два указывают на юго-западную ориентировку (6 %). Аналогичная картина и в других памятниках района. Погребения с данной ориентировкой есть, но составляют совсем небольшой процент.

Иначе ведёт себя комплекс признаков погребального обряда — поза погребённого и размещение посуды с жидкой пищей и подноса с мясом животного. В памятниках ППБ Минусинских котловин они теснейшим образом взаимосвязаны между собой. Если погребённый уложен на левый бок или левый бок вполоборота, то посуда и мясо будут слева от него; если на правый — то они справа. Всегда сохраняется очень простой принцип — пища ставится «перед лицом» покойного. Это, безусловно, является частью погребального обряда [Поляков, 2009а]. Для других культур и эпох зачастую важен сам факт наличия пищи в могиле, а где она будет располагаться, в ногах, за головой или вообще на перекрытии могилы — не принципиально (например, для III–IV этапов ППБ). Это является уникальной особенностью именно I–II этапов ППБ, отражающей некие религиозные взгляды на проводимые при погребении ритуалы. Можно осторожно предположить, что подразумевается участие погребённого в своей собственной заупокойной тризне.

Для всей массы исследованных памятников I–II этапов Минусинских котловин значительно более характерно положение тела на левом боку вполоборота (или гораздо реже просто боку) — около 90 % [Грязнов и др., 2010. Прил. II, табл. 12]. И только памятники вблизи впадения реки Абакан в Енисей заметно выделяются на этом фоне. Наиболее яркий случай — опубликованный в данной монографии могильник Тагарский Остров IV. В его материалах из 20 определимых случаев положения тела 17 указывают на размещение на правом боку или правом боку вполоборота (85 %). Однако это не является привилегией исключительно памятников правого берега Енисея. Возле современного города Абакан

на левом берегу был исследован могильник Белый Яр V, где тоже представлено сразу 14 случаев положения тела с разворотом направо.

Наиболее ранние случаи разворота на правый бок связаны с атипичными памятниками хронологического горизонта I-б, представленными в монографии могильником Потрошилово II (рис. 94). На этом основании можно предположить, что данная атипичная группа оставила наиболее яркий след именно в этом районе и столь высокое число погребений с нестандартным разворотом является их наследием. Интересно отметить, что погребения на правом боку (или с сосудом справа от головы) будут сохраняться и далее именно в этом районе на III этапе ППБ.

Ещё одна важная особенность центральной локальной группы — это обилие в погребениях бронзового инвентаря. Даже с учётом того, что свыше 95 % погребений подверглись позднейшим проникновениям (часто неоднократным), направленным, вероятно, на извлечение изделий из меди и бронзы, в могилах в ходе раскопок зачастую находят десятки металлических предметов. Ни один могильник северной группы II этапа не может сравниться по числу бронзовых изделий с представленным в данной монографии Тагарским Островом IV. Яркий пример — могильное поле Сухое Озеро II (550 могил), весь бронзовый инвентарь которого легко умещается в трёх таблицах, из которых в одной представлены ножи, во второй — височные кольца и один браслет, а третья только частично занята различными бронзовыми предметами, из которых часть относится к впускным тагарским захоронениям [Максименков, Вадецкая, 2022. Рис. 125, 126, 128]. Причина столь мизерного числа металлических предметов в северных могильниках — сохранение традиционного погребального женского костюма I этапа ППБ, который не предусматривает большого числа бронзовых украшений. И наоборот, подавляющая масса металла, найденного в могилах центральной локальной группы — это украшения нового женского погребального костюма, который получает массовое распространение с началом II этапа ППБ.

Одним из основных элементов погребального инвентаря, который позволяет уверенно идентифицировать погребения II этапа, является керамическая посуда. Для I–II этапов ППБ существует разработанная типология керамической посуды из

погребений [Поляков, 2009б; Грязнов и др., 2010. С. 70–82]. Материалы, представленные в данной монографии, полностью укладываются в уже сделанные наблюдения. С началом II этапа происходит смена орнаментальной композиции и ведущего типа сосудов. Вместо уступа, характерного для посуды I этапа (I тип керамики), в той же зоне на шейке появляются горизонтально прочерченные линии (III тип керамики) (рис. 137). Чаще всего их три, но бывают крайне редкие исключения, когда их две или, ещё реже, четыре (рис. 137: 10, 12, 13). Причём при сохранении общей композиции наблюдается очень интересное районирование. На посуде северной локальной группы эти желобки выполнены в виде довольно широких каннелюров (подтип III-1), центральной — чаще всего оформлены прочерченными линиями (подтип III-2), а юго-западной — как и весь орнамент, нанесены зубчатым штампом (подтип III-3).

Следует обратить внимание на ещё одно отличие, связанное с различными районами. В северной локальной группе большинство сосудов III типа не имеет дополнительного орнамента ниже желобков [Максименков, Вадецкая, 2022. Рис. 129, 130]. Напротив, посуда из погребений центральной и юго-западной локальной групп редко встречается без дополнительного орнамента. Чаще всего это традиционные треугольные шевроны, однако их нельзя возводить к традициям I этапа, так как посуда хронологического горизонта I-б практически лишена дополнительных орнаментов под уступом. Можно уверенно утверждать, что мотив свисающих треугольных шевронов снова появился в Минусинских котловинах вместе с населением, пришедшим с юга и принёсшим комплекс центральноазиатских и андроновских признаков.

Другая важная группа — это сосуды II типа (подтипы б и в). Они встречаются заметно реже и, чаще всего, имеют увеличенный объём (рис. 138). Вероятно, увеличенный объём и особая орнаментация указывают на отличающееся содержимое. Обращает внимание, что среди сосудов этого типа представлено несколько относительно раннего подтипа III-б, которые традиционно связываются с хронологическим горизонтом I-б ППБ (рис. 138: 1, 2). Вероятно, это указывает на то, что часть погребений относится к самому началу II этапа, когда неизбежны некоторые переживания более ранних форм. Более распространены традиционные для II этапа сосуды

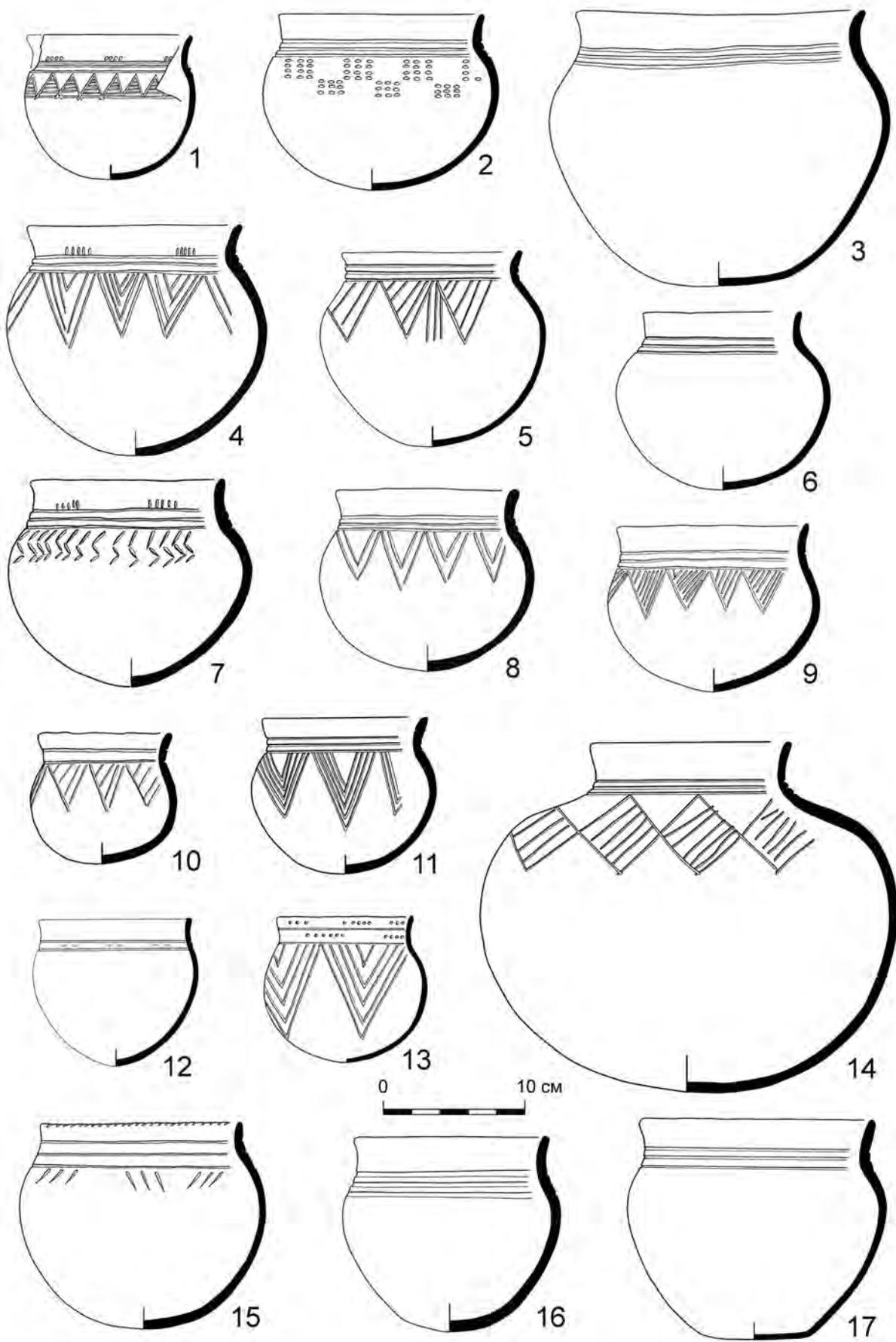

Рис. 137. Примеры сосудов III типа из погребений II этапа ППБ (Тагарский Остров IV)

подтипа II-в. Их отличает серия орнаментальных признаков, которые могут отмечаться как по отдельности, так и все в купе (изменение форм ямок с круглой на треугольную, овальную и т. д.; один или несколько рядов наклонных оттисков гладкого штампа; переход от равномерного расположения ямок к их группировке).

Кроме вышеописанных ключевых типов, зафиксированы все остальные варианты посуды, характерной для II этапа, в том числе и такой редкий, как «бадейки» (рис. 8: 15; 11: 18). Таким образом, керамическая посуда могильников этого периода Минусинского района полностью укладывается в общую схему. Отдельно только следует отметить

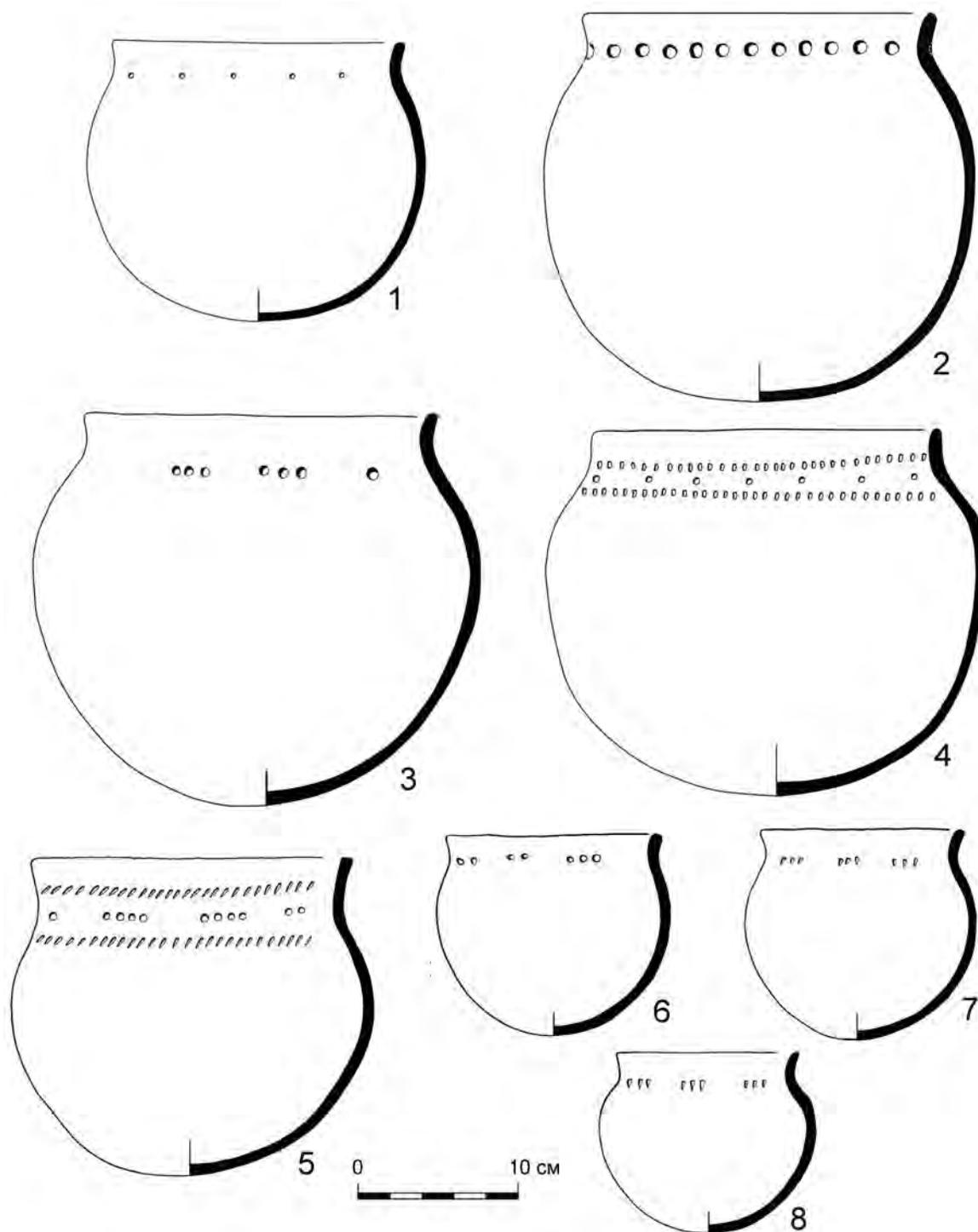

Рис. 138. Примеры сосудов II типа из погребений II этапа ПНБ (Тагарский Остров IV)

небольшую серию сосудов с редким сочетанием орнаментов: горизонтальные линии и ямки между ними («нотный орнамент»). Подавляющее большинство сосудов, украшенных подобным образом, представлено именно здесь (рис. 29: 7; 34: 7; 36: 20; 45: 9; 56: 5; 125: 2; 127: 3). Такой вариант можно уверенно считать локальной особенностью. Следует обратить внимание, что похожая схема представлена на некоторых атипичных сосудах хронологического горизонта I-б, только вместо горизонтальных линий на них представлены валики (рис. 94: 4). Возможно, это ещё одно отражение мощного влияния, оставленного в центральной локальной группе этими мигрантами.

Кроме керамики, значимые трансформации происходят в бронзовом сопроводительном инвентаре погребений (рис. 139). Они наиболее заметны в изменении женского погребального костюма. Для I этапа характерно малое число предметов, которые можно рассматривать как украшения или элементы оформления костюма (аргиллитовые пронизки, бронзовые пронизки, височные кольца и пуговицы с петелькой). С началом II этапа происходит появление целого списка совершенно новых изделий, ранее в погребениях не встречавшихся [Поляков, 2008а]. В ходе статистических исследований установлено, что большинство из них устойчиво связаны с погребениями женщин, что и позволило сделать вывод об их роли украшений или деталей костюма [Поляков, 2000].

Как уже ранее отмечалось, культурная волна, которая приводит к формированию II этапа ППБ, приходит с южного направления, и именно центральная локальная группа демонстрирует наиболее яркие её признаки. В могильниках этого района встречается максимально широкий круг новых категорий изделий, причём в большом количестве. Следует отметить, что особенно выделяется могильник Тагарский Остров IV, который по числу бронзовых изделий входит в число наиболее богатых, несмотря на то что практически все его погребения были потревожены грабителями.

Основу нового женского костюма составляет набор ярких украшений: лапчатые привески, перстни с биконическим щитком и «зеркала» [Поляков, 2008а]. Первые две категории предметов сохраняются в могилах довольно часто, так как ввиду своего незначительного веса не представляли интереса для грабителей. «Зеркала» — крупные бляшки с петель-

кой для подвешивания или, крайне редко, со шпеньком, встречаются нечасто, так как относятся к числу «массивных» бронз. Можно обратить внимание, что в составе могильника Тагарский Остров IV есть ещё одна категория изделий, устойчиво связанная с погребениями женщин, — штампованные из тонкого листа меди бляшки с отверстиями для пришивания по краям (рис. 139: 13–16). Весь этот набор восходит корнями к андроновским традициям, но не может быть связан с местным минусинским андроном. Учитывая южное направление, с которого пришли его носители, можно предположить, что это отражение юго-восточного вектора продвижения андроновского населения из Казахстана на восток в Синьцзян, где сейчас обнаруживается всё возрастающее число памятников этого времени [Поляков, 2022а. С. 210].

Кроме указанного списка украшений, в могилах широко представлены и иные новые категории бронзовых изделий, которые встречаются как в женских, так и в мужских погребениях: ярусные бляшки и «гвоздики». По сути, они являются отражением одной орнаментальной концепции, которая предполагает украшение предметов и, вероятно, одежды полусферическими выступами («кнопками», «жемчужинами» и т. п.) [Поляков, 2015]. Схожие выступы прослеживаются на таких массивных бронзовых предметах, как ножи (на рукоятках и на вершинах), и серьги. Позднее, в начале III этапа, их можно обнаружить на дугах ПНН. Очень похожий орнамент представлен на изделиях из Северного Китая эпохи Шан-Инь (XIII–XI вв. до н. э.), которые объединяют в «северный тип» [Чжун Сук-Бэ, 2000; Варёнов, 2005а; Варёнов, 2005б]. Более того, вероятно, он оказал определённое влияние и на собственно китайские изделия (кельты, копья, клевцы), которые также иногда украшались аналогичным способом.

Таким образом, материалы II этапа ППБ представлены на территории Минусинского района максимально широко. Их можно рассматривать как эталонные для понимания особенностей центральной локальной группы. Наблюдаются интересные влияния со стороны атипичной группы памятников хронологического горизонта I-б, проявляющиеся в расположении погребённых на правом боку и некоторых особенностях керамической традиции. Кроме того, именно в центральной группе максимально ярко прослеживаются элементы новой обрядности, связанные с формированием

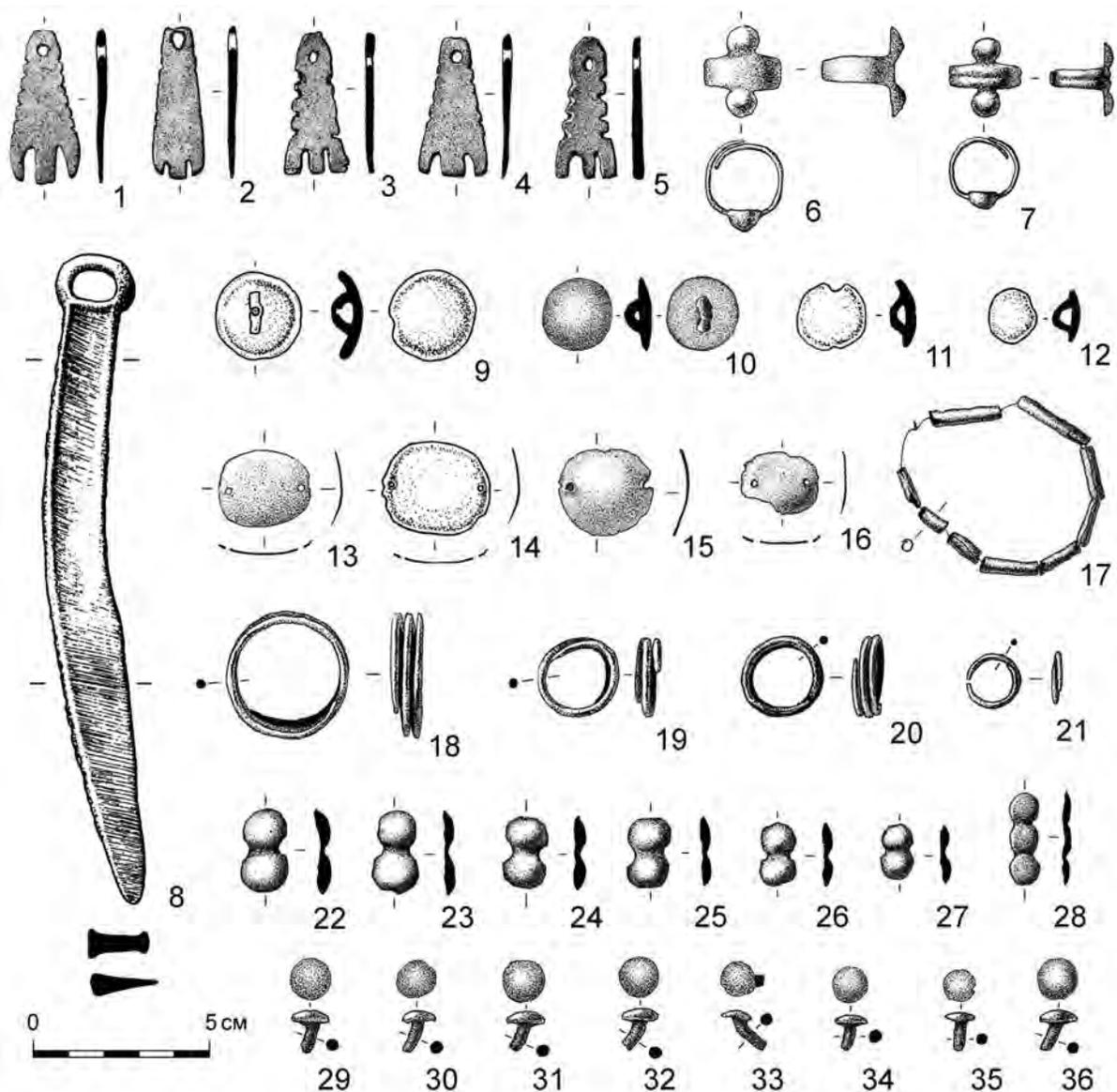

Рис. 139. Примеры медных (бронзовых?) артефактов из погребений II этапа (Тагарский Остров IV; Подсуханиха I)

II этапа ППБ. Это целый комплекс изделий из меди или бронзы, отражающий появление нового погребального костюма. Особенно ярко это заметно на примере женских погребений, где представлен принципиально новый набор украшений.

Переход к III (лугавскому) этапу ППБ знаменуется гораздо более значительными изменениями, чем это прослеживалось между I и II этапами. Во-первых, наблюдается разрыв с предшествующими кладбищами II этапа. Полностью прекращается развитие крупных могильных полей, существовавших до этого несколько сот лет. Например, такие огромные кладбища, как Сухое Озеро II, Кургенер I, II, Карасук I, насчитывающие сотни курганов, перестают пополняться новыми захоронениями.

Зато вблизи них появляются многочисленные небольшие кладбища размером до нескольких десятков могил, которые содержат погребения различных периодов III этапа. Более того, такие небольшие могильники появляются на совсем небольших ручьях и речушках, уходя глубоко в степь.

Это позволяет предположить кардинальное изменение организации коллективов. Происходит переход от крупных густонаселённых посёлков, расположенных у больших водных источников, к небольшим мобильным группам, каждая из которых имеет своё небольшое кладбище. В целом общая численность населения кардинально не меняется, но оно более равномерно распределяется по занятой территории, занимая даже маловодные

участки, которые ранее не представляли хозяйственного интереса. Вероятнее всего, это связано с изменением типа хозяйствования и повышением мобильности коллективов. Можно осторожно предположить, что возросшая подвижность связана с развитием в хозяйстве способов использования лошади как средства передвижения.

Во вторую очередь необходимо отметить кардинальную смену конструкций погребальных сооружений. Причём изменения в первую очередь касаются применяемых строительных материалов. Для I и II этапов характерно использование исключительно тонких плит песчаника, из которых сооружались все элементы курганов: ограда, каменный ящик и его перекрытие. Всё делалось только из камня, причём строители обладали очень продвинутой технологией расщепления плитняка. С началом III этапа происходит неожиданный переход к конструкциям из дерева: сруб или рама на дне могилы, основа перекрытия. Камень применялся только для формирования ограды и иногда для облицовки деревянного перекрытия. Причём зачастую это был обыкновенный обломочник, который просто собирали по округе. Всё это указывает на утрату навыков расщепления плитняка и появление совершенно новой строительной традиции. Такие изменения практически невозможны в рамках одного развивающегося коллектива. Всё это указывает на появление новых людей со своими навыками, сформировавшимися в иных условиях.

Третье важное изменение, которое фиксируется с началом III этапа — изменение положения тела погребённого. Для I и II этапа безусловно доминировало положение тела на полуобуку или, реже, боку, в тесной связи с размещением сосудов и подноса с мясом. На III этапе происходит постепенный переход к положению тела на спине. При этом связь с сопроводительным инвентарём становится опосредованной. Важен сам факт наличия сосудов и мяса жертвенного животного в могиле, а не место их расположения относительно тела. То есть меняется сама концепция погребального обряда. Для I–II этапов можно предполагать участие погребённого в своей заупокойной тризне: он лежит в «позе отдыхающего кочевника», перед ним в зоне досягаемости рук сосуды с едой и напитками, блюдо с кусками мяса, а на них столовый набор из ножа и шила. Начиная с III этапа размещение погребённого относительно сопроводительной пищи и сосудов совер-

шенно иное, не предполагающее «сиюминутное» их использование. По аналогии с этнографическими данными можно предполагать, что эта пища поставлена «в дорогу», на время перехода в иной мир. Всё это косвенно свидетельствует о существенных изменениях в религиозных представлениях.

Наконец, четвёртое яркое изменение, которое фиксируется по материалам могильников, это появление новых категорий инвентаря. Резко изменяется керамическая традиция. Причём, если на подэтапе III-а ещё можно предполагать определённую взаимосвязь с керамикой предшествующих этапов, то начиная с хронологического горизонта III-б появляется посуда, которую невозможно рассматривать в контексте ранних этапов ППБ. Меняется кардинально всё, начиная от размера посуды, её орнаментальных композиций и вплоть до технологических особенностей изготовления. Это новая совершенно ранее не представленная технология изготовления посуды. По своей сути она является более архаичной, не случайно исследователи в середине прошлого века сопоставляли её с афанасьевской и считали, что она развивалась именно на этой основе.

Важнейшие изменения происходят в сфере бронзового инвентаря. Меняется сам металл и технология его литья. Вместо оловянистой бронзы происходит возврат к использованию мышьяковистой меди. Это явление не одномоментное, в связи с тем что значительная часть новых изделий получалась в результате переплавки сломанных или изношенных старых вещей. Однако именно начало III этапа стало переломной точкой этого процесса. Резко и массово появляются новые предметы мужской субкультуры — «пряжки колесничих» (ПНН). До этого ничего подобного в могилах не встречалось. Кардинально меняется тип ножей: вместо дугообразных форм появляются коленчатые изделия со своими особенностями оформления практически всех элементов. Это является не развитием существующих форм, а принципиально новой линией этих изделий, которые пришли в Минусинские котловины уже в готовом виде. Меняется технология изготовления медных «пуговиц». Вместо петельки у них на обратной стороне появляется перемычка.

Точно так же наблюдаются изменения в женском погребальном костюме. Снижается роль ранее известных вещей — лапчатых привесок, перстней с биконическим щитком, «зеркал». Они не исче-

зают полностью, но их становится заметно меньше в погребениях. Вероятно, это связано с экономией металла. Вместе с тем появляются принципиально новые категории, которые ранее совершенно неизвестны. Во-первых, это треугольные бляшки с пуансонным орнаментом, которые имеют общее происхождение с лапчатыми привесками и, вероятно, играют аналогичную роль в женском костюме [Поляков, 2006б]. Во-вторых, шестилепестковые

бляшки, которые хоть и немногочисленны, но весьма своеобразны и не имеют прототипов.

Таким образом, на переходе между II и III этапами фиксируются важнейшие переломные изменения, которые свидетельствуют о смене технологий в различных областях жизни. Причём в большинстве случаев отмечается, что на смену приходят более архаичные технологии. Для всех этих изменений фиксируется одна и та же картина.

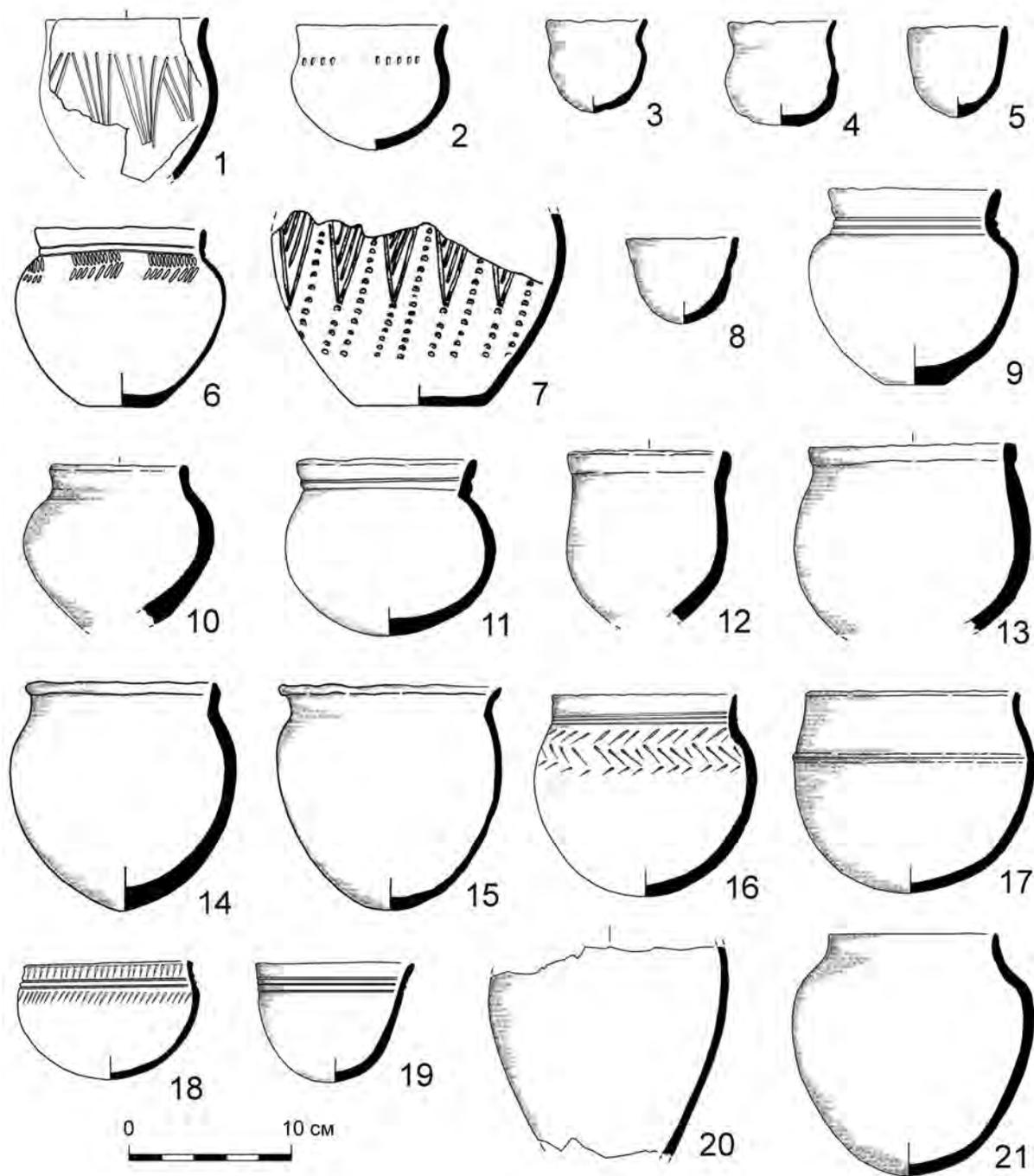

Рис. 140. Примеры керамических сосудов из погребений хронологического горизонта III-а (Минусинский карьер; Подсуханыха II)

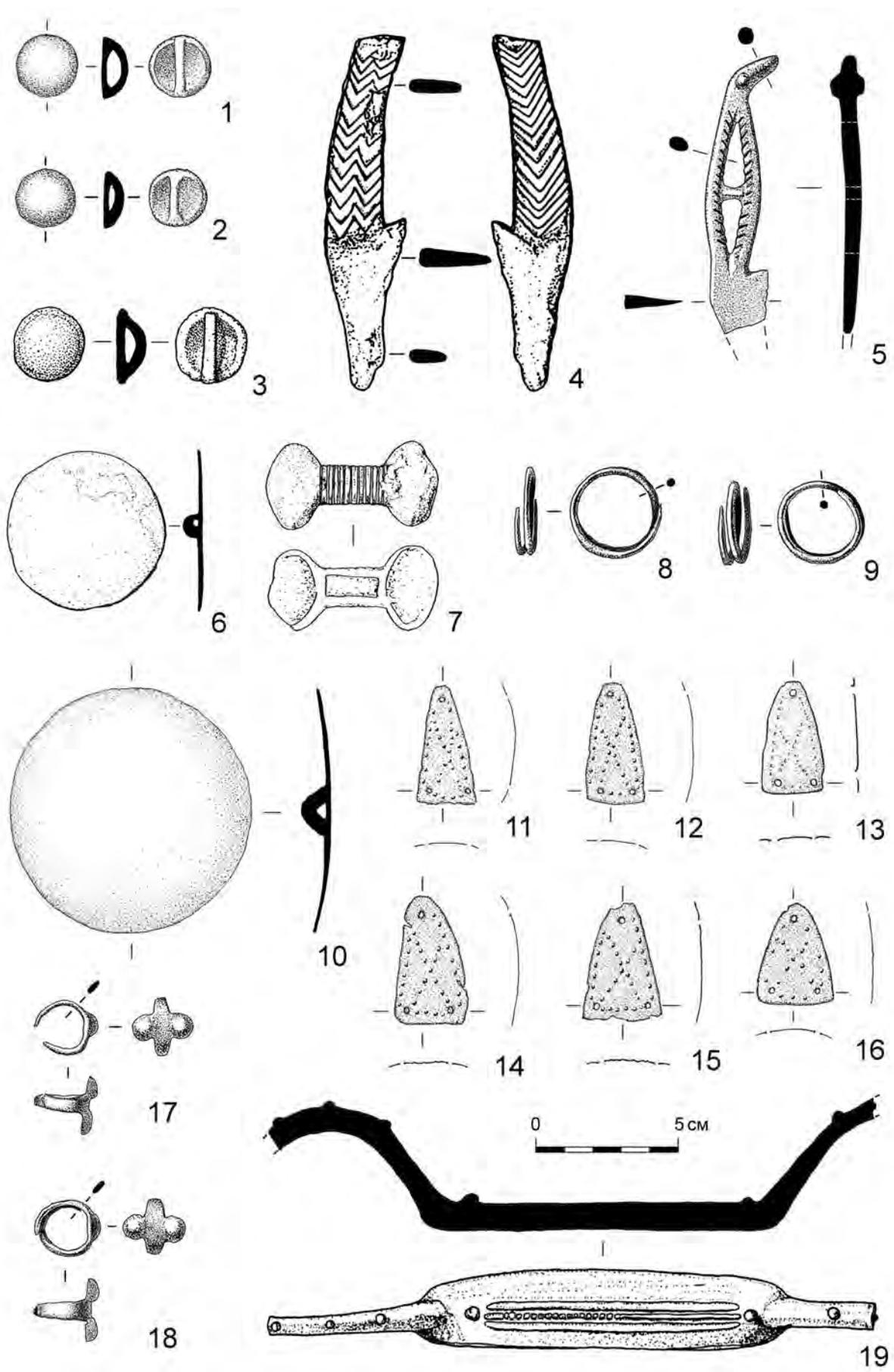

Рис. 141. Примеры медных (бронзовых?) артефактов из погребений хронологического горизонта III-а (Минусинск-карьер; Подсуханыха II)

Максимально динамично и многочисленно они проявляются на юге региона, а север, как и в случае со формированием II этапа, долгое время сохраняет традиции предшествующего времени (использование плитняка, положение тела на боку или полубоку, инвентарь). Следовательно, можно сделать вывод о том, что эти изменения связаны с появлением новых мигрантов с юга, которые и принесли новую культуру и технологии. При сложении II этапа это были некие родственные племена, восходящие своими корнями к андроновской подоснове. Новая волна миграции (формирование III этапа) связана с местными центральноазиатскими традициями и потому приносит с собой принципиально иные, во многих случаях более архаичные технологии.

Теперь перейдём непосредственно к материалам III этапа, обнаруженным на территории Минусинского района. Они представлены в четырёх погребальных памятниках: Минусинск-карьер, Лугавское III, Площадь Победы и Подсуханиха II, а также среди материалов поселения Кривая VI. Полностью подтверждается тезис о создании новых кладбищ. Только один из этих могильников существовал на протяжении предшествующего II этапа — Минусинск-карьер. Однако необходимо учитывать особенности этого памятника. На нём практически не проводились профессиональные исследования, а его материалы — это преимущественно сборы из разрушенных могил, расположение которых неизвестно. Возможно, карьер зацепил несколько рядом расположенных памятников и между могилами II и III этапов было некоторое пространство, разделяющее их на отдельные объекты.

Наиболее ранний хронологический горизонт III-а представлен в составе могильников Минусинск-карьер (4 могилы) и Подсуханиха II объект 4 (не менее 11 могил). Они полностью соответствуют суммарному описанию характерных для этого периода сооружений. Это преимущественно грунтовые ямы со следами деревянных конструкций. Каменные ящики встречаются довольно редко и в основном представляют собой детские могилы. В тех случаях, когда можно оценить положение тела, оно размещено на спине. Кости мясной сопроводительной пищи располагаются возле ступней погребённого, а не на уровне груди или пояса, как ранее. Единственное, что ещё не соответствует суммарному описанию III этапа — это сохранившиеся северо-восточные ориентировки (переход к юго-

западным произойдёт несколько позже, на хронологическом горизонте III-б).

Такую же картину демонстрирует сопроводительный инвентарь. Массив керамики из погребений, датирующихся подэтапом III-а, заметно отличается от более ранних образцов (рис. 137, 138, 140). Заметна общая деградация форм сосудов и практически полное исчезновение орнаментов. Иногда встречаются несколько желобков по шейке, но преимущественно с разнообразными косыми насечками (рис. 140: 6, 9, 11, 16, 18, 19). В основном преобладают неорнаментированные, очень грубые в изготовлении сосуды. Только в двух случаях отмечены треугольные фестоны, однако, в отличие от более ранних, они узкие (рис. 140: 1, 7). В одном случае прослежен валик, а ещё в одном — наклонные ряды оттисков конца палочки на тулове (рис. 140: 7, 17). Оба эти элемента также характерны именно для этого относительно узкого хронологического горизонта. И хотя в этот период морфологические признаки посуды очень неустойчивы, её можно уверенно сопоставить с эталонным памятником Кутень-Булук [Кузьмин, 2018].

Аналогичная ситуация с бронзовым инвентарём. Из-за малой выборки могил лапчатые привески обнаружены в них не были, зато найдены «зеркала», перстни с биконическим щитком, височные кольца и прочие более мелкие и широко распространённые элементы одежды и украшений (рис. 141: 6, 8–10, 17, 18). Они показывают нам некоторую связь с предшествующим этапом. Вместе с тем ожидаемо в могилах вместо пуговиц с петелькой найдены только пуговицы с перемычкой на обратной стороне (рис. 141: 1–3). Появляются в могилах треугольные бляшки с пуансонным орнаментом, крупные бляшки с двумя выпуклостями для оформления устья ножен, а также «пряжки колесничего» (ПНН) (рис. 141: 7, 11–16, 19). Оба найденных в могилах ножа имеют коленчатую форму и относятся к совершенно иному типу, ранее в Минусинских котловинах не представленному (рис. 141: 4, 5).

Таким образом, погребения хронологического горизонта III-а, исследованные на территории Минусинского района, полностью вписываются в концепцию развития ППБ. Для них трудно вычлениить какие-то локальные особенности, в первую очередь ввиду незначительности выборки. Такая ситуация характерна в целом для этого подэтапа. На сегодняшний день могильник Кутень-Булук,

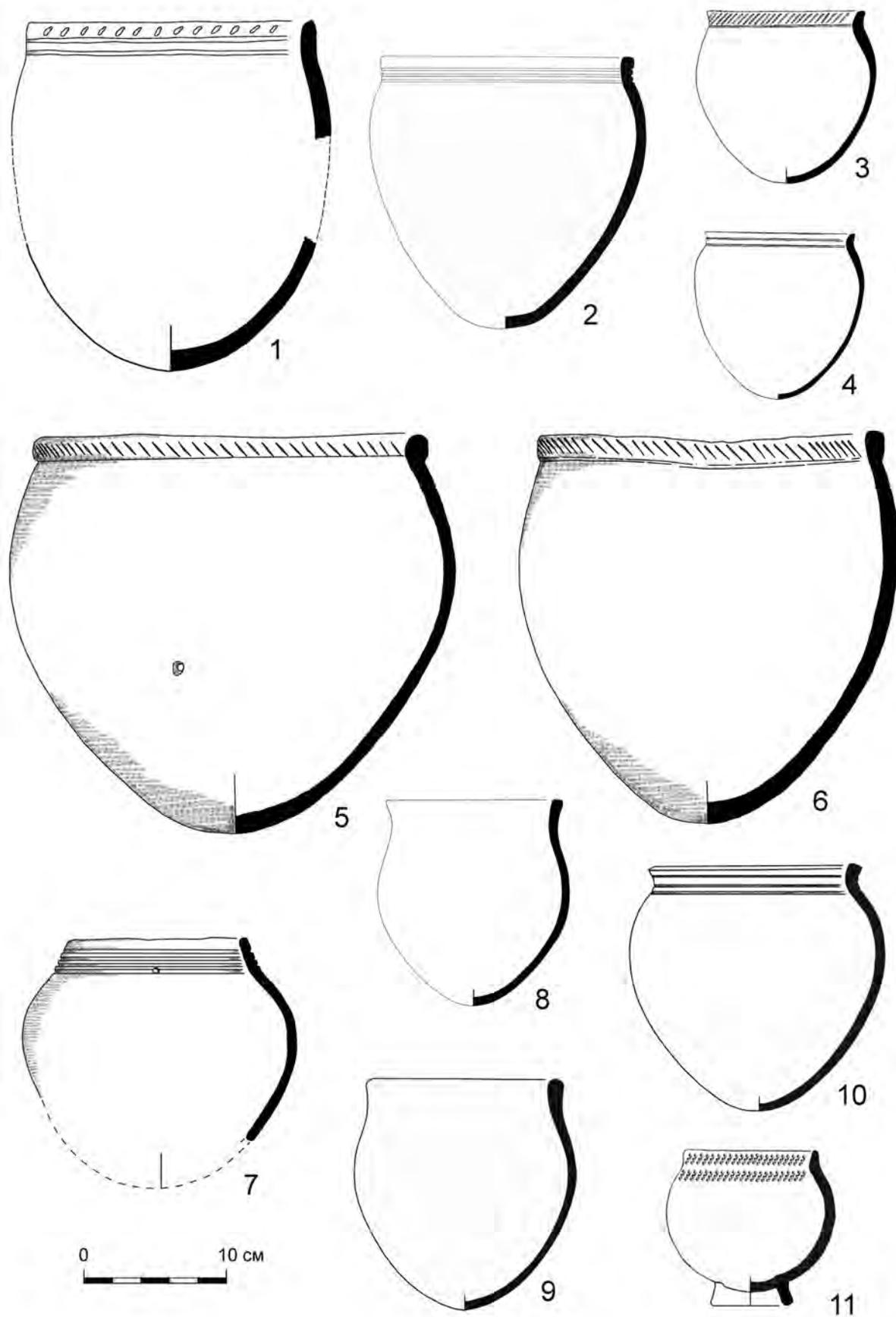

Рис. 142. Примеры керамических сосудов из погребений хронологического горизонта III-б (Кривая VI; Площадь Победы; Лугавское III; Подсуханица II)

насчитывающий 14 исследованных оград, является самой крупной серией могил данного хронологического горизонта, сконцентрированной в рамках одного памятника. Вероятно, это указывает на относительно непродолжительный период развития этого подэтапа, который является только преддверием более развитого, цельного и продолжительного хронологического горизонта III-б.

Следующий подэтап развития памятников (III-б) представлен на территории Минусинского района в составе четырёх памятников: Кривая VI (могильник и поселение), Лугавское III, Площадь Победы и Подсуханиха II. Количество курганов невелико, но они представляют довольно монолитную по своим признакам группу. Продолжает развиваться традиция их сооружения с использованием дерева и камня, причём используется преимущественно не плитняк, а обломочник, собранный с ближайших сопок. Обращает на себя внимание, что все погребения ориентированы головой в юго-западный сектор. Для Минусинского района это новшество, так как даже на предшествующем подэтапе III-а ориентировка была обратной. Такой решительный и кардинальный разворот указывает на важные процессы, произошедшие с началом этого хронологического горизонта. При этом остальные признаки погребального обряда — положение тела вытянуто на спине, размещение сопроводительного инвентаря и пищи — сохраняются в неизменном виде.

Значительные изменения происходят в керамической посуде, которая обнаруживается в погребениях (рис. 142). Окончательно исчезают все элементы или признаки, связывающие эту посуду с наследием I и II этапов: треугольные фестоны, круглая или уплощённая форма дна. Теперь форма сосудов в значительной степени унифицирована и тяготеет к яйцевидной, чего не прослеживалось со времён энеолита. Посуда изготовлена грубо, поверхность не залощена, а покрыта расчёсами. Именно эти «архаичные» признаки позволили в своё время некоторым исследователям связать её происхождение с афанасьевской культурой. Отмечены фактически только два элемента декора: желобки по шейке и наклонные оттиски гладкого штампа по венчику. Резко возрастает средний объём сосудов, появляются очень крупные формы, явно рассчитанные на приготовление или хранение пищи для целого коллектива. Уникальные сосуды редки и, вероятно, связаны с наиболее поздними

погребениями, уже тяготеющими к хронологическому горизонту III-в.

Бронзовый инвентарь в погребениях становится более многочисленным, среди него чаще встречаются массивные литые бронзовые предметы (рис. 143). Большинство традиционных элементов одежды и украшений продолжают своё существование: пронизки, височные кольца, пуговицы с перемычкой, треугольные бляшки с пуансонным орнаментом, «зеркала». Точно так же продолжают встречаться полноразмерные «пряжки колесничих» (ПНН). Однако вместе с тем в некоторых случаях наблюдаются процессы уменьшения размеров предметов: шестилепестковые бляшки (рис. 143: 1). В других случаях происходит деградация отдельных элементов, хотя они и сохраняют свою узнаваемость. Например, конусы на щитке перстней превращаются в едва заметные «зёрнышки», а сами перстни становятся значительно уже (рис. 143: 9). Одновременно появляются новые, ранее не встречавшиеся типы изделий. Например, большое значение имеют массивные литые браслеты, появляющиеся в могилах именно этого периода (рис. 143: 2, 3). Также следует отметить появление крупных пронизок с рифлёной поверхностью (рис. 143: 16, 17). Впервые в погребениях фиксируются, пока единичные, предметы вооружения (рис. 143: 13). Это первый признак приближения скифской эпохи, когда оружие будет присутствовать практически в каждом мужском погребении.

Так же немногочисленны погребения, датирующиеся хронологическим горизонтом III-в, который знаменует завершение III (лугавского) этапа. В Минусинском районе достоверно погребения этого подэтапа обнаружены только в могильниках Лугавское III и Подсуханиха II. Кроме того, можно предполагать, что погребения этого хронологического горизонта могли присутствовать среди погребений могильника Кривая VI. Однако в отсутствие выразительной керамики это скорее допущение.

На столь малочисленных материалах, которые происходят из Минусинского района, сложно проследить изменения погребального обряда и конструкций курганов. Поэтому приходится опираться преимущественно на анализ сопроводительного инвентаря (рис. 144). Хорошо заметны изменения форм посуды. Отходят в прошлое яйцевидные формы, характерные для подэтапа III-б. Возрастает число сосудов на поддоне. Появляется

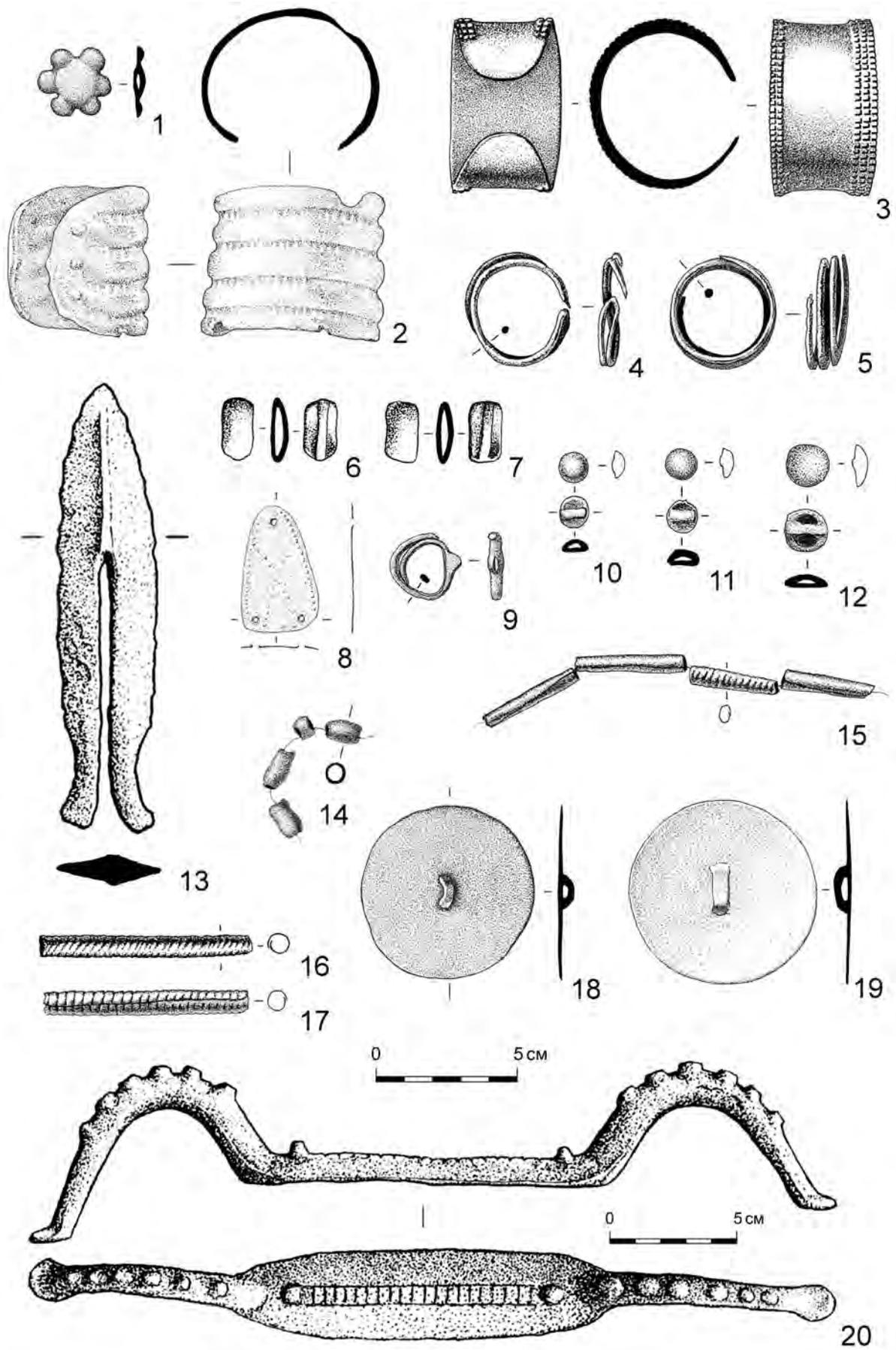

Рис. 143. Примеры медных (бронзовых?) артефактов из погребений хронологического горизонта III-6 (Кривая VI; Площадь Победы; Лугавское III; Подсуханица II)

Рис. 144. Примеры артефактов из погребений хронологического горизонта III-в (Кривая VI; Лугавское III; Подсуханиха II)

традиция устанавливать в могилу сосуды с отбитым верхом, которые рассматриваются как «миски» (рис. 144: 3, 6). На венчиках появляется орнамент в виде косой сетки (рис. 144: 2, 8). В целом керамика выглядит как развитие предшествующих форм.

Бронзовый инвентарь также не претерпевает радикальных изменений, которые можно рассматривать как некие внешние инвазии. Сохраняется традиция использования ножей с грибовидным навершием и уступом в месте перехода от лезвия к ручке (рис. 144: 19). Сохраняются такие базовые элементы украшений и одежды, как височные кольца, пуговицы с перемычками, рифлёные пронизки (рис. 144: 9–11, 17, 18, 14–16). Постепенно продолжают процессы миниатюризации и деградации некоторых типов изделий. К примеру, шестилепестковые бляшки становятся совсем миниатюрными, а количество лепестков может составлять четыре или восемь (рис. 144: 12). Совершенно неузнаваемо преобразуются «пряжки колесничего» (ПНН). Происходит их резкая миниатюризация, а в некоторых случаях они даже изготавливаются из проволоки (рис. 144: 20). Таким образом, из очень весомых предметов со следами активного использования они превращаются исключительно в символ. Интересным, редким предметом являются пронизки грушевидной формы, найденные в одном из погребений (рис. 144: 13).

Таким образом, на примере погребений III этапа ППБ можно проследить его постепенное развитие и определённые процессы трансформации некоторых типов вещей. К сожалению, погребения этого периода немногочисленны, но даже на их примере можно видеть, что идет преимущественно внутреннее развитие. Появление отдельных новых типов вещей не носит массового характера, и они не формируют целых комплексов, как, например, новый женский погребальный костюм, который появился на рубеже I и II этапов.

Следующий, IV хронологический этап ППБ пока остаётся наименее изученным как в силу малочисленности исследованных материалов, так и по причине совсем недавнего его осмысления как самостоятельного явления. Долгое время эти памятники входили в состав байновского этапа тагарской культуры (по схеме М. П. Грязнова) и практически не изучались в силу чрезвычайно смешанного характера памятников. Только предложенное в 2008 г. И. П. Лазаретовым разделение этого конгломерата

на две отдельные группы (финал эпохи палеометалла и начало скифской эпохи) позволило начать процесс его самостоятельного изучения. Большие надежды связаны с недавним исследованием в 2021–2022 гг. большого могильника в составе могильного поля Усть-Камышта-1. После камеральной обработки этих материалов будет получен новый опорный памятник, насчитывающий десятки курганов, который позволит сделать серьёзный новый шаг в изучении этого этапа.

Погребения этого времени, исследованные на территории Минусинского района, крайне малочисленны, что в целом не удивительно, учитывая очень узкий хронологический период их существования. Так, хронологический горизонт IV-а представлен только одной могилкой № 2 могильника Минусинск-карьер, о которой практически нет никакой информации. Нельзя исключать, что это было впускное погребение в более раннюю могилу. Такие случаи известны, например в могильнике Окунев Улус I (могила № 23) [Поляков, 2010. С. 40, ил. 3: 3]. В рассматриваемой могиле сохранились два сосуда. Один из них очень характерной узкогорлой формы с ярким орнаментом, не оставляющим сомнения в хронологической позиции погребения (рис. 145). Второй сосуд — плоскодонный с отбитым верхом («миска»), что тоже подтверждает верность отнесения именно к подэтапу IV-а. Всё, что можно на этой основе констатировать, это наличие погребений данного времени на территории Минусинского района.

Хронологический горизонт IV-б представлен чуть более широко. Это погребение Кривая I

Рис. 145. Керамический сосуд из погребения хронологического горизонта IV-а (Минусинск-карьер, могила 2)

и курган 1 могильника Лугавское III. В первом случае это коллективное погребение, во втором — одиночная могила. Погребённые ориентированы головой в юго-западный сектор. Другой информации о погребальном обряде нет. Вновь основной упор следует сделать на анализе сопроводительного инвентаря, обнаруженного в могилах.

Следует сразу же обратить внимание, что вновь серьёзно изменяется керамическая традиция. В могилах находятся крупные баночные сосуды «закрытой» формы (диаметр венчика меньше диаметра наиболее широкой части тулова) с плоским дном, которые невозможно связывать с керамикой ни II, ни III этапов (рис. 146: 1–4). Это совершенно иная

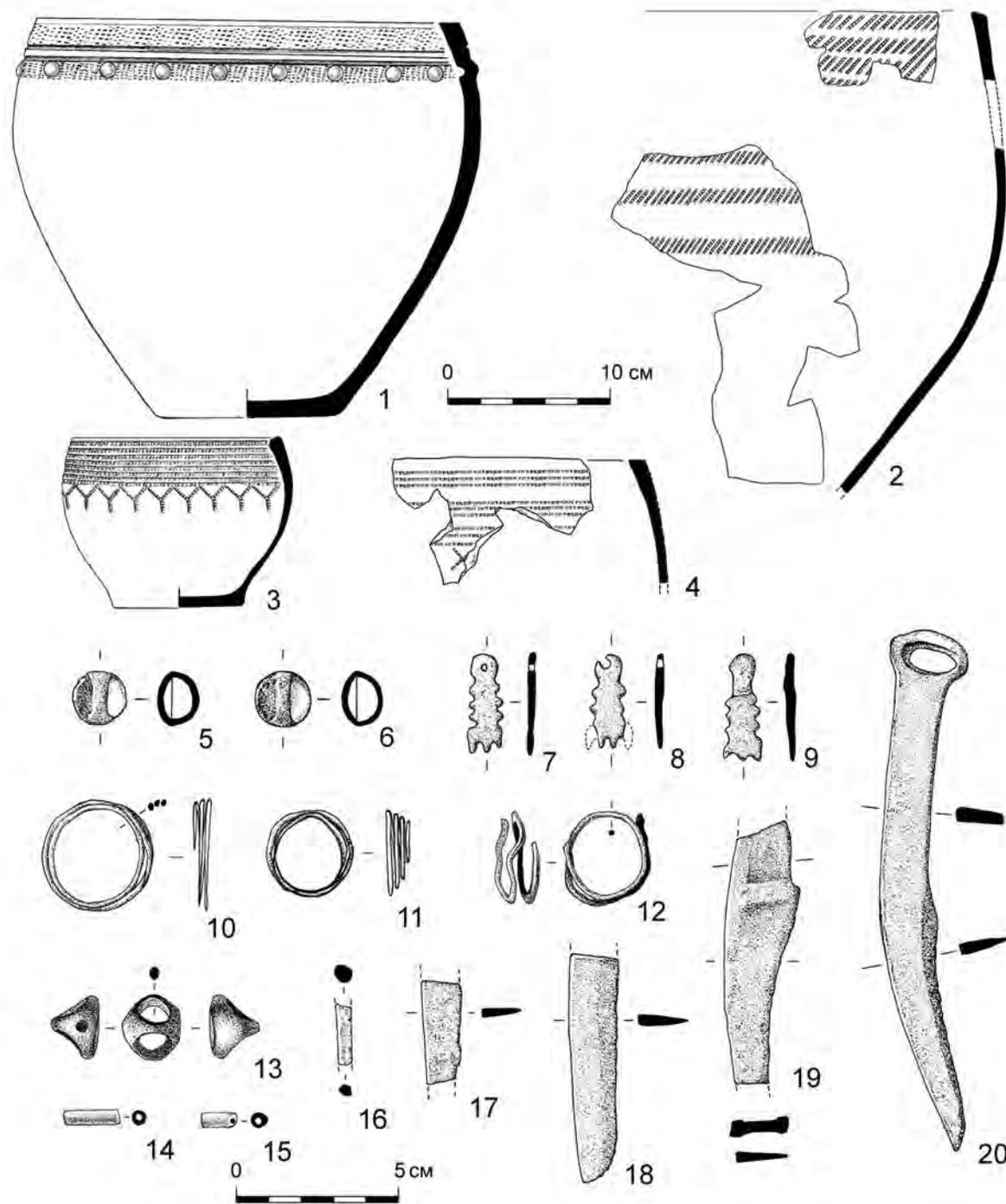

Рис. 146. Примеры артефактов из погребений хронологического горизонта IV-6 (Кривая I; Лугавское III, курган 1)

традиция, восходящая к андроновским корням. На это указывает, например, очень характерная выкружка у дна сосуда, указывающая на технологию его изготовления (рис. 146: 3). Аналогичные выкружки были чрезвычайно характерной чертой посуды андроновской (Фёдоровской) культуры по всему её ареалу. Во многом изменяются орнаментальные композиции, которые теперь наносятся преимущественно зубчатым штампом. В отдельных случаях встречаются «жемчужины», выдавленные палочкой изнутри сосуда.

Есть изменения и в сопроводительном инвентаре. По-прежнему часто в могилах находят височные кольца, пуговицы с перемычкой, обломки лезвий ножей (рис. 146: 5, 6, 10–12, 17–19). Происходит «ренессанс» лапчатых привесок, количество которых в погребениях заметно возрастает, что, вероятно, связано с затуханием традиции использования треугольных бляшек с пуансонным орнаментом (рис. 146: 7–9). Также в могилах вновь появляется бисер из камня или аргиллита (рис. 146: 14, 15). Одним из немногих новшеств в инвентаре становятся бронзовые перекрестники ремней (рис. 146: 13). Происходит принципиальная смена типов ножей. На смену коленчатым формам с грибовидной шляпкой вновь приходят дугообразные или изредка даже прямые изделия, изготовленные в виде пластины с новым перечнем наверхий [Поляков, 2022б]. Чаще всего это кольцо или полукольцо («арка на кронштейне»), но встречаются экземпляры и без наверхий (рис. 146: 20). Никаких типологических связей с ножами предшествующего

III этапа нет. Это совершенно новая линия развития, не имеющая истоков на территории Минусинских котловин.

Таким образом, материалы Минусинского района подтверждают предположение о том, что в предскифский период (IX в. до н. э.) на территорию Среднего Енисея приходит новая группа населения, несущая свои особые признаки — новые традиции изготовления керамики и бронзовых ножей. Наличие в могилах украшений и деталей одежды, характерных для предшествующих периодов, может указывать на процессы ассимиляции, при которых часть женщин вливалась в состав вновь прибывших коллективов, в некоторой степени сохраняя свои традиции.

Отдельно стоит отметить наличие в могиле Кривая I обломка ножа, явно датирующегося II этапом ППБ (рис. 146: 19). Двухавровая рукоятка и остатки шипа или уступа между рукояткой и лезвием не оставляют сомнений в его хронологии. Эту находку можно увязать со случаями подзахоронений погребённых IV этапа в более ранние могилы (ранее упоминался случай, отмеченный в могильнике Окунев Улус I, который не является единственным). При этом какие-то вещи могли извлекаться и переплавляться или повторно использоваться. Возможно, появление среди вещей значительной серии лапчатых привесок тоже является отражением этих действий. Это явление также можно рассматривать как косвенное свидетельство частичной смены населения, для которого курганы в минусинских степях не имели сакрального значения «могил предков».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А. В. ПОЛЯКОВ)

В представленной монографии собрана значительная часть источников (около 80 %), полученных в ходе раскопок памятников периода поздней бронзы (карасукское время) на территории Минусинского района Красноярского края. Это очень важная веха, так как до этого материалы могильников правого берега Енисея данного периода систематически не издавались. Среди немногочисленных работ можно выделить только публикации С. В. Киселёва, в которых он представляет материалы своих исследований могильников Кривинское, Тесь и Усть-Тесь [Киселёв, 1929; Киселёв 1937]. Всего им было изучено около 60 могил карасукского времени на правом берегу Енисея, и долгое время эта серия была одной из самых представительных. Именно с опорой на её признаки во многом формировалось представление об особенностях карасукской культуры [Киселёв, 1951. С. 106–183].

Однако с течением времени основной акцент работ сместился на левый берег. Огромную роль в этом сыграли как исследования Красноярской экспедиции в зоне затопления ГЭС (Сухое Озеро II, Кюргеннер I–II, Малые Копёны III, Карасук I и многие другие), так и более поздние работы Среднеенисейской экспедиции на юге Хакасии (Арбан I, Терг-Аба, Сабинка II и другие) [Зяблин, 1977; Грязнов и др., 2010; Максименков, Вадецкая, 2022; Савинов, Поляков, 2007; Павлов, 1999]. В результате памятники правобережья во многом утратили свой статус опорных в силу того, что методика их раскопок уже не соответствовала принятым стандартам, а количество изученных могил было невелико.

В то же время исследование могильников Минусинского района продолжалось. Во многом оно носило спасательный характер, впрочем, как и подавляющее большинство масштабных работ на территории Южной Сибири. К сожалению, отсутствие публикаций несколько отодвигало эти работы в тень. Специалистами по карасукской проблематике они обсуждались, но отсутствие изданий, на которые можно было бы сослаться, не позволяло вынести эти рассуждения в общественное поле. Уже в конце прошлого века появилось понимание некоторых особенностей. В частности, в дискуссиях присутствовало понимание того, что погребения

могильника Тагарский Остров IV выделяются из общего ряда по признаку насыщенности изделиями из бронзы.

Таким образом, необходимость издания и первичного анализа этих материалов являлась очевидной. Концепцию данной работы сформулировал Н. В. Леонтьев. Именно чёткая ограниченность определёнными региональными рамками (границами Минусинского района) представлялась ему важной. Во многом этот подход был созвучен идее С. А. Теплоухова об изучении ограниченного микрорайона и построении его хронологической колонки. Позднее эту концепцию проведения работ дважды реализовывали именно на правом берегу Енисея: сначала М. П. Грязнов под горой Тепсей, а затем коллектив немецких и хакасских исследователей (А. Наглер, Г. Парцингер, Н. В. Леонтьев, В. С. Зубков) под горой Суханиха. Однако их задачи были шире и ориентировались на построение колонной секвенции всех хронологических периодов начиная с энеолита и заканчивая средневековьем. Идея Н. В. Леонтьева была более компактной — проанализировать только один довольно узкий хронологический период, который он обозначал как карасукскую культуру.

Проведённый в данной монографии анализ материалов опирается на хронологическую концепцию, предложенную в 2006 г. А. В. Поляковым и И. П. Лазаретовым [Поляков, 2006а; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008]. За истёкшие 17 лет она так и не подверглась какой-то развёрнутой критике, кроме некоторых замечаний интерпретационного характера, высказанных Н. Ю. Кузьминым [Кузьмин, 2018. С. 106–110]. Это позволяет считать, её прошедшей первичную проверку и вполне убедительной для большинства археологов.

В результате установлено, что на территории Минусинского района пока не выявлены наиболее ранние материалы, относящиеся к хронологическому горизонту I-а, а следующий горизонт I-б представлен немногочисленными могилами, относящимися к его финалу. Таким образом, наблюдается определённая лакуна, которая в таком же виде фиксируется и для левобережных памятников. Подтверждается наблюдение о том, что в южных

районах Минусинских котловин (к югу от места слияния рек Абакан и Енисей) не представлены наиболее ранние памятники периода поздней бронзы. Вопрос о том, кто занимал эти территории на протяжении андроновской культуры и самой ранней части ППБ, сейчас является одним из самых актуальных в археологии Среднего Енисея [Поляков, 2020б; Поляков, 2021б].

Остальные хронологические горизонты вплоть до начала скифского времени в материалах уже исследованных памятников Минусинского района хоть и не равномерно, но представлены (рис. 129). Таким образом, формируется картина постепенного развития погребальной обрядности и типов сопроводительного инвентаря. Это позволяет констатировать, что, несмотря на некоторые локальные особенности, присущие в основном II этапу ППБ, хронологическая колонка памятников соответствует общей картине, которая наблюдается для

Минусинских котловин в целом. Это ещё раз подтверждает справедливость использованной в качестве основы концепции. Таким образом, теперь материалы правого берега Енисея также можно привлекать для использования в качестве опорных для позиционирования вновь изученных памятников ППБ.

Большинство представленных в монографии материалов получены в ходе работ одного из авторов — Н. В. Леонтьева, и хранились под его надзором в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Именно благодаря его неравнодушной позиции и подвижническому характеру многие из них были спасены от уничтожения, как, например, материалы могильника Тагарский Остров IV. Издание этой книги является данью памяти этому уникальному человеку, положившему всю свою жизнь на спасение и изучение историко-культурного наследия Южной Сибири.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Карта расположения публикуемых памятников карасукского времени.....	10
Рис. 2 План могильника Тагарский Остров IV.....	12
Рис. 3. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград 1–4.....	13
Рис. 4. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3, 10, 14) могил 1–4 и артефакты из них (2, 6–9, 12, 13, 15–21 – медь (бронза?); 4, 5, 11 – керамика).....	14
Рис. 5. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград 5 и 6.....	15
Рис. 6. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 5) могил 5, 6 и артефакты из них (8–12 – медь (бронза?); 2–4, 6, 7 – керамика).....	16
Рис. 7. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) могилы 7 и артефакты из неё (3–5 – медь (бронза?); 6, 7 – керамика).....	18
Рис. 8. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 5, 7, 14), разрезы (2, 6, 8) могил 8–11 и артефакты из них (3, 4, 9–12 – медь (бронза?); 13, 15 – керамика).....	19
Рис. 9. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрез (2) оград 12–14.....	20
Рис. 10. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) могилы 12 и артефакты из могил 12 и 14 (3–24, 31 – медь (бронза?); 2, 30 – керамика).....	21
Рис. 11. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 20), разрез (21) могил 15, 16 и артефакты из них (2–16, 19, 22–32 – медь (бронза?); 17, 18 – керамика).....	22
Рис. 12. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3, 6), разрез (4) могил 17–19 и артефакты из них (9–12 – медь (бронза?); 5, 7, 8 – керамика).....	24
Рис. 13. Тагарский Остров IV. Чертёж (1) и разрез (2) оград 20–22.....	25
Рис. 14. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 6, 10) могил 20–22 и артефакты из них (2, 3, 7, 8 – медь (бронза?); 4, 5, 9, 11 – керамика).....	26
Рис. 15. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 23 и артефакты из могилы (3–10 – медь (бронза?); 11 – керамика).....	27
Рис. 16. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 24, 25, чертёж могилы 25 (21) и артефакты из могил 24, 25 (3–22 – медь (бронза?); 22, 23 – керамика).....	28
Рис. 17. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 26, 27, чертёж могилы 26 (3) и артефакты из неё (4–6 – медь (бронза?); 7 – керамика).....	29
Рис. 18. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 28, 29, чертежи могил 28, 29 (3, 8) и артефакты из них (4, 9–11 – медь (бронза?); 5–7, 12–14 – керамика).....	30
Рис. 19. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 30 и чертёж могилы 30 (3).....	31
Рис. 20. Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3), разрез (2) могилы 31 и артефакты из неё (4–11 – медь (бронза?); 12–14 – керамика).....	32
Рис. 21. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 32 и артефакты из могилы (5 – медь (бронза?); 3, 4 – керамика).....	33
Рис. 22. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 33, 34, чертёж могил 33, 34 (3, 7) и артефакты из них (4–6, 8–14 – медь (бронза?); 15, 16 – керамика).....	34
Рис. 23. Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 35, 36, чертежи могил 35, 36 (3, 16) и артефакты из них (5–15 – медь (бронза?); 4, 17 – керамика).....	36

- Рис. 24.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 37, 38, чертёж могил 37, 38 (3, 5) и артефакты из них (4, 7–13 — медь (бронза?); 6 — керамика).....**37**
- Рис. 25.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 39, 40, чертёж могил 39, 40 (3, 13) и артефакты из них (4–6, 8–12, 14 — медь (бронза?); 15 — керамика; 7 — дерево, медь (бронза?)).....**38**
- Рис. 26.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 41, чертёж могилы 41 (3) и артефакты из неё (4, 5 — медь (бронза?)).....**39**
- Рис. 27.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 42, чертёж могилы 42 (3) и артефакты из неё (4–6 — медь (бронза?)).....**40**
- Рис. 28.** Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 4), разрезы (2, 5) могил 43, 44 и артефакты из них (3, 6 — медь (бронза?); 7 — керамика).....**41**
- Рис. 29.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 45, чертёж могилы 45 (3) и артефакты из неё (4–6 — медь (бронза?); 7 — керамика).....**42**
- Рис. 30.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 46, чертёж могилы 46 (3) и артефакты из неё (4–6 — медь (бронза?); 8 — керамика; 7 — дерево, медь (бронза?)).....**43**
- Рис. 31.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 47, 48, чертёж могил 47, 48 (3, 5) и артефакты из них (4, 6–11 — медь (бронза?); 12, 13 — керамика).....**45**
- Рис. 32.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 49, 50, чертёж могил 49, 50 (3, 5) и артефакты из них (7, 8 — медь (бронза?); 4, 6 — керамика).....**46**
- Рис. 33.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 51 и артефакты из могилы (4, 5 — медь (бронза?); 3 — керамика).....**47**
- Рис. 34.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 52–54, чертёж могил 52, 54 (3, 8) и артефакты из могил 52–54 (4, 5 — медь (бронза?); 6–8, 10 — керамика).....**47**
- Рис. 35.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) могилы 55 и артефакты из неё (3–10 — медь (бронза?); 11–13 — керамика).....**49**
- Рис. 36.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 56–58, чертёж могил 56–58 (3, 18, 21) и артефакты из них (4–17, 19, 24–30 — медь (бронза?); 20, 22, 23 — керамика).....**50**
- Рис. 37.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 59–60.....**51**
- Рис. 38.** Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 16) могил 59, 60 и артефакты из них (2–13, 17, 18 — медь (бронза?); 14, 15, 19, 20 — керамика).....**52**
- Рис. 39.** Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 2, 11) могил 61, 62, разрез (12) могилы 62 и артефакты из них (5–10, 14–33 — медь (бронза?); 3, 4, 13 — керамика).....**53**
- Рис. 40.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) оград 63, 64, чертёж могилы 63 (3) и артефакты из могил 63, 64 (4–9, 11 — медь (бронза?); 10 — керамика).....**54**
- Рис. 41.** Тагарский Остров IV. Чертёж (1), разрез (2) ограды 65, чертежи могил 66, 67 (3, 5) и артефакты из них (4, 6 — керамика).....**55**
- Рис. 42.** Тагарский Остров IV. Чертежи (1, 3), разрезы (2, 4) оград 68, 69 и артефакты из могилы 70 (6 — медь (бронза?); 5 — керамика).....**56**
- Рис. 43.** Кривая I. Артефакты из погребения (1–12 — медь (бронза?); 13–15 — керамика).....**61**
- Рис. 44.** Кривая II. Чертёж (1) и разрез (2) оград 1, 2.....**62**
- Рис. 45.** Кривая II. Чертёж могилы 2 (4) и артефакты из могил этого памятника (5–8 — медь (бронза?); 1–3, 9–13 — керамика).....**64**

Рис. 46. Минусинск-карьер. Артефакты из ограды 1 (1–3) и могил 1, 2 (3 — медь (бронза?); 1, 2, 4, 5 — керамика).....	65
Рис. 47. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 3 (3–20 — медь (бронза?); 1, 2 — керамика)..	67
Рис. 48. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 5–8 (2, 3 — медь (бронза?); 1, 4–11 — керамика).....	68
Рис. 49. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 10 (2–25 — медь (бронза?); 1 — керамика)..	69
Рис. 50. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 11 (медь (бронза?)).....	70
Рис. 51. Минусинск-карьер. Артефакты из могилы 12 и собранные в отвалах карьера (5–9, 14–19 — медь (бронза?); 1, 2, 10–13 — керамика).....	71
Рис. 52. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 13, 14 (5, 6, 9 — медь (бронза?); 1–4, 7, 8 — керамика).....	72
Рис. 53. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 15, 16 (3, 6–19 — медь (бронза?); 1, 2, 4, 5 — керамика; 20 — ткань, конский волос ?).....	73
Рис. 54. Минусинск-карьер. Артефакты из могил 17, 18 (1–4 — медь (бронза?); 5 — керамика)..	74
Рис. 55. Минусинск II. Чертёж (1), разрез (2) оград 1, 2, чертежи могил 1, 2 (3, 6) и артефакты из них (4, 7–11 — медь (бронза?); 5, 12, 13 — керамика).....	76
Рис. 56. Минусинск II. Чертёж (1), разрез (2) могилы 3, артефакты из неё, а также материалы сборов из разрушенных могил (12–15 — медь (бронза?); 3–11, 16 — керамика).....	77
Рис. 57. Кривая VI. Чертёж (5) и разрез (6) оград 4, 5 и артефакты из оград 1 и 3 (керамика)..	79
Рис. 58. Кривая VI. Чертёж могилы 1 из ограды 4 (1) и артефакты из неё (медь (бронза?))..	80
Рис. 59. Кривая VI. Чертёж могилы из ограды 5 (1) и артефакты из неё (3–7 — медь (бронза?); 2 — керамика).....	81
Рис. 60. Кривая VI. Чертёж (7) и разрез (8) ограды 7, чертёж могилы 1 из ограды 6 (1) и артефакты из них (2 — медь (бронза?); 3–6, 9 — керамика).....	82
Рис. 61. Кривая VI. Чертёж (1) и разрез (2) ограды 10 и керамический сосуд из неё (3).....	84
Рис. 62. Кривая VI. Артефакты из могил 13–15, а также керамический сосуд из сборов (3, 5–14 — медь (бронза?); 1, 2, 4, 15–21 — керамика).....	85
Рис. 63. Кривая VI, поселение. Керамические сосуды и их фрагменты.....	86
Рис. 64. Кривая VI, поселение. Альчики барана со следами подшлифовки и отверстиями..	87
Рис. 65. Кривая VI, поселение. Металлические изделия (медь (бронза?)).....	88
Рис. 66. Кривая VI, поселение. Фрагменты курантов зернотёрок.....	89
Рис. 67. Кривая VI, поселение. Изделия из камня.....	90
Рис. 68. Лугавское III. Схема расположения и план могильника.....	91
Рис. 69. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 1, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4, 5, 8 — медь (бронза?); 9, 10 — керамика; 6, 7 — аргиллит).....	92
Рис. 70. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 3, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4–6 — медь (бронза?); 7, 8 — керамика).....	93
Рис. 71. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 4, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (5–10, 12 — медь (бронза?); 4 — керамика; 11 — аргиллит).....	94
Рис. 72. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 6, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4 — медь (бронза?); 5, 6 — керамика).....	95
Рис. 73. Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 7.....	96

- Рис. 74.** Лугавское III. Чертежи могил 1 (1) и 2 (18) кургана 7 и артефакты из них (3–17 — медь (бронза?); 2, 19, 20 — керамика).....**97**
- Рис. 75.** Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 8.....**99**
- Рис. 76.** Лугавское III. Чертёж могилы 1 (1) кургана 8 и артефакты из неё (2–17 — медь (бронза?); 18, 19, 20 — керамика).....**100**
- Рис. 77.** Лугавское III. Чертёж могилы 2 (1, 2) кургана 8 и керамический сосуд из неё.....**101**
- Рис. 78.** Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 9, чертёж могилы 1 (4) и керамический сосуд, найденный на площади ограды (3).....**102**
- Рис. 79.** Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 10, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4–7 — медь (бронза?); 8 — керамика).....**103**
- Рис. 80.** Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 11, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (6–15 — медь (бронза?); 4, 5 — керамика).....**104**
- Рис. 81.** Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 12, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (4–6 — медь (бронза?); 7–10 — керамика).....**105**
- Рис. 82.** Лугавское III. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 13.....**107**
- Рис. 83.** Лугавское III. Чертёж могилы 1 (1) кургана 13 и артефакты из неё (2–10 — медь (бронза?); 11–12 — керамика).....**108**
- Рис. 84.** Площадь Победы. Артефакты из сборов (3 — медь (бронза?); 1, 2 — керамика)....**109**
- Рис. 85.** Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) оград 1, 2, чертёж могилы 1 (3) и артефакты из неё (5–14 — медь (бронза?); 4 — керамика).....**110**
- Рис. 86.** Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) оград 3, 4, чертежи могил 3, 4 (3, 4).....**112**
- Рис. 87.** Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) оград 5, 6.....**113**
- Рис. 88.** Потрошилово I. Чертёж (1) и разрез (2) ограды 7, чертёж могилы 7 (3) и артефакты из неё (медь (бронза?)).....**114**
- Рис. 89.** Потрошилово I. Чертежи (1, 3) и разрезы (2, 4) оград 8, 9.....**115**
- Рис. 90.** Потрошилово I. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград 10, 11, 11а, 12.....**116**
- Рис. 91.** Потрошилово I. Чертежи (1, 3, 4) оград 13, 14, 15, 15а, разрезы (2, 5) оград 13, 15 и керамический сосуд из погребения в ограде 15а (6).....**117**
- Рис. 92.** Потрошилово I. Чертёж (2) и разрез (3) оград 19, 20, чертежи могил 16, 19, 20 (1, 4, 9), разрез могилы 20 (10), артефакты из них и керамический сосуд из разрушенной могилы (5–7 — медь (бронза?); 8, 11 — керамика).....**118**
- Рис. 93.** Потрошилово II. Чертёж (1) и разрез (2) оград 3 и 3а.....**121**
- Рис. 94.** Потрошилово II. Чертежи могил 3 (1) и 3а (3), а также артефакты из них (6, 7 — медь (бронза?); 2, 4 — керамика).....**123**
- Рис. 95.** Подсуханиха I. Раскоп 1. Общий план.....**124**
- Рис. 96.** Подсуханиха I. Раскоп 1. Чертежи (1, 3) объектов 7, 8 и их разрезы (2, 4–6).....**126**
- Рис. 97.** Подсуханиха I. Раскоп 1. Чертежи могил из объекта 8 (1, 7, 20–22, 28) и артефакты из них (6, 23–27 — медь (бронза?); 2–5, 8–19 — аргиллит, камень, раковина).....**128**
- Рис. 98.** Подсуханиха I. Раскоп 1. Чертежи (1, 9) и разрезы (2, 10) объектов I, II, чертёж могилы из объекта I и лапчатые привески из неё (медь (бронза?)).....**130**
- Рис. 99.** Подсуханиха I. Раскоп 1. Чертежи (1, 7) и разрезы (2, 8, 9) объектов III, IV, чертежи могил из них (3, 10, 11) и артефакты из могилы объекта III (4–6 — медь (бронза?)).....**131**

Рис. 100. Подсуханиха I. Раскоп 2. Общий план.....	133
Рис. 101. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертёж (1) и разрезы (2–5) объекта VI.....	134
Рис. 102. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертежи могил (1, 28) из объектов VI, VI-1 и артефакты из них (7–26, 52–56 — медь (бронза?); 29 — керамика; 2–6, 30–37 — аргиллит; 27, 38–51 — кость, зуб).....	135
Рис. 103. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертёж (16) и разрезы (17) объекта VII, чертежи могил (1, 7, 8, 18) из объектов VI-1, VII и артефакты из них (19–21 — медь (бронза?); 15 — керамика; 2–6, 9–14 — аргиллит).....	138
Рис. 104. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) объекта VIII.....	139
Рис. 105. Подсуханиха I. Раскоп 2. Чертежи могил (1, 3, 4, 6) из объектов VIII, VIII-1 и артефакты из них (2, 8–16 — медь (бронза?); 5, 7 — керамика).....	141
Рис. 106. Подсуханиха II. Объект 4. План юго-западной части раскопа (1) и её разрез (2)....	142
Рис. 107. Подсуханиха II. Объект 4. Чертежи могил 1, 2, 4 (1, 7, 9), разрезы могилы 1 (2) и артефакты из них (3–6, 8 — медь (бронза?)).....	143
Рис. 108. Подсуханиха II. Объект 4. Чертежи могил 5, 7, 14 (1, 8, 14), разрез могилы 7 (9) и артефакты из них (2–4, 10, 11, 15–21 — медь (бронза?); 5–7, 12, 13, 22, 23 — керамика.....	144
Рис. 109. Подсуханиха II. Объект 4. Чертёж перекрытия (1), дна (3) могилы 15 и её разрез (2).....	145
Рис. 110. Подсуханиха II. Объект 4. Артефакты из могилы 15 (1–6, 9–18, 22–30, 33–35 — медь (бронза?); 7, 8, 19, 20, 31, 32 — керамика; 21, 21а — кость).....	149
Рис. 111. Подсуханиха II. Объект 4. План северо-восточной части раскопа (1), чертёж могилы 23 (2) и керамические сосуды из неё (3, 4).....	150
Рис. 112. Подсуханиха II. Объект 4. Чертежи могил 16, 17, 20 (1, 3, 8), разрезы могил 17, 20 (4, 9) и артефакты из них (5, 10–19 — медь (бронза?); 2, 6, 7, 20 — керамика).....	152
Рис. 113. Подсуханиха II. Чертёж (1) и разрез (2) кургана 10, чертежи (7, 8) могилы 3 и артефакты из могил (3–5 — медь (бронза?); 6 — керамика).....	155
Рис. 114. Подсуханиха II. Чертежи могил 1, 2 из кургана 10.....	156
Рис. 115. Подсуханиха II. Курган 11. Чертёж ограды (1), разрез (2), чертёж могилы (3) и артефакты из неё (4–9 — медь (бронза?); 10–13 — керамика).....	157
Рис. 116. Подсуханиха II. Курган 11А. Чертёж ограды (1), разрез (2), чертежи могилы 1 (6, 7), чертёж могилы 2(3) и артефакты из неё (5 — медь (бронза?); 4 — керамика).....	160
Рис. 117. Подсуханиха II. Курган 11А. Артефакты из могилы 1 (5, 7–12 — медь (бронза?); 1–4 — керамика; 6 — аргиллит).....	161
Рис. 118. Подсуханиха II. Курган 11Б. Чертёж ограды (1), разрез (2), чертёж могилы (3) и артефакты из неё (4–6 — медь (бронза?); 7 — керамика).....	162
Рис. 119. Подсуханиха II. Курган 11В. Чертёж ограды (1), разрез (2), чертёж могилы (3) и артефакты из неё (6, 7 — медь (бронза?); 4, 5 — керамика).....	164
Рис. 120. Тесь-IX. План части могильного поля с указанием исследованных курганов.....	166
Рис. 121. Тесь-IX. Курган 10. Чертёж (1) и разрез (2) ограды, чертёж могилы (3).....	167
Рис. 122. Тесь-IX. Курган 17. Чертёж (1) и разрез (2) ограды.....	168
Рис. 123. Тесь-IX. Курган 17. Чертёж могилы (1) и артефакты из неё (2 — медь (бронза?); 3 — керамика).....	169
Рис. 124. Тесь-IX. Курган 19. Чертёж (1) и разрезы (2, 3) оград.....	170

Рис. 125. Тесь-IX. Курган 19. Чертежи могил 1, 2, 3 (1, 8, 23) и артефакты из них (3–7, 9–21 — медь (бронза?); 2, 22 — керамика).....	171
Рис. 126. Тесь-IX. Курган 40. Чертёж (1) и разрез (2) ограды.....	172
Рис. 127. Тесь-IX. Курган 40. Чертёж могилы (1) и артефакты из неё (2 — медь (бронза?); 3 — керамика; 4, 5 — камень).....	174
Рис. 128. Схема относительной хронологии культур эпохи палеометалла на разных этапах её развития.....	177
Рис. 129. Схема хронологического соотношения рассматриваемых в монографии памятников периода поздней бронзы.....	182
Рис. 130. Калиброванная радиоуглеродная дата, полученная по материалам из могилы 16 могильника Минусинск-карьер.....	188
Рис. 131. Сопоставление радиоуглеродных дат по материалам из могил 1 и 7 могильника Потрошилово I.....	193
Рис. 132. Сопоставление пяти радиоуглеродных дат по материалам из погребений могильника Подсуханиха I.....	196
Рис. 133. Сопоставление радиоуглеродных дат могильника Подсуханиха II.....	200
Рис. 134. Сопоставление суммарных вероятностей радиоуглеродных дат ранней (I–II этапы) и поздней (III–IV этапы) групп могильников Подсуханиха I,II.....	202
Рис. 135. Сопоставление радиоуглеродных дат по различным материалам из погребения кургана 40 могильника Потрошилово I.....	203
Рис. 136. Примеры артефактов из погребений хронологического горизонта I-б (Подсуханиха I раскоп 2).....	207
Рис. 137. Примеры сосудов III типа из погребений II этапа ППБ (Тагарский Остров IV).....	210
Рис. 138. Примеры сосудов II типа из погребений II этапа ППБ (Тагарский Остров IV).....	211
Рис. 139. Примеры медных (бронзовых?) артефактов из погребений II этапа (Тагарский Остров IV; Подсуханиха I).....	213
Рис. 140. Примеры керамических сосудов из погребений хронологического горизонта III-а (Минусинск-карьер; Подсуханиха II).....	215
Рис. 141. Примеры медных (бронзовых?) артефактов из погребений хронологического горизонта III-а (Минусинск-карьер; Подсуханиха II).....	216
Рис. 142. Примеры керамических сосудов из погребений хронологического горизонта III-б (Кривая VI; Площадь Победы; Лугавское III; Подсуханиха II).....	218
Рис. 143. Примеры медных (бронзовых?) артефактов из погребений хронологического горизонта III-б (Кривая VI; Площадь Победы; Лугавское III; Подсуханиха II).....	220
Рис. 144. Примеры артефактов из погребений хронологического горизонта III-в (Кривая VI; Лугавское III; Подсуханиха II).....	221
Рис. 145. Керамический сосуд из погребения хронологического горизонта IV-а (Минусинск-карьер, могила 2).....	222
Рис. 146. Примеры артефактов из погребений хронологического горизонта IV-б (Кривая I; Лугавское III, курган 1).....	223

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. В сокращении (по металлическим изделиям). – Ташкент: ФАН, 1991. – 200 с.

Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. – Минусинск, 1902–1924. – 76 с.

Александров С. В., Боковенко Н. А., Городилов А. Ю., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 году // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. – 2015. – № 5 (охранная археология). – С. 123–162.

Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й. ван дер, Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.

Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. – С. 72–83.

Бехтер А. В., Хаврин С. В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во БГУ, 2002. – С. 10–12.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – 380 с.

Ван Пэн. Ещё раз об использовании Инь-Чжоуских изделий в форме лука // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 4: Востоковедение. – С. 24–36.

Варёнов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. – Новосибирск: Наука СО, 1984. – С. 42–51.

Варёнов А. В. К датировке северокитайских памятников цинлунского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. – 2005а. – Вып. 1. – С. 162–166.

Варёнов А. В. К датировке северокитайских памятников шилоуского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. – 2005б. – Вып. 1. – С. 79–90.

Готлиб А. И., Подольский М. Л. Све — горные сооружения Минусинской котловины. – СПб.: Элексис Принт, 2008. – 222 с.

Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 27–42.

Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. – 1965. – Вып. 100. – С. 62–71.

Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 200 с.

Заднепровский Ю. А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. – 1992. – № 3. – С. 115–127.

Заднепровский Ю. А. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Сынцзяна // Проблемы культурурогенеза и культурное наследие. – Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб., 1993. – С. 99–103.

Зубков В. С., Наглер А., Кайзер Э. Каменноложская группа курганов могильника Подсуханиха II // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002. – С. 148–152.

Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копёны 3. – М.: Наука, 1977. – 144 с.

Киселёв С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году // Ежегодник гос. музея им. Мартьянова. – Минусинск, 1929. – Т. 6, вып. 2. – С. 47–81.

Киселёв С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1930 и 1932 гг. // СА. – 1937. – № 3. – С. 137–166.

Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 653 с.

Киселёв С. В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. – 1960. – № 4. – С. 244–266.

Ковалёва О. В., Амзараков П. Б., Поляков А. В. Исследования памятников карасукского времени под горой Георгиевской в 2006 г. (могильник Тесь-IX) // Записки ИИМК РАН. – 2022. – № 27. – С. 205–218.

Козинцев А. Г. Из степи — в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 122–126.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Кузьмин Н. Ю. Исследования памятников эпохи поздней бронзы на юге Хакасии. – СПб.: Компьютербург, 2018. – 116 с.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? – М.: Восточная литература, 1994. – 462 с.

Кучера С. Р. Новое достижение археологов и антропологов КНР: краниологическая серия Гумугоу // Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1988. – Ч. II. – С. 3–14.

Кызласов Л. Р. Карасукский могильник Хара-Хая // СА. – 1971. – № 3. – С. 170–188.

Лазаретов И. П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 34 с.

Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. – 2007. – Вып. 14. – С. 93–105.

Лазаретов И. П. Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // Археологические вести. – 2008. – Вып. 15. – С. 37–54.

Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – 168 с.

Лазаретов И. П., Поляков А. В., Лурье В. М., Амзараков П. Б. Финал эпохи палеометалла в Хакасско-Минусинской котловине // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 1. – С. 108–118.

Лазаретова Н. И., Лурье В. М. Предварительные данные по антропологии андроновской культуры могильника Усть-Камышта-1 (юг Минусинских котловин) // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – С. 121–123.

Леонтьев Н. В. Раскопки у г. Минусинска // АО 1971. – М., 1972.

Леонтьев Н. В. Работы Минусинского музея // АО 1972. – М., 1973. – С. 224–225.

Леонтьев Н. В., Наглер А. О. Археологические работы в устье реки Тубы // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. – Новосибирск, 2000. – С. 67–68.

Липский А. Н. Карасукские погребения (1200–700 гг. до н.э.) в г. Абакане // Краеведческий сборник № 1. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1956. – С. 93–157.

Лурье В. М. Предварительные итоги исследования кургана андроновской культуры на юге Минусинских котловин // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Т. 11 / ред.: Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв. – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 179–182.

Лурье В. М., Лазаретов И. П. Древние поселения Хакасии. Бырганов IV // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 188–198.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 191 с.

Максименков Г. А., Вадецкая Э. Б. Могильник Сухое Озеро II как отражение эволюции раннего этапа карасукской культуры / отв. ред. А. В. Поляков. – СПб.; Вологда: Древности Севера, 2022. – 383 с.

Молодин В. И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 1998. – Т. IV. – С. 286–289.

Молодин В. И., Алкин С. В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: сборник тезисов конференции, посвящённой 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1997. – С. 35–38.

Новгородова Э. А. Локальные варианты карасукской керамики // МИА. – 1965. – № 130. – С. 181–186.

Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.

Павлов П. Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 47–56.

Павлов П. Г. Карасукский могильник Терт-Аба. – СПб.: АзиатИКА, 1999. – 174 с.

Паульс Е. Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000. – С. 104–118.

Поляков А. В. Соотношение половозрастных определений и бронзового инвентаря (по материалам погребений карасукской культуры) // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2000. – С. 25–27.

Поляков А. В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 209–213.

Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006а. – 26 с.

Поляков А. В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. – 2006б. – № 13. – С. 82–101.

Поляков А. В. Хронология и локализация некоторых типов украшений (по материалам погребений карасукской культуры) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008а. – С. 79–82.

Поляков А. В. Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: Институт археологии РАН, 2008б. – Т. I. – С. 440–442.

Поляков А. В. Положение тела погребённого в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. – Абакан, 2009а. – С. 40–43.

Поляков А. В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // *Stratum plus*. – 2009б. – № 2. – С. 451–482.

Поляков А. В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // *Записки ИИМК РАН*. – 2009в. – № 4. – С. 90–109.

Поляков А. В. Карасукские могильники Окунев Улус I–II (раскопки С. А. Теплоухова 1926–1928) // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Я. В. Доманского посвящается*. – СПб., 2010. – Вып. 38. – С. 30–49.

Поляков А. В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // *Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова*. – Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. – С. 401–416.

Поляков А. В. Бронзовые изделия с орнаментом в виде объёмных полусферических выступов в памятниках эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири*. – Хух-Хото, 2015а. – Т. I. – С. 251–257.

Поляков А. В. Появление элементов кочевнических традиций в эпоху поздней бронзы (на примере материалов карасукской культуры Среднего Енисея) // *Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: тезисы докладов / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев*. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2015б. – С. 341–342.

Поляков А. В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее // *Записки ИИМК РАН*. – 2019. – № 20. – С. 163–173.

Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – СПб., 2020а. – 54 с.

Поляков А. В. Проблема финала окуневской культуры // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов*. – Самара: СГСПУ, 2020б. – Т. 1. – С. 323–324.

Поляков А. В. Миграционная концепция сложения карасукских памятников на Енисее // *Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящённой 30-летию независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.): в 3 т.* – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2021а. – Т. 3. – С. 176–185.

Поляков А. В. К вопросу о выделении разлиевского этапа окуневской культуры // *Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / отв. ред. А. А. Тишкин*. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2021б. – С. 170–175.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. – СПб.: ИИМК РАН, 2022а. – 364 с.

Поляков А. В. К вопросу о классификации и хронологии бронзовых ножей периода поздней бронзы Минусинских котловин // *Археологические вести*. – 2022б. – № 34. – С. 147–162.

Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // *Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии)*. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – С. 188–202.

Поляков А. В., Марсадолов Л. С., Лурье В. М. Поселение Каменный Лог I на Среднем Енисее (по материалам раскопок М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой). – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 188 с.

Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // *Теория и практика археологических исследований*. – 2009. – Вып. 5. – С. 20–56.

- Савинов Д. Г.** ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 57–66.
- Савинов Д. Г.** Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 112 с.
- Савинов Д. Г., Поляков А. В.** Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические вести. – 2007. – № 14. – С. 62–92.
- Святко С. В.** Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 143–156.
- Сергеева Н. Ф.** Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981.
- Тарасов А. Ю.** Работы отряда Красноярского центра по охране памятников // АО 1998. – М.: Наука, 2000. – С. 333–335.
- Тарасов А. Ю.** Работы археологического отряда Красноярского центра по охране памятников // АО 1999. – М.: Наука, 2001. – С. 286–287.
- Теплоухов С. А.** Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. – 1927. – Т. III, вып. 2. – С. 57–112.
- Теплоухов С. А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.
- Хаврин С. В.** Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья: к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. – СПб., 1992. – С. 45–46.
- Хлобыстина М. Д.** Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. – Л.: Наука, 1962. – 32 с.
- Хлобыстина М. Д.** Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1963. – 19 с.
- Хлобыстина М. Д.** К семантике карасукских лапчатых подвесок // СА. – 1967. – № 1. – С. 246–250.
- Хлобыстина М. Д.** Каменный могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников // СА. – 1970. – №1. – С. 121–129.
- Чжун Сук-Бэ.** О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Геос, 2000. – С. 110–137.
- Членова Н. Л.** Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. – 1963. – № 3. – С. 48–66.
- Членова Н. Л.** Карасукская культура в Южной Сибири // Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ, 1964. – Т. I: Древняя Сибирь. – С. 263–279.
- Членова Н. Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
- Чуев Н. И., Китов Е. П.** Археолого-антропологическое изучение древнего населения Синьцзяна эпохи бронзы по материалам могильников в районе озера Лобнор // Вестник антропологии. – М., 2007. – Вып. 15, ч. II. – С. 284–291.
- Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Киселёва Д. В., Хоммель П., Кузнецова О. В., Петрова Н. Ю., Шагалов Е. С.** Шерстяные ткани эпохи бронзы Южной Сибири: результаты технологического, изотопного и радиоуглеродного анализов // Записки ИИМК РАН. – 2020. – № 23. – С. 70–81.
- Görsdorf J.** Datierungsergebnisse des Berlinen 14C-Labors 2001 // Eurasia Antiqua. – 2002. – Bd. 8. – S. 553–560.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. Radiocarbon dates of the north asian steppe zone and its consequences for the chronology // *Radiocarbon*. – 2001. – Vol. 43 (no. 2B). – P. 1115–1120.

Kotozekov K. Ein bronzezeitlicher Grabkomplex aus dem Gräberfeld Podkuninskie Gory // *Eurasia Antiqua*. – 2000. – Bd. 6. – S. 281–295.

Lazaretov I. P. Spätbronzezeitliche Denkmäler in Südchakassien // *Eurasia Antiqua*. – 2000. – Bd. 6. – S. 249–280.

Leont'ev N., Parzinger H., Nagler A. Die russisch-deutschen Ausgrabungen beim Berg Suchanicha am mittleren Enisej // *Eurasia Antiqua*. – 1996. – Bd. 2. – S. 175–204.

Li C., Li H., Cui Y., Xie C., Cai D., Li W., Mair V., Xu Z., Zhang Q., Abuduresule I., Jin L., Zhu H., Zhou H. Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age // *BMC Biology*. – 2010. – Vol. 8 (15). – P. 1–12.

Li C., Ning C., Hagelberg E., Li H., Zhao Y., Li W., Abuduresule I., Zhu H., Zhou H. Analysis of ancient human mitochondrial DNA from the Xiaohu cemetery: insights into prehistoric population movements in the Tarim Basin, China // *BMC Genetics*. – 2015. – Vol. 16 (78). – P. 1–11.

Merhard G. von. Bronzezeit am Jenissei: Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: Anton Scroll & Co., 1926. – 191 S.

Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N., Zubkov V. Das mehrperiodige Gräberfeld von Suchanicha bei Minusinsk. Zur Stellung der Tagar-Kultur im Rahmen der bronze- und eisenzeitlichen Kulturfolge im Minusinsker Becken // *Eurasia Antiqua*. – 2009. – Bd. 15. – S. 67–208.

Poliakov A. V., Lazaretov I. P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. – 2020. – Vol. 29. – №. 102125.

Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. – 2009. – Vol. 51 (1). – P. 243–273.

Svyatko S. V., Schulting R., Mallory J. P., Murphy E. M., Reimer P. J., Khartanovich V. I., Chistov Y. K., Sablin M. V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // *Journal of Archaeological Sciences*. – 2013. – No. 40. – P. 3936–3945.

Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. – 2017. – Vol. 9. – P. 1379–1388.

СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН), ф. 35, оп. 1, 1986, д. 161. Боковенко Н. А. Об археологических работах в Минусинском и Ермаковском районах Красноярского края в 1986 г.

Архив ИА РАН, Р-1, д. 14076. Подольский М. Л. Отчёт о работе Ширинского отряда в 1989 г.

Научное издание

Николай Владимирович Леонтьев

Андрей Владимирович Поляков

**ПАМЯТНИКИ КАРАСУКСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ТЕРРИТОРИИ МИНУСИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

(по материалам раскопок 1965–2006 годов
из фондов Минусинского регионального краеведческого
музея им. Н. М. Мартыанова)

Монография

Редактор: д.и.н. Д. Г. Савинов

Компьютерная вёрстка, дизайн: А. Р. Ртищева, О. В. Войда

Корректор: А. М. Никитина

Подписано в печать 01.11.2023. Формат 60×90/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30.
Тираж 250 экз. Заказ 1209.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»

195030, СПб, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ, пом. БМ10702

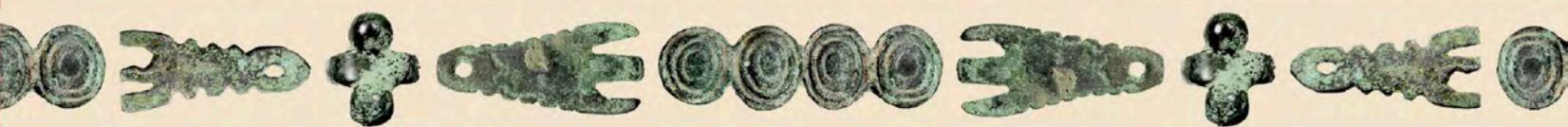
Тел. +7(812) 380-79-50

E-mail: spbcolor@mail.ru

Николай Владимирович Леонтьев (03.12.1938 – 13.12.2021) – археолог, член-корреспондент Германского археологического института (1996), выпускник историко-филологического факультета Томского государственного университета (1973). Автор более 40 научных работ.

С 1960 г. по 1963 г. работал лаборантом в Ленинградском отделении института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова. Участвовал в археологических экспедициях на Нижней Тунгуске и в долине Среднего Енисея. С 1963 г. сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Основным направлением его исследований было изучение первобытного искусства. Им открыты остатки древнего крепостного сооружения на горе Шишка в окрестностях с. Быстрая Минусинского района (1984). Первым провёл исследование, посвящённое древнейшему колёсному транспорту региона. Изучал буддийскую символику на предметах средневековой торевтики. С 2000 г. занимался поиском и изучением древних поселений в бассейне рек Казыра и Кизира (предгорье Восточных Саян).

За 50 с лишним лет работы в Минусинском музее Н. В. Леонтьев совершил многочисленные археологические экспедиции, создал различные выставки и экспозиции. Он стоял у истоков организации общества «Мемориал» в г. Минусинске, возглавлял инициативную группу по созданию памятного знака жертвам политических репрессий 1930–1950-х гг. и являлся одним из авторов его эскиза. Был награждён медалями «За доблестный труд» (1970), «Ветеран труда» (1988), знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1985), знаком «Почётный работник культуры Красноярского края» (1996).

